COLUMBIA UNIVERSITY
THE
LIBRARIES
IN THE CITY OF NEW YORK

Digitized by Google
Распознавание текста
АВК/FR

ТОЛКОВАНІЕ

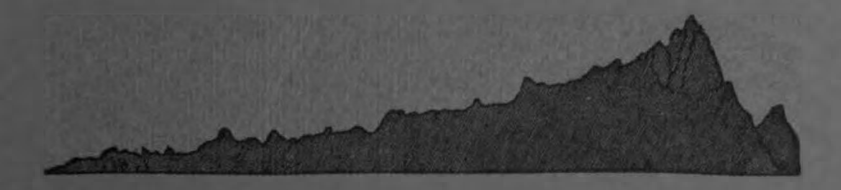
ПОСЛАНІЯ СВ. АПОСТОЛА ПАВЛА

КЪ ГАЛАТАМЪ.

Епископа Өеофана.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

Аөонскаго Русскаго Пантелеимонова монастыря.



МОСКВА.
Типо-Литографія И. Ефимова. Большая Якиманка, д. Смирновой.
1893.

Tolkovanie

ТОЛКОВАНІЕ

Poslaniia sv. Apostola Pavla

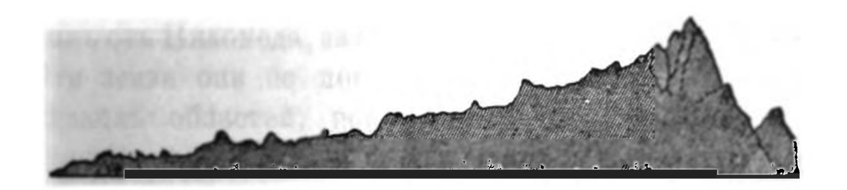
ПОСЛАНІЯ СВ. АПОСТОЛА ПАВЛА

k Galatam

КЪ ГАЛАТАМЪ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

Аѳонскаго Русскаго Пантелеимонова монастыря.



МОСКВА.
Типо-Литографія И. Ефимова. Большая Якиманка, д. Смирновой.
1893.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Московская Духовная Академія. 17 Декабря, 1892 года.

Цензоръ Священникъ *Іоаннъ Петропавловскій.*

Reprinted by
JUH

ВВЕДЕНІЕ.

1.

Свѣдѣнія о странѣ Галатійской и жителяхъ.

Галатія, къ церквамъ которой св. Павелъ писалъ посланіе, есть малоазійская область, окруженная Пафлагоніей. Понтомъ, Каппадокіей, Фригіей и Виѳиніей. Населена она была Греками; но въ третьемъ вѣкѣ до Р. Х., къ нимъ поселились и съ ними смѣшались Галлы, а потомъ и Евреи не въ маломъ количествѣ.

О Галлахъ разсказываютъ, что они поднялись съ береговъ Рейна, подъ предводительствомъ Бріенна. Ихъ было три племени—Трокмы, Толистобои и Тектосаги,—все Кельты. Сначала они нападали на разныя мѣстности Македоніи и Греціи, а потомъ во Фракіи дали себѣ нѣкоторую осѣдлость, основавъ нѣчто похожее на воеводство подъ именемъ Тиле. Между тѣмъ они не переставали удовлетворять своимъ воинственнымъ наклонностямъ,—и это подало поводъ Никомеду, царю виѳинскому, пригласить ихъ къ себѣ на помощь въ борьбѣ его съ братомъ своимъ Кивеломъ. Съ этой цѣлію они перешли въ Малую Азію въ 280 г. до Р. Х. подъ предводительствомъ Леонора и Лотара; но тамъ и остались, получивъ отъ Никомеда, за содѣйствіе ему, земли въ Виѳиніи. Эти земли они не переставали расширять насчетъ сосѣднихъ областей, пока не сдѣлалъ имъ отпора Пергамскій царь Атталъ, одержавъ надъ ними побѣду, которая произвела на нихъ такое впечатлѣніе, что они сочли лучшимъ перемѣнить самое мѣсто своего поселенія, и перешли на рѣку Галисъ, протекающую посреди Галатіи съ юго-запада на сѣверо-востокъ. Это было въ

240 г. до Р. Х. Тутъ они осѣлись окончательно и не перемѣняли уже болѣе своего мѣстожительства. Скоро послѣ этого, въ 189 г. до Р. Х., консулъ Манлій подчинилъ ихъ Римлянамъ, оставивъ однакоже имъ собственное управленіе подъ своими владыками, кои потомъ получили титло царей. Съ этихъ поръ они обратились къ мирнымъ занятіямъ и искусствамъ и стали воздѣлывать свою плодородную и цвѣтущую страну. Естественнымъ слѣдствіемъ этого было то, что они посредствомъ гражданскихъ и житейскихъ сношеній смѣшались съ мѣстными Греками, усвоивъ ихъ нравы и языкъ, хотя, по замѣчанію блаж. Іеронима, въ его даже время нѣкоторые тамъ говорили такимъ языкомъ, которымъ говорили Тревиры (въ нач. 2 кн. толков.). Отъ этого всѣ жители той области получили названіе Галлогрековъ, а самая область—Галлогреціи. Но потомъ эти названія замѣнились другими и ихъ стали звать Галатами, а страну ихъ Галатіею,—можетъ быть отъ племеннаго имени ихъ—Кельты, изъ котораго чрезъ *Кальты* и *Калаты* могло образоваться и названіе—Галаты съ Галатіею. Павзаній (у пр. Филарета Черниговскаго въ предисловіи къ толкованію посл. къ Галатамъ) пишетъ: „недавно стали называть ихъ Галатами; издревле же они себя и другіе ихъ называли Кельтами“ (lib. 1, p. 6). Блаженный Іеронимъ, въ началѣ второй книги своего толкованія посланія къ Галатамъ, приводитъ мнѣніе Лактанція, что какъ Галловъ ради бѣлизны ихъ тѣла называли Галатами, т.-е. молочными, отъ греч. γαλα молоко,—то и страна та, гдѣ Галлы смѣшались съ Греками, по сему поводу, получила названіе Галатіи.

Богатая Галатійская страна начала привлекать Евреевъ,—можетъ быть, скоро послѣ того, какъ, со времени Александра Македонскаго, они то вынуждаемы были выселяться въ разныя области, то увлекались къ тому соб-

ственными промышленными желаніями и предпріятіями. Особенно же число ихъ должно было умножиться въ сей странѣ послѣ того, какъ Августъ заявилъ свое покровительство переселяющимся туда іудеямъ, и велѣлъ указъ о томъ прибить въ Анкирскомъ храмѣ, какъ писалъ Іосифъ Флавій.

2.

Основаніе церквей въ Галатіи.

Посланіе свое пишетъ св. Павелъ къ церквамъ Галатійскимъ, не означая, къ какимъ. Нельзя объ этомъ никакого сдѣлать наведенія и изъ книги Дѣяній Апостольскихъ. Но основываясь на обычаѣ св. Павла Апостола проповѣдывать преимущественно въ мѣстахъ людныхъ и вліятельныхъ, можно съ вѣроятностію полагать, что то были церкви, основанныя въ Анкирѣ, Пессинѣ, Тавіи и Гордіи—значительнѣйшихъ тамошнихъ городахъ.

Что всѣ тамошнія церкви основаны были самимъ Ап. Павломъ, объ этомъ прямо и съ особою силою говорится въ самомъ посланіи, 1, 6—9; 4, 13 и д. Когда же это могло быть совершено, съ опредѣленною точностію даетъ навести исторія проповѣдническихъ путешествій Апостола, помѣщенная въ Дѣяніяхъ. Здѣсь мы узнаемъ, что въ первое свое Апостольское путешествіе св. Павелъ съ Варнавою доходилъ только до Антіохіи Писидійской, и выше къ сѣверу, гдѣ чрезъ Фригію лежала Галатія, не простирался, а основавъ Церкви, кромѣ этого города, еще въ Иконіи, Листрѣ и Дервіи съ ихъ окрестностями и посѣтивъ вторично основанныя Церкви, возвратился въ Антіохію (Дѣян. гдл. 13. 14).

Выше поднялся св. Павелъ уже во второе свое путешествіе, которое предпринялъ онъ съ Силою, Лукою и Тимоѳеемъ, послѣ Апостольскаго собора, бывшаго вслѣдъ за окончаніемъ перваго его путешествія (Дѣян. гл. 15).—

Въ это время св. Павелъ съ своими спутниками сначала посѣтилъ прежнія церкви Ликаонскія и Писидійскія, утверждая ихъ въ правой вѣрѣ и передавая имъ *хранити уставы, сужденныя отъ Апостолъ и старецъ* (Дѣян. 16, 4).

А потомъ они пошли дальше къ сѣверу и прошли Фригію и Галатійскую страну (Дѣян. 16, 6),—прошли конечно съ проповѣдію Евангелія, хотя объ этомъ не поминается, но что само собою разумѣется. И это-то посѣщеніе св. Апостоломъ Павломъ Галатіи надо полагать началомъ обращенія Галатянъ къ вѣрѣ Христовой и основанія тамъ церквей. Что точно въ эту пору въ Галатійской странѣ положены основанія церквей, обязываетъ принять книга Дѣяній, которая говоритъ, что когда св. Павелъ, побывши въ это время въ Галатійской странѣ, пришелъ потомъ по небесному указанію въ Македонію и Грецію, и основавъ тамъ церкви въ Филиппахъ, Солуни, Беріи, Аѳинахъ и Коринѳѣ и затѣмъ побывши въ Іерусалимѣ и Антіохіи (Дѣян. 16,—18), предпринялъ третье свое Апостольское путешествіе,—то, проходя страну Галатійскую, уже утверждалъ *своя ученики* (Дѣян. 18, 23). Утверждаютъ же въ вѣрѣ уже обращенныхъ къ вѣрѣ и наученныхъ ей. А это Апостолъ могъ совершить только въ предыдущее свое второе путешествіе.

Объ обстоятельствахъ обращенія Галатовъ ничего не говоритъ книга Дѣяній; но въ посланіи св. Павелъ даетъ разумѣть, что въ эту первую свою у нихъ проповѣдь онъ былъ немощенъ плотію, и даже, можетъ быть, этою немощію былъ удержанъ у нихъ долѣе нежели предполагалъ. Это однако же послужило во благо имъ; ибо дало Апостолу возможность преднаписать имъ Христа Господа такъ живо, что они созерцали Его будто предъ собою распятымъ. Отъ того они увѣровали съ необычайною ревностію и самого Апостола приняли какъ Ангела Божія, какъ самого Христа, и такъ полюбили,

что готовы были очи свои извертѣть и отдать ему (Гал. 3, 1; 4, 13 и д.). И Апостолъ справедливо изумлялся, какъ послѣ такой живости чувства они скоро оказались невѣрными призвавшему ихъ благодатію Христовою.

3.

Поводъ къ написанію посланія.

Поводомъ къ написанію посланія къ Галатамъ послужило совращеніе или только начавшееся склоненіе тамошнихъ христіанъ къ іудейству, по дѣйствію какихъ-то пришедшихъ къ нимъ вѣроятно изъ Палестины лжеучителей, не Іудеевъ невѣрующихъ, но принявшихъ вѣру во Христа, только убѣжденныхъ притомъ, что для спасенія необходимо обрѣзаніе и другіе чины древней іудейской Церкви.

Къ этому времени вопросъ о значеніи для христіанъ ветхозавѣтныхъ церковныхъ чиновъ опредѣленно выяснился въ увѣровавшихъ изъ начала. Извѣстно, что сначала и вопроса не было о томъ, какъ христіанамъ держать себя въ отношеніи къ ветхозавѣтнымъ чинамъ. Онъ родился, когда стали обращаться язычники, и именно Корнилій сотникъ. Но тутъ же дано было свыше и рѣшеніе ему. Ревнители закона встревожились по этому случаю; но когда св. Петръ объяснилъ, какъ все было, тогда они умолкли. Нечего было сказать противъ. Хотя главнымъ образомъ въ этомъ обстоятельствѣ торжественно открылась воля Божія на принятіе язычниковъ въ лоно Церкви; но тутъ же видно было, что условіемъ для этого не поставлено обрѣзаніе и подчиненіе другимъ церковнымъ порядкамъ іудейской Церкви. Язычники получили входъ въ Церковь одною вѣрою и св. крещеніемъ, и стали причастниками всѣхъ благодатныхъ Христовыхъ обѣтованій. Естественно послѣ этого и въ увѣровавшихъ изъ іудеевъ родиться вопросу: язычники спо-

добились благодать принять и пребываютъ въ ней безъ обрѣзанія и всего прочаго, чего мы держимся; что же для насъ это обрѣзаніе и все съ нимъ соединенное?— Благоразумные, подъ руководствомъ св. Апостоловъ, не могли не согласиться, что все это нисколько не нужно для спасенія, и убѣдившись въ этомъ, хотя и держались нѣкоторыхъ древнихъ своихъ чиновъ кромѣ обрѣзанія, которое замѣнилось св. крещеніемъ, но не какъ условія спасенія, а по привычкѣ и потому что еще не успѣли завесть новыхъ порядковъ. Но неразумные ревнители закона не могли отрѣшиться отъ него и держались того убѣжденія, что онъ необходимъ для спасенія, что одна вѣра во Христа не спасетъ, если притомъ не принимать обрѣзанія и прочаго. Вѣроятно, что эти ревнители не удовлетворились объясненіемъ, какое сдѣлалъ св. Петръ въ собраніи, и начали отособляться отъ другихъ въ Іерусалимѣ и Іудеѣ, хотя безъ видимаго и гласнаго раздѣленія.

Между тѣмъ сначала въ Антіохіи, а потомъ и въ другихъ мѣстахъ, дѣятельностію св. Павла и Варнавы, образовались сильныя Церкви изъ язычниковъ, въ которыхъ и слѣда не было видно ничего такого, что бы отзывалось іудействомъ. Св. Апостолы Павелъ и Варнава, не менѣе св. Петра, видѣли знаменій благодатныхъ, указывавшихъ на совершенную ненужность Ветхаго Закона для новоблагодатной жизни,—и убѣдившись въ томъ такими указаніями свыше, сами передавали свое убѣжденіе не только язычникамъ, но и Іудеямъ, обращавшимся въ христіанство. Жившимъ внѣ Палестины Іудеямъ тѣмъ легче было соглашаться на это, что они и безъ того не многое изъ закона своего могли исполнять среди язычниковъ (обрѣзаніе только надо,—праздники и другое что), и уже привыкли къ религіозному общенію съ послѣдними, когда они принимали только вѣру въ Бога Израилева и нравственный Его законъ.

Отсюда само собою образовалось много между христіанами такихъ, которые не въ сердцѣ только держали убѣжденіе въ ненужности для спасенія Ветхаго Закона, но и самымъ дѣломъ одни и не начинали исполнять его, а другіе отставали отъ него, или давали себѣ свободу, когда исполнять, и когда не исполнять, считая то дѣломъ безразличнымъ.

Всѣ однакоже жили въ мирѣ между собою, пока не стали нарушать его строгіе ревнители закона. Они не хотѣли ограничиться самими собою, но возревновали сообщать свои убѣжденія другимъ и переувѣрять тѣхъ, среди которыхъ водворились уже и дѣйствовали иныя убѣжденія. Отсюда столкновеніе, споры и противодѣйствіе. Въ первый разъ это обнаружилось въ Антіохіи. Послѣ того, какъ свв. Павелъ и Варнава возвратились въ Антіохію съ своего проповѣдническаго путешествія по Малой Азіи и много обрадовали тамошнихъ христіанъ повѣствованіемъ о благодати Божіей изліянной на язычниковъ, пришли нѣкоторые изъ Іудеи и стали учить антіохійскихъ христіанъ, что если они не обрѣжутся по обычаю Моисееву, то не могутъ спастись (Дѣян. 15, 11). Святымъ Павлу и Варнавѣ легко было отразить ихъ, послѣ того, что дано имъ свыше испытать среди язычниковъ; однако же вѣрно оказались поколебавшіеся и требовавшіе сильнѣйшихъ удостовѣреній. Почему положено было послать этихъ Апостоловъ съ другими братіями во Іерусалимъ къ старѣйшимъ Апостоламъ за окончательнымъ рѣшеніемъ.

Тутъ уже и изъ прежнихъ событій вѣдомо было, какъ слѣдуетъ быть рѣшену такому вопросу. Однако же собрали соборъ для разсужденія. Повѣствованіе свв. Павла и Варнавы о томъ, что Богъ творилъ съ ними среди язычниковъ, подновило и подкрѣпило то убѣжденіе, которое уже образовалось послѣ того, что явлено было св. Петру при обращеніи Корнилія. Возстали было нѣ-

которые увѣровавшіе изъ фарисейской секты, *глаголюще, яко подобаетъ обрѣзати ихъ* (язычниковъ увѣровавшихъ), *завѣщати же блюсти законъ Моисеевъ* (Дѣян. 15, 5). Но внимательные къ указаніямъ свыше превозмогли и постановили не возлагать на выи учениковъ ига закона и не *стужать обращающимся отъ языкъ къ Богу* (15, 10. 19). Это отрадное постановленіе всюду было встрѣчено съ великою радостію. Св. Павелъ разнесъ его по всѣмъ церквамъ, уже имъ основаннымъ, и конечно не скрывалъ его и отъ вновь учреждаемыхъ имъ христіанскихъ обществъ.

Надо полагать, что съ этого времени ревнители закона отдѣлились въ особую секту въ Іерусалимѣ и Іудеѣ и положили рѣшительнѣе противодѣйствовать здравому ученію вѣры распространеніемъ своихъ личныхъ убѣжденій. Предшествовавшее неудачное покушеніе въ Антіохіи не остановило, а болѣе раздражило ихъ. Они устремились далѣе. Какъ свободу отъ закона, какъ бы по долгу, свыше возложенному, проповѣдывалъ преимущественно св. Павелъ, то не дивно, что они намѣренно направлялись по слѣдамъ его. Первый однакожъ извѣстный успѣхъ они имѣли въ церквахъ Галатійскихъ.

Они-то и возмутили свѣтлое въ началѣ состояніе сихъ церквей. Хотя они и не поименованы у св. Павла, но ихъ не трудно узнать по тѣмъ внушеніямъ, какими успѣли они смутить Галатовъ. Они натолковали имъ то же, что толковали пришедшіе изъ Іудеи въ Антіохію и что говорили увѣровавшіе фарисеи на соборѣ,—что если не обрѣжутся и не будутъ соблюдать Моисеева закона, то не получатъ спасенія. Что это было такъ, видно изъ содержанія посланія. Изъ сего же содержанія видно, что для того, чтобъ дать удобнѣйшій ходъ своему лжеученію, они налагали тѣнь на Апостольское достоинство св. Павла, говоря, что онъ не настоящій Апостолъ, что настоящіе Апостолы, столпы церкви, Петръ,

Іаковъ, Іоаннъ, въ Іерусалимѣ. Тѣ видѣли самого Господа, а онъ не видалъ и посланъ уже ими. Не дивно, что они прибавляли, что самъ Павелъ то держится, то не держится закона, то возстаетъ противъ обрѣзанія, то самъ обрѣзываетъ (какъ напр. Тимоѳея).

Но лучше мы послушаемъ какъ св. Златоустъ представляетъ ихъ хитрословіе. „Нѣкоторые изъ увѣровавшихъ іудеевъ, пишетъ онъ, но державшіеся іудейства, и вмѣстѣ надменные честолюбіемъ, желая присвоить себѣ достоинство учителей, пришли къ Галатамъ, и учили, что должно обрѣзываться, хранить субботы и новомѣсячія, и не принимать Павла, все сіе отвергающаго; чего напротивъ не запрещаютъ, говорили они, Петръ, Іаковъ и Іоаннъ первоверховные Апостолы и со Христомъ бывшіе, чего и въ самомъ дѣлѣ они не возбраняли. Впрочемъ они поступали такъ не потому, чтобъ хотѣли защищать обычаи іудейскіе, но только по снисхожденію къ слабости увѣровавшихъ изъ іудеевъ. А Павелъ, какъ учитель языковъ, не находилъ нужды въ такомъ снисхожденіи. Впрочемъ, когда былъ въ Іудеѣ, тамъ и онъ также дѣлалъ снисхожденіе. Но лжеучители, не открывая причинъ, по которымъ онъ и другіе Апостолы дѣлали сіе снисхожденіе, обольщали слабыхъ, говоря, что не должны слушать Павла: ибо онъ только вчера, или еще нынѣ явился; Петръ же и сущіе съ нимъ суть первѣйшіе Апостолы, Притомъ онъ — Апостольскій ученикъ, а тѣ Христовы; онъ одинъ, а тѣхъ много, и еще столпы Церкви. Они обвиняли Павла и въ лицемѣріи, говоря, что и его самого, который отвергаетъ обрѣзаніе, видѣли иногда исполняющимъ іудейскіе обряды, и что иначе онъ проповѣдуетъ вамъ, иначе другимъ.“

Такими рѣчами лжеучители успѣли на полѣ, воздѣланномъ трудами св. Павла и обѣщавшемъ обильную жатву, всѣять плевелы. Имъ вняли и стали склоняться на ихъ

убѣжденія. Какъ далеко зашли въ уклоненіи, съ точностію опредѣлить трудно; но видно,—такъ, что этого нельзя было оставить безъ вниманія. По тону рѣчи и образу изложенія предмета можно заключить, что св. Павелъ опасался совершеннаго отпаденія, но вмѣстѣ былъ увѣренъ, что его слово найдетъ среди ихъ должный пріемъ и есть надежда возвратить ихъ къ здравовѣрію. Авторитетъ Апостола былъ пошатнутъ довольно; но ученіе о спасеніи, можетъ быть, только еще занимало какъ вопросъ, смущало и тревожило. Въ словахъ: *паки болѣзную, дондеже вообразится въ васъ Христосъ* (— 4, 19), сказывается, что ликъ Спасителя помутился въ ихъ сознаніи; но уклонившіеся еще не допустили себя обрѣзать, а только приняли нѣкоторыя изъ правилъ іудейской религіозной жизни, — положено только начало іудейству (— 4, 10). Слова: *малъ квасъ все смѣшеніе кваситъ* (—5, 9) даютъ понять, что еще только кое-что принято изъ внушеній развратителей. Какъ много было уклонившихся, не видно. Никакъ нельзя думать, чтобы всѣ во всѣхъ Церквахъ уклонились; но св. Павелъ и защитительную и обличительную рѣчь свою ведетъ ко всѣмъ, не оттѣняя сохранившихъ здравовѣріе, или по большинству вдавшихся въ заблужденіе, или по вѣсу и вліянію ихъ среди другихъ, или потому, что и не всѣ клали пятно на всѣхъ, а обращая къ нимъ однимъ рѣчь, онъ остерегалъ и утверждалъ и прочихъ. Поелику привзошла болѣзнь, то онъ на все тѣло ихъ смотрѣлъ, какъ на больное.

О случившемся тамъ Апостолъ узналъ скоро, и спѣшитъ захватить болѣзнь на первыхъ порахъ, въ надеждѣ на скорое уврачеваніе. Онъ видитъ ихъ только что вступившими на ложный путь, и надѣется на нихъ, что послушаютъ его зова и возвратятся на путь правый. Посланіе даетъ ту мысль, что Апостолъ ведетъ рѣчь съ уклонившимися въ первый разъ. И напрасно нѣкоторые предпола-

гаютъ, что Апостолъ замѣтилъ уже начатки поврежденія въ послѣднее свое посѣщеніе этихъ Церквей, на пути въ Ефесъ. Слова: *якоже предрекохъ* (—1, 9) и *свидѣтельствую паки* (—5, 3), на которыхъ хотятъ основать это предположеніе, не необходимо ведутъ къ нему. Апостолъ могъ говорить о томъ, о чемъ теперь пишетъ, и въ первый свой къ нимъ приходъ, особенно потому, что онъ былъ вскорѣ за іерусалимскимъ соборомъ. Могъ говорить тоже и во второе посѣщеніе въ предостереженіе, а не ради того что замѣтилъ онъ. Противъ этого прямо стоитъ и то, что Апостолъ, будучи у нихъ, видѣлъ ихъ ревнителями въ добромъ смыслѣ. Почему и укоряетъ ихъ: *добро же еже ревновати всегда въ добромъ, и не точію внегда приходити ми къ вамъ* (— 4, 18). Къ тому же еслибъ такъ было, нечего Апостолу столько изумляться ихъ измѣненію. Измѣненіе ихъ точно изумительно послѣ такого жара вѣры. Его можно объяснить только впечатлительностію Галатянъ, при сильно возбужденномъ желаніи спасенія. Отсюда могъ исходить и первый ихъ жаръ; отсюда же и скорое ихъ измѣненіе, когда лжебратія тѣ съумѣли представить имъ опасность предложеннаго имъ св. Павломъ пути спасительнаго.

Св. Павелъ, узнавъ обо всемъ этомъ скоро, сильно былъ пораженъ тѣмъ, и подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ изложилъ Галатамъ все дѣло спасенія, какъ есть, въ противность ложнымъ внушеніямъ, какія они слышали. Онъ писалъ своею рукою, чтобъ не встрѣчать замедленія и перерывовъ со стороны переписчика, — и все посланіе точно есть воодушевленная, непрерывно текущая рѣчь, въ которой доводы убѣдительные для разума перемѣшиваются всюду съ внушеніями, могущими затрогивать чувствительныя струны сердца. Св. Златоустъ пишетъ: „Увидѣвъ, что весь народъ воспламенился, и возженъ великій пожаръ въ Галатійской церкви, и что самое

зданіе ея колеблется и угрожаетъ паденіемъ,—Апостолъ, и справедливымъ гнѣвомъ и скорбію объятый,—ибо онъ и сіе объявилъ, говоря: *хотѣлъ же быхъ пріити къ вамъ, и измѣнити гласъ мой* (—4, 20),—пишетъ сіе посланіе, отвѣчая на всѣ обвиненія.“

4.

Содержаніе посланія.

Содержаніе посланія отвѣчаетъ предполагаемымъ кривымъ толкованіямъ развратителей. Какъ они, убѣждая въ необходимости для спасенія обрѣзанія и исполненія Моисеева закона, силу убѣжденіямъ своимъ придавали особенно тѣмъ, что успѣли внушить подозрѣніе въ здравости ученія св. Павла и происхожденіи отъ Господа его апостольства: то и Апостолъ, разоряя ихъ дѣло, *сначала* защищаетъ свое Апостольское достоинство и показываетъ, что ученіе его не человѣческое, а божеское, и тѣмъ кладетъ прочную основу послѣдующимъ доводамъ и убѣжденіямъ (гл. 1. 2);—а *потомъ* опровергаетъ положеніе лжеучителей, доказывая, что спасеніе не отъ обрѣзанія и соблюденія закона, а отъ благодати Господней по вѣрѣ (гл. 3. 4); *въ концѣ же* прилагаетъ и уроки нравственные, которые сами собою вытекали изъ предложеннаго имъ ученія о свободѣ отъ ига закона Моисеева, — что эта свобода не въ поблажку страстямъ, а на то, чтобъ отвлекшись отъ внѣшнихъ оправдательныхъ чиновъ болѣе обратить вниманіе на очищеніе сердца (гл. 5. 6).

Какихъ вѣрующихъ имѣлъ св. Павелъ въ виду, пиша сіе посланіе, язычниковъ ли и прозелитовъ, или и Іудеевъ? Всѣхъ, какіе входили въ составъ тамошнихъ церквей; а они должны были быть изъ всѣхъ этихъ классовъ. Ибо если тамъ были іудеи, то, по обычаю своему, св. Павелъ къ нимъ первымъ обратился съ проповѣдію и изъ нихъ имѣлъ первыхъ вѣрующихъ. Съ другой стороны, гдѣ были іудеи, тамъ бывали и прозелиты ихъ. Были

они конечно и среди Галатовъ. А если были, то изъ нихъ еще большее число надо предположить вѣрующихъ, нежели изъ Іудеевъ. Посланіе писалось къ церквамъ въ полномъ ихъ составѣ; потому нельзя утверждать, чтобъ оно назначалось исключительно для вѣрующихъ изъ язычниковъ. Этого не требуетъ и содержаніе посланія. Когда, напр., св. Павелъ не разъ называетъ себя Апостоломъ языковъ (1, 16; 2, 9), и объ тѣхъ, къ кому пишетъ, говоритъ, что они прежде покланялись *не по естеству сущимъ богомъ* (—4, 8); то очевидно, что онъ рѣчь свою обращаетъ къ христіанамъ изъ язычниковъ. Но когда онъ предостерегаетъ отъ обрѣзанія тѣхъ, кои еще не обрѣзаны, но которыхъ увлекаютъ обрѣзаться, то это можетъ относиться къ вѣрующимъ не изъ язычниковъ только и прозелитовъ, но и изъ Іудеевъ, ибо у нихъ были дѣти, которыхъ они могли обрѣзать въ 8 день по рожденіи, если вѣрили въ силу обрѣзанія. То же, что Апостолъ, обращая къ нимъ рѣчь, говоритъ: *мы были подъ закономъ стрегомы* (—3, 23—25), *подъ стихіями міра быхомъ порабощены* (—4, 3), и особенно дѣлаемый имъ упрекъ, что они опять хотятъ служить немощнымъ и худымъ стихіямъ (—4, 9),—заставляетъ полагать, что онъ пишетъ и къ Іудеямъ. Къ тому же образъ, какъ излагаетъ св. Павелъ свой предметъ, заставляетъ предполагать въ читателяхъ его большое знакомство съ Ветхимъ Завѣтомъ; то же, что іудействующіе лжеучители нашли къ нимъ входъ, и такой скорый имѣли среди ихъ успѣхъ, заставляетъ думать, что они имѣли нѣкоторое предрасположеніе въ пользу іудейскихъ религіозныхъ порядковъ. То и другое можетъ идти только къ Іудеямъ, или прозелитамъ. Такимъ образомъ надо положить, что посланіе имѣло въ виду всѣхъ христіанъ, начавшихъ склоняться къ образу мыслей іудействующихъ лжеучителей, и раскрываетъ предметъ болѣе по существу его,

нежели примѣняясь къ роду лицъ, къ которому прежде принадлежали христіане, хотя нѣкоторыя реченія даютъ видѣть въ нихъ то такихъ, то другихъ.

5.

Время и мѣсто.

По ходу Апостольскихъ трудовъ св. Павла видно, что посланіе къ Галатамъ написано имъ во время пребыванія его въ Ефесѣ, и падаетъ на тѣ годы, какіе по счисленію приходятся на это время. Ибо признавъ за вѣрное, что упоминаемая св. Павломъ первая у нихъ проповѣдь (—4, 13), непремѣнно предполагаетъ и вторую, надо положить, что посланіе писано послѣ обѣихъ. Изъ книги же Дѣяній извѣстно, что второе посѣщеніе галатійскихъ церквей было во время третьяго проповѣдническаго путешествія св. Павла, когда онъ направлялся въ Ефесъ. Отсюда выходитъ, что посланіе не могло быть писано раньше того времени, когда св. Павелъ побывъ во второй разъ въ Галатійскихъ церквахъ, перешелъ въ Ефесъ. Что написаніе посланія не слѣдуетъ относить къ какому-нибудь времени позднѣйшему пребыванія св. Павла въ Ефесѣ, видно изъ того, что св. Павелъ измѣненіе Галатянъ называетъ случившимся очень скоро. *Чуждуся*, говоритъ, *яко тако скоро прелагаетесь* (—1, 6). Это *скоро* не послѣ перваго посѣщенія Галатянъ, когда они обратились къ вѣрѣ, а послѣ втораго, когда онъ ихъ утверждалъ въ вѣрѣ. Онъ какъ бы говоритъ имъ: давно ли я былъ у васъ? у васъ было все хорошо; я видѣлъ васъ ревнителями добраго пути (—4, 18). И вдругъ слышу, что вы уклонились на распутія. Дивлюсь этому.—Если такимъ образомъ посланіе пишется скоро послѣ послѣдняго пребыванія у Галатянъ, то никакъ нельзя полагать, чтобъ оно было писано послѣ того, какъ Апостолъ удалился изъ Ефеса, гдѣ онъ пробылъ три года (Дѣян.

20, 31). Ибо это будетъ не скоро, хотя бы полагать, какъ иные и дѣлаютъ, что это было скоро по отбытіи св. Павла изъ Ефеса въ Македонію, или въ Коринѳъ, когда онъ пробылъ тамъ три мѣсяца (Дѣян. 20, 1—3).

Считайте теперь годы. Въ Коринѳѣ въ первый разъ былъ св. Павелъ послѣ 52 года; ибо встрѣтилъ тамъ Акиллу и Прискиллу, высланныхъ изъ Рима, по указу данному въ этотъ годъ. Да тамъ пробылъ полтора года; да годъ надо положить на возвратный оттуда путь, посѣщеніе Іерусалима и Антіохіи, а потомъ и опять, въ третье путешествіе, на проходъ чрезъ прежде основанныя Церкви въ Ликаоніи, Фригіи, Галатіи. Прибытіе св. Павла въ Ефесъ падетъ такимъ образомъ на 55 годъ; а написаніе посланія—между 55 и 58 годами. Положимъ годъ спустя послѣ прибытія туда: будетъ 56 годъ. Къ этому же году подойдемъ, если счетъ дѣлать по указаннымъ въ самомъ посланіи восхожденіямъ св. Павла въ Іерусалимъ *по тріехъ лѣтѣхъ* (—1, 18), и *по четыренадесяти лѣтѣхъ* (—2, 1), считая то и другое со времени обращенія св. Павла. Отъ Вознесенія Господня до обращенія св. Павла все надо положить года три-четыре, чтобъ помѣстить событія, о коихъ поминается въ Дѣяніяхъ до сего времени, и чтобъ дать время поучиться св. Павлу у Гамаліила,—что не могло начаться раньше Вознесенія Господня; ибо еслибъ онъ былъ въ Іерусалимѣ во время послѣднихъ событій земной жизни Господа, то не могъ бы не знать объ нихъ, и еслибъ зналъ, не удержался бы, чтобъ не помянуть о томъ гдѣ нибудь въ посланіяхъ. Обращеніе будетъ въ 37—8 г. Приложите 14 л., будетъ 51—52,—время собора іерусалимскаго. Послѣ собора—второе путешествіе чрезъ Малую Азію, въ Македонію и Грецію; на Коринѳъ падетъ 53—54 годы. На возвратъ оттуда и третье путешествіе до Ефеса еще

годъ какой. Прибытіе въ Ефесъ и здѣсь будетъ въ 55 году; и написаніе посланія въ 56.

6.

Раздѣленіе.

По сказанному поводу св. Павелъ пишетъ посланіе, имѣя въ виду изгладить впечатлѣніе, произведенное на Галатянъ лжеучителями. Въ противность ихъ внушеніямъ онъ защищаетъ свое Апостольское достоинство и опровергаетъ положеніе ихъ, будто для спасенія нуженъ Законъ, — прилагая и нравственные уроки примѣнительно къ изложенному предмету вѣры. Всему, по обычаю, предпосылается предисловіе и въ концѣ прилагается заключеніе,—то и другое съ характерическими отличіями по содержанію посланія. Итакъ въ семъ посланіи:

Послѣ Предисловія, — содержащаго надпись, съ привѣтствіемъ и начало посланія—1, 1—10,

Слѣдуетъ сначала Защитительная часть, гдѣ св. Павелъ возстановляетъ свой Апостольскій авторитетъ 1, 11—2, 21.

Потомъ часть Вѣроучительная, гдѣ св. Павелъ, опровергая лжеучителей, доказываетъ, что спасеніе не отъ Закона, который, по пришествіи Христа Спасителя, потерялъ свою силу и значеніе, гл. 3—4.

Затѣмъ часть Увѣщательная, гдѣ прилагаются наставленія, куда должны быть обращены силы нравственныя, получивъ свободу отъ ига Закона, гл. 5 и 6, 10.

Въ концѣ прибавляется Заключеніе, 6, 11—18.

Рѣчь у Апостола во всемъ посланіи, сначала до конца, живая, сильная, дышащая ревностію къ спасительной вѣрѣ и любовію къ Галатамъ.

Въ руководство къ прежнимъ св. отцамъ и учителямъ св. Златоусту, Ѳеодориту, Иларію (Амвросіасту), св. Іоанну Дамаскину, Экуменію и Ѳеофилакту, подошли блаж. Августинъ и Іеронимъ.

ТОЛКОВАНІЕ

ПОСЛАНІЯ СВ. АПОСТОЛА ПАВЛА

КЪ

ГАЛАТАМЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

а) Надпись и привѣтствіе.

(1, 1—5).

Надпись и привѣтствіе въ посланіи къ Галатамъ отличаются отъ другихъ тѣмъ, что въ нихъ введены положенія, напередъ указывающія на содержаніе самаго посланія. Видно св. Павелъ глубоко былъ занятъ своимъ предметомъ, и мысли о немъ, переполнявшія душу его, съ самаго начала проторглись въ слово. Ему предлежало доказать свое Апостольское достоинство и выяснить, въ чемъ состоитъ наше спасеніе. То и другое онъ здѣсь и предуказываетъ. Слово о своемъ истинномъ апостольствѣ прилагаетъ, въ надписаніи, къ своему имени, а слово о спасеніи, которое во Господѣ, въ привѣтствіи къ покланяемому имени Христа Спасителя. Подобное внесеніе въ надпись и привѣтствіе стороннихъ мыслей, соотвѣтственно содержанію посланія, дѣлалъ св. Павелъ и послѣ, какъ видимъ въ посланіи къ Римлянамъ и въ посланіи къ Титу.

Ст. 1. 2. *Павелъ Апостолъ, ни отъ человѣкъ, ни человѣкомъ, но Іисусъ Христомъ и Богомъ Отцемъ, воскресившимъ Его изъ мертвыхъ, и иже со мною вся братія, церквамъ Галатійскимъ.*

Въ посланіяхъ къ Солунянамъ св. Павелъ не прилагалъ къ себѣ этого слова: *Апостолъ,* не потому что

тогда онъ былъ смиреннѣе, а теперь умалилось его смиреніе, а потому что здѣсь належала нужда выставить это Богомъ данное ему титло, которое покушались у него отнять, что тамъ не имѣло мѣста.

Ни отъ человѣкъ, ни человѣкомъ. Въ тѣ времена Апостолами назывались не одни двѣнадцать, но и всѣ, которые были посылаемы на проповѣдь однимъ ли кѣмъ изъ имѣвшихъ вѣсъ и власть, или цѣлою церковію какою. Такъ св. Павелъ называетъ Апостолами Андроника и Іунію (Рим. 16, 7), причисляетъ къ Апостоламъ и Аполлоса (1 Кор. 4, 6. 9). Они одно съ благовѣстниками, и отличались отъ пастырей и учителей, которые, пребывая на одномъ мѣстѣ въ своей церкви, созидали христіанъ словомъ, тогда какъ тѣ проходили веси, грады и страны (Еф. 4, 11). И Церковію потомъ присвоено титло Апостольства всѣмъ извѣстнымъ сотрудникамъ Апостоловъ и многимъ другимъ, потрудившимся въ проповѣди Евангельской. Воспоминанію ихъ посвящается 4-е генваря. Ихъ семьдесятъ по числу и Господомъ избранныхъ иныхъ, кромѣ 12 Апостоловъ. Но собственно Апостолы, основные камни зданія Церкви, отъ коихъ все христіанское ученіе и всѣ порядки христіанской жизни, были 12-ть, видѣвшіе дѣла Господа, слышавшіе ученіе Его и бывшіе свидѣтелями воскресенія Его (Дѣян. 1, 21. 22).

Объ Ап. Павлѣ іудействующіе лжеучители могли говорить: онъ не настоящій Апостолъ. Настоящіе видѣли Самого Господа и Имъ Самимъ посланы, а этотъ что? Ананія его крестилъ; Варнава рекомендовалъ Апостоламъ въ Іерусалимѣ, потомъ онъ же позвалъ его въ Антіохію, гдѣ онъ и училъ вмѣстѣ съ Варнавою; Церковь антіохійская послала его съ Варнавою на проповѣдь въ другихъ мѣстахъ; а послѣ этого перваго опыта и Апостолы въ Іерусалимѣ дали свое согласіе на то, чтобы они потрудились въ проповѣдываніи Евангелія внѣ Палестины.

Итакъ его Апостольство не имѣетъ ничего особеннаго, свыше назначеннаго. Люди увидѣли, что онъ способенъ, и послали. Но такія лица не могутъ учить самостоятельно, сами отъ себя; они должны согласоваться во всемъ съ настоящими Апостолами. И вѣрующимъ не слѣдуетъ во всемъ довѣрять имъ безусловно, а должно повѣрять ихъ ученіе тѣмъ, что говорятъ и какъ поступаютъ главные Апостолы. Павелъ же не согласенъ съ ними; ибо они, живя въ Іерусалимѣ, не запрещаютъ обрѣзываться и исполнять другія предписанія закона; да и сами ихъ исполняютъ. Слѣдовательно Павелъ отступилъ отъ нихъ, и его слушать не слѣдуетъ.

Противъ такихъ внушеній и говоритъ св. Павелъ, что онъ Апостолъ есть—*ни отъ человѣкъ, ни человѣкомъ*, что не Ананія и Варнава указали, не Петръ или церковь антіохійская избрали его къ апостольству, а Самъ Господь. Здѣсь впрочемъ только высказываетъ онъ такое положеніе, доказываетъ же его пространно въ двухъ первыхъ главахъ посланія. Словами: *ни отъ человѣкъ, ни человѣкомъ*, онъ какъ бы говоритъ: о моемъ Апостольствѣ нельзя такъ думать, чтобъ оно было дѣломъ человѣческой только предусмотрительности и человѣческаго избранія, одного ли человѣка разумѣть, или цѣлое общество христіанское. Оно заходитъ за предѣлы человѣческихъ дѣлъ,—свыше есть. Такой смыслъ представляется въ этихъ словахъ съ перваго на нихъ взгляда.

Другіе различаютъ эти выраженія—*ни отъ человѣкъ, ни человѣкомъ*, и въ каждомъ изъ нихъ видятъ особую мысль, ибо они разнятся и числомъ и предлогами: въ первомъ множественное число и предлогъ *отъ*, во второмъ единственное и предлогъ *чрезъ* (διά). Основываясь на семъ думаютъ, что первымъ выраженіемъ св. Павелъ отрицаетъ человѣческое происхожденіе своего Апостольства, отрицаетъ, чтобъ оно дано было ему по однимъ чело-

вѣческимъ соображеніямъ, безъ всякаго участія свыше; вторымъ отрицаетъ и небесное его происхожденіе, если разумѣть его посредственнымъ, отрицаетъ ту мысль, что хотя и есть Божіе изволеніе на его апостольство, но оно дано ему чрезъ посредство человѣка, а не непосредственно Господомъ, какъ дано прочимъ Апостоламъ. Блаженный Іеронимъ видитъ въ этихъ словахъ Апостола указаніе на три рода избраній: первое то, которое совершается только людьми, второе то, которое хотя отъ Бога есть, но производится чрезъ какого-либо человѣка, и третье то, которое совершается непосредственно самимъ Господомъ. Св. Павелъ присвояетъ себѣ послѣднее. Блаженный Θеодоритъ пишетъ: (этими словами) „Апостолъ сказалъ, что онъ сподобился благодати, не отъ людей пріявъ сей даръ; не кто-либо изъ божественныхъ Апостоловъ уловилъ его, но призвалъ его самъ Владыка съ небесъ, не употребивъ въ содѣйствіе человѣка. Сіе-то и разумѣлъ, сказавъ: *ни человѣкомъ.*"

Но Іисусъ Христомъ и Богомъ Отцемъ. Какъ св. Павелъ избранъ Господомъ Іисусомъ Христомъ, это представляетъ книга Дѣяній. При обращеніи св. Павла, явившійся ему на пути въ Дамаскъ Господь ничего не сказалъ ему о его назначеніи, а только велѣлъ идти въ городъ, гдѣ будетъ сказано, *что подобаетъ ему творити* (Дѣян. 9, 6). Это соотвѣтствовало призванію святыхъ Апостоловъ идти вслѣдъ Господа. Въ видѣніи Ананіи Господь предсказалъ только назначеніе св. Павла, говоря: *сосудъ избранъ Ми есть сей, пронести имя Мое предъ языки и царьми и сынми Израилевыми* (—15). Самое же избраніе св. Павла въ Апостола языковъ было совершено въ храмѣ іерусалимскомъ непосредственно Самимъ Господомъ, какъ свидѣтельствуетъ св. Павелъ въ Дѣяніяхъ. Молясь, говоритъ, въ Іерусалимѣ въ храмѣ, былъ я въ изступленіи и видѣлъ Господа, Который сказалъ мнѣ: *потщися*

изыти скоро изъ Іерусалима, зане не пріимутъ свидѣтельства твоего, еже о Мнѣ... иди, яко Азъ во языки далече послю тя (—22, 18. 21). Это для св. Павла было то же, что для прочихъ Апостоловъ: *шедше научите вся языки. крестяще ихъ* и пр. (Мѳ. 28, 19). То, что было затѣмъ въ антіохійской Церкви, когда Духъ Святый повелѣлъ отдѣлить св. Павла вмѣстѣ съ Варнавою на дѣло, къ которому онъ призванъ (—13, 2), было только исполненіемъ сего Господня избранія. Въ этомъ однакоже можно видѣть, въ отношеніи св. Павла къ прочимъ Апостоламъ, соотвѣтствіе сошествію на сихъ послѣднихъ Святаго Духа въ день Пятидесятницы, послѣ котораго тотчасъ и началась ихъ Апостольская дѣятельность, какъ и послѣ того Павлова.

Такъ очевидно непосредственное Господомъ избраніе св. Павла въ Апостола языковъ. Но какъ онъ избранъ Богомъ Отцемъ? Поелику избранъ Господомъ, то избранъ и Отцемъ; ибо дѣйствія Отца и Сына нераздѣльны. Лица Пресвятой Троицы раздѣльны личнѣ, но нераздѣльны естествомъ, дѣйствіями и хотѣніями. Господь же Іисусъ Христосъ есть Богъ Сынъ воплотившійся. Посему дѣйствія Его суть и дѣйствія Отца. На землѣ еще будучи, Онъ говорилъ: „все, что имѣетъ Отецъ, Мое есть,—что Отецъ творитъ, то и Сынъ также творитъ. Я творю, что вижу творящимъ Отца.“ Тѣмъ полнѣе все сіе изрекаемо быть должно по Его воскресеніи и сѣдѣніи одесную Бога Отца. Св. Павелъ, введенный въ созерцаніе таинъ Божіихъ ясно видѣлъ въ избраніи его къ Апостольству Господомъ І. Христомъ Сыномъ Божіимъ, избраніе и Богомъ Отцемъ; почему и выразилъ то въ словѣ. Книга же Дѣяній даетъ разумѣть, что въ семъ избраніи участвовалъ и Духъ Святый, какъ помянуто, такъ что оно есть отъ Пресв. Троицы. И все въ Церкви Божіей отъ Бога Отца во Св. Духѣ о Господѣ Іисусѣ.

Такъ однимъ краткимъ изреченіемъ св. Павелъ поставилъ себя на одну линію съ прочими главными Апостолами. Послушаемъ, какъ о всемъ этомъ пишетъ св. Златоустъ: „Въ самомъ началѣ Апостолъ указываетъ на то, что говорили унижающіе его достоинство, т.-е. что прочіе Апостолы были Христовы ученики, а онъ былъ ученикъ Апостольскій. Почему и начинаетъ посланіе такъ: *Павелъ Апостолъ ни отъ человѣкъ, ни человѣкомъ*. Ибо иные лжеучители утверждали, что Павелъ меньше всѣхъ Апостоловъ, и что онъ отъ нихъ уже научился вѣрѣ. Поелику Петръ, Іаковъ, Іоаннъ и призваны прежде, и занимаютъ первое мѣсто между учениками, и догматы вѣры приняли отъ Самого Христа, то и вѣрить лучше имъ, нежели ему. А они не воспрещаютъ обрѣзываться и соблюдать законъ Моисеевъ. Сіе и подобное говоря къ униженію Павла и возвышенію оныхъ Апостоловъ, не съ тѣмъ впрочемъ, чтобы и тѣхъ похвалить, но чтобы вѣрнѣе обмануть Галатянъ, они учили ихъ не во время уже исполнять законъ. Итакъ Апостолъ началъ посланіе весьма приличными словами. Поелику они унижали ученіе Апостола, говоря, что оно отъ человѣкъ, а Петрово ученіе отъ Христа; то онъ въ самомъ началѣ и опровергаетъ это, говоря, что онъ *Апостолъ ни отъ человѣкъ, ни человѣкомъ*. Хотя и Ананія крестилъ его, но не онъ вывелъ его изъ заблужденія и не онъ обратилъ къ вѣрѣ, а Самъ Христосъ свыше чуднымъ онымъ гласомъ воззвалъ и уловилъ. Петра и брата его, и Іоанна съ братомъ его Господь призвалъ, ходя при морѣ, а Павла по вознесеніи на небо... Онъ тотчасъ (послѣ сего) принялъ крещеніе и потомъ велъ непримиримую борьбу съ Іудеями, и тѣмъ много еще превзошелъ прочихъ Апостоловъ; ибо говоритъ: *паче всѣхъ ихъ потрудихся* (1 Кор. 15, 10). Но въ настоящемъ случаѣ онъ не касается сего, довольнымъ считая показать свое равенство съ другими Апо-

столами; ибо ему нужно было не превосходство свое показывать предъ ними, но уничтожить причину соблазна. Отсюда слово—*ни отъ человѣкъ* относится ко всѣмъ проповѣдникамъ; а слово—*ни человѣкомъ* относится только къ Апостоламъ. Ибо Богъ призвалъ ихъ не чрезъ людей, но непосредственно Самъ.“

Воскресившимъ Его изъ мертвыхъ. О воскресеніи Христа Спасителя св. Павелъ часто поминаетъ, какъ о самомъ торжественномъ и побѣдоносномъ знамени христіанства; но значеніе его частное въ томъ или другомъ случаѣ опредѣляется теченіемъ рѣчи. Какъ здѣсь у св. Павла два предмета въ мысли,—что онъ истинный Апостолъ и что спасеніе единственно въ Господѣ Іисусѣ; то можно думать, что онъ помянулъ здѣсь о воскресеніи, чтобы свѣтъ отъ него палъ на тотъ и на другой изъ сихъ предметовъ.

Въ отношеніи къ первому помянутіемъ о воскресеніи Христовомъ онъ хотѣлъ привесть на мысль Галатамъ то, какъ онъ призванъ къ Апостольству Господомъ. По блаж. Августину, онъ намекаетъ симъ, что „и онъ посланъ Христомъ, но уже прославленнымъ.“ Другихъ Апостоловъ Господь лично призвалъ, прежде смерти и воскресенія, окончательно однакожъ опредѣливъ ихъ на Апостольство уже по воскресеніи, а его и призвалъ, и избралъ въ Апостольство, и утвердилъ въ немъ—все по воскресеніи и вознесеніи, чѣмъ не умаляется, если не возвышается его Апостольство. Почему въ другомъ мѣстѣ, перечисляя явленія Господа по воскресеніи Апостоламъ, прибавляетъ: *послѣди же всѣхъ... явися и мнѣ* (1 Кор. 15, 8). Т.-е. и онъ поставленъ чрезъ это Господомъ на одну линію съ другими. Не трудно извлечь мысль въ защиту апостольства св. Павла изъ того, что онъ воскресеніе Господа здѣсь представляетъ происшедшимъ отъ Бога Отца. Говоря: я Апостолъ избранный не Господомъ только, но и Богомъ Отцемъ, воскресившимъ Его

изъ мертвыхъ, Апостолъ внушаетъ, что участіе Бога Отца въ избраніи его на апостольство посредствуется воскресеніемъ Господа Іисуса,—какъ же это? Такъ, что Богъ Отецъ, воскресившій Христа Спасителя, тѣмъ освятилъ и напередъ подтвердилъ Своимъ согласіемъ все, что имѣлъ творить и учреждать воскресшій Господь. Вотъ какъ восходитъ къ Богу Отцу и мое апостольство, говоритъ какъ бы св. Павелъ.

Въ отношеніи ко второму, помянутіемъ о воскресеніи, а слѣдовательно и о смерти, приводится на мысль главное въ домостроительствѣ нашего спасенія—удовлетвореніе правдѣ безконечной и примиреніе съ Богомъ, вѣрою во что сподобляемся мы всѣхъ благъ, воплощеннымъ Сыномъ Божіимъ для насъ стяжанныхъ. Кто это созерцаетъ и сердечною вѣрою пріемлетъ, тотъ не обратится къ немощному способу спасенія вѣрностію закону Моисееву. Св. Дамаскинъ пишетъ: „такъ какъ тѣ думали, что будутъ наказаны, если отступятъ отъ закона, то онъ напоминаетъ о такомъ дѣлѣ, коимъ отметается всякая нужда въ законѣ, т.-е. о крестѣ и воскресеніи, въ коихъ основаніе спасенія.“ Св. Златоустъ приходитъ въ движеніе при словахъ: *воскресившаго Его изъ мертвыхъ*, и говоритъ: „что ты дѣлаешь, Павле, желая іудействующихъ привести къ вѣрѣ? Почему ты не приводишь на среду ни одного изъ великихъ и божественныхъ свойствъ Его, подобно тому, какъ ты писалъ къ Филиппійцамъ, говоря: *иже во образѣ Божіи сый, не восхищеніемъ непщева быти равенъ Богу* (Филип. 2, 6), или какъ въ посланіи къ Евреямъ безъ обиновенія сказалъ о Немъ, что Онъ *есть сіяніе славы и образъ Vпостаси Его*, т. е. Отца (Евр. 1, 3); или какъ въ началѣ своего Евангелія провозгласилъ Его сынъ громовъ: *въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово* (Іоан. 1, 1); или какъ Самъ Іисусъ часто говорилъ предъ Іудеями, что

Онъ равно всемогущъ, какъ и Отецъ, и ту же имѣетъ съ Нимъ власть (Іоан. 5, 19—21)? Почему ты ничего не сказалъ такого, но оставивъ все сіе, привелъ на память совершившееся, по устроенію Божію, надъ плотію Его, указывая на крестъ и смерть Его? Такъ надлежало, отвѣчаетъ онъ. Ибо еслибъ слово обращено было къ такимъ, которые ничего великаго не знали о Христѣ, то прилично было бы сказать сіе о Немъ. Но поелику дѣло идетъ съ такими людьми, которые опасаются, чтобъ за оставленіе закона не подвергнуться гнѣву Божію, то онъ упоминаетъ о томъ, чѣмъ отмѣняется необходимость закона, т.-е. о благихъ плодахъ, проистекшихъ для всѣхъ отъ креста и воскресенія.

Но да не смутится кто и изъ насъ тѣмъ, что Апостолъ называетъ Христа Спасителя воскрешеннымъ отъ Бога Отца, а не воскресшимъ Своею силою, что дѣлаетъ онъ не только здѣсь, но и въ другихъ мѣстахъ, какъ-то Рим. 4, 24; 8, 11; 1 Кор. 15, 15; Еф. 1, 20; 2, 6; Кол. 2, 12; 1 Сол. 1, 10. Надо брать во вниманіе всѣ въ совокупности мѣста, гдѣ св. Павелъ говоритъ о воскресеніи. Сдѣлавъ это, найдемъ, что у него не меньше мѣстъ, гдѣ Господь называется воскресшимъ Самъ, какъ-то: Рим. 4, 25; 6, 4. 9; 8, 34; 14, 9; 1 Кор. 15, 4. 12. 20; 2 Кор. 5, 15; 1 Сол. 4, 14 и под. Такъ и слѣдуетъ ожидать. Поелику Христосъ Спаситель есть Богъ и человѣкъ, то о Немъ прилично говорится и то, что Онъ воскрешенъ, и то, что Онъ воскресъ. Воскресъ, яко Богъ, и воскрешенъ, яко человѣкъ. Но при томъ или другомъ выраженіи не должно выпускать изъ мысли единодѣйственность Бога Отца и Бога Сына, какъ Лицъ Пресв. Троицы. Воззрѣвая отсюда на воскресеніе, надлежитъ полагать, что Христосъ Спаситель и Самъ воскресъ не безъ дѣйствія Отца, и воскрешенъ Отцемъ не безъ Своего дѣйствія, яко Сына; ибо Лица

Пресвятой Троицы, раздѣльныя личнѣ, нераздѣльны въ дѣйствіи. Употребляются же въ Словѣ Божіемъ сіи выраженія: Господь Іисусъ Христосъ воскресшій, или: Богъ Отецъ воскресившій, по требованію теченія рѣчи и состоянію тѣхъ, къ кому обращается рѣчь. Самъ Господь, во время земной Своей жизни, предрекалъ, что Онъ воскреснетъ Самъ. Такъ говорилъ Онъ въ самомъ началѣ въ храмѣ: „разорите церковь, и треми деньми воздвигну ю,“—это о церкви тѣла... На Ѳаворѣ велѣлъ ученикамъ молчать о прославленіи Его въ преображеніи, *дондеже Сынъ Человѣческій изъ мертвыхъ воскреснетъ*, разумѣется Самъ. Онъ же сказалъ, что Онъ имѣетъ власть отдать душу Свою—жизнь и опять пріять ее, ожить (Іоан. 10, 18). И Ангелъ по воскресеніи говоритъ женамъ: *воста, нѣсть здѣ*,—Самъ возсталъ.—Все сіе предали намъ св. Апостолы. Слѣдовательно не иначе и они понимали воскресеніе Господне. Но въ рѣчахъ своихъ къ народу, сначала конечно іудейскому, они не считали благоразумнымъ говорить такъ прямо, чтобъ блескомъ симъ совсѣмъ не ослѣпить слабое умное зрѣніе Іудеевъ. Въ первой же рѣчи Апостола Петра слышится: „вы убили, но Богъ воскресилъ Его“ (Дѣян. 2, 23). Потомъ и послѣ почасту такъ говорили всѣ Апостолы. Народъ іудейскій воспитанъ въ вѣрованіи въ Бога единаго. Было бы невмѣстимо для нихъ, еслибъ вдругъ возставить въ ихъ вниманіи во всемъ свѣтѣ Божества ликъ Христа Спасителя и будто заслонить имъ ликъ Бога Отца. Почему о Нихъ всегда поминается вмѣстѣ, и притомъ такъ, что все возводится къ Богу Отцу, какъ къ единому началу. Имѣлось въ намѣреніи симъ способомъ постепенно возвесть младенчествующій въ вѣрѣ умъ къ созерцанію единосущности и единодѣйственности Трiѵпостаснаго Бога.

Въ отношеніи къ настоящему мѣсту св. Златоустъ

пишетъ: „Но вотъ еретики возражаютъ, говоря: смотри, Отецъ воскрешаетъ Сына? Ибо они, однажды заразившись болѣзнію еретичества, дѣлаются уже глухи и неспособны, самопроизвольно впрочемъ, къ тому, чтобы постигать высоту догматовъ, и выбираютъ только то, что говорится о Христѣ или по состоянію Его уничиженія, или по человѣчеству Его, или въ честь Отца, или по другому какому устроенію Божію; и такія мѣста разсматривая отдѣльно, тѣмъ еще болѣе повреждаютъ самихъ себя, не скажу—Писаніе. Я хотѣлъ бы у нихъ спросить: для чего они это говорятъ? Ужели для того, чтобъ представить Сына слабымъ и не могущимъ воскресить даже тѣла Своего? Но одна вѣра въ Него производила то, что и тѣнь вѣровавшихъ въ Него воскрешала мертвыхъ. Итакъ, ежели вѣрующіе въ Него, сами смертные, одною тѣнію перстныхъ тѣлъ своихъ и одеждъ, облекавшихъ таковыя тѣла, воскрешали мертвыхъ, то ужели Онъ не могъ воскресить самого Себя? Не явное ли это сумасшествіе? Не крайняя ли степень безумія? Ты слышалъ, что говоритъ Христосъ: *разорите церковь сію, и треми деньми воздвигну ю* (Іоан. 2, 19), и еще: *область имамъ положити душу Мою, и область имамъ паки пріяти ю* (Іоан. 10, 18). Итакъ для чего же говорится, что Отецъ воскресилъ Его? Для чего и другое многое приписывается Отцу, что впрочемъ творитъ Сынъ?—Сіе говорится въ честь Отца, и по немощи слушателей.“

Блаженный Ѳеодоритъ видитъ въ сихъ словахъ указаніе на единодѣйственность Бога Отца и Бога Сына. „Слова: *воскресившимъ Его изъ мертвыхъ,* не подаютъ мысли о немощи въ Божествѣ Единороднаго (потому что страданіе касалось не Божества), но показываютъ согласіе въ дѣлѣ проповѣди, а именно, что тайну Божественнаго вочеловѣченія не одинъ Сынъ домостроитель-

ствовалъ, но и Самъ Отецъ участвовалъ въ семъ промышленіи. Поелику защитники закона предполагали, что Богу должно служить храненіемъ закона, то божественный Апостолъ показываетъ, что податель Новаго Завѣта не одинъ Сынъ, но и Отецъ.“

Св. отцы не оставили безъ вниманія и образа выраженія, и порядка именъ Божескихъ въ словахъ: *Іисусъ Христомъ и Богомъ Отцемъ*; но въ томъ и другомъ видѣли важныя догматическія указанія. Съ греческаго слово въ слово перевесть надо: *чрезъ Іисуса Христа и чрезъ Бога Отца.* Еслибъ здѣсь стояло только *чрезъ Іисуса Христа*, а далѣе слѣдовало бы: *отъ Боги Отца*, или еще какъ; то могло показаться, что Христосъ Господь не самоначаленъ и не самодѣйствующъ, а есть только орудіе въ рукахъ Отца, и по бытію и по дѣйствіямъ Ему подчиненное. Но какъ св. Павелъ и о Богѣ Отцѣ такъ же выразился, какъ и о Сынѣ, то этимъ показалъ, что не полагаетъ различія въ ихъ естествѣ и власти. Блаженный Θеодоритъ пишетъ: „Чтобъ иный, нашедши предъ именемъ: *Іисусъ,* предлогъ *чрезъ*, не подумалъ, что Сынъ служебенъ Отцу, Апостолъ присовокупилъ: *и чрезъ Бога Отца.* Предлогъ *чрезъ* употребилъ предъ именемъ того и другаго Лица, научая тѣмъ, что предлогъ сей не означаетъ никакого различія въ естествѣ.“ Св. Златоустъ, выведши ту же мысль изъ такого образа выраженія, т.-е. *что* употребивъ то же выраженіе и объ Отцѣ, какъ и о Сынѣ, Апостолъ научилъ насъ „не полагать законовъ для непостижимаго естества, и не назначать предѣловъ Божества между Сыномъ и Отцемъ,“ и *что* „это онъ дѣлаетъ не для того, дабы приписать Сыновнее Отцу, но чтобы показать, что сіе выраженіе не допускаетъ никакого различія въ Ихъ естествѣ,“— извлекаетъ другую, не менѣе значительную мысль, изъ порядка, въ какомъ стоятъ здѣсь Божескія Лица: „что

теперь скажутъ и тѣ, которые въ крещеніи думаютъ находить какое то умаленіе Божескихъ ѵпостасей, потому только, что крестятся во имя Отца, и Сына, и Св. Духа? Ибо если Сынъ потому менѣе Отца, что имя Его поставлено послѣ Отца, то что они скажутъ теперь, когда Апостолъ начинаетъ со Христа и потомъ переходитъ къ Отцу? И мы здѣсь не намѣрены говорить ничего богохульнаго. Ибо состязаясь съ заблуждающими, мы не должны отступать отъ истины; и хотя бы они тысячекратно выступили изъ ума, мы и тогда должны держаться въ предѣлахъ благочестія. Посему какъ здѣсь изъ того, что Апостолъ упомянулъ прежде о Христѣ, мы не назовемъ Сына большимъ Отца, ибо это было бы верхъ безумія и всякаго нечестія, такъ и тамъ,—въ заповѣди о крещеніи, мы не должны почитать Сына меньшимъ Отца, потому что Сынъ поставленъ послѣ Отца.“

И иже со мною вся братія. Кто такіе? полагаютъ что это вся Церковь Ефесская, основываясь на томъ, что Апостолъ сказалъ не просто: *иже со мною братія*, но: вся братія. Противъ этого можно бы сказать только то, что св. Павлу необычно писать посланія отъ лица всей церкви, въ которой находился пиша, хоть обычно посылать цѣлованія отъ всей церкви въ концѣ посланій, какъ Рим. 16, 16; 1 Кор. 16, 20; Фил. 4, 22... Но здѣсь, въ отношеніи къ Галатамъ, могли побудить его къ тому особыя обстоятельства. Лжеучители натолковали Галатамъ, что только Павелъ отвергаетъ обрѣзаніе и Моисеевъ законъ, другіе напротивъ не запрещаютъ ни того, ни другаго. Апостолъ Павелъ ставитъ съ собою въ началѣ посланія цѣлую церковь Ефесскую, показывая тѣмъ, что она во всемъ согласна съ нимъ. Въ Ефесѣ же были зачатки вѣры еще прежде пришествія его туда (Дѣян. 18, 21. 24). Отсюда прямо слѣдовало, что неправда, будто онъ только такъ учитъ; но что таковъ духъ хри-

стіанства, что гдѣ оно вселяется, тамъ синагога должна падать вся во всемъ своемъ составѣ. Такъ св. Златоустъ: „Почему онъ не говоритъ сего нигдѣ въ другихъ посланіяхъ, но полагаетъ или одно свое имя, или называетъ и другихъ, но не болѣе двоихъ или троихъ, а здѣсь упоминаетъ все множество вѣрныхъ, почему и не назвалъ никого по имени? Для чего же онъ сіе дѣлаетъ? Іудействующіе христіане упрекали его, что онъ одинъ такъ проповѣдывалъ и чрезъ то вводилъ новое ученіе въ догматы вѣры; итакъ, чтобъ уничтожить такое подозрѣніе и показать, что онъ имѣетъ многихъ одинаково съ нимъ мыслящихъ, присоединяетъ братію, показывая тѣмъ, что то, о чемъ онъ пишетъ, согласно и съ ихъ мыслями пишетъ.“

Другіе полагаютъ, что этими словами не вся Церковь означается, а только тѣ братія, которые стояли къ Апостолу въ особыхъ отношеніяхъ; тутъ были и сотрудники его и, можетъ быть, кромѣ ихъ другіе, но, какъ замѣчаетъ бл. Іеронимъ, „извѣстные Галатамъ и пользовавшіеся уваженіемъ ихъ, и притомъ сами сущіе отъ обрѣзанія.“ Въ посланіи къ Коринѳянамъ первомъ, которое писано послѣ посланія къ Галатамъ, поминается Сосѳенъ (1 Кор. 1, 1), во второмъ, писанномъ вслѣдъ за первымъ,—поминается Тимоѳей (2 Кор. 1, 1). Титъ же былъ посланъ въ Коринѳъ вскорѣ послѣ перваго туда посланія (2 Кор. 2, 13). Всѣ они очевидно были въ Ефесѣ. Тутъ же были Акилла и Прискилла (Дѣян. 18, 21), и Гаій съ Аристархомъ — македоняне, схваченные во время возстанія противъ св. Павла Ефесеянъ не вѣровавшихъ (Дѣян. 19, 29). Тутъ же, можетъ быть, были и нѣкоторые изъ тѣхъ семи лицъ, которыя поминаются спутниками св. Павла на возвратномъ его пути изъ Коринѳа, спустя какихъ-нибудь мѣсяца четыре послѣ выхода его изъ Ефеса (Дѣян. 20, 4). Все это лица

значительныя, извѣстныя въ кругу всѣхъ вѣрующихъ. Ихъ, или всѣхъ, или большую часть изъ нихъ, можетъ быть и разумѣлъ св. Павелъ подъ словами: *иже со мною вся братія*. Не означилъ же по имени потому, что ихъ было много. Такъ блаженный Ѳеодоритъ, который въ сихъ братіяхъ видѣлъ содѣйствующихъ св. Павлу въ проповѣди. Побужденіемъ, по которому св. Павелъ ставитъ при себѣ многихъ, кромѣ высказаннаго св. Златоустомъ, могло быть и то, какъ пишетъ Іеронимъ, что „въ дѣлѣ исправленія людей много имѣетъ значенія согласіе многихъ въ одномъ мнѣніи.“ Ибо, по Амвросіасту, „легче уразумѣть свое заблужденіе тому, кто видитъ, что многіе его въ томъ обличаютъ.“

Церквамъ Галатійскимъ. Не въ одномъ и не въ двухъ городахъ были церкви, а во многихъ,—можетъ быть, во всѣхъ четырехъ, извѣстнѣйшихъ городахъ, и не въ нихъ только, но и въ окрестностяхъ ихъ. Посланіе сіе, посему, походитъ на соборное, или окружное. Св. Златоустъ пишетъ: „*церквамъ Галатійскимъ*: потому что пламя заблужденія объяло собою не одинъ городъ, не два, или три, но весь народъ Галатійскій. Примѣчай и здѣсь великое негодованіе Апостола. Онъ не сказалъ: возлюбленнымъ, или святымъ, но просто: церквамъ Галатійскимъ. Ибо это есть признакъ сильно скорбящаго и болѣзнующаго, что онъ не привѣтствуетъ ихъ ни именемъ любви, ни именемъ чести, но только именемъ ихъ общества; и не прибавляетъ даже,—церквамъ *Божіимъ*, но просто говоритъ: *церквамъ Галатійскимъ*. И вмѣстѣ симъ же наименованіемъ онъ спѣшитъ въ самомъ началѣ возвратить къ единству ихъ раздѣленіе. Для сего и упомянулъ имя Церкви, чтобы привести ихъ въ стыдъ и собрать воедино. Ибо раздѣленные на многія части, они и не могли называться именемъ Церкви: потому что имя Церкви есть имя согласія и единодушія.“

Ст. 3. 4. *Благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца и Господа нашего Іисуса Христа, давшаго Себе по грѣсѣхъ нашихъ, яко да избавитъ насъ отъ настоящаго вѣка лукаваго, по воли Бога и Отца нашего.*

Благодать и миръ. „Благодать, коею отпущаются намъ грѣхи, миръ, коимъ примиряемся и возсоединяемся съ Богомъ“ (Август.). Но вмѣстѣ съ отпущеніемъ грѣховъ благодать полагаетъ начало новой жизни во Христѣ Іисусѣ чрезъ возрожденіе; и миръ, начинаясь примиреніемъ съ Богомъ въ совѣсти, восходитъ до совершеннаго успокоенія въ Немъ, въ живомъ,—ощущаемомъ и проявляемомъ,—общеніи съ Нимъ, когда Богъ въ душѣ и душа въ Богѣ. Апостольское привѣтствіе, обнимая такимъ образомъ начало и послѣдній предѣлъ жизни о Христѣ Іисусѣ, совмѣщаетъ и всѣ тѣ благодатныя дѣйствія, помощію которыхъ человѣкъ-христіанинъ отъ того начала доходитъ до этого конца.

Отъ Бога Отца и Господа нашего Іисуса Христа. И этотъ образъ выраженія, какъ прежній: *чрезъ Іисуса Христа и Бога Отца*,—означаетъ равенство силы и власти и единость естества въ Богѣ Отцѣ и Сынѣ. Христосъ Господь не есть только посредствующее орудіе, но и Самъ источникъ благодати наравнѣ съ Богомъ Отцемъ. То же что въ первомъ случаѣ стоитъ впереди Господь Спаситель, а здѣсь Богъ Отецъ, показываетъ, что Кого ни поставь впереди, отъ истины не отступишь, — все равно, ибо во Святой Троицѣ ничтоже есть первое, и ничтоже послѣднее.

Хотя это—обычное привѣтствіе Апостольское, но въ ушахъ Галатанъ оно должно было звучать особымъ образомъ: *благодать*, которую вы попираете, ниспадая подъ иго закона, и *миръ* который нарушаете и съ Богомъ, и со мною, и со всѣми Церквами, и сами съ собою. Св. отцы на это преимущественно и направляютъ свое тол-

кованіе и въ каждомъ словѣ привѣтствія видятъ обличеніе Галатамъ. Такъ св. Дамаскинъ: „Такое привѣтствіе полагаетъ Апостолъ всюду; но теперь, когда пишетъ къ Галатамъ, это было нужнѣе, такъ какъ они подвергались опасности отпасть *отъ благодати*, если снова станутъ обрѣзываться.“ Экуменій: „благовременно желаетъ *мира;* ибо Галаты поднялись войною противъ Бога, обратившись къ закону, который Имъ отмѣненъ.“ Онъ же: „*отъ Бога Отца*. Откуда у васъ дерзновеніе именовать Бога Отцемъ? Не отъ крещенія ли? Зачѣмъ же вы обращаетесь къ закону?“ Ѳеофилактъ: „И эти имена—*Іисуса Христа*—суть указатели Христовыхъ къ намъ благодѣяній (и обличители Галатовъ). Ибо *Іисусъ* Онъ, яко *спасшій люди Своя отъ грѣхъ ихъ* (Мѳ. 1, 21); а *Христосъ*, по причинѣ помазанія Духомъ, Коимъ помазанъ Онъ былъ ради насъ, освятивъ естество наше и давъ намъ такъ именоваться. Отступать отъ такого Благодѣтеля есть знакъ крайней неблагодарности.“ Амвросіастъ: „Благодатію обоихъ, какъ Отца т.-е., такъ и Сына, возстановленъ родъ человѣческій. Итакъ онъ говоритъ какъ бы: если Отца и Сына одинакова къ вамъ благодать, то какъ же вы, нѣчто меньшее помышляя о Сынѣ, равняете Ему Законъ, рѣшаясь служить отчасти Христу, отчасти Закону? Развѣ не слышали вы, что говоритъ Господь: *Господь есть Сынъ Человѣческій и субботѣ* (Лук. 6, 5)?—Говоритъ же такъ Апостолъ, чтобъ тѣ увидѣли, какое неуваженіе они оказываютъ Господу, когда равняютъ Его рабу (закону т.-е.).“ Подобно сему и Ѳеофилактъ: „Не законъ—нашъ владыка, а Христосъ Іисусъ.“

У св. Златоуста всѣ эти мысли сводятся во едино: „*Благодать вамъ и миръ*.... Симъ желаніемъ благодати и мира начинаетъ онъ всѣ свои посланія, считая это нужнымъ вездѣ, а наипаче здѣсь, посылая къ Галатамъ. Поелику они находились въ опасности отпаденія отъ

благодати, то онъ и молитъ Бога, дабы они опять утвердились въ оной. Они содѣлались противниками Богу; посему и проситъ Бога, чтобы опять примирилъ ихъ съ Собою.—И Отцемъ онъ называетъ здѣсь Бога, не потворствуя имъ, напротивъ сильно обличая ихъ тѣмъ и приводя на память причину, по которой они стали сынами. Ибо не закономъ, но банею пакибытія они удостоились такой чести. Потому онъ вездѣ въ началѣ посланій своихъ такъ многообразно и указываетъ на благодѣяніе Божіе къ человѣкамъ, почти такъ говоря: рабы, враги, отверженные, какъ бы вдругъ стали называть Бога Отцемъ своимъ? Законъ ли даровалъ вамъ сіе столь высокое родство? Для чего же вы оставивъ Того, Кто васъ такъ приблизилъ къ Себѣ, опять обращаетесь къ пѣстуну?—И не только имя Отца, но и наименованія, употребляемыя о Сынѣ, достаточны показать имъ тоже благодѣяніе Божіе. Ибо если внимательно разсмотримъ самое наименованіе—*Господа Іисуса Христа*, то и оно покажетъ все благоволеніе и все благодѣяніе Божіе къ намъ. Ибо для того, говоритъ, *и наречется имя Ему Іисусъ*, *что Онъ спасетъ люди Своя отъ грѣхъ ихъ* (Матѳ. 1. 21). А названіе *Христа* приводитъ на память помазаніе Духомъ.“

Давшаго Себе по грѣсѣхъ нашихъ. Въ этихъ и послѣдующихъ словахъ—вторая особенность въ началѣ посланія къ Галатамъ. Какъ въ надписаніи прибавкою нѣсколькихъ реченій указалъ св. Павелъ на свое истинное Апостольство; такъ здѣсь въ привѣтствіи прибавкою особыхъ положеній представляетъ вниманію, въ чемъ источникъ, и какія условія спасенія, — второй главный предметъ посланія. Показавъ это, онъ давалъ напередъ разумѣть Галатамъ, что они стали искать спасеніе не тамъ, гдѣ оно положено.

Образъ устроенія спасенія нашего соотвѣтствуетъ па-

губнымъ слѣдствіямъ паденія. Въ паденіи мы стали преступниками предъ Богомъ, подгнѣвными Ему, и кромѣ того разстроились сами въ себѣ, пріявъ въ себя силу растлѣнія нравственнаго—эгоизмъ со всѣми страстями. Устрояя спасеніе наше, Господь Іисусъ Христосъ смертію Своею удовлетворилъ правдѣ Божіей, утолилъ гнѣвъ Его на насъ праведный, примирилъ насъ съ Богомъ, а ниспосланіемъ Св. Духа уврачевалъ наше нравственное растлѣніе, посредствомъ новаго рожденія благодатію Св. Духа, полагая въ насъ силу чистой предъ Богомъ нравственной жизни, въ противоположность всѣмъ дѣйствующимъ въ насъ страстямъ. Сіи два спасительныя дѣйствія пришествія на землю Единороднаго Сына Божія чрезъ воплощеніе, св. Павелъ выражаетъ и здѣсь—первое, словами: *давшаго Себе по грѣсѣхъ нашихъ*, а второе, словами: *да избавитъ насъ отъ настоящаго вѣка лукаваго*.

Давшаго Себе по грѣсѣхъ нашихъ. Что значитъ сіе отданіе Себя,—пространно поясняется въ другихъ мѣстахъ. Такъ, въ Еф. 5, 2 говорится: *Христосъ возлюбилъ есть насъ, и предаде Себе за ны приношеніе и жертву Богу въ воню благоуханія*, или какъ индѣ: *очищеніе о грѣсѣхъ нашихъ* (1 Іоан. 2, 2). Ибо *Богъ положилъ Его—очищеніе вѣрою въ крови Его, въ явленіе правды Своея за отпущеніе прежде бывшихъ грѣховъ* (Рим. 3, 25). И Онъ *пострадалъ о грѣсѣхъ нашихъ, праведникъ за неправедники, да приведетъ ны Богови* (1 Петр. 3, 18). Такъ *примиряемся мы Богу смертію Сына Его* (Рим. 5, 10), Который *искупилъ насъ есть отъ клятвы законныя, бывъ по насъ клятва* (Гал. 3, 13). Галаты этимъ краткимъ словомъ уже подготовляемы были къ признанію своего заблужденія. Имъ напоминалось симъ о примирительной силѣ смерти Господа, непониманіе которой они обличали въ себѣ уклоненіемъ къ іудейству. Никакихъ уже жертвъ не нужно болѣе: одна принесена за всѣхъ и на всѣ вѣка, и одна

сдѣлала то. чего законъ сдѣлать не былъ силенъ. Зачѣмъ же идти подъ иго немощнаго закона? Вѣра въ искупительную смерть Христа Спасителя подаетъ намъ отпущеніе грѣховъ; но еслибъ этимъ ограничивалась сила пришествія Христова, то спасеніе наше не было бы полно. Надлежало къ тому прибавить еще отнятіе силы у живущаго въ насъ грѣха, иначе она дѣлала бы насъ непрестанно вновь виновными предъ Богомъ. Посему св. Павелъ говоритъ, что Господь не предалъ только Себя въ жертву за грѣхи наши, но и *избавилъ насъ отъ настоящаго вѣка лукаваго*, т.-е. избавилъ насъ отъ силы грѣха, заправляющей всѣми дѣлами въ людяхъ вѣка сего.

Настоящій вѣкъ есть порядокъ вещей, преимущественно нравственныхъ, установившійся по паденіи и имѣющій продолжаться до обновленія всей твари. Какъ этотъ порядокъ установился паденіемъ, а оно было источникомъ нашего поврежденія нравственнаго, по причинѣ внѣдрившейся въ насъ самости со всѣмъ полчищемъ страстей, овладѣвшихъ всѣмъ въ людяхъ и надъ всѣмъ господствующихъ; то *настоящій* вѣкъ есть тоже, что состояніе людей въ рабствѣ грѣху и страстямъ. Отъ чего онъ—*лукавый*, злой и зла исполненный. Человѣкъ, живущій въ вѣкѣ семъ, въ кругу людей дѣйствующихъ по эгоизму и страстямъ, гдѣ что ни шагъ, то влеченіе ко грѣху и самоугодію,—не можетъ избавиться отъ него самъ; ибо таже сила, которая заправляетъ всѣмъ внѣ его, господствуетъ и въ немъ. Почему онъ всегда рабъ міра, во злѣ лежащаго (1 Іоан. 5, 19). въ которомъ только и есть что *похоть плоти, похоть очесъ и гордость житейская* (1 Іоан. 2, 15—17). Избавляетъ его благодать Св. Духа, которая, пришедши въ сердце, отнимаетъ у живущаго въ насъ грѣха власть надъ нимъ и даетъ нравственную силу противостоять влеченіямъ его. Съ этихъ поръ человѣкъ уже не работаетъ міру и

грѣху (Рим. 6, 6), хоть подлежитъ прираженіямъ его. Но получивъ силу противостоять ему въ себѣ, онъ тою же силою противостоитъ и всему внѣ себя, чѣмъ люди служатъ міру и страстямъ, и становится такимъ образомъ изъятымъ изъ общей круговой жизни людей вѣка сего. Это и есть избавленіе отъ настоящаго вѣка лукаваго, когда человѣкъ начинаетъ *не сообразоваться вѣку сему* (Рим. 12, 2), *не любить міра, ни яже въ мірѣ* (1 Іоан. 2, 15). Не изведеніе изъ вѣка сего есть избавленіе отъ него, а дарованіе силы—жить въ немъ не по духу его,—и въ немъ жить, и чуждымъ ему быть. Производитъ сіе въ насъ благодать Св. Духа; но сія благодать Господомъ Спасителемъ намъ заслужена, почему къ Нему возводитъ св. Павелъ и самое дѣйствіе благодати. Господь предалъ Себя на смерть, затѣмъ воскресъ, вознесся на небо и ниспослалъ на землю отъ Отца Пресвятаго Духа, Который всѣхъ изымаетъ отъ грѣховныхъ узъ міра. И выходитъ, что Господь, предавши Себя, избавилъ насъ отъ настоящаго вѣка лукаваго. Ибо *аще не иду*, говоритъ. *Утѣшитель не пріидетъ къ вамъ, аще ли иду, послю Его къ вамъ* (Іоан. 16. 7). Въ дѣлѣ спасенія нашего все связано неразрывнымъ союзомъ и совершается дѣйствіемъ единаго Бога въ Троицѣ покланяемаго, хотя въ изъясненіяхъ сихъ дѣйствій они относятся то къ одному, то къ другому лицу Пресвятой Троицы.

Очевидно, что избавленіе отъ настоящаго вѣка лукаваго не есть какое-либо механическое, а есть измѣненіе нравственное, не безъ участія произволенія человѣческаго совершаемое. Въ другомъ мѣстѣ св. Павелъ такъ говоритъ о семъ: *Иже далъ есть Себе за ны, да избавитъ ны отъ всякаго беззаконія, и очиститъ Себѣ люди избранны, ревнители добрымъ дѣломъ* (Тит. 2, 14). Ревность о добродѣланіи, по вѣрѣ въ Господа, изъ по-

слушанія Ему, въ славу Его—живой признакъ, изъятъ ли кто отъ ўзъ настоящаго вѣка. Это въ томъже мѣстѣ изображается такъ: *явися благодать Божія, спасительная всѣмъ человѣкомъ, наказующи насъ, да отвергшеся нечестія и мірскихъ похотей, цѣломудренно и праведно и благочестно поживемъ въ нынѣшнемъ вѣкѣ, ждуще блаженнаго упованія и явленія славы великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа* (Тит. 2, 11—13).

Св. Златоустъ пространно объясняетъ, что подъ вѣкомъ лукавымъ не должно разумѣть тварей или самую жизнь, какъ теченіе времени, но говоритъ: „когда слышишь о лукавомъ вѣкѣ, то разумѣй подъ симъ лукавыя дѣла, растлѣнную свободу. Для чего же Павелъ сказалъ: *отъ настоящаго вѣка лукаваго?* Онъ сказалъ сіе по общему употребленію слова у людей. Ибо и мы часто говоримъ: нынѣ худой былъ день для меня, — обвиняя не время, но дѣла и обстоятельства. Такъ и Павелъ, осуждая злое произволеніе, употребилъ общепринятое выраженіе, и показываетъ, что Христосъ разрѣшилъ насъ и отъ прежнихъ грѣховъ, и поставилъ въ безопасное пристанище отъ будущихъ. Первое показалъ онъ словами: *давшаго Себе по грѣсѣхъ нашихъ*; а послѣдующими—*да избавитъ насъ отъ настоящаго вѣка лукаваго*, указалъ безопасное пристанище и на будущее время. Законъ былъ немощенъ для освобожденія отъ однихъ которыхъ-нибудь грѣховъ, а благодать сильна для очищенія и тѣхъ, и другихъ.“

Блаженный Августинъ говоритъ: „настоящій вѣкъ лукавымъ понимать надо, по причинѣ злыхъ людей, въ немъ живущихъ; какъ и домъ иногда называемъ мы злымъ, по причинѣ злыхъ обитателей его.“ Амвросіастъ изъясняетъ избавленіе отъ настоящаго вѣка такъ: „чтобъ, изъяты бывъ изъ-подъ ига закона, не грѣшниками уже были мы предъ Богомъ, но праведными посредствомъ

новаго рожденія, ради коего и сынами Божіими именуемся; чтобъ, ставъ чуждыми духу вѣка сего, содѣлались мы причастниками нескончаемаго вѣка." Іеронимъ тоже: „еще въ этомъ вѣкѣ избавляетъ насъ (Господь отъ настоящаго вѣка лукаваго), когда умерши со Христомъ преобразуемся мы заново въ чувствахъ и расположеніяхъ, и не бываемъ уже отъ міра сего."

Для Галатовъ эти слова, напомнивъ имъ о дѣйствіи въ сердцахъ ихъ благодатной силы по вѣрѣ въ Господа чрезъ св. таинства, и о внутреннемъ ихъ обновленіи, служили сильнымъ предуказаніемъ, что склоняясь къ закону, они оставляютъ лучшее и берутся за худшее. Святый Златоустъ пишетъ: „Въ безчисленныхъ погрязали мы беззаконіяхъ, и достойны были жесточайшаго наказанія. А законъ не только не облегчилъ насъ, но еще осудилъ, открывъ наши согрѣшенія и не могши освободить и избавить насъ отъ гнѣва Божія. Напротивъ, Сынъ Божій и невозможное сдѣлалъ возможнымъ, разрѣшивъ грѣхи наши, и бывшихъ насъ враговъ поставивъ въ чинѣ друзей, даровалъ намъ и другія безчисленныя блага." Изложивъ подобныя мысли, Ѳеофилактъ прибавляетъ: „какъ же вы оставя Избавителя, внимаете закону, не принесшему никакой пользы?"—Или какъ Амвросіастъ: „какое потому заблужденіе послѣ благодати возвращаться подъ иго закона, т.-е. по полученіи свободы хотѣть быть въ рабствѣ! Тотъ оскорбляетъ купившаго его, кто опять отбѣгаетъ къ прежнему господину."

Для любящихъ не ограничиваться одними прямыми мыслями, поданными извѣстнымъ текстомъ Писанія, но ищущихъ при томъ разрѣшенія и всѣхъ соприкосновенныхъ вопросовъ, возбуждаемыхъ имъ, приводимъ мысли св. Златоуста по поводу словъ Апостола объ избавленіи насъ отъ настоящаго вѣка лукаваго. Онѣ просвѣтляютъ мрачность нашей жизни и возстановляютъ уваженіе къ ней,

которое очень колеблется тѣмъ, что вѣкъ сей лукавъ и окружающій насъ міръ, не исключая и насъ, во злѣ лежитъ. Были еретики, которые, видя много зла въ мірѣ, полагали, что онъ не Богомъ всеблагимъ созданъ, а есть произведеніе какой-то злой силы. Противъ нихъ и направляетъ рѣчь свою св. Златоустъ: „Нѣкоторые еретики восхищаютъ въ свою пользу и сіе изреченіе, клевеща на настоящую жизнь и приводя свидѣтелемъ клеветы Павла. Вотъ, говорятъ они, Павелъ называетъ настоящій вѣкъ лукавымъ. Но скажи мнѣ, что такое вѣкъ? Время, состоящее изъ дней и часовъ. Что же? Ужели продолженіе дней и теченіе солнца лукаво? Думаю, никто сего не скажетъ, хотя бы дошелъ до крайняго безумія. Скажешь: Апостолъ назвалъ лукавымъ не время, а настоящую жизнь. Но сіи слова не то означаютъ, и ты не на словахъ Апостола основываешь сплетенную тобою клевету на жизнь, а произвольно составляешь свое толкованіе. Позвольте и намъ истолковать сказанное Апостоломъ, и тѣмъ паче, что наше истолкованіе благочестиво и имѣетъ основаніе. Что же мы скажемъ? То, что никакое зло и никогда само по себѣ не было причиною какого-либо добра; настоящею же жизнію напротивъ пріобрѣтаются безчисленные вѣнцы и невыразимыя награды. Потому и самъ блаженный Павелъ такъ много уважаетъ сію жизнь, когда говоритъ: *аще же, жити ми тѣломъ, сіе мнѣ плодъ дѣла: и что изволю, не вѣмъ* (Филип. 1, 22); и разсуждая о выборѣ, т.-е. лучше ли здѣсь жить, или разрѣшиться и со Христомъ быть, предпочитаетъ пребываніе здѣсь. А если бы настоящая жизнь была зло, то онъ не сказалъ бы сего о себѣ и никто другой не могъ бы воспользоваться ею для подвиговъ добродѣтели, сколько бы ни старался. Ибо никто не можетъ зломъ пріобрѣсти добро, ни блудомъ стяжать цѣломудріе, ни завистью—

благожелательство. И когда Павелъ говоритъ *о мудрованіи плоти*, что *она закону Божію не покаряется, ниже бо можетъ* (Рим. 8. 7); онъ говоритъ то, что зло, поелику есть зло, не можетъ быть добромъ. Итакъ, когда услышишь о лукавомъ вѣкѣ, то разумѣй подъ симъ лукавыя дѣла, растлѣнную свободу. Ибо Христосъ пришелъ не для того, чтобъ умертвить насъ и такимъ образомъ вывести изъ настоящей жизни, но чтобы оставивъ насъ въ мірѣ, сдѣлать достойными наслѣдія жизни небесной. Посему и въ бесѣдѣ своей со Отцемъ Онъ говорилъ: *и сіи въ мірѣ суть, и Азъ къ Тебѣ гряду. Не молю, да возмеши ихъ отъ міра; но да соблюдеши ихъ отъ непріязни* т.-е. отъ зла (Іоан. 17, 11. 15). Но если ты не хочешь принять сего объясненія и не перестанешь говорить, что настоящая жизнь есть зло, то не осуждай же послѣ сего самоубійцъ. Ибо исхищающій себя отъ зла достоинъ не порицанія, но вѣнцевъ. Такимъ образомъ прекращающій свою жизнь насильственною смертію, или чрезъ удавленіе, или инымъ какимъ образомъ, не будетъ достоинъ осужденія, по твоему мнѣнію. Напротивъ и Богъ наказываетъ таковыхъ жесточае, нежели человѣкоубійцъ, и всѣ мы по справедливости съ ужасомъ отвращаемся отъ нихъ. Ибо ежели преступно убивать другихъ, тѣмъ паче самого себя. Если же настоящая жизнь зло, то человѣкоубійцъ надобно награждать за то, что избавляютъ насъ отъ зла. И міръ не должно называть злымъ. Если ты укажешь мнѣ на человѣкоубійцъ, любодѣйцевъ и гробокопателей, то я скажу, что сіи грѣхи не винятъ настоящей жизни: они зависятъ не отъ жизни нашей во плоти, но отъ поврежденной свободы. Ибо если бы они принадлежали настоящей жизни и необходимо соединены были съ нею, то никто не былъ бы свободенъ и чистъ отъ нихъ. Смотри,—избѣжать нуждъ, необходимо связанныхъ съ жиз-

нію во плоти, никто не можетъ. Какія же сіи нужды? — ѣсть, пить, спать, рости, алкать, жаждать, раждаться, умирать и всѣ другія подобныя симъ. Никто ихъ миновать не можетъ, ни грѣшникъ, ни праведникъ, ни царь, ни простолюдинъ, но всѣ подлежимъ сей необходимости природы. Такимъ образомъ, еслибы съ жизнію существенно сопряжена была необходимость дѣлать зло, то никто не избѣгъ бы сего, точно также, какъ никто не можетъ избѣгать неизбѣжныхъ нуждъ природы. Не говори мнѣ, что рѣдкіе проводятъ жизнь хорошо: ибо могущихъ избѣжать необходимыхъ нуждъ и требованій природы не найдешь и одного. Потому если и одинъ только найдется живущій добродѣтельно, истина нашего слова ничего отъ того не потерпитъ. Что еще скажешь, жалкій и бѣдный? Это ли лукавая и злая жизнь, при посредствѣ которой мы познали Бога, любомудрствуемъ о будущемъ, въ которой изъ людей дѣлаемся Ангелами, и соединяемся въ одинъ союзъ съ горними Силами? И какое найдемъ еще доказательство противъ злаго и испорченнаго вашего разума?“

По воли Бога и Отца нашего. Господь Спаситель далъ Себе по грѣсѣхъ нашихъ и избавилъ насъ отъ настоящаго вѣка лукаваго, по волѣ Бога и Отца нашего. Все устроеніе нашего спасенія, т.-е. чтобъ ему совершаться вѣрою въ Господа Искупителя и благодатію Св. Духа, было по волѣ Бога Отца. Какъ ветхозавѣтная экономія была по волѣ Отца небеснаго, такъ и новая благодать, отмѣнившая ее, стала достояніемъ рода человѣческаго по тойже волѣ. Для Галатовъ это указаніе очень важно было. Если лжеучители наводили на нихъ страхъ, оскорбить Бога, давшаго Законъ чрезъ Моисея, то Апостолъ даетъ имъ возможность прогнать сей страхъ, удостовѣряя, что и Новозавѣтное устроеніе

спасенія отъ того же Бога, и что, отступая отъ него, они прямѣе противятся Богу.

То, что прежде сказано: *давшаго Себе*, въ той мысли, что Онъ Самъ далъ Себе, а здѣсь: *по воли Бога Отца*, указываетъ на единодѣйственность Лицъ Пресв. Троицы. Что дѣлаетъ Отецъ, дѣлаетъ то не безъ Сына, и что дѣлаетъ Сынъ, дѣлаетъ то не безъ Отца. Какъ въ предвѣчномъ совѣтѣ о спасеніи и Сынъ говоритъ: *еже сотворити волю Твою Боже мой восхотѣхъ* (Пс. 39, 9); и Богъ Отецъ прежде сложенія міра по благоволенію хотѣнія Своего положилъ быть нашему спасенію въ Сынѣ Своемъ Господѣ Іисусѣ Христѣ, чрезъ освященіе и всыновленіе (Еф. 1, 4. 5): такъ и во времени Сынъ Божій и о Себѣ полагаетъ душу Свою (Іоан. 10, 18), и предается на смерть Отцемъ, по пронарекованному совѣту и проразумѣнію Божію (Дѣян. 2, 23), потому что такъ преднарече быти рука Божія и совѣтъ Божій (Дѣян. 4, 28). Св. Златоустъ на слова: *давшаго Себе по грѣсѣхъ нашихъ,* пишетъ: „Смотри, Онъ не рабское и не принужденное понесъ служеніе, и никто не предавалъ Его, но Онъ самъ предалъ Себя. Посему когда услышишь Іоанна говорящаго: *яко и Сына Своего единороднаго далъ есть за насъ Отецъ* (Іоан. 3, 16); то ради сего не уничижай достоинства Единороднаго, и не подумай о Немъ чего-либо человѣческаго. Ибо хотя и говорится, что Отецъ предалъ Его, но не для того, чтобъ ты считалъ служеніе Сына рабскимъ, а для того, чтобъ ты позналъ, что служеніе, понесенное Сыномъ, благоугодно было и Отцу. Тоже самое и здѣсь показалъ Павелъ, когда сказалъ: *по воли Бога и Отца нашего*,—не по повелѣнію, но по волѣ. Ибо воля у Отца и Сына одна; чего хотѣлъ Сынъ, тогоже хотѣлъ и Отецъ.“ Согласно съ симъ говоритъ и блаж. Іеронимъ: „И Сынъ предалъ Себя за грѣхи наши не безъ воли Отца, и Отецъ предалъ Сына,

не безъ воли Сына. Но та есть воля Сына, чтобы исполнять волю Отца, какъ Самъ говоритъ въ псалмѣ: *еже сотворити волю Твою Боже мой, восхотѣхъ* (39, 9).“

И для Галатовъ видятъ св. Отцы въ сихъ словахъ сильное вразумленіе. Такъ блаж. Θеодоритъ говоритъ: „Владыка Христосъ, не только Самъ домостроительствовалъ наше спасеніе, но имѣетъ на сіе и благоизволеніе Отца. Почему Апостолъ и присовокупилъ: *по воли Бога и Отца*. Вездѣ со Христомъ сопоставляетъ онъ и Отца, научая симъ, что и Отцу угодно, чтобы мы жительствовали не по закону, но по Евангелію.“ Экуменій продолжаетъ ту же мысль: „поелику говорили, что не должно оставлять закона, яко Богомъ даннаго; то показываетъ, что и то чтобъ вѣровать во Христа, есть воля Отца.“ Полнѣе обоихъ ихъ св. Златоустъ: „поелику они думали, что преслушаютъ Бога, давшаго законъ, если примутъ новый, и потому боялись оставить древній законъ, то Апостолъ исправляетъ и сіе ихъ предубѣжденіе, говоря, что сіе угодно и Отцу. И не просто сказалъ: по волѣ *Отца*, но *Отца нашего* (какое прибавленіе и часто онъ дѣлаетъ), дабы тѣмъ болѣе постыдить ихъ указаніемъ на то, что Христосъ содѣлалъ Отца Своего и нашимъ Отцемъ.“ „А это совершается чрезъ новое рожденіе наше отъ Него въ крещеніи. Зачѣмъ же обрѣзаніе? Зачѣмъ законъ?“ (Эк.)

Ст. 5. *Емуже слава во вѣки вѣковъ. Аминь*. Св. Павелъ, жившій въ Богѣ и всегда носившій въ благодарномъ сердцѣ великое Божіе благодѣяніе къ роду человѣческому, явленное въ искупленіи, и къ нему самому въ призваніи не ко спасенію только, но и къ Апостольству, нерѣдко при писаніи посланій приходилъ, отъ сознанія сего, въ движеніе и восторгался къ славословію Бога. Такъ 1 Тим. 1, 17; Филип. 4, 20; Еф. 3, 21; 2 Кор. 11, 31; Рим. 11, 36; 1, 25. Такъ и здѣсь. Помянувъ о волѣ Бога и Отца, онъ вознесся мыслію пре-

выше небесъ, къ престолу Тріvпостаснаго Божества, на коемъ положенъ предвѣчный совѣтъ о спасеніи рода нашего,—и воздаетъ славу Богу за сіе благоволеніе хотѣнія Его (Еф. 1, 5). Вѣчная да будетъ Ему слава за такое великое благодѣяніе! ибо слова: *во вѣки вѣковъ* тоже значатъ, что *святое святыхъ, пѣснь пѣсней, небеса небесъ*. Вѣки вѣковъ—безконечная вѣчность (Іерон.).—*Аминь*. Спаситель говорилъ: *аминь, аминь*—истинно, истинно. И здѣсь *аминь* можетъ быть: *истинно такъ*. Или выражаетъ только желаніе, чтобы было такъ. Буди Ему слава отъ всѣхъ вѣдающихъ преславное имя Его. Это наводитъ на завѣщаніе Спасителя: *тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваши добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, Иже на небесѣхъ* (Мѳ. 5, 16). Никто да не помрачаетъ своею жизнію и дѣлами славы исповѣдуемаго имъ Бога. Св. Златоустъ пишетъ на сіе мѣсто: „И это новое и доселѣ неупотребительное; ибо слова: *аминь* нигдѣ въ началѣ и въ предисловіи посланій не находимъ, но только послѣ многихъ и продолжительныхъ разсужденій оно поставляется. Здѣсь же, желая показать, что и сказаннаго уже довольно для обличенія Галатовъ, и что слово его не имѣетъ нужды въ распространеніи,—*аминь* поставилъ онъ въ началѣ своего посланія. Ибо явные проступки не требуютъ продолжительныхъ приготовленій для обличенія ихъ. Посему, вспомянувъ о крестѣ и воскресеніи, объ очищеніи грѣховъ и обезопасеніи отъ нихъ впредь, о волѣ Отца и согласіи Сына, о благодати и мирѣ и о всякомъ богатствѣ дарованій Божіихъ, заключилъ рѣчь свою славословіемъ. И не потому только онъ такъ заключилъ, но вмѣстѣ и отъ чрезмѣрнаго своего удивленія величію дара и преизбытку благодати, и отъ представленія того, что мы были и чѣмъ содѣлалъ насъ Богъ, сверхъ нашего чаянія и въ столь короткое время. Не могши всего

этого выразить словами, онъ кончилъ рѣчь славословіемъ, возсылая хвалу Богу за всю вселенную,—не такую, которая бы соотвѣтствовала величію благодѣяній Божіихъ, но какая была возможна для него. И потому послѣ сего еще съ большею силою продолжаетъ рѣчь свою, воспламенившись, какъ бы отъ сильнаго пламени, отъ представленія благодѣяній Божіихъ."

б) Начало посланія.

1, 6—9.

Послѣ привѣтствія, приступая къ самому посланію, св. Павелъ указываетъ: а) что заставляетъ его писать посланіе, и опредѣляетъ б) предметъ, который будетъ доказывать въ немъ. Писать побуждаетъ его перемѣна мыслей у Галатовъ объ образѣ спасенія, который имъ былъ преподанъ самимъ Апостоломъ (—6. 7); предметомъ же посланія будетъ непреложность Евангелія, имъ благовѣствованнаго. Желая возвратить ихъ къ прежнему образу вѣрованія, предпринимаетъ онъ доказать имъ, что ученіе, которое онъ имъ преподалъ, никѣмъ не можетъ быть измѣнено. Кто покусится на это, подпадетъ страшной анаѳемѣ, кто бы онъ ни былъ, изъ земныхъ или небесныхъ (—8. 9).

а)

Ст. 6. *Чуждуся, яко тако скоро прелагаетеся, отъ звавшаго вы благодатію Христовою, во ино благовѣствованіе.*

Чуждуся, дивлюсь, понять не умѣю, изумляетъ меня эта неожиданность — ваше измѣненіе и отпаденіе отъ вѣры: ибо дивятся обычно тому, что случается сверхъ чаянія и чего вдругъ не поймешь, какъ оно такъ сдѣлалось. Ожидать этого нельзя было и потому, что они

съ такимъ жаромъ приняли вѣру, и потому, что испытали уже спасительные плоды ея. Св. Златоустъ пишетъ: „Когда говоритъ: *дивлюся*, симъ не только упрекаетъ ихъ въ томъ, что они послѣ столь великихъ и обильныхъ дарованій, послѣ толикаго прощенія грѣховъ и столь великаго къ нимъ человѣколюбія Божія, самовольно передались подъ иго работы; но вмѣстѣ показываетъ и то, какое онъ объ нихъ имѣетъ мнѣніе, то-есть высокое и отличное. Ибо еслибъ онъ почиталъ ихъ слабыми и легко прельщаемыми, то не дивился бы случившемуся. Но поелику, говоритъ, вы были изъ числа искренно увѣровавшихъ и много потрудившихся, потому и дивлюсь. Сего довольно было для ихъ обращенія и возведенія въ прежнее состояніе; надежду на сіе онъ выразилъ и въ срединѣ посланія, сказавъ: *толико пострадасте туне*, *аще точію и туне*" (3, 4). Амвросіастъ: „Дивится, что отъ полученной свободы бросились въ рабство. Рѣдко случается, чтобъ кто отъ того, что доставляетъ радость, перебѣгалъ къ тому, что причиняетъ скорбь. Апостолъ и дивится имъ, что находясь въ состояніи довольства и безопасности, сами себя отдали на безпокойную и пустую работу. Это тоже, какъ еслибы неразумный корабельщикъ, находясь въ безопасной пристани, въ бурю пустился въ открытое море, на явныя опасности." Такъ св. Павелъ прямо обращается къ Галатамъ съ словомъ укора, тогда какъ въ другихъ посланіяхъ сначала хвалитъ тѣхъ, къ кому пишетъ, за принятіе вѣры и преуспѣяніе въ ней, хотя и тѣ бывали неисправны въ иномъ. Ибо какое мѣсто похвалѣ, когда отпадаютъ отъ вѣры? Другія церкви, хоть и являлись несовершенными, но твердо держали вѣру; а эти, измѣнивъ вѣрѣ, уничтожили въ себѣ всякую добротность. Хотя и было что хорошаго въ нихъ, цѣну потеряло, ибо не стало быть уже отъ вѣры. Апостолъ и не при-

лагаетъ похвалы имъ. А можетъ быть и потому опустилъ это, что тотчасъ, по полученіи непріятной вѣсти сей, взялся за перо и спѣшилъ вывести ихъ изъ заблужденія: некогда было соблюдать обычныхъ формальностей, поскорѣе къ дѣлу. Вниманіе его все было занято ихъ измѣненіемъ. О немъ прямо и рѣчь. Измѣнилисъ, говоритъ, вы въ томъ, что не можетъ быть измѣняемо. И потомъ доказываетъ это.

Яко тако скоро. Такъ скоро,—*или* послѣ обращенія, ибо и это не такъ давно совершилось, какихъ-нибудь года три-четыре;—*или* послѣ втораго пребыванія у нихъ св. Павла, отъ котораго не прошло можетъ быть и года. Онъ какъ бы говоритъ имъ: давно ли я былъ у васъ и видѣлъ, что вы стояли на добромъ пути,—*течасте добрѣ* (—5, 7). Какъ же такъ скоро возмутились стопы ногъ вашихъ?—*Или*,—*скоро* считать отъ появленія среди ихъ лжеучителей. Какъ бы такъ: не успѣли показаться среди васъ лжеучители, какъ вы уже потекли вслѣдъ ихъ. У св. Златоуста проглядываетъ и первая мысль, но виднѣе послѣдняя. „Двѣ вины, говоритъ онъ, возлагаетъ на нихъ Апостолъ: отступленіе, и такъ скорое отступленіе. Конечно они и тогда были бы достойны обвиненія, когда бы отпали спустя много времени; но здѣсь рѣчь идетъ о прельщеніи и обманѣ. Если достоинъ обвиненія и тотъ кто не вдругъ, но по долгомъ времени, отступаетъ, то при первомъ нападеніи враговъ, и отъ стрѣлъ еще издали пускаемыхъ, падающій показываетъ въ себѣ примѣръ крайней слабости. Въ чемъ Апостолъ упрекаетъ и Галатовъ, какъ бы такъ говоря: что такое значитъ, что обольщающіе васъ уже не имѣютъ нужды и во времени, но и одного перваго приступа довольно для нихъ, чтобы низложить и плѣнить всѣхъ васъ?“ Такъ же и св. Дамаскинъ: „то во мнѣ, говоритъ (Апостолъ), возбуждаетъ великое изумленіе, что столько на-

ученные таинству вѣры, что могли бы и для другихъ быть учителями, что эти такъ легко вѣрятъ лжеучителямъ.“ Блаженный Іеронимъ выставляетъ ту и другую мысль: „дивится Павелъ во-первыхъ тому, что они преложились отъ Евангельской свободы въ рабство законныхъ дѣлъ, потомъ тому, что такъ скоро преложились. Ибо не одна и таже вина—преложиться отъ кого медленно и скоро. Такъ въ отношеніи къ мученикамъ не одинаково обвиняется тотъ, кто безъ всякаго сопротивленія и безъ истязаній, тотчасъ подается на отреченіе,—и тотъ, кто нестерпимыми муками принужденъ бываетъ отрещись отъ того, во что вѣровалъ. Нова еще была у нихъ проповѣдь Евангелія, немного прошло времени послѣ того, какъ Павелъ привелъ Галатянъ отъ идолопоклонства ко Христу. Дивится потому, какъ такъ скоро отступили они отъ Того, по имени Коего недавно стали именоваться христіанами.“

Прелагаетеся. Склонились на лжеученіе, пошатнулись въ вѣрности Евангелію. Они задумали перейти подъ иго закона, но еще не перешли; дѣло въ ходу, но еще не совершено. Это и заставляетъ его спѣшить къ нимъ съ словомъ вразумленія; ибо всегда такъ бываетъ, что легче удержать отпадающаго отъ вѣры, или падающаго въ грѣхъ, чѣмъ возвратить отпадшаго и поднять падшаго. Св. Златоустъ пишетъ: „Не сказалъ: преложились, но—прелагаетеся, т.-е. я не вѣрю еще, и не думаю, чтобы это обольщеніе имѣло совершенный успѣхъ; чѣмъ опять показываетъ надежду обратить ихъ; и сію надежду еще яснѣе выразилъ онъ впослѣдствіи, сказавъ: *азъ надѣюся о васъ въ Господѣ, яко ничтоже ино разумѣти будете* (—5, 10)“.

Отъ звавшаго. Кто звавшій? Первое представляющееся лице, есть Апостолъ Павелъ. Онъ призвалъ ихъ къ вѣрѣ благовѣствованіемъ своимъ, какъ были призваны и Солу-

няне (2 Сол. 2, 14); онъ насадилъ въ нихъ вѣру, какъ и въ Коринѳянахъ (1 Кор. 3, 6). Какъ онъ, такъ и всѣ Апостолы были ближайшими орудіями призванія народовъ къ благодати Христовой; ибо имъ сказано: *шедше научите вся языки* (Мѳ. 28, 19). Такъ понять не неумѣстно было бы и здѣсь; ибо первый предметъ у Апостола будетъ доказать имъ, что имъ не слѣдуетъ отпадать отъ вѣры, потому самому что имъ обращены и научены; ибо его ученіе не отъ людей, а свыше. Къ этому пониманію прямѣе идутъ и слѣдующіе слова: *благодатію Христовою*. И вездѣ св. Павелъ сказываетъ, что онъ благодатію Христовою есть то, что есть, — Апостолъ Самимъ Господомъ посланный далече во языки пронести преславное имя Его. Но какъ и св. Павлу и прочимъ Апостоламъ необычно, при объясненіи призыванія къ вѣрѣ, останавливаться на себѣ самихъ какъ орудіяхъ призыванія, а всегда возводятъ они мысли къ Тому, Кто, дѣйствуя чрезъ нихъ, устроялъ на землѣ царство Христово; то и здѣсь лучше разумѣть Того же Дѣйствователя. Кто же Онъ? Іисусъ Христосъ, говорятъ иные. Греческій текстъ позволяетъ и такъ перевести это мѣсто: прелагаетесь отъ Христа, призвавшаго васъ благодатію (Своею). Возможнымъ это находитъ и блаженный Іеронимъ. „Можно и такъ,“ говоритъ онъ: „дивлюсь, что такъ скоро прелагаетесь отъ Іисуса Христа, Который призвалъ васъ во благодать, какъ и въ Евангеліи говоритъ Онъ о Себѣ: *Не пріидохъ призвати праведники, но грѣшники на покаяніе* (Мр. 2, 17),“—давая разумѣть, конечно, что всяко Онъ пришелъ затѣмъ, чтобы призвать. Но и такъ говорить необычно, ни Апостолу Павлу, ни прочимъ Апостоламъ. Всѣ они призываніе относятъ къ Богу Отцу, возводя все къ единому источнику всѣхъ благъ. Всякій въ этомъ самъ удостовѣриться можетъ, просмотрѣвши мѣста Писанія, въ коихъ говорится о при-

званіи, каковы: Римл. 8, 30; 9, 24; 1 Кор. 1, 9; 7, 15. 17; 1 Сол. 2, 12; 5, 24; 2 Сол. 2, 14; 2 Тим. 1, 9; 1 Петр. 1, 15; 2, 9; 5, 10; 2 Петр. 1, 3. И цѣль Апостола въ посланіи того требовала, чтобы званіе Галатовъ въ такомъ духѣ, какъ оно совершено чрезъ него, возвесть къ Богу Отцу. Они боялись Бога Отца оскорбить, если откажутся отъ закона; Апостолъ же здѣсь даетъ имъ разумѣть, что не тѣмъ они оскорбятъ Бога, если не станутъ подчиняться закону, а тѣмъ, если отклонятся отъ Евангелія. Такъ св. Златоустъ: „Поелику, говоритъ, они, соблюдая законъ, думали угодить Отцу, также какъ Іудеи, гоня Христа: то онъ сначала показываетъ, что они, такъ поступая, оскорбляютъ не только Христа, но и Отца. Ибо, дѣлая сіе, вы отлагаетесь, говоритъ, не только отъ Христа, но и отъ Отца. Ибо какъ Ветхій Завѣтъ не отъ Отца только, но и отъ Сына, такъ и благодать есть даръ не Сына только, но и Отца, и все у нихъ общее: *вся, елика иматъ Отецъ, Моя суть* (Іоан. 16, 15).“

Благодатію Христовою; по-русски же переведено: *въ благодать Христову*. Греческій текстъ дозволяетъ тотъ и другой переводъ.—Просмотрѣвшій цитованныя мѣста, видѣлъ уже конечно, что призваніе обставляется такими свѣтлыми представленіями: мы призваны Богомъ Отцемъ *во спасеніе* (2 Сол. 2, 14), *въ общеніе Сына Его, Господа нашего Іисуса Христа* (1 Кор. 1, 9), *въ миръ* (1 Кор. 7, 15; Кол. 3, 15), *въ чудный* Его *свѣтъ* (1 Петр. 2, 9), въ Его *царство и славу* (1 Сол. 2, 12), *въ вѣчную* Его *славу* (1 Петр. 5, 10). Всѣ сіи выраженія однозначительны съ выраженіемъ: во благодать Христову, и пространно опредѣляютъ, что̀ есть благодать Христова. Но есть и другія выраженія, однозначительныя съ выраженіемъ: *благодатію Христовою*. Такъ самъ себя св. Павелъ исповѣдуетъ призваннымъ *благодатію Божіею* (Гал. 1, 15), и о всѣхъ говоритъ, что Богъ ихъ призвалъ *званіемъ*

святымъ по Своему благоволенію и благодати, данней намъ о Христѣ Іисусѣ прежде лѣтъ вѣчныхъ (2 Тим. 1, 9). Изъ сего можемъ заключить, что хоть и нужно различать, какъ въ какомъ мѣстѣ лучше сказать: благодатію или во благодать; но въ существѣ то и другое нераздѣльно. Ибо безъ благодати Христовой не было бы и призванія; когда же началось призваніе, то куда ему быть, какъ не въ благодать Христову.

Если остановимся вниманіемъ на выраженіи, въ коемъ Богъ Отецъ представляется призвавшимъ насъ благодатію Христовою, будетъ такая мысль: чрезъ паденіе мы прогнѣвали Бога и лишились Его благоволенія; Господь Іисусъ Христосъ смертію Своею примирилъ насъ Богу и возвратилъ намъ Его благоволеніе; это и есть благодать Христова источная, ради которой потекли на насъ и всѣ другія милости отъ Бога, изъ коихъ первая есть призываніе. Такъ св. Златоустъ: „призваніе есть дѣло Отца, а причина призванія есть Сынъ. Онъ примирилъ насъ, и далъ даръ благодати; ибо не отъ дѣлъ праведныхъ мы получили спасеніе.“ Св. Златоустъ выражаетъ еще и ту мысль, что св. Павелъ сказалъ: *благодатію Христовою,* относясь къ Богу Отцу, ради того, что у Отца и Сына все обще. „Или лучше, говоритъ онъ (т. е. Апостолъ сказалъ: *благодатію Христовою*, потому, что) принадлежащее Сыну, — принадлежитъ и Отцу; и принадлежащее Отцу—принадлежитъ Сыну. Ибо говоритъ: *Моя Твоя суть, и Твоя Моя*“ (Іоан. 17, 10). Экуменій восходитъ при сихъ словахъ отъ единодѣйствія Отца и Сына къ единодѣйствію всѣхъ Лицъ Пресвятыя Троицы, говоря: „Сынъ подаетъ оставленіе (грѣховъ и примиреніе) кровію Своею; Отецъ призываетъ; Духъ Святый воздѣйствуетъ. Это есть общее къ намъ благодѣяніе Святыя и блаженныя Троицы.“

Если остановимся на выраженіи: въ благодать Христо-

ву, то подъ благодатію будетъ разумѣться все устроеніе нашего спасенія во Іисусѣ Христѣ Господѣ нашемъ, то-есть: воплощеніе Единороднаго Сына Божія, Его ученіе, чудеса, страданія, смерть, воскресеніе, вознесеніе и сѣдѣніе одесную Отца, ниспосланіе Пресв. Духа, откровеніе спасительныхъ истинъ чрезъ Апостоловъ, установленіе св. Таинствъ, подающихъ благодать, и всѣхъ учрежденій въ Церкви, вслѣдствіе чего приступающимъ съ вѣрою къ Господу и становящимся сынами Церкви подается оправданіе, возрожденіе, освященіе, всыновленіе и обрученіе наслѣдія вѣчныхъ и неизреченныхъ благъ на небесахъ. Все сіе въ совокупности есть благодать Христова, въ которую призваны были Галаты Богомъ Отцемъ, и въ которую мы призываемся самымъ рожденіемъ отъ родителей христіанъ,—что есть великое, ничѣмъ незаслуженное благоволеніе къ намъ премилосерднаго Бога и Отца нашего. Сущность призванія во благодать сію можно выразить такъ: призваны, чтобъ, оправдавшись ради покаянія вѣрою въ Господа Іисуса Христа, и принявши чрезъ святыя таинства благодать Св. Духа, жить прочее, съ помощію сей благодати, свято и непорочно, въ надеждѣ наслѣдія славнаго царства Христова. Се неизслѣдованное богатство христіанъ, которымъ мы обогащены чрезъ нищету Христову (2 Кор. 8, 9)! „Призваны вы, говоритъ Ѳеофилактъ, дабы оправдаться во Христѣ.“ Изъ чего видно, что онъ въ настоящемъ мѣстѣ понималъ призваніе *во благодать Христову*. Въ этомъ согласенъ онъ съ Экуменіемъ, который перефразируетъ это мѣсто такъ: „Богъ Отецъ призвалъ васъ въ благодать Сына Своего.“

Св. Златоустъ съ Ѳеодоритомъ обращаютъ при сихъ словахъ вниманіе и на то, чего ради сказалъ св. Павелъ, что Галаты прелагаются не отъ ученія, а отъ Призвавшаго ихъ. Это не даромъ, но чтобы сильнѣе подѣй-

ствовать на отступниковъ. „Не сказалъ, пишетъ св. Златоустъ: *прелагаетеся* отъ благовѣствованія, но *отъ Звавшаго вы*, т.-е. Бога. Симъ онъ сказалъ то, что было сильнѣе для нихъ и болѣе могло устрашить ихъ. Еслибы кто сдѣлалъ подобный поступокъ противъ своихъ друзей, то оставившій прежнихъ благодѣтельныхъ друзей своихъ, безъ сомнѣнія, былъ бы достоинъ осужденія. Подумайте же теперь, какого достоинъ наказанія тотъ, кто оставилъ Бога призвавшаго его?“

Во ино благовѣствованіе. Св. Павелъ проповѣдывалъ единое истинное ученіе о спасеніи, а тѣ лжеучители, пришедши, стали предлагать другое ученіе, съ нимъ несогласное. Какъ его истинное ученіе было благовѣствованіе, благую вѣсть о спасеніи предлагавшее; такъ и ихъ ученіе ложное онъ назвалъ тоже благовѣствованіемъ, только инымъ, безъ отношенія и къ принявшимъ это ложное ученіе и къ предлагавшимъ его. Но можно подразумѣвать у Апостола и ту мысль, что Галаты приняли его за настоящее Евангеліе, или что лжеучители говорили о себѣ, что они проповѣдуютъ истинное Евангеліе, можетъ быть даже намѣренно не поминая о томъ, что идутъ противъ Апостола Павла, или не согласны съ его ученіемъ, по крайней мѣрѣ въ началѣ проповѣди. Такъ св. Златоустъ: „Тѣ, которые хотѣли обмануть и обольстить Галатовъ, не вдругъ сіе дѣлали, но мало-помалу измѣняя сущность проповѣданныхъ имъ истинъ, не измѣняли ихъ наименованій. Такъ обыкновенно обманываетъ и обольщаетъ діаволъ, незамѣтно для уловляемыхъ разставляя свои сѣти! Ибо, еслибъ они прямо стали говорить: отрекитесь отъ Христа, то ихъ остереглись бы, какъ обманщиковъ и развратителей. Но теперь, оставивъ ихъ въ вѣрѣ и давъ своему лжеученію наименованіе Евангелія, они съ большею смѣлостію подкапывали зданіе, прикрывая проповѣдуемое ученіе именами, какъ

завѣсою, по обычаю подкапывающихъ стѣны. Итакъ, поелику они называли свое ложное ученіе Евангеліемъ, или благовѣствованіемъ, то Апостолъ весьма кстати вступается и за самое наименованіе, когда говоритъ: *во ино благовѣствованіе, еже нѣсть ино.*"

Ст. 7. *Еже нѣсть ино, точію нѣцыи суть смущающіи вы, и хотящіи превратити блоговѣствованіе Христово.*

Еже нѣсть ино. Или такъ: прелагаетесь во ино благовѣствованіе, а оно не есть иное благовѣствованіе, не есть ученіе, которое достойно было бы наименоваться благовѣстіемъ, Евангеліемъ. Такъ блаженный Іеронимъ: „прелагаетесь во ино благовѣствованіе, которое не есть благовѣствованіе." Лжеучители хоть и называютъ его такъ, и вы хоть и признали его таковымъ, но въ существѣ оно не таково. *Или* такъ: прелагаетесь во ино благовѣствованіе, котораго иного нѣтъ, или: а его иного нѣтъ. Нѣтъ другаго ученія, которое можно бы было назвать благовѣстіемъ. Евангеліе одно, то, которое я вамъ преподалъ. Такъ Ѳеофилактъ: „нѣтъ другаго Евангелія, кромѣ того, которое вы приняли. Евангеліе, содержащее православіе одно, то самое, которое я вамъ проповѣдалъ." Св. Дамаскинъ и основаніе тому указываетъ: „какъ и св. Петръ говоритъ: *нѣсть бо иного имене подъ небесемъ, даннаго въ человѣцѣхъ, о немже подобаетъ спастися намъ*" (Дѣян. 4, 12). Блаженный Ѳеодоритъ прибавляетъ: „оставивъ это благовѣствованіе, не найдете другаго, потому что Владыка не иное проповѣдуетъ чрезъ насъ, а иное чрезъ другихъ Апостоловъ, но одно и тоже проповѣдуемъ всѣ мы, возлюбившіе истину, а мудрствующіе противно намъ не предлагаютъ вамъ ничего Божественнаго, но предпріемлютъ искажать Божественное."

Оба эти поясненія впрочемъ въ существѣ суть одно и тоже: уклоняетесь во ино благовѣствованіе, которое не есть

благовѣствованіе иное, потому что инаго благовѣствованія нѣтъ. Оно одно. Св. Златоустъ имѣлъ нужду разъяснить недоумѣніе: какъ же у насъ четыре Евангелія?— но не прямо это выставляетъ, а вступаетъ въ споръ съ маркіонитами, принимавшими только одно Евангеліе отъ Луки, и то не въ цѣломъ видѣ,—и говоритъ: „какъ больные терпятъ вредъ и отъ здоровой пищи, такъ и маркіониты здѣсь потерпѣли. Ибо они, воспользовавшись сими словами, говорятъ: вотъ и Павелъ сказалъ, что нѣтъ другаго Евангелія. Хотя они и смѣшны, однако нужно обличить ихъ ложь. Что же намъ сказать? Хотя бы и очень многіе писали Евангелія, но если они будутъ писать одно и тоже, то и многія будутъ не болѣе, какъ одно Евангеліе, и множество пишущихъ никакъ не воспрепятствуетъ ему быть однимъ. Напротивъ, хотя бы и одинъ кто писалъ, но писалъ бы противное, то написанное имъ будетъ уже не одно. Одно или не одно Евангеліе, это познается не по числу пишущихъ, но по тождеству или разности написаннаго. Отсюда видно, что и четыре Евангелія суть одно Евангеліе. Ибо когда и четыре говорятъ одно и тоже, то здѣсъ не одно и другое, или разное, потому что говорятъ разные, но одно по согласію и единству написаннаго ими. И Павелъ здѣсь говоритъ не о числѣ проповѣдующихъ, но о несогласіи и противорѣчіи проповѣдуемаго.“

Точію нѣцыи суть смущающіи вы, и проч. Ожидается, по теченію рѣчи, отвѣтъ на слѣдующій вопросъ: если ученіе этихъ новопришедшихъ учителей не есть благовѣстіе, если другаго благовѣстія и совсѣмъ нѣтъ; то что же есть ихъ ученіе? Отвѣчаетъ св. Павелъ: а это есть не что иное, развѣ смущеніе умовъ, смѣшеніе понятій и превращеніе Евангелія. Но въ образѣ выраженія сей мысли вмѣсто того, чтобъ выставить явленіе и дѣйствіе, выставляетъ дѣйствующія лица; подобно тому, какъ самъ Спаситель въ объясненіи притчи о сѣмени слова, гово-

рилъ: *сіи суть сѣміи*—вмѣсто сѣмени сѣемаго или Евангелія проповѣдуемаго (Мр. 4, 15—20). Сдѣлалъ такъ св. Павелъ ради того, что ему поскорѣе хотѣлось бросить тѣнь на этихъ новыхъ учителей, назвавъ ихъ возмутителями или смутителями умовъ и извратителями истины.

Смущающіи,—Ταράσσοντες,—какимъ словомъ выражается и смятеніе въ народѣ по какому-либо случаю, и смущеніе душевное отъ привходящихъ мыслей и возбужденія страстей. Хотя у Апостола не поминается о смятеніи вѣрующихъ и волненіяхъ между ними; но конечно не безъ того было. Не всѣ же вдругъ такъ и согласились. Св. Павелъ не обратилъ на это особеннаго вниманія можетъ быть потому, что это смятеніе было незначительно, вѣрнѣе же потому, что исключительно занялся смятеніемъ ихъ внутреннимъ, возмущеніемъ ихъ вѣры и внутренняго спокойствія, отъ коихъ и всѣ внѣшнія нестроенія. Выставляя это внутреннее смятеніе на видъ, онъ этимъ самымъ даетъ Галатамъ указаніе, какъ сами они могутъ понять худость новаго ученія, принятаго ими. Помянувъ о смущеніи отъ лжеученія приводитъ имъ на память то блаженное состояніе, въ которомъ они находились, когда приняли истинное Евангеліе (—4, 15). Сличите, какъ бы говоритъ онъ имъ, ту отраду съ этимъ смущеніемъ, и сами уразумѣете, гдѣ истина и гдѣ ложь. Этимъ же словомъ св. Павелъ объясняетъ и то, какъ тѣ успѣли совратить ихъ съ пути. Натолковали имъ не знать что, смѣшали понятія, возбудили опасенія,—они и стали видѣть одно вмѣсто другаго. Омрачилось око ума и стало видѣть истину тамъ, гдѣ ничего не было кромѣ лжи и обмана.

Св. толковники преимущественно на это душевное состояніе и обращаютъ вниманіе при семъ словѣ. Такъ Ѳеофилактъ: „тѣ, желая превратить благовѣствованіе

Христово, очеса душъ вашихъ возмущаютъ (порошатъ) и дѣлаютъ то, что вы видите одно вмѣсто другаго." „Ибо, говоритъ св. Златоустъ, какъ смущенный чѣмъ-либо глазъ видитъ одно вмѣсто другаго, такъ и умъ, возмущаемый приливомъ превратныхъ мыслей, подобной же болѣзни подвергается. И страждущіе сумашествіемъ представляютъ одно вмѣсто другаго; но та болѣзнь (лжеученіе) опаснѣе этой, поелику вредитъ человѣку въ познаніи не чувственныхъ предметовъ, но духовныхъ, и производитъ превращеніе не въ зрачкѣ глаза, а въ очахъ ума."

Хотящіи превратити благовѣствованіе Христово. Смущеніе умовъ было въ рукахъ лжеучителей средствомъ, цѣль же у нихъ есть превращеніе благовѣствованія Христова. И смущеніе они произвели и производятъ только среди Галатовъ пока,—цѣль же ихъ и повсюду превратить истинное Евангеліе. Это ихъ главное намѣреніе и это побуждаетъ ихъ предпринимать такія путешествія и всюду сѣять свое превратное ученіе. Этимъ словомъ они представляются злонамѣренными разорителями существеннѣйшаго блага на землѣ—спасенія въ Господѣ. Намѣреніе неисполнимое; но отъ этого ихъ вина не дѣлается меньше тяжкою. Блаженный Августинъ говоритъ, что лжеучители эти хотятъ превратить Евангеліе Христово, но оно пребываетъ неизмѣнно твердымъ. Пусть Галаты согласились перемѣнить духовное (служеніе) на плотское, но чрезъ это только въ ихъ умахъ превратилось Евангеліе, а само по себѣ оно непревратимо.

Въ чемъ состояло это превращеніе Евангелія, блаженный Іеронимъ выражаетъ общимъ положеніемъ, какъ и Августинъ въ приведенныхъ выше его мысляхъ: „всякій, кто толкуетъ Евангеліе въ иномъ смыслѣ и духѣ, нежели какъ предано Апостолами, смущаетъ вѣрующихъ и превращаетъ Евангеліе Христово, оттѣсняя назадъ то,

что должно быть напереди, и ставя напередъ то, что должно оставаться назади. Кто соглашается на толкованія іудействующихъ, тотъ назадъ оттѣсняетъ то, что по значенію своему должно быть напереди." Св. Златоустъ опредѣленнѣе выражаетъ это превращеніе: „хотя бы они прибавили одну только или двѣ заповѣди, напримѣръ объ обрѣзаніи и наблюденіи дней; но поелику и малое вопреки Закону допущенное портитъ все, посему и сказалъ: *превратити благовѣствованіе*. Въ царскихъ монетахъ, хотя бы кто испортилъ печать монеты, симъ сдѣлалъ бы негодною и всю монету: равно, кто хотя малѣйшій догматъ правыя вѣры превратилъ, тотъ и все уже подвергаетъ томуже извращенію, постепенно переходя отъ перваго поврежденія къ другому худшему."

Не лишнимъ считаемъ привести и урокъ св. Златоуста, который онъ даетъ по поводу этого превращенія Евангелія. Онъ найдетъ себѣ приложеніе и у насъ. „Доколѣ, говоритъ, ты будешь здравъ въ умѣ, и очами ума своего будешь искать только праваго, и не извращеннаго, вымышляя то, чего нѣтъ, ты не признаешь и не примешь другаго Евангелія. Но слушай, что говоритъ Павелъ,—что и тѣ превращаютъ благовѣствованіе, которые привносятъ въ оное хотя и маловажное нѣчто, но противное Евангелію. Не слышалъ ли ты, что было въ Ветхомъ Завѣтѣ? Нѣкто, собиравшій дрова въ субботу и тѣмъ преступившій одну заповѣдь, и притомъ небольшую, подвергся жесточайшему наказанію (Числ. 15, 32—36). Оза хотѣлъ поддержать угрожаемый, по его мнѣнію, паденіемъ ковчегъ Завѣта, и тутъ же умеръ за то, что хотѣлъ оказать помощь Тому, Кто не имѣетъ нужды въ его помощи (2 Цар. 6, 6. 7). Итакъ, если нарушеніе субботы и прикосновеніе къ падающему ковчегу такъ прогнѣвали Бога, что дерзнувшіе на то и другое не получили ни малѣйшаго помилованія, то из-

вращающій страшные и неизреченные догматы вѣры, чѣмъ оправдается и какое получитъ помилованіе? Нѣтъ ему помилованія, нѣтъ никакого! Сіе-то самое и есть причиною всякихъ золъ, что не безпокоимся о малыхъ проступкахъ; оттого и впали въ тяжкіе грѣхи, что малые остаются безъ надлежащаго исправленія. Что бываетъ съ тѣлами, т. е. когда страждущіе тѣломъ оставляютъ безъ врачеванія раны тѣлесныя, то симъ производятъ и горячки, и гніеніе, и самую смерть тѣла; тоже надобно сказать и о душахъ: тѣ, которые пренебрегаютъ малыя свои погрѣшности, впадаютъ въ большія. Такой-то погрѣшаетъ противъ поста, и тутъ, говорятъ, ничего нѣтъ важнаго. Другой твердъ въ православной вѣрѣ, но, притворно уступая времени, иногда говоритъ вольно и дерзко о вѣрѣ, но и это, говорятъ, не слишкомъ важное дѣло. Иной, будучи раздраженъ чѣмъ нибудь, грозитъ отступить отъ правой вѣры; и это, говорятъ, не заслуживаетъ наказанія: ибо онъ согрѣшилъ во гнѣвѣ и въ запальчивости. Можно встрѣчать ежедневно еще и другіе безчисленные такого рода грѣхи, насильственно вторгающіеся въ Церковь. Оттого мы сдѣлались достойными посмѣянія, безжалостно разсѣкая Церковь на безчисленныя части. Еслибы всѣ, когда-либо покушавшіеся отступить отъ Божественныхъ Законовъ, и хотя малое сдѣлать въ нихъ измѣненіе, съ самаго начала были удерживаемы запрещеніемъ, то не появилась бы еще нынѣшняя зараза, и такая буря не объяла бы Церкви. Нѣкоторые изъ насъ соблюдаютъ даже многіе изъ языческихъ обычаевъ, каковы суть: волхвованія, гаданія, предвѣщанія, наблюденіе дней и суевѣрныя замѣчанія при рожденіи, и всякаго нечестія исполненныя письмена, которыя, къ большему злу, кладутъ на головы только что раждающихся дѣтей, научая ихъ съ первыхъ дней жизни презирать труды для стяжанія добродѣтели,

и подчиняя ложной власти судьбы. Но если и *обрѣзающимся Христосъ ничтоже пользуетъ* (5, 2), то можетъ ли вѣра сколько-нибудь послужить во спасеніе тѣмъ, которые вводятъ такое нечестіе? Обрѣзаніе и Богомъ было установлено, но поелику, будучи соблюдаемо не вовремя, вредило Евангелію, то Павелъ употребилъ все, чтобы прекратить оное. Но если Павелъ столько заботился о прекращеніи іудейскихъ обычаевъ потому только, что прошло время соблюдать ихъ, то какъ мы не будемъ заботиться объ истребленіи языческихъ обычаевъ? И какое мы будемъ имѣть оправданіе? Отъ сего-то все у насъ нынѣ въ смятеніи и смѣшеніи, и наставляемые, исполнившись помысловъ многихъ и гордыхъ, превратили порядокъ, и высшіе стали уже низшими. Теперь если и легкое кто сдѣлаетъ имъ обличеніе, они оплевываютъ и презираютъ таковыхъ начальниковъ своихъ. И это отъ того, что мы худо учили ихъ въ дѣтствѣ.“

б).

Ст. 8—9. *Но и аще мы, или Ангелъ съ небесе благовѣститъ вамъ паче, еже благовѣстихомъ вамъ, анаѳема да будетъ. Якоже предрекохомъ, и нынѣ паки глаголю, аще кто вамъ благовѣститъ паче, еже пріясте, анаѳема да будетъ.*

Въ этихъ стихахъ выражаетъ св. Павелъ главный предметъ посланія—неизмѣнность Евангелія въ томъ смыслѣ и духѣ, какъ онъ преподалъ его Галатамъ. Хоть въ первой части онъ доказываетъ свое Апостольское достоинство, т.-е., что онъ отъ Самого Господа наученъ Евангелію и получилъ власть проповѣдать его языкамъ; но цѣль и этого очевидно та, чтобы внушить, что, какъ ученіе Евангельское, имъ проповѣдуемое, отъ Господа есть, Божественно, то его измѣнять нельзя по человѣческимъ соображеніямъ. Когда Богъ говоритъ, тварь

разумная должна благоговѣйно слушать и покорно принимать. Своеличныя постиженія и соображенія должны быть обращены лишь на то, чтобы полнѣе и глубже усвоить заповѣдуемое.

Положеніе Апостола таково: никто и ничего не можетъ измѣнить въ преданномъ Евангеліи. Кто покусится на это, изъ земныхъ или небесныхъ, тому анаѳема. Это похоже на то, что въ Апокалипсисѣ говорится: *аще кто приложитъ къ симъ, наложитъ Богъ на него язвъ.... И аще кто отыметъ..., отыметъ Богъ часть его отъ книги животныя* (Апок. 22, 18).

Что никто не можетъ измѣнять Евангелія, это выражаетъ св. Павелъ въ словахъ: *аще мы или Ангелъ съ небесе*. Апостолъ беретъ самыя высшія лица—Апостоловъ и Ангеловъ: ибо на землѣ въ дѣлѣ вѣры никого нѣтъ выше Апостоловъ, небо же наполняютъ Ангелы. Но если и они, покусившись измѣнить Евангеліе, не могутъ избѣжать кары небесной, то кто можетъ дѣлать это безнаказанно?

Подъ *мы* ближайше разумѣется самъ Апостолъ Павелъ съ спутниками своими; но, судя по силѣ рѣчи, можно полагать, что св. Павелъ этимъ словомъ обнялъ и себя и всѣхъ Апостоловъ. Такъ св. Златоустъ: „произнесши проклятіе на благовѣстниковъ и Ангеловъ, симъ обнялъ онъ всякое достоинство; а произнесши оное и на себя самого, симъ указалъ на всякое сродство и содружество. Не говори мнѣ, говоритъ: сему учатъ такіе же Апостолы и друзья твои; я и себя самого не пощажу, ежели не то буду проповѣдывать. Впрочемъ онъ говоритъ сіе не для осужденія другихъ Апостоловъ, какъ бы извращавшихъ проповѣдь Евангельскую; нѣтъ! Ибо говоритъ: *аще убо азъ, аще ли они, тако проповѣдуемъ* (1 Кор. 15, 11); но симъ онъ хотѣлъ только показать, что достоинство лицъ не принимается въ уваженіе, когда рѣчь идетъ объ истинѣ.“

Словами: *паче, еже*.... означаетъ Апостолъ не противное только, но и разное, несогласное съ духомъ Евангелія, вообще не то, что имъ предано отъ лица Божія. „Не сказалъ: ежели противное будутъ благовѣствовать, или все превратятъ; но если и маловажное что будутъ благовѣствовать несогласно съ тѣмъ, что мы благовѣствовали, или хотя нѣсколько измѣнять что-либо въ проповѣди, анаѳема да будутъ“ (св. Злат.).

Въ какой силѣ говоритъ такъ св. Павелъ объ Апостолахъ и Ангелахъ? Говоритъ такъ предположительно. Мы вѣруемъ, что Апостолы благодатію Духа Святаго были ограждены отъ уклоненія отъ истины, и что Ангелы столько утверждены въ истинѣ и добрѣ, что для нихъ ложь и грѣхъ стали нравственною невозможностію. Не по природѣ своей они такими признаются, а по благодати Божіей. По естеству одинъ Богъ неизмѣненъ; но сіе свойство сообщается и тѣмъ, кои глубже входятъ въ общеніе съ Нимъ. Мысль Апостола та, что еслибъ даже невозможное стало возможнымъ, Евангеліе все должно пребывать и пребудетъ неизмѣнно. Блаженный Ѳеодоритъ говоритъ относительно Ангеловъ: „объ Ангелахъ упомянулъ (Апостолъ), нимало не предполагая, чтобы кто-либо изъ св. Ангеловъ сталъ учить тому, что противно Божественной проповѣди (ибо зналъ, что сіе невозможно), но отвергая симъ всякое человѣческое нововведеніе.“

Блаженный Іеронимъ предпочитаетъ ту же мысль, но приводитъ и другую. „Можно, говоритъ, принять, что это сказано предположительно (иные читаютъ: иперболично), не потому чтобы Апостолы и Ангелы могли иначе проповѣдывать, нежели какъ однажды преподано; но еслибъ и могло быть, чтобы Апостолы и Ангелы измѣнились, все отъ того, что однажды принято, отступать не должно. Самъ Апостолъ твердость своей вѣры въ другомъ мѣстѣ выставляетъ несокрушимою, говоря: *Извѣ-*

стихся, яко ни смерть, ни животъ, ни Ангелы, ни начала, ниже силы, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни ина тварь кая возможетъ насъ разлучити отъ любве Божія, яже о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ (Рим. 8, 38. 39). И еще: *истину глаголю о Христѣ, не лгу, послушествующей ми совѣсти моей Духомъ Святымъ* (Рим. 9, 1). Это не суть слова такого человѣка, который могъ бы когда-либо отступить отъ вѣры и любви Христовой. Тѣ же, которые не хотятъ принять, что это сказано предположительно, но думаютъ, что сказано въ прямомъ смыслѣ, т.-е. что и Апостолы и Ангелы могутъ измѣниться на худшее, противопоставляютъ сему то, что и самъ Павелъ сознавалъ, что можетъ пасть, если вознерадитъ, говоря: *умерщвляю тѣло мое и порабощаю, да не како, инымъ проповѣдуя, самъ неключимъ буду* (1 Кор. 9, 27);—и Ангелы измѣнчивы, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ не сохранили своего начальства (Іуд. 6). Единъ Богъ, по естеству неизмѣненъ, какъ пишется: *Ты же тойжде еси* (Псал. 101, 28), и какъ Онъ Самъ о Себѣ говоритъ: *Азъ Господь Богъ вашъ и не измѣняюся* (Малах. 3, 6).“

Не удовольствовался св. Павелъ однажды изречь это грозное опредѣленіе, но повторяетъ его и въ другой разъ, говоря: *якоже предрекохомъ, и нынѣ паки глаголю*. Требовали этого важность предмета и желаніе глубже напечатлѣть въ сердцахъ Галатянъ это основное начало вѣры. Ибо на немъ стоитъ вѣра и Церковь. „Чтобы ты не подумалъ, пишетъ св. Златоустъ, что предыдущія слова его, или во гнѣвѣ, или преувеличенно сказаны, или невольно какъ-нибудь вырвались; то онъ еще повторяетъ то же самое. Кто возбужденный гнѣвомъ что-нибудь скажетъ, тотъ скоро отъ того отказывается; а кто говоритъ въ другой разъ тоже, симъ показываетъ, что онъ подумавши то сказалъ, и прежде поразсудивъ

въ умѣ своемъ, потомъ произнесъ сказанное." Блаженный Августинъ дополняетъ: „это повтореніе сильно возбудить спасительное намѣреніе твердо держать вѣру, которая заповѣдуется съ такою настойчивостію."

Опредѣлять съ точностію, что разумѣлъ св. Павелъ подъ словомъ: *предрекохомъ*, предыдущій ли стихъ, или подобныя слова, сказанныя имъ въ бытность у Галатовъ, не важно. Св. Златоустъ, какъ видно, разумѣлъ предыдущій стихъ; блаженный Августинъ и Іеронимъ разумѣютъ то и другое. Послѣдняя мысль много ослабляется тѣмъ, что тогда св. Павелъ выразился бы какъ-нибудь подобно тому, какъ въ посланіи къ Солунянамъ: *не помните ли, яко еще живый у васъ сія глаголахъ вамъ* (2 Сол. 2, 5).

Другія отличія въ реченіяхъ не дѣлаютъ никакого измѣненія въ силѣ Апостольскаго опредѣленія. Тамъ, въ 8 ст. говорится: *мы или Ангелъ съ небесе*, а здѣсь: *аще кто*. Выражаясь вообще (Іерон.), Апостолъ хочетъ сказать: кто бы ни былъ, искажающій истину, судъ надъ нимъ тотъ же. Тамъ *благовѣститъ*, — Εὐαγγελίζηται, — сталъ бы благовѣстить, а здѣсь—Εὐαγγελίζεται,—благовѣствуетъ. Этимъ указывается на продолжающееся усиліе лжеучителей совращать. Тамъ *паче, еже благовѣстихомъ*, а здѣсь: *паче, еже пріясте*. Это одно и то же; ибо отъ Апостола они не что другое приняли, какъ то, что онъ имъ благовѣствовалъ. Однакожъ тутъ слышится и укоръ. Приняли; а теперь что?—И не укоръ только, но и указаніе пути для возвращенія къ истинѣ. Слушающій благовѣстіе можетъ убѣждаться и не убѣждаться, принять его, или не принять. Но принимающій его, принимаетъ конечно потому, что убѣждается въ истинѣ его. Апостолъ намекаетъ: вы умомъ и сердцемъ приняли мое благовѣстіе и успокоились въ немъ; возстановите сіи убѣжденія; и вы сами въ себѣ обрѣтете силу къ от-

пору извращающихъ истину. Или такъ: сами же и воодушевитесь, чтобъ отогнать ихъ, извергнуть изъ вашего сообщества. Словами: *благовѣстихомъ*, и *пріясте* обнимается все, и догматы, и правила жизни, и все устройство христіанской Церкви. Судъ Апостола падаетъ на извратителей ученія не писаннаго только, но преимущественно устно преданнаго.

Анаѳемою поражаетъ Апостолъ совратителей; но очевидно, что и совращенные коль скоро не покаряются увѣщанію и не образумливаются, подлежатъ той же анаѳемѣ; ибо держась лжеученія, они становятся едино съ лжеучителями. Постановленное Апостоломъ анаѳематствованіе: *да будетъ анаѳема*, служило и служитъ для Церкви правиломъ и руководствомъ, какъ поступать съ благовѣствующими паче, или лучше съ зловѣщающими, и съ тѣми, кои сами охотно послѣдуютъ имъ. Смыслъ анаѳемы тотъ, что подвергшійся ей извергается изъ Церкви, и становясь внѣ ея, не только лишается благодати ея, но и подвергается всѣмъ безблагодатіямъ, кои внѣ ея. Онъ—Божій отверженникъ, подгнѣвный Ему. Этого довольно, чтобы внушить ужасъ къ анаѳемѣ, и вмѣстѣ заставить всевозможно опасаться, какъ бы не подвергнуться ей. Этотъ ужасъ больше всѣхъ другихъ слѣдовало бы носить ученымъ, которые, углубляясь въ область наукъ, нерѣдко забываютъ, что на нихъ лежитъ долгъ предъ Богомъ и Господомъ Іисусомъ Христомъ не вѣщать паче, еже благовѣствовано Апостолами, и что скорѣе слѣдуетъ имъ заподозрить вѣрность своихъ выводовъ, чѣмъ покуситься на утвержденіе чего-либо, что отзывается вѣщаніемъ паче благовѣстія Апостольскаго, небеснаго, Божественнаго. Апостолъ положилъ только начало анаѳематствованія. Послѣ Церковію отмѣчены уже всѣ воззрѣнія, достойныя этой кары. Въ настоящее время нечего ждать особаго акта церковнаго для пора-

женія симъ судомъ зловѣщателей. Они сами подставляютъ свою голову подъ этотъ мечъ, какъ только изобрѣтаютъ противныя истинѣ мнѣнія и упорно начинаютъ стоять въ нихъ.

Ст. 10. *Нынѣ бо человѣки препираю или Бога? или ищу человѣкомъ угождати? Аще бо быхъ еще человѣкомъ угождалъ, Христовъ рабъ не быхъ убо былъ.*

Св. Павелъ сими словами отрицаетъ въ себѣ человѣкоугодливость, для того, чтобъ отвратить мысль о своей измѣнчивости. Ибо говорили, что онъ примѣняется къ людямъ и въ одномъ случаѣ такъ говоритъ и дѣйствуетъ, а въ другомъ иначе,—мѣняется въ своихъ убѣжденіяхъ. Изъ этого выходило, что хотя Евангеліе и неизмѣнно, но убѣжденія самого Апостола измѣнчивы. На это отвѣчаетъ св. Павелъ сими словами въ ихъ связи съ предыдущими. Измѣнчивымъ можно быть изъ человѣкоугодія, чтобъ отъ людей что-нибудь получить себѣ, но кто такой страшный произноситъ приговоръ и себѣ, какъ другимъ, — того нельзя подозрѣвать въ человѣкоугодіи, а слѣдовательно и въ измѣнчивости изъ-за него. Онъ какъ бы говоритъ: послѣ такихъ рѣчей, опредѣляющихъ анаѳему тому, кто измѣняетъ Евангеліе, или что-нибудь въ Евангеліи, судите сами, могу ли я самъ-то быть измѣнчивымъ ради угожденія людямъ? Къ людямъ ли примѣняюсь, людямъ ли угождать стараюсь въ моей проповѣди?—Еслибы это было во мнѣ, еслибы у меня былъ человѣкоугодливый нравъ, я бы и рабомъ Христовымъ не сдѣлался. Такъ перестаньте вѣрить наговорамъ, будто я учу нынѣ такъ, завтра иначе. Евангеліе и во мнѣ также неизмѣнно, какъ оно неизмѣнно само въ себѣ.—То же выразилъ онъ и въ посланіи къ Солунянамъ, говоря: *якоже искусихомся отъ Бога вѣрни быти пріяти благовѣствованіе, тако глаголемъ, не аки человѣкомъ угождающе, но Богу искушающему сердца наша* (1 Сол.

2, 4). Я таковъ же въ мысляхъ и чувствахъ предъ Богомъ, каковъ въ рѣчахъ и дѣлахъ предъ людьми. Какъ получилъ я Евангеліе отъ Бога, такъ передаю его. Богъ видитъ, что такъ есть. *Вѣдуще страхъ, человѣки увѣщаваемъ, Богови же явлени есмы* (2 Кор. 5, 11).

Такова мысль сего текста; но опредѣленіе смысла нѣкоторыхъ его реченій представляетъ затрудненія, особенно первыхъ словъ: *нынѣ бо человѣки препираю или Бога?* Затрудненіе зависитъ отъ того, что не видно, какой смыслъ дать слову: *препираю*. По-гречески стоитъ πείθω, что значитъ: убѣждаю, посредствомъ убѣжденій привлекаю на свою сторону; чтобы успѣшнѣе привлечь на свою сторону употребляютъ хитрословіе и разныя увертки, отсюда,—обольщаю; кто хочетъ убѣдить другаго, тотъ свои доводы выставляетъ, а другаго опровергаетъ—препираетъ;—споритъ, себя защищаетъ, а другаго обличаетъ, какъ бываетъ въ защитительныхъ рѣчахъ: кто устоитъ на своемъ и убѣдитъ всѣхъ, тотъ общее одобреніе и благоволеніе заслуживаетъ. Какое изъ этихъ значеній взять? Подражая св. Златоусту, какое хочешь, бери, только все своди на то, чтобъ видна была искренность проповѣди св. Павла, — что онъ проповѣдуетъ, какъ предъ Богомъ. Св. Златоустъ точно беретъ всѣ значенія, и изъ всѣхъ выводитъ это одно. Беретъ онъ это слово въ смыслѣ: обольщаю, обманываю, и говоритъ: „Еслибы, говоритъ Апостолъ, и могъ я обмануть васъ своими словами, но не могъ бы обмануть Бога, знающаго тайныя помышленія, и Коему всегда благоугождать—есть единственное мое желаніе. Видишь ли духъ Апостольскій и высоту Евангельскую?"— Беретъ онъ это слово и въ смыслѣ: защищать себя, и говоритъ: „Учитель принужденъ защищаться предъ учениками; и хотя благодушно переноситъ сію обиду, но вмѣстѣ и негодуетъ, впрочемъ не по гордости, да не

будетъ, но за легкомысліе обольщаемыхъ, и недовѣрчивость ихъ къ своему учителю. И потому сказавъ сіе, онъ какъ бы сказалъ: не съ вами у меня дѣло, не люди будутъ судить меня; съ Богомъ у меня дѣло, и я все дѣлаю, чтобы тамъ, предъ Его судомъ, оправдаться. И мы еще не дошли до такого несчастія, чтобы, готовясь къ отвѣту предъ Владыкою всяческихъ въ проповѣди нашей, стали повреждать догматы. Итакъ для защищенія своего и вмѣстѣ для обличенія ихъ, сказалъ онъ вышеприведенныя слова. Ибо наставляемыхъ дѣло не судить своихъ учителей, а вѣрить и повиноваться имъ. Но когда уже порядокъ вами извращенъ, и вы возсѣли на мѣстѣ судей, то знайте, говоритъ, что я очень мало забочусь объ оправданіи себя предъ вами; но какъ мы все дѣлаемъ для Бога, то предъ Нимъ будемъ и оправдываться въ проповѣдуемыхъ догматахъ. Тоже самое говорилъ онъ, когда писалъ къ Коринѳянамъ: *мнѣ же не велико есть, да отъ васъ истяжуся, или отъ человѣческаго дне* (1 Кор. 4, 3).“ Беретъ онъ это слово и въ значеніи снискать благоволеніе и благосклонность и говоритъ: „кто хочетъ снискать благоволеніе людей, тотъ употребляетъ многія коварства и хитрость, пользуется обманомъ и ложью, чтобъ склонить и привлечь къ себѣ слушающихъ; напротивъ, кто хочетъ снискать благоволеніе у Бога и старается Ему одному угодить, тому нуженъ только здравый и очищенный умъ; потому что Бога обмануть нельзя.“ Такимъ образомъ св. Златоустъ не стѣсняетъ себя значеніемъ слова, но все направляетъ къ тому, чтобы выяснить, что Апостолъ искренно проповѣдалъ единую Евангельскую истину, имѣя свидѣтелемъ своей совѣсти Бога. Златоусту подражаютъ Экуменій и Ѳеофилактъ. Послѣдній пишетъ: „такъ какъ на него наговаривали, будто онъ однимъ одно, другимъ другое проповѣдуетъ, мѣняясь въ словахъ и ученіи, при-

мѣнительно къ людямъ, то онъ говоритъ здѣсь противъ этого: къ людямъ ли я принаравливаюсь и имъ угодить стараюсь, или Богу? Еслибъ я хотѣлъ угождать людямъ, то конечно дѣлалъ бы такъ, какъ говорите."

Судя по сему *нынѣ*, по св. Златоусту, означаетъ то *теперь*, когда пишу посланіе,—то все время проповѣдническихъ трудовъ, т. е. *нынѣ*, когда я бросилъ іудейство и сталъ проповѣдывать Евангеліе, — то частицу слѣдственную: судите *теперь* послѣ сказаннаго. Блаженный Іеронимъ *нынѣ* разумѣетъ—по обращеніи и оставленіи іудейства.

Или ищу человѣкомъ угождати? Говорили, что св. Павелъ для того язычникамъ давалъ свободу отъ закона Моисеева, чтобъ поддѣлаться къ нимъ и удобнѣе привлекать ихъ: ибо язычники не благоволили къ религіознымъ порядкамъ іудейскимъ. Выходило изъ этого, что онъ кривитъ душею и истины чистой не проповѣдуетъ. Противъ этого и говоритъ теперь св. Павелъ, что это неправда, что онъ не таковъ въ своихъ убѣжденіяхъ, чтобъ измѣнять истинѣ изъ человѣкоугодія. Это выходило уже изъ произнесеннаго имъ приговора на измѣняющихъ Евангеліе. Св. Златоустъ говоритъ: „не изъ любоначалія пишемъ сіе, и не для того, чтобы имѣть учениковъ, и не славы и похвалы желая себѣ: ибо не человѣкамъ стараемся угодить, но Богу." Экуменій продолжаетъ: „не хочу я угождать людямъ; слѣдовательно и ни вамъ. Не затѣмъ я такъ сказалъ, чтобъ вамъ польстить и понравиться."

Аще бо быхъ еще человѣкомъ угождалъ, Христовъ рабъ не быхъ убо былъ. Другое доказательство того, что св. Павелъ не кривилъ истиною изъ угожденія людямъ. Строгій судъ на благовѣствующихъ *паче*, подъ который онъ и себя подводилъ, уже доказывалъ это. Теперь въ доказательство того же онъ указываетъ на свое обраще-

ніе отъ іудейства къ христіанству. Онъ говоритъ какъ бы: еслибъ я не любилъ истины и мѣнялся въ мысляхъ, смотря по лицамъ, къ которымъ обращаю рѣчь конечно для того, чтобы пользоваться ихъ благосклонностію, то не для чего было мнѣ оставлять іудейство. Тамъ я пользовался большимъ почетомъ, и еще большіе имѣлъ виды въ будущемъ. Если все это я бросилъ, то безъ сомнѣнія по тому убѣжденію, что оставаться въ іудействѣ болѣе не слѣдуетъ, что оно отжило свое время, Богомъ ему опредѣленное. Открылась истина о Христѣ, къ которой я прилѣпился всѣмъ сердцемъ, и которую единую всѣмъ проповѣдую, и язычникамъ и іудеямъ, принесши ей въ жертву всѣ свои земныя преимущества. „Еслибы я хотѣлъ угождать людямъ, говоритъ устами Павла св. Златоустъ, то и теперь былъ бы на сторонѣ іудеевъ, и доселѣ преслѣдовалъ бы Церковь. Поелику же я презрѣлъ и народъ свой, и своихъ друзей, и родственниковъ, и высокую славу, и терплю отъ нихъ гоненіе, вражды, брани и каждодневную смерть: то сіе явно показываетъ, что все, что ни говорю теперь, говорю не для пріобрѣтенія славы человѣческой. Это онъ сказалъ потому, что хочетъ разсказать свою прежнюю жизнь и внезапную перемѣну, и самымъ дѣломъ доказать, что онъ стоитъ за истину.“ Амвросіастъ отсюда дѣлаетъ такое наведеніе: „св. Павелъ, который училъ со всѣмъ благоговѣніемъ угождать Богу, не боялся идти наперекоръ людямъ, когда сего требовала слава Божія. Прежде пришествія Господа Законъ былъ проповѣдуемъ по волѣ Божіей; но когда пришелъ Господь, обѣтованный въ Законѣ, надлежало престать Закону, какъ предсказали о томъ и пророки. Почему Господь говоритъ: *Законъ и Пророки до Іоанна* (Лук. 16, 16). Уже неумѣстно было, чтобы въ присутствіи Господа Законъ хранилъ свою силу. Слѣдователь-

но кто послѣ сего думаетъ хранить Законъ, тотъ не волѣ Господа повинуется, а противится Ему."

Можетъ кто возразить: какъ же въ другихъ мѣстахъ пишетъ Апостолъ *всѣмъ угождаю* (1 Кор. 10, 33), *всѣмъ быхъ вся* (1 Кор. 9, 22), и всякому христіанину совѣтуетъ *угождать ближнему* (Римл. 15, 2)?—Но такъ говоритъ св. Павелъ, чтобъ показать, что онъ всѣ способы, какіе гдѣ оказывались пригожими, употреблялъ, чтобъ только расположить людей къ принятію единой истины, которую всюду проповѣдывалъ. Не истину мѣнялъ, примѣняясь къ людямъ, а способы свои и пріемы, чтобы люди удобнѣе приняли единую для всѣхъ истину. Его угожденіе людямъ касаться могло всего другаго, кромѣ истины. Съ нею онъ небоязненно шелъ наперекоръ всему міру. Почему и въ приведенныхъ мѣстахъ онъ говоритъ такъ: *всѣмъ быхъ вся*, но *да всяко нѣкія спасу; во всемъ всѣмъ угождаю*, но *не ищай своея пользы, но многихъ, да спасутся*. И другимъ угождать совѣтуетъ онъ только *во благое къ созиданію*. Блаж. Августинъ пишетъ: „кто старается людямъ внушить истину, тотъ не о томъ заботится, какъ бы самому встрѣтить благопріятный пріемъ у людей, а о томъ чтобъ имъ благоугодною стала самая истина, которую онъ внушаетъ имъ. Кто угоденъ людямъ ради истины, не онъ уже имъ угоденъ, а сама истина." Іеронимъ прибавляетъ: „Вотъ Апостолъ и самъ показываетъ, почему онъ всѣмъ во всемъ угождаетъ: *не ищай*, говоритъ, *своея пользы, но многихъ, да спасутся*. Кто по любви не ищущей своего, но *еже ближняго* (1 Кор. 10, 24), всѣмъ угождаетъ, да спасутся, тотъ паче угождаетъ Богу, для Котораго дорого спасеніе людей, чѣмъ людямъ." Въ совѣтѣ же Апостола ближнимъ угождать, блаж. Іеронимъ видитъ такой смыслъ: „если возможно и Богу угождать и людямъ, то надо угождать и людямъ. Если же невозможно иначе угодить людямъ, какъ Богу не угодив-

ши; то мы должны Богу болѣе угождать, чѣмъ людямъ."

Въ словахъ: *аще быхъ еще человѣкомъ угождалъ*, подъ словомъ *человѣкомъ* не Іудеи только разумѣются, но и вообще всѣ люди. Мысль такая: еслибъ у меня былъ человѣкоугодливый нравъ. Этимъ онъ отрицаетъ въ себѣ человѣкоугодничество и до обращенія. Тогда ревновалъ онъ по закону, но не изъ человѣкоугодія, а по тому убѣжденію, что ревнуетъ по истинѣ Божіей; коль же скоро удостовѣрился въ противномъ, тотчасъ отвлекъ свою ревность отъ прежняго предмета, и обратилъ ее на другой. И это опять не изъ угожденія какимъ-либо людямъ, но потому, что совершенно удостовѣрился въ истинѣ Евангельской. Словами: *Христовъ рабъ не быхъ убо былъ* св. Павелъ выражаетъ, что и христіаниномъ бы не сдѣлался, еслибы не любилъ истины, а только человѣкоудничалъ. Иные такъ: не былъ бы рабомъ Христовымъ, т.-е. Апостоломъ. Но первая мысль приличнѣе. Св. Павелъ усиливаетъ рѣчь: не только Апостоломъ не былъ бы, но и христіаниномъ, не обратился бы ко Христу, не принялъ бы Его святаго Евангелія и не покорился бы ему.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ЗАЩИТИТЕЛЬНАЯ.

1, 11 — 2, 21.

Лжеучители, чтобъ имѣть лучшій успѣхъ между Галатами, унижали св. Павла въ ихъ глазахъ, говоря, что онъ самого Господа не видалъ, а научился Евангелію отъ другихъ Апостоловъ, а потомъ отступилъ отъ нихъ, и составивъ свое ученіе о ненужности закона Моисеева, сталъ учить несогласно съ ними; для того же, чтобы

прикрыть свое разно-ученіе, онъ, бывая съ другими Апостолами вмѣстѣ, говоритъ и дѣйствуетъ какъ и они, т.-е. снисходитъ къ дѣламъ закона. Противъ такихъ неправыхъ внушеній обращаетъ въ началѣ свою рѣчь св. Павелъ; ибо иначе возродившіяся въ душахъ Галатовъ предубѣжденія противъ него, мѣшали бы имъ принять и тѣ доказательства истины Евангельскаго ученія, какія онъ намѣренъ былъ предложить имъ на основаніи Божественнаго Писанія и разумно понимаемыхъ условій спасенія человѣка падшаго. Онъ говоритъ: 1) что Евангеліе, которое я проповѣдую, принято мною не отъ человѣковъ, и не самъ я придумалъ его, а наученъ ему самимъ Господомъ (ст. 11—16); 2) что отъ другихъ Апостоловъ, или вообще вѣрующихъ научиться сему Евангелію я не могъ, какъ видите изъ обстоятельствъ моей жизни (—17—24); 3) что учу нисколько не разно съ прочими Апостолами, напротивъ они десницы дали мнѣ и Варнавѣ на такое именно ученіе (2, 1—10); 4) что я нисколько не примѣняюсь къ другимъ, напротивъ прямо пошелъ противъ самого Петра, когда увидѣлъ, что онъ дѣйствуетъ совсѣмъ несогласно съ Евангеліемъ (2, 11—21). Этими очевидностями св. Павелъ разсѣялъ неправыя о себѣ внушенія и возстановлялъ свое достоинство неложнаго учителя. Цѣль же у него не та, чтобы себя защитить, а чтобы возстановить въ сердцахъ Галатянъ убѣжденіе, что Евангеліе, имъ проповѣданное, есть свыше, потому непреложно истинно, и измѣняемо быть не можетъ. Св. Златоустъ, какъ уже замѣчено, такъ и полагаетъ, что св. Павелъ затѣмъ разсказываетъ обстоятельства своей жизни, чтобы доказать, что онъ проповѣдуетъ истину. „Онъ могъ бы, продолжаетъ далѣе св. отецъ, и отъ другаго источника заимствовать доказательства въ подтвержденіе истины своего проповѣданія, какъ-то: отъ знаменій,.... чудесъ,.... но устрояетъ слово свое инымъ образомъ.“

I.

О НЕПОСРЕДСТВЕННОМЪ ОТКРОВЕНІИ ЕВАНГЕЛІЯ СВ. ПАВЛУ САМИМЪ ГОСПОДОМЪ.

1, 11—16.

Сію истину внушаетъ св. Павелъ а) своимъ Апостольскимъ авторитетомъ (*сказую*... 11. 12) и подтверждаетъ б) внезапною своею перемѣной изъ гонителя въ защитника (—13—16). Такъ смотритъ на сіе св. Златоустъ: „Смотри, какъ онъ и отъ высшихъ, и отъ низшихъ доказываетъ, что онъ былъ ученикъ Іисуса Христа, Который Самъ безъ посредства человѣческаго благоволилъ открыть ему разумѣніе всего. Какъ же бы ты доказалъ невѣрующимъ, что Самъ Богъ открылъ тебѣ оныя неизреченныя тайны безъ посредства человѣческаго? Это доказываетъ, говоритъ, прежній мой образъ жизни и мыслей, и внезапная перемѣна. Ибо еслибъ не Богъ открылъ мнѣ оныя тайны, я не могъ бы такъ внезапно и скоро перемѣниться. У людей учащихся, когда они твердо и пламенно держатся своихъ противныхъ мнѣній, много потребно времени и старанія, чтобы переувѣриться въ оныхъ. Посему, кто такъ внезапно перемѣнился, и бывъ на самой высотѣ безумія, пришелъ въ такое искреннее сознаніе; явно, что онъ Божіимъ откровеніемъ и наставленіемъ такъ внезапно возвратился къ здравомыслію. Это и заставило его упомянуть о прежней жизни и обращеніи, а ихъ призвать въ свидѣтели бывшаго съ нимъ.“

а).

Стт. 11. 12. ***Сказую же вамъ, братіе, благовѣствованіе благовѣщенное отъ мене, яко нѣсть по человѣку. Ни***

бо азъ отъ человѣка пріяхъ е, ниже научихся, но явленіемъ Іисусъ Христовымъ.

Сими словами Апостолъ „открываетъ начало самого посланія, и говоритъ, что отъ Сына Божія научился Евангелію чрезъ откровеніе, когда по воскресеніи Онъ былъ уже на небесахъ, и что то, чему научился, соотвѣтствуетъ величію Того, отъ Кого научился“ (Амвросіастъ).

Сказую—торжественное удостовѣреніе въ истинѣ своего слова. Тутъ дается разумѣть, что то, что имѣетъ быть изречено, не подлежитъ сомнѣнію, что онъ ручается за это всѣмъ своимъ авторитетомъ. Св. Павлу обычно такъ говорить, и онъ употребляетъ этотъ оборотъ рѣчи особенно въ важныхъ случаяхъ, какъ напр. въ посланіи къ Коринѳянамъ (1 Кор, 15, 1 и дал.), гдѣ кратко высказываетъ существенные пункты Евангелія. Для насъ достаточно слышать подобное слово изъ устъ Апостоловъ, чтобы вѣрить, что ученіе ихъ точно все свыше есть. Ибо они были носители полной истины и ей предали себя въ жертву всецѣло. Блаж. Іеронимъ точно такое и дѣлаетъ при семъ наведеніе: „Спрашивается, Евангеліе принятое церквами всего міра, Божіе ли есть, или человѣческое? Отвѣчаемъ, что когда тѣ, кои говорятъ о себѣ: или *искушенія ищете глаголющаго во мнѣ Христа* (2 Кор. 13, 3) и: *живу же не ктому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ* (Гал. 2, 20), когда такіе говорятъ, то не они говорятъ, но говоритъ въ нихъ самъ Господь. Итакъ, когда говоритъ Павелъ и Петръ, то предаютъ Божіе Евангеліе, а не человѣческое.“

Братіе. Хоть онъ не похвалилъ ихъ и зналъ, что они открыли ухо свое рѣчамъ лжебратіи; однако все еще считаетъ ихъ состоящими въ общеніи съ собою и пишетъ, какъ къ братіямъ о Христѣ, конечно въ надеждѣ исправленія и въ побужденіе къ тому. Заблужде-

ніе еще не дѣлаетъ заблуждшаго отсѣченнымъ отъ общества содержащихъ истину, а упорство въ немъ.

Благовѣствованіе, благовѣщенное отъ мене, не то какъ я всюду его благовѣствую, а какъ благовѣствовалъ его у васъ, въ томъ видѣ, смыслѣ и значеніи, какъ я вамъ его передалъ и какъ вы приняли; подобно какъ и выше говорилъ ст. 8. 9: благовѣстихъ,—пріясте. Взоръ Апостола ограниченъ одними Галатами, и ихъ располагаетъ сосредоточить все вниманіе на томъ, чему они научены были. Для насъ же это все одно, какъ бы Апостолъ сказалъ: Евангеліе, которое благовѣствую; ибо онъ всюду одинаково благовѣстилъ.

Яко нѣсть по человѣку. Если отвлеченно на него смотрѣть, имѣя во вниманіи одно только содержаніе, и то нельзя не заключить, что оно не есть дѣло человѣческой мудрости. Это выраженіе похоже на то, какъ мы говоримъ: по-человѣчески, по-Ангельски, по-Божески. Всякій классъ существъ имѣетъ свой кругъ свойственныхъ ему принадлежностей, силъ и дѣйствій, средствъ и цѣлей, дѣйствительностей и возможностей. Судя по нимъ можно напередъ опредѣлить, подходитъ ли что къ извѣстному классу или нѣтъ. Это и говоритъ теперь Св, Павелъ,—что Евангеліе имъ благовѣщенное не изъ круга человѣческихъ дѣлъ, не подъ силу человѣку, и ожидать нельзя, чтобы человѣкъ умомъ своимъ могъ придумать его. „Оно составлено не по человѣческимъ умозаключеніямъ“ (Θеодор.). „Нѣсть по человѣку, ибо по Богу есть, т.-е. по Божію откровенію“ (Экум.).

Ни бо азъ отъ человѣка пріяхъ е, ниже научихся. Послѣ: *нѣсть по человѣку,* ожидалось бы, но по Богу есть или по откровенію Іисусъ-Христову. Но Св. Павелъ имѣлъ особое побужденіе выставить предъ Галатами, что Евангеліе его не только не есть человѣческое, но и будучи Божескимъ дошло до него не чрезъ человѣка, а

получено имъ лично отъ Самого Господа. Безъ этого удостовѣренія Галатовъ могли еще сбивать, что Св. Павелъ принялъ Евангеліе отъ другихъ, перетолковалъ его по-своему и учитъ несогласно съ тѣмъ, какъ Самъ Господь научилъ первыхъ Апостоловъ (Дамаск., Экум.). Въ опроверженіе этого имъ надлежало бы свѣриться съ тѣмъ, какъ учили очевидцы Слова. Но когда Св. Павелъ удостовѣрилъ, что онъ Евангеліе получилъ не отъ человѣка, а прямо отъ Господа: то мысли Галатянъ должны были принять другой оборотъ. Очевиднымъ становилось, что если такъ учить Господь повелѣлъ, то Св. Павелъ иначе и не могъ благовѣствовать. Чтобы теперь про первыхъ Апостоловъ ни говорили, для Галатянъ было явно, что слово Павлово есть Божіе слово, что свѣряться съ такъ далеко живущими отъ нихъ нѣтъ нужды, ибо Господь всюду есть одинъ и тотъ же, что слышатъ истину и они какъ бы прямо отъ Самого Господа.

Въ словахъ: *пріяхъ и научихся* иные видятъ одну и туже мысль, другіе видятъ указаніе на разныя степени постиженія и усвоенія Евангелія: въ *пріяхъ*—первоначальное обученіе, принятіе истины въ общихъ очертаніяхъ; въ *научихся*—углубленіе въ кругъ открываемыхъ истинъ, полное ихъ изученіе. Такъ блаженный Іеронимъ: „между *принять и научиться* такое различіе, что принимаетъ Евангеліе тотъ, кому оно внушается въ первый разъ, кто приводится только къ вѣрѣ въ него; научается же тотъ, кто познаетъ и всѣ тайны его.“ Иные видятъ въ *научихся* своеличное изученіе Евангелія открываемаго,—и простираютъ его до того, что въ *научихся* видятъ противоположеніе *пріяхъ*. У насъ два человѣческихъ источника познанія: иное отъ другихъ принимаемъ, до другаго сами доходимъ своимъ соображеніемъ. Св. Павелъ отрицаетъ и тотъ и другой источникъ для своего Евангелія. Онъ говоритъ какъ бы: я отъ чело-

вѣка не принялъ его готовое, и самъ не измыслилъ его; въ какомъ случаѣ—*ниже научихся* будетъ тоже, что не самъ изобрѣлъ его. Послѣдняя мысль очень важна въ томъ отношеніи, что отвергаетъ гаданіе тѣхъ, кои полагаютъ, будто ученіе Св. Павла есть его личное возрѣніе на Евангеліе. Тутъ онъ удостовѣряетъ, что Евангеліе его въ полномъ своемъ составѣ свыше есть, ничего сюда не привнесено отъ своеличныхъ соображеній, хотя конечно нельзя отвергать ихъ въ дальнѣйшихъ приложеніяхъ открытыхъ истинъ, хотя и эти происходили въ умѣ его облагодатствованномъ не безъ указанія и блюстительства Духа Божія.

Инымъ кажется что въ фразѣ: *ни бо азъ...* слышится: ибо и я не отъ человѣка пріялъ; т.-е. и я подобно другимъ Апостоламъ. Но теченіе рѣчи этого не оправдываетъ; хотя мысль не далека отъ намѣренія, съ какимъ говоритъ тѣ слова Св. Павелъ.

Но явленіемъ Іисусъ Христовымъ, т.-е. Евангеліе я получилъ прямо отъ Самого Господа. Нашъ славянскій переводъ останавливаетъ вниманіе на явленіи Господа Св. Павлу на пути его въ Дамаскъ, и даетъ разумѣть, что въ этотъ моментъ онъ постигъ силу Евангелія, хотя при семъ слышалъ только: „Я Іисусъ: трудно тебѣ противъ рожна прати,—и: иди въ Дамаскъ, тамъ тебѣ сказано будетъ, что ты долженъ сдѣлать“ (Дѣян. 9, 5. 6). Такъ блаженный Іеронимъ: „здѣсь онъ указываетъ на то явленіе (откровеніе), когда, идя въ Дамаскъ, сподобился услышать на пути гласъ Христа, и когда онъ, ослѣпши, увидѣлъ истинный Свѣтъ міра.“ И Ѳеодоритъ: „Весьма премудро (Св. Павелъ) употребилъ слово: *явленіемъ*; потому что Владыка Христосъ вознесся тогда на небо, и не всѣми уже одинаково былъ видимъ; а ему явился на пути и сподобилъ его служенія проповѣди.“ Но между тѣмъ нельзя не видѣть, что здѣсь положено только сѣмя

Евангелія, которому предстояло развиться въ цѣлое древо новозавѣтныхъ истинъ. Хотя для іудея, тѣмъ паче ученаго, очень уже много сказано однимъ тѣмъ, что Іисусъ Христосъ есть именно то, что о Немъ проповѣдуютъ, — обѣтованный Израилю Избавитель міра. При этомъ само собою должны были вообразиться всѣ тѣ черты, въ какихъ представлено въ Ветхомъ Завѣтѣ лице Мессіи и Его царство. Но очевидно, что одного этого было недостаточно для полнаго познанія Евангелія. Въ новозавѣтномъ ученіи много истинъ, коихъ нельзя узнать изъ одного ветхозавѣтнаго Писанія Надлежало быть наученнымъ отъ кого-либо. Св. Павелъ говоритъ, что онъ этому наученъ отъ Самого Господа. Если явленіе предъ Дамаскомъ не всему могло его научить,— а у людей Св. Павелъ ничему не научился, то надобно признать, что явленія Господа Павлу продолжались и послѣ, и при этомъ открываемы были ему всѣ тайны Евангелія. Почему здѣсь подъ явленіемъ надо разумѣть откровеніе вообще. Апостолъ не указываетъ, когда и какъ бывали ему сіи откровенія; но что они были, на это онъ не разъ ссылается въ своихъ посланіяхъ. Такъ, напримѣръ, о второмъ пришествіи Христовомъ и о томъ, что будетъ тогда съ живущими и умершими, онъ говоритъ къ Солунянамъ *словомъ Господнимъ* (1 Сол. 4, 15), конечно въ томъ смыслѣ, что онъ слово сіе слышалъ отъ Самого Господа; о тайной вечери онъ говорилъ тоже такъ, какъ *пріялъ* самъ *отъ Господа* (1 Кор. 11, 23); судя по сему и тамъ, гдѣ онъ, предъ изложеніемъ существа Евангелія, говорилъ: *еже и пріяхъ*, надо разумѣть, что это онъ пріялъ отъ Господа (1 Кор. 15, 3). И то восхищеніе до третьяго небесе, о коемъ онъ, поминая въ посланіи къ Коринѳянамъ, писанномъ годъ какой спустя послѣ посланія къ Галатамъ,—говоритъ, что оно было прежде четыренадесяти лѣтъ (2 Кор. 12, 2), уже слу-

чилось, когда Св. Павелъ писалъ сіе посланіе, и вообще падаетъ на первые годы по обращеніи его къ Господу. Всѣ такія указанія обязываютъ насъ признать, что Евангеліе все, во всемъ своемъ составѣ, было открыто Св. Павлу непосредственно Самимъ Господомъ, и что слѣдовательно онъ есть полный непосредственный ученикъ Господа, какъ и всѣ Апостолы первѣйшіе.

Онъ какъ бы говоритъ: „Тотъ самый открылъ мнѣ Евангеліе, Кто научилъ и прочихъ съ Петромъ Апостоловъ“ (Ѳеоф.). Говоритъ же объ этомъ для того, „чтобы противопоставить то клеветамъ противниковъ, давая знать, что и въ семъ не ниже онъ прочихъ Апостоловъ. Ибо какъ они отъ Самого Господа пріяли ученіе, такъ и онъ Его же имѣлъ учителемъ“ (Ѳеодор.).

б)

И одного этого Апостольскаго слова св. Павла достаточно было для удостовѣренія, что Евангеліе имъ получено свыше. Но онъ не довольствуется этимъ, а представляетъ осязательнѣйшее тому доказательство въ своей перемѣнѣ. Онъ какъ бы говоритъ имъ: смотрите, каковъ я былъ прежде, и какимъ потомъ вдругъ сталъ, и увидите перстъ Божій въ поворотѣ моей жизни. Что былъ перстъ Божій дѣйствовавшій въ немъ и помогавшій ему, онъ могъ бы это доказать и явленіями ему Господа, и сопровождавшими его проповѣдь знаменіями; но онъ этого не дѣлаетъ, потому что тутъ человѣческая немощь потребовала бы повѣрки, а выставляетъ то, что было для всѣхъ осязательно очевидно, свое превращеніе изъ іудея въ христіанина. Что онъ гналъ Церковь и разрушалъ ее, это всѣмъ было извѣстно. Всѣ же видѣли теперь и то, что этотъ гонитель и разоритель Церкви, защищаетъ ее и созидаетъ. Изъ этого, что слѣдовало? Слѣдовало дивиться, какъ и дѣлали вѣровавшіе въ Іудеѣ,

и славить Бога (— 23. 24); но вмѣстѣ признать, что дѣло св. Павла и проповѣдь его идутъ отъ Бога, и потому слушать его слова и покоряться его распоряженіямъ.

Надобно замѣтить, что на такія мысли только наводятъ слова Св. Павла; онѣ навѣваютъ такое убѣжденіе, и конечно изречены имъ не безъ тайнаго намѣренія, чтобъ онѣ и внушили сіе убѣжденіе. Буквальное же теченіе рѣчи внушаетъ и другое удостовѣреніе, что ученіе Св. Павла не есть человѣческое, именно такъ: до обращенія я гналъ Евангеліе, слѣдовательно знать его и охоты не имѣлъ и не считалъ нужнымъ; по обращеніи же не входилъ въ сношеніе ни съ кѣмъ изъ вѣровавшихъ въ него, съ цѣлію научиться ему. Судите послѣ сего сами, сколько есть вѣроятности въ слышанныхъ вами рѣчахъ, будто я научился Евангелію отъ людей?— Св. отцы и учители Церкви болѣе останавливаютъ вниманіе на первомъ, совсѣмъ будто не замѣчая втораго. Ибо выяснять старались болѣе духъ Писанія, нежели букву.

Стт. 13. 14. *Слышасте бо мое житіе иногда въ жидовствѣ, яко по премногу гонихъ Церковь Божію, и разрушахъ ю: и преспѣвахъ въ жидовствѣ паче многихъ сверстникъ моихъ въ родѣ моемъ, излиха ревнитель сый отеческихъ моихъ преданій.*

Слышасте. Видно самъ Апостолъ не разсказывалъ о своей прежней жизни, а такъ слухъ дошелъ до нихъ. „Что самъ Единородный Сынъ Божій благоволилъ призвать меня гласомъ своимъ съ небеси, вы сего не знаете; ибо какъ вамъ знать, не бывшимъ со мною? А что я былъ гонителемъ, это вы очень знаете; ибо слухъ о моей жестокости доходилъ и до васъ, несмотря на великое разстояніе между Палестиною и Галатіею. Такой слухъ о мнѣ не распространился бы такъ далеко, если-

бы моя жестокость не была слишкомъ велика, и для всѣхъ несносна" (Злат.).

Мое житіе въ жидовствѣ иногда. Житіе—не вообще какъ велъ себя, а каковъ былъ въ отношеніи къ Церкви Христовой; въ *жидовствѣ*, когда держался іудейскаго закона былъ по вѣрѣ іудей; *иногда*,—нѣкогда, предполагается, довольно давно. Уже лѣтъ болѣе двадцати прошло, какъ обратился Св. Павелъ, до того времени какъ писалъ сіе посланіе.

Яко попремногу гонихъ Церковь Божію, и разрушахъ ю. По премногу—καθ ὑπερβολήν,—сверхъ мѣры, больше нежели слѣдовало. Въ этомъ словѣ слышится сознаніе своей неправости прежней и неразумнаго юношескаго увлеченія. Тогда не видѣлъ онъ этой чрезмѣрности; теперь, озираясь назадъ, видитъ, что дѣйствовалъ по слѣпой ревности. Думалъ, что дѣло Божіе защищалъ; а оказалось что противъ Бога шелъ. *По премногу гонихъ*, былъ не какой-либо изъ легкихъ гонителей, но такой, жестокостямъ котораго и мѣры не было (Іерон.). *Церковь Божію*. „Не сказалъ: Церковь Христову, какъ прежде думалъ, когда презиралъ Христа (почитая Его человѣкомъ), но, какъ теперь вѣруетъ, *Церковь Божію*, показывая тѣмъ или то, что Христосъ есть Богъ, или то, что Церковь есть Церковь тогоже Бога, Который далъ нѣкогда и Законъ" (Іерон.). — *И разрушахъ ю*. Какъ зданіе разоряютъ, камень за камнемъ сбрасывая съ него; такъ онъ стремился разорить Церковь, тѣсня и доводя до избіенія одного за другимъ исповѣдающихъ вѣру Христову. Церковь Божію разоряютъ внутренно, повреждая ея догматы и уставы, какъ дѣлаютъ лжеучители и ересеначальники; разоряютъ ее внѣшно, когда истребляютъ вѣрующихъ. Св. Павелъ разорялъ ее этимъ послѣднимъ образомъ. Церкви не стало бы, когда не осталось бы исповѣдующихъ имя

Христово. „Св. Павелъ гналъ Церковь не какъ прочіе, но чрезмѣрно; не довольствовавшись даже и чрезмѣрнымъ гоненіемъ, но какъ разбойникъ какой дѣлалъ на нее набѣги и опустошалъ ее“ (Іерон.). „Видишь ли, съ какою силою выражаетъ каждое слово, и не стыдится? Ибо онъ не просто гналъ, но гналъ со всею жестокостію, и не только гналъ, но и разрушалъ, т.-е. старался истребить, разорить, низложить и уничтожить Церковь Божію. Ибо такъ поступаетъ разрушитель“ (Злат.).

И преспѣвахъ въ жидовствѣ, паче многихъ сверстникъ моихъ. Начинаетъ изъяснять Св. Павелъ, въ какомъ духѣ гналъ Церковь. Можно гнать по разбойническому, человѣкогубительскому праву; можно было гнать, чтобъ угодить первосвященникамъ и другимъ властямъ іудейскимъ, въ надеждѣ и самому послѣ занять видное между ними мѣсто. Ничего такого не было у Св. Павла. Я, говоритъ, гналъ Церковь, по одной любви къ отеческой вѣрѣ, безъ всякихъ внѣшнихъ разсчетовъ. Былъ увѣренъ, что такова воля Божія, чтобъ всегда держаться іудейства, и ревнуя по нему, дышалъ ревностію по Богѣ, хоть и заблуждался. И для Галатовъ важно было знать не столько то, что онъ гналъ Церковь, сколько то, какъ лежалъ сердцемъ къ закону. Сказавши, что такъ преданъ былъ закону, Св. Павелъ оставлялъ у нихъ мысль: такой любитель закона бросилъ его,—это не можетъ быть даромъ.

Преспѣвахъ въ жидовствѣ.—Это не то, что прежде: *житіе въ жидовствѣ.* Тамъ означено только внѣшнее принадлежаніе къ іудейству, а здѣсь указывается внутреннее къ нему отношеніе. *Жидовство*—вѣра, нравы и обычаи всѣхъ родовъ, какими отличались іудеи. *Преспѣяніе* въ немъ конечно состояло въ изученіи всего этого, въ слѣдованіи и преданности тому, въ сформированіи себя самого по іудейскимъ началамъ, такъ что для всѣхъ очевидно было, что онъ есть настоящій іудей и душею

и тѣломъ. Видя его такимъ, и другіе безъ сомнѣнія относились къ нему съ почетомъ, большія питая о немъ надежды. Въ этомъ отношеніи — *преспѣвалъ* будетъ: пошелъ въ гору, сталъ уже въ числѣ дѣятелей, которому много довѣряли самыя власти. *Паче многихъ сверстникъ моихъ.* Я былъ не изъ числа рядовыхъ среди юнаго поколѣнія нашего; превышалъ многихъ, или всѣхъ; какъ-бы такъ: много было сверстниковъ мнѣ, но я всѣхъ ихъ превышалъ и знаніемъ іудейства и ревностію по немъ. Можетъ быть и больше этого что-либо хотѣлъ выразить Св. Павелъ. Во всякое время молодое поколѣніе представляетъ ревнителей объ отечественномъ, о томъ, что считается отличіемъ отечества и краситъ его. Св. Павелъ ставитъ себя въ рядъ ихъ и увѣряетъ, что онъ больше всѣхъ ревнителей по іудейству ревновалъ; не съ равнодушными и вялыми себя сравниваетъ, а съ живыми и дѣятельными, и говоритъ, что всѣхъ такихъ превосходилъ. Это именно и важно было для него выставить предъ Галатами, чтобъ тѣмъ поразительнѣйшимъ представилось его отчужденіе отъ іудейства, и его перемѣна рѣшительнѣе указывала участіе въ ней сверхъестественной силы. *Въ родѣ моемъ:* не секта фарисейская разумѣется, а іудейская нація,—среди іудеевъ вообще.

Излиха ревнитель сый отеческихъ моихъ преданій. Излиха не то, что прежде *по премногу*. Тамъ означается чрезмѣрность, а здѣсь только превосходство предъ другими. По-гречески—тамъ: καθ᾽ ὑπερβολὴν; а здѣсь: περισσοτέρως. Не преуспѣвалъ только въ жидовствѣ больше всѣхъ, но и ревностію по нему превосходилъ всѣхъ. Преуспѣвалъ только паче сверстниковъ; о ревности же намекъ дѣлаетъ, что ревновалъ больше всѣхъ не сверстниковъ только, но и превышавшихъ его возрастомъ. Изъ Дѣяній Апостольскихъ точно видно, что онъ былъ двигатель и разжигатель гоненія. *Отеческими преданія-*

ми обнимаетъ Св. Павелъ всю совокупность воззрѣній, правилъ жизни, нравовъ и обычаевъ, какіе въ ту пору составляли іудейство, все іудейство, какъ оно сформировалось до его времени и было передаваемо отъ старшихъ младшимъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ дается разумѣть, что въ этомъ сформированіи руководителемъ и опредѣлителемъ было не столько Писаніе, сколько старческое преданіе: слѣдовательно разумѣется іудейство покривленное, въ которомъ и главное понятіе объ іудействѣ покривлено,—именно будто іудейство—вѣчная и неизмѣнная религія, для всѣхъ обязательная,—и много въ жизнь введено крайне стѣснительнаго, но безполезнаго, что однакожъ считалось условіемъ богоугожденія и спасенія. Блаженный Іеронимъ пишетъ: „Мудро поступилъ Св. Павелъ, внесши въ свое повѣствованіе указаніе на то, что онъ не столько Закону Божію работалъ, сколько отеческимъ преданіямъ, по которымъ учили ученіямъ и заповѣдямъ человѣческимъ (Мѳ. 15; Марк. 7) и отвергали Законъ Божій, чтобъ отстоять свои преданія. Въ этомъ же смыслѣ сказалъ и выше, что преуспѣвалъ не въ Законѣ, а въ жидовствѣ.“ Та же мысль и у блаженнаго Августина: „Если Павелъ, ревнитель отеческихъ своихъ преданій, преслѣдовалъ Церковь Божію, то очевидно, что отеческія его преданія противны Церкви Божіей. Но Законъ таковымъ быть не можетъ. Не онъ виновенъ, что между іудеями поднялось гоненіе на Церковь. Виновны въ этомъ плотскіе іудеи, кои и то, что приняли какъ духовное, поняли плотски, и сверхъ того прибавили къ тому много своего, разоряя, какъ говоритъ Господь, заповѣдь Божію изъ-за преданій своихъ“ (Матѳ. 15, 3).

Св. отцы, прозрѣвая, какое впечатлѣніе должно было произвести въ душахъ Галатовъ это простое сказаніе, дѣлаютъ въ семъ отношеніи разныя наведенія, сообразно съ цѣлію, какую имѣлъ Св. Павелъ, поминая о своей

прежней жизни и своемъ обращенiи. Гналъ вѣру, а теперь распространяетъ ее; былъ вседушно преданъ iудейству съ большими надеждами для себя, а теперь отвратился отъ него, подвергаясь всякаго рода лишенiямъ. Такого рода поворотъ въ жизни не мыслимъ безъ вразумленiя свыше. Iеронимъ пишетъ: „дивно, что не какой-нибудь изъ легкихъ гонителей, но такой, который превосходилъ прочихъ въ гоненiи, обратился къ вѣрѣ.“ Экуменiй продолжаетъ: „поелику Галаты не знали о бывшемъ ему отъ Христа откровенiи, то Апостолъ хочетъ указанiемъ на то, что онъ прежде былъ гонителемъ и потомъ внезапно перемѣнился, внушить имъ, что еслибъ не было ему какого-либо Божественнаго откровенiя, то онъ не перемѣнился бы такъ скоро; чтобъ они, убѣдившись чрезъ это, что онъ Христовъ ученикъ, не презирали его болѣе.“ Св. Дамаскинъ, выведши туже мысль изъ внезапной перемѣны св. Павла, прибавляетъ: „и другое еще нѣчто внушается симъ прикровенно, именно, что не слѣдуетъ болѣе держаться дѣлъ закона: ибо если такую ревность по законѣ показавшiй оставилъ его и перешелъ на путь спасенiя вѣрою; то явно, что оставилъ его по убѣжденiю, что тотъ не могъ вести къ совершенству. Если же такой ревнитель Закона оставляетъ его; тѣмъ паче не должны слѣдовать сему немощному закону тѣ, кои прямо прибѣгли къ вѣрѣ.“ Ту же мысль проводитъ и Амвросiастъ: „я, говоритъ, больше всѣхъ ревновалъ по законѣ; но когда по откровенiи узналъ, что онъ потерялъ уже силу, то весь предался вѣрѣ и благодати. Изъ этого слѣдовало: если этотъ израильтянинъ, ученикъ знаменитаго Гамалеила, бывшiй въ связяхъ со всѣми лучшими среди iудеевъ, оставилъ законъ; не тѣмъ ли паче бывшiе внѣ закона не должны подчинять себя закону? Если этотъ радуется, что вышелъ изъ-подъ ига работы, чего ради имъ вязать свободу свою узами закона?“ —

Экуменій опять, понимая преспѣяніе Павлово въ жидовствѣ въ житейскомъ отношеніи, т.-е , что онъ болѣе и болѣе почетнымъ становился въ глазахъ іудеевъ, говоритъ отъ лица Св. Павла: „что же за причина, что я вдругъ поднялъ войну на почитавшихъ и любившихъ меня? Не другое что, какъ явленіе Христа.“

Св. Златоустъ направляетъ все преимущественно къ тому, чтобъ выставить въ Св. Павлѣ отрѣшенную, чуждую всякихъ разсчетовъ земныхъ, ревность по Богѣ и любовь къ истинѣ. Вотъ его мысли на 14 ст.: „Дабы ты не подумалъ, что онъ такъ поступалъ (т.-е. гналъ Церковь) во гнѣвѣ и по злобѣ, прибавляетъ, что онъ все это дѣлалъ *по ревности*, хотя и въ невѣдѣніи, и гналъ не изъ тщеславія и не по враждѣ, но *ревнитель сый отеческихъ своихъ преданій*. Сіи слова значатъ слѣдующее: если то, что дѣлалъ я противъ Церкви, не для человѣка дѣлалъ, а по ревности божественной, хотя и ошибочной, впрочемъ по ревности: то какъ же теперь, подвизаясь за Церковь и познавъ истину, я могу все сіе дѣлать по тщеславію? Ибо если во время заблужденія моего не обладала мною такая страсть, но ревность по Богѣ побуждала меня къ тогдашнему образу дѣйствованія: тѣмъ болѣе, какъ я позналъ истину, несправедливо подозрѣвать во мнѣ тщеславіе. Ибо какъ скоро я обратился къ догматамъ Церкви Христовой и отказался отъ всѣхъ іудейскихъ заблужденій, то еще большую показалъ ревность здѣсь, нежели тамъ; а это доказываетъ, что я истинно перемѣнился и объятъ Божественною ревностію. Если не это, скажи мнѣ, что же другое расположило меня къ такой перемѣнѣ, что я промѣнялъ честь на поношеніе, покой на опасности, безопасность на страданія? Не другое что, какъ только любовь къ истинѣ.“

Стт. 15. 16. *Егда же благоволи Богъ, избравый мя отъ чрева матере моея, и призвавый благодатію Своею, яви-*

ти Сына Своего во мнѣ, да благовѣствую Его во языцѣхъ, абіе не приложихся плоти и крови.

На что предыдущими словами только намекалъ, т.-е., что перемѣна его произведена въ немъ силою Божіею, о томъ теперь поминаетъ, какъ о совершившемся событіи, именно, что Богъ дѣйствительно явилъ въ немъ Сына Своего, и тѣмъ произвелъ въ немъ такой переворотъ, что онъ послѣ сего оставилъ все человѣческое и земное и всего себя посвятилъ на служеніе Евангельской истинѣ. Усиливаетъ онъ значеніе сего событія указаніемъ на то, что оно было предвидѣно и предопредѣлено, и во времени совершилось такъ, какъ совершилось, потому что такъ благоволилъ Богъ; такъ что все въ немъ отъ Бога, и онъ есть воистину самимъ Богомъ поставленный Апостолъ языковъ, которому должно внимать и повиноваться, какъ посланнику Божію. Хотя все это высказываетъ онъ будто мимоходомъ, спѣша поскорѣе выразить ту мысль, которая заключается въ словахъ: *абіе не приложихся къ плоти и крови, ни взыдохъ,.. ко Апостоломъ;* тѣмъ не менѣе истины, какія внушаются его словами, многозначительны не для однихъ Галатовъ, но и для всѣхъ насъ, ибо яркимъ свѣтомъ Богопромышленія освѣщаютъ событія и жизнь каждаго изъ насъ, указывая въ вѣчности источникъ того, что совершается во времени.

Егда же благоволи Богъ. Когда благоволилъ,—а прежде этого развѣ не благоволилъ? Если избралъ еще отъ чрева матерня, то и благоволилъ съ того времени, какъ избралъ. Но то благоволительное избраніе—вѣчное; во времени же Богъ дѣломъ совершаетъ свои вѣчныя предначертанія, когда приходитъ время. У Бога всякой вещи свое время. Свое время было для пришествія Господа на землю чрезъ воплощеніе (Гал. 4, 4); будетъ свое время для втораго Его пришествія; есть свое время

для всякаго явленія въ жизни общественной и въ жизни каждаго человѣка. Такъ былъ свой благопріятный моментъ и для обращенія Св. Павла. Божественное промышленіе не пропустило его. Св. Павелъ, по обращеніи и просвѣщеніи Духомъ, уразумѣлъ это, и исповѣдуетъ теперь предъ всѣми. „Замѣтимъ, говоритъ Св. Златоустъ, какъ онъ все случившееся съ нимъ признаетъ не человѣческимъ дѣломъ, но приписываетъ Богу, все устрояющему о немъ по особенному промышленію.“ Но Павловъ Богъ и нашъ есть Богъ. Потому въ этомъ для насъ урокъ смотрѣть на событія своей жизни при свѣтѣ вѣры въ благое Божіе промышленіе.

Но спрашивается: „если онъ избранъ отъ чрева матерня; то какъ же онъ былъ гонителемъ?“ (Дамаск.). „Если онъ избранъ отъ чрева матерня, а призванъ послѣ, то конечно, по какому-либо благопромышленію, въ этотъ промежутокъ времени былъ оставленъ самому себѣ“ (Экум.). „Смотри, какъ онъ здѣсь старается показать, что и самое время, въ продолженіе котораго онъ оставался въ заблужденіи, было въ зависимости отъ недовѣдомаго нѣкоего усмотрѣнія Божія. Ибо если онъ отъ чрева матери своея избранъ быть Апостоломъ и призваннымъ къ служенію сему, а призванъ послѣ и званный послушался Призывающаго: явно, что Богъ по недовѣдомой какой-нибудь причинѣ доселѣ медлилъ призваніемъ его. Какое же тутъ было смотрѣніе Божіе?“ (Злат.). „То, чтобъ внезапное его измѣненіе многимъ послужило къ удостовѣренію въ истинѣ Евангелія“ (Экум.). „Это и самъ Павелъ рѣшаетъ въ другомъ мѣстѣ, говоря: *да во мнѣ первомъ покажетъ все долготерпѣніе, за образъ хотящимъ вѣровати Ему въ жизнь вѣчную* (1 Тим. 1, 16)“ (Св. Дамаск.).

Избравый мя отъ чрева матере моея. Исповѣдуетъ, что прежде чѣмъ родился на свѣтъ, когда еще были по-

лагаемы только основы его бытія, онъ уже былъ избранъ. Провидѣлъ Богъ годность Св. Павла къ Апостольству и избралъ его къ сему служенію; какъ прежде, провидя годность Іереміи, избралъ его въ Пророки прежде рожденія: *прежде неже мнѣ создати тя во чревѣ, познахъ тя, и прежде неже изыти тебѣ изъ ложеснъ, освятихъ тя, Пророка во языки поставихъ тя* (Іер. 1, 5). Есть мыслители, которые сіе и подобныя мѣста берутъ въ подтвержденіе своего ложнаго ученія о вѣчномъ избраніи Божіемъ, безъ соображенія съ тѣмъ, чѣмъ имѣетъ быть тотъ или другой человѣкъ, по своимъ естественнымъ дарованіямъ и свободному своему произволенію. Иные такъ думаютъ не объ избраніи только къ особому какому служенію, но и вообще объ избраніи ко спасенію,—такъ что потомъ эти избранники, не по свободному избранію своей воли, а по изліянію на нихъ особой благодати, помимо направленія ихъ свободы, бываютъ тѣмъ, къ чему избраны,—тѣ—Апостолами, Пророками и проч., а эти—спасенными. Но еслибъ было такъ, всѣ люди были бы спасенные: ибо Богъ всѣмъ хочетъ спастися, и поелику хочетъ, — тоже что избралъ, — то всѣ бы и спасались, еслибъ не участвовала въ этомъ воля человѣка, или свободное его произволеніе и избраніе. Но какъ безъ воли человѣка и спасти его нельзя, то хотя и всѣмъ Богъ хочетъ спастися, но не всѣ спасаются; ибо не всѣ хотятъ спасаться. Воля ихъ развращенная противится волѣ Божіей, не хотя подчиняться условіямъ спасенія; они и гибнутъ не смотря на то, что Богъ не хочетъ, чтобы они гибли. Относительно избранія Св. Павла Ѳеофилактъ говоритъ, что „Богъ избралъ его не по жребію, а по предвѣдѣнію, что онъ достоинъ того.“ Эту же мысль пространнѣе выясняетъ Амвросіастъ: „Павелъ уповалъ на законъ, не зная, что время служенія ему уже прошло, и со всѣмъ жаромъ

стремился противостоять Евангелію Христову, думая, что дѣйствуя такъ, дѣйствуетъ согласно съ волею Божіею; Богъ видя, что онъ имѣетъ добрую ревность, но что ему недостаетъ вѣдѣнія (истины), благоволилъ призвать его въ благодать Свою, зная, что онъ пригоденъ къ проповѣданію Евангелія Сына Его среди язычниковъ: ибо если онъ въ меньшемъ дѣлѣ былъ такъ ревностенъ и вѣренъ по совѣсти, а не по угожденію кому-либо изъ людей; не тѣмъ ли тверже будетъ онъ въ провозвѣщеніи благодати Божіей о Христѣ Іисусѣ, въ надеждѣ обѣтованнаго воздаянія. Итакъ по предвѣдѣнію Божію онъ былъ избранъ отъ чрева матери своей, т.-е. прежде чѣмъ родился и какъ только народился. Богъ зналъ, что онъ будетъ хорошъ, какъ сказалъ Онъ къ Іереміи пророку: *познахъ тя,—прежде неже изыти тебѣ изъ ложеснъ* (Іер. 1, 5), и зная, каковъ онъ будетъ, призвалъ его.“

Блаженный Іеронимъ переходитъ при этомъ мыслію къ избранію вообще, и обличивши тѣхъ, которые думаютъ, будто избраніе и неизбраніе зависитъ отъ различія природъ доброй или злой, какъ думали манихеи,—говоритъ: „по предвѣдѣнію Божію бываетъ то, что про кого Онъ знаетъ, что онъ будетъ добръ, того избираетъ, и кого предвидитъ не добрымъ, того не избираетъ. И въ этомъ нѣтъ никакой неправды у Бога. Мы, люди, судимъ только по тому, что есть, а Тотъ, предъ Которымъ и будущее есть какъ настоящее, произноситъ судъ по предвидимому имъ концу.“

И призвавый благодатію Своею. Избранъ горѣ, призванъ здѣсь долу. То небесное опредѣленіе приведено въ исполненіе во времени призваніемъ. Богъ прежде вѣковъ предувѣдалъ о немъ, и потомъ призвалъ во время, какое Ему было угодно. Павелъ горѣлъ любовію къ истинѣ, только видѣлъ ее не въ томъ, въ чемъ она есть. Господь явился ему и указалъ сію истину. Искренній

любитель истины, къ ней съ сего момента и обратился вседушно. Призваніе бывшее на пути въ Дамаскъ было призваніе только къ вѣрѣ и благодати, ко спасенію; призваніе къ Апостольству послѣдовало послѣ, хотя еще здѣсь преднамѣревалось, какъ видно изъ словъ Господа Ананіи (Дѣян. 9, 15). Призваніе есть дѣло благодати, склоненіе на призваніе—дѣло свободы. Призванный есть тотъ, кто пошелъ вслѣдъ призванія, покорилъ свободу свою зовущему гласу. Потому въ призваніи, или обращеніи къ вѣрѣ, есть часть свободы, какъ въ избраніи часть предвѣдѣнія склоненія свободы. Но какъ одна свободная воля не сильна обратиться безъ благодати, то св. Павелъ все дѣло обращенія и призванія относитъ къ благодати, какъ и св. Петръ исповѣдуетъ, что призываніе всѣхъ совершается *славою* и добродѣтелію, т.-е. благодатною силою Божіею (2 Петр. 1, 3). Св. Златоустъ пишетъ при семъ: „Богъ говоритъ, что Онъ призвалъ Павла за его добротность; ибо *сосудъ избранъ Ми есть*, сказалъ Ананіи, *пронести имя Мое предъ языки и царьми* (Дѣян. 9, 15); т.-е. онъ способенъ для сего служенія, для совершенія сего великаго дѣла;—сію Богъ полагаетъ причину призванія его. Самъ же Апостолъ вездѣ приписываетъ все благодати и неизглаголанному человѣколюбію Божію, такъ говоря: *но помилованъ быхъ*, а не потому, что способенъ, или достоинъ сего; *но, да во мнѣ первомъ покажетъ все долготерпѣніе, за образъ хотящихъ вѣровати Ему въ жизнь вѣчную* (1 Тим. 1, 16). Видишь ли высоту его смиренія? Для того, говоритъ, я и помилованъ, чтобы никто не отчаявался, когда худшій изъ всѣхъ людей удостоенъ человѣколюбія Божія. Ибо сіе хотѣлъ онъ сказать словами: *да во мнѣ покажетъ все долготерпѣніе*". Какъ бы такъ сказалъ: „недостойнаго меня и негоднаго по благодати единой призвалъ Господь" (Экум.).

Явити Сына Своего во мнѣ. Это третій моментъ! Въ избранномъ предвременно, и потомъ призванномъ во времени, благоволилъ Богъ явити Сына Своего. Это есть преддверіе къ посвященію въ Апостольство; ибо говоритъ: *явити... да благовѣствую* Его Благовѣствующему надлежитъ ясно созерцать всѣ тайны благовѣстія. Вотъ это и выражаетъ св. Павелъ словами: *явити Сына Своего во мнѣ.* Разумѣетъ не внѣшнее явленіе: *мнѣ*, но внутреннее: *во мнѣ.* Во святилищѣ души его былъ явленъ ему Сынъ Божій. Внутреннимъ озареніемъ узрѣлъ св. Павелъ, что Господь Іисусъ Христосъ есть Единородный Сынъ Божій, воплотившійся нашего ради спасенія. Былъ моментъ, когда въ умѣ его вообразилось все существо Евангелія и весь образъ спасенія въ Господѣ Іисусѣ Христѣ. Одно внѣшнее явленіе безъ сего внутренняго озаренія не произвело бы дѣйствія. „Почему, спрашиваетъ св. Златоустъ, не сказалъ онъ: *явити Сына Своего* мнѣ, но *во мнѣ?*“ и отвѣчаетъ: „Для того, чтобы показать, что онъ не чрезъ слово только узналъ все нужное о вѣрѣ, но и чрезъ то, что преисполнился Духа Святаго, когда откровеніе озарило его душу, и что имѣлъ въ себѣ говорящимъ Христа.“ Экуменій такъ: „*во мнѣ*, говоритъ, желая показать, что не словомъ только позналъ Его, но умомъ и сердцемъ, что вѣдѣніе о Немъ вошло въ жизнь во внутреннемъ его человѣкѣ,“— или, какъ Ѳеофилактъ, „напечатлѣлось во внутреннемъ человѣкѣ.“

Да благовѣствую Его. Этимъ завершается образованіе св. Павла въ Апостола. Призванный и озаренный внутреннимъ вѣдѣніемъ Евангелія есть готовый Апостолъ. Не напрасно такъ обильно изливается благодать, но да идетъ и плодъ принесетъ, да идетъ *пронести имя Господа предъ языки и цари.* Былъ особый актъ Божественнаго посвященія св. Павла во Апостола, хотя самъ онъ не

говоритъ о семъ опредѣленно. Экуменій такъ пишетъ: „*да благовѣствую*. Видишь, что избравшій Его и явившій въ немъ Сына Своего Отецъ Самъ хиротонисалъ его въ проповѣдника и Апостола.“ Эту мысль взялъ онъ у св. Златоуста, который говоритъ: „Не вѣра только его, но и посвященіе его въ званіе Апостольское было отъ Бога. Ибо онъ съ тѣмъ, говоритъ, открылъ Себя мнѣ, чтобъ я не только позналъ Его, но и возвѣстилъ о Немъ другимъ—*во языцѣхъ*.“ *Во языцѣхъ*, среди язычниковъ, чѣмъ намекалось, что имѣя въ виду преимущественно язычниковъ, онъ могъ не пропускать безъ вниманія и Іудеевъ живущихъ среди ихъ. Изъ Дѣяній видно, что онъ такъ и поступалъ. Вездѣ почти обращался онъ съ проповѣдію сначала къ Іудеямъ, а потомъ, когда эти оказывались неблагосклонными къ нему и Евангелію, переходилъ къ язычникамъ, и ими одними уже занимался.

Абіе не приложихся плоти и крови. Эти слова, по неопредѣленности значенія фразы *плоть и кровь*, дали мѣсто разнымъ толкованіямъ. *Плоть и кровь* значатъ человѣческую природу со всѣмъ, что въ ней есть худаго и добраго, иначе все человѣческое. Принимая это значеніе, получимъ такую мысль: какъ только я былъ призванъ и озаренъ вѣдѣніемъ Сына Божія, тотчасъ оставилъ все человѣческое, человѣческія помышленія, надежды, страхи, порядки, измѣнился совершеннымъ измѣненіемъ, весь вошелъ въ духъ новой жизни о Христѣ Іисусѣ, и всего себя посвятилъ на служеніе Ему. Если взять предшествовавшую рѣчь Апостола нѣсколько повыше, то выйдетъ: я гналъ христіанство, а потомъ вдругъ сталъ ему преданъ всею душею, принесши ему въ жертву все, что могъ имѣть въ жизни, по разсчетамъ человѣческимъ. Похоже на это говоритъ Экуменій: „тотчасъ не предался покою и самодовольству, или,

будто сдѣлавшій что великое, праздности и безпечности, но вступилъ на трудный путь проповѣди Евангелія."

Остановясь вниманіемъ на томъ, что выше говоритъ св. Павелъ о своей преданности Іудейству и отеческимъ преданіямъ, кои носятъ характеръ плотскаго, вещественнаго служенія Богу, можно придти къ мысли, не ихъ ли разумѣетъ онъ подъ „*плотію и кровію.*" И не то ли хочетъ выразить словами тѣми: какъ только позналъ я Христа Іисуса, Господа, и спасеніе въ Немъ, тотчасъ оставилъ плотское служеніе іудейское во всемъ его составѣ, отсталъ отъ него совершенно, не возвращался къ нему болѣе?

Если принять *плоть и кровь* въ значеніи человѣка, то судя по тому, какого человѣка будемъ разумѣть, получится и смыслъ соотвѣтственный тому. Экуменій, кромѣ сказаннаго выше, разумѣетъ еще подъ *плоть и кровь* домъ, родныхъ, отечество. „Не предпочелъ, говоритъ, видѣть родныхъ, или домъ, или знаемыхъ, или отечество, но все оставилъ (ибо и въ этомъ не отстаю отъ Петра и Іоанна), тотчасъ устремился на проповѣдь."

Иные подъ *плоть и кровь* разумѣютъ человѣка вообще, такъ: получивъ откровеніе Евангелія свыше, я не обращался уже за помощію въ дѣлѣ познанія его къ какому-либо человѣку, считая то и излишнимъ и неприличнымъ.

Столько разныхъ мнѣній! Наши св. толковники, понимая сіи слова въ значеніи человѣка, видятъ однакоже въ нихъ опредѣленное указаніе на Апостоловъ, такъ: будучи наученъ самимъ Богомъ, я уже не обращался за наученіемъ и къ Апостоламъ, какъ къ человѣкамъ. Въ такомъ случаѣ слова: *абіе не приложихся плоти и крови*, надо нераздѣльно читать съ слѣдующими: *ни взыдохъ во Іерусалимъ къ первѣйшимъ мене Апостоломъ*, и видѣть въ нихъ одну и ту же мысль, считая послѣднія поясненіемъ первыхъ.

Св. Златоустъ пишетъ: „Здѣсь, т.-е. въ словахъ: не *приложихся плоти и крови*, онъ указываетъ на Апостоловъ, называя ихъ по естеству.“ И нѣсколько ниже: „ибо крайне было бы несправедливо и несообразно, если бы тотъ, кто научился отъ Самого Бога, сталъ совѣтоваться еще съ человѣками. Наученный человѣками очень справедливо и послѣ опять прибѣгаетъ къ совѣтамъ людей; но удостоившійся Божественнаго онаго и вожделѣннаго гласа и научившійся всему отъ Того, Кто владѣетъ самымъ сокровищемъ мудрости, для чего будетъ совѣтоваться съ людьми? Такой человѣкъ долженъ не учиться у людей, но учить людей.“ Ѳеодоритъ тоже: „сподобившись онаго призванія, не пошелъ я тотчасъ въ Іерусалимъ, но удовольствовался данною мнѣ Богомъ благодатію; ибо крайне было бы неприлично пріявшему ученіе отъ Бога входить о немъ въ разсужденіе съ людьми.“ Св. Дамаскинъ: „какъ бы обратился онъ къ людямъ, удостоившись быть наученнымъ свыше?“ У Ѳеофилакта таже мысль.

Такое единогласное сужденіе всѣхъ нашихъ толковниковъ обязываетъ насъ остановиться на немъ. Это тѣмъ охотнѣе надо сдѣлать, что отбившись отъ него, неизбѣжно блуждать среди множества предположеній, не зная, на какомъ остановиться.

II.

ОТЪ ДРУГИХЪ ЕВАНГЕЛІЮ НЕ МОГЪ НАУЧИТЬСЯ СВ. ПАВЕЛЪ.

(ст. 17—24).

Когда получилъ откровеніе свыше, то само собою слѣдовало, что не учился ему у другихъ, или что у другихъ и не слѣдовало ему учиться. Но св. Павелъ и говоритъ о семъ съ тѣмъ и такъ, чтобы все выходило тоже заключеніе,—т. е.

что его ученіе отъ Бога. Онъ говоритъ здѣсь: обстоятельства моей жизни показываютъ, что я не учился Евангелію ни а) у св. Апостоловъ 17—20, ни б) у другихъ христіанъ 21—24. Но изъ простаго о семъ сказанія у него выходило,—изъ перваго: я не видавши еще Апостоловъ началъ проповѣдывать Евангеліе въ Аравіи и Дамаскѣ; но когда потомъ прибылъ въ Іерусалимъ, то находился въ общеніи съ Петромъ и Іаковомъ. Значитъ мое ученіе съ ними согласно. Отъ чего же? Отъ того, что и оно изъ того же источника. Если Евангеліе тѣхъ отъ Бога, то и мое. Изъ втораго: вѣрующіе другихъ церквей меня не видали, но узнавши, что я проповѣдую вѣру, Бога славили. Какъ бы они стали славить Бога, еслибы мое ученіе было не одинаково съ ихъ вѣрою?

а)

Что св. Павелъ не обращался за наученіемъ къ прочимъ Апостоламъ, это уже онъ сказалъ словами: *не приложихся къ плоти и крови*. Но тѣ слова можно еще понимать, какъ выраженіе полноты его обращенія съ совершеннымъ отрѣшеніемъ отъ всего человѣческаго. Почему вслѣдъ затѣмъ говоритъ рѣшительнѣе.

Ст. 17. *Ни взыдохъ во Іерусалимъ къ первѣйшимъ мене Апостоломъ: но идохъ во Аравію, и возвратихся паки въ Дамаскъ.*

„Не пошелъ въ Іерусалимъ совѣщаться съ Апостолами относительно проповѣди, довольствуясь Божественнымъ откровеніемъ“ (Экум.). Не пошелъ тотчасъ по обращеніи, а послѣ ходилъ. *Первѣйшіе Апостолы* здѣсь разумѣются по времени,—которые прежде его и призваны къ Апостольству и апостольствовать начали. Всю рѣчь эту ведетъ св. Павелъ къ тому, чтобъ исторіею своей жизни раскрыть, что онъ ничего не позаимствовалъ отъ

старшихъ Апостоловъ, что и призванъ послѣдовать Христу, и наученъ вѣрѣ, и посланъ на проповѣдь непосредственно Самимъ Господомъ. Почему ставитъ себя въ рядъ съ ними, говоря: *къ первѣйшимъ мене Апостоломъ*. Изъ чего выходило, что и онъ такой же Апостолъ, какъ и они: разность только въ томъ, что тѣ упредили его по времени. Если же и онъ такой же Апостолъ, какъ и они, то и его надо слушать, какъ и ихъ и ни въ чемъ не переиначивать проповѣданнаго имъ Евангелія. Такъ Амвросіастъ: „Апостолъ хочетъ сказать, что послѣ того какъ онъ избранъ былъ Богомъ, не было ему необходимости идти къ старшимъ Апостоламъ, чтобы т.-е. научиться у нихъ чему-либо; потому что Богъ открылъ ему чрезъ Сына Своего, какъ и чему слѣдуетъ учить. А говорится это для того, чтобы показать, что не другое что содержать должно, какъ то, чему онъ учитъ,—и не людямъ вѣрить, но Богу, отъ Коего онъ наученъ. Изъ чего слѣдуетъ, что тѣ, кои увлекаютъ ихъ къ закону, суть ложные учители: ибо не отъ Бога предано то, чему они учили.“

Св. Златоустъ останавливаетъ вниманіе на нравственной сторонѣ сего поступка, но приходитъ къ тому же заключенію. „Если кто будетъ разсматривать отдѣльно сіи слова, можетъ подумать, что они исполнены великой гордости, и далеко несогласны съ духомъ Апостольскимъ; ибо опредѣлять что-нибудь самому собою и не открывать своихъ мыслей другимъ, можетъ быть принято за гордость. Ибо сказано: *видѣхъ мужа непщевавша себѣ мудра быти, упованіе же иматъ безумный паче его* (Притч. 26, 12), — и: *горе, иже мудри въ себѣ самихъ и предъ собою разумни* (Исаіи 5, 21). И самъ Павелъ говоритъ: *не бывайте мудри о себѣ* (Римл. 12, 16). Но кто слышалъ сіи и подобныя наставленія отъ другихъ и самъ училъ тому же другихъ, неужели могъ впасть въ такое

самомнѣніе—не только Павелъ, но и кто-нибудь изъ людей?—Для чего же онъ такъ сдѣлалъ и сказалъ? — Не къ униженію Апостоловъ и не въ похвалу себѣ, но охраняя вездѣ безопасность Евангелія и желая показать важность и достоинство своей проповѣди (т.-е., что онъ получилъ ее прямо отъ Самого Господа), говоритъ: *не взыдохъ къ нимъ.* Ибо еслибы нужно было посовѣтоваться, то Открывшій ему слово проповѣди повелѣлъ бы ему сдѣлать и сіе. И такъ что же? онъ не ходилъ туда? Ходилъ, но не для того, чтобы чему-либо научиться, не за полученіемъ чего-нибудь."

Но идохъ во Аравію. Аравія страна сопредѣльная Дамасской области, въ которой было свое гражданское устройство. Въ это время тамошній князь Ареѳа владѣлъ Дамаскомъ (2 Кор. 11, 32). Какъ это завладѣніе было случайное и непрочное, то св. Павелъ поспѣшилъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и предложить поскорѣе тамошнимъ жителямъ Евангеліе, пока это временное единовластіе дѣлало свободнымъ туда входъ. „Смотри, какая пламенная душа! говоритъ св. Златоустъ. Онъ старался занять страны, еще невоздѣланныя и остававшіяся въ дикомъ состояніи. Еслибы онъ умедлилъ у Апостоловъ, не имѣя ничего, чему бы отъ нихъ научиться, то остановилось бы дѣло проповѣди. А имъ должно было вездѣ преподавать слово. Посему сей блаженный, пламенѣя духомъ, тотчасъ пошелъ учить людей ненаученныхъ еще и дикихъ, избравъ жизнь многотрудную и опасную." Такъ разумѣютъ и всѣ наши толковники, что св. Павелъ ходилъ въ Аравію съ проповѣдію Евангелія.

Нѣкоторые изъ новыхъ инославныхъ толковниковъ строятъ догадку, что св. Павелъ ходилъ въ Аравію не къ людямъ съ проповѣдію, а въ пустынь тамошнюю, чтобъ въ уединеніи обдумать систему христіанскаго вѣ-

роученія, по тѣмъ началамъ, какія получилъ отъ Господа и могъ слышать отъ вѣрующихъ въ Дамаскѣ. Догадка совершенно произвольная, благопріятная только тому суемудрію, по которому допускается, что ученіе, какое св. Павелъ преподавалъ, есть его личное воззрѣніе на христіанство, до котораго онъ дошелъ самостоятельнымъ развитіемъ и своеличнымъ углубленіемъ въ дѣло спасенія. Когда самъ онъ говоритъ о себѣ, что ни другіе его не научили Евангелію, ни самъ не дошелъ до него, но прямо получилъ его отъ Самого Господа, то зачѣмъ и предположенія подобныя строить? Къ тому же что за удобное мѣсто для развитія какого-либо ученія— пустынь? она можетъ способствовать отрѣшенію отъ всего, но ученія не даетъ. Для сего нужно общеніе съ другими, собесѣдованіе, книги.

Св. Павелъ не говоритъ, зачѣмъ онъ ходилъ въ Аравію. Но самое это молчаніе и должно насъ навесть именно на ту мысль, что ходилъ съ проповѣдію. Ибо онъ не говорилъ и о томъ, зачѣмъ возвратился въ Дамаскъ и что́ тамъ дѣлалъ. Въ Дѣяніяхъ св. Лука говоритъ, что онъ въ Дамаскѣ проповѣдалъ Іисуса, яко сей есть Сынъ Божій (Дѣян. 9, 20). Какъ онъ ничѣмъ не оттѣняетъ здѣсь своего сказанія объ Аравіи отъ сказанія о Дамаскѣ, то естественнѣе придти къ той мысли, что онъ и тамъ проповѣдалъ, какъ и въ Дамаскѣ, чѣмъ допускать тѣ мечтательныя предположенія. Св. Златоустъ говоритъ: „Сказавъ: *идохъ во Аравію*, прибавилъ: *и паки возвратихся въ Дамаскъ*. Не говоритъ ни слова о своихъ подвигахъ, ни о томъ, кого научилъ и сколько. Равно и въ Дамаскѣ показалъ онъ такую ревность, что возбудилъ къ себѣ ненависть, и однакоже онъ ничего не говоритъ о сихъ подвигахъ своихъ. Но какъ здѣсь не говоритъ онъ ничего о семъ (хотя то было); такъ и тамъ, сказывая, что приходилъ (въ Аравію) и ушелъ,

ничего не упоминаетъ о томъ, что тамъ было (хотя было)."

Какъ согласить это сказаніе съ книгою Дѣяній, гдѣ не говорится о путешествіи св. Павла въ Аравію? Это легко соглашается, если помѣстить хожденіе въ Аравію между 19 и 20 стт. 9 гл. Дѣяній. По крещеніи пробывъ *дни нѣкія* съ вѣрующими и можетъ быть проповѣдавши нѣсколько, отходилъ въ Аравію; по возвращеніи оттуда усиленнѣе проповѣдалъ въ Дамаскѣ, до исполненія трехлѣтія, пока непріязнь невѣрующихъ не заставила его удалиться. Такъ блаж. Іеронимъ: „тотчасъ по крещеніи пробывши *дни нѣкія* въ Дамаскѣ, и къ изумленію всѣхъ проповѣдавши въ синагогахъ нѣсколько разъ, что Іисусъ есть Христосъ, пошелъ въ Аравію. Возвратясь изъ Аравіи въ Дамаскъ, пробылъ онъ здѣсь до трехъ лѣтъ, кои въ Писаніи означены словами: *дни многи* (Дѣян. 9, 23). Послѣ сего, узнавъ о ковѣ противъ него, онъ удалился изъ Дамаска." Не поминаетъ же св. Лука въ Дѣяніяхъ о семъ обстоятельствѣ можетъ быть потому, что св. Павелъ не сказывалъ ему о томъ, а отъ другихъ онъ не слыхалъ, и посланія къ Галатамъ, писаннаго прежде книги Дѣяній, не видалъ.

Ст. 18. *Потомъ же по тріехъ лѣтѣхъ взыдохъ во Іерусалимъ соглядати Петра, и пребыхъ у него дній пятьнадесять.*

По тріехъ лѣтѣхъ—съ какого это времени? Со времени возвращенія изъ Аравіи въ Дамаскъ или со времени обращенія? — Со времени обращенія. Здѣсь началась новая жизнь Апостола; къ сему моменту конечно все и относилъ св. Павелъ. И теченіе рѣчи ведетъ къ томуже заключенію: тотчасъ по обращеніи, я, говоритъ, не пошелъ въ Іерусалимъ — ст. 17; а пошелъ туда уже спустя три года—ст. 18,—очевидно, считая съ того же обращенія. Этимъ вмѣстѣ даетъ понять: столько време-

ни прошло, и я не озаботился, не считалъ крайне необходимымъ сходить туда, гдѣ для всѣхъ источникъ христіанской истины, а между тѣмъ проповѣдалъ сію истину. Откуда же она у меня? Оттуда же, откуда и тамъ—въ Іерусалимѣ. Почему и говоритъ, что пошелъ туда не затѣмъ, чтобъ научиться, но *соглядати Петра*, увидѣть лице его, лично съ нимъ познакомиться. Греч. ἱςορησαι—употребляется о наблюденіяхъ путешественниковъ. Слѣдовательно пошелъ затѣмъ, чтобъ на дѣлѣ узнать, кто таковъ есть Петръ, о которомъ всюду было извѣстно, что онъ есть первый Апостолъ. — „Не съ тѣмъ, чтобъ у него научиться, потому что и самъ тогоже имѣлъ преподателя Евангелія; но чтобы воздать честь первому Апостолу“ (Іерон.).

„Кто еще можетъ быть смиренномудрѣе такого человѣка, пишетъ св. Златоустъ, который послѣ столь великихъ и столь многихъ подвиговъ не имѣя нужды въ Петрѣ, ни въ его гласѣ, но будучи равночестенъ ему (больше ничего не скажу теперь), впрочемъ приходитъ къ нему, какъбы къ бо́льшему и старѣйшему, и причиною путешествія полагаетъ только то, чтобъ видѣть Петра? Видишь ли, какъ онъ отдаетъ прочимъ Апостоламъ должную честь, и не только не почитаетъ себя лучшимъ всѣхъ, но даже и не равняетъ съ ними? Это показываетъ и предпринятое имъ путешествіе. Ибо какъ нынѣ многіе изъ братій нашихъ ходятъ къ св. мужамъ, такъ и Павелъ по томуже расположенію ходилъ тогда къ Петру, или еще съ бо́льшимъ смиреніемъ. Ибо нынѣ путешествуютъ для пользы; а сей блаженный путешествовалъ не для того, чтобы чему нибудь научиться, и не для исправленія какой-нибудь погрѣшности своей, но для того только, чтобъ видѣть Петра и почтить его своимъ присутствіемъ. *Соглядати* (ἱςορησαι), сказалъ онъ, Петра; не сказалъ—*видѣть* (ιδειν) Петра, но *соглядати Пет-*

ра, какъ обыкновенно говорятъ люди, разсматривающіе великіе и знатные города. Такъ онъ почиталъ достойнымъ особеннаго тщанія и то одно, чтобы видѣть сего мужа.“

И пребыхъ у него дній пятьнадесять. Св. Златоустъ пишетъ на сіи слова: „путешествіе, предпринятое для Петра, доказываетъ великое уваженіе къ нему Павла; а пребываніе его у него столько дней показываетъ дружественное расположеніе и искреннюю любовь ихъ между собою. Видишь ли, сколь великое расположеніе имѣетъ онъ къ Петру? Для него онъ предпринялъ путешествіе, у него и пребылъ. Объ этомъ такъ часто поминаю, желая, чтобы вы сохранили сіе въ памяти, дабы, когда въ послѣдствіи услышите слова, произнесенныя повидимому противъ Петра, ни въ чемъ не подозрѣвали Апостола. Въ предостереженіе отъ сего и самъ онъ говоритъ о посѣщеніи Петра, дабы, когда скажетъ, *въ лице ему противостахъ* (2, 11), никто не думалъ, что сіи слова суть плодъ вражды и любопренія. Ибо онъ почитаетъ сего мужа и любитъ больше всѣхъ, и въ Іерусалимъ пришелъ не для другаго кого изъ Апостоловъ, но единственно для него.“ Похожа на это и мысль Амвросіаста: „Пребылъ у него пятьнадесять дней, какъ единодушный ему соапостолъ. Это объявляетъ онъ для того, чтобы показать, что во всемъ согласенъ съ Апостолами, и ни въ чемъ съ ними не разногласитъ, какъ нашептывали на него лжеапостолы, чтобъ обезславить его въ церквахъ изъ язычниковъ, и тѣмъ удобнѣе посѣвать свое зло въ простыхъ душахъ, что-де ихъ ученіе согласно съ ученіемъ старшихъ Апостоловъ (а Павлово не согласно).“

Здѣсь говоритъ о себѣ св. Павелъ, что пошелъ въ Іерусалимъ самъ собою, чтобъ видѣть Петра; а въ Дѣяніяхъ повѣствуется, что онъ вынужденъ былъ удалить-

ся изъ Дамаска навѣтомъ раздраженныхъ противъ него за проповѣдь о Христѣ Спасителѣ іудеевъ и даже язычниковъ (2 Кор. 11, 32), сговорившихся убить его (Дѣян. 9, 23—25); и что пришедши въ Іерусалимъ, онъ покушался сближаться съ вѣрующими, а тѣ чуждались его, не зная, что онъ обратился ко Христу, и уже послѣ того, какъ Варнава привелъ его къ Апостоламъ и разсказалъ имъ, какъ Господь явился ему на пути и какъ онъ въ Дамаскѣ дерзалъ о имени Іисусовѣ, онъ могъ свободно входить въ общеніе со всѣми и съ Апостолами, ходилъ по домамъ, дерзая о имени Господа Іисуса (Дѣян. 9, 29). Въ этомъ сказаніи св. Луки въ Дѣяніяхъ содержится внѣшняя исторія св. Павла, а самъ св. Павелъ указываетъ на то, какія у него были цѣли при тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ. Желаніе его видѣть св. Петра могло возродиться раньше возстанія дамаскинцевъ на него, и сіе послѣднее дало только поводъ къ исполненію его или ускорило его. Изъ Дамаска удалиться онъ вынужденъ былъ, а въ Іерусалимъ направился потому, что желалъ видѣть св. Петра. Далѣе, пришедши во Іерусалимъ, не самъ тотчасъ приступилъ къ Петру, а введенъ былъ къ нему Варнавою, и съ сего времени пребылъ у него пятнадцать дней, и вмѣстѣ съ нимъ и другими Апостолами проповѣдалъ Евангеліе по Іерусалиму. Не поминаетъ обо всемъ этомъ св. Павелъ въ посланіи потому, что и вообще дѣлаетъ краткій очеркъ своей жизни; для цѣли же своей считалъ достаточнымъ помянуть только о пребываніи у св. Петра, чѣмъ означались дружеское расположеніе и искренняя ихъ между собою любовь, по слову св. Златоуста.

Ст. 19. *Иного же отъ Апостолъ не видѣхъ, токмо Іакова брата Господня.*

Какъ же въ Дѣяніяхъ говорится, что былъ приведенъ Варнавою къ Апостоламъ и вмѣстѣ съ ними ходилъ и

проповѣдывалъ? Въ Дѣяніяхъ подъ словомъ *Апостолы* разумѣются не тѣ, кои изъ 12, а вообще лица учительныя, которыя посылаемы были старшими Апостолами учить въ Іерусалимѣ и окрестъ. Таковыми могли быть кромѣ Варнавы, Сила, Іуда или Вирсава, которые потомъ и въ Антіохію были посылаемы съ апостольскимъ посланіемъ, и названы пророками (Дѣян. 15, 32), и подобные имъ. Въ посланіи же св. Павелъ говоритъ, что изъ настоящихъ Апостоловъ никого не видѣлъ, кромѣ Петра и Іакова, брата Господня.

Но опять, такъ называемые братія Господни не были въ числѣ 12, какъ это ясно изъ Евангельскихъ сказаній (Мѳ. 12, 46; 13, 55. Мар. 3, 31; 6, 3 и п.). Въ первый разъ они указываются въ сонмѣ вѣрующихъ по вознесеніи Господа (Дѣян. 1, 13. 14), а потомъ и въ числѣ проповѣдниковъ Евангелія (1 Кор. 9, 5). Какъ же здѣсь св. Павелъ даетъ намекъ, что Іаковъ братъ Господенъ былъ Апостолъ, ибо говоритъ: *иного же отъ Апостолъ не видѣхъ, токмо Іакова брата Господня?* Но слова сіи можно такъ изложить: иного, кромѣ Петра, изъ Апостоловъ не видалъ, видѣлъ же еще одного изъ знаменитыхъ, именно Іакова, брата Господня. Или такъ это должно разумѣть, что Іаковъ ради его святости и достоинства предстоятеля Іерусалимской Церкви почитался на ряду съ другими Апостолами и имя носилъ Апостола. Почему и св. Павломъ такъ наименованъ.

Блаженный Іеронимъ пишетъ о св. Іаковѣ: „онъ былъ первымъ предстоятелемъ той Церкви, которая первая собрана въ Іерусалимѣ изъ вѣрующихъ,—былъ т. е. первымъ епископомъ Іерусалимскимъ; онъ носилъ имя праведника и былъ столько святъ и чтимъ отъ народа, что одни предъ другими спѣшили коснуться края одежды его. Что св. Павелъ, кромѣ этихъ, никого изъ Апостоловъ не видѣлъ, это не потому, чтобъ не хотѣлъ ихъ

видѣть, но потому, что они разошлись съ проповѣдію Евангелія.“ Св. Златоустъ обращаетъ при этомъ вниманіе на другую сторону: „замѣть, говоритъ, съ какимъ почтеніемъ и сего наименовалъ онъ; ибо не сказалъ просто—*Іакова*, но прибавилъ и почетное его имя. Такъ онъ былъ далекъ отъ всякой зависти! Ибо, еслибы онъ хотѣлъ только указать того, о комъ говорилъ, то могъ бы сіе сдѣлать, употребивъ и другой признакъ; напримѣръ, могъ бы сказать: сына Клеопова, какъ и Евангелистъ сказалъ. Но онъ не сказалъ такъ; но поелику онъ считалъ почетныя наименованія Апостоловъ и своими наименованіями, то какъ бы почитая себя самого, и его величаетъ. Ибо онъ не назвалъ его такъ, какъ я сказалъ, но какъ же? Братомъ Господнимъ, хотя впрочемъ онъ не былъ братомъ Господнимъ и по плоти, но почитался такимъ. Однакожъ и это не остановило Апостола признать достоинство сего мужа. Онъ и во многихъ другихъ мѣстахъ показываетъ, что расположенъ былъ ко всѣмъ Апостоламъ такъ искренно, какъ ему было прилично.“

Инославные много разсуждаютъ о томъ, какимъ образомъ Іаковъ есть братъ Господень, и при этомъ не стыдятся хульныя рѣчи произносить о Приснодѣвѣ Маріи, преблагословенной Матери Господа, подвергая себя чрезъ то анаѳематствованію, изреченному на таковыхъ третьимъ вселенскимъ соборомъ. Вся древность почитала братство сіе или братствомъ двоюроднымъ, или братствомъ по обручнику Іосифу, и только законнымъ. Амвросіастъ говоритъ, что „Іаковъ есть сынъ Іосифу отъ прежней жены;“ Августинъ, что онъ есть „братъ Господень, или потому, что есть изъ числа сыновъ Іосифа отъ другой жены, или потому, что былъ изъ дѣтей Маріи, сестры Матери Его.“ Св. Златоустъ, какъ видѣли выше, держится послѣдняго объясненія, равно какъ Ѳеофилактъ и Ѳеодоритъ, который пишетъ: „Іаковъ назывался бра-

томъ Господнимъ, но не былъ роднымъ Его братомъ. Онъ даже былъ не сынъ Іосифовъ, рожденный отъ перваго брака, какъ предполагали иные, но сынъ Клеопы и двоюродный братъ Господу; потому что матерію имѣлъ сестру Матери Господа.“ Принимая это мнѣніе, надо вмѣстѣ полагать, что Клеопа не одно и то же лицо съ Алфеемъ, чтобы чрезъ то не смѣшать такъ именуемыхъ братьевъ Господа съ одноименными имъ Апостолами изъ 12.

Ст. 20. *А яже пишу вамъ, се предъ Богомъ, яко не лгу.*

Что разумѣть подъ *яже пишу?* Все, что сказалъ о себѣ св. Павелъ доселѣ, особенно же что сказалъ о своемъ обращеніи, объ откровеніи ему Евангелія, и о томъ, что онъ ни у кого изъ Апостоловъ не учился ему, а между тѣмъ согласенъ съ ними во всемъ, будучи согласенъ съ Апостоломъ Петромъ. Изъ всего сего выходило, что онъ есть истинный Апостолъ Божій. Когда онъ оглашалъ Галатовъ Евангеліемъ, то не говорилъ имъ объ этомъ; ибо явился предъ ними, какъ Божій посланникъ и принятъ былъ съ полною въ его посланничество свыше вѣрою (—4, 14. 15). Почему и не настояла нужда говорить тогда о такихъ событіяхъ, изъ которыхъ видно, что онъ посланъ свыше. Теперь же, когда лжеучители внушили Галатамъ сомнѣнія о томъ, онъ выясняетъ имъ своею исторіею, что сомнѣваться въ его Апостольствѣ нѣтъ основанія. И сказаннаго уже довольно было въ подтвержденіе этой истины; но чтобъ и всякій слѣдъ сомнѣнія изгладить и оградить ихъ отъ колебаній на будущее, онъ утверждаетъ слово свое клятвою: *се предъ Богомъ, яко не лгу.* Это тоже, что въ другихъ мѣстахъ: *свидѣтель ми Богъ* (Рим. 1, 9), *свидѣтеля Бога призываю на душу мою* (2 Кор. 1, 23); *Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа вѣсть, яко не лгу* (2 Кор. 11, 31). Видно, что св. Павлу часто

предлежало бороться съ недовѣріемъ къ нему даже увѣровавшихъ уже. Св. Златоустъ дивится по сему случаю смиренію св. Павла: „видишь ли смиренномудріе этой души, сіяющее вездѣ равно? Ибо онъ, какъ бы стоя на судилищѣ и готовясь подвергнуться истязанію, такъ заботился о защищеніи себя.“ Блаженный Іеронимъ сначала излагаетъ мысль текста: „что пишу къ вамъ: есть истинно; Богъ свидѣтель, что я не прикрываю словами никакой лжи.“ А потомъ дѣлаетъ и общее наведеніе: „Это можно относить не къ тому только, что онъ теперь пишетъ къ Галатамъ, но и вообще ко всѣмъ его посланіямъ; все писанное имъ, не ложно; сердце его и слова не разногласятъ.“

б).

Пояснивъ, что не видалъ Апостоловъ, а между тѣмъ оказался не состоящимъ съ ними въ разногласіи въ ученіи, которое проповѣдалъ уже три года, изъ чего выходило, что и его ученіе изъ того же источника, изъ какого и ученіе тѣхъ,—св. Павелъ кратко поясняетъ теперь то, что и съ другими вѣрующими у него не было сношеній, что слѣдовательно и отъ нихъ онъ ничего не могъ слышать о вѣрѣ, между тѣмъ они, слыша о его подвигахъ въ распространеніи вѣры, славили Бога; изъ чего выходило тоже, что его ученіе согласно съ ученіемъ вселенскихъ Церквей, насажденныхъ Апостолами въ іудейскихъ городахъ и селеніяхъ, и слѣдовательно есть изъ одного съ ними источника.

Ст. 21. *Потомъ же пріидохъ въ страны Сирскія и Киликійскія.* Т.-е. помимо Іудеи и Палестины, гдѣ церкви насаждены Апостолами и гдѣ вѣроятно въ это самое время продолжали дѣйствовать насадители вѣры, видѣвшіе Господа. Стало „онъ не встрѣчался съ Апостолами даже и случайно“ (Злат.). И съ другими вѣрующими, между

которыми могли быть сильные знатоки вѣры, не имѣлъ онъ сношенія. Все наводитъ на то, что ученіе его независимо ни отъ кого изъ людей, а между тѣмъ согласно съ Апостольскимъ, которое отъ Господа. Видно само собою, что отсюда слѣдовало.

Въ Дѣяніяхъ пишется, что св. Павелъ, живя въ Іерусалимѣ, дерзалъ о имени Господа Іисуса и стязался съ Еллинами, т.-е. съ Іудеями, жившими среди язычниковъ и случайно бывшими теперь въ Іерусалимѣ, которые раздражались противъ него и искали убить его. Это понудило его удалиться изъ Іерусалима, и вѣрующіе для безопасности проводили его до Кесаріи, откуда онъ отправился въ Тарсъ, мѣсто рожденія своего (Дѣян. 9, 29. 30). Путь лежалъ чрезъ Сирію. Сирію, можетъ быть, только перешелъ св. Павелъ въ это время, а въ Киликіи вѣрно и проповѣдалъ. Трудно было ему удержаться, чтобы на мѣстѣ рожденія своего не возгласить благовѣстіе, которое исполняло его сердце неисчерпаемою радостію о спасеніи. Что онъ точно тутъ проповѣдалъ и основалъ даже церкви, можно заключить изъ того, что проходя потомъ, во второе свое путешествіе, Сирію и Киликію, онъ утверждалъ церкви (Дѣян. 15, 41). Какъ бы онъ утверждалъ ихъ, если бы не насадилъ прежде? Почему св. Златоустъ пишетъ: „Послѣ свиданія съ Петромъ, снова начинаетъ онъ слово проповѣди и предлежащій подвигъ, не касаясь Іудеевъ, какъ потому, что былъ посланъ къ язычникамъ, такъ и потому, что не хотѣлъ строить на чужомъ основаніи.“ Тоже и Іеронимъ: „пошелъ въ Киликію, желая привлечь ее къ вѣрѣ во Христа, благовѣствуя ей призваніе къ покаянію.“

Стт. 22—23. *Бѣхъ же не знаемь лицемъ церквамъ Іудейскимъ, яже о Христѣ: точію же слышаще бяху, яко гоняй насъ иногда, нынѣ благовѣствуетъ вѣру, юже иногда разрушаше.*

Церкви іудейскія—тѣ, кои кромѣ Іерусалима насаждены были въ Іудеѣ. „Увѣровавшіе во Христа были не въ одномъ Іерусалимѣ, ихъ было много по всей Іудеѣ, такъ что изъ нихъ составлялись цѣлыя Церкви“ (Августинъ). Надо полагать, что св. Апостолы, прежде чѣмъ разошлись въ разныя страны, призвали къ вѣрѣ Іудеевъ жившихъ въ Палестинѣ, и насадивъ здѣсь церкви и утвердивъ ихъ, обратились и къ другимъ народамъ. Эти церкви не знали въ лицо св. Павла, а только слышали о его обращеніи и подвигахъ въ проповѣди Евангельской. Слухъ доходилъ до нихъ тоже отъ христіанъ, которые говорили: гонитель нашъ нынѣ благовѣствуетъ вѣру нашу; что потомъ и сами они повторяли. Это исполняло ихъ радостію, и возбуждало къ славословію Бога!

Что должны были заключить изъ сихъ словъ Галаты? Прежде всего они должны были подумать: какъ же новые наши учители говорили о св. Павлѣ, что онъ между Іудеями разрѣшаетъ обрѣзаніе, когда онъ даже не видалъ тамошнихъ христіанъ? Такъ св. Златоустъ: „что онъ хотѣлъ сказать словами: *не знаемь бѣхъ церквамъ Іудейскимъ?* То, что онъ такъ далекъ былъ отъ того, чтобы проповѣдать имъ обрѣзаніе, что даже въ лицо не былъ имъ знакомъ.“ Тоже и Экуменій: „Не только, говоритъ, не училъ я увѣровавшихъ отъ обрѣзанія, что должно обрѣзываться (ибо клеветали на него, что онъ для вѣровавшихъ Іудеевъ разрѣшалъ обрѣзаніе), не только, говоритъ, не училъ такъ, но они даже и лица моего не видали.“

И то внушалось этимъ, что св. Павелъ, не могшій научиться вѣрѣ отъ старшихъ Апостоловъ, не слышалъ о ней ничего и отъ другихъ вѣровавшихъ. Такъ Фотій у Экуменія: „У Петра я не учился, а только видѣлъ его; у Іакова не учился, и его только видѣлъ; не учился и ни у кого другаго низшаго ихъ, не такъ знатнаго

лица. Возможно ли было мнѣ учиться у тѣхъ, кои даже лица моего не видали? Но если они радовались, что гнавшій вѣру сталъ благовѣствовать ее, то не значило ли это, что вѣра, благовѣствуемая имъ, одинакова съ вѣрою тѣхъ, кои радовались сему благовѣстію?"

Ст. 24. *И славляху о мнѣ Бога.* Видѣли въ обращеніи его перстъ Божій, очевидное подтвержденіе истины Евангелія, знакъ Божія къ вѣрѣ благословенія, и болѣе утверждались въ вѣрѣ, и радуясь тому, славили Бога, Который совершилъ сіе: „Узнавъ внезапную перемѣну, что волкъ дѣлаетъ свойственное пастырямъ, совершившееся со мною обратили для себя въ поводъ къ славословію Божію" (Ѳеодорит.). „Не сказалъ: дивились мнѣ, хвалили меня, изумлялись мнѣ, но показалъ, что все это было дѣло благодати: *и славляху*, говоритъ, *о мнѣ Бога*" (Злат.). „Славляху о мнѣ Бога, — не такого-то и такого-то учителя, но Самого Бога. Ибо Онъ Самъ открылъ мнѣ и научилъ проповѣди" (Экум.). Говоритъ же о семъ св. Павелъ, давая разумѣть, что вѣрующіе изъ Іудеевъ не противъ него, одного съ нимъ духа, однихъ началъ, и что слѣдственно тѣ лжеучители, разноглася съ нимъ, разногласятъ со всѣми вѣрующими. „Вѣрующіе, говоритъ, изъ Іудеевъ, которыхъ онъ прежде преслѣдовалъ, радовались и благодарили Бога, что Онъ сдѣлалъ его изъ гонителя защитникомъ вѣры, давая понять Галатамъ, что они обмануты и что подъ именемъ христіанъ они будутъ тоже, что Іудеи, если станутъ обрѣзывать плоть свою; ибо законъ Христовъ требуетъ другаго, чѣмъ іудейство: тамъ обрѣзанія плоти, здѣсь—сердца; тамъ стихіями служатъ Богу, здѣсь—духомъ" (Амврос.).

III.

О СОГЛАСІИ УЧЕНІЯ СВ. ПАВЛА СЪ УЧЕНІЕМЪ ПРОЧИХЪ АПОСТОЛОВЪ, ЧТО ТОРЖЕСТВЕННО УТВЕРЖДЕНО НА АПОСТОЛЬСКОМЪ ВЪ ІЕРУСАЛИМѢ СОБОРѢ.

(2, 1—10).

Доселѣ доказывалъ св. Павелъ, что онъ получилъ Евангеліе не отъ кого-либо изъ людей, а непосредственно отъ Самого Бога, и что слѣдственно онъ есть настоящій Апостолъ. Теперь хочетъ показать, что и прочіе Апостолы признали его таковымъ и ученіе его непреложно истиннымъ. Къ показанію сего онъ приведенъ ходомъ рѣчи и неизбѣжно долженъ быть сдѣлать это. Впереди приводится мысль, что св. Павелъ проповѣдуемое имъ Евангеліе позналъ и уразумѣлъ независимо отъ Апостоловъ, или отъ кого-либо изъ людей. Ему могли возразить: такъ у тебя особое ученіе, не такое какое у тѣхъ Апостоловъ, которые Господа видѣли и слышали. Уча розно отъ нихъ, ты свое, а не Господне ученіе проповѣдуешь, ты самъ его придумалъ. Противъ этого говоритъ теперь св. Павелъ: ходилъ въ Іерусалимъ къ старѣйшимъ Апостоламъ, и они одобрили мое ученіе, какъ согласное съ ихнимъ. Если, потому, ихъ ученіе Божіе, то и мое таково же.

Разсказывая сіе обстоятельство св. Павелъ указываетъ: а) побужденіе и цѣль своего въ Іерусалимъ путешествія, ст. 1. 2; б) то, какъ былъ принятъ тамошними христіанами, ст. 3—5; в) и какъ отнеслись къ нему старшіе Апостолы.—главный предметъ сего отдѣленія, ст. 6—10

а).

Побужденіе и цѣль хожденія въ Іерусалимъ.

(2, 1. 2).

Побудило св. Павла идти въ Іерусалимъ мановеніе свыше; въ виду же имѣлъ онъ при семъ предложить старшимъ Апостоламъ, какъ учитъ, чтобы не вотще тещи.

Стт. 1. 2. *Потомъ же по четыренадесяти лѣтѣхъ паки взыдохъ во Іерусалимъ съ Варнавою, поемъ съ собою и Тита. Взыдохъ же по откровенію, и предложихъ имъ благовѣствованіе, еже проповѣдую во языцѣхъ, наединѣ же мнимымъ, да не како вотще теку, или текохъ.*

Послѣ перваго своего бытія въ Іерусалимѣ, спустя три года по обращеніи, св. Павелъ удалился въ Киликію. Оттуда св. Варнава вызвалъ его въ Антіохію, чтобы вдвоемъ успѣшнѣе созидать тамошнюю церковь. Въ 44 г. былъ голодъ при Клавдіи Кесарѣ. Пророкъ Агавъ, пришедшій изъ Іерусалима въ Антіохію, расположилъ антіохійцевъ послать пособіе живущимъ въ Іерусалимѣ братіямъ. Они собрали, *по елику кто имѣяше*, и послали милостыню къ старцамъ рукою Варнавлею и Савлею (Дѣян. 11, 27—30). Объ этомъ второмъ своемъ хожденіи въ Іерусалимъ не поминаетъ св. Павелъ; пропустилъ его ради того, что оно ничего не представляетъ великаго для цѣлей его посланія. Послѣ этого бытія въ Іерусалимѣ св. Павелъ съ Варнавою, по внушенію свыше, ходили на проповѣдь въ Кипръ и въ страны Памфилійскія и Ликаонскія въ Малой Азіи. Когда они возвратились опять въ Антіохію и пребыли здѣсь время *не мало со ученики* (Дѣян. 14, 28), сюда *пришли нѣцыи изъ Іудеи* и стали учить антіохійцевъ, что если они не

обрѣжутся по обычаю Моисееву, то не могутъ спастися. Св. Павелъ и Варнава защищали свободу Евангельскую, но не успѣли умиротворить общество. Рѣшено было послать Павла и Варнаву и нѣкіихъ другихъ *ко Апостоламъ и старцамъ во Іерусалимъ о вопрошеніи семъ* (Дѣян. 15, 1—2). Объ этомъ своемъ хожденіи, третьемъ и поминаетъ теперь св. Павелъ въ посланіи къ Галатамъ. Блаж. Ѳеодоритъ пишетъ: „Павелъ и Варнава много времени провели въ Антіохіи и уловили весьма многихъ изъ язычниковъ, повелѣвая имъ жить по закону благодати. Но нѣкоторые изъ защитниковъ закона. пришедши изъ Іудеи, покушались убѣдить увѣровавшихъ изъ язычниковъ, чтобы возлюбили житіе по закону. Великіе же проповѣдники истины, Варнава и Павелъ, отвергли предлагаемое ими ученіе. Пожелавъ увѣрить собраніе вѣрующихъ, что такъ угодно и великимъ Апостоламъ, пошли они въ Іудею, увѣдомили Апостоловъ о содѣянномъ ими, и принесли посланія, ясно повелѣвавшія не возлагать на язычниковъ ига законнаго, *но огребатися отъ идоложертвенныхъ и блуда и удавленины и крове* (Дѣян. 15, 29). Сіе, думаю, и разсказываетъ Божественный Апостолъ.“

Иные думаютъ, что здѣсь говорится о второмъ хожденіи св. Павла въ Іерусалимъ съ милостынею; другіе полагаютъ, что здѣсь говорится о какомъ-либо хожденіи послѣ собора. Послѣдняго мнѣнія принять нельзя, потому что послѣ собора вскорѣ св. Павелъ и Варнава пошли разными путями на проповѣдь и уже не сходились. Нельзя принять и перваго, потому что времени недостаетъ. Голодъ былъ въ 44 г., слѣдственно по обращеніи св. Павла въ 8 или 9 годъ; а онъ ходилъ *по четыренадесяти лѣтѣхъ*. И потому еще нельзя принять это мнѣніе, что въ ту пору было гоненіе на христіанъ въ Іерусалимѣ отъ Ирода: Ап. Іаковъ Зеведеевъ былъ убитъ,

св. Петръ находился въ темницѣ (Дѣян. 12 гл.). Слѣдственно въ это время неудобно было разсуждать соборно, и не съ кѣмъ. Такъ оба эти предположенія представляютъ неудобства, между тѣмъ какъ сличивъ сказанія Дѣяній объ Апостольскомъ соборѣ съ тѣмъ, что говоритъ здѣсь св. Павелъ, нельзя не видѣть совершеннаго согласія того и другаго. Разница только въ томъ, что св. Павелъ больше говоритъ о своихъ цѣляхъ, по руководству свыше, и о значеніи собора собственно для его проповѣди, какъ это требовалось цѣлями посланія,— чѣмъ о самомъ производствѣ собора и другихъ подробностяхъ сего дѣла.

За чѣмъ выставляетъ св. Павелъ этотъ счетъ лѣтъ? За тѣмъ, чтобы внушить, что столько времени проповѣдалъ онъ уже Евангеліе, безъ сношенія съ старшими Апостолами, а между тѣмъ оно оказалось согласно съ ихъ ученіемъ. Какъ это могло сдѣлаться? Не иначе какъ потому, что и его ученіе произошло изъ того же Источника, изъ какого и ученіе тѣхъ, т.-е. отъ Бога, открывшаго волю Свою людямъ о спасеніи въ Господѣ Іисусѣ Христѣ.

Взыдохъ... съ Варнавою, поемъ съ собою Тита. Варнава Кипрянинъ, изъ Іудеевъ, увѣровавшій прежде св. Павла и въ началѣ руководившій его, а потомъ уступившій ему первенство; Титъ отъ родителей еллиновъ-язычниковъ, св. Павломъ обращенный или утвержденный къ вѣрѣ окончательно и крещенный безъ обрѣзанія, и потомъ по дарованіямъ ему даннымъ, принятый имъ въ спутники и сотрудники. Въ Дѣяніяхъ говорится только, что съ св. Павломъ и Варнавою пошли въ Іерусалимъ другіе нѣкіе (15, 2), безъ означенія ихъ именъ. Въ числѣ этихъ нѣкіихъ былъ и Титъ. Но тамъ не было нужды его означать особо отъ другихъ; а здѣсь св. Павелъ имѣлъ особое къ тому побужденіе: онъ хотѣлъ показать,

что если онъ рѣшился ввесть необрѣзаннаго въ среду лицъ, приверженныхъ къ закону, то это значило, что онъ въ защищеніи свободы Евангельской не останавливается ни предъ какими препятствіями; съ другой же стороны, что онъ никакъ не думалъ, что будетъ укоренъ за то въ Іерусалимѣ отъ разумѣющихъ, какъ слѣдуетъ, дѣло вѣры Христовой. Блаж. Іеронимъ пишетъ: „Взялъ св. Павелъ съ собою Варнаву обрѣзаннаго и Тита необрѣзаннаго изъ язычниковъ *да при двою и тріехъ свидѣтелѣхъ станетъ всякъ глаголъ* (Втор. 19, 15). Этимъ вмѣстѣ показываетъ онъ, что если рѣшился привесть съ собою Тита, необрѣзаннаго, къ тѣмъ, кои знали, что онъ отмѣняетъ обрѣзаніе, то это сдѣлалъ онъ ради вѣры Христовой и свободы Евангельской."

Взыдохъ же по откровенію,—т.-е. по внушенію, указанію, повелѣнію свыше. „Причиною перваго восхожденія въ Іерусалимъ поставляетъ Петра и свиданіе съ нимъ, а причиною втораго — откровеніе Духа" (Злат.). „Говоритъ такъ для того, чтобъ успокоить тѣхъ, кои стали бы недоумѣвать, почему же наконецъ пошелъ туда, куда столь долгое время не ходилъ. Сказавъ: *по откровенію*, онъ далъ понять, что на это была воля Божія" (Август.). „Присовокупилъ: *по откровенію*, дабы ты не осудилъ его въ неразуміи, видя, что сдѣланное имъ было не человѣческое дѣло, но дѣло Божественнаго Промысла, предустрояющаго и настоящее и будущее" (Злат.).

Что въ Дѣяніяхъ говорится, что св. Павелъ съ Варнавою были посланы антіохійскою Церковію, не противорѣчитъ сему. То — внѣшнее теченіе событій, а это — сокровенное, указаніями свыше опредѣляемое. Это послѣднее умѣстно и при томъ. Откровеніе сіе было вѣдомо одному Апостолу Павлу, и было или прежде рѣшенія антіохійскаго общества, или во время его. Св. Лука не вѣдалъ сего случая и не помянулъ о немъ въ Дѣяні-

яхъ. Что и объ этомъ было откровеніе св. Павлу, что дивнаго, когда вся жизнь его управляема была мановеніями свыше? Явленіемъ Господа онъ обращенъ (Дѣян. 9, 3); Господь явился ему въ храмѣ и велѣлъ идти изъ Іерусалима, въ первое его тамъ бытіе (— 22, 17); въ другой разъ восхищенъ онъ былъ до третьяго небесе (2 Кор. 12, 1 и д.); Духъ Божій возбранилъ ему идти въ Асію или Виѳинію, а нощное видѣніе направило его въ Македонію (Дѣян. 16, 6—9); въ Коринѳѣ Господь въ нощномъ видѣніи воодушевляетъ его: не бойся; Я съ тобою; тутъ много для Меня людей (Дѣян. 18, 9); тоже опять въ Іерусалимѣ, когда схватили его и заключили въ узы (Дѣян. 23, 11). Можно полагать, что еще не всѣ замѣчены руководительныя ему указанія свыше.

Въ настоящемъ же случаѣ важность дѣла какъ бы требовала особаго внушенія свыше. Пришло время торжественно опредѣлить и выразить отношеніе ветхозавѣтныхъ порядковъ къ христіанству, благодати къ закону. Лѣтъ семь или восемь предъ симъ уже было впечатлительно открыто св. Петру, что необрѣзаніе не затворяетъ входа благодати Божіей въ души вѣрующихъ. По этому случаю произошло въ Іерусалимѣ движеніе между приверженцами закона. Св. Петръ удостовѣрилъ ихъ, что такова воля Божія, чтобъ необрѣзанныхъ принимать въ Церковь, одной вѣры ради, безъ обрѣзанія. Съ этого времени убѣжденіе въ семъ начало распространяться все болѣе и болѣе. Но оставалось много и колеблющихся. Между тѣмъ успѣхи Евангелія среди язычниковъ расширились чрезъ проповѣдь св. Павла съ Варнавою. Слухъ объ этомъ держалъ вниманіе всѣхъ на томъ же предметѣ и однихъ раздражалъ, другихъ успокоивалъ и утѣшалъ. Пришло время торжественно опредѣлить и объявить, что законъ древній — не орудіе благодати и не условіе полученія ея, что она нисходитъ инымъ, новымъ

путемъ. Во время проповѣди своей св. Павелъ довольно уже имѣлъ опытовъ, удостовѣрявшихъ въ ненужности закона для чадъ благодати. Повѣсть о семъ должна была склонить голосъ всѣхъ на эту именно сторону. И вотъ повелѣніе отъ Господа св. Павлу идти въ Іерусалимъ съ вопрошеніемъ симъ.

Св. Дамаскинъ пишетъ: „въ началѣ, когда только принялъ св. Павелъ Евангеліе, онъ не ходилъ въ Іерусалимъ и не предлагалъ его Апостоламъ. Самъ онъ и нужды не имѣлъ въ этомъ, будучи наученъ Самимъ Христомъ Господомъ. Когда же прошло уже довольно времени, и онъ долго проповѣдалъ среди язычниковъ Евангеліе, не обязывая ихъ обрѣзываться, то нѣкоторые соблазнялись тѣмъ, видя, что Петръ и кои съ нимъ, не отмѣняли обрѣзанія, а этотъ одинъ отмѣнялъ. Почему Духъ Святый, желая пресѣчь этотъ соблазнъ, повелѣлъ ему идти съ свидѣтелями своей проповѣди и предложить Апостоламъ, какъ проповѣдуетъ Евангеліе, чтобъ обнаружилось и ихъ согласіе съ нимъ и тѣмъ прекратился соблазнъ.“ Экуменій, высказавъ ту же мысль, прибавилъ: „чтобъ открылось, что нѣтъ разногласія въ проповѣди, но что тѣ (Петръ и кои съ нимъ) снисходятъ обрѣзанію по экономіи нѣкоей (допуская его, какъ мѣру благоразумія) “ Та же рѣчь и у Амвросіаста: „между тѣмъ, какъ росла слава объ успѣхахъ проповѣди св. Павла, распространялось между неотрѣшившимися еще отъ закона вѣрующими изъ Іудеевъ, мнѣніе, что онъ учитъ несогласно съ прочими Апостолами. Этимъ многіе соблазнялись, такъ что и среди язычниковъ могли проходить смутительныя мысли, не вводитъ ли св. Павелъ у нихъ какого иного ученія, нежели какое преподаютъ прочіе Апостолы, бывшіе съ Господомъ. Почему и внушено было Павлу свыше идти въ Іерусалимъ съ свидѣтелями своей проповѣди—Варнавою и Титомъ, од-

нимъ изъ іудеевъ, другимъ изъ язычниковъ, чтобы, если бы кто потомъ и сталъ соблазняться, былъ успокоиваемъ свидѣтельствомъ ихъ (т.-е. о согласіи съ Павломъ и прочихъ Апостоловъ). Онъ всѣмъ возвѣстилъ, какъ училъ и съ какимъ успѣхомъ, чтобы знали, что онъ не отступаетъ отъ правила Евангельскаго. Дѣлалъ онъ это ради согласія и мира, по внушенію Божію, чтобъ отклонить отъ себя подозрѣніе въ разногласіи съ ними, и чтобъ это послужило въ пользу язычникамъ, давая имъ знать, что его Евангеліе согласно съ Апостолами."

И предложихъ имъ. Съ греч., возложилъ будто на нихъ, или будто отдалъ все дѣло на ихъ судъ. Іеронимъ говоритъ: „ἀνεθέμην, выражаетъ, когда мы сообщаемъ другому, что сами знаемъ, какъ бы въ сердце его и умъ влагаемъ то. Но иное значитъ сообщить что, иное поучиться чему. Между сообщающими (другъ другу мысли) есть равенство, а между учащимся и учащимъ тотъ меньше, кто учится."

Предложилъ *имъ.* Кому *имъ*? Если взять рѣчь повыше, то будетъ—Апостоламъ. По обращеніи тотчасъ я не ходилъ, говоритъ, къ старшимъ Апостоламъ; ходилъ чрезъ три года повидать Петра и кромѣ его видѣлъ еще только Іакова; потомъ чрезъ 14 лѣтъ пошелъ и предлагалъ имъ. При семъ словѣ мысль останавливается на Апостолахъ. И въ Дѣяніяхъ говорится, что антіохійское общество послало св. Павла и Варнаву къ Апостоламъ и старцамъ (15, 2). Если же обратить вниманіе болѣе на слѣдующія слова: *наединѣ же мнимымъ;* то *имъ* будетъ означать то же, что всѣмъ тамошнимъ христіанамъ, и Апостоламъ и старцамъ и всѣмъ вѣрующимъ,—велъ открытую предъ всѣми рѣчь о своей проповѣди и благодати Божіей явленной среди язычниковъ. Изъ Дѣяній видно, что св. Павелъ и Варнава и дорогою и въ Іерусалимѣ всѣмъ разсказывали, что явилъ

чрезъ нихъ Богъ среди язычниковъ (—15, 3. 4); тоже потомъ дѣлали они и на самомъ соборѣ (—12). Но напрасно инославцы надѣются доказать этимъ, будто въ первенствующей Церкви дѣла вѣры рѣшало общество. Обществу все было повѣдаемо для его наученія, утѣшенія и утвержденія въ вѣрѣ; рѣшеніе же вопроса принадлежало Апостоламъ и старцамъ, по обсужденіи его подробномъ наединѣ набольшими. Общество должно было принять это рѣшеніе, какъ законъ для себя.

Благовѣствованіе, еже проповѣдую во языцѣхъ—именно о спасеніи вѣрою безъ дѣлъ закона. Всѣ оправдательные и очистительные чины ветхозавѣтные замѣнялись вѣрою въ благодать, даемую чрезъ таинства, о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ. Такъ училъ и учреждалъ св. Павелъ повсюду въ Церквахъ, собранныхъ преимущественно изъ язычниковъ. Говоритъ: *проповѣдую*,—чтобъ означить однажды навсегда установленный образъ Евангельской проповѣди, неизмѣнный катихизисъ свой. *Взыдохъ*, говоритъ, *по откровенію* и *предложихъ*. Конечно и это по откровенію. Было это въ цѣляхъ Провидѣнія; такъ было нужно по степени воспитанія Церкви, которое велъ Самъ Господь.

Наединѣ же мнимымъ. Мнимые тоже, что въ 6 ст. *мнящіеся быти что*, и въ ст. 9 *мнимiи столпи*,—находящіеся т.-е. на высокомъ счету у христіанъ. Это не унизительное выраженіе, а почетное. Греч. δοκοῦσι,—кажущимся, показнымъ, на виду у всѣхъ стоящимъ, на которыхъ всѣ смотрятъ, какъ на самыхъ вѣрныхъ указателей истиннаго пути ко спасенію. Θеодоритъ говоритъ: „сказалъ: *мнимымъ*, т. е. знаменитымъ.“ Св. Златоустъ пишетъ: „когда говоритъ: *мнимымъ*, не для того говоритъ, чтобы лишить ихъ принадлежащаго имъ уваженія, ибо и о себѣ говоритъ: *мнюся же и азъ Духа Божія имѣти* (I Кор. 7, 40),—что означаетъ просто

умѣряющаго свое достоинство человѣка и не отрицающаго въ себѣ того, что имѣетъ. Такъ и здѣсь, когда говоритъ—*мнимымъ*, говоритъ по общему о нихъ мнѣнію и своему." Имъ наединѣ излагалъ свое Евангеліе св. Павелъ. Чего ради наединѣ? Того ради, что между вѣрующими не всѣ все могли понести. Благоразуміе требовало иное и умолчать до времени. И еще того ради, что наединѣ удобнѣе было обсудить имѣвшее возродиться недоумѣніе или неясныя стороны предмета. Всячески это означало, что св. Павелъ съ первѣйшими Апостолами находился въ самыхъ близкихъ и взаимно довѣрчивыхъ отношеніяхъ,—что указать важно было для цѣлей его посланія.

Блаженный Августинъ говоритъ: „Что особо излагалъ св. Павелъ Евангеліе тѣмъ, кои были на́большими въ Церкви, послѣ того, какъ изложилъ его всѣмъ, то это сдѣлано было не потому, чтобы тамъ—всѣмъ—было говорено, что не истинно, а здѣсь—не многимъ—истинно; но потому что тамъ уже умолчалъ иное, чего младенцы въ вѣрѣ не могли еще понести, каковымъ и между Коринѳянами давалъ онъ, какъ самъ говоритъ, млеко, а не твердую пищу (1 Кор. 3, 2). Говорить ложь никогда не должно; но умолчать иногда что-либо истинное бываетъ полезно." Таже мысль у блаж. Іеронима. Св. Златоустъ пишетъ: „почему же *наединѣ*? Кто желаетъ исправить общіе догматы, тотъ не наединѣ, но предъ всѣми излагаетъ ихъ. Но не такъ поступилъ Павелъ. Ибо онъ не научиться чему-нибудь или исправить что желалъ, но отнять поводъ къ обману у тѣхъ, которые хотѣли обольщать другихъ. Ибо когда въ Іерусалимѣ всѣ соблазнялись, ежели кто допускалъ отступленіе отъ закона и возбранялъ употреблять обрѣзаніе (потому и сказалъ Іаковъ: *видиши ли брате, колико темъ Іудей вѣровавшихъ? И сіи вси увѣстишася о тебѣ, яко от-*

ступленію учиши отъ закона (Дѣян. 21, 20); когда говорю, соблазнялись, то потому онъ и не рѣшился открыто предъ всѣми изложить свою проповѣдь, но предложилъ *наединѣ, мнимымъ*, при Варнавѣ и Титѣ, чтобы они были достовѣрными свидѣтелями предъ обвинителями его, что и Апостолы не нашли противною проповѣдь его, напротивъ подтвердили оную.“

Да не како вотще теку, или текохъ. Прямо сіи слова показываютъ, будто св. Павелъ входитъ въ сношеніе со старшими Апостолами для того, чтобы самому удостовѣриться, вѣрно ли онъ дѣйствуетъ. Но въ томъ, кто наученъ Евангелію свыше, непосредственно отъ Самого Господа, такого колебанія убѣжденія въ вѣрности Евангелія предположить нельзя, особенно при томъ обстоятельствѣ, что онъ и въ Іерусалимъ пришелъ для изложенія своего Евангелія по откровенію. Потому надо положить, что Апостолъ дѣйствовалъ такъ, не для своего убѣжденія, не вотще ли течетъ, а для убѣжденія въ томъ другихъ, можно сказать, всѣхъ другихъ, кромѣ себя. Св. Златоустъ очень сильно выставляетъ неумѣстность такого недоумѣнія въ св. Павлѣ: „Что говоришь, Павле? Не рѣшившись предложить сначала или чрезъ три года, какъ же по прошествіи уже четыренадесяти лѣтъ спрашиваешь, не вотще ли течешь? Сколько бы лучше было тотчасъ въ самомъ началѣ это сдѣлать, нежели послѣ стольких лѣтъ? Зачѣмъ же ты и подвизался? Кто бы былъ столько неразуменъ, чтобы проповѣдуя столько лѣтъ, не зналъ, хорошо ли онъ проповѣдуетъ?... Такъ нельзя соглашаться, чтобы сія блаженная душа находилась въ такой неизвѣстности о своихъ дѣйствіяхъ. Не самъ ли онъ говоритъ: *тако теку, не яко безвѣстно; тако подвизаюся, не яко воздухъ біяй* (1 Кор. 9, 26)? А если *не безвѣстно*, то какъ же

могъ бы онъ говорить о себѣ: *да не како вотще теку, или текохъ?*"

Нѣсколько выше (подъ 17 ст. 1 гл.) св. Златоустъ и о самомъ восхожденіи въ Іерусалимъ говоритъ, что оно было предпринято св. Павломъ не для него самого, а для другихъ: „Не для того, чтобъ учиться, приходилъ онъ туда, но чтобъ убѣдить другихъ. Ибо самъ онъ съ самаго начала держался того же мнѣнія, которое и Апостолы послѣ утверждали, т.-е., что не должно обрѣзываться. Поелику же иные доселѣ считали его недостойнымъ довѣрія и больше хотѣли вѣрить находившимся въ Іерусалимѣ, то онъ и ходилъ туда не для того, чтобъ узнать что-нибудь большее, но чтобъ убѣдить противниковъ, что и находящіеся въ Іерусалимѣ въ томъ съ нимъ согласны. Такъ-то онъ съ самаго начала видѣлъ, что нужно дѣлать, и не имѣлъ никакой нужды въ учителѣ; такъ что и въ томъ, что Апостолы утвердили послѣ долгаго разсужденія, онъ непоколебимо былъ утвержденъ свыше еще прежде ихъ разсужденія. Лука, объявляя сіе, сказалъ, что Павелъ много и долго утверждалъ противное о семъ предметѣ еще прежде путешествія своего въ Іерусалимъ (Дѣян. 15, 2)."

Для кого же именно это дѣлалось? Кто говоритъ, для противниковъ св. Павла, кто—для вѣрующихъ вообще, кто—для церквей, основанныхъ св. Павломъ, кто—для дѣла проповѣди его вообще. Противники св. Павла учили, что безъ соблюденія ветхаго закона нѣтъ спасенія и что кто иначе учитъ, тотъ вотще трудится, дѣйствуетъ не по Божію плану, строитъ не на прочномъ основаніи. Изъ сего выходило, что св. Павелъ не обязывавшій къ обрѣзанію и другимъ чинамъ іудейскимъ, вотще течетъ. Въ подтвержденіе этого они указывали на другихъ Апостоловъ, говоря какъ бы: вонъ тѣ, которые дѣйствуютъ по разуму Божію, непосредственные учени-

ки Господа, не противятся соблюденію закона, и потому не вотще текутъ; а этотъ вотще течетъ. Св. Павелъ, изложивъ теперь, предъ всѣми и наединѣ, и благовѣстіе, которое проповѣдуетъ, и вызвавъ общее согласіе и торжественное, на соборѣ заявленное, одобреніе своего ученія, уничтожилъ основаніе, на которомъ утверждались его противники, и заградилъ имъ уста. Теперь для всѣхъ ясно стало, что если онъ согласенъ во всемъ съ Апостолами, то дѣйствуетъ тоже по разуму Божію, строитъ на прочномъ основаніи, какъ и прочіе, и слѣдовательно не вотще течетъ. Онъ говоритъ какъ бы: чтобы враги мои не имѣли основанія говорить, будто я напрасно теку или текохъ, и чтобы другіе, слушая ихъ на меня клеветы, будто я разно отъ Апостоловъ проповѣдую, не поддавались ихъ внушеніямъ, что я напрасно теку. Блаженный Іеронимъ замѣчаетъ, что приверженцы закона „распространяли мысль, что вотще течетъ тотъ, кто думаетъ, что ветхому закону слѣдовать не должно.“ Это и были порицатели св. Павла, о коихъ св. Златоустъ полагаетъ, что они „больше уважали Петра и Іоанна, и думали, что онъ (св. Павелъ) не согласуется съ ними, такъ какъ проповѣдывалъ Евангеліе безъ обрѣзанія, а тѣ терпѣли оное; и потому полагали, что онъ противу закона поступаетъ и вотще подвизается. Потому, говоритъ, взыдохъ и предложихъ имъ благовѣствованіе, не для того, чтобы самому научиться чему-нибудь отъ нихъ, но для того, чтобы вразумить тѣхъ, что я не напрасно теку.“ Послѣ этого и всѣ, кого бы стали соблазнять порицатели св. Павла, были ограждены отъ опасности быть обольщенными отъ нихъ, убѣждаясь, что ученіе св. Павла было всеобщее всѣхъ посланныхъ отъ Бога провозвѣстниковъ спасительной истины ученія. Проповѣдь св. Павла получала чрезъ сіе прочное основаніе и никакой уже не предстояло опасно-

сти, чтобъ онъ напрасно текъ, т.-е. чтобы кто-нибудь надѣялся на успѣхъ отторгать отъ него послѣдовавшихъ его ученію, и тѣмъ дѣлать тщетнымъ трудъ его. Иные такъ и перифразирують: *да не како вотще теку*, чтобы трудъ мой не пропадалъ даромъ, или чтобъ изъ труда моего ничего не пропадало. Предполагается мысль: обратишь кого, а эти придутъ и натолкуютъ, что точно есть на землѣ свыше дарованное ученіе, но оно въ настоящемъ видѣ преподается только старшими Апостолами, а этотъ несогласенъ съ ними,—натолкують это, и отторгнутъ отъ истины принявшихъ уже ее: трудъ мой и напраснымъ становится. Чтобъ этого не случилось или съ увѣровавшими уже, или съ имѣющими увѣровать, я теперь, по внушенію Божію, заручаюсь общимъ всѣхъ одобреніемъ благовѣстія, которое проповѣдую, да заградятся уста лжеучителей и торжествуетъ единая истина Божія о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ.

б)

Сказавши, почему и зачѣмъ былъ въ Іерусалимѣ и что тамъ дѣлалъ, теперь Павелъ говоритъ, какъ принятъ былъ тамошними христіанами. Всѣ братски приняли, говоритъ, насъ, каковы мы были, сбросившихъ всякую связанность предписаніями іудейскими, какъ доказали они общеніемъ съ Титомъ необрѣзаннымъ (—ст. 3). Лжебратія,—ревнители закона, подходили, чтобы поколебать насъ, но ничего не успѣли (ст. 4), такъ что свобода Евангельская отстояна нами предъ лицемъ всѣхъ (ст. 5).

Ст. 3. *Но ни Титъ иже со мною, Еллинъ сый, нужденъ бысть обрѣзатися.*

Титъ, вѣрующій изъ язычниковъ, необрѣзанный, со мною всюду былъ среди христіанъ изъ іудеевъ и несмотря на необрѣзаніе всѣми принятъ въ общеніе. Тамошнее общество никакого затрудненія не представило къ

общенію съ Титомъ, чѣмъ сильнѣе всякихъ словъ доказало свое убѣжденіе, что обрѣзаніе и необрѣзаніе не производятъ никакой разности между увѣровавшими въ Господа. *Не нужденъ*, или совсѣмъ не былъ принуждаемъ, т.-е., и помина о томъ не было; или не былъ вынужденъ, хотя убѣждали его и принуждали. Послѣдняго можно было ожидать только отъ лжебратій, не понимавшихъ условій спасенія, о которыхъ особая рѣчь; они не одного обрѣзанія требовали, но соблюденія всего закона и всѣхъ предписаній. Кто не принуждалъ,— Апостолы только, или и общество христіанское? Такъ какъ впереди говоритъ Апостолъ, что онъ излагалъ свое ученіе и предъ всѣми, и наединѣ Апостоламъ; то и здѣсь разумѣется, что Титъ никѣмъ не былъ принуждаемъ, ни Апостолами, ни вѣрующими, здраво судившими объ отношеніи закона Моисеева къ христіанству, хотя конечно Апостолы были руководящими. Наши древніе толковники говорятъ, что Апостолы не заставляли Тита обрѣзаться, хотя иные того желали. Если иные желали, конечно лжебратія, то иные не желали. Дѣло происходило открыто. Лжебратія хотѣли бы обрѣзать, но Апостолы и истинные братія не соглашались на то и оставили Тита свободнымъ. Видно здѣсь намѣреніе Апостола Павла выдѣлить изъ сонма здраво-вѣрующихъ этихъ лжебратій, приверженцевъ закона, давая понять, что они были будто какіе особняки, шедшіе съ упорствомъ наперекоръ всѣмъ.

Блаженный Ѳеодоритъ пишетъ: „вотъ самое сильное доказательство, что и по мнѣнію Апостоловъ увѣровавшимъ изъ язычниковъ не должно хранить законъ, ибо Титу, который былъ необрѣзанъ и призванъ изъ еллиновъ, не предписывали обрѣзываться, хотя и очень многіе желали противнаго.“ Св. Дамаскинъ говоритъ, что необрѣзаніе Тита „было самымъ сильнымъ доказатель-

ствомъ того, что Апостолы не охуждали св. Павла за то. что онъ не обрѣзываетъ язычниковъ.“ Амвросіастъ прибавляетъ: „и подразумѣвается: зачѣмъ же вамъ (Галатамъ) обрѣзываться, когда Титъ не былъ принужденъ обрѣзываться Апостолами первѣйшими, но принятъ былъ въ общеніе необрѣзанный?“ Другіе наши толковники болѣе останавливаются на томъ, какъ же сами Апостолы терпѣли обрѣзаніе въ Іерусалимѣ? На это одинъ у всѣхъ отвѣтъ: то было по нѣкоей экономіи, т. е. допускаемо на время, какъ мѣра благоразумія, а не какъ правило неизмѣнное. Экуменій говоритъ, что непринужденіе Тита обрѣзаться служитъ „доказательствомъ того, что и Петръ съ своими не законополагаетъ обрѣзанія, но, по снисхожденію къ вѣровавшимъ изъ іудеевъ попускаетъ его.“ Ѳеофилактъ: „что и Апостолы допускали обрѣзаніе не какъ законъ неотложный, а по нѣкоей экономіи“ (т. е. какъ временную мѣру благоразумнаго снисхожденія къ немощнымъ). Пространнѣе выясняетъ сіе св. Златоустъ: „Что Тита необрѣзаннаго Апостолы не принуждали обрѣзываться, это весьма ясно доказывало, что они не осуждали ученія Павлова, или его дѣлъ; а еще болѣе доказывало сіе то, что и тогда, какъ противники узнавши о семъ настаивали на обрѣзаніи, Апостолы не повелѣли сего сдѣлать; на что самое онъ и указываетъ словами: *и за пришедшую лжебратію*. Кто сіи лжебратія, это здѣсь требуетъ объясненія. Ежели Апостолы допускали обрѣзаніе, для чего же ты называешь лжебратіями тѣхъ, которые съ вѣдома Апостоловъ повелѣвали сіе дѣлать? — Во первыхъ, не одно и то же требовать что нибудь дѣлать, и допускать дѣлаемое. Кто требуетъ, тотъ настаиваетъ, чтобъ его требованіе, какъ необходимое и важное, было исполнено; но кто не требуетъ, а только не возбраняетъ желающему, тотъ допускаетъ извѣстное дѣйствіе, не какъ должное и необходимое, но по осо-

бенному какому-нибудь распоряженію. Такъ и здѣсь Апостолы хотя допускали обрѣзаніе, но не какъ защитники закона, а по снисхожденію къ немощи іудеевъ. А еслибъ они защищали законъ, то не стали бы относительно іудеевъ дѣйствовать такъ, а относительно язычниковъ иначе; ибо что нужно было дѣлать по закону Христову однимъ, тоже конечно нужно было дѣлать и другимъ. Но если они постановили закономъ не принуждать къ обрѣзанію язычниковъ, то тѣмъ показали, что іудеямъ дозволяли оное только по снисхожденію. Лжебратія же дѣлали сіе не съ тѣмъ намѣреніемъ, но чтобы отторгнуть вѣрующихъ отъ благодати и снова подчинить подъ иго работы. И это есть первое различіе, полагающее великое средостѣніе между Апостолами и лжебратіями. Второе же есть то, что Апостолы дѣлали сіе во Іудеѣ, гдѣ и законъ былъ еще такъ силенъ; а лжебратія дѣлали сіе повсюду, ибо хотѣли поработить и всѣхъ Галатовъ. Отсюда явно, что послѣдніе дѣлали сіе не для созиданія, а для совершеннаго разоренія.“

Ст. 4. 5. *И за пришедшую лжебратію, иже привнидоша соглядати свободы нашея, юже имамы о Христѣ Iисусѣ, да насъ поработятъ: имже ни къ часу повинухомся въ покореніе; да истина благовѣствованія пребудетъ въ васъ.*

Всѣ древніе наши толковники не отдѣляютъ слово: *и за пришедшую лжебратію,* отъ предыдущаго стиха, и такъ сочетаваютъ рѣчь: Титъ не былъ нужденъ обрѣзатися, даже и за пришедшую лжебратію. Такъ св. Златоустъ, какъ видно изъ предыдущей выписки. Такъ блаженный Ѳеодоритъ, несмотря даже на то, что по-гречески стоитъ не: *и за пришедшую*, а: *за пришедшую же лжебратію*. „Союзъ: *же*, говоритъ онъ, въ составѣ рѣчи излишенъ. Ибо смыслъ сихъ изрѣченій таковъ: и Тита, хотя онъ былъ еллинъ, не принуждали обрѣзаться ради

пришедшихъ лжебратій“. Такъ св. Дамаскинъ: „Апостолы не принуждали обрѣзаться необрѣзаннаго Тита, хотя пришедшіе лжебратія подсматривали за тѣмъ и принуждали обрѣзать“. Фотій у Экуменія: „даже видя присущими лжебратій.“ Самъ Экуменій: „ни даже ради пришедшихъ лжебратій.“ И Ѳеофилактъ такъ же. И изъ латинскихъ учителей блаженный Августинъ пишетъ: „за пришедшую лжебратію не былъ принужденъ обрѣзаться Титъ; т.-е. невозможно было исторгнуть у него согласіе на обрѣзаніе, хотя пришедшіе соглядать свободу нашу очень желали, чтобы Титъ обрѣзался, чтобъ потомъ проповѣдать, что обрѣзаніе необходимо для спасенія, по согласію и свидѣтельству самого даже Апостола Павла.“ Такимъ образомъ вся древность за такого рода сочетаніе рѣчи; — и намъ отдѣляться отъ нихъ не слѣдуетъ. Нашъ славянскій переводъ не отступаетъ отъ нихъ.

Новые инославные толковники полагаютъ, что тутъ начинается особая рѣчь у св. Павла, къ чему понуждаетъ ихъ частица: *же*, о коей поминаетъ блаж. Ѳеодоритъ. Чтеніе этимъ точно выдерживается; но спутывается теченіе рѣчи. Ибо: *за прившедшую же лжебратію*,— такую и такую,—*имже ни къ часу покорихомся*.... выходитъ нестройно. Чтобы дать рѣчи строй, они дѣлаютъ разныя предположенія, иногда очень неудобныя.

Кто такіе были лжебратія? Они были братія, то-есть увѣровавшіе въ Господа и крестившіеся, но братія ложные, т.-е. державшіеся ложныхъ началъ, полагая, что при вѣрѣ въ Господа необходимо соблюдать и законъ ветхій, чтобы спастися. При этомъ и вѣра о лицѣ Спасителя не могла быть въ нихъ истинна, а далѣе и весь нравственный строй. Слѣдовательно со внѣ они были христіане, а внутри не имѣли христіанскаго настроенія. Держащихся закона было много между вѣровавшими Іудеями,—въ Іерусалимѣ, можно сказать, всѣ. Но между

ними одни держались его по привычкѣ только, не считая уже исполненіе его необходимымъ условіемъ спасенія, а другіе держались его въ этомъ именно смыслѣ, думая, что безъ него спастись нельзя. И между этими одни, сложившись въ такихъ убѣжденіяхъ, жили себѣ спокойно, другіе выступали, какъ дѣятельные борцы за истину, и ревновали всѣмъ передать свои убѣжденія. Тѣ, которые въ Антіохію приходили и подняли тамъ споръ, были изъ числа ихъ. Изъ числа ихъ были и эти, которые теперь прокрались къ св. Павлу съ его спутниками, чтобы подсмотрѣть, какъ они живутъ, по-іудейски ли.

За пришедшую лжебратію,—Παρεισάκτους,—прившедшую, тайно введенную; *иже привнидоша*,—Παρεισῆλθον,—будто прокрались.—Это, разумѣется, не въ общество христіанское, а въ домъ, гдѣ былъ Апостолъ Павелъ съ своими. Въ Церковь Христову они вошли по вѣрѣ въ Господа, при чемъ о томъ, какъ должно будетъ отнестись къ закону, у нихъ мысли не было; они увѣрены были, что законъ останется въ силѣ, и что, принимая вѣру во Христа, они становятся настоящими Іудеями полными, по всѣмъ пророческимъ обѣтованіямъ. Увидѣвъ, послѣ крещенія Корнилія, что христіане пошли такою дорогою, на которой законъ среди ихъ не можетъ удержаться въ силѣ, какую они ему придавали, а между тѣмъ не желая возвратиться снова къ іудейству, они задумали отстаивать законъ при вѣрѣ, и начали дѣйствовать въ этомъ духѣ. Несмотря на то они долго были терпимы въ Церкви: ихъ не отлучали, въ чаяніи образумленія и исправленія.

Привнидоша соглядати. Уже *привнидоша* показываетъ нѣчто въ нихъ недоброе, будто тайкомъ прокрались, подъ личиною братства. А *соглядати* еще болѣе обличаетъ не добрыя въ нихъ намѣренія, будто подсмотрѣть, что тамъ дѣлается и говорится, чтобы потомъ воспол-

зоваться тѣмъ противъ нихъ. Амвросіастъ пишетъ: „привзошли съ лукавствомъ, показывая себя братіями, когда были врагами.... вошли съ смиреніемъ, притворяясь друзьями.“ Тоже и Экуменій: „Смотри, какъ онъ выставляетъ ихъ врагами, прившедшими, чтобъ вредъ причинить вѣрѣ,—вопервыхъ тѣмъ, что говоритъ *привнидоша*, тайкомъ, злонамѣренно прокрались; во вторыхъ тѣмъ, что говоритъ: *соглядати;* ибо соглядающій соглядаетъ съ цѣлію повредить и сдѣлать зло.“ Св. Златоустъ пространнѣе: „Видишь ли, какъ онъ названіемъ соглядатаевъ выразилъ непріязнь ихъ? Ибо соглядатаи входятъ только для того, чтобы, высмотрѣвъ дѣла противниковъ, приготовить себѣ удобнѣйшія средства къ пораженію и низложенію ихъ; такъ и лжебратія поступили тогда, желая поработить ветхозавѣтному оному рабству. Почему и отсюда видно, что намѣреніе Апостоловъ и лжебратіи было не одно, но весьма различное и противоположное. Ибо Апостолы снисходили, для того, чтобы мало-по-малу вывести изъ рабства; а тѣ напротивъ устрояли сіе, чтобъ еще большему подвергнуть рабству. Потому они тщательно подсматривали и наблюдали, кто былъ обрѣзанъ, на что указывая и Павелъ сказалъ: *привнидоша соглядати свободы нашея,* означая коварство ихъ не только именемъ соглядатаевъ, но и тѣмъ, что они приходили тайно и какъ тати.“

Соглядати свободы нашея.... о Христѣ Іисусѣ. Господь нашъ Іисусъ Христосъ крестною смертію Своею, замѣнившею всѣ жертвы и чины ветхозавѣтные, умилостивительные, оправдательные и освятительные, и благодатію Св. Духа, въ таинствахъ, обновляющею естество наше, освободилъ вѣрующихъ въ Него отъ ига предписаній закона Моисеева, сдѣлалъ ихъ ненужными уже. Приступающіе къ Господу съ вѣрою, чрезъ то самое, что приступали къ Нему, получали все, что прообразо-

вательно только обѣтовалъ ветхій законъ, и слѣдовательно становились, по самому существу того состоянія духовнаго, въ какое поставляла ихъ вѣра, свободными отъ него. Апостолъ указываетъ симъ выраженіемъ и на свободу, которую всѣ вѣрующіе должны имѣть, и на свободу, которую онъ съ своими дѣйствительно имѣетъ, сбросивъ всѣ узы закона. Въ Іерусалимѣ и тѣ, кои здраво понимали силу вѣры въ Господа, держались законныхъ уставовъ по привычкѣ. Св. Павелъ, какъ только увѣровалъ, оставилъ законъ, коему такъ былъ преданъ. Въ этой же свободѣ онъ воспитывалъ и всѣхъ вѣрующихъ по благовѣстію его, не язычниковъ только, но и Іудеевъ. Іерусалимляне нигдѣ болѣе не могли видѣть этой свободы, какъ у Павла и бывшихъ при немъ. Они явились въ Іерусалимѣ, какъ представители порядковъ обновленной во Христѣ Іисусѣ жизни, чистыхъ отъ всякой примѣси іудейства, и тѣмъ паче язычества. Почему могли составлять предметъ любопытства для всѣхъ. Всякому любопытно было посмотрѣть, какъ это живутъ и спасаются, не держась порядковъ, бывшихъ тогда въ употребленіи и считавшихся неотложною принадлежностію благочестиваго Іудея.

Но лжебратій привлекло туда не одно любопытство. У нихъ была затаенная мысль, на которую указываетъ св. Павелъ словами: *да насъ поработятъ*. Прокрались они къ св. Павлу тайкомъ, и прокрались съ тѣмъ, чтобы подсмотрѣть свободу его и тѣхъ, кои были при немъ; но у нихъ было при этомъ и то въ умѣ, чтобы не ограничиться однимъ наблюденіемъ. Ревность по закону влекла ихъ туда, чтобы, замѣтивъ неподчиненность закону, употребить усилія, возвратить этихъ, высвободившихся отъ него, опять подъ иго его. Слова св. Павла наводятъ на мысль, что они и дѣлали такого рода покушенія. Но какъ могли они это дѣлать? Власти конечно

никакой въ ихъ рукахъ на это не было. Можно бы это предположить, если бы они дѣйствовали отъ лица Апостоловъ; но по ходу всего дѣла видно, что они уже отдѣлились отъ Апостоловъ и дѣйствовали независимо отъ нихъ. Присутствіемъ однимъ? Можетъ быть они были лица, важныя среди Іудеевъ, и число ихъ было не мало. Тѣмъ и другимъ они могли вліятельно тяготѣть надъ Апостоломъ Павломъ и тѣми, кои были при немъ, и колебать ихъ твердость то уваженіемъ, то опасеніемъ разлада, то страхомъ какимъ-нибудь. Но прямѣе, они заводили рѣчь и старались убѣдить. Ревность ихъ не могла позволить имъ молчать. Видно, что съ ихъ стороны былъ натискъ не малый. Но ничего не успѣли. Не безъ усилій однакожъ это обошлось Апостолу; почему и памятно было, какъ заключить можно изъ слѣдующихъ словъ.

Имже ни къ часу повинухомся въ покореніе. Какъ у насъ говорятъ: ни на минуту, или ни на волосъ не уступили. Слѣдовательно была борьба: одни нападали, другіе защищались. — По-греч. εἴξαμεν τῇ ὑποταγῇ — не уступили покорностію. Мысль: или не уступили съ покорностію, покорно, не поперечa, или не уступили покорностію закону, и вообще и въ частностяхъ, не согласились возвратиться ни къ какимъ дѣламъ закона, ни большимъ, какъ обрѣзаніе, ни меньшимъ, какъ напримѣръ, уставы о пищѣ, омовеніяхъ и пр. Въ славянскомъ переводѣ выдерживается послѣдняя мысль; русскій переводъ, чтобъ яснѣе выразить ту же мысль, употребилъ перифразъ: „не уступили и не покорились.“ У тѣхъ была мысль не поспорить только, но дѣломъ подчинить закону. „Замѣчай высоту и выразительность сихъ словъ, говоритъ св. Златоустъ. Не сказалъ: *слову* (не повинухомся), но *покоренію* (т. е. ихъ усилію покорить). Ибо тѣ сіе дѣлали не для того, чтобы научить чему-либо

полезному, но чтобы подчинить и поработить.“—Св. Дамаскинъ: „ни на минуту не поддались имъ, т.-е. прившедшимъ, чтобы не оказаться одно говорящими, а другое дѣлающими.“

Да истина благовѣствованія пребудетъ въ васъ,—т.-е. да истина спасенія въ Единомъ Господѣ Іисусѣ Христѣ, или христіанство вообще въ цѣломъ своемъ устройствѣ, пребудетъ чистымъ, безпримѣснымъ. у васъ, увѣровавшихъ изъ язычниковъ: ибо среди Іудеевъ явиться ему таковымъ мѣшаютъ пока многія соприкосновенности, съ которыми благоразуміе заставляло сообразаться высшихъ направителей дѣла Христова. Уступи тутъ св. Павелъ, и согласись принять хоть что-нибудь изъ іудейства, примѣсь эта пошла бы и во всей церкви изъ язычниковъ, и истина благовѣствованія и вообще не пребыла бы на землѣ такою, какою ей слѣдовало быть. *Въ васъ,*—рѣчь обращается къ Галатамъ, поколику они суть вѣрующіе изъ язычниковъ. Въ этомъ случаѣ онъ смотритъ на нихъ, какъ на представителей язычко-христіанъ, и въ лицѣ ихъ говоритъ о всѣхъ таковыхъ. Св. Златоустъ говоритъ: „чтобы то, чему учили мы словами, сіе подтвердить и дѣлами, т. е. что *древняя мимоидоша, и быша вся нова*; и: *аще кто во Христѣ, нова тварь* (2 Кор. 5, 17); и что *обрѣзающимся Христосъ ничтоже пользуетъ* (Гал. 5, 2),—сію истину утверждая, мы ни на часъ не уступили имъ.“ Ѳеофилактъ прилагаетъ: „Да пребудетъ твердымъ и непреложно истиннымъ то, что мы проповѣдывали вамъ. Противостоя имъ, мы показали, что и вамъ истинно возвѣщали мы объ упраздненіи закона. Не отступайте же отъ этой истины.“

Блаженный Іеронимъ направляетъ свое толкованіе къ цѣлямъ посланія, и извлекаетъ изъ словъ Апостола сильный урокъ Галатамъ: „среди такого множества іудеевъ, враговъ своихъ, которые изъ ревности по закону хотѣ-

ли бы исчерпать всю кровь его, ни онъ самъ, ни Титъ не уступили по какому-либо страху или нуждѣ; хотя можно бы было извинить ихъ, еслибъ они не выдержали ненависти стольких и толикихъ,—и уступили... Онъ какъ бы говоритъ: и угрозами стращая, и своею многочисленностію подавляя насъ, они хотѣли отъ свободы Христовой опять ввергнуть насъ подъ иго закона; но мы ни на минуту не уступили имъ, хотя насъ въ этомъ случаѣ могли извинить необходимость сохранить миръ Церкви. И это сдѣлали мы для того, чтобы не подать вамъ никакого повода къ отступленію отъ благодати. Итакъ, если мы, находясь въ Іерусалимѣ, окруженные такимъ множествомъ іудеевъ и лжебратій, при уступчивости старшихъ Апостоловъ, никакою силою не могли быть принуждены исполнить чинъ обрѣзанія, которое признали потерявшимъ уже силу; какъ вы изъ язычниковъ, вы живущіе въ Галатіи (т.-е. вдали отъ Іудеевъ), вы которымъ не могло быть дѣлаемо никакое вліятельное понужденіе, какъ вы, отступая отъ благодати, задумали подчиниться обветшавшему закону?"

в)

Сказавши, какъ приняли его вѣрующіе и эти ревнители закона, Павелъ говоритъ теперь, какъ отнеслись къ нему старѣйшіе Апостолы. Что, говоритъ, касается до знаменитѣйшихъ нашихъ, то у меня съ ними не оказалось никакой разности, ни размолвки въ ученіи, ни различія въ достоинствѣ. Они ничего не прибавили ни къ моему ученію, ни къ моему авторитету. Напротивъ, ясно уразумѣвъ благодать Божію и въ моемъ избраніи, и въ моей проповѣди, десницы дали мнѣ съ Варнавою, т.-е. вполнѣ согласились, чтобъ я съ нимъ авторитетно проповѣдалъ Евангеліе среди язычниковъ, въ томъ же духѣ, какъ проповѣдывалъ дотолѣ, какъ они узнали изъ бе-

сѣдъ моихъ съ ними,—въ какомъ духѣ проповѣдаю его досель, въ какомъ проповѣдывалъ его и у васъ (ст. 6—10).— Такая общая мысль сего отдѣленія очень ясна сама по себѣ; но нѣкоторые обороты рѣчи св. Павла довольно затруднительны къ истолкованію.

Ст. 6. *Отъ мнящихся же быти что, якови нѣкогда бѣша, ничтоже ми разнствуетъ: лица Богъ человѣча не пріемлетъ. Мнѣ бо мнимiи ничтоже привозложиша.*

Мнящіеся быти что, — тоже, что выше — *мнимiи*, и ниже *мнимiи столпи быти*. Не то, по Августину, этимъ хочетъ выразить Апостолъ, что они сами себя почитаютъ значущими что-нибудь, но что такими ихъ почитаютъ всѣ христіане. Всѣ думаютъ о нихъ, что они не тоже, что всѣ другіе, суть нѣчто особенное, выдающееся изъ ряда. Можно эти слова перефразировать: знаменитѣйшіе наши.

Якови нѣкогда бѣша. Греческій текстъ — ὁποῖοί ποτε ἦσαν — даетъ возможность такого перевода: каковыми когда-либо бывали (люди). И это, кажется. будетъ самый удобный переводъ, по ходу рѣчи и по цѣли Апостола. Апостолъ выражаетъ свою мысль объ Апостолахъ старшихъ и ставитъ ихъ выше всѣхъ знаменитостей человѣческихъ, какъ они въ самомъ дѣлѣ и суть. Сравнивая же потомъ себя съ ними, свое достоинство поднимаетъ въ очахъ Галатовъ, чтобъ отнять у нихъ всякій предлогъ къ непослѣдованію ученію его. Другой переводъ: каковыми они (т.-е. Апостолы) нѣкогда были, или какими бы ни были они когда-либо,—поставляетъ въ затрудненіе объяснить, что значитъ: нѣкогда были, или когда-либо были,— наводя на мысль, будто они перестали быть знаменитыми. Останавливаясь на этомъ переводѣ невольно спросишь: когда же это—нѣкогда? Одни отвѣчаютъ: когда Господь былъ видимъ на землѣ и они всюду за Нимъ слѣдовали

(Иерон.). Но по сошествіи Св. Духа, они стали болѣе знамениты, нежели какъ были прежде. Другіе: еще прежде призванія ихъ Господомъ къ Апостольству, когда они были грѣшники (Август.), люди простые, несвѣдующіе въ законѣ (Амврос.). Но Апостолу Павлу никакой не было нужды заводить мысль Галатовъ такъ далеко, когда она притомъ ничего не даетъ для его цѣлей. Третьи: прежде удостовѣренія свыше, даннаго чрезъ св. Петра, что язычникамъ открыта дверь для входа въ Церковь Христову безъ обрѣзанія. Мысль: прежде они думали, что нуженъ законъ, а теперь уже перестали такъ думать (Экум.), въ чемъ у меня съ ними нѣтъ разности. Это, при семъ переводѣ, ближе всѣхъ къ ходу рѣчи св. Павла. Замѣтимъ, впрочемъ, что это такое вносное предложеніе, которое не имѣетъ вліянія на опредѣленіе главной мысли текста. Потому можно не слишкомъ озабочиваться точнѣйшимъ опредѣленіемъ его смысла.

Ничтоже ми разнствуетъ,—у меня нѣтъ различія, ни по Апостольскому авторитету, который у меня тотъ-же, какъ и у нихъ, — ни по ученію, ибо и они также разумѣютъ спасеніе въ Господѣ, какъ и я. „Тотъ, Кто не свѣдущимъ въ законѣ (т.-е. неученымъ рыбарямъ) вложилъ разумѣніе христіанскаго ученія, Тотъ и мнѣ, искусному въ законѣ (ученому) благоволилъ даровать тоже разумѣніе“ (Амврос.).

Лица Богъ человѣча не пріемлетъ. Не смотритъ Богъ на то, чѣмъ кто есть, но на то, чѣмъ онъ можетъ быть при содѣйствіи Божіей благодати. Хоть я былъ невѣръ и гналъ Церковь Божію; но Богъ, провидя, что я пребуду вѣрнымъ дѣятелемъ, если мнѣ ввѣрить благовѣствованіе (1 Сол. 2, 4), избралъ меня на это служеніе и поставилъ въ рядъ тѣхъ знаменитѣйшихъ. *Благодатію Божіею есмь, еже есмь* (1 Кор. 15, 10).

Мнѣ бо мнимiи ничтоже привозложиша. Что нѣтъ разнствiя съ знатнѣйшими, это доказываетъ тѣмъ, что, послѣ бесѣдованiя и уразумѣнiя всего хода дѣлъ у Апостола Павла, они ничего ему не прибавили, ни въ ученiи, ни въ достоинствѣ Апостольскомъ, а только признавъ то и другое исходящимъ отъ Самого Господа, приняли его въ равночестное съ собою общенiе. Блажен. Iеронимъ пишетъ: „Выше сказалъ, что входилъ въ бесѣду съ старшими Апостолами и разсказывалъ все, что совершилъ между язычниками. Теперь говоритъ, что они ничего не прибавили къ тому, но одобривъ все, что имъ сказано, дали десницы общенiя, подтвердили, что ихъ Евангелiе и Евангелiе Павлово есть одно и тоже.“

Такое пониманiе сего текста даетъ славянскiй нашъ переводъ, преимущественно словами: *ничтоже ми разнствуетъ.* Но греческое соотвѣтствующее выраженiе: *οὐδέν μοι διαφέρει*, употребляется еще, когда хотятъ сказать: никакого мнѣ до чего-либо дѣла нѣтъ. Принимая это значенiе сей фразы здѣсь, надо допустить, что св. Павелъ хотѣлъ сказать: что касается до знаменитыхъ Апостоловъ, то мнѣ до нихъ дѣла нѣтъ,—разумѣется въ томъ отношенiи, что они терпѣли обрѣзанiе среди Iудеевъ, по нѣкоей экономiи. Наши древнѣйшiе толковники понимаютъ эту фразу такъ, и въ объясненiи мысли текста заботятся особенно о томъ, чтобъ отстранить отъ Апостола Павла какую-либо даже тѣнь неуваженiя къ первѣйшимъ Апостоламъ.

Ходъ мыслей у нихъ таковъ: предъ симъ св. Павелъ рѣчь направлялъ все къ тому, чтобы доказать, что обрѣзанiе болѣе не нужно для спасенiя. Ему могли возразить: какъ же другiе Апостолы, первые, терпятъ его? Если они терпятъ, почему и тебѣ не потерпѣть?—Тѣ Апостолы терпѣли обрѣзанiе между Iудеями только, притомъ на время, допуская это снисхожденiе, какъ мѣру

благоразумія, по экономіи нѣкоей. Св. Павлу можно бы сказать: тѣ вотъ почему такъ поступаютъ! Но объявивши это, онъ ослабилъ бы силу дѣйствія той мѣры, и она вмѣсто блага принесла бы больше зла. Почему онъ умалчиваетъ объ этомъ, а говоритъ только: какъ они поступаютъ, до этого дѣла нѣтъ. Я имъ не судья. Разсудитъ Богъ, Который не смотритъ на лица. „Богъ не постыдится (не посмотритъ), что они корифеи" (Экум.).

Приведу самыя слова нѣкоторыхъ толковниковъ. Вотъ слова блаж. Ѳеодорита: „поелику, какъ вѣроятно, и Галаты говорили, что самые первые изъ Апостоловъ хранятъ законъ, а Божественный Апостолъ зналъ, что они принуждены были дѣлать это по снисхожденію къ увѣровавшимъ изъ Іудеевъ и еще не твердымъ въ вѣрѣ; то поставленный среди двухъ крайностей, и съ одной стороны признавъ всего болѣе неумѣстнымъ обвинять Апостоловъ, а съ другой не желая обнаружить ихъ намѣренія, чтобы не повредить тѣмъ домостроительству, пролагаетъ себѣ какой-то средній путь и принимаетъ на себя такой видъ, будто огорчается тѣмъ, что дѣлается, и затрудняется сказать о томъ, а предоставляетъ все Божію опредѣленію."

Вотъ слова Фотія у Экуменія: „Могли говорить св. Павлу: если Петръ хорошо дѣлаетъ снисходя обрѣзанію, почему не и ты? Зачѣмъ такъ строго осуждаешь то, что въ другихъ называешь мудрою экономіею? Оставь и здѣсь дѣлать то же, не запрещай, и потомъ, какъ тебѣ угодно называй это—экономіею, или догматомъ. Такъ бы они подумали, и такъ бы говорили Павлу, еслибъ онъ сказалъ, что Петръ по экономіи временно допускаетъ обрѣзаніе. Почему Павелъ премудро сдѣлалъ, что умолчалъ совсѣмъ объ экономіи, а съ строгостію касается самого дѣйствія, и обличаетъ будто нарушителей закона тѣхъ, кои снисходятъ, чтобы строгостію

обличенія этихъ, тѣмъ болѣе устрашить и исправить тѣхъ, кои держались обрѣзанія съ грѣхомъ (т.-е. признавая его необходимымъ для спасенія). Почему онъ не боится потомъ называть ихъ лицемѣрящими, и неправоходящими (—13. 14), только бы сохранить чистоту Евангелія Христова.“

Вотъ наконецъ слова св. Златоуста. „Поелику противъ него (Апостола Павла) говорили поступки Апостоловъ, и смотря на нихъ, нѣкоторые естественно могли сказать: какъ же они дозволяютъ сіе? то смотри, какъ премудро онъ рѣшаетъ сіе возраженіе. Онъ не сказываетъ истинной причины, т.-е. что Апостолы дѣлали сіе по снисхожденію и по особому распоряженію (экономіи, домостроительству); ибо это могло бы повредить слушателямъ. Не нужно знать причины того или другаго распоряженія тѣмъ, для которыхъ чрезъ сіе распоряженіе готовится какая-либо польза. Если же откроется причина сего распоряженія, то все разрушится. Посему только тотъ, кто дѣлаетъ распоряженіе, долженъ знать причину своихъ дѣйствій; но не должны знать причины сей тѣ, для которыхъ готовится польза чрезъ сіе распоряженіе. Чтобъ яснѣе представить то, что говорю, приведу примѣръ изъ сего же самаго дѣла. Самъ же блаж. Павелъ, такъ сильно возстающій противъ обрѣзанія, когда посылалъ Тимоѳея учителемъ къ Іудеямъ, то прежде обрѣзалъ его и потомъ послалъ. Онъ это сдѣлалъ для того, чтобы слушатели имѣли большее довѣріе къ Тимоѳею; и такимъ образомъ онъ пришелъ къ нимъ обрѣзанный, чтобы уничтожить обрѣзаніе. И самъ Тимоѳей зналъ причину сего дѣла, а ученикамъ оной не сказывалъ. Ибо еслибъ они узнали, что онъ обрѣзался для того, чтобъ уничтожить обрѣзаніе, то ни на минуту не стали бы слушать его проповѣди, и погибла бы вся польза. А теперь сіе невѣдѣніе принесло имъ

величайшую пользу. Ибо, думая. что онъ это сдѣлалъ, какъ хранитель закона, благосклонно и охотно принимали его и ученіе его. А принимая мало-по-малу его ученіе и познавъ истину, послѣ и сами оставили *древнее*. Чего не случилось бы, еслибъ они въ самомъ началѣ узнали причину. Ибо узнавши, стали бы отвращаться отъ него; отвращаясь, не стали бы слушать его; а не слушая, остались бы въ прежнемъ заблужденіи. Чтобы не случилось сего, онъ и не открылъ причины. Потому же и здѣсь Апостолъ не открываетъ причины такого распоряженія Апостоловъ, но другимъ путемъ ведетъ свое слово говоря такъ: *отъ мнящихся же быти что, якови нѣкогда бѣша, ничтоже ми разнствуетъ: лица Богъ человѣча не пріемлетъ*. Здѣсь онъ не только не защищаетъ Апостоловъ, но и сильно говоритъ противъ сихъ святыхъ, чтобы доставить пользу немощнымъ. Слова его имѣютъ такое значеніе: если они и допускаютъ обрѣзаніе, то они же будутъ и отвѣчать Богу; Богъ не уважитъ лица ихъ за то, что они почитаются великими и первоверховными. Впрочемъ онъ сказалъ сіе не такъ открыто, но съ осторожностію. Ибо не сказалъ: если они повреждаютъ проповѣдь и проповѣдуютъ не такъ, какъ заповѣдано, то дадутъ отвѣтъ на послѣднемъ судѣ и будутъ наказаны. Сего не сказалъ онъ, но гораздо почтительнѣе касается ихъ, говоря такъ: *отъ мнящихся быти что*. Не сказалъ опять: якови суть, но: *якови бѣша*; показывая тѣмъ, что и они послѣ перестали такъ проповѣдывать, когда повсюду возсіялъ свѣтъ Евангелія. И опять сими же словами: *якови нѣкогда бѣша*, говоритъ еще: а если они и такъ проповѣдывали, въ томъ сами дадутъ отвѣтъ; ибо не человѣкамъ будутъ отвѣчать, но Богу. И сіе говоритъ онъ не потому, чтобы сомнѣвался въ нихъ, или не зналъ ихъ намѣренія; но потому, какъ я сказалъ, что считалъ болѣе полезнымъ такъ вести слово. Потомъ, чтобы не

подумали, что онъ держится противнаго пути—обвиняя ихъ, и тѣмъ не подать повода къ раздѣленію, то онъ тотчасъ поправляетъ рѣчь свою, говоря: *мнѣ бо мнимiи ничтоже привозложиша*. Чтоже это значитъ? Что вы говорите мнѣ, того я, говоритъ, не знаю; но только то ясно знаю, что они не противорѣчили мнѣ, напротивъ единомысленны и согласны были со мною; что они ничему не научили, ничего не поправили, и ничего не прибавили къ тому, что онъ зналъ. *Мнѣ бо*, говоритъ, *мнимiи ничтоже привозложиша*. Т.-е. они, выслушавъ мое ученіе, ничего къ нему не прибавили, ничего не исправили, зная притомъ, что я для того и пришелъ, чтобы сообщить имъ мое ученіе, по откровенію Духа,—пришелъ для того, и еще Тита привелъ съ собою необрѣзаннаго; но они ни мнѣ ничего не сказали больше того, что я зналъ, ни Тита не обрѣзали."

Такова же мысль у Θеофилакта съ Экуменіемъ. Похоже на это и Іеронимово толкованіе. Какое же принять пониманіе сего мѣста? Первое естественнѣе, второе авторитетнѣе. Что для кого цѣннѣе, тотъ то пусть и изберетъ. Главная мысль Апостола—согласіе его ученія съ ученіемъ старѣйшихъ Апостоловъ, выдерживается при томъ и другомъ пониманіи.

Ст. 7—9. *Но сопротивное, уразумѣвше, яко ввѣрено ми бысть благовѣстіе необрѣзанія, якоже Петру обрѣзанія: ибо споспѣшествовавый Петру въ посланіе обрѣзанія, споспѣшествова и мнѣ во языки: и познавше благодать данную ми, Іаковъ и Кифа и Іоаннъ, мнимiи столпи быти, десницы даша мнѣ и Варнавѣ общенія, да мы во языки, они же во обрѣзаніе.*

Во всѣхъ этихъ стихахъ главная мысль одна: ничего не привозложили, а напротивъ десницы дали общенія. „Не только ничего не прибавили къ моей проповѣди, но напротивъ одобрили съ похвалою" (Экум.). Другія

положенія: *уразумѣвше*. что мнѣ ввѣрено благовѣстіе язычникамъ; *познавше благодать*, и проч. представляютъ основанія, почему такъ сдѣлано, — потому что св. Павелъ также, какъ и первѣйшіе Апостолы, Богомъ поставленъ на сіе дѣло, и равно имъ облагодатствованъ.

Но сопротивное. — „Что значитъ *сопротивное*? Нѣкоторые думаютъ, что симъ онъ хотѣлъ сказать то, что Апостолы не только ничему не научили его, напротивъ сами научились отъ него. Но я не скажу сего. Ибо чему бы еще они стали учиться у него? Каждый изъ нихъ былъ совершенъ. Не то онъ хотѣлъ сказать словомъ *сопротивное*, но то, что они не только не укоряли его и ни въ чемъ не думали обвинять его, но еще одобрили и похвалили его. Ибо противное обвиненію есть одобреніе и похвала. Но противъ сего нѣкоторые могли теперь сказать: если одобрили, то почему не отмѣнили обрѣзанія? Ибо если одобрили, то надлежало бы отмѣнить оное. Но сказать: отмѣнили, онъ почиталъ очень нескромнымъ дѣломъ и думалъ, что чрезъ это возбудитъ открытую брань противъ Апостольскаго исповѣданія. А еслибы сказалъ, что они допускаютъ обрѣзаніе, то видѣлъ, что встрѣтитъ другое возраженіе. Если они одобрили твою проповѣдь, сказали бы противники, а сами дозволяли обрѣзаніе, то въ такомъ случаѣ они сами противорѣчили бы себѣ. Какъ же выдти изъ этого затрудненія? Конечно могъ бы онъ сказать, что Апостолы дозволяли обрѣзаніе по снисхожденію къ Іудеямъ. Но сказавъ это, онъ поколебалъ бы все основаніе мудраго распоряженія ихъ; и потому не говоритъ сего, оставляя сіе подъ сомнѣніемъ и въ сокровеніи, сказавъ только: *отъ мнящихся же быти что ничтоже ми разнствуетъ*. Какъ бы такъ сказалъ: не осуждаю и не оговариваю сихъ святыхъ. Они сами знаютъ, что дѣлали; ибо знаютъ, что и они должны отдавать отчетъ Богу. Моя за

бота — доказать только то, что они не отвергли моего ученія, и не поправляли его, и не приложили къ нему ничего; напротивъ одобрили его и подтвердили своимъ согласіемъ; свидѣтелями сего я имѣю Тита и Варнаву" (Златоустъ).

Уразумѣвше, яко ввѣрено ми бысть благовѣстіе необрѣзанія, якоже Петру обрѣзанія. „Подъ обрѣзаніемъ и необрѣзаніемъ разумѣетъ онъ не самое дѣло, но народы, симъ различающіеся между собою. Необрѣзаніемъ называетъ язычниковъ, а обрѣзаніемъ Іудеевъ" (Злат.).

Словами: *мнѣ, якоже Петру,* „показываетъ, что онъ имѣетъ равную честь съ Апостолами, и сравниваетъ себя не съ другимъ кѣмъ изъ нихъ, но съ первоверховнымъ, показывая симъ, что каждый изъ нихъ получилъ равное достоинство" (Злат.).

Уразумѣли Апостолы, что св. Павлу ввѣрено благовѣстіе язычникамъ. Откуда уразумѣли? Могли это они уразумѣть и изъ сказаній о томъ, какъ по обращеніи св. Павелъ прямо на это назначенъ свыше. Ибо и Ананіи Господь сказалъ: *сосудъ избранъ Ми есть сей, пронести имя Мое предъ языки и царьми* (Дѣян. 9, 15); и самому Павлу повелѣлъ Онъ потомъ: *изыди изъ Іерусалима... яко Азъ во языки далече послю тя* (Дѣян. 22, 18. 21); и въ церкви антіохійской Духъ Святый повелѣлъ отдѣлить его на дѣло проповѣди языкамъ (Дѣян. 13, 2). Осязательнѣйшимъ же удостовѣреніемъ въ этомъ служило то, что *споспѣшествовавый Петру въ посланіе обрѣзанія споспѣшествовалъ и ему во языки,* — дивныя знаменія, сопровождавшія проповѣдь св. Павла въ первое его проповѣдническое путешествіе, какъ объ этомъ разсказывалъ онъ съ Варнавою и по дорогѣ въ Іерусалимъ, и въ самомъ Іерусалимѣ (Дѣян. 15 гл.). Въ Пафѣ, на островѣ Кипрѣ ослѣпилъ онъ Елиму волхва іудеянина, за упорное сопротивленіе истинѣ, вредившее

Евангелію (Дѣян. 13, 11); въ Листрѣ исцѣлилъ разслабленнаго, который не ходилъ на ногахъ отъ самаго рожденія; въ долгое пребываніе его въ Иконіи, Господь подтверждалъ истину слова Евангельскаго, совершая руками его знаменія и чудеса (Дѣян. 14, 3), и по возвращеніи въ Антіохію онъ разсказывалъ церкви антіохійской, что сотворилъ съ нимъ Богъ (—14, 27). Очевидно было, что какъ всѣ Апостолы *проповѣдали всюду, Господу поспѣшествующу и слово утверждающу послѣдствующими знаменьми* (Марк. 16, 20), такъ и св. Павелъ не лишенъ былъ при своей проповѣди этого споспѣшествованія свыше. Удостовѣрясь въ этомъ, старшіе Апостолы не могли не видѣть, что св. Павелъ не самозванецъ какой, а избранъ свыше, ибо и покровительствуется свыше. Потому надо полагать, что онъ какъ тогда въ Іерусалимѣ на соборѣ намѣренно повѣдалъ, *елика сотвори Богъ знаменія и чудеса во языцѣхъ*, при его съ Варнавою проповѣди (Дѣян. 15, 12), такъ и здѣсь въ посланіи намѣренно поминаетъ о томъ; ибо ничто такъ не убѣждаетъ въ истинѣ, какъ свидѣтельство свыше, достовѣрно дознанное. Галаты изъ одного этого могли вывесть убѣжденіе, что проповѣдь его въ томъ видѣ и духѣ, какъ онъ ее предлагалъ, есть отъ Бога, Который такъ видимо содѣйствуетъ ему во всемъ.

Такъ св. Павелъ, сверхъестественнымъ дѣйствіемъ Божіей благодати, изъ такого ревнителя закона былъ преобразованъ въ совершенно отрѣшеннаго отъ всякой связности узами закона, и убѣжденіемъ ума, и чувствами сердца, и самымъ дѣломъ; и въ этомъ новомъ состояніи назначенъ былъ проповѣдать чистое, совершенно отрѣшенное отъ всякой примѣси іудейства Евангеліе среди языковъ. Почему и есть Апостолъ языковъ. Но какъ св. Петръ называется назначеннымъ для проповѣди только Іудеямъ, ибо, говорилъ, мнѣ ввѣрено благовѣстіе

необрѣзанія, какъ Петру обрѣзанія, тогда какъ и св. Петру и прочимъ всѣмъ Апостоламъ Господь заповѣдалъ: *шедше научите вся языки* (Мѳ. 28, 19)? Св. Павелъ беретъ здѣсь состояніе дѣятельности Апостоловъ, какъ она была въ то время, котораго касается его повѣствованіе. Ходъ же дѣятельности св. Апостоловъ можно представить въ такомъ видѣ. Сначала всѣ они дѣйствовали въ Іерусалимѣ. Когда въ Іерусалимѣ прочно уже утверждена была Церковь, они разошлись по всѣмъ другимъ городамъ и селеніямъ Палестины. Основавъ и здѣсь Церкви, разошлись по всему міру, куда кого опредѣлилъ Богъ. Въ Іерусалимѣ, для окончанія продолжавшагося дѣла обращенія Іудеевъ и для руководства на случай недоумѣній всѣхъ другихъ Церквей, оставлены по общему совѣту и можетъ быть указанію свыше, Петръ, Іоаннъ и Іаковъ не Заведеевъ, а братъ Господень, первый предстоятель іерусалимской Церкви. Такъ было во время собора. Петръ и кои съ нимъ въ это время заняты были исключительно устройствомъ церквей среди Іудеевъ. И св. Павелъ могъ сказать, что ему ввѣрено утвержденіе вѣры между обрѣзанными. Петръ здѣсь одинъ ставится, какъ представитель прочихъ, первый между ними. Наши восточные толковники при объясненіи этихъ мѣстъ всегда и говорятъ: Петръ и кои съ нимъ. Св. Павелъ только свое служеніе хотѣлъ отъособить отъ другихъ. Какъ предъ нимъ былъ главнымъ дѣятелемъ изъ числа другихъ Петръ, то съ нимъ однимъ себя и сопоставляетъ. Амвросіастъ пишетъ: „именуетъ только Петра и себя съ нимъ сравниваетъ. Какъ тотъ получилъ первенство въ основаніи церкви изъ Іудеевъ; такъ и себя выставляетъ онъ избраннымъ къ тому, чтобы первенствовать въ основаніи церквей изъ язычниковъ, такъ однакожъ, чтобъ и Петръ проповѣдалъ язычникамъ, когда нужда, и Павелъ Іудеямъ. Тотъ и другой дѣйствитель-

но такъ поступали. Но полное распоряженіе въ проповѣданіи вѣры среди Іудеевъ признается за Петромъ, а полное распоряженіе въ проповѣданіи ея среди язычниковъ за Павломъ. Почему онъ и называетъ себя учителемъ языковъ въ вѣрѣ и истинѣ (2 Тим. 1, 11). Всякій изъ нихъ получилъ назначеніе по силамъ своимъ."

Блаженный Іеронимъ видитъ въ этомъ распредѣленіи трудовъ Апостольскихъ особое премудрое распоряженіе Промышленія Божія объ устроеніи Церкви Христовой на землѣ. „Одинъ и тотъже, говоритъ онъ устами св. Павла, мнѣ ввѣрилъ благовѣстіе необрѣзанія, а Петру— обрѣзанія. Меня послалъ во языки, а ему положилъ быть во Іудеѣ. Ни язычниковъ не слѣдовало подвергать болѣзнямъ обрѣзанія, никакой пользы не приносящимъ, и принуждать воздерживаться отъ яствъ, къ которымъ привыкли; ни тѣ, кои увѣровали изъ Іудеевъ, будучи уже обрѣзаны, не могли вдругъ отстать отъ обычаевъ, съ коими свыклись, и въ коихъ видѣли свое превосходство надъ язычниками. Итакъ Промышленіемъ Божіимъ иной данъ Апостолъ обрѣзаннымъ, который снисходилъ бы сѣнямъ закона, иной необрѣзаннымъ, который предлагалъ бы благовѣстіе, въ свободѣ вѣры отъ всякаго примѣшенія дѣлъ закона; чтобъ ни съ какой стороны не было препятствія вѣрѣ, и кто нибудь не былъ не сподобленъ вѣры во Христа по причинѣ обрѣзанія, или необрѣзанія. Не то этимъ опредѣлялось, чтобы Петръ, который видѣніемъ наученъ не смотрѣть на то, Іудей ли кто, или язычникъ, какъ бы забывши объ этомъ, думалъ, что сверхъ благодати Евангелія надобно исполнять и законъ; но чтобы онъ, по снисхожденію не чуждаясь соблюденія закона, мало-по малу отвлекалъ Іудеевъ отъ древнихъ обычаевъ жизни. Ибо не могли они вдругъ отторгнуться отъ нихъ. Почему намѣренно помянуто: *споспѣшествовавый Петру въ посланіе обрѣзанія*, чтобъ

не подумалъ кто, что онъ укоряетъ Петра, но чтобы, встрѣтивъ напередъ такія похвалы, всякій уразумѣлъ, что Петръ не безъ соизволенія Божія снисходитъ обрѣзанію именно того ради, чтобы тѣхъ, кои ввѣрены ему изъ Іудеевъ, сохранить въ вѣрѣ Христовой и Евангеліи. Дается этимъ такъ же доразумѣть, что если тотъ (Петръ) не въ вину себѣ поступалъ, соблюдая до времени то, что не было уже необходимо, чтобы не потерять ввѣренныхъ ему; тѣмъ паче онъ (Павелъ) долженъ былъ дѣйствовать по всей истинѣ Евангелія, чтобы сохранить то, что ему ввѣрено въ необрѣзаніи, чтобы иначе язычники, устрашенные игомъ закона, не были отталкиваемы отъ вѣры во Христа."

И познавше благодать данную ми. Благодатію здѣсь называетъ то, о чемъ помянулъ прежде, т.-е. ввѣреніе ему благовѣстія язычникамъ и споспѣшествованіе свыше его проповѣди явленіемъ знаменій и чудесъ. Изъ того и другаго вмѣстѣ Апостолы не могли не увидѣть, что ему точно свыше дарована благодать такая же, какъ и имъ.

Св. Златоустъ говоритъ: „Показавъ свое единомысліе съ Апостолами, съ большею свободою продолжаетъ бесѣду, и не останавливается уже на однихъ Апостолахъ, но возводитъ слово свое даже до Христа, Которому усвояетъ данную ему благодать апостольства, и свидѣтелями сего называетъ самихъ Апостоловъ, говоря: *и познавше благодать*. Не сказалъ: услышавше, но: *познавше*, т.-е. удостовѣрившись изъ самыхъ дѣлъ. Видишь ли, какъ онъ показалъ наконецъ, что его проповѣданіе угодно и Христу, и Апостоламъ? Ибо не была бы ему дана благодать сія, и не дѣйствовала бы въ немъ, еслибы такое проповѣданіе не было угодно Христу."

Въ силу такого удостовѣренія св. Апостоламъ оставалось только дать руки св. Павлу съ Варнавою, въ знакъ

совершеннаго съ нимъ во всемъ согласія и одобренія его образа дѣйствованія,—что они и сдѣлали.

Іаковъ и Кифа и Іоаннъ. Іаковъ тотъже что и выше, братъ Господень, который, за святость жизни и любовь къ Господу, въ Іерусалимѣ между всѣми былъ въ большемъ почетѣ, и предстоятельствовалъ въ Церкви іерусалимской. Первымъ стоитъ онъ ради сего предстоятельства, а не какъ братъ Господень. Св. Златоустъ замѣчаетъ при семъ: „гдѣ ему нужно было сравнивать себя, тамъ упоминаетъ объ одномъ только Петрѣ; а гдѣ надлежало представить свидѣтельство, тамъ называетъ троихъ вмѣстѣ, и притомъ съ похвалою.“

Мнимія столпи быти. Столпы – опора, охрана, указатели пути. Все это идетъ къ помянутымъ Апостоламъ въ отношеніи къ вѣрѣ. *Мнимія*, т.-е. „сущіе столпы вѣры и почитаемые таковыми отъ всѣхъ“ (Экум.) *).

Св. Златоустъ замѣчаетъ: „Словомъ *мнимія*, онъ не отвергаетъ того, что они дѣйствительно были таковы, но приводитъ мнѣніе и другихъ, и говоритъ, что тѣ великіе и славные, которыхъ всѣ повсюду превозносятъ, они сами суть свидѣтели того, что я говорю, что сіе угодно и Христу, что истину сего они дознали изъ самыхъ дѣлъ и увѣрились въ томъ изъ самаго опыта.“ То же и Амвросіастъ: „Св. Павелъ говоритъ: Апостолами болѣе славными между другими, коихъ за твердость называютъ столпами, подтверждаю, что мнѣ отъ Бога дарована благодать и даръ первенствовать въ проповѣди среди язычниковъ, какъ Петръ первенствуетъ въ проповѣди среди обрѣзанныхъ.“

Десницы даша мнѣ и Варнавѣ общенія. Дали десницы общенія въ знакъ содружества, и полнаго согласія, еди-

*) Іеронимъ замѣчаетъ при семъ: „съ безпокойствомъ разбиралъ я, что бы такое значило: *мнимія*, и *мнящіеся быти что*. Теперь слова: *мнимія столпи быти* освобождаютъ меня отъ всякаго раздумыванія.“

номыслія и единодѣйствія. „Показываетъ, что съ ихъ мнѣніемъ согласно было и его мнѣніе, а съ его мнѣніемъ согласно было и ихъ мнѣніе“ (Злат.). „Не оказалось, чтобы старшіе Апостолы въ чемъ-либо разногласили съ Павломъ, такъ чтобы когда онъ говорилъ, что получилъ совершенное вѣдѣніе Евангелія, они отрицали то, и что-нибудь хотѣли придать ему, какъ несовершенному. Но напротивъ они явились не обличителями несовершенства, а одобрителями совершенства“ (Август.).—*Мнѣ и Варнавѣ*. „Какъ при Петрѣ ставитъ лучшихъ между Апостолами мужей, такъ и къ себѣ присовокупляетъ Варнаву, который соединенъ былъ съ нимъ по Божію изволенію. Благодать же первенства (въ проповѣди язычникамъ) къ себѣ одному относитъ, какъ и одному Петру (въ проповѣди среди Іудеевъ). Такъ Апостолы обрѣзанныхъ дали десницы Апостоламъ языковъ въ доказательство общаго согласія (Амврос.). „Павлу и Варнавѣ для того даны десницы общенія Іаковомъ, Петромъ и Іоанномъ, чтобы изъ-за разности въ отношеніи къ соблюденію (іудейскихъ обычаевъ), не подумалъ кто, что у нихъ разно и само Евангеліе, и чтобы между обрѣзанными и необрѣзанными также было единодушное общеніе“ (Іерон.).

Да мы во языки, они же во обрѣзаніе. „И той и другой сторонѣ угодно было то, чтобы одни такъ проповѣдывали Іудеямъ, и другіе—такъ язычникамъ“ (Злат.). Это не исключительно, а преимущественно. Ибо и Павелъ съ Варнавою въ самомъ даже Іерусалимѣ возвѣщалъ истину; и потомъ вездѣ сначала обращались съ проповѣдію къ Іудеямъ, а потомъ уже переходили къ язычникамъ (Дѣян. 17, 1—5; 18, 4 и 9; 19, 8 и 9). И Петръ съ Іоанномъ дѣйствовали среди язычниковъ, послѣ того какъ въ Іерусалимѣ и Іудеи увѣровали всѣ, могшіе увѣровать, а не вѣровавшіе все болѣе и болѣе отчуждались отъ увѣровавшихъ, ставъ во враждебное къ нимъ отно-

шеніе.—Блаженный Іеронимъ рѣшаетъ такъ: „раждается вопросъ: что же? Петръ, еслибъ нашелъ кого изъ язычниковъ (готовымъ увѣровать), не привелъ бы развѣ его къ вѣрѣ? И Павелъ, еслибъ нашелъ кого такимъ изъ обрѣзанныхъ, развѣ не сообщилъ бы ему крещеніе Христово?—Этотъ вопросъ рѣшается такъ, что преимущественно одинъ назначался для Іудеевъ, а другой для язычниковъ, для того, чтобы тѣ, кои привязаны были къ закону, имѣли кому слѣдовать, и тѣмъ, кои чужды были закона, готовъ былъ учитель и руководитель. Вообще же у обоихъ ихъ одна была цѣль — собрать Церковь Христову изъ всѣхъ языковъ. Читаемъ, что Петръ крестилъ Корнилія, и Павелъ часто проповѣдалъ Христа въ синагогахъ іудейскихъ.“

Ст. 10. *Точію нищихъ да помнимъ: еже и потщахся сіе истое сотворити.*—Нищіе здѣсь разумѣются нищенствовавшіе среди вѣрующихъ Іудеевъ, по причинѣ гоненій, лишеній и разореній, причиненныхъ невѣрующими вѣрующимъ; заповѣдь такую постановить сообща заставляла крайняя нужда. Хотя изъ увѣровавшихъ не всѣ были разорены и были между ними достаточные, готовые помогать, но вѣрно число бѣдныхъ и обѣднѣвшихъ было такъ велико, что къ поддержанію ихъ недоставало у христіанъ мѣстныхъ средствъ. Язычники, меньше Іудеевъ терпѣвшіе разореніе отъ своихъ, были достаточнѣе и безъ обремененія себя могли подавать помощь бѣднымъ Іудеямъ, — что они охотно и исполняли, по убѣжденіямъ и распоряженіямъ св. Павла. Этимъ вмѣстѣ поддерживалась и духовная связь съ центромъ христіанства—Іерусалимомъ и поддерживалось тяготѣніе всѣхъ церквей къ матери ихъ,—Церкви іерусалимской. Поминаетъ же о семъ св. Павелъ, можетъ быть, ради того, чтобъ показать что сдѣланное имъ у нихъ распоряженіе — по субботамъ отлагать, что кому разсудится, въ

помощь бѣднымъ вѣрующимъ Іудеямъ (1 Кор, 16, 1), было вынуждено возложенною на него заповѣдію Апостоловъ, а не есть какое-либо излишнее, самовольное, постановленіе, лично имъ придуманное.

Св. Златоустъ пишетъ: „Что значатъ сіи слова? Въ дѣлѣ проповѣди, говоритъ, мы раздѣлили между собою всю вселенную; и я взялъ язычниковъ, а они Іудеевъ, потому что такъ угодно было Богу. Въ попеченіи же о нищихъ изъ Іудеевъ и я имъ помогалъ. Посему еслибы было между нами какое несогласіе или распря, они не приняли бы моего участія. Кто же сіи нищіе? Многіе изъ увѣровавшихъ Іудеевъ въ Палестинѣ, которые лишились всего, что имѣли, и повсюду были гонимы. На сіе указываетъ онъ въ посланіи къ Евреямъ, когда говоритъ: *и разграбленіе имѣній вашихъ съ радостію пріясте* (Евр. 10, 34). На то же указываетъ и въ посланіи къ Солунянамъ, когда восхваляя ихъ мужество говоритъ: *вы бо подобницы бысте церквамъ Божіимъ, сущимъ во Іудеи: зане тояжде вы пострадасте отъ своихъ соплеменникъ, якоже и тіи отъ Іудей* (1 Сол. 2, 14). И вездѣ онъ показываетъ, что увѣровавшіе изъ язычниковъ не столько гонимы были отъ оставшихся въ язычествѣ, сколько были гонимы увѣровавшіе изъ Іудеевъ отъ своихъ единоплеменниковъ. Ибо Іудеи жесточайшій народъ изъ всѣхъ народовъ. Потому Апостолы такъ много и заботятся о вѣрующихъ изъ Іудеевъ, что они лишены всякаго утѣшенія въ жизни. Потому и Апостолъ Павелъ пишетъ о нихъ и къ Римлянамъ, и къ Коринѳянамъ, и не только собираетъ для нихъ деньги, но и самъ относитъ оныя, какъ самъ же говоритъ: *нынѣ же гряду въ Іерусалимъ, служай святымъ* (Римл. 15, 25). Ибо они нуждались и въ дневной пищѣ.“

IV.

ТВЕРДОСТЬ СВ. ПАВЛА ВЪ УЧЕНІИ О СВОБОДѢ ОТЪ ЗАКОНА, ОБНАРУЖЕННАЯ ВЪ ПРОТИВОСТАНІИ ПЕТРУ, КОГДА ТОТЪ НЕ ПО ВРЕМЕНИ И МѢСТУ ОКАЗАЛЪ СНИСХОЖДЕНІЕ ІУДЕЙСТВУЮЩИМЪ ХРИСТІАНАМЪ.

(2, 11 — 21).

Говорили лжеучители Галатамъ, что св. Павелъ самъ нестоекъ въ своихъ убѣжденіяхъ. У васъ учитъ, что нисколько не нужно держаться закона, а въ другихъ мѣстахъ, между Іудеями, самъ блюдетъ законъ, и другихъ подчиняетъ закону (Св. Тимоѳей уже былъ обрѣзанъ). Изъ этого выходило: чтожъ его слушать, когда онъ, то такъ, то иначе дѣйствуетъ?—Противъ этого св. Павелъ отвѣчаетъ имъ сказаніемъ о томъ, какъ онъ дѣйствовалъ въ отношеніи къ св. Петру, когда тотъ, по невѣдѣнію нечаянно поступилъ несогласно съ благомъ Церкви и успѣхами Евангелія. Смыслъ этого сказанія таковъ: точно я бываю съ Іудеями Іудей, и на другихъ дѣйствующихъ такъ смотрю снисходительно, но только дотолѣ, пока этимъ содѣвается спасеніе многихъ и зиждется благо вѣры; какъ же скоро изъ этого выходило что-либо вредное для вѣры и Церкви, тогда я возставалъ противъ этого со всею силою, несмотря ни на какое лицо; обстоятельство это и а) само по себѣ много поучительно (11 —14); но оно особенно значительно, для пониманія вѣры, тою б) рѣчью (15—21), которую св. Павелъ держалъ тогда въ присутствіи Іудеевъ и еллиновъ о спасеніи въ Господѣ Іисусѣ Христѣ, съ совершеннымъ отрѣшеніемъ отъ всѣхъ дѣлъ законныхъ. Эта рѣчь служитъ переходомъ къ слѣдующей части, даетъ тему, которую потомъ раскрываетъ св. Павелъ и доказываетъ съ свойственною ему энергіею слова.

а).

Обстоятельство, о которомъ поминаетъ здѣсь св. Павелъ было слѣдующее: въ одно время, послѣ Апостольскаго собора св. Петръ пришелъ въ Антіохію, когда тамъ былъ еще и Варнава съ Ап. Павломъ. Церковь Антіохійская состояла вся почти изъ увѣровавшихъ язычниковъ, были въ ней и Іудеи, но въ незначительномъ количествѣ. Св. Петръ, наученный откровеніемъ свыше не гнушаться язычниками и опытомъ удостовѣрившись, что необрѣзаніе не мѣшаетъ принятію благодати Св. Духа и вступленію въ Церковь, въ коей потому нѣсть ни іудей, ни еллинъ, но всѣ едино во Христѣ Іисусѣ, обязаны къ братскому между собою общенію,—жилъ въ Антіохіи съ христіанами изъ язычниковъ въ полномъ общеніи, безъ соблюденія обычныхъ въ отношеніи къ язычникамъ правилъ іудейскихъ, и ѣлъ съ ними,—чего ревностные Іудеи никакъ не допускали, и въ чемъ св. Петръ уже вынужденъ былъ оправдываться въ Іерусалимѣ послѣ крещенія Корнилія и трапезованія въ его домѣ. Но когда нѣкоторые вѣровавшіе Іудеи пришли въ Антіохію отъ Ап. Іакова, онъ сталъ отстранятся отъ вѣровавшихъ язычниковъ и прекратилъ свободное съ ними общеніе, боясь этихъ сущихъ отъ обрѣзанія. Къ нему пристали и прочіе іудейскіе христіане, антіохійскіе, такъ что Варнава увлекся ихъ примѣромъ. Произошло раздѣленіе, соблазнительное и опасное. Св. Павелъ, замѣтивъ это, объяснилъ св. Петру, а въ лицѣ его и всѣмъ Іудеямъ-христіанамъ, что такъ дѣйствовать не слѣдуетъ. Что было вслѣдствіе сего объясненія, св. Павелъ не сказываетъ, но изъ молчанія св. Петра можно заключить, что всѣ согласились съ св. Павломъ, вступили опять въ общеніе съ христіанами изъ язычниковъ и миръ Церкви возста-

новился.—Истина восторжествовала, — что особенно и важно было для св. Павла внушить Галатамъ.

Многимъ въ этомъ обстоятельствѣ представляется непонятнымъ дѣйствіе св. Петра. Смотря на него какъ на ошибку, или колебаніе убѣжденія въ Первоверховномъ, они естественно возбуждаютъ въ себѣ вопросъ: какъ же это могло быть? И для рѣшенія его строятъ разныя предположенія. Но стоитъ только посмотрѣть на дѣло въ его естественномъ значеніи по тогдашнему времени, тогда и вопроса не родится и предположеній для рѣшенія его строить не будетъ никакой нужды.

Почему такъ поступилъ св. Петръ? Не по ошибкѣ и не по колебанію убѣжденія, а потому что онъ такъ, а не иначе долженъ былъ поступить по Апостольской совѣсти и убѣжденіямъ, которыя раздѣлилъ и св. Павелъ. Возьмите дѣла Церкви не много повыше. Въ первое время проповѣди Евангелія, которая началась въ Іерусалимѣ, объ участіи въ ней язычниковъ никому и на мысль не приходило, хотя всѣ Апостолы получили Заповѣдь—идти и научить вѣрѣ вся языки. Навело на это особое дивное указаніе свыше. Орудіемъ къ тому со стороны Апостоловъ былъ избранъ св. Петръ, а со стороны язычниковъ благоговѣйный Корнилій, — какъ это сдѣлалось всѣмъ извѣстно (Дѣян. гл. 10). Видѣніемъ плащаницы съ гадами, спускавшейся съ неба съ повелѣніемъ закалать и ѣсть, указывалось, что не должно гнушаться язычниками и безъ смущенія принимать ихъ въ лоно Церкви, коль скоро увѣруютъ; а тѣмъ, что Духъ Св. сошелъ на Корнилія и всѣхъ вѣровавшихъ въ домѣ его, означалось, что язычникамъ для того, чтобъ стать чадами Божіими, отъ Бога рожденными, никакой нѣтъ нужды предварительно обрѣзываться, а слѣдовательно уже исполнять потомъ всѣ чины іудейскіе. Св. Петръ уразумѣлъ все это, и потомъ въ Іерусалимѣ съ дерзно-

веніемъ удостовѣрялъ всѣхъ, что такимъ указаніямъ свыше нельзя не покориться, и что потому язычниковъ надлежало оставить свободными отъ ига іудейскихъ постановленій. Но отсюда же слѣдовало, что если для язычниковъ полученіе благодати не условливалось обрѣзаніемъ, то оно не условливается имъ и для Іудеевъ. Святые Апостолы и всѣ разумнѣйшіе изъ Іудеевъ такъ и поняли. Другіе же немощнѣйшіе не могли этого скоро уразумѣть, и держались того убѣжденія, что для спасенія и благодати необходимо и іудействованіе. Св. Петръ и другіе, зная по опыту, какъ трудно отстать отъ этого убѣжденія, положили щадить немощнѣйшихъ вѣрующихъ изъ Іудеевъ, не настаивая на отрѣшеніи отъ іудейства съ дѣтства привыкшихъ къ тому Іудеевъ, и предоставляли времени, обстоятельствамъ и благодати Божіей просвѣтить ихъ и измѣнить ихъ убѣжденія. Въ томъ же духѣ они и сами продолжали держаться прежнихъ чиновъ іудейскихъ среди Іудеевъ и въ другихъ мѣстахъ; но конечно подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобъ это не вредило дѣлу вѣры и успѣхамъ проповѣди Евангельской. Положили всѣмъ быть вся, но за тѣмъ, да всяко нѣкіе спасутся, — или другими словами: не своей ища пользы, но другихъ, да спасутся. Коль же скоро отсюда, т.-е. отъ іудействованія или свободы отъ того, происходило что вредное для Евангелія, то они не стѣсняясь отказывались тамъ отъ узъ закона, здѣсь отъ свободы. Въ дѣйствіяхъ св. Павла это выражается до осязательной очевидности.

Съ этой именно точки надо смотрѣть на дѣйствіе св. Петра въ Антіохіи. Когда не представлялось никакой нужды связывать себя узами іудейскихъ постановленій, онъ свободно жилъ съ христіанами изъ язычниковъ. Когда же увидѣлъ, что это необходимо, онъ отказался отъ этой свободы и связалъ себя тѣми узами.

Какая же это была нужда?—Не только щадѣніе немощи пришедшихъ изъ Іерусалима, но покой и миръ всѣхъ церквей, собранныхъ изъ Іудеевъ. Когда тѣ пришли, св. Петру предлежало рѣшить,—продолжать ли держать себя свободно, какъ доселѣ. или стать съ этими пришедшими Іудеями Іудеемъ. Онъ избралъ послѣднее, какъ и слѣдовало сдѣлать. Онъ уже зналъ, какъ Іудеи-ревнители раздражительны и не могутъ равнодушно смотрѣть на поблажки, какъ имъ казалось, язычникамъ. Оставшись по прежнему въ близости съ язычниками, онъ конечно раздражилъ бы этихъ пришедшихъ. Это само по себѣ еще невелико; но они, опять возвращаясь въ Іерусалимъ, повсюду разливали бы свое раздраженіе и по Іудеѣ и въ Іерусалимѣ. И пошли бы тамъ раздѣленія и волненія, которыя не могли бы остаться безъ вредныхъ послѣдствій для Церкви Божіей. Предвидя это, на основаніи прежнихъ опытовъ, св. Петръ долженъ былъ опять начать съ Іудеями сими іудейски жительствовать. Его могъ остановить отъ этого только очевидный вредъ христіанамъ-язычникамъ, какой могло производить его поведеніе. Но этого онъ не могъ предполагать и видѣть. Изъ прежней исторіи до христіанства, язычники уже привыкли къ отчужденію отъ нихъ Іудеевъ; въ христіанствѣ еще не было опытовъ, какъ они встрѣтятъ подобное временное отчужденіе. У Ап. Петра былъ потому выборъ—между совершенно вѣроятнымъ смятеніемъ среди Іудеевъ, и вредомъ для язычниковъ, котораго онъ даже предполагать не могъ, т.-е. не было никакого выбора, а предлежалъ одинъ образъ дѣйствованія, который и принятъ имъ.

Св. Павелъ совершенно подобно сему дѣйствовалъ въ другихъ случаяхъ. Потому и здѣсь онъ конечно не видѣлъ ничего, противъ чего слѣдовало бы возставать. Онъ видѣлъ, что Апостольское благоразуміе заставляло

св. Петра такъ дѣйствовать; и ничего бы не сказалъ, еслибъ это поведенiе Петра не оказало неблагопрiятнаго впечатлѣнiя на вѣрующихъ антiохiянъ, котораго не видѣлъ св. Петръ, и которое замѣтить могъ только одинъ св. Павелъ. Какъ только произошелъ и замѣченъ былъ сей вредъ, ходъ дѣла принялъ совсѣмъ другой оборотъ. Тутъ выступилъ на среду очевидный вредъ, и требовалъ вниманiя къ себѣ болѣе, чѣмъ предполагаемое смятенiе среди Iудеевъ. Долгъ выяснить это лежалъ на Ап. Павлѣ, Апостолѣ языковъ: что онъ и сдѣлалъ. Но при этомъ онъ не могъ предъ всѣми открыть того скрытнаго намѣренiя св. Петра, а говорилъ такъ, какъ бы св. Петръ точно сдѣлалъ ошибку. Св. Петръ созналъ правость указанiй св. Павла и выразилъ свое съ нимъ согласiе молчанiемъ. Еслибъ онъ остался при своемъ, можно бы его укорить; но тутъ онъ очевидно видѣлъ, что законъ: всѣмъ быть вся, да всяко нѣкiя спасетъ, — обязывалъ его не щадить болѣе Iудеевъ. И можно даже предполагать, что онъ очень былъ радъ тому, что св. Павелъ повелъ такую рѣчь. Она могла сильно подѣйствовать на присущихъ ревнителей iудейства и послужить имъ побужденiемъ къ охлажденiю ревности по iудейству и переходу къ простотѣ Евангельской. Это предположенiе удовольствiя св. Петра отъ рѣчей св. Павла возникаетъ въ умѣ само собою, такъ что св. отцы, наши толковники, допустили даже предварительное соглашенiе между св. Петромъ и Павломъ въ намѣренномъ устроенiи всего событiя съ цѣлiю разительнѣйшаго вразумленiя iудео-христiанъ, и присущихъ, и всѣхъ.

Вотъ естественный ходъ дѣла! Изъ него видно, что и Ап. Петръ не могъ иначе дѣйствовать, яко Апостолъ Iудеевъ, и св. Павелъ молчать, яко Апостолъ языковъ. Оба они сошлись въ единомъ, яко Апостолы единаго Господа, заповѣдавшаго устроять Церковь изъ всѣхъ

языковъ. Чтобы не оставалось никакого сомнѣнія въ этомъ, приводимъ мнѣнія древнихъ толковниковъ Церкви.

Вотъ мнѣніе блаж. Іеронима: „Изъ того, что Петръ, прежде чѣмъ пришли нѣкоторые изъ Іерусалима, ѣлъ съ христіанами изъ язычниковъ, видно, что онъ не забылъ даннаго ему свыше внушенія, что Богъ не брезгаетъ никакимъ человѣкомъ, лишь бы вѣровалъ во Христа Іисуса. Но когда онъ ради тѣхъ, кои еще думали, что для спасенія необходимо исполнять законъ, сталъ уклоняться отъ трапезованія съ христіанами изъ язычниковъ, и тѣмъ увѣровавшихъ въ Антіохіи язычниковъ побуждалъ подчиниться игу закона (ибо они не знали добраго намѣренія св. Петра, что онъ дѣлалъ такъ для спасенія Іудеевъ, а полагали, что такъ и должно, по смыслу Евангелія),—то св. Павелъ, видя, что благодать Христова въ опасности, новое—старый сей воитель—употребилъ искусство ополченія за истину, чтобы мѣру благоразумія Петрова, полезную для Іудеевъ (и оказавшуюся неполезною для вѣрующихъ язычниковъ) исправить новою мѣрою благоразумія, которую онъ полагалъ въ открытомъ противорѣчіи Петру, въ томъ, чтобы въ лицо ему противостать, не обнаруживая тайнаго его намѣренія, чтобы такимъ противостаніемъ Петру спасти вѣрующихъ изъ язычниковъ (въ чистотѣ и безпримѣсности Евангельской вѣры). Если кто полагаетъ, что св. Павелъ истинно (за одно іудействованіе) возсталъ на Петра, и такъ небоязненно укорилъ его, то не будетъ ли этому противорѣчить то, что и самъ Павелъ для Іудеевъ бывалъ Іудей, да Іудеи пріобрящетъ, и что самъ онъ окажется виновнымъ въ лицемѣріи, когда остригъ главу въ Кенхреяхъ (Дѣян. 18, 18), въ Іерусалимѣ принесъ приношеніе (— 21, 26) и обрѣзалъ Тимоѳея? Итакъ, если самъ онъ, посланный благовѣстить язычникамъ, не неумѣстнымъ находитъ сказать: *безпретк-*

новенни бывайте іудеемъ и Церкви Божіей, якоже и азъ во всемъ всѣмъ угождаю, не искій своея пользы, но многихъ, да спасутся (1 Кор. 10, 32. 33),—и дѣлалъ нѣчто такое, что противно свободѣ Евангельской. чтобы не соблазнить Іудеевъ; то какъ же могъ онъ за это одно истинно укорять Петра, Апостола обрѣзанія, въ томъ, что самъ обличается дѣлающимъ, будучи Апостоломъ языковъ? Но, какъ сказали мы, онъ возсталъ на Петра и другихъ. чтобы соблюденіе закона, держимое съ особеннымъ скрытнымъ намѣреніемъ (оказавшееся вреднымъ для христіанъ изъ язычниковъ), исправить укоромъ (дѣлаемымъ тоже съ особымъ намѣреніемъ) и такимъ образомъ спасенъ былъ тотъ и другой народъ."

Вотъ слова св. Златоуста: „Показавъ (выше) свое согласіе и единомысліе съ Апостолами, далѣе онъ находитъ нужнымъ упомянуть и о бесѣдѣ своей съ Петромъ, бывшей въ Антіохіи, и потому говоритъ: *егда же пріиде Петръ въ Антіохію, въ лице ему противостахъ* и проч. Многіе, безъ должнаго вниманія читая сіи слова посланія, думаютъ, что Павелъ обличаетъ ими Петрово лицемѣріе. Но это несправедливо. Такъ понимать не должно. Здѣсь мы найдемъ глубокое благоразуміе Петра и Павла въ пользу слушателей.—Павелъ говоритъ сіе не противъ Петра; но съ какимъ намѣреніемъ сказалъ: *отъ мнящихся быти что, якови нѣкогда бѣша, ничтоже ми разнствуетъ*, съ тѣмъже говоритъ и сіе. Впрочемъ, чтобы намъ болѣе не оставаться въ сомнѣніи о семъ, не излишне будетъ показать и самую причину сказаннаго. Апостолы, какъ выше я сказалъ, дозволяли въ Іерусалимѣ обрѣзаніе, ибо невозможно было вдругъ отвлечь отъ закона; но когда пришли въ Антіохію, они ничего подобнаго не соблюдали уже, и съ вѣрующими изъ язычниковъ обращались безразлично; такъ поступалъ тогда и Петръ. Но когда пришли изъ Іерусалима знав-

шіе, что тамъ онъ дѣйствовалъ иначе, то онъ перестал̌ъ поступать по-язычески, опасаясь оскорбить ихъ, и перемѣнилъ образъ своего обращенія по двумъ причинамъ: чтобы не привести въ соблазнъ вѣрующихъ изъ Іудеевъ, и чтобы Павлу доставить благовидный случай къ обличенію. Павлу извѣстно было намѣреніе, по которому такъ дѣйствовалъ Петръ. Но Павелъ обличаетъ, а Петръ благодушно переноситъ обличеніе, дабы ученики, видя молчаніе учителя, при сдѣланномъ ему выговорѣ, тѣмъ скорѣе убѣдились перемѣнить свой образъ мыслей. Ибо еслибы не при такомъ случаѣ Павелъ сталъ увѣщевать ихъ къ тому, то не произвелъ бы ничего важнаго; теперь же, когда сдѣлалъ такое строгое обличеніе, имѣя къ нему достаточную причину, онъ гораздо большій произвелъ страхъ въ ученикахъ Петровыхъ. И еслибы опять Петръ, выслушавъ обличеніе, сталъ противорѣчить, то очень легко другой бы могъ подумать, что они извращаютъ строеніе спасенія; теперь же молчаніе его при Павловомъ обличеніи поразило великимъ страхомъ вѣрующихъ изъ Іудеевъ. Для сего онъ такъ сильно и противосталъ Петру. Смотри притомъ, съ какою осмотрительностію говоритъ онъ, давая замѣтить благоразумнымъ, что слова его не были дѣломъ брани, но дѣломъ служенія и мудраго мѣропріятія. Еслибъ они въ самомъ дѣлѣ несогласны были между собою, то конечно одинъ другаго не сталъ бы обличать въ присутствіи учениковъ; иначе они подали бы имъ большой соблазнъ. Теперь же это кажущееся несгласіе было полезно.“

Ст. 11. *Егда же пріиде Петръ во Антіохію, въ лице ему противостахъ, яко зазоренъ бѣ.—Егда же.* Когда же это?—Послѣ собора Апостольскаго, когда съ Апостоломъ Павломъ былъ еще и св. Варнава. Прямѣе всего это падаетъ на время предъ вторымъ Апостольскимъ путешествіемъ св. Павла: ибо послѣ этого Вар-

навы уже не видно съ Апостоломъ Павломъ. Слѣдственно это было скоро послѣ того собора, въ промежутокъ времени между нимъ и вторымъ путешествіемъ св. Павла. Но было ли тутъ время? — Было. Въ Дѣяніяхъ повѣствуется, что посланные съ Апостоломъ Павломъ и Варнавою Іуда и Сила *пребыли тамо время* (Дѣян. 15, 33). За тѣмъ когда Іуда возвратился въ Іерусалимъ, а Сила остался въ Антіохіи, *Павелъ и Варнава живяху во Антіохіи, учаще и благовѣствующе слово Господне* (—35). *По нѣкіихъ же днехъ* Павелъ предлагаетъ Варнавѣ идти опять на проповѣдь. Изъ этого заключить должно, что отъ собора до этого момента прошло довольно времени, въ которое могъ придти въ Антіохію и св. Петръ. Иные относятъ это ко времени послѣ втораго Апостольскаго путешествія св. Павла, съ котораго возвратясь онъ пробылъ въ Антіохіи *время нѣкое* (Дѣян. 18, 23). Но въ такомъ случаѣ надо привлечь туда и Варнаву изъ Кипра: лишнее предположеніе, безъ котораго можно обойтись при первомъ мнѣніи. Настаивать впрочемъ на точнѣйшемъ опредѣленіи времени не настоитъ нужды, потому что оно не можетъ имѣть вліянія на смыслъ сказанія.

Въ лице ему противостахъ, — *или* тотчасъ, какъ замѣтилъ соблазнъ, *или* съ твердостію, безъ потворства, не спуская ему ради того, что онъ изъ старшихъ, *или* тоже что ниже — *предъ всѣми*, т.-е. не отлагая, чтобъ сказать о томъ наединѣ. Того требовало благо Церкви.

Яко зазоренъ бѣ,—κατεγνωσμένος ἦν,—*зазрѣнъ бѣ;* что заставляетъ думать, что онъ зазрѣнъ не Апостоломъ Павломъ, а другими,—антіохійскими христіанами изъ язычниковъ. „Не сказалъ: подвергся зазрѣнію отъ меня, но *зазрѣнъ бѣ*, разумѣя зазрѣніе отъ другихъ. А еслибы и самъ Павелъ зазиралъ его, то не убоялся бы сказать сего“ (Злат.). „Не зная причины, нѣкоторые зазирали его“ (Θеоф.). „Не Павломъ зазрѣнъ, знавшимъ, почему

такъ дѣлалъ Петръ, но тѣми, кои не знали этого, и думали, что онъ въ самомъ дѣлѣ лицемѣритъ" (Экумен.).

За что же былъ зазрѣнъ св. Петръ? За то, что прежде трапезовалъ съ христіанами изъ язычниковъ, а потомъ отстранялся отъ нихъ.

Ст. 12. 13. *Прежде бо даже не пріити нѣкимъ отъ Іакова, съ языки ядяше: егда же пріидоша, опряташеся и отлучашеся, бояся сущихъ отъ обрѣзанія. И лицемѣришася съ нимъ и прочіи Іудеи, яко и Варнавѣ пристати лицемѣрству ихъ.*

Сотрапезованіе есть знакъ пріятельскаго обращенія въ житейскомъ быту, которое предполагаетъ согласіе во всемъ прочемъ. Тоже и здѣсь. Когда св. Петръ трапезовалъ съ язычниками-христіанами, тѣмъ показалъ, что уже никакого нѣтъ средостѣнія между Іудеями и язычниками въ Церкви Христовой. Въ самой антіохійской церкви сліяніе Іудеевъ съ язычниками водворено св. Павломъ и Варнавою съ самаго начала ея основанія. И св. Петръ пришедши туда дѣйствовалъ совершенно въ томъже духѣ. Но когда пришли нѣкіе отъ Іакова, онъ измѣнилъ свой образъ дѣйствованія,—то былъ въ полномъ обращеніи съ язычниками, а тутъ сталъ чуждаться ихъ и отстраняться отъ нихъ. Что заставило его такъ поступить? *Бояся сущихъ отъ обрѣзанія*, говоритъ св. Павелъ.

Св. Петръ убоялся?—Въ Пятидесятницу предъ безчисленнымъ собраніемъ народа проповѣдалъ онъ безбоязненно новую истину, потомъ, въ храмѣ возвѣщалъ тоже по исцѣленіи хромаго, потомъ, по темничномъ заключеніи, не убоялся дерзновенно внушать вѣру въ Распятаго предъ самими распинателями, и рѣшительно въ глаза всему синедріону, запрещавшему проповѣдь о Господѣ, сказалъ: *аще праведно есть предъ Богомъ, васъ послушати паче, нежели Бога, судите. Не можемъ бо мы, яже ви-*

дъхомъ и слышахомъ, не глаголати (Дѣян. 4, 19. 20). А тутъ убоялся? Тамъ предъ врагами не боялся; а здѣсь убоялся предъ братіями, увѣровавшими, только дорожившими закономъ?—Онъ убоялся не обычнымъ какимъ-либо человѣческимъ страхомъ, но страхомъ любви Христовой,—боялся, чтобы эти сущіе отъ обрѣзанія не отпали, или оставаясь въ вѣрѣ не произвели смятенія между всѣми церквами изъ Іудеевъ, выставляя среди ихъ Петра открытымъ врагомъ закона, еслибъ онъ и въ присутствіи ихъ продолжалъ быть съ язычниками, какъ язычникъ. „Не того боялся, чтобы не подвергнуться опасности самому (ибо не бывъ боязливымъ въ началѣ, могъ ли бояться теперь?) — но того, чтобы не отпали ученики, чего и самъ Павелъ боялся. Такъ пиша къ Галатамъ, говоритъ: *боюся о васъ, еда како всуе трудихся въ васъ* (—4, 11); и къ Коринѳянамъ: *боюсь, да не како, якоже змій Еву прельсти лукавствомъ своимъ, тако истлѣютъ и разумы ваша* (2 Кор. 11, 3). Страхъ смерти ничего не значилъ для нихъ; но страхъ погибели учениковъ сильно поражалъ души ихъ“ (Злат.).

Личность пришедшихъ,—ни то, что они отъ Іакова, ни то, что, можетъ быть, были значительны среди Іудеевъ,—не имѣла вліянія на опасенія св. Петра. Онъ опасался не ихъ, а за нихъ, ради того одного, что они были отъ обрѣзанія, вѣровавшіе іудеи, дорожившіе закономъ, и считавшіе исполненіе его, и при вѣрѣ въ Господа, условіемъ спасенія. Что эти сущіе отъ обрѣзанія пришли отъ Іакова, это не означаетъ необходимо того, что они были посланы Іаковомъ: ибо такъ можно объ нихъ сказать, если они пришли съ вѣдома только Іакова, и даже что они пришли изъ того мѣста, гдѣ первенствовалъ Іаковъ. И никакъ нельзя заключать, чтобъ они были одного духа съ Іаковомъ. Ибо онъ, хотя живя въ Іерусалимѣ среди іудеевъ такъ строго исполнялъ все

подзаконное, что самые подзаконники считали его святымъ; однакожъ онъ нисколько не считаетъ подзаконности условіемъ спасенія. Онъ первый подалъ рѣшительный голосъ о свободѣ язычниковъ отъ закона на соборѣ (Дѣян. 15, 13); онъ же, когда св. Павелъ прибылъ въ Іерусалимъ послѣ третьяго своего Апостольскаго путешествія, посовѣтовалъ ему соблюсти нѣкоторыя обрядности для смягченія ходившаго о немъ слуха, будто онъ презираетъ законъ (Дѣян. 21, 18—26), чѣмъ показалъ, что исполненіе закона не считаетъ условіемъ спасенія, а временною мѣрою благоразумія, для привлеченія и удержанія въ вѣрѣ Іудеевъ. Еслибъ пришедшіе въ Антіохію были такого же духа, то св. Петру нечего бы было опасаться за нихъ. Но видно, это были такіе, которые не могли сносить никакого снисхожденія язычникамъ, и св. Петръ зналъ это, почему и дѣйствовалъ въ отношеніи къ нимъ такъ, чтобы не раздражить ихъ ревности, которая, какъ извѣстно, не будучи управляема разумомъ, начинаетъ дѣйствовать шумно, безпорядочно, ни съ чѣмъ не соображаясь.

Такъ св. Петръ сталъ отстраняться отъ язычниковъ, съ цѣлію избѣжанія соблазна любителей іудейства и сохраненія мира въ церквахъ. Вышло же иначе. Первымъ слѣдствіемъ этого было раздѣленіе въ церкви антіохійской. Іудеи, внушеніями св. Павла слившіеся въ сей Церкви съ язычниками, увлекшись примѣромъ Петра стали теперь отдѣляться отъ нихъ. *Лицемѣришася съ нимъ и прочіи іудеи*, говоритъ св. Павелъ Они не знали намѣренія св. Петра, и только подражая ему, отдѣлялись отъ язычниковъ. Но имъ могло придти на мысль: ужъ въ самомъ дѣлѣ не слѣдуетъ ли держать себя вдали отъ язычниковъ? Это не могло не колебать ихъ прежняго убѣжденія, что средостѣніе раздѣлявшее Іудеевъ и язычниковъ уже рушилось. Такимъ образомъ труды Ап. Пав-

ла дѣлались тщетными. У него была одна забота,—изъ Іудеевъ и язычниковъ слить одну Церковь, въ которой не было бы слѣдовъ ни іудейства, ни язычества, а царствовало одно христіанство, и всѣ вѣрующіе жили въ одномъ духѣ о Христѣ Іисусѣ. Образцовая въ этомъ отношеніи церковь была антіохійская, на образованіе которой употреблено имъ столько трудовъ. — И вотъ однакожъ у него на глазахъ въ этой церкви совершился опасный раздѣлъ.

Каково было Ап. Павлу видѣть это,—особенно когда и Варнава присталъ къ лицемѣрству прочихъ, этотъ сотаинникъ Павловъ, въ одномъ духѣ съ нимъ дѣйствовавшій здѣсь и въ другихъ мѣстахъ насадившій вмѣстѣ съ нимъ не одну церковь, свободную отъ іудейства?! Поступокъ св. Варнавы съ перваго раза кажется очень непонятнымъ. Но въ немъ ничего нѣтъ особеннаго: онъ дѣйствовалъ въ томъже духѣ какъ и св. Петръ, и какъ въ другихъ случаяхъ дѣйствовалъ самъ св. Павелъ. Онъ присталъ къ св. Петру, не видя еще, какъ будетъ дѣйствовать св. Павелъ и не ожидая какихъ либо послѣдствій, вредныхъ дѣлу Евангелія. Но иначе взглянулъ на это обстоятельство св. Павелъ. Онъ ясно видѣлъ истекавшій, изъ этого образа дѣйствованія вредъ благосостоянію Церкви. Одно раздѣленіе уже было вредно. Но кромѣ того, могли произойти колебанія въ убѣжденіяхъ самихъ христіанъ язычниковъ. Они могли подумать: что же это мы стали будто отверженные? — Но изъ этого одни могли выводить такое заключеніе: если для общенія нужно іудействовать, то и мы готовы — а другіе: если нужно для общенія іудействовать, а мы іудействовать ни за что не согласимся, то остается обратиться къ старымъ языческимъ вѣрованіямъ. Св. Павелъ не говоритъ, чтобъ поступокъ Петра произвелъ такое дѣйствіе на христіанъ изъ язычниковъ; но возможность его

очень вѣроятна. Всячески не могъ же онъ остаться безо всякаго на нихъ вліянія. Амвросіастъ полагаетъ, что когда св. Петръ прежде жившій съ язычниками по-язычески вдругъ сталъ чуждаться ихъ, ради тѣхъ пришедшихъ ревнителей закона, то и христіане язычники поставлены были тѣмъ въ недоумѣніе, какой же образъ дѣйствованія правъ? Если справедливость требовала іудействовать, то самъ онъ оказывается нарушителемъ ея, когда съ ними жилъ по-язычески. Если же лучше или праведно было жить просто, какъ они, то ихъ разстроивало начавшееся у него теперь пренебреженіе къ нимъ.

Какъ бы впрочемъ ни истолковывать все это, видно было, что благонамѣренный поступокъ св. Петра оказался вредно подѣйствовавшимъ на христіанское общество антіохійское. Это и вызвало св. Павла на выясненіе истины для возстановленія нарушившагося-было порядка.

Ст. 14. *Но егда видѣхъ, яко не право ходятъ ко истинѣ благовѣствованія, рекохъ Петру предъ всѣми: аще ты Іудей сый, язычески, а не Іудейски живеши, почто языки нудиши Іудейски жительствовати?*

Егда видѣхъ. Прежде всѣхъ увидѣлъ; потому что ему удобнѣе было это видѣть. Еслибы св. Петръ увидѣлъ этотъ вредъ самъ, то конечно, и безъ напоминанія, пересталъ бы дѣйствовать такъ, какъ считалъ благотворнымъ дѣйствовать; за нимъ перестали бы и прочіе, и дѣло уладилось бы само собою. Но что увидѣлъ св. Павелъ? Что *не право ходятъ ко истинѣ благовѣствованія.* Мысль здѣсь не та, что не по-евангельски живутъ, а та, что дѣйствуютъ такъ, что образъ ихъ дѣйствованія оказывается неблагопріятнымъ для успѣховъ благовѣствованія. Кто хочетъ, чтобы благовѣствованіе шло и распространялось успѣшно, тотъ не станетъ такъ дѣй-

ствовать. Вы поступаете такъ, что этимъ подрываете успѣхи Евангелія. Въ этомъ ваша неправость. Благоразумное мѣропріятіе уже неблагоразумно, коль скоро оказываетъ дѣйствія совсѣмъ противоположныя ожидаемымъ.

Рекохъ Петру. Св. Павелъ говоритъ Ап. Петру ради того, что съ него началось отчужденіе отъ язычниковъ и что слѣдовательно, если онъ перестанетъ отчуждаться отъ нихъ, за нимъ перестанутъ и другіе. И потому еще такъ могло быть сдѣлано, что еслибъ св. Павелъ обратился къ другимъ, тѣ могли бы думать, что св. Петръ за нихъ и смѣло стали бы возражать; теперь же видя, что обличается Петръ и молчитъ, должны были и они молчать и покориться слову св. Павла. Св. Златоустъ пишетъ, что св. Павелъ затѣмъ обращается къ Петру, чтобы изъ сдѣланнаго ему выговора познали истину увѣровавшіе изъ Іудеевъ. Ибо еслибы Павелъ обратилъ свое обличеніе на самыхъ вѣрующихъ изъ Іудеевъ, они съ презрѣніемъ и негодованіемъ отвергли бы его обличеніе; ибо еще не научились много уважать его. Теперь же видя молчаніе обличаемаго своего учителя, они не могли ни презирать его, ни противорѣчить тому, что онъ говоритъ.

Онъ говоритъ ему ***предъ всѣми***, ради того, что и поступокъ его, вызвавшій замѣчаніе, былъ совершенъ предъ всѣми, и особенно потому, что для всѣхъ и полезно и нужно было держать въ мысли и сердцѣ то, что онъ имѣлъ сказать. „Что онъ сказалъ предъ всѣми, нужда заставила, чтобъ это укореніе послужило цѣлительнымъ врачевствомъ для всѣхъ. Ибо не было полезно дѣло, явно причинившее вредъ, исправлять тайно“ (Август.). „Для того сказалъ предъ всѣми, чтобы устрашить слушающихъ“ (Злат.). „Какъ тѣ, кои съ здоровыми ногами дѣлаютъ видъ, что хромаютъ, все же порока въ ногахъ

не имѣютъ, а прихрамываютъ по какой-либо другой причинѣ; такъ и Петръ, зная, что обрѣзаніе и необрѣзаніе ничтоже есть, но соблюденіе заповѣдей Божіихъ, ѣлъ прежде съ христіанами изъ язычниковъ; потомъ же на время отстранился отъ нихъ, чтобы не оттолкнуть отъ вѣры Іудеевъ. Почему и Павелъ въ томъ же духѣ противостаетъ ему и говоритъ предъ всѣми, не съ тѣмъ, чтобы обличить Петра. но чтобъ тѣ, коихъ ради лицемѣрился Петръ, исправились, или чтобъ у Іудеевъ гордости сбить, а язычниковъ не допустить до отчаянія“ (Іерон.).

Аще ты, іудей сый, язычески, а не іудейски живеши, почто языки нудиши іудейски жительствовати? Св. Павелъ обращается къ тому, что предъ симъ было, и въ этомъ беретъ основу для своего замѣчанія. Св. Петръ, возросшій въ узахъ іудейскихъ постановленій, вступивъ въ общество христіанъ изъ язычниковъ, далъ себѣ полную свободу отъ сихъ стѣсненій, не соблюдая обычныхъ у Іудеевъ правилъ, которыми опредѣлялись у нихъ отношенія къ язычникамъ. Св. Павелъ говоритъ какъ бы: себѣ, бывшему несвободнымъ, ты далъ свободу отъ іудейства, а язычниковъ, не знавшихъ этой связы, ты нудишь іудействовать. Сущность укора не въ томъ, что онъ сталъ съ Іудеями Іудей, а въ томъ, что этимъ язычниковъ нудилъ іудействовать. Какъ? Примѣромъ своимъ, который въ немъ имѣлъ силу убѣждающаго слова и даже закона. Видя себя отчужденными и желая сохранить общеніе съ высокочтимымъ лицомъ, они готовы были или приходили къ мысли подчиниться игу закона. Такимъ образомъ, убѣжденія, посѣянныя тамъ св. Павломъ у Іудеевъ и язычниковъ, колебались, и чистота Евангельской истины была въ опасности принять въ себя извращавшее ее примѣшеніе.

Приведу отеческія на этотъ случай мнѣнія, которыя

впечатлительно истолковывают значеніе его. Блаженный Августинъ пишетъ: „Петръ укоренъ былъ Павломъ не за то, что соблюдалъ іудейскіе обычаи, но за то, что (этимъ соблюденіемъ) и язычниковъ понуждалъ къ тому же.—Отдѣляясь отъ язычниковъ въ угодность тѣмъ, кои считали необходимымъ для спасенія соблюденіе іудейскихъ постановленій, онъ давалъ видъ, что считаетъ необходимымъ наложить иго работы законной и на язычниковъ. Это видно изъ самыхъ словъ, которыми онъ укоренъ. Ибо св. Павелъ не говоритъ ему: зачѣмъ ты опять возвратился къ іудейскимъ обычаямъ, — ты, который, будучи Іудей, язычески, а не іудейски живешь,— но — зачѣмъ язычниковъ нудишь іудействовать?"

Блаженный Іеронимъ полнѣе выражаетъ ту же мысль: „тѣснитъ Петра неопровержимымъ доказательствомъ, или лучше въ лицѣ Петра тѣхъ, которые понудили его къ такимъ противорѣчивымъ поступкамъ. Если, говоритъ, ты Петръ, по естеству Іудей, въ младенчествѣ обрѣзанный и всѣ предписанія закона соблюдавшій, нынѣ по благодати Христовой, зная, что все это ничтоже есть само по себѣ, а было только образомъ грядущихъ благъ, сталъ съ вѣрующими язычниками вкушать пищу съ полною свободою, безъ смущенія, то какъ же ты, отстраняясь теперь отъ нихъ, какъ будто отъ нечистыхъ, понуждаешь ихъ іудействовать? Ибо если нечисты тѣ, отъ которыхъ отстраняешься, а отстраняешься ради того, что они не обрѣзаны, то этимъ заставляешь ихъ обрѣзаться и стать Іудеями, между тѣмъ какъ самъ ты, будучи Іудей, по язычески живешь. Павелъ выставляетъ причиною своего возстанія противъ Петра то, что онъ своимъ лицемѣрствомъ (благонамѣреннымъ) понуждалъ язычниковъ іудействовать; ибо они располагались подражать ему."

Св. Златоустъ обращаетъ вниманіе на другую сторону

дѣла, именно на то, что св. Павелъ стоитъ за язычниковъ, а въ виду имѣетъ вразумленіе Іудеевъ, и притомъ не прямо ихъ самихъ, а въ лицѣ св. Петра. „Что имѣетъ въ виду св. Павелъ, говоря сіе? Хочетъ сдѣлать болѣе удобопріемлемымъ и выносимымъ свое обличеніе. Ибо если бы сказалъ такъ: худо ты дѣлаешь, что соблюдаешь законъ, тогда Іудеи обвинили бы его въ дерзости противъ учителя. Теперь же, обвиняя его за своихъ учениковъ, симъ сдѣлалъ удобопріемлемѣе рѣчь свою, и не симъ только, но и тѣмъ, что, оставивъ всѣхъ другихъ, обратилъ все обличеніе противъ одного Ап. Петра. *Аще ты,* говоритъ, *іудей сый, язычески, а не іудейски живеши,* — почти такъ говоря: вы подражаете своему учителю, а и самъ онъ, будучи Іудеемъ, живетъ по-язычески. Но ясно не сказалъ сего потому, что совѣта его не приняли бы; а открываетъ мысль Петрову подъ видомъ выговора за язычниковъ. Также, еслибы онъ сказалъ: для чего ты обратившихся изъ Іудеевъ принуждаешь опять жить по іудейски?—слова его были бы гораздо невыносимѣе; теперь же, какъ бы принимая сторону учениковъ изъ язычниковъ, а не изъ Іудеевъ, симъ самымъ исправляетъ сихъ послѣднихъ. Ибо обличенія и укоризны принимаются легче и скорѣе, когда бываютъ не слишкомъ строги. Изъ язычниковъ же никто не могъ жаловаться на Павла, потому что онъ говорилъ противъ Іудеевъ. А все сіе устроилъ во благо Петръ своимъ молчаніемъ, принявъ на себя видъ лицемѣрія, дабы освободить Іудеевъ отъ дѣйствительнаго лицемѣрія.“

Молчаніе св. Петра заставляетъ предполагать въ немъ такія мысли въ отвѣтъ св. Павлу: если такъ, если тѣ, вѣрующіе язычники, точно соблазняются и выводятъ изъ моего поступка, будто для спасенія должно іудействовать; то ты правъ, я не долженъ такъ поступать. Я согласенъ съ тобою въ томъ, что этого средостѣнія—

іудейства—не должно быть между вѣрующими. Рѣчь св. Павла не произвела разрыва. Св. Петръ видѣлъ правоту ея, и остался въ добрыхъ отношеніяхъ къ св. Павлу, какъ самъ о томъ свидѣтельствовалъ (2 Петр. 3, 15). Мирное принятіе Павлова слова показываетъ, что онъ говорилъ тоже, что было на сердцѣ у самого Петра. И можетъ быть онъ радъ былъ случаю такого впечатлительнаго вразумленія тѣхъ ревнителей, съ которыми въ Іерусалимѣ говорить и управляться было очень затруднительно. Блаженный Θеодоритъ пишетъ: „великій Петръ молчаніемъ подтверждаетъ Павловы слова, какъ бы такъ говоря увѣровавшимъ изъ Іудеевъ и бывшимъ тогда съ Апостолами: справедливо укоряетъ меня Павелъ, не возможно и противорѣчить словамъ его.—А что Петръ, имѣя въ виду пользу слушающихъ, остался доволенъ словами Павловыми,—это явно для всякаго. Итакъ поелику одинъ укорялъ, а другой принималъ это въ молчаніи; то симъ уготовлялось врачевство, полезное для увѣровавшихъ и изъ Іудеевъ и изъ язычниковъ. Написалъ же сіе божественный Апостолъ Галатамъ, давая тѣмъ знать, что великіе и первые Апостолы, по немощи Іудеевъ, дозволяли иногда хранить законъ, но не всегда такъ поступали.“

Отношеніе этого случая къ Галатамъ выясняетъ и св. Дамаскинъ, показывая, какъ напоминаніе о томъ соотвѣтствуетъ цѣлямъ посланія. „Этимъ обстоятельствомъ св. Павелъ мимоходомъ научаетъ Галатянъ благодушно принять и къ нимъ обращенный укоръ. Ибо если Петръ, будучи изъ Іудеевъ, подвергшись укору за то, что другихъ располагалъ іудействовать, спокойно принялъ сей укоръ, какъ дѣло умѣстное и хорошее; тѣмъ паче Галаты, будучи изъ язычниковъ, и послѣ увѣрованія во Христа склонявшіеся къ игу закона, будучи укоряемы за то, должны благодушно принять этотъ укоръ.“

„Какъ любовно принялъ св. Петръ этотъ укоръ спасенія ради стада Христова! говоритъ Августинъ. Укоряемый былъ болѣе дивенъ, чѣмъ укоряющій. Вотъ примѣръ для подражанія,—примѣръ смиренія, которое есть высочайшая добродѣтель христіанская. Имъ преимущественно хранится взаимная любовь, которой ничто скорѣе не разоряетъ, какъ гордость.“

б)

Рѣчь св. Павла къ св. Петру, по поводу отчужденія его отъ язычниковъ, только началась предыдущими словами. Она непрерывно идетъ и далѣе до конца главы, и выясняетъ существо вѣры во Христа Господа, и особенно свободу при ней отъ закона, въ чемъ главный предметъ посланія. И всѣ древніе толковники (исключая одного, кажется, Амросіаста), считаютъ стихи 15—21 продолженіемъ рѣчи св. Павла къ Петру и прочимъ бывшимъ тамъ Іудеямъ. Иные прямо это означаютъ, какъ Θеодоритъ, который переходитъ отъ 14 ст. къ 15 такъ: „сказуетъ же Павелъ и все иное, что говорилъ онъ блаженному Петру, имѣя въ виду пользу бывшихъ тамъ Іудеевъ.“ Другіе, не поминая о томъ, ходомъ рѣчи своей даютъ понять, что они слѣдующія съ 15 ст. слова, считаютъ продолженіемъ рѣчи, начатой въ 14-мъ, какъ св. Златоустъ, который говоритъ: „сперва онъ устремилъ рѣчь свою къ одному Петру, сказавъ: *аще ты іудей сый*, а потомъ обращаетъ оную ко всѣмъ, не исключая и себя.“

И теченіе рѣчи таково, что никакого повода не даетъ полагать, что она съ 15 ст. обращается уже къ другимъ лицамъ. Никому на мысль не придетъ, чтобъ св. Павелъ, бывшій очевидно въ движеніи, начавъ рѣчь къ св. Петру, ограничился тѣмъ однимъ, что сказалъ въ 14 ст. Напротивъ послѣ сего стиха невольно ожидается даль-

нѣйшая рѣчь въ томъ же духѣ и тонѣ, и слова: *мы естествомъ іудеи*, и прочее... совершенно отвѣчаютъ этому ожиданію. Но согласись только, что хоть одинъ стихъ еще сказанъ былъ въ Антіохіи, уже не найдешь, на чемъ остановиться до конца рѣчи, чтобъ сказать: отсюда обращается св. Павелъ къ Галатамъ. Къ Галатамъ обращается онъ послѣ сей рѣчи съ 1 ст. 3-й гл. Здѣсь же вся рѣчь идетъ къ св. Петру и прочимъ Іудѣямъ. И такую мысль тѣмъ необходимѣе удержать, что стиха 18: *яже разорихъ*... понять нельзя, если не относить его къ св. Петру, бросившему было іудейскіе порядки и потомъ опять за нихъ взявшемуся; а стихъ сей стоитъ въ срединѣ всей рѣчи. Другіе хватаются за это и говорятъ: 18-мъ стихомъ и кончается рѣчь къ св. Петру, а далѣе она обращена къ Галатамъ. Но стоитъ только прочитать въ рядъ эти стихи, чтобъ отказаться отъ такой догадки. Съ 18-го стиха св. Павелъ рѣчь ведетъ въ своемъ лицѣ,—*азъ*... *азъ*. Этимъ 19 стихъ сливается съ 18 внѣшне; внутренне же, мыслями, онъ съ нимъ связуется союзомъ: *ибо*, *азъ бо*... Разрывать ихъ слѣдовательно и не приходится. То несомнѣнно, что, приводя сію рѣчь въ посланіи къ Галатамъ, св. Павелъ имѣлъ въ виду пользу Галатовъ, и она точно даетъ имъ сильныя внушенія; но то будутъ спасительные для Галатовъ выводы изъ рѣчи, не къ нимъ обращенной. Эти выводы нѣкоторые изъ древнихъ толковниковъ и дѣлаютъ.

Замѣтить можно впрочемъ, что никакого вліянія не имѣетъ на пониманіе сихъ стиховъ, въ Антіохіи ли къ Петру сказаны они, или въ Ефесѣ написаны къ Галатамъ. Потому напрягаться опредѣлять то и нужды нѣтъ, и не важно. Важно то, что они изречены св. Павломъ и слѣдовательно богодухновенны.

Въ сей рѣчи аа) сначала св. Павелъ держитъ вниманіе все на томъ же случаѣ, по которому и началъ го-

ворить, стараясь изъ самаго поведенія св. Петра и другихъ Іудеевъ извлечь убѣжденіе въ томъ, какъ неосновательно держаться закона, особенно послѣ того какъ уже онъ былъ такъ открыто оставляемъ (15—18). бб) Потомъ показываетъ, какъ искренно увѣровавшему во Христа должно на Него уже единаго возложить все свое упованіе спасенія, рѣшительно отказавшись отъ закона. Говоритъ объ этомъ настроеніи такъ, какъ оно у него образовалось и держится, давая разумѣть, что оно таково же должно быть и во всѣхъ (19—21).

аа)

Ст. 15. 16. *Мы естествомъ Іудеи, а не отъ языкъ грѣшницы. Увѣдѣвше же, яко не оправдится человѣкъ отъ дѣлъ закона, но токмо вѣрою Іисусъ Христовою, и мы во Христа Іисуса вѣровахомъ, да оправдимся отъ вѣры Христовы, а не отъ дѣлъ закона: зане не оправдится отъ дѣлъ закона всяка плоть.*

Мы,—мы съ тобою, Петръ, если относить только къ св. Петру рѣчь, или со всѣми бывшими тамъ іудеохристіанами, или вообще не съ этими только, но со всѣми Іудеями увѣровавшими во Христа. Видно, что св. Павелъ отвлекаетъ мысль отъ Петра, и рѣчь направляетъ на тѣхъ, кои привязаны еще были къ закону, и исполненіе его считали необходимымъ для спасенія. — *Естествомъ Іудеи*, Іудеи по рожденію и происхожденію, а не послѣ рожденія принявшіе іудейство. Отцы и праотцы наши—Іудеи. И родились и воспитаны мы въ іудейскомъ законѣ. *Іудеи*,—народъ Божій, Богомъ избранный въ часть достоянія, Имъ хранимый и руководимый, народъ, которому Самъ Богъ указалъ истинный путь угожденія Ему, и снабдилъ всѣми средствами оправданія предъ Нимъ, слѣдовательно народъ святый, назначенный къ святости и приспособленный къ достиже-

нію ея. — *А не отъ языкъ грѣшницы.* Грѣшникъ тотъ, кто заповѣдей Божіихъ не исполняетъ, нарушаетъ законъ Божій. Но здѣсь язычники грѣшниками называются по противоположности ихъ Іудеямъ, какъ незнающіе истиннаго Бога и покланяющіеся не по естеству сущимъ богамъ, и какъ неимѣющіе закона, который показывалъ бы имъ, какъ быть праведными предъ Богомъ, и потому допускающіе среди себя много срамныхъ дѣлъ, Богу противныхъ, которыхъ они однакожъ и грѣхами не считали, которыя одобряются даже ихъ религіею. Выставляя такую противоположность, Апостолъ наводитъ на такія мысли, что если язычники — грѣшники, то Іудеи—не грѣшники, и далѣе: если Іудеи естествомъ не грѣшники, то язычники естествомъ грѣшники, т.-е. Іудеямъ на роду написано быть святыми, а язычникамъ—погрязать въ грѣшности,—такъ что между Іудеями грѣшность есть исключеніе, а у язычниковъ негрѣшность была бы исключеніемъ.

Такъ вотъ каковы мы! говоритъ какъ бы св. Павелъ.— И нечего бы намъ искать иныхъ путей спасенія и оправданія предъ Богомъ. Пусть бы искали его язычники. И однакожъ

Увѣдѣвше очевидно узнавъ, осязательно убѣдившись,— отчасти и изъ собственнаго опыта, а главнымъ образомъ изъ откровенія во Христѣ Іисусѣ, *яко не оправдится*, не можетъ стать или сдѣлаться праведнымъ, не можетъ достигнуть праведности и святости *человѣкъ* всякій, не мы только Іудеи, но и всякій человѣкъ, который сталъ бы на нашемъ мѣстѣ, не можетъ стать праведнымъ и святымъ *отъ дѣлъ закона*, посредствомъ дѣлъ закона, при самомъ строгомъ исполненіи предписанія закона, опредѣлявшихъ внѣшній строй нашей религіозной жизни, которыя хотя и освящали къ плотской чистотѣ, но совѣсти не успокоивали и силъ противустоянія грѣху не

давали, — но *токмо върою Іисусъ Христовою,* только вѣрою во Іисуса Христа, обѣтованнаго Избавителя, Который смертію Своею удовлетворивъ правдѣ Божіей и Духа Святаго во освященіе насъ ниспославши намъ отъ Отца, сдѣлалъ то, что всякій вѣрующій въ Него и Ему послѣдовать рѣшившійся, и отпущеніе грѣховъ получаетъ и силою свыше облекается на противостояніе грѣху и твореніе всякой правды, ради вѣры въ Него и рѣшимости быть Ему во всемъ вѣрнымъ до положенія живота,— узнавши все это, *и мы* Іудеи, которымъ Самимъ Богомъ показаны были всѣ чины оправданія, до времени имѣвшіе силу, теперь же обветшавшіе уже, во *Христа Іисуса въровахомъ,* увѣровали во Христа, оставя законъ, ко Христу прибѣгли, на Него возложили все упованіе спасенія *да оправдимся отъ въры Христовой,* — въ томъ убѣжденіи, что Онъ и грѣхи наши всѣ проститъ и дастъ намъ силу стяжать внутреннюю правоту, въ мысляхъ, чувствахъ и расположеніяхъ, которая одна дѣлаетъ правыми предъ Богомъ,—*а не отъ дълъ закона*, которыя доставляютъ только внѣшнюю правость, оставляя сердце въ прежней, ветхой неправости: *зане не оправдится отъ дълъ закона всяка плоть.* Ибо дѣла закона до этой внутренней правоты предъ Богомъ никого не доводили и довести не могутъ. Не дано имъ отъ Бога, ихъ опредѣлившаго, такой силы.

Во всей рѣчи этой мысль одна: законъ не приводитъ насъ къ праведности; почему, увѣрившись, что ее можетъ подать только Іисусъ Христосъ, мы, оставя законъ, прилѣпились къ Нему вѣрою. Но св. Павелъ разнообразно выражаетъ ее, чтобъ сильнѣе напечатлѣть ее въ памяти. Три раза напоминаетъ о безсиліи закона доставить праведность, и три раза указываетъ истинный источникъ праведности, святости, спасенія въ Господѣ Іисусѣ Христѣ чрезъ вѣру въ Него. Такъ полна была душа его

этимъ убѣжденіемъ, и такъ ревновалъ онъ передать его въ души другихъ! — При всемъ томъ есть здѣсь стороны, требующія объясненія.

Что разумѣется здѣсь подъ *закономъ?*—Внѣшній чинъ, которымъ опредѣлялся строй нравственно-религіозной жизни іудейскаго народа — обрѣзаніе, субботствованіе, праздники, жертвы, омовенія, окропленія и под. Этотъ чинъ отособлялъ Іудеевъ отъ всѣхъ другихъ народовъ и составлялъ ихъ исключительную собственность. Расположенія, входящія въ составъ благочестія и добронравія, каковы страхъ Божій, упованіе на Бога, состраданіе, благотворительность, терпѣніе, воздержаніе, трудолюбіе и под. были общи всему роду человѣческому, а не однимъ Іудеямъ принадлежали. Они здѣсь и не разумѣются подъ закономъ. Что точно здѣсь подъ закономъ разумѣется внѣшній чинъ іудейской жизни, видно изъ того, изъ-за чего началась рѣчь. Рѣчь началась изъ-за того, что св. Петръ сначала оставилъ было всѣ чины и порядки, отособлявшіе его отъ необрѣзанныхъ, и жилъ свободно съ ними, а потомъ, когда пришли строгіе ревнители о соблюденіи сихъ чиновъ, онъ отшатнулся отъ необрѣзанныхъ и опять подчинился чинамъ, отособлявшимъ отъ нихъ вмѣстѣ съ тѣми ревнителями отособленія. Тутъ, слѣд., дѣйствующими причинами были законъ обрѣзанія, необщеніе въ пищѣ съ необрѣзанными. Ихъ прямо и разумѣлъ св. Павелъ, — и наряду съ ними, всѣ подобные законы, опредѣлявшіе внѣшій порядокъ іудейской жизни: ибо обрѣзаніе одно обязывало уже ко всѣмъ имъ, равно какъ необрѣзаніе дѣлало свободнымъ отъ нихъ. Что въ 14 ст. Ап. Павелъ называетъ: іудейски жить,— это значитъ — жить, строго соблюдая всѣ порядки, характеризовавшіе іудейскую жизнь; жить же язычески, — значитъ жить неподчиненнымъ симъ порядкамъ. Эти порядки составляли средостѣніе, отдѣлявшее Іудеевъ

отъ язычниковъ. Св. Павелъ всѣ усилія свои обращалъ на то, чтобъ разорить это средостѣніе, и изъ Іудеевъ и язычниковъ слить одну нераздѣльную Церковь, какъ одно тѣло Христово.

Такъ разумѣютъ здѣсь законъ всѣ древніе толковники. Блаж. Өеодоритъ пишетъ: „Необходимому въ законѣ поучала сама природа; таковы заповѣди: не прелюбодѣйствуй, не убивай, не крадь, не свидѣтельствуй ложно на ближняго, почитай отца твоего и матерь твою, и другія подобныя; заповѣди же о субботѣ, объ обрѣзаніи, о прокаженныхъ, о жертвахъ, о кропленіяхъ, составляли собственность закона; ибо имъ не научала природа. Поэтому все сіе называетъ Апостолъ дѣлами закона.“—Св. Златоустъ, хотя не говоритъ такъ опредѣлительно, что разумѣетъ онъ подъ закономъ, но во всемъ толкованіи этого отдѣленія посланія, гдѣ приходилось говорить о законѣ, онъ поминаетъ только объ обрѣзаніи, субботѣ и жертвахъ; и слѣд. разумѣетъ подъ закономъ то же самое, что прямо выразилъ Өеодоритъ. Вслѣдъ за ними такъ понимаютъ законъ и всѣ другіе древніе толковники.

Такимъ образомъ не слѣдуетъ здѣсь разумѣть подъ закономъ нравственный законъ, правила благочестія, добронравія и всѣ добрыя дѣла. Это пониманіе противно прямому смыслу этого отдѣленія и всему тому, о чемъ пишетъ св. Павелъ во второй главѣ. Ибо и на соборѣ въ Іерусалимѣ трактовали о внѣшнихъ іудейскихъ чинахъ, и случай съ Ап. Петромъ былъ изъ-за внѣшнихъ чиновъ. Когда Апостолы собора писали антіохійцамъ, что они рѣшили ничего не возлагать на вѣрующихъ изъ язычниковъ, кромѣ извѣстныхъ ограниченій; то конечно не то разумѣли, что даютъ имъ полную свободу отъ всѣхъ правилъ благочестія и добронравія, но что не обязываютъ ихъ къ исполненію какихъ-либо законовъ іудейской внѣшней жизни, начиная съ обрѣзанія (Дѣян. 15, 24).

Что значитъ здѣсь *оправданіе?* По общему смыслу оправдаться значитъ представить уважительныя причины, по которымъ законно съ кого-либо снимается взводимая на него вина, и онъ объявляется правымъ. Въ этомъ смыслѣ оправданіе предъ Богомъ не можетъ имѣть мѣста. Между людьми возможно, что на инаго взнесутъ вину которой за нимъ нѣтъ, и ему стоитъ только объяснить дѣло, чтобъ явиться невиннымъ. Но предъ Богомъ мы всѣ виновны самымъ дѣломъ и ради грѣха прародительскаго, и ради собственныхъ своихъ грѣховъ. Никакихъ извиненій не можемъ мы представить въ свое оправданіе, и ничего не можемъ мы сдѣлать, чѣмъ бы могли загладить вину свою. Какъ же быть? Такъ бы и оставаться намъ всегда подъ судомъ правды Божіей, еслибы благость Божія не устроила намъ особаго способа оправданія. Чтобы лучше понять это, представимъ нашу виновность подъ видомъ долга предъ правдою Божіею. Должникъ самъ можетъ не имѣть способа уплатить свой долгъ, но за него можетъ уплатить другой, и когда уплатитъ, заимодавецъ болѣе не считаетъ уже его отвѣтнымъ предъ собою, очищаетъ, дѣлаетъ его свободнымъ отъ долга. Это самое и устроила намъ благость Божія въ оправданіе предъ Богомъ. Долги наши неоплатны. Но за всѣхъ насъ уплатилъ ихъ правдѣ Божіей Господь нашъ Іисусъ Христосъ крестною Своею смертію, сила которой опредѣляется такъ, что въ ней Господь грѣхи наши Самъ вознесъ на тѣлѣ Своемъ на древо (1 Петр. 2, 24), рукописаніе грѣховъ нашихъ пригвоздилъ на крестѣ (Кол. 2, 14). Остается только сдѣлать, чтобы правда Божія признала каждаго изъ насъ въ отдѣльности, лично, подходящимъ подъ эту милость, или чтобы каждый изъ насъ предъявилъ правдѣ Божіей, что въ общей массѣ лицъ, долги которыхъ оплачены, уплата шла и за него. Пусть въ какомъ-либо городѣ много

должниковъ, и какой-нибудь богачъ объявитъ заимодавцамъ, разнымъ или одному, что какой должникъ представитъ росписку или свидѣтельство отъ меня, того долгъ считать оплаченнымъ изъ моей кассы, а его свободнымъ отъ долга. Вотъ эту росписку или свидѣтельство отъ лица Господа и долженъ каждый грѣшникъ представить правдѣ Божіей, чтобы стать предъ нею свободнымъ отъ долга грѣховъ своихъ. Какая же это росписка или свидѣтельство. Вѣра въ Господа нашего Іисуса Христа. Увѣровавшій въ Господа правъ предъ лицемъ Бога правды.

Что же есть вѣра въ Господа? Напрасно хотятъ опредѣлить вѣру въ Господа однимъ словомъ. Ее надобно описать; ибо она есть состояніе сердца, совмѣщающее не одно чувство, убѣжденіе и расположеніе, а нѣсколько. Она приходитъ чрезъ покаяніе; ибо Господь говоритъ: *покайтеся и вѣруйте во Евангеліе* (Мар. 1, 15). Изъ этой лабораторіи кающагося духа вѣра исходитъ уже не одна, но *любовію споспѣшествуема* (Гал. 5, 6), послѣ того, какъ иже вѣру иметъ, и крестится (Мар. 16, 16). Это и есть *новая тварь,* которая зачинается благодатію въ первыхъ движеніяхъ покаянія, а въ этомъ строѣ является уже вполнѣ образовавшеюся, характеристически сложившеюся, принявшею христіанскую личность. Весь ходъ дѣла таковъ. Только истинно кающійся взыскиваетъ Господа. Кающагося же исполняютъ два чувства и расположенія: жалѣніе, что грѣшилъ, и крѣпкое желаніе не поддаваться болѣе грѣховнымъ влеченіямъ. Но въ первомъ чувствѣ томитъ его правда Божія, коей ничѣмъ удовлетворить не можетъ, во второмъ—желаніе страшитъ собственное безсиліе, опытомъ дознанное. Онъ и прибѣгаетъ къ Господу въ полной увѣренности, что Онъ избавитъ его отъ той и другой крайности,—и прежніе грѣхи проститъ, и дастъ ему силу впередъ

противостоять грѣхамъ. Безъ сихъ двухъ увѣренностей вѣра въ Господа не мыслима, равно какъ покаяніе немыслимо безъ сокрушенія въ грѣхахъ и твердаго намѣренія не поддаваться грѣху. Но всѣ эти расположенія суть только приготовленія къ образованію вѣрующей личности. Самое же образованіе производится благодатію Св. Духа въ таинствѣ крещенія, въ коемъ, погружаясь, онъ погружается въ смерть Христову и получаетъ отпущеніе грѣховъ, а возникая изъ погруженія, выходитъ въ обновленіи жизни, облеченный силою не работать грѣху, жить же прочее Богови о Христѣ Іисусѣ (Римл. 6, 3—13). Вотъ когда является вполнѣ образовавшеюся вѣрующая христіанская личность. Проходитъ она весь этотъ путь; но изъ пройденнаго ничто не утрачивается, а напротивъ все входитъ въ строй ея духа, который однимъ словомъ именуется вѣра. Вѣра потому совмѣщаетъ въ себѣ много чувствъ; но отличительная ея черта, выдающаяся, есть преданіе себя на служеніе Господу до положенія живота въ чаяніи спасенія благодатію Его. Чувствуетъ вѣрующій, что купленъ цѣною крови, долженъ работать Купившему его, въ полной увѣренности, что этимъ путемъ онъ будетъ непремѣнно спасенъ.

Только тотъ, кто такъ вѣруетъ, является оправданнымъ предъ Богомъ, не въ томъ только смыслѣ, что съ него снимается вина грѣховности, но что въ немъ полагается сѣмя всякой правды въ его рѣшимости работать Господу исполненіемъ воли Его, и въ чувствѣ силы на то, вселяемой въ него благодатію, его возродившею. Онъ обладаетъ внутреннею правотою; ибо духъ правый обновленъ во *утробѣ его* (Пс. 50).

Послѣ сего само собою понятно, почему законъ не оправдываетъ, а только вѣра въ Господа Іисуса Христа: потому что законъ не давалъ новой жизни. Іудей согрѣ-

шившій приходилъ, исповѣдывалъ свой грѣхъ, приносилъ положенную жертву и возстановлялся во всѣхъ правахъ Іудея; но внутренно онъ оставался все тотъ же, съ тѣмъ-же рабствомъ грѣху. Посему говорится, что всѣ жертвы очищали только къ плотской чистотѣ (Евр. 9, 13). Равно исполненіе и всѣхъ другихъ уставовъ закона сообщало только внѣшнюю правость, внутри оставляя ветхую неправоту. Само обрѣзаніе вводило въ сонмъ Израилевъ, но сердце оставляло необрѣзаннымъ. Такимъ образомъ Іудей, вѣрный закону, только объявлялся правымъ внѣшне, не будучи правъ въ сердцѣ своемъ. Напротивъ увѣровавшій въ Господа не объявляется только правымъ, но получаетъ правоту во внутреннемъ строѣ жизни, обновляется, и, какъ созрѣвшій юноша полный силъ, исходитъ на угожденіе Господу, въ чувствѣ благодатной силы, ему дарованной. Это обновленіе внутреннее есть характеристическая черта вѣры Христовой. Ради его собственно христіанинъ и оправдывается предъ лицемъ правды Божіей, оправдывается совершеннымъ оправданіемъ Оно-то собственно и есть то свидѣтельство, ради котораго все прощается, и предъявившій его опять принимается въ полную милость и полное благоволеніе Божіе.

Между тѣмъ однакожъ законъ не былъ худъ. Онъ имѣлъ свою силу по Божіему опредѣленію и приносилъ соотвѣтственный плодъ: держалъ въ исправности, хотя внѣшней только, и тѣхъ, кои были болѣе внимательны, подготовлялъ къ принятію Господа, такъ какъ всѣ его чины были образомъ грядущихъ благъ. Уразумѣвшіе то, и подъ закономъ находясь, воздыхали о сихъ благахъ и чаяли пришествія Лица, имѣвшаго принести ихъ. И это становило ихъ среди Іудеевъ выше Іудеевъ. Таковы были всѣ ветхозавѣтные патріархи, пророки, праведники.

Св. Златоустъ видитъ въ словахъ св. Павла такое

побужденіе къ оставленію закона: „мы, говоритъ (св. Павелъ), оставили законъ, не потому, чтобъ онъ былъ не добръ, но потому что немощенъ.“ Въ поясненіе этой немощности, Θеофилактъ прибавляетъ къ словамъ св. Златоуста: (а немощенъ онъ) „потому, что душъ не освящалъ, а отнималъ только плотскую нечистоту.“ На этомъ основаніи блаженный Θеодоритъ значеніе закона вообще опредѣляетъ такъ: „нарушеніе сихъ заповѣдей (выше указанныхъ,—объ обрѣзаніи, субботѣ, жертвахъ, омовеніяхъ и проч.), есть грѣхъ (для Іудея), однакоже и храненіе ихъ не есть преспѣяніе въ совершенной правдѣ. Ибо все сіе служило указаніемъ на нѣчто другое; впрочемъ Іудеямъ пригодно было на то время.“ Блаженный Іеронимъ, говоря о такомъ значеніи закона, объясняетъ, въ какомъ случаѣ и по какому поводу законъ оставался съ такимъ малымъ плодомъ. „Нѣкоторые говорятъ: если вѣрно то, что говоритъ здѣсь св. Павелъ, что отъ дѣлъ закона никто не оправдится, а только вѣрою Іисусъ Христовою; то патріархи, пророки и святые, жившіе до пришествія Христова, были несовершенны. Таковымъ должно отвѣтить, что здѣсь тѣ называются недостигшими правды, которые вѣрятъ, что оправдаться можно только такими дѣлами. Святые же, бывшіе древле, вѣрою Христовою оправданы. Ибо Авраамъ видѣлъ день Христовъ и возрадовался. И Моисей поношеніе Христово считалъ богатствомъ, большимъ сокровищъ Египетскихъ: *взираше бо на мздовоздаяніе*. И Исаія видѣлъ славу Христову (Ис. 6), какъ свидѣтельствуетъ Евангелистъ Іоаннъ. Отсюда видно, что не столько дѣла закона осуждаются, сколько тѣ, кои надѣются быть оправданными только отъ дѣлъ, когда и Самъ Спаситель говоритъ: *аще не избудетъ правда ваша паче книжникъ и фарисей, не внидете въ царство небесное* (Мѳ. 5, 20).“

Ст. 17. *Аще ли ищуще оправдитися о Христѣ, обрѣтохомся и сами грѣшницы, Христосъ убо грѣху ли служитель? Да не будетъ.*

Апостолъ останавливаетъ вниманіе на предлежащемъ обстоятельствѣ,—что, исключая пришедшихъ отъ Іакова, всѣ Іудеи, бывшіе тутъ и съ Ап. Петромъ въ томъ числѣ, бросили-было все законное ради вѣры въ Господа, а потомъ опять къ нему обратились, по той причинѣ, что теперь смотрѣли на нихъ ревнители закона. Какъ-будто тѣ захватили ихъ на худомъ дѣлѣ, которое надлежало поспѣшить исправить! Какъ будто грѣхъ, оставя законъ, прилѣпиться ко Христу, — ко Христу, который есть очищеніе о грѣсѣхъ нашихъ! Вотъ какая нелѣпость выходитъ изъ вашего образа дѣйствованія!

Словомъ: *ищуще* показываетъ Апостолъ, что всѣ, которые слышали слово его, точно были люди возбужденные и ревностно искали спасенія. Искали его въ законѣ, и видѣли, что онъ не удовлетворялъ требованіямъ совѣсти и сердца боголюбиваго. Почему законно оставили его и прилѣпились къ Господу, истинному Спасителю, Врачу душъ, въ Коемъ подаются намъ всѣ сокровища духовныя. Этого искали во Христѣ, и конечно нашли, ибо всякъ ищай сего въ Немъ, обрѣтаетъ. Зачѣмъ же опять обращаться на немощныя стихіи? Понять нельзя этого поведенія.

Искали оправдиться, а *обрѣтохомся грѣшницы*. Когда застали насъ за такими дѣлами, которыя свидѣтельствовали о томъ, что мы вѣруемъ спастися единственно въ Господѣ Іисусѣ Христѣ, безъ дѣлъ закона; мы спохватились, стыдно намъ стало и предъ другими и предъ своею совѣстію,—и поскорѣе поправлять свою ошибку. Приняли было свободу, а потомъ опять отскочили отъ ней, будто обжегшись, будто учинивши пагубный грѣхъ!

Христосъ убо грѣху ли служитель? И вышло, по ва-

шему, что прилѣпиться ко Христу и на Него единаго возложить все упованіе спасенія, бросивъ законныя дѣла, значитъ то же, что въ грѣхъ впасть.—И сталъ у васъ Христосъ грѣху служитель, въ грѣхъ всѣхъ ввергающій, кто къ Нему ни прилѣпится вѣрою. Можно-ли такъ—когда Онъ спасенія ради нашего пришелъ, и мы къ Нему обратились, чая сего спасенія, и самымъ дѣломъ обрѣтая его?—Вотъ какой смыслъ имѣетъ вашъ поступокъ. Какое отсюда могли извлечь побужденіе—совсѣмъ бросить законъ и уже не возвращаться къ нему болѣе,—тѣ, кои уразумѣли силу сихъ рѣчей Апостола!

Св. Златоустъ пишетъ: „Если, говоритъ, вѣра во Христа не можетъ оправдать, но опять необходимъ законъ; то, оставивъ законъ для Христа, и не получая оправданія чрезъ его оставленіе, но подвергаясь осужденію, мы должны будемъ признать виновникомъ нашего осужденія Того, къ Которому перешли, оставивъ законъ. Смотри, къ какой неизбѣжной нелѣпости онъ привелъ слово свое. Ибо если не должно, говоритъ, оставлять закона, а мы оставили его для Христа, то мы будемъ за сіе судимы.—Но для чего, Павле, говоришь и совѣтуешь сіе Петру, который зналъ все сіе совершенно? Не ему ли Богъ открылъ, что человѣка необрѣзаннаго не должно осуждать за то, что онъ необрѣзанъ?... Не для исправленія Петра говоритъ онъ сіе, но обративъ рѣчь свою къ Петру потому, что находилъ это нужнымъ, говоритъ между тѣмъ ученикамъ. Ты облекся во Христа, содѣлался членомъ Господа, сопричисленъ къ вышнему граду,—какъ же пресмыкаешься еще около закона? Какъ можно тебѣ достигнуть царствія? Внемли словамъ Павла, что соблюденіемъ закона ниспровергается Евангеліе, и если хочешь, я покажу тебѣ,—и какъ это; а ты устрашись, и постарайся избѣгнуть угрожающей бездны. Для чего ты наблюдаешь законъ? Конечно убоявшись закона, и опасаясь оставить

оныя письмена? Но ты не убоялся бы оставить законъ, еслибы не презрѣлъ вѣры, какъ бы слабой, и самой по себѣ не могущей спасти тебя. Если необходимо исполненіе закона, то необходимо должно отвергнуться Христа, или, послѣдуя Христу, сдѣлаться преступникомъ закона. Ибо если должно исполнить законъ, то неисполняющіе его—законопреступники, и виновникомъ сего законопреступленія будетъ у насъ Христосъ; ибо и Самъ Онъ разрѣшалъ отъ обязательства сему закону, и другимъ далъ заповѣдь разрѣшать отъ сего обязательства. Смотри, до чего доходятъ іудействующіе! Они Христа, виновника нашего оправданія, дѣлаютъ виновникомъ грѣха, какъ и Павелъ говоритъ: *Христосъ убо грѣху ли служитель?* Доведши ихъ до такой нелѣпости, ему уже не нужно было приводить другія доказательства къ опроверженію ихъ, но достаточно было одного отрицанія; посему онъ и сказалъ только: *да не будетъ!* Ибо противъ совершенно явной нелѣпости не нужно изыскивать доказательствъ, а достаточно и одного отрицанія.

Это *да не будетъ*, по мнѣнію блаженнаго Августина, произнесено св. Павломъ не отъ одного своего лица, но отъ лица всѣхъ его слышавшихъ, не исключая и пришедшихъ ревнителей закона. Ибо чтобъ Христосъ былъ грѣху служитель, этого „и они не могли сказать, потому что не только сами вѣровали во Христа, но не хотѣли даже, чтобъ Евангеліе было преподаемо кому-либо кромѣ обрѣзанныхъ.“

Ст. 18. *Аще бо яже разорихъ, сія паки созидаю, преступника себе представляю.*

Объясняетъ, какимъ образомъ оказались грѣшниками, когда оставя законъ опять къ нему обратились, примѣромъ изъ житейскаго быта. Здѣсь никто не станетъ разорять какого-либо зданія на-обумъ, а развѣ убѣдившись, что оно не нужно. Но если онъ же, разоривши зданіе,

опять начнетъ его созидать въ томъ же видѣ, то тѣмъ обличитъ себя, что худо сдѣлалъ разоривши его,—оказался преступникомъ противъ житейской мудрости. Такъ и у насъ, говоритъ какъ бы св. Павелъ. Бросивши законъ, мы разорили его; обращаясь же къ нему снова, опять созидаемъ его. Но если мы обращаемся къ нему снова ради того, что безъ него нельзя быть, то этимъ предъ всѣми обличаемъ себя, что худо сдѣлали оставя законъ, согрѣшили тѣмъ предъ Богомъ. Если, наоборотъ, мы бросили законъ по тому убѣжденію, что онъ обветшалъ и потерялъ силу, и ко Христу прилѣпились по тому убѣжденію, что Онъ есть единый истинный Спаситель, то возвращаясь теперь вновь къ брошенному закону, идемъ противъ своей совѣсти, и нарушаемъ сознательно вѣрно познанную нами волю Божію искать спасенія только въ Господѣ Іисусѣ Христѣ. Слѣдственно мы явились грѣшники и предъ Богомъ и предъ своею совѣстію.

„Видишь ли благоразуміе Павла, говоритъ св. Златоустъ. Іудеи хотѣли показать, что не соблюдающій закона есть преступникъ; а онъ говоритъ противное, что исполняющій законъ есть преступникъ, и преступникъ не только противъ вѣры, но и противъ самого закона. Ибо подъ словами: *яже разорихъ, сія паки созидаю*, онъ разумѣетъ законъ. И слова его имѣютъ такой смыслъ: законъ получилъ конецъ; и мы сами подтвердили сіе тѣмъ, что оставивъ оный, прибѣгли искать спасенія отъ вѣры. Усиливаясь послѣ сего возстановить законъ, мы симъ самымъ дѣлаемся преступниками онаго, т.-е. когда упорно хотимъ соблюдать то, что отмѣнено Самимъ Богомъ.“

Укоръ этотъ очень силенъ; почему св. Павелъ обращаетъ его къ самому себѣ, какъ-бы онъ самъ такъ поступилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобъ смягчить впечатлѣніе, которое не могло быть пріятно. Или говоря въ первомъ лицѣ пускаетъ рѣчь въ общность, какъ бы такъ: я ли,

другой ли кто, вообще всякій, кто такъ ни поступаетъ, худо дѣлаетъ, — чтобъ отвлечь рѣчь отъ слушающихъ, ради смягченія укора.

бб)

Ст. 19. *Азъ бо закономъ закону умрохъ, да Богови живъ буду, Христови сраспяхся.*

Въ послѣднихъ трехъ стихахъ Апостолъ показываетъ, съ какою рѣшительностію должно оставить законъ и прилѣпиться къ единому Господу, выставляя въ основаніе къ тому то, что въ этомъ прилѣпленіи къ Господу, какъ бы сліяніи своей жизни съ Его жизнію, и есть настоящая жизнь, спасеніе и праведность. Говоритъ объ этомъ въ своемъ лицѣ, какъ бы такъ: вотъ такъ надо поступать всякому, какъ я,—умереть закону и жить только Христу и Христомъ. Онъ могъ такъ говорить о себѣ и выставлять себя въ образецъ не для похвальбы, а для объясненія дѣла. Ибо всѣмъ было извѣстно, какъ онъ вдругъ, какъ только узналъ, что есть истина во Христѣ, пресѣкъ всякое общеніе съ закономъ. Сколько прежде преданъ былъ ему и уповалъ на него, столько, увѣровавши въ Господа, далекъ сталъ отъ него и ни во что ставилъ его.

Такое свое отношеніе къ закону онъ выражаетъ словами: *я умеръ закону*, пересталъ для него существовать, и онъ для меня. Какъ умершій свободнымъ становится отъ всѣхъ обязательствъ къ живымъ, такъ у меня со смертію закону прекратились всѣ къ нему обязательства. „*Закону*, говоритъ, *умрохъ*, чтобъ не быть болѣе подъ закономъ“ (Август.). Ибо „кто освобождается отъ закона, тотъ умираетъ закону“ (Амврос.).

Умершимъ себя закону выставляетъ онъ чрезъ законъ же: *закономъ закону умрохъ*. Законъ самъ умертвилъ меня для себя, самъ отъ себя оттолкнулъ, самъ отъ себя отвелъ и привелъ ко Христу. Это можно по-

нимать двоякимъ образомъ. *Или* такъ: самъ законъ тѣмъ, что не удовлетворялъ моего исканія правды, заставилъ меня бросить его и обратиться къ другому истинному источнику праведности; *или* такъ: самъ законъ предуказалъ мнѣ Христа—цѣль и конецъ закона; самъ онъ говоритъ о пришествіи Христа Спасителя и о необходимости слушать Его, чтобъ спастись. Слѣдуя сему внушенію закона, я обратился ко Христу и бросилъ законъ. Та и другая мысль совмѣщается въ одной той, что законъ былъ пѣстунъ во Христа. Древніе толковники на ней болѣе и останавливаются. Такъ блаженный Августинъ: „*закономъ*, говоритъ, *умрохъ закону;* поелику былъ Іудей и законъ имѣлъ пѣстуномъ во Христа, какъ объясняетъ послѣ (Гал. 3, 24). Самимъ пѣстуномъ дѣлается то, что онъ послѣ и самъ не нуженъ бываетъ: какъ и сосцами питается младенецъ, чтобъ послѣ не имѣть нужды въ сосцахъ."—Такъ св. Златоустъ: „показываетъ симъ, что онъ чрезъ сей самый законъ умеръ закону, т. е. самый законъ убѣдилъ меня не слѣдовать закону. И если послѣ сего буду слѣдовать ему, то симъ самымъ нарушу его. Какъ же и какимъ образомъ? — Моусей, предсказывая о Христѣ, говоритъ: *пророка отъ братіи твоея, якоже мене, возставитъ тебѣ Господь Богъ твой*: *Того послушайте* (Втор. 18, 15). Очевидно изъ этого, что не повинующіеся Христу преступаютъ законъ."—Такъ Ѳеодоритъ: „Убѣжденный самимъ закономъ, говоритъ Апостолъ, сдѣлалъ я себя мертвымъ для закона; потому что законъ предуказывалъ мнѣ Христа; убѣжденный закономъ, пришелъ я ко Христу, и для закона я мертвъ; потому что не имъ уже управляюсь въ жизни, но послѣдую постановленіямъ Христовымъ."

Но кромѣ этого главнаго пониманія, они находятъ въ словахъ Апостола оттѣнки и другихъ мыслей. Такъ

говорятъ, что подъ закономъ, коимъ умеръ закону св. Павелъ, можно разумѣть законъ Евангельскій, какъ бы такъ: новый законъ пришелъ отъ Бога, повинуясь которому, я оставилъ законъ ветхій; или такъ: я былъ связанъ съ ветхимъ закономъ, какъ жена съ мужемъ, и не могъ оставить его; но пришелъ новый законъ и умертвилъ тотъ законъ ветхій, отъ котораго ставъ, чрезъ смерть его, свободнымъ, я сочетался съ новымъ закономъ, что позволяетъ мнѣ и самый законъ. — Такъ св. Златоустъ: „возможно, что онъ здѣсь говоритъ о законѣ благодати, потому что и благодать обыкновенно называетъ онъ закономъ, когда напримѣръ говоритъ: *законъ духа жизни о Христѣ Іисусѣ освободилъ мя есть* (Римл. 8, 2).“ Такъ блаженный Іеронимъ: „Кто умираетъ закону, тотъ жилъ ему прежде, соблюдая субботы, новомѣсячія, дни праздничные, жертвы. Когда же пришелъ Христосъ, и законъ ветхій умеръ чрезъ Евангельскій законъ, то душа, которая, по писанному, *живу сущу мужу прелюбодѣйца бываетъ, аще будетъ мужеви иному,*—по смерти мужа, т. е. ветхаго закона, свободна сочетаться (съ инымъ мужемъ) съ духовнымъ закономъ (вѣры во Христа), да плодъ принесетъ Богови (Римл. 7, 2—4).“

Св. Златоустъ сверхъ того находитъ возможнымъ видѣть у Апостола и такую мысль: законъ умертвилъ меня,—я и сталъ ему мертвъ; но Христосъ оживотворилъ меня мертваго,—я и живу Ему. „Мы можемъ, говоритъ онъ, и иначе понимать слова: *азъ закономъ закону умрохъ*. Если законъ повелѣваетъ исполнять все написанное въ немъ, и за неисполненіе наказываетъ (смертію), то мы всѣ умерли имъ, потому что никто не исполнилъ его. Но какъ бездушному и мертвому несвойственно повиноваться заповѣдямъ закона, такъ и мнѣ, умершему закономъ, потому что я умеръ силою слова его. Слѣд.

болѣе онъ не долженъ требовать повиновенія отъ умершаго, котораго и самъ онъ умертвилъ, — и смертію не только тѣлесною, но и душевною, чрезъ которую подвергъ и тѣлесной.—Поелику же онъ сказалъ: я умеръ, то, чтобы не сказали ему: какъ же ты живешь? онъ представилъ и причину жизни и показалъ, что законъ умертвилъ его живаго, а Христосъ, воспріявъ мертваго, оживотворилъ его чрезъ смерть Свою: въ чемъ показываетъ еще двоякое чудо—и тѣмъ, что Христосъ оживотворилъ его *мертваго*, и что оживотворилъ *чрезъ смерть.*"

Да Богови живъ буду, т.-е. чтобъ жить для Бога. Живетъ для Бога тотъ, кто всѣ мысли свои, желанія, чувства, слова, дѣла и всякіе труды посвящаетъ Богу, во славу Его, на угожденіе Ему, по святой волѣ Его.—И сущіе подъ закономъ жили для Бога, но только внѣшно; внутреннее же ихъ не Ему работало. При всемъ томъ они считались правыми, яко исполнившіе внѣшнія условія оправданія. Теперь же, говоритъ, я, благодатію Божіею возраждаясь въ Господѣ, и внутренно и внѣшно, всѣмъ существомъ къ Богу устремляюсь и живу Ему истинно, „т.-е. безсмертною и нестарѣющеюся жизнію" (Экум.).—*Или* такъ: прежде пришествія Господня, кто хотѣлъ жить Богу, тотъ долженъ былъ жить по закону Моvсееву; ибо такова была воля Божія. Теперь иначе: Богъ въ Господѣ Іисусѣ Христѣ учредилъ новый, лучшій и дѣйственнѣйшій образъ жизни по Богу. Почему кто хочетъ нынѣ жить Богу, то-есть вполнѣ по волѣ Его, истинно въ угодность Ему, тотъ долженъ бросить законъ и вѣровать въ Господа: ибо такова нынѣ воля Божія, чтобъ Богу жить не иначе, какъ во Христѣ и чрезъ Христа. Еслибъ я, говоритъ, оставилъ законъ, да и только, оставилъ, чтобъ только не стѣснять себя закономъ, то это было бы хуже, чѣмъ быть подъ закономъ. Но я оставилъ одинъ законъ, чтобъ

принять другой лучшій; я все въ той же области вращаюсь, въ которой царствуетъ воля Божія; оставилъ законъ, чтобъ жить Богу, какъ прежде, рабствуя закону, думалъ жить Богу. Но тогда не было во мнѣ истинной жизни; а теперь я сознаю ее во мнѣ и ею живу, съ увѣренностію, что, живя такъ, живу Богу.

Гдѣ же взялъ св. Павелъ сію новую жизнь? Въ сораспятіи Христу. *Христови*, говоритъ, *сраспяхся*. Этими словами показываетъ онъ, какъ, оставя законъ, онъ сталъ жить Богу. Онъ какъ бы говоритъ: не думайте, что оставить законъ было для меня легко. Нѣтъ. Это было то же что распятіе. Для чего распялся Христосъ? Для того, чтобъ исполнить волю Отца небеснаго, Который *тако возлюби міръ, яко и Сына Своего единороднаго предалъ есть, да всякъ вѣруяй въ Онь не погибнетъ, но имать животъ вѣчный*. Эту волю и я уразумѣлъ, и чтобъ ей послѣдовать, все принесъ въ жертву,— все, что такъ дорого было моему сердцу—наши религіозныя убѣжденія и любовь народа моего. Легко развѣ мнѣ было оставить то, къ чему съ дѣтства привыкъ, что такъ высоко цѣнилъ, и чѣмъ такъ дорожилъ?! Но уразумѣвши, что на то была воля Божія, я оторвалъ отъ сего сердце мое. Не видѣлъ развѣ я, что оставляя законъ навлеку ненависть народа моего, который люблю, и славу и благостояніе котораго считаю своими? Но я предалъ себя на всякія страданія отъ тѣхъ, кого люблю, чтобъ не погрѣшить противъ воли Отца нашего небеснаго, такъ явно открытой мнѣ въ Господѣ Іисусѣ Христѣ. Перемѣна моя была болѣзненна, какъ смерть. Больно было отстать отъ закона, страшно было возбудить опасности кругомъ и поставить себя въ состояніе ожиданія смерти на всякій часъ. Но я предалъ себя на болѣзни и смерть, прилѣпившись ко Христу вѣрою, и все упованіе спасенія моего на Него единаго возложив-

ши. Я былъ и есмь въ состояніи распятаго,—въ сораспятіи Христу.

Но въ этомъ еще не все. Сораспятіе Христу тутъ видно; но какъ отсюда истекла новая жизнь по Богу?! Для того, чтобъ началась новая жизнь, недостаточно было одной указанной нравственной перемѣны. Эта перемѣна — только приготовленіе къ новой жизни. Самая жизнь образуется рожденіемъ свыше, которое совершается въ крещеніи. Св. Златоустъ говоритъ: „Но какимъ образомъ, скажетъ кто, онъ сраспялся (Христу), когда былъ живъ и дышалъ? Что Христосъ былъ распятъ, это ясно; но какъ ты распялся и живешь?—Словами,— *Христови сраспяхся*, онъ указалъ на крещеніе.“—„Христу сраспялся я; ибо Ему спогребся я крещеніемъ“ (Өеодор.). „Духовно сраспялся я Ему, и умеръ съ Нимъ чрезъ крещеніе“ (Өеоф.). Какъ крещаемый въ смерть Христову погружается и изъ купели исходитъ въ обновленіи жизни, Апостолъ пространно изображаетъ въ посланіи къ Римлянамъ (—6, 1—13). Въ этотъ моментъ новаго рожденія душа ощущаетъ, и съ этого же момента постоянно начинаетъ ощущать, *что* она уже имѣетъ въ совершенствѣ все, чего ожидала и могла ожидать отъ закона, который потому оказывается не нужнымъ,—и *что* новая зародившаяся жизнь столько блаженна, что сравнительно съ нею всѣ жертвы ничто. Такимъ образомъ то, что во время обращенія ко Христу Господу причиняло смертную болѣзнь и грозило смертями, теперь исчезло: то мертвенное пожерто животомъ о Христѣ Іисусѣ Господѣ.

Ст. 20. *Живу же не ктому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ: а еже нынѣ живу во плоти, вѣрою живу Сына Божія, возлюбившаго мене и предавшаго Себе по мнѣ.*

Я умеръ, говоритъ, но не съ тѣмъ, чтобъ мертву быть, а чтобъ жить иною жизнію совершеннѣйшею.

Я сораспялся Христу; и Христосъ, живый и въ распятіи, жизнію Своею меня исполнилъ: сталъ жить во мнѣ. Теперь ужъ не я живу, но живетъ во мнѣ Христосъ. Это не нравственно только, въ томъ смыслѣ, что я Ему всецѣло преданъ, и все Ему посвящаю, — и мысли и чувства, и дѣла и слова, и внѣшнее мое все, какъ и внутреннее, — ничего для себя не загадываю, все для Него, — такъ что меня будто нѣтъ, а есть только Онъ во мнѣ, и угождать Ему единственная моя забота: но и самымъ дѣломъ, существенно, Онъ во мнѣ. Я сочетался Ему, а Онъ мнѣ. Я привился къ Нему, какъ дикая маслина, и Онъ исполнилъ меня Своею жизнію. Онъ во мнѣ вседѣйствуетъ, все направляя во славу Божію и спасеніе мое и другихъ. Отъ Него возбужденіе, отъ Него и сила. Это не такъ бываетъ, чтобы личность исчезала; но такъ, что душа сознательно и свободно предаетъ себя вседѣйствію Христову. И Онъ вседѣйствуетъ въ душѣ, по желанію, исканію и любовному воспріятію Его вседѣйствія; такъ что въ дѣлѣ выходитъ будто душа сама дѣйствуетъ. Ибо *прилѣпляяйся Господеви единъ духъ есть съ Господемъ* (1 Кор. 6, 17). Вѣрою вселяется Христосъ въ сердца (Еф. 3, 17), и исполняется то, что Онъ обѣтовалъ: „вы во Мнѣ и Азъ въ васъ" (Іоан, 15, 4). Отсюда, что ни дѣлаетъ вѣрующій, истинно цѣнное въ очахъ Божіихъ, не безъ Него дѣлаетъ (Іоан. 15, 5). Безъ Него такихъ дѣлъ никто и дѣлать не можетъ.

Экуменій пишетъ: „того ради живетъ во мнѣ Христосъ, что во мнѣ не бываетъ ничего Ему неблагоугоднаго. Или такъ: живетъ во мнѣ, воздѣйствуя, господствуя, всѣмъ бывая для меня." — Ту и другую сторону сего таинства жизни во Христѣ пространнѣе изображаетъ св. Златоустъ: „сказавъ: *живу не ктому азъ* — указалъ на послѣдующій за крещеніемъ образъ жизни, которымъ

умерщвляются уды. Что же значитъ: *живетъ во мнѣ Христосъ?* То, говоритъ, что я ничего не дѣлаю, что неугодно Христу. Ибо какъ подъ жизнію разумѣетъ онъ не общую жизнь, но грѣховную, такъ и подъ смертію разумѣетъ освобожденіе отъ грѣховъ. Ибо иначе невозможно жить для Бога, какъ умерши грѣху. Итакъ, какъ Христосъ умеръ тѣломъ, такъ и я умеръ грѣху. *Умертвите убо*, говоритъ, *уды ваша, яже на земли, блудъ, нечистоту, страсть* (Кол. 3, 5). Также: *ветхій нашъ человѣкъ съ нимъ распятся* (Рим. 6, 6), т.-е. въ купѣли крещенія.— Теперь если ты пребудешь мертвымъ грѣху, то будешь живъ и жить Богу; а если опять воскреснешь для грѣха, то потеряешь сію жизнь. Но Павелъ не таковъ: онъ чрезъ всю жизнь пребылъ мертвымъ грѣху. Смотри, какъ строга и чиста его жизнь, и преимущественно предъ другими удивляйся сей блаженной душѣ! Не сказалъ онъ: живу я, но: *живетъ во мнѣ Христосъ*. Кто дерзнетъ оспаривать истину сказаннаго? Хотя онъ всего себя предалъ Христу, отказался отъ всего временнаго и все дѣлалъ по Его волѣ, однакожъ не сказалъ: посему я живу для Христа, но, что гораздо важнѣе, *живетъ во мнѣ Христосъ*. Ибо какъ грѣхъ, когда возобладаетъ человѣкомъ, онъ уже и живетъ въ немъ, и управляетъ душею его по своему произволу: такъ когда по умерщвленіи его человѣкъ дѣлаетъ благоугодное Христу, такая жизнь его уже не есть жизнь человѣка, но живущаго въ немъ, т.-е. дѣйствующаго и управляющаго имъ Христа.“

А еже нынѣ живу во плоти... Это выводъ изъ предыдущаго. — Жить по плоти значитъ жить плотски, чувственно, въ похотяхъ; а жить во плоти значитъ жить въ тѣлѣ видимо для всѣхъ, въ этой жизни. Апостолъ обращаетъ вниманіе слушавшихъ его на то, какъ онъ себя держалъ или велъ себя видимо для всѣхъ, и говоритъ какъ бы: что если я видимо для всѣхъ держу

себя такъ и такъ, — т.-е. свободно отъ всѣхъ обязательствъ закона, ни жертвъ не приношу, ни омовеній не принимаю, не соблюдаю ни субботы, ни праздниковъ и самое обрѣзаніе вмѣняю ни во что — что живу я нынѣ такъ видимо, то это потому, что *вѣрою живу Сына Божія;* ни на что другое кромѣ Его не опираюсь, на Него возложилъ все упованіе спасенія, въ увѣренности непоколебимой, что Онъ и грѣхи мои проститъ, и жизнь мою исправитъ, и въ царство Свое вѣчное введетъ. Этою вѣрою живу; она составляетъ весь строй моей внутренней жизни. Жертвы законныя и всѣ предписанія закона имѣли цѣну потому, что прообразовали Христа — Сына Божія. Теперь же, когда пришелъ Сынъ Божій и предалъ Себя за насъ, всѣ чины ветхозавѣтные потеряли свое значеніе. Намъ надлежитъ бросить законъ и прилѣпиться ко Христу вѣрою: что я и дѣлаю. Все вмѣнилъ въ уметы, да Христа пріобрящу, — и живу единою вѣрою въ Него. Сынъ Божій, возлюбившій насъ, пришелъ на землю и предалъ Себя за насъ, и сталъ Ходатаемъ нашимъ и Умилостивителемъ правды Божіей, и Подателемъ благодати Божіей, дающей намъ новую жизнь. Это я принимаю и усвояю себѣ вѣрою, и другаго ничего знать не хочу. Вотъ почему я живу такъ, какъ вы видите меня живущимъ, т.-е., въ совершенномъ отрѣшеніи отъ закона! — Тутъ, по замѣчанію св. Златоуста, заключается сильный укоръ тѣмъ, къ кому была обращена рѣчь Павлова. Онъ какъ бы говоритъ каждому изъ нихъ: „Христосъ столько возлюбилъ тебя, что предалъ Себя Самого; и когда ты не имѣлъ надежды ко спасенію, привелъ тебя къ столь великой и столь высокой жизни; а ты, получивши такія блага, опять обращаешься къ ветхому.“

Св. Златоустъ при этомъ еще особое обращаетъ вниманіе на то, почему св. Павелъ совершенное Господомъ

спасеніе всѣхъ усвояетъ себѣ одному. „Что ты дѣлаешь. Павле? Почему общее всѣмъ присвояешь себѣ и относишь къ одному себѣ то, что сдѣлано за всѣхъ людей? Ибо ты не сказалъ: возлюбившаго насъ, но: *возлюбившаго мене*. А Евангелистъ говоритъ: *тако возлюби Богъ міръ* (Іоан. 3, 16); и ты самъ въ другомъ мѣстѣ говоришь: *иже убо Своего Сына не пощадѣ, но предалъ есть Его* — не за тебя, но *за насъ всѣхъ* (Римл. 8, 32). Почему же онъ такъ говоритъ здѣсь? Онъ представилъ себѣ всю безнадежность человѣческаго естества и неизреченное попеченіе о насъ Іисуса Христа, и отъ чего Онъ освободилъ насъ, и что даровалъ намъ. и представивъ все сіе, весь объятъ былъ пламенемъ любви къ Нему; потому и говоритъ такъ. Ибо и пророки общаго всѣмъ Бога часто называютъ своимъ, говоря такъ: *Боже, Боже мой! къ Тебѣ утренюю* (Пс. 62, 2). Кромѣ того онъ показалъ симъ, что каждый изъ насъ столь же справедливою благодарностію обязанъ Христу, какою былъ бы обязанъ и тогда, когда бы Онъ пришелъ для него одного. Ибо онъ не отказался бы принять на себя такое ходатайство и за одного; потому что и каждаго человѣка отдѣльно любитъ столько же, сколько и весь міръ. Притомъ же, хотя жертва принесена была за всѣхъ, и достаточна была ко спасенію всѣхъ; однако воспользовались благодѣяніемъ ея одни увѣровавшіе.“

Ст. 21. *Не отметаю благодати Божія: аще бо закономъ правда, убо Христосъ туне умре.*

„Отметать, значитъ не вѣровать, уничижать, охуждать“ (Экум.). Апостолъ говоритъ какъ бы: не могу иначе; ибо еслибъ я держался еще закона, то отметалъ бы, уничижалъ и охуждалъ благодать. Или такъ: Самъ Господь такъ милостиво приближается ко мнѣ, ради единой вѣры, даруя мнѣ и прощеніе грѣховъ, и внутреннее обновленіе: какъ могу я отметать эту благодать, и еще продол-

жать вязать себя узами закона? Св. Дамаскинъ говоритъ: „благодатію, говоритъ, я сталъ свободенъ. Почему возвращеніемъ опять къ закону не навлеку укора на благодать, какъ будто она не сильна животворить.“ „Ибо (по пришествіи благодати) продолжающій жить по закону безчеститъ благодать, какъ недостаточную для спасенія“ (Θеод.). По Амвросіасту св. Павелъ какъ бы такъ говоритъ здѣсь: „не могу оказаться неблагодарнымъ благодати Божіей и не пребывать непоколебимо въ вѣрѣ въ Господа Іисуса Христа, зная, что никѣмъ такъ я не благодѣтельствованъ какъ Имъ, и что если я сравню съ Нимъ другаго (законъ), отъ котораго никакой не получилъ помощи, то этимъ окажу презрѣніе къ Нему.“

Аще бо закономъ правда — δικαιοσύνη — праведность, богоугодная, спасительная жизнь,— *убо Христосъ туне умре*. Еслибъ законъ доставлялъ и прощеніе грѣховъ, и внутреннюю правоту и освященіе, то Христу не для чего было умирать. Онъ затѣмъ и умеръ, чтобъ доставить намъ сіи два существенныя блага—прощеніе грѣховъ и освящающую благодать, которыхъ кромѣ Его никто другой доставить не могъ, и безъ которыхъ нѣтъ намъ спасенія. Ибо пока мы подъ грѣхомъ, не прощены, нѣтъ намъ приступа къ Богу. Но еслибъ и были прощены, а внутренно не обновлены и не получили силъ на хожденіе въ волѣ Божіей неуклонное, то все оставались бы непотребными предъ Богомъ. Господь Спаситель умеръ за насъ, и грѣхи наши пригвоздилъ ко кресту. Потомъ вознесшись на небо, Св. Духа ниспослалъ отъ Отца. Почему вѣрующимъ въ Него подаетъ и прощеніе грѣховъ, и спасительную благодать Св. Духа. Безъ этихъ двухъ нѣтъ намъ спасенія. Слѣдственно Христосъ, доставившій ихъ намъ, не напрасно умеръ. Но еслибъ сіи блага доставлялъ законъ, то Христу не для чего было бы умирать, когда уже все нужное для спасенія доставляетъ законъ.

Апостолъ впрочемъ высказываетъ здѣсь только общее положеніе; выводъ же изъ него предоставляетъ сдѣлать каждому самому, ради его крайней очевидности. Именно: но Христосъ не туне умеръ, никакъ нельзя сказать, что Христосъ напрасно умеръ; слѣдовательно не закономъ правда.

Св. Златоустъ говоритъ при сихъ словахъ св. Павла: „какой еще грѣхъ больше сего, какія еще слова сильнѣе сихъ къ обличенію? Ибо если Христосъ умеръ, то очевидно потому, что законъ не силенъ оправдать насъ; если же законъ оправдываетъ, то Христосъ умеръ напрасно. Но не безразсудно ли будетъ называть безполезнымъ и напраснымъ сіе, столь страшное и превышающее умъ человѣческій дѣло, сіе неизреченное таинство, котораго съ нетерпѣніемъ ожидали патріархи, которое предсказывали Пророки, и на которое Ангелы взирая ужасались,—дѣло, которое по справедливости отъ всѣхъ должно быть признаваемо за главную причину Божія промышленія о насъ?—Такимъ образомъ Апостолъ представляетъ, какъ крайнюю степень глупости и нелѣпости, столь великое и важное дѣло почитать напраснымъ."

„Очень сильно слово сіе, пишетъ блаж. Іеронимъ, противъ тѣхъ, которые послѣ вѣры во Христа думаютъ, что надо соблюдать предписанія закона. Если закономъ правда, то Христосъ напрасно умеръ. Или пусть покажутъ, какъ Христосъ не напрасно умеръ, если дѣла закона оправдываютъ; но какъ бы ни были они глупы, не посмѣютъ сказать, что Христосъ даромъ умеръ.— Посему мы должны дополнить здѣсь рѣчь слѣдующимъ наведеніемъ: но Христосъ не туне умеръ,—и заключить: слѣдовательно не закономъ правда."

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ВѢРОУЧИТЕЛЬНАЯ.

(3 — 5, 12).

Въ первой части св. Павелъ себя очистилъ отъ нѣкоторыхъ нареканій и возстановилъ свое Апостольское достоинство. Расположивъ же такимъ образомъ Галатовъ снова внимать съ покорностію слову своему, начинаетъ вразумлять ихъ, какую большую ошибку сдѣлали они, склоняясь къ закону. „Выше онъ показываетъ только, что онъ сдѣлался Апостоломъ не отъ человѣковъ и не чрезъ человѣковъ, и что не имѣлъ нужды въ наученіи отъ Апостоловъ; а здѣсь послѣ того, какъ представилъ себя достойнымъ довѣрія учителемъ, уже со властію бесѣдуетъ, сравнивая между собою законъ и вѣру" (Св. Златоустъ).

Предметъ раскрываемый здѣсь Апостоломъ есть ненужность закона для Галатовъ, какъ язычниковъ. И впереди рѣчь хотя шла все къ Іудеямъ, но она такого рода, что на всемъ протяженіи своемъ давала Галатамъ самые вразумительные уроки. Общее впечатлѣніе отъ ней исходило такое: если Іудеи должны оставить законъ, который для нихъ и данъ; то намъ-то зачѣмъ себя вязать имъ? За эту мысль и берется теперь св. Павелъ, доказываетъ ее, оправдываетъ отъ возраженій и прилагаетъ къ Галатамъ убѣжденіемъ.

Въ ходѣ мыслей св. Павла такой порядокъ. Сначала

А. Доказываетъ онъ, что для Галатовъ, какъ язычниковъ, законъ не нуженъ.

1) Первое доказательство беретъ онъ изъ полученія Галатами Св. Духа безъ участія въ семъ закона (3, 1—5).

2) Второе изъ указанія на законъ Божескаго о родѣ человѣческомъ Промышленія, по которому положено изъ начала, чтобъ язычники вступили въ Божіе достояніе путемъ вѣры Авраамовой, какъ и обѣтовано было Аврааму (3, 6—14).

Б. Потомъ опровергаетъ возраженія (3, 15 — 29). Мысль о значеніи вѣры Авраамовой могла быть колеблема недоумѣніями и подрывать силу доказательства.

1) Пусть обѣтованіе дано вѣрѣ Авраамовой, но послѣ пришелъ законъ и измѣнилъ условія. До закона была въ силѣ вѣра, а по законѣ законъ сталъ условіемъ полученія обѣтованія. Нѣтъ, говоритъ Апостолъ, законъ не отмѣнилъ силы обѣтованія за вѣру (3, 15—18).

2) Но если такъ, то зачѣмъ законъ?—Онъ приготовитель ко Христу. Почему, когда пришелъ Христосъ Господь, долженъ престать. Теперь и мы (Іудеи), и вы—одно (3, 19—29).

В. Наконецъ убѣждаетъ Галатянъ возвратиться къ истинѣ, склоняя къ покорности ей разными представленіями, какія обычно всѣми употребляются на это дѣло (4, 1—5, 12).

Главная цѣль у св. Апостола не та, чтобъ показать, что праведность не отъ закона, а что законъ не нуженъ для язычниковъ, что имъ дорога ко Христу Господу открыта помимо закона. Все теченіе рѣчи къ этому и направлено. Законъ только для Іудеевъ, и то на время. Кончилось то время,—и для нихъ онъ сталъ ненуженъ, и для нихъ тотъ же путь ко Господу—путь вѣры исключительно. Въ этомъ и они, и язычники—равны.

А.

Доказательства ненужности закона Іудейскаго для Галатовъ, какъ язычниковъ.

1.

Первое—изъ полученія ими Св. Духа помимо закона. 3, 1—5.

Отличительное преимущество христіанства, ставящее его выше всѣхъ другихъ вѣръ и исключительно выставляющее истинною вѣрою, есть дарованіе благодати возрожденія и другихъ даровъ Св. Духа. Не одна высота боговѣдѣнія и чистота нравственныхъ законовъ отличаетъ его; но что въ немъ ради вѣры въ Господа чрезъ таинства дается благодать Св. Духа, дѣлающая человѣка новою тварію: чего никакая вѣра, кромѣ истинно-христіанской, не даетъ и дать не можетъ.

Откровеніе христіанское теперь есть на всѣхъ почти языкахъ. Всякій любознательный можетъ вычитать и усвоить себѣ содержащіяся въ немъ понятія; но все онъ не будетъ христіанинъ, пока не получитъ благодати Св. Духа извѣстнымъ, Богоучрежденнымъ путемъ. Возможно составиться цѣлому обществу такихъ вѣдцевъ Евангелія, и имя даже себѣ присвоить евангеликовъ, но быть безблагодатными, и слѣдовательно, христіанами только по имени.

И вотъ предметъ, который во всѣхъ своихъ посланіяхъ преимущественно разъясняетъ св. Павелъ. Несправедливо говорятъ, что у Апостола Павла главное—противопоставленіе вѣры дѣламъ. Нѣтъ, главное у него—проповѣдь о благодати Св. Духа, безъ коей нѣтъ спасенія; все же прочее—средства къ сему.

И въ посланіи къ Галатамъ не разъ онъ обращается къ сему предмету. Его ставитъ онъ и во главу истинъ, коими хочетъ вразумить Галатовъ. Онъ не доказываетъ, что безъ Духа Святаго все ничто. Это считается доказаннымъ и всѣми признаннымъ. А спрашиваетъ: благодать Св. Духа какъ вы получили?—Закономъ?—Нѣтъ.—Такъ на что же вамъ законъ?—Короткая рѣчь,—въ конецъ однакоже разоряющая все іудейство.

Ст. 1. *О несмысленніи Галате, кто вы прельстилъ есть не покоритися истинѣ?—Имже предъ очима Іисусъ Христосъ преднаписанъ бысть, въ васъ распятъ.*

Воззваніе выражаетъ и скорбь, и негодованіе любви, и изумленіе. Оно само собою могло вырваться послѣ предыдущаго разсужденія о силѣ вѣры во Христа Іисуса Господа и о томъ, какое великое совершенство и блаженство подается тѣмъ, кои живутъ во Христѣ и Христа имѣютъ въ себѣ живущимъ. Переходя послѣ сего мыслію отъ себя къ Галатамъ, Апостолъ съ изумленіемъ и съ жалѣніемъ говоритъ: о неразумные! Вѣдь это же все и у васъ было, какъ же вы допустили обмануть себя? „Замѣть, говоритъ св. Златоустъ, что онъ не въ началѣ (посланія) употребилъ такую строгость, но послѣ обличеній и доказательствъ, дабы они сію укоризну приняли не какъ отъ него, но какъ необходимое слѣдствіе изъ предшествующихъ разсужденій. Ибо онъ доказалъ напередъ, что они отметаютъ вѣру и смерть Христову почитаютъ излишнею; потомъ уже дѣлаетъ сію укоризну впрочемъ еще малую и легкую; ибо они достойны были еще строжайшихъ укоризнъ.“

Блаженный Іеронимъ неосмотрительность относитъ къ природнымъ свойствамъ Галатовъ. „Критяне, говоритъ, лживы, Далматы—жестокосерды. Фригійцы—боязливы, Греки—тщеславны и легкомысленны, а Галаты неразсудительны. Лишь мало что покажется вѣроятнымъ, они,

не обдумавши какъ слѣдуетъ, бросаются на то.“ Настоящій опытъ оправдываетъ такое мнѣніе. Съ какимъ увлеченіемъ приняли они проповѣдь о Христѣ Спасителѣ?!—И вдругъ обратились къ Нему спиною.

Но въ св. Апостолѣ нельзя видѣть негодованіе презрѣнія и отвращенія, а негодованіе любви и ревнованія объ ихъ спасеніи,—плачъ отеческаго о нихъ сожалѣнія, голосъ напряженнаго желанія возвесть ихъ поскорѣе къ самоисправленію. Такъ дѣлаютъ родители, желая исправить дѣтей своихъ.

Эта отеческая нѣжность слышится въ вопросѣ: *кто вы прельстилъ?* Не говоритъ прямо: зачѣмъ вы такъ сдѣлали? Но обращается къ стороннимъ лицамъ, которыя злодѣйски съ ними поступили. Этимъ онъ смягчаетъ отеческій укоръ, приписывая ихъ уклоненіе отъ истины не столько ихъ произволу, сколько увлекательному обману лжеучителей. Таково слово отца, полнаго любви, который и выговоръ дѣлаетъ, и въ самый выговоръ вставляетъ рѣченія извиняющія нѣкоторымъ образомъ виновнаго, чтобы не уколоть, а уврачевать и воодушевить возвратиться къ истинѣ, указывая въ уклоненіи отъ ней дѣйствіе вражества злонамѣренныхъ людей. Почему и глаголъ такой употребилъ: кто *прельстилъ?* Прельстить значитъ сдѣлать, что другіе начинаютъ видѣть вещи не въ своемъ видѣ, видѣть то, чего нѣтъ, и не видѣть того, что всѣ видятъ.

Греческое слово,—ἐβάσκανε, отъ βασκαίνω—значитъ взглянуть на что завистливымъ, недоброжелательнымъ окомъ, съ желаніемъ вреда, а далѣе, глазомъ повредить, или, какъ обычно говорятъ, сглазить. Апостолъ будто выразить хотѣлъ: такъ непонятно ваше измѣненіе, что я готовъ приписать его какому-нибудь очарованію. Конечно, такой мысли не было у Апостола. Онъ хотѣлъ только смягчить укоръ, указывая, что совращеніе ихъ

зависитъ болѣе отъ козней и хитрости совратителей, чѣмъ отъ нихъ. Позавидовали вашему доброму успѣху въ христіанствѣ и устроили вамъ такія ковы, что вы совратились и лишаетесь того, что въ такомъ обиліи стяжали.

Блаженный Іеронимъ нѣсколько останавливается на сказанномъ значеніи. „Прельстилъ, говоритъ, очаровалъ, сглазилъ. Надобно однакожъ истолковывать слова сіи достойно Апостола. Не потому онъ такъ сказалъ, чтобы признавалъ чары чѣмъ-либо, но употребилъ ходячее выраженіе. Говорятъ, что глазъ завистника вредитъ тому, кому онъ завидуетъ, особенно дѣтямъ. Такъ ли это или нѣтъ,—Богъ знаетъ. Можетъ быть демоны подслуживаютъ сему грѣху.—Но что очевидно для насъ, это то, что Апостолъ взялъ слово изъ народной ходячей рѣчи, чтобы показать, что какъ, по обычной поговоркѣ, нѣжнымъ дѣтямъ вредитъ сглазеніе: такъ Галаты, недавно вновь рожденные вѣрою во Христа, и еще млекомъ питаемые, а не брашномъ, какъ бы сглазенные кѣмъ, потерпѣли вредъ.“

Но восточные св. толковники разумѣютъ здѣсь прямо зависть. Св. Златоустъ говоритъ: „сказавши: ἐβάσκανε, позавидовалъ,—Апостолъ соединяетъ съ укоризною и похвалу. Симъ онъ показываетъ, что первые дѣла и поступки ихъ были достойны зависти, и что случившееся съ ними произошло хитростію діавола, сильно досадовавшаго на ихъ благосостояніе. Когда же слышишь здѣсь слово—*завистливое око*, равно какъ въ Евангеліи,—*лукавое око* (Матѳ. 20, 15), которое тоже означаетъ, то не подумай, что одно устремленіе глазъ можетъ вредить тѣмъ, на которыхъ смотримъ. Но какъ въ Евангеліи Христосъ Господь такъ назвалъ зависть, такъ и здѣсь Апостолъ разумѣетъ позавидовавшихъ; дѣло же зависти—вредить. И это говоритъ онъ не потому, что-

бы зависть сама по себѣ имѣла силу вредить, но что совратившіе ихъ сдѣлали сіе по зависти.“

Въ томъ же смыслѣ пишетъ и блаженный Ѳеодоритъ: „Упрекъ соединяетъ съ похвалою. Ибо завидуютъ богатому, а не бѣдному, благоденствующимъ, а не злосчастнымъ. Почему Апостольское слово даетъ видѣть прежнюю ихъ ревность по благочестію; показываетъ же и отеческую любовь въ Апостолѣ; потому что сѣтуетъ о нихъ, какъ объ утратившихъ собранное богатство. Какой завистливый и зложелательный демонъ, говоритъ Апостолъ, похитилъ досточудное ваше богатство?“

Не покоритися истинѣ. Они уже покорились, но неустояли. Греческое слово: πείθεσθαι—значитъ и убѣждаться, и стоять на своемъ упорно. Изумленіе свое выражаетъ Апостолъ, какъ сдѣлалось, что они не устояли въ однажды принятомъ убѣжденіи, не пребыли покорными истинѣ Евангельской, имъ преданной, но оставя ее, поддались лживымъ увѣреніямъ невѣдающихъ истины учителей, тогда какъ такъ ясно представлено имъ было дѣло спасенія крестомъ и такъ живо было ими воспринято.

Имже предъ очима Христосъ преднаписанъ бысть, въ васъ распятъ. „Преднаписанъ писаломъ проповѣди. Проповѣдь живописала вамъ крестъ; вы же очами вѣры видѣли его, какъ присущаго“ (Экум.). Обоюдное дѣйствіе выражаетъ—и то, какъ сильна была проповѣдь и то, какъ живо они усвоили силу ея. Вѣра возвела ихъ въ созерцаніе умомъ Господа распятаго и совершеннаго имъ дѣла спасенія. Слово: *въ васъ* значитъ *или* среди васъ,—какъ бы Господь среди васъ былъ распятъ и всякій изъ васъ видѣлъ Его распятымъ предъ очами; или *въ васъ*—въ сердцахъ вашихъ, въ чувствѣ, въ той мысли, что они вошли въ сочувствіе страданіямъ Господа и сердцами спострадали Ему. Сила рѣчи вотъ въ чемъ: слѣдовательно, вы разумѣли силу смерти Господа,

познали, что это есть жертва умилостивленія о грѣхахъ всего міра, слѣдственно и вашихъ. Тогда и на мысль вамъ не приходили жертвы законныя. Какъ же сдѣлалось, что вы теперь на нихъ опираться хотите?

Крестная смерть Господа есть средоточіе въ экономіи нашего спасенія, и опора всѣхъ надеждъ спасаемыхъ. Отсюда уклоненіе отъ вѣры, или жизни по вѣрѣ, всегда есть слѣдствіе невниманія къ крестной смерти Господа и недолжнаго къ ней отношенія. Но у Галатовъ былъ грѣхъ прямо противъ сей смерти; ибо, принимая законъ, они уничижили цѣну ея. Отсюда очень важный для всякаго урокъ: не вѣрою только, но и мыслію не отклоняться отъ креста: созерцай всегда Господа распятаго и тѣмъ питай вѣру свою и ревность о жизни по вѣрѣ.

Св. Златоустъ такъ изображаетъ смыслъ сихъ словъ: *имже предъ очима*...—„Но не въ Галатійской странѣ Онъ распятъ былъ, а въ Іерусалимѣ. Почему же говоритъ—*въ васъ*? Симъ онъ указываетъ на силу вѣры, которая и отдаленное можетъ видѣть. Потому и не сказалъ: распятъ, но *преднаписанъ былъ* распятымъ, показывая симъ, что они очами вѣры видѣли происшествія лучше, нежели нѣкоторые изъ видѣвшихъ оныя тѣлесными глазами. Ибо многіе изъ тѣхъ, видѣвши оныя своими глазами, не получили никакой пользы; а сіи, хотя не видѣли ихъ своими глазами, но силою вѣры еще яснѣе увидѣли оныя. Говоря сіе, онъ и укоряетъ ихъ, и вмѣстѣ хвалитъ. Хвалитъ за то, что они все повѣствуемое о Христѣ приняли съ полною увѣренностію въ истинѣ; а укоряетъ за то, что оставили Того, Котораго видѣли обнаженнымъ за нихъ, привязаннымъ къ столпу, пригвожденнымъ ко кресту, оплеваннымъ, поругаемымъ, напаяемымъ оцтомъ, поносимымъ отъ разбойника, прободаемымъ (ибо все это обнялъ онъ словами: *преднаписанъ бысть въ васъ распятъ)*, и, оставивъ Его, обра-

тились къ закону, нисколько не устыдившись оныхъ страданій Его.—Ты же замѣть, какъ онъ, оставивъ небо, землю, море и все прочее, проповѣдывалъ силу Христову, обнося повсюду одинъ крестъ Христовъ; ибо это есть верхъ промышленія Господня о насъ.“

Если отвлеченно отъ Галатовъ взять слово—*преднаписанъ*,—то для насъ, христіанъ, Христосъ преднаписанъ въ Ветхомъ Завѣтѣ. Эту мысль высказалъ блаженный Іеронимъ. „И для насъ, говоритъ, Христосъ преднаписанъ; потому что о Его страданіяхъ, оплеваніяхъ и заушеніяхъ предсказываетъ весь хоръ Пророковъ, такъ что о крестѣ Его мы узнаемъ не изъ Евангелія только, которое о распятіи Его повѣствуетъ, но и изъ того, что написано въ Божественномъ Писаніи прежде, чѣмъ Онъ благоволилъ снизойти на землю и воспріять человѣка, чтобы распяться въ немъ.“

Ст. 2. *Сіе едино хощу увѣдѣти отъ васъ, отъ дѣлъ ли закона Духа пріясте, или отъ слуха вѣры.*

Апостолъ прямо приступаетъ къ дѣлу и однимъ вопросомъ рѣшаетъ споръ. Онъ выставляетъ такое положеніе безспорное: ради чего данъ Св. Духъ, того исключительно и держаться должно. Если ради дѣлъ закона Онъ данъ, то дѣлъ закона и держаться должно, а если ради вѣры, то вѣры. Въ основѣ же сего положенія лежитъ другое,—что главное для насъ благо—пріятіе Духа Святаго. На какой сторонѣ Духъ Святый, тамъ и намъ надлежитъ стоять.

Рѣшенія вопросу никакого не предлагается; ибо оно само собою очевидно. Это вопросъ саморѣшенный. Всѣ знали, видѣли и чувствовали, что пріяли Св. Духа; и всѣ также знали, что пріяли Его помимо закона чрезъ посредство одной вѣры; и всѣ также были убѣждены, что главное въ дѣлѣ спасенія—благодать Св. Духа. Во-

просъ все это приводилъ на память и вызывалъ рѣшеніе, котораго и желалъ Апостолъ.

Сіе едино хощу увѣдѣти. „Не завожу рѣчь издалека и не излагаю пространныхъ доводовъ: можетъ быть вы не захотите все это прослѣдить. Не представляю вамъ всего величія экономіи нашего спасенія: можетъ быть вы не захотите углубиться въ созерцаніе сего. Совмѣщу все въ краткомъ и простомъ вопросѣ“ (Θеофил.).

„Есть много вопросовъ, которыми я могъ бы васъ побудить предпочесть Евангеліе закону; но какъ вы немощны слухомъ, то я говорю съ вами простою рѣчью и спрашиваю о томъ, что для всѣхъ очевидно“ (Іерон.).

Отъ дѣлъ ли закона Духа пріясте? Подъ дѣлами закона разумѣются здѣсь церковные ветхозавѣтные чины богослуженія и богопочтенія. „Должно обратить вниманіе на то, что Апостолъ не просто сказалъ: *отъ дѣлъ*, но съ прибавленіемъ: *отъ дѣлъ закона*. Ибо знаемъ, что Корнилій сотникъ пріялъ Духа не безъ дѣлъ (разумѣетъ—молитвы и милостыни, взошедшія предъ Бога), но не отъ дѣлъ закона, котораго не зналъ“ (Іерон.).

„Надобно знать, пишетъ блаженный Августинъ, что дѣлъ закона есть два рода: священнодѣйствія и таинства, и нравственныя дѣянія. Къ священнодѣйствіямъ относятся обрѣзаніе, суббота, новомѣсячія, жертвы и всѣ подобнаго рода безчисленные церковные чины. Къ нравственнымъ дѣяніямъ: не убій, не прелюбы сотвори, не лжесвидѣтельствуй (Исх. 20, 13—16). Здѣсь Апостолъ говоритъ о священнодѣйствіяхъ.“

Подъ Духомъ разумѣется не одно внутреннее возрожденіе и освященіе, но особенно видимые дары Св. Духа. Ибо Апостолъ хотѣлъ указать на нѣчто очевидное и осязательное. Возрожденіе и освященіе нравственное хотя не могли не быть сознаваемы и чувствуемы, но они не такъ очевидны и осязательны. Св. Златоустъ гово-

ритъ: „выше онъ вразумлялъ ихъ бесѣдою, обращенною къ Петру; а теперь къ нимъ обращаетъ рѣчь свою, и все служащее къ ихъ убѣжденію заимствуетъ изъ того, что съ ними случилось; и не изъ тѣхъ только дарованій, кои у нихъ были общія съ другими, но и изъ тѣхъ, которыя имъ именно сообщены, убѣждаетъ и увѣряетъ ихъ. Вы, говоритъ, получили Св. Духа, творили многія чудеса, совершали знаменія, воскрешая мертвыхъ, очищая прокаженныхъ, пророчествуя и говоря разными языками. Законъ ли далъ вамъ такую силу?" —„Въ то время сподобившіеся духовной благодати и разными языками говорили, и пророчествовали, и творили чудеса. Посему Апостолъ сказалъ здѣсь слѣдующее: законъ ли далъ вамъ дѣйственность Духа Божественнаго, или одна вѣра въ Господа?" (Θеодоритъ).

Или отъ слуха вѣры. Слухъ вѣры—и услышаніе Евангельской проповѣди, и послушаніе ей, покореніе разума вѣрѣ, принятіе Евангелія.—Ничего, говоритъ, законнаго вы не исполняли; между тѣмъ, какъ только услышали слово о вѣрѣ и покорились ему, приняли его сердцемъ и прилѣпились къ Господу, —тотчасъ и благодать получили въ крещеніи и рукъ-возложеніи. Не одно услышаніе Евангелія привлекло къ нимъ такую милость Божію, но то, что услышавши, покорились ему, —что увѣровавши, что спасеніе во Христѣ, прилѣпились къ Нему и крестились. Пришелъ, говоритъ, я къ вамъ, предложилъ вамъ слово; вы увѣровали, крестились, —и се благодать Духа. Никакихъ дѣлъ закона вы не дѣлали, ни обрѣзанія, ни жертвъ, ни омовеній, ни субботъ, не знали. Одна вѣра даровала вамъ сіе. Посудите же сами, „не крайняго ли безумія дѣло—оставить вѣру, толикія блага вамъ даровавшую, и обратиться къ закону, который ничего подобнаго не далъ вамъ?" (Св. Злат.).

Ст. 3. *Тако ли несмысленни есте, начение духомъ, нынѣ плотію скончаваете?*

Сдѣлавъ вопросъ, Апостолъ не даетъ ему рѣшенія. Рѣшеніе ему тотчасъ само собою отзывалось въ мысли: нѣтъ, не дѣлами закона получили мы Духа, а вѣрою. Апостолъ беретъ это рѣшеніе и дѣлаетъ изъ него выводъ: итакъ вы, начавши духомъ, нынѣ плотію скончаваете. Что можетъ быть несмысленнѣе этого? Какъ дошли вы до такого несмыслія?

„Благодать назвалъ духомъ, а жизнь подзаконную плотію; потому что въ законѣ все преимущественно касалось тѣла: къ тѣлу относились и обрѣзаніе, и храненіе субботы, и кропленія, и все тому подобное" (Θеодор.). „Опять благовременно укоряетъ ихъ. Надлежало бы вамъ, говоритъ, съ теченіемъ времени умножить свое преспѣяніе въ вѣрѣ; а вы не только ничего не прибавили, но еще возвратились назадъ. Другіе, начиная съ малаго и преуспѣвая мало-по-малу, наконецъ восходятъ къ великому; а вы, начавши съ великаго, перешли къ противному. Еслибы вы и съ плотскаго начали, то и тогда надлежало бы вамъ возвыситься до духовнаго; а вы и съ духовнаго начавши, возвратились къ плотскому. Творить знаменія есть дѣло духовное, а обрѣзываться— плотское. А вы отъ знаменій перешли къ обрѣзанію; осязавши истину, обратились къ образамъ, при свѣтѣ солнечномъ ищете свѣтильника, послѣ твердой пищи обращаетесь къ молоку. И не сказалъ онъ: плотію продолжаете, но *плотію скончаваете* (ἐπιτελεῖσθε — можно, скончаваемы есте.—васъ кончаютъ, умерщвляютъ, или заканчиваютъ, завершаютъ), показывая, что лжеучители, уловивши ихъ, умертвили, какъ безсловесныхъ животныхъ, а они сами добровольно согласились терпѣть все, что угодно было тѣмъ;—подобно тому, какъ еслибы какой полководецъ и вмѣстѣ храбрый воинъ, стяжав-

шій уже многочисленные трофеи и побѣды, попавъ въ руки мятежниковъ, дозволилъ имъ безъ всякаго сопротивленія заклеймить свое тѣло“ (Св. Злат.).

Плотію скончаваете,—завершаете. Получивъ Духа, вы внутренно приняли духовное благонастроеніе; нравственно-религіозное зданіе въ себѣ начали духомъ, и сколько нибудь возвели уже его. Сколько ни возвели, все то духовно. Теперь поверхъ того начинаете надстраивать плотское. Верхняя эта часть не отвѣчаетъ нижней, и все зданіе становится никуда негоднымъ. Ни одинъ смысленный хозяинъ такъ не дѣлаетъ.

Ошибка ихъ не въ томъ, что нѣчто плотское дѣлали въ дѣлѣ спасенія и Богоугожденія. Безъ этого человѣку нельзя обойтись. Но въ томъ, что они это плотское сочли условіемъ спасенія, и тѣмъ портили все дѣло. Этою чертою укоръ и ко всѣмъ намъ можетъ относиться. Мы всѣ начинаемъ Духомъ, получая возрожденіе въ купели крещенія. Въ церкви Божіей положено возгрѣвать сей духъ благодати всѣми чинопослѣдованіями церковными, особенно же дѣломъ говѣнія съ достодолжною исповѣдію и причащеніемъ Св. Таинъ. Но все это имѣетъ и внутреннюю и внѣшнюю сторону, и послѣдняя есть выраженіе первой; и потолику цѣну имѣетъ, поколику проникается ею. Положимъ, что кто-либо остановился на одной этой внѣшней сторонѣ, тогда о немъ можно сказать: начавши духомъ, ты плотію скончаваешь.

Плоть здѣсь не имѣетъ значенія грѣха; но внѣ контекста мѣсто сіе можно относить и къ тѣмъ, кои послѣ доброй жизни поблажили недоброй; къ тѣмъ, кои получивъ духовную жизнь въ крещеніи, и не вспомнятъ о томъ, чего она требуетъ, во всю жизнь свою, а живутъ, по требованіямъ плоти и плотскихъ помышленій; равно и къ тѣмъ, кои опомнившись, въ покаяніи обратившись къ Господу, въ св. причащеніи пріискренно съ Нимъ

соединившись, и сколько-нибудь потрудившись въ хожденіи путемъ заповѣдей, опять разслабли и охладѣвъ къ Господу обратились къ дѣламъ самоугодія и человѣкоугодія. И такіе всѣ, начавши духомъ, плотію скончаваютъ.

Но это суть только приложенія сего мѣста, прямая же мысль его та, что Галаты начавши вѣрою, даровавшею имъ благодать Св. Духа, теперь обратились къ плотскимъ оправданіямъ, которыя даютъ только внѣшнюю чистоту безъ внутренняго освященія.

Ст. 4. *Толика пострадасте тунеѯ аще точію и туне.*

Вопросъ за вопросомъ ставитъ св. Павелъ; и хотя оставляетъ ихъ безъ отвѣта, но отвѣты сіи сами собою отзывались въ головѣ читавшихъ, и все больше и больше тѣснили ихъ, приводя къ сознанію, какъ неразумно поступили они, склоняясь къ закону. Впереди поминалъ о благодатныхъ дарахъ, о томъ, что въ духѣ ихъ произвела вѣра; теперь останавливаетъ вниманіе на внѣшнемъ ихъ положеніи вслѣдствіе вѣры. Тогда всѣ страдали за вѣру; страдали вѣроятно и Галаты, хотя объ этомъ ясно не говорится въ посланіи. Апостолъ говоритъ имъ: вотъ вы страдали за вѣру; страданія за вѣру сочетаваютъ тѣснѣе со Христомъ, насъ ради пострадавшимъ, и умножаютъ притоки благодати и чрезъ то еще болѣе возвышаютъ внутреннее духовное совершенство въ христіанствѣ. Возвышая въ семъ отношеніи, возвышаютъ во мнѣніи всѣхъ вѣрующихъ, Божіе благоволеніе привлекаютъ и вѣнцы въ вѣчности готовятъ. Сколько благъ доставляютъ страданія! Но обращаясь къ закону, все это вы теряете: страданія ваши не имѣютъ уже никакой цѣны, пространдали вы понапрасну. Какъ же допускаете вы до того, чтобъ это все даромъ пропадало? И вамъ не жаль, что страданія свои вы дѣлаете тщетными? „Это должно тронуть ихъ еще сильнѣе, нежели

что сказалъ выше. Ибо воспоминаніе о знаменіяхъ не столько могло подѣйствовать на нихъ, сколько указаніе на подвиги и страданія, претерпѣнныя ими за Христа; ибо все, говоритъ, что вы ни потерпѣли за Христа, они хотятъ отнять у васъ и тѣмъ лишить васъ принадлежащаго вамъ вѣнца“ (Св. Злат.).

Точію аще туне. — εἴγε καὶ εἰκῇ, — если, конечно даромъ (попустите имъ пропасть). Всѣ древніе толковники полагаютъ, что этими словами св. Апостолъ выражаетъ надежду, что они не допустятъ, чтобъ страданія ихъ пропали даромъ, именно тѣмъ, что бросятъ законъ и опять всецѣло воспріимутъ единую, безпримѣсную вѣру. — По нашему бы сказать: но авось не даромъ, — надѣюсь что не будетъ даромъ. Св. Златоустъ говоритъ: „Но чтобъ слишкомъ не поразить ихъ души, и вовсе не разслабить ихъ силъ, не дожидаясь отъ нихъ отвѣта, тотчасъ присовокупилъ: *аще точію туне.* Ибо если уцѣломудритесь, говоритъ, и исправитесь, то не будетъ *туне* и напрасно. Что скажутъ теперь отвергающіе покаяніе? Вотъ Галаты и Духа Святаго получили, и знаменія творили, и были исповѣдниками, и терпѣли ради Христа безчисленныя скорби, — и послѣ такихъ дарованій отпали отъ благодати. Однакожъ Апостолъ говоритъ, что если захотите, можете все возвратить.“ — Вотъ сужденіе блаженнаго Іеронима: „Напрасно, говоритъ, потерпѣли вы страданія за вѣру, если отступите отъ благодати Христовой, ради коей терпѣли. Но вмѣстѣ съ тѣмъ выставляется здѣсь и та мысль, что если кто потерпитъ за вѣру Христову, а потомъ впадетъ въ грѣхъ, то какъ напрасно потерпѣвшимъ считается онъ, когда впадаетъ въ грѣхъ, такъ ничего изъ этого не потеряетъ онъ, если опять возвратится къ прежней вѣрѣ и къ прежней ревности жить по вѣрѣ.“

Но нѣкоторые изъ толковниковъ нашихъ такъ разу-

мѣютъ эти слова: да всуе ли только? Когда бы всуе! „Не со вредомъ ли еще? *Всуе*, значитъ, ни получить что, ни потерять: но начавшій духомъ, и за то подвергшійся большимъ искушеніямъ, а потомъ перемѣнившійся, не только всуе понесъ претерпѣнное, но и ущербъ потерпѣлъ, лишаясь того, что было ему отложено въ награду за скорби и лишенія ради Христа" (Экум.). Блаженный Августинъ такъ: „что называется сдѣланнымъ *всуе*, то ни вредитъ, ни пользуетъ. Но надобно, говоритъ, смотрѣть, не повело бы сдѣланное къ погибели. Не возставать—не то же, что падать по возстаніи. Хотя они еще не пали, но уже склонились къ паденію. Ибо Духъ Святый еще дѣйствовалъ въ нихъ, какъ показываетъ слѣдующій стихъ."—И Іеронимъ послѣ приведеннаго уже его сужденія, прибавляетъ: „или такъ: не малый для васъ вредъ, если склоняясь на обрѣзаніе, вы потеряете только прежній трудъ вѣры; но къ этому вреду можетъ присоединиться еще и наказаніе за измѣну; такъ что вы и прежнее потерпѣли напрасно, и еще въ будущемъ вѣкѣ будете мучены за то (если, разумѣется, не исправитесь)."

Такое пониманіе послѣднихъ словъ подаетъ поводъ иначе взглянуть и на первыя, и *пострадасте* отнести не къ страданіямъ, а къ тому, что они навязали на себя иго закона. *Толика пострадасте*,—такія возложили вы на себя узы, которыхъ и сами Іудеи понести не могли—обрѣзанія, субботы, новомѣсячія, омовенія, жертвы и проч.—И все это вы понесли, или начали нести, думаете, туне?—Когда бы туне! а то со вредомъ; ибо отпадаете отъ благодати. Нынѣ Греки говорятъ напр.: τί ἔπαθες?—въ смыслѣ: что съ тобою? что случилось, что сдѣлалось съ тобою? Прилагая къ настоящему мѣсту это, получимъ: это случилось съ вами даромъ?—Или это пройдетъ вамъ даромъ?—Такое пониманіе про-

глядываетъ у блаженнаго Іеронима. „Представимъ, говоритъ онъ, несчастныхъ Іудеевъ, съ какими трудами живутъ они среди другихъ народовъ, стараясь соблюсти свои постановленія: не коснися, не вкуси, не осяжи,—и увидишь, какъ вѣрно говорится: *толика пострадасте.*"— Видна мысль, что Галаты, подклоняясь подъ иго закона, тяготу страдательную на себя возлагаютъ. Почему и прибавляетъ далѣе: подумайте о прежней свободѣ благодати и теперешнемъ игѣ соблюденія закона, и увидите, какъ много напраснаго поднимаете вы труда."

Сдается, будто такая мысль натуральнѣе, особенно при томъ обстоятельствѣ, что во всемъ посланіи нѣтъ прямаго указанія на страданія Галатовъ за вѣру. Но авторитетъ множайшихъ отцевъ долженъ брать верхъ.

Ст. 5. ***Подаяй убо вамъ Духа, и дѣйствуяй силы въ васъ, отъ дѣлъ ли закона, или отъ слуха вѣры?***

Этотъ стихъ содержитъ ту же мысль, что и второй: только тамъ Апостолъ останавливалъ вниманіе на нихъ самихъ, пріявшихъ Духа, а здѣсь возводитъ ихъ умъ къ подающему Духа и дѣйствующему въ нихъ силы, Богу. „Богъ, подающій вамъ Духа, такъ что вы и пророчествуете и языки говорите; Богъ дѣйствующій силы въ васъ,—показывающій знаменія и чудеса, ради дѣлъ закона это совершаетъ,—ради того, т.-е., что ими вы Ему очень угодили,—или ради вѣры во Христа?" (Ѳеофилактъ). Всяко однакожъ и та же мысль получаетъ здѣсь особый оттѣнокъ, грозный и ужасающій: ибо тогда какъ въ первомъ образѣ выраженія она побуждала Галатянъ только жалѣть о себѣ, какъ себѣ самимъ причиняющихъ вредъ, здѣсь она устрашаетъ опасностію богоборства. Такой вопросъ близокъ къ слѣдующему: такъ что же? Бога вы хотите изгнать изъ себя, Который дѣйствуетъ теперь въ васъ ради вѣры, и отойдетъ, если останетесь упорно въ своей приверженности къ закону?

Слова: *подаяй* и *дѣйствуяй* показываютъ, что они еще не лишились Божія благоволенія, какъ заблуждавшіе по невѣдѣнію. Но послѣ указанія заблужденія такимъ авторитетнымъ лицомъ, какъ Апостолъ, грѣхъ невѣдѣнія превратился бы въ упорное противленіе истинѣ, слѣдствіемъ котораго должна быть подгнѣвность Богу съ лишеніемъ всѣхъ даровъ. Это и хотѣлъ внушить Апостолъ повтореніемъ сего вопроса. Онъ какъ бы говоритъ имъ: послѣ всего сказаннаго какъ же вы разсудите: ради дѣлъ закона или ради вѣры Богъ такъ приблизился къ вамъ?—Конечно ради вѣры. Такъ смотрите, поопаситесь; ибо если ради вѣры приблизился къ вамъ Богъ, то ради склоненія вашего къ закону Онъ удалится.

Такимъ образомъ этотъ стихъ есть заключеніе предыдущей рѣчи; но не столько словъ, сколько того ряда мыслей, какой должны были возбудить слова тѣ. Свои положенія въ вопросахъ Апостолъ ставитъ, какъ версты на большой дорогѣ, и ими приводитъ къ опасливому помышленію; въ самомъ дѣлѣ, свѣтло наше во благодати состояніе, котораго сподобились мы безъ всякаго участія въ томъ закона: какъ бы не потерять намъ его, примѣшавши дѣла закона къ вѣрѣ?—Или: вотъ-вотъ потеряемъ. Поспѣшимъ же поскорѣе очистить себя отъ этой примѣси. По св. Златоусту, Апостолъ и хотѣлъ этимъ навесть ихъ на ту мысль, что „если присоединится законъ, то вѣра не принесетъ никакой пользы: ибо вѣра тогда только и сильна, когда ничего къ ней не привносится отъ закона.“

Нельзя не замѣтить, какъ у Апостола все вниманіе стоитъ на благодати Св. Духа. Отличіе христіанъ есть облагодатствованіе. Потеряй благодать, ты ничто. И ничто въ мірѣ не можетъ подать тебѣ благодати, какъ

только вѣра въ Господа чрезъ св. Таинства, при твоемъ крѣпкомъ рѣшеніи быть всегда вѣрнымъ вѣрѣ и словомъ, и дѣломъ, и помышленіемъ.

2.

Второе доказательство ненужности закона для Галатовъ, какъ язычниковъ: такъ изначала, въ обѣтованіи Авраамy, Богомъ положено, чтобъ язычникамъ войти въ достояніе Божіе вѣрою.

(ст. 6—14).

Ст. 6. *Якоже Авраамъ вѣрова Богу, и вмѣнися ему въ правду.*

Грамматическая связь сего стиха съ предыдущимъ такая: благодать Св. Духа обѣтована вѣрующимъ; обѣтовалъ Богъ и то, что Онъ вселится въ нихъ и походитъ ради вѣры. Галаты увѣровали и благодать получили и сподобились того, что Богъ былъ дѣйствуяй въ нихъ. Эту очевидность, затемненную лжеучителями, Апостолъ возставилъ въ сознаніи Галатовъ вопросами, которыхъ содержаніе можно означить такъ: такихъ обѣтованій вы сподобились дѣлъ ради, или ради вѣры? Отвѣтъ самъ собою строился: нѣтъ, ради вѣры. Апостолъ продолжаетъ эту мысль: да, ради вѣры, безъ дѣлъ закона, подобно тому, какъ *Авраамъ вѣрова Богу и вмѣнися ему въ правду*. Эти слова стали переходомъ къ слѣдующей рѣчи, въ которой онъ раскрываетъ новое доказательство того, что для Галатовъ, какъ язычниковъ, никакой нужды нѣтъ въ законѣ. Содержаніе его можно выразить такъ: Такова воля Божія, выраженная въ обѣтованіи Аврааму. Авраамъ вѣрою угодилъ Богу и за вѣру получилъ обѣтованіе, что ради его благословятся всѣ народы. Это еще прежде

повелѣнія обрѣзываться. Кто теперь вѣруетъ подобно Аврааму, тотъ духовно вступаетъ въ потомство его, и ради сей единой вѣры сподобляется и благословенія Авраамова.

Св. Златоустъ говоритъ здѣсь: „Привелъ и другое доказательство, притомъ самое трудное и спорное, представивъ въ примѣръ Авраама, и очень кстати, и съ большею пользою, говоря: *якоже Авраамъ вѣрова Богу и вмѣнися ему въ правду*. Доказываютъ, говоритъ, силу вѣры и сотворенныя вами чудеса; но если угодно, я постараюсь увѣрить васъ въ томъ и примѣрами изъ древней исторіи. Поелику же они имѣли великое уваженіе къ сему патріарху, то онъ его и представляетъ въ примѣръ, доказывая, что и онъ оправдался вѣрою. Если же онъ, жившій прежде благодати и столько преукрашенный добрыми дѣлами, оправдался вѣрою, то тѣмъ паче вы. Какой же потерпѣлъ онъ ущербъ отъ того, что не былъ подъ закономъ? Никакого; и одной вѣры достаточно было къ его оправданію.“

Слова сіи сказаны объ Авраамѣ послѣ обѣтованія ему потомства безчисленнаго, какъ звѣзды небесныя (Быт. 15, 6). Въ старости заматорѣвшей повѣрилъ Авраамъ, что у него будетъ потомокъ и потомъ потомство; повѣрилъ потому только, что такъ обѣтовалъ Богъ, сильный сотворить сіе; повѣрилъ, что и сотворитъ: *паче упованія во упованіе вѣрова* (Рим. 4, 18). Тутъ выражена полная увѣренность въ Богѣ и полная преданность въ волю Его, составляющія духъ истиннаго благочестія. Увѣровать въ упованіе есть великій подвигъ вѣры. Вѣру и прежде явилъ Авраамъ, когда по гласу свыше вышелъ изъ земли своей; но тамъ очень вѣроятна была возможность встрѣтить впереди страну плодоносную; здѣсь же не на чемъ было опереться, кромѣ упованія. Таковъ же духъ и вѣры во Христа Господа. Предметъ иной, но

подвигъ вѣры тотъ же. Предлагается отъ лица Бога: человѣкъ распятый, именуемый Христомъ, есть Богъ воплотившійся, Который принесъ Себя на крестѣ въ жертву за грѣхи міра. Вѣруй, и получишь отпущеніе грѣховъ и благодать Св. Духа, съ помощію коей добрѣ поживши сподобишься и вѣчнаго блаженства съ Господомъ по смерти. И тутъ не на чемъ опереться, кромѣ слова Бога истиннаго, и тутъ тоже упованіе паче упованія. Посему увѣровавшій вступаетъ въ Божіе благоволеніе и приискреннѣ присвояется Имъ себѣ, Божіимъ становится, подобно Аврааму, и преисполняется Божіихъ благъ и дарованій. Это Галаты уже испытали, и имъ должно было быть очень понятно такое соотношеніе къ Аврааму. Но вмѣстѣ съ тѣмъ не могли они не воодушевиться рѣшимостію отбросить этотъ законъ, котораго не зналъ Авраамъ, отецъ ихъ по духу.

И вмѣнися ему въ правду. Διϰαιοσύνη—праведность, святость. Сочтено цѣннымъ, что Авраамъ при семъ праведныя и святыя возымѣлъ чувства, богоугодное показалъ настроеніе духа. Такъ должно, этого хочетъ Богъ, этимъ благоугождается, и на тѣхъ, кои таковы, почиваетъ всѣмъ Своимъ благоволеніемъ. Ничего особеннаго не сдѣлалъ въ этотъ разъ Авраамъ, а только повѣрилъ обѣтованію, не видя въ себѣ никакихъ опоръ возможности исполненія его, а только на слово Бога вполнѣ положившись. И за это одно Богъ закрѣпилъ за нимъ изреченное обѣтованіе.—*Вмѣнися*—не то, чего не было, а то, что было сочтено великимъ, достойнымъ всякаго благоволенія, и самыхъ обильныхъ воздаяній. Актъ вѣры Авраама былъ подвигъ крайне высокаго достоинства.

Ст. 7. *Разумѣйте убо, яко сущіи отъ вѣры, сіи суть сынове Авраамли.*

Сказалъ прежде, что вѣрою они уподобились Аврааму; теперь наводитъ, что это-то и поставляетъ васъ

въ родство съ Авраамомъ, это-то и дѣлаетъ васъ сынами ему. Но говоритъ это не къ нимъ въ лице, а выставляетъ, какъ общее положеніе, что тѣ-то и суть сыны Авраама, которые вѣруютъ. Вы дорожите быть Авраамовыми: знайте же, что вы уже имѣете это чрезъ одну вѣру, и нечего вамъ искать другаго способа вступить въ сродство съ нимъ. Св. Златоустъ говоритъ: „поелику они боялись, какъ бы не лишиться родства съ Авраамомъ (что высоко цѣнили—Өеоф.), если оставятъ законъ, то св. Павелъ разсѣваетъ этотъ страхъ, показывая, что вѣра преимущественно и утверждаетъ родство съ нимъ.“

Сущіи отъ вѣры,—имѣющіе настроеніе духа такое же, какое имѣлъ Авраамъ, настроеніе вѣры во упованіе паче упованія,—составляютъ собственно племя его обѣтованное, сыны ему суть по обѣтованію. Аврааму обѣщано потомство безчисленное. Оно и было. Но не одно это плотское происхожденіе отъ Авраама дѣлаетъ потомкомъ ему, а то особенно, чтобы быть одного съ нимъ духа: такъ что и плотскіе потомки, не имѣющіе сего духа, не суть потомки, какъ въ лице говорилъ Господь Іудеямъ (Іоан. 8, 39), напротивъ не плотскіе потомки, полные сего духа, суть потомки. Св. Дамаскинъ пишетъ: „язычники увѣровавшіе, вѣры ради болѣе должны хвалиться Авраамомъ, яко отцемъ (или отечествомъ Авраама), чѣмъ сами, сущіе отъ обрѣзанія. Другомъ Богу сдѣлала Авраама вѣра, а не обрѣзаніе. Обрѣзаніе было уже печатію и знаменіемъ вѣры. Знаменіе же меньше того, чего служитъ оно знаменіемъ; такъ что сущихъ отъ вѣры съ большимъ правомъ надлежитъ называть сынами Авраама, чѣмъ сущихъ отъ обрѣзанія.“

Подробнѣе и полнѣе выясняетъ это Іеронимъ. „Апостолъ говоритъ здѣсь, что тѣ суть сыны Авраама, которые вѣруютъ въ томъ же духѣ, въ какомъ вѣровалъ

Авраамъ необрѣзанный. Почему Господь и говорилъ къ невѣровавшимъ Іудеямъ: *аще чада Авраамля бысте были, дѣла Авраамля бысте творили* (Іоан. 8, 39). Какихъ же дѣлъ ожидалъ отъ нихъ Господь, говоря сіе, кромѣ вѣры, какъ сказалъ уже Онъ имъ прежде того: *да вѣруете въ Того, Егоже Богъ послалъ* (Іоан. 6, 29)? И въ другомъ мѣстѣ Іудеямъ, уповавшимъ на свое происхожденіе и древность своего рода, сказано было: *и не начинайте глаголати въ себѣ: отца имамы Авраама: яко можетъ Богъ отъ каменія сего воздвигнути чада Аврааму* (Мѳ. 3, 9). Каменіемъ, какъ никто не усумнится, означаются дикія и грубыя сердца язычниковъ, которыя потомъ умягчены и приняли печать вѣры. Итакъ, разумный читатель, перечисли добродѣтели, которыми Авраамъ угодилъ Богу прежде обрѣзанія, и кого найдешь подобнымъ ему въ этомъ, того и называй сыномъ Авраама, оправданнаго въ необрѣзаніи."

Ст. 8. *Предъувидѣвше же писаніе, яко отъ вѣры оправдаетъ языки Богъ, прежде благовѣствова Аврааму: яко благословятся о тебѣ вси языцы.*

По сему-то закону правды Божіей, опредѣлявшему единое цѣнное въ очахъ Божіихъ духовное родство Авраама, состоялось и то обѣтованіе Аврааму, что о немъ благословятся всѣ народы.—Провидѣлъ Богъ (ибо подъ писаніемъ провидящимъ разумѣется Богъ, дающій писаніе), какъ язычники, отдѣлившіеся отъ народа Божія и жившіе безъ подъяремности закону, увѣруютъ въ имѣвшаго произойти по плоти отъ Авраама Христа Господа, и черезъ то вступятъ въ духовное родство съ Авраамомъ и подойдутъ подъ токи благословенія почивавшаго на Авраамѣ, провидѣлъ все это и изрекъ то обѣтованіе, что о немъ благословятся всѣ народы.

О тебѣ, или за уподобленіе тебѣ вѣрою (Злат., Экум., Кириллъ Алекс.), или *о тебѣ*,—ради сѣмени отъ

тебя имѣвшаго произойти, т.-е. Христа (тѣ же, Іеронимъ и др.). Точное опредѣленіе этого здѣсь не имѣлось въ виду у Апостола. Это дѣлаетъ онъ ниже въ ст. 15. 16. Нечего потому и останавливаться на семъ. Главное у Апостола здѣсь напечатлѣть убѣжденіе, что вѣрующіе, помимо закона, по силѣ одной вѣры суть уже Авраамовы и заключаются въ обѣтованіи данномъ Аврааму. „Что значитъ сіе“ (т.-е. изреченныя слова)? спрашиваетъ Св. Златоустъ. И отвѣчаетъ: „То, что самъ Законодатель прежде, нежели далъ законъ, опредѣлилъ язычникамъ оправданіе чрезъ вѣру. И не сказалъ: открылъ, но *благовѣствова*, чтобы ты зналъ, что о семъ способѣ оправданія и самъ патріархъ радовался и очень желалъ, чтобы оный скорѣе приведенъ былъ въ исполненіе.“ Не теперь только мы стали впервые возвѣщать силу вѣры: „издавна и опредѣлилъ и предвозвѣстилъ сіе Богъ“ (Θеодоритъ). Таковъ изъ начала предначертанный Богомъ порядокъ Божескаго о людяхъ промышленія! И вотъ онъ-то теперь исполняется въ васъ! Божіе благоволеніе и благословеніе, всякая благодать и спасеніе только вѣрѣ усвояется, какъ въ Авраамѣ. Богъ отдѣлилъ Себѣ народъ и облекъ его закономъ на время для Своихъ промыслительныхъ цѣлей. А языки оставилъ ходить въ воляхъ своихъ, тоже до времени: ибо и они Его же люди, и для нихъ у Него сохранено благословеніе, которое имѣли они получить въ свое время. Законъ же полученія сего благословенія все тотъ же—вѣра, подобно какъ въ Авраамѣ. Исполнилось то время. Призываются языки принять благословеніе Авраамово отъ Бога, и принять оное помимо закона, прямо вѣрою. Вотъ смыслъ настоящаго времени! Вотъ значеніе преданной вамъ вѣры! Мысль имѣвшая отсюда отпечатлѣться въ душахъ Галатовъ была: слѣдовательно, склоняясь къ закону, мы уходимъ изъ-подъ такого бла-

гословенія Божія, сами себя лишаемъ блага, котораго другимъ ничѣмъ вознаградить нельзя, устрояемъ себѣ невознаградимую потерю.

Ст. 9. *Тѣмже сущіи отъ вѣры, благословятся съ вѣрнымъ Авраамомъ.*

Это прямой выводъ изъ предыдущаго. Вѣрующіе, становясь равными Аврааму въ духѣ, и въ оцѣненіи ихъ самимъ Богомъ становятся на одной съ нимъ линіи и удостоиваются того же благословенія, какого удостоенъ Авраамъ. „Боялись (Галаты), какъ бы не подпасть клятвѣ, если не пріобщатся закона. Апостолъ показываетъ, что напротивъ тѣ-то и благословлены будутъ, которые, помимо закона, прилѣпятся къ вѣрѣ, какъ и вѣрный Авраамъ благословенъ былъ за вѣру, не зная закона" (Ѳеоф.).

Сущіи отъ вѣры—„единящіеся съ Авраамомъ вѣрою, въ сѣмя ему причитаются и вмѣстѣ съ нимъ благословляются" (Экум.).

Не должно пропустить безъ вниманія слово: *вѣрный.* Авраамъ былъ вѣрующъ не голою вѣрою, но такою, которая всегда сопровождалась и дѣломъ. Повѣрилъ,—и вышелъ изъ земли своей, не зная куда идетъ. Повѣрилъ,—и сталъ приносить Исаака въ жертву, не сомнѣваясь вмѣстѣ съ тѣмъ, что обѣтованіе Божіе о потомствѣ исполнится. Онъ всегда былъ вѣренъ вѣрѣ, и какъ вѣровалъ, такъ и дѣйствовалъ. Почему Самъ Богъ объясняетъ Свое крайнее и преимущественное къ нему благоволеніе тѣмъ, что *послуша*, говоритъ, *гласа Моего, и соблюде заповѣди Моя, и повелѣнія Моя, и оправданія Моя и законы Моя* (Быт. 26, 5). Иные твердятъ: вѣра. вѣра. Имъ надо отвѣчать: да, ничто, какъ вѣра; но не иначе какъ при неуклонной вѣрности вѣрѣ. Благовременно также сдѣлать наведеніе къ уясненію понятія объ оправданіи. Впереди сказано, что Богъ, провидя оправданіе языковъ вѣрою, далъ обѣтованіе Аврааму о

благословеніи ихъ въ немъ. Значитъ предвидѣнное оправданіе есть обѣтованное благословеніе. Почему и въ выводѣ изъ того не сказалъ: тѣмже сущіе отъ вѣры оправдаются, но — *благословятся.* Такимъ образомъ оправданіе объясняется благословеніемъ; благословеніе же ниже, въ 14 ст. отождествляется съ принятіемъ Духа вѣрою.—Слѣдовательно оправданіе—не есть голое объявленіе правымъ оправдываемаго, но вмѣстѣ полное освященіе его благодатію Св. Духа, внутреннее его измѣненіе и обновленіе. Въ семъ же дѣйствіи вѣра есть условливающее начало, а не производительная сила.

Приходитъ на мысль, что этотъ 9 ст. и есть конецъ настоящаго доказательства, и прямо вяжется со ст. 14. Стихи же 10 — 13 содержатъ вносную мысль, которая къ доказательству относится косвенно; такъ что еслибъ и не было сихъ стиховъ, доказательство было бы полно и безъ нихъ. Дѣлается сіе замѣчаніе ради того, что стихи 10 — 13, очень трудно понять и въ ихъ содержаніи и въ ихъ связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ теченіемъ рѣчи. Такъ, если и не поймешь ихъ, какъ слѣдуетъ, это будетъ конечно ущербъ для нашего вѣдѣнія, но нисколько не повредитъ силѣ доказательства, которое представляетъ въ этомъ отдѣленіи, ст. 6—14, св. Павелъ. Сжата очень рѣчь Апостола. Однимъ положеніемъ обнимаетъ онъ многое, и между однимъ и другимъ оставляетъ цѣлый рядъ мыслей, которыя надо воспроизвесть, чтобъ увидѣть связь ихъ. Что дивнаго, если не имѣя ума Апостольскаго, мы не будемъ имѣть въ этомъ успѣха?

Дѣлаемъ опытъ уясненія содержанія сихъ стиховъ: 10—14. Здѣсь не новое доказательство ненужности болѣе закона, а объясненіе силы благословенія Авраамова посредствомъ противопоставленія ему клятвы законныя,— какъ видно изъ конца сего вноснаго отдѣленія въ ст.

14, гдѣ снова говорится о благословенiи Авраамовомъ. Это даетъ понять, что заведена объяснительная рѣчь, и опять приведена къ тому же, о чемъ сказано предъ началомъ ея въ ст. 9. Почему далѣе въ ст. 15 и возраженiе дѣлается не на ту мысль, которая въ ст. 10—13, а на ту, которая въ ст. 9. Если признать въ семъ отдѣленiи особое доказательство ненужности закона изъ свойства самаго закона и силы искупительной крестной смерти Господа, то этимъ перепутается теченiе мыслей Апостола, безъ всякой нужды и безъ всякой пользы для пониманiя посланiя.

Вотъ какое, думаемъ, теченiе мыслей въ семъ отдѣленiи: Апостолъ какъ бы такъ говоритъ Галатамъ: вѣра сдѣлала васъ причастниками благословенiя Авраамова, и вамъ нечего больше искать. Будьте только вѣрны тому, что получили уже. А обратитесь къ закону,—не только благословенiе потеряете, но и близъ клятвы будете: того и смотри, что подъ клятву подпадете. Законъ, хоть и говоритъ, что *сотворивый та человѣкъ, живъ будетъ въ нихъ*, но исполнить-то его никто не бываетъ въ силахъ (Дѣян. 15, 10). Оттого на всѣхъ, которые почиваютъ на одномъ законѣ и на немъ одномъ успокоиваются, лежитъ грозная, ограждающая законъ, клятва: *проклятъ всякъ*, и проч. Вы скажете: что же это такое? Законъ будто и данъ для того, чтобъ подъ клятву подвесть тѣхъ, которые покоряются ему, и притомъ по повелѣнiю Самого Бога. Цѣлый народъ, чрезъ возложенiе на него закона, подъ клятву подведенъ и держанъ подъ нею столько времени. Нѣтъ; въ законѣ же содержатся постановленiя, какъ предотвращать клятву, падающую на всякаго нарушителя закона,—именно, жертвы. Есть жертвы за грѣхъ всего народа, есть жертвы за грѣхи царей, князей, первосвященниковъ и всякаго частнаго лица, на всякiй грѣхъ есть своя жертва. Кто принесетъ соотвѣт-

ствующую его грѣху жертву, тотъ очищается отъ грѣха, и клятва не падаетъ уже на него. Скажете: а! такъ вотъ, стало-быть, законъ даетъ все нужное; указываетъ, какъ жить, а когда согрѣшимъ, даетъ способъ очищенія, въ принесеніи соотвѣтственной грѣху жертвы. То правда; но не забудьте, что очистительная сила жертвъ заключается не въ нихъ самихъ, а внѣ ихъ, въ силѣ той жертвы, которую имѣлъ принести (а теперь уже принесъ) чаемый всѣми Грядый (а теперь уже Пришедшій). Жертвы очищали чрезъ соединеніе съ ними вѣры въ сего Благословеннаго, Грядущаго во имя Господне. А безъ ней сами по себѣ онѣ ничто. Почему и написано: *праведный отъ вѣры живъ будетъ*. Останься съ однимъ закономъ безъ вѣры, не минуешь клятвы: ибо *нѣсть человѣкъ праведенъ на земли, иже сотворитъ благое, и не согрѣшитъ* (Еккл. 7, 21). Обратитесь теперь къ настоящему времени. Тотъ чаемый Грядый во благословеніе, ради вѣры въ Котораго и жертвы очищали грѣхи, уже пришелъ и принесъ Себя въ жертву за грѣхи всѣхъ. Тѣхъ, которые грѣшили подъ закономъ, Онъ искупилъ отъ клятвы законныя крестною смертію Своею. Не нужно намъ теперь жертвъ и никакихъ другихъ очистительныхъ и оправдательныхъ дѣйствій закона. Вѣруемъ прямо во Христа Господа распятаго, и тѣмъ предотвращаемъ клятву и принимаемъ благословеніе. Такимъ образомъ мы, Іудеи, отбрасывая законъ, соединяемся вѣрою со Христомъ Господомъ и возстановляемъ въ себѣ благословеніе Авраамово, а вы, язычники, помимо закона, прямо вѣруя въ Него, усвояете себѣ сіе благословеніе. И мы и вы—обѣтованіе Духа принимаемъ одною вѣрою. Къ чему же теперь законъ—вамъ, когда онъ и для насъ не нуженъ болѣе?

Таково теченіе мыслей, возбуждаемое словами Апостола въ семъ отдѣленіи. Усвоивъ себѣ его, яснѣе бу-

демъ понимать смыслъ каждаго стиха и его связь съ другими. Относительно же того, новое ли тутъ доказательство, или поясненіе предыдущаго, нечего спорить. Какъ кому угодно. По нашему мнѣнію здѣсь поясненіе, состоящее въ рѣшеніи недоумѣнія такого: говоришь,— благословеніе Авраамово отъ вѣры; но не отъ закона ли оно? Нѣтъ, говоритъ, отъ закона скорѣе клятва, чѣмъ благословеніе, если останешься съ нимъ однимъ. Клятва его виситъ надъ главою подзаконника; избавляетъ отъ клятвы одна вѣра въ распятаго Господа.

Послѣ такого проясненія содержанія означенныхъ стиховъ обратимся къ нужнымъ поясненіямъ и каждаго стиха по частямъ.

Ст. 10. *Елицы бо отъ дѣлъ закона суть, подъ клятвою суть: писано бо есть: проклятъ всякъ, иже не пребудетъ во всѣхъ писанныхъ въ книзѣ законнѣй, яко творити я.*

Елицы отъ дѣлъ закона суть, это тѣ, которые чаютъ угодить Богу и спастись дѣлами закона, строго исполняя подзаконныя учрежденія,—объ обрѣзаніи, субботѣ, праздникахъ, омовеніяхъ, жертвахъ, и проч. Что такіе, поколику таковы, *подъ клятвою суть,* этого безусловно принимать нельзя, иначе будетъ выходить, что самый законъ данъ для нанесенія клятвы. А такъ нельзя разсуждать: ибо законъ отъ Бога; Божіи же учрежденія всѣ благи и идутъ ко спасенію. Почему и написано: *сотворивый та человѣкъ живъ будетъ въ нихъ* (Іез. 20, 11). И тѣмъ, кои будутъ соблюдать законъ, даны великія обѣтованія (Втор. 28 гл.). Исторія народа израильскаго показываетъ, что когда онъ былъ вѣренъ закону, тогда и Богъ къ нему благоволилъ, а когда отступалъ, тогда былъ подвергаемъ наказаніямъ отъ Бога.

По какимъ же условіямъ подзаконники подвергались клятвѣ? До пришествія Христова подвергались клятвѣ

тѣ, которые не исполняли закона, и нарушивши его въ чемъ-либо, не приносили покаянія и не спѣшили очиститься въ законѣ же указанными способами. Законъ самъ предвидѣлъ нарушенія, и самъ опредѣлялъ, какъ примиряться съ собою. Кто не пользовался сими средствами, оставался подъ клятвою, и какъ нарушитель закона и какъ упорникъ въ семъ нарушеніи, не спѣшившій исправиться и загладить вину свою законнымъ образомъ. Далѣе, такъ какъ сіи средства заглажденія вины были сильны дѣлать это не сами по себѣ, а по вѣрѣ въ то, чего тѣнію и отраженіемъ служили они; то подъ клятвою былъ, кто и средствами законными пользовался, но безъ должной вѣры. Наконецъ, поелику весь законъ былъ проникнутъ предъизображеніемъ Грядущаго и къ Нему возводилъ всякаго законника; то вообще и всякій вѣрный исполнитель закона, какъ скоро не освящалъ своей жизни вѣрою въ сего Грядущаго, не былъ вполнѣ вѣренъ закону, не во всемъ томъ пребывалъ, что предписывалъ законъ.

Св. Апостолъ Павелъ въ настоящемъ мѣстѣ могъ имѣть въ виду только сихъ послѣднихъ. Впереди онъ сказалъ, что сущіе отъ вѣры благословятся съ вѣрнымъ Авраамомъ, помимо закона, не зная его, не пріобщаясь ему. Теперь говоритъ: напротивъ же подзаконники, коль скоро останутся съ однимъ закономъ безъ вѣры, подъ клятвою суть: ибо не исполняютъ того, къ чему возводитъ ихъ законъ предписаніями своими.

Такая мысль удовлетворительно объясняетъ связь стиховъ, если брать здѣсь законъ отвлеченно, безъ отношенія къ тому случаю, по которому ведется рѣчь о законѣ. Если же это взять во вниманіе, то надо принять, что Апостолъ говоритъ о законѣ съ точки зрѣнія Новозавѣтной, т.-е. по пришествіи Христа Спасителя, Котораго тѣнію служилъ законъ. Тѣ, противъ кого пи-

салъ св. Павелъ, были вѣрующіе во Христа, но при вѣрѣ въ Него требовавшіе и исполненія закона сѣннописаннаго. Потому мысль предъ симъ выраженная не можетъ ихъ поражать, и убѣждать Галатовъ въ неправости ихъ новыхъ шаговъ. Надо слѣдственно положить, что св. Павелъ хотѣлъ сказать, что подзаконники подъ клятвою суть, по пришествіи Христа Господа. Въ семъ случаѣ положеніе, выраженное имъ, безусловно. И Господь сказалъ, что законъ и пророки до Іоанна, т.-е. до пришествія Самого Господа обѣтованнаго. И это предначертано въ самомъ законѣ, понимая его, какъ ветхозавѣтное водительство Божіе. Слѣдственно кто держится еще закона, какъ условія спасенія, по пришествіи Христа Спасителя, тотъ идетъ противъ закона; а кто противъ закона, тотъ подлежитъ клятвѣ, слѣдственно и подзаконники подъ клятвою суть,—тѣ самые, которые совращали Галатовъ.

Въ причину подлежанія сущихъ отъ закона клятвѣ, приводитъ св. Павелъ то, что всякому нарушителю чего-либо, написаннаго въ законѣ, прописана угроза проклятіемъ. Не трудно видѣть, что причина не прямо идетъ къ высказанному положенію. Положеніе говоритъ: подзаконники подъ клятвою суть, а причина: потому что нарушителямъ закона угрожается проклятіемъ. Еслибъ сказано было, что держащіеся закона проклятію подлежатъ, была бы тутъ прямая причина, а тутъ говорится о нарушителяхъ закона, кои суть, конечно, отступники отъ него, тогда и въ томъ, когда и въ чемъ нарушаютъ его. Если прямо принять, что сущіе отъ закона потому подъ клятвою суть, что нарушителямъ закона угрожается проклятіемъ, то въ этомъ отношеніи и новозавѣтное учрежденіе ничѣмъ не разнится отъ ветхозавѣтнаго. И въ немъ прописаны угрозы, еще грознѣйшія древнихъ. Тотъ же Апостолъ, пиша къ Евреямъ, говоритъ: *аще*

глаголанное Ангелы слово бысть извѣстно, и всякое преступленіе и ослушаніе праведное пріятъ мздовоздаяніе, како мы убѣжимъ о толицѣмъ нерадивше спасеніи, еже зачало пріемше глаголатися отъ Господа, слышавшими въ насъ извѣстися (Евр. 2, 2. 3)? Въ другомъ мѣстѣ: *отверглся кто закона Моисеова, безъ милосердія при двоихъ или тріехъ свидѣтелехъ умираетъ. Колико мните горшія сподобится муки, иже Сына Божія поправый, и кровь завѣтную скверну возмнивъ, еюже освятися, и Духа благодати укоривый* (Евр. 10, 28. 29)? И еще: *земля, бо пившая сходящій на ню множицею дождь, и раждающая былія добрая онымъ, имиже и дѣлаема бываетъ, пріемлетъ благословеніе отъ Бога: а износящая тернія и волчецъ, непотребна есть и клятвы близъ, еяже кончина въ пожженіе* (Евр. 6, 7. 8). И на страшномъ судѣ, что скажетъ Господь нарушителямъ заповѣдей Его Новаго Завѣта? Идите отъ Мене проклятіи. Поставляя эти угрозы въ параллель съ словами Апостола въ разсматриваемомъ нами мѣстѣ посланія къ Галатамъ, придемъ къ подобному же положенію, что и сущіе отъ вѣры подъ клятвою суть, потому что невѣрнымъ вѣрѣ угрожается проклятіемъ, и притомъ вѣчнымъ.

Какъ же тутъ быть? Надо допустить въ рѣчи св. Апостола дополнительныя мысли подразумѣваемыя. Не ту только, что закона никто исполнить не могъ; ибо и въ новой благодати, *аще речемъ, яко грѣха не имамы, себе прельщаемъ, и истины нѣсть въ насъ* (1 Іоан. 1, 8). Но ту особенно, что законъ въ случаѣ нарушенія его, самъ въ себѣ не представляетъ ничего къ очищенію согрѣшившаго. Имѣлъ онъ жертвы очистительныя; но онѣ силу получали отъ вѣры въ Господа, слѣд. не въ немъ, а внѣ его. Почему когда остается онъ одинъ, то оставляетъ держащихся его безъ всякой помощи, въ случаѣ нарушенія его, и только самъ тяготѣетъ надъ ними

всею тяжестію своего суда. И въ новозавѣтномъ учреждѣніи, сила грѣха таже: онъ отнимаетъ благословеніе и привлекаетъ клятву; но самое существо Новаго Завѣта состоитъ въ покровеніи всѣхъ грѣховъ, случающихся съ вѣрующимъ, ходатайствомъ Христа Господа, распеньшагося за насъ. *Аще кто согрѣшитъ, Ходатая имамы ко Отцу, Іисуса Христа Праведника* (1 Іоан. 2, 1). Этого ходатайственнаго покровенія грѣховъ законъ не имѣетъ, когда остается одинъ безъ вѣры, или когда, по пришествіи Ходатая, содержимъ бываетъ какъ условіе спасенія при вѣрѣ; ибо въ такомъ случаѣ вѣра—не вѣра; опирающійся при семъ на законъ умоляетъ Ходатая и лишается за то силы ходатайства. Такимъ образомъ мысль св. Апостола стоитъ на томъ, что законъ одинъ безъ вѣры оставляетъ держащихся его подъ всею строгостію своей клятвы. Что точно такова мысль Апостола, видно изъ слѣдующаго стиха, въ которомъ спасительность закона поставляется подъ условіе вѣры. Законъ оправдывалъ, но только вѣрою; а безъ вѣры и въ законѣ никто не оправдывался; были праведники въ Ветхомъ Завѣтѣ, но они всѣ такими являлись ради вѣры.

Ст. 11. *А яко въ законѣ никтоже оправдается отъ Бога, явѣ, яко праведный отъ вѣры живъ будетъ.*

Апостолъ внушаетъ мысль, что законъ, и по первоначальному учрежденію своему, не имѣлъ силы оправдывать предъ Богомъ, или поставлять кого-либо въ такое состояніе, чтобъ онъ отъ Бога былъ признанъ праведнымъ. Это явно изъ того, что тамъ написано: *праведный отъ вѣры живъ будетъ* (Аввак. 2, 4). Этого не было бы сказано, еслибъ законъ, самъ по себѣ, имѣлъ силу оправдывать и живить. И всѣ ветхозавѣтные праведники спаслись не закономъ однимъ, но и вѣрою. Блаженный Іеронимъ пишетъ: „что же? И Моисей, и

Исаія, и прочіе Пророки, которые состояли подъ игомъ закона, тоже подъ клятвою суть? На это отвѣтимъ: Господь Іисусъ Христосъ безцѣнною кровію Своею искупилъ отъ клятвы законныя и насъ всѣхъ, и самихъ Моисея съ Аарономъ, и всѣхъ Пророковъ и Патріарховъ. И не думайте, что я говорю это изъ своего разума: само Писаніе свидѣтельствуетъ о томъ, говоря: *Христосъ единъ за всѣхъ умре* (2 Кор. 5, 14). Если за всѣхъ, то и за Моисея, и за всѣхъ Пророковъ, изъ которыхъ никто не могъ истребить древнее рукописаніе, написанное противъ насъ, и пригвоздить его ко кресту (Кол. 2, 14). И они оправдывались и спасались вѣрою."

Предъ людьми можетъ быть и казались праведными держащіеся закона, какъ фарисеи, оправдывавшіе себя предъ человѣки, но не предъ Богомъ. Предъ Нимъ нѣтъ никого праведнаго безъ вѣры. Вѣра и прежде закона, и послѣ того, какъ данъ законъ, и благословляла и оправдывала (Θеофил.).

Законъ, какъ скоро оставался безъ вѣры, то онъ становился въ рядъ всѣхъ религій, существующихъ на землѣ, и не давалъ того, что чаяли обрѣсти въ немъ державшіеся его. Такого же достоинства и все, что ни придумалъ бы человѣкъ въ свое оправданіе, и на чемъ ни понадѣялся бы опереться во спасеніе свое, помимо притомъ вѣры въ Господа Іисуса Христа. Труды нужны; но истинно очистительную и живительную силу получаютъ они единственно отъ вѣры: безъ ней они ничто. Вотъ замѣчательныя на сію мысль слова блаженнаго Іеронима: „Надобно замѣтить, что не сказалъ Апостолъ: всякій человѣкъ отъ вѣры живъ будетъ, чтобъ не подать повода презирать дѣла добродѣтели, — но: *праведный отъ вѣры живъ будетъ*; такъ что имѣющій живъ быть отъ вѣры, не иначе можетъ придти къ вѣрѣ, или жить въ ней, какъ ставши напередъ (или при этомъ) правед-

нымъ, и чистотою жизни, какъ ступенями, взошедши къ вѣрѣ. Итакъ можетъ иной быть праведнымъ, и однакожъ не быть живымъ, пока не воспріиметъ вѣры Христовой. Вспомни слова Апостола Павла о себѣ: *по правдѣ законнѣй быхъ непороченъ* (Фил. 3, 6). Вотъ Павелъ былъ тогда праведенъ въ законѣ, но не могъ еще живъ быть, потому что не имѣлъ въ себѣ Христа, Который говоритъ: *Азъ есмь животъ* (Іоан. 11, 25). Онъ началъ жить послѣ уже того, какъ увѣровалъ. Сдѣлаемъ отсюда примѣненіе къ себѣ, и подобно тому, какъ сказано: *праведный отъ вѣры живъ будетъ,* скажемъ: чистый отъ вѣры живъ, мудрый отъ вѣры живъ, мужественный отъ вѣры живъ, и относительно всѣхъ прочихъ добродѣтелей сходное съ этими произнесемъ сужденіе, въ противность тѣмъ, которые, не вѣруя во Христа, думаютъ быть и крѣпкими, и мудрыми, и воздержными, вообще праведными. Да вѣдаемъ, что никто не можетъ быть живъ безъ Христа, безъ Котораго всякая добродѣтель не безпорочна.“

Слова: *праведный отъ вѣры живъ будетъ*, содержатся въ пророчествахъ св. Аввакума; но они тамъ приводятся, какъ общеизвѣстное положеніе. Потому объяснять значеніе ихъ изъ того мѣста у Пророка не настоитъ необходимости, тѣмъ паче, что мѣсто то темновато, тогда какъ слова сіи очень ясны и сами по себѣ. Св. Павелъ не разъ приводитъ ихъ въ своихъ посланіяхъ. Изъ сего слѣдуетъ заключить, что они часто вращались въ устахъ понимавшихъ дѣло закона, какъ должно его понимать.

Ст. 12. *Законъ же нѣсть отъ вѣры: но сотворивый та человѣкъ живъ будетъ въ нихъ* (Лев. 8, 5; Неем. 9, 29; Іез. 20, 21).

Законъ же не такого свойства, какъ вѣра. Или: а законъ не отъ вѣры обѣщаетъ животъ, но говоритъ: сотвори и живъ будешь. Это говоритъ онъ о законѣ

самомъ по себѣ, отдѣльно отъ вѣры. Какъ предъ симъ говорилъ онъ о законѣ въ полномъ его учрежденіи съ сѣменемъ вѣры, въ немъ сокрытой и его восполнявшей; такъ теперь говоритъ о немъ одномъ безъ вѣры. Самъ по себѣ законъ „твердитъ одно: соблюдай законъ и живъ будешь. Кто не соблюдаетъ, осуждается; ибо допустилъ то, о чемъ зналъ, что того избѣгать должно" (Амвросіастъ).

Таково существо всякаго закона. Тогоже требуетъ и гражданскій законъ, того и законъ совѣсти, того и писанный законъ. И всякій законъ—потому законъ, что требуетъ исполненія и налагаетъ обязательство къ тому. Всѣ внѣшніе законы прицѣпляются къ закону совѣсти; совѣсть же Богъ въ твореніи неразрывно сочеталъ съ сознаніемъ и чувствомъ, такъ что нѣтъ человѣка, который бы не чувствовалъ голоса, внутри его повторяющагося: сотвори и живъ будешь. Какъ нѣтъ притомъ никого, кто бы искренно созналъ себя во всемъ правымъ, то нѣтъ никого, кто бы не искалъ оправданія внѣ себя. Доказательство сему устройство всѣхъ религій на землѣ. Такое Богъ даровалъ устройство естеству нашему духовному, чтобъ въ себѣ самихъ мы чувствовали непрестанный позывъ прибѣгать къ покрову Господа, насъ оправдавшаго крестною смертью.

Вниманіе Апостола ограничивается однимъ ветхимъ закономъ Моисеевымъ, потому что о немъ рѣчь. Настоящій стихъ не даетъ новой мысли, а только поясняетъ предыдущую. Ветхозавѣтная экономія спасенія, по духу своему, вообще говоритъ: праведный отъ вѣры живъ будетъ; а законъ, одинъ, отдѣлившись отъ вѣры, твердитъ: сотвори и живъ будешь. Сотворить же всего законнаго никто не въ силахъ; и остаются такимъ образомъ одного закона держащіеся безъ возможности достигнуть живота. Онъ какъ бы говоритъ Галатамъ:

вотъ куда вы попали, склонившись на подчиненіе закону!

Гдѣ же убѣжище? Вотъ гдѣ:

Ст. 13. *Христосъ ны искупилъ есть отъ клятвы законныя, бывъ по насъ клятва: писано бо есть: проклятъ всякъ висяй на древѣ.*

Апостолъ чувствовалъ будто, что законъ преслѣдуетъ его и всюду тяготѣетъ надъ нимъ своею клятвою. Укрывшись вѣрою подъ сѣнію креста Христова, онъ свободно переводитъ дыханіе и въ радости взываетъ: слава Богу! Христосъ искупилъ насъ отъ клятвы законныя.

Говоря объ искупленіи отъ клятвы законныя, даетъ разумѣть, что вниманіе его стоитъ на Іудеяхъ. Ибо законная клятва, о которой онъ помянулъ предъ симъ въ ст. 10, что проклятъ всякъ, погрѣшающій противъ закона, лежала только на Іудеяхъ. Искупленіе же Господне обнимаетъ весь родъ человѣческій, начиная съ перваго человѣка до послѣдняго, и сила его простирается на всю вѣчность. Ограничиться одними Іудеями въ этомъ мѣстѣ заставила Апостола цѣль рѣчи,—ненужность закона. Впереди онъ разъяснилъ, что законъ, ветхозавѣтное учрежденіе, не оправдывалъ и не спасалъ самъ собою, а только вѣрою въ грядущаго Господа; самъ же по себѣ, одинъ, онъ тяготѣлъ только клятвою надъ всѣми. Теперь говоритъ, что Обѣтованный, вѣрою въ Котораго и сильно было ветхозавѣтное учрежденіе, пришелъ и принесъ Себя въ жертву за всѣхъ. Мы обратились къ Нему, и вѣрою въ Него оправдываемся, освящаемся и предотвращаемъ всякую законную клятву. Онъ однажды себя принесъ и, вѣчно живъ будучи, выну ходатайствуетъ о насъ предъ правдою Божіею. Состоя чрезъ вѣру подъ симъ ходатайственнымъ покровомъ, мы безопасны отъ всѣхъ каръ правды законной. Вотъ это именно и заставило насъ оставить ветхозавѣтное учрежденіе и при-

лѣпиться къ новому въ Господѣ Іисусѣ Христѣ. То уже теперь не нужно. Прежде оно имѣло еще силу подъ условіемъ вѣры; теперь же и съ вѣрою, по прежнему смыслу ея, то-есть въ грядущаго Избавителя, оно ничтоже есть. Ибо Грядый пришелъ, и вѣровать въ Имѣющаго еще придти, когда Онъ уже пришелъ, значитъ извращать Божій порядокъ, идти противъ Бога, и самаго закона, и самопроизвольно держать себя подъ клятвою. Насъ же, увѣровавшихъ Іудеевъ, Господь искупилъ и отъ клятвы и отъ обязательствъ закона. Все то—прочь; мы идемъ путемъ новымъ и живымъ, прямо въ животъ, который во Христѣ.

Такою рѣчью выясняемъ мы соотношеніе сего мѣста съ предыдущимъ. Само же въ себѣ оно ясно. Клятва лежала на насъ; Господь, распеньшись на крестѣ, принялъ за насъ на Себя сію клятву, не подлежа ей, яко святый и непорочный: ибо висяй на древѣ проклятъ предъ Богомъ (Втор. 21, 23). Во Второзаконіи въ указанномъ мѣстѣ предписывается сына непокориваго, сластолюбца, пьяницу—убить и повѣсить на древѣ; вечеромъ снять и похоронить, чтобъ не переночевалъ на древѣ. Ибо проклятъ предъ Богомъ висящій такимъ образомъ. Это висѣніе было вывѣскою крайней порочности висѣвшаго, ради коей и проклятъ предъ Богомъ. Не само висѣніе влекло проклятіе, а грѣхъ, доведшій до такой казни. „Не всякій висящій на древѣ проклятъ предъ Богомъ, но тотъ, кто согрѣшилъ грѣхомъ достойнымъ смерти, умерщвленъ за то и повѣшенъ на древѣ. Не потому онъ проклятъ, что виситъ на древѣ, но потому, что въ такой впалъ грѣхъ, что заслужилъ быть повѣшеннымъ“ (Іерон.).

Это мѣсто есть прообразовательное пророчество; ибо какъ все въ Ветхомъ Завѣтѣ есть сѣнь грядущаго, то и это установленіе было прообразомъ крестной смерти Господа. И Онъ повѣшенъ на древѣ, а вечеромъ снятъ.

Не было въ Немъ грѣха; но какъ въ законѣ висѣніе собственно означало грѣхъ и клятву, то и висѣніе Господа тоже означало, или имѣло туже силу, только не Его самого касаясь, яко непорочнаго, но всего человѣчества. На крестѣ повѣшена самая клятва, такъ что ея болѣе уже нѣтъ ни для кого, кто укрывается подъ сѣнь креста. Св. Златоустъ говоритъ о семъ: „Желающій разрушить клятву самъ долженъ быть свободенъ отъ клятвы, долженъ принять на себя клятву незаслуженную вмѣсто оной заслуженной: такую клятву и принялъ на Себя Христосъ, и ею уничтожилъ заслуженную. И какъ кто-нибудь неподлежащій осужденію, рѣшившись умереть за осужденнаго на смерть, симъ избавляетъ его отъ смерти, такъ поступилъ и Христосъ. Поелику Онъ не подлежалъ проклятію за преступленіе закона, то принялъ на Себя вмѣсто заслуженнаго нами незаслуженное Имъ проклятіе, дабы освободить всѣхъ отъ заслуженнаго. Иб̾о *Онъ беззаконія не сотвори*, *ниже обрѣтеся лесть во устѣхъ Его* (Ис. 53, 9). Но какъ умершій за тѣхъ, кои осуждены на смерть, освобождаетъ ихъ отъ смерти, такъ и принявшій на Себя проклятіе освободилъ отъ проклятія.“—„Никого не должно смущать, пишетъ блаж. Іеронимъ, то, что Христосъ сдѣлался за насъ клятвою. Богъ, сдѣлавшій Его клятвою, Самъ сдѣлалъ Его и грѣхомъ за насъ (2 Кор. 5, 21). Спаситель отъ полноты Божества уничижилъ Себя до пріятія зрака рабія (Фил. 2, 7). Но уничиженіе Господа нашего есть слава наша. Онъ умеръ, чтобъ намъ жить; сошелъ во адъ, чтобы намъ взойти на небо; сдѣлался безуміемъ, чтобы стать мудростію. Онъ отъ полноты Божества умалилъ Себя, зракъ рабій пріявъ, чтобы въ насъ возобитала полнота Божества и изъ рабовъ стали мы господами. Онъ повисъ на древѣ, чтобы грѣхъ, нами учиненный на древѣ познанія добра и зла, истребить повѣ-

шеніемъ на древѣ. Онъ сталъ и клятвою, чтобы благословеніе на насъ низошло, и почило въ насъ.“

Благодареніе Господу, мы всѣ христіане вѣрующіе укрыты подъ сѣнію Креста отъ всѣхъ клятвенныхъ грозъ закона. Однакожъ это не безусловно. *Ни едино намъ осужденіе нынѣ*, но какъ? если мы не по плоти ходимъ, но по духу (Рим. 8, 1),—другими словами: если мы удаляемся отъ всякаго грѣха и ревнуемъ объ исполненіи всѣхъ заповѣдей Евангельскихъ, укрѣпляемые благодатію Св. Духа. Безъ этого же клятва во всей силѣ виситъ и на насъ. Не думай никто, будто, поелику Господь искупилъ насъ отъ клятвы, а мы вѣруемъ, то намъ можно жить какъ душѣ угодно. Нѣтъ, коль скоро грѣшимъ, то на насъ еще вящшая кара. Преимущество наше то, что когда, ревнуя объ исполненіи заповѣдей, спотыкаемся и падаемъ, то сознавши, исповѣдавши и оплакавши грѣхъ, тотчасъ прощеніе и разрѣшеніе получаемъ, ради вѣчнаго, выну стоящаго предъ правдою Божіею ходатайства о насъ Господа распеньшагося, и ради посильныхъ трудовъ нашихъ къ заглажденію грѣха, коими къ намъ прививается сила того небеснаго ходатайства, при вѣрѣ въ Него.

Клятва законная идетъ по пятамъ всякаго преступника закона. Она срощена съ преступленіемъ закона, какъ благословеніе срощено съ исполненіемъ его. Въ раю сказано было: *въ оньже аще день снесте, смертію умрете* (Быт. 2). Это клятва, которая и вступила въ силу вслѣдъ за вкушеніемъ. Въ законѣ прописанная клятва извѣстна. И на язычникахъ лежала клятва, только не чрезъ писанный законъ, а чрезъ законъ совѣсти. Ибо угрызеніе совѣсти что есть другое, какъ не дѣйствіе клятвы, положенной правдою Божіею за всякое преступленіе закона? И подъ Евангеліемъ сущіе не свободны отъ клятвы, коль скоро не исполняютъ заповѣдей Еван-

гелія (Іеронимъ пространо). Жизнь истинная—въ строгомъ, полномъ и всестороннемъ исполненіи воли Божіей, выражающейся въ заповѣдяхъ и предписаніяхъ нравственнаго закона (Мѳ. 7, 21). Вся Новозавѣтная экономія спасенія,—воплощеніе, крестъ, благодать Духа, все сіе есть затѣмъ, чтобы восполнить немощное закона, а не отстранить его, или свесть на второй задній планъ. На это должно быть обращаемо и все вниманіе наше, всѣ силы и всѣ заботы. Уклоняющійся вниманіемъ инуды, сдвигается съ главной точки, теряетъ мѣту, принимаетъ заблудное направленіе. Сюда вѣра, сюда таинства, сюда всѣ освятительные и укрѣпительные чины Церкви, сюда всѣ подвиги! Все должно быть направляемо къ тому, чтобы явиться намъ чадами Божіими, непорочными въ пришествіе Господне.

Ст. 14. *Да въ языцѣхъ благословеніе Авраамле будетъ о Христѣ Іисусѣ, да обѣтованіе Духа пріимемъ вѣрою.*

Какимъ образомъ съ искупленіемъ отъ клятвы законныя такъ тѣсно соединено распространеніе благословенія Авраамова о Христѣ Іисусѣ на язычниковъ, что послѣднее есть прямое слѣдствіе перваго? Какъ уже прежде замѣчено было, рѣчь у св. Апостола здѣсь очень сжата, и между выражаемыми имъ положеніями, для уразумѣнія ихъ связи, необходимо воспроизводить цѣлый рядъ дополнительныхъ мыслей. Это и здѣсь необходимо сдѣлать. Намъ теперь, издали, очень ясно, какъ благословеніе Авраамово перешло на язычниковъ. Подзаконное учрежденіе Божіе чрезъ Моѵсея была единственная, истинная на землѣ вѣра. Но учрежденіе сіе было такъ организовано, что отособляло народъ іудейскій отъ всѣхъ языковъ. Законъ былъ стѣною между языками и Іудеями. Это само по себѣ не такъ значительно; но значительно оно тѣмъ, что чрезъ такое отдѣленіе язычники отдѣляемы были и отъ того благословенія, которое сокрыто было

въ законѣ чрезъ вѣру въ Грядущаго. Этимъ сокровеннымъ сокровищемъ законъ и силенъ былъ предъ Богомъ и людьми. Аврааму обѣтовано благословеніе чрезъ него языковъ, но сіе благословеніе не по воздуху должно было перейти къ нимъ. Оно скрыто было въ законѣ, чтобы въ свое время раскрыться и излиться на нихъ. Такимъ образомъ законъ и оттраждалъ язычниковъ и содержалъ для нихъ сѣмя благословенія. Какъ же вкусятъ они благословенія? Не иначе, какъ чрезъ отмѣненіе закона, яко закона. Симъ преграда закона разорялась, и сокрытое въ немъ благословеніе становилось доступнымъ для языковъ. Совершила сіе дѣло крестная смерть Господа. Она сдѣлала ненужными всѣ чины подзаконные, потому что они были тѣнію истины, теперь явившейся на дѣлѣ. Но сія смерть потому такую имѣла силу, что она была искупленіемъ отъ клятвы законныя (собственно и закона писаннаго и неписаннаго, въ отношеніи же къ Іудеямъ писаннаго, такъ какъ о семъ рѣчь). Вотъ какимъ образомъ вышло что съ искупленіемъ отъ клятвы законныя соединялось распространеніе благословенія Авраамова на язычниковъ. Искупленіе сіе совершено крестною смертію Господа,—крестная смерть дѣлала ненужными всѣ подзаконные оправдательные чины, а съ отмѣненіемъ ихъ разорялось все ветхозавѣтное учрежденіе, и сокрытое въ немъ благословеніе въ вѣрѣ Грядущаго становилось чрезъ вѣру доступнымъ всему міру. Ибо благословеніе Авраамово было о сѣмени его, т.-е. о Христѣ Іисусѣ, Господѣ, бывшемъ по плоти отъ сѣмени его, вѣра въ Котораго составляла таинственное существо и Ветхаго Завѣта.

Да обѣтованіе Духа пріимемъ вѣрою. Этимъ объясняется, въ чемъ сила благословенія Авраамова. Аврааму сказано было только, что о сѣмени его благословятся всѣ. Пророки потомъ изъяснили, что сіе благословеніе

есть не плотское какое, а духовное, и будетъ состоять въ изліяніи Духа на всякую плоть (Іоил. 2, 28; Ис. 44, 3; Зах. 12, 10). Это исповѣдалъ и возвѣстилъ вслухъ всему Іерусалиму св. Петръ, въ часъ самаго сошествія Святаго Духа. Пріятіе Св. Духа и осязательное проявленіе Его дѣйствія въ душахъ, стало потомъ отличительною чертою истинно вѣрующихъ во Христа. И вообще разсуждая,—существо христіанства состоитъ въ обновленіи падшаго естества нашего благодатію Святаго Духа. Гдѣ нѣтъ сего обновленія, тамъ нѣтъ Духа; гдѣ нѣтъ Духа, нѣтъ Христа; гдѣ нѣтъ Христа, тамъ ложь и пагуба. Это обновленіе должно быть цѣлію исканія для христіанъ. Вѣра въ Господа, съ рѣшимостію слѣдовать волѣ Его, исключительное условіе къ принятію Св. Духа чрезъ таинства. Но симъ полагается только сѣмя обновленія; самое же обновленіе совершается Духомъ чрезъ труды человѣка въ исполненіи заповѣдей и посильное подъятіе подручныхъ подвиговъ. Другаго пути нѣтъ. Уклоняющіеся отъ послѣдняго условія не могутъ достигнуть обновленія, какъ ни мудро будутъ толковать о христіанствѣ.

Что касается до сочетанія сихъ словъ съ предыдущимъ, то, какъ сказавъ объ искупленіи отъ клятвы законныя, Апостолъ имѣлъ во вниманіи Іудеевъ, а сказавъ о распространеніи благословенія Авраамова на язычниковъ, имѣлъ во вниманіи сихъ послѣднихъ, не будетъ никакой несообразности принять, что говоря о пріятіи Духа, онъ имѣлъ во вниманіи тѣхъ и другихъ, и при словѣ: *пріимемъ*, подразумѣвалъ: мы христіане изъ Іудеевъ и язычниковъ.

Св. отцы не обращаютъ вниманія на грамматическое теченіе рѣчи, а на одно соотношеніе выражаемыхъ здѣсь истинъ. „Поелику, пишетъ св. Дамаскинъ, нельзя было благодати Св. Духа низойти на нечистаго и со-

стоящаго подъ неблаговоленіемъ; то прежде благословляются съ отъятіемъ клятвы; потомъ оправдавшись вѣрою, привлекаютъ благодать Духа: такъ что Крестъ разрушилъ клятву, вѣра привела оправданіе, а оправданіе привлекло благодать Св. Духа.“ Ибо „чтобъ пріять обѣтованіе Духа, по Ѳеофилакту, надлежало оправдаться вѣрою.“ О благословеніи Авраамовомъ на языки св. Златоустъ говоритъ: „явно, что все сіе сказано о Христѣ: ибо Онъ былъ сѣмя Авраамово, и всѣ народы чрезъ Него благословляются и получаютъ обѣтованіе Духа. Указывая на сіе, и Апостолъ говоритъ: *да обѣтованіе Духа пріимемъ вѣрою.* Поелику же благодать Духа не можетъ излиться на безблагодатныхъ и находящихся подъ проклятіемъ, то благословляются прежде всего чрезъ отъятіе проклятія; потомъ оправданные чрезъ вѣру, получаютъ благодать Духа. Такимъ образомъ Крестъ разрушилъ клятву, а вѣра ввела оправданіе, оправданіе же низвело благодать Духа.“

Б).

ОПРОВЕРЖЕНІЕ ВОЗРАЖЕНІЙ ОБЪ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОМЪ ЗНАЧЕНІИ ДЛЯ ЯЗЫЧНИКОВЪ ВѢРЫ ПОМИМО ЗАКОНА.

(3, 15—29).

Изъ сказаннаго доселѣ св. Апостоломъ Галаты ясно видѣли, что они несомнѣнно сподобляются благословенія Авраамова одною вѣрою, помимо закона. И можно полагать, что христіанъ изъ язычниковъ это окончательно упокоивало. Но у христіанъ изъ Іудеевъ могли родиться при семъ противомыслія, сильныя поколебать образовавшіяся убѣжденія. или мѣшать даже образоваться имъ. Они могли подумать: 1) Аврааму даны были

обѣтованія вѣры ради, и исполненіе ихъ обусловлено вѣрою, потому что тогда не было закона. Но пришелъ законъ и измѣнилъ условія; такъ что послѣ учрежденія его полученіе обѣтованія стало условливаться не вѣрою, а закономъ. Апостолъ провидѣлъ это возраженіе, и устраняетъ его. Нѣтъ, говоритъ, законъ не отмѣнялъ силы обѣтованія за вѣру (3, 15—18). Но отсюда рождалось само собою другое недоумѣніе: 2) если такъ, то зачѣмъ же законъ? Онъ пѣстунъ во Христа. Почему, когда пришелъ Христосъ Господь, долженъ престать. Теперь и мы (Іудеи) и вы (язычники) одно о Христѣ Іисусѣ (—19—29).

Устраняя такія недоумѣнія, св. Павелъ, можно полагать, имѣлъ въ виду преимущественно Іудеевъ, доказывая, что законъ не нуженъ уже и для нихъ. Но этимъ еще болѣе убѣждалъ язычниковъ въ ненужности для нихъ закона.

1.

Законъ не отметаетъ обѣтованія даннаго Аврааму. (3, 15—18).

Итакъ могли думать: пусть въ Авраамѣ дано было обѣтованіе вѣрѣ, но послѣ пришелъ законъ, и, можетъ быть, отмѣнилъ то обѣтованіе. Св. Павелъ разсѣеваетъ сіе недоумѣніе, сравнивая обѣтованіе съ обычнымъ у людей завѣщаніемъ. Какъ завѣщанія, законно составленнаго и законно утвержденнаго, никто не можетъ ни отмѣнить, ни измѣнить прибавкою или убавкою, такъ и обѣтованія даннаго Аврааму, какъ завѣщанія, Богомъ утвержденнаго прежде закона, не могъ отмѣнить законъ, пришедшій спустя столь долгое время послѣ. Сила убѣжденія заключается въ словѣ *никто*, разумѣется, сторонній, при чемъ законъ представляется лицемъ. Соглашаясь съ такимъ понятіемъ, не встрѣтимъ недоумѣ-

ній, тѣмъ паче, что въ сравненіи, какъ и въ притчѣ, не слѣдуетъ искать соотвѣтствія сравниваемыхъ предметовъ полнаго, черта въ черту. Но нельзя не видѣть, что при семъ умѣстно новое недоумѣніе, именно: сторонній никто не можетъ измѣнять или отмѣнять завѣщанія; но тотъ же завѣщатель, пока живъ, можетъ и измѣнить и отмѣнить свое завѣщаніе. Законъ данный чрезъ Моисея, есть тоже завѣщаніе (Завѣтъ). Данъ онъ тѣмъ же Завѣщателемъ Богомъ, Который всегда живъ есть и властенъ дѣлать всякія измѣненія въ Своихъ обѣтованіяхъ благъ людямъ. Далъ Онъ завѣщаніе въ Авраамѣ, и оно было въ силѣ; потомъ нашелъ нужнымъ дать новое завѣщаніе чрезъ Моисея и, можетъ быть, въ силѣ стало уже сіе послѣднее съ отстраненіемъ перваго. На это можно отвѣтить такъ: одинъ и тотъ же завѣщатель можетъ дѣлать разныя завѣщанія, и коль скоро послѣдующее завѣщаніе, особымъ пунктомъ, не отмѣняетъ всего предыдущаго, или части его, то оно остается въ полной силѣ, особенно когда и по предметамъ, и по лицамъ, и по условіямъ онѣ разнятся между собою. Законъ Моисеевъ есть точно другой Божій завѣтъ относительно завѣта съ Авраамомъ; но въ немъ нѣтъ пункта, которымъ бы отметался сей послѣдній, какъ указываетъ и слово Апостола: „Завѣта, предъутвержденнаго съ Авраамомъ, бывшій по лѣтѣхъ законъ не отметаетъ,“ не говоритъ гласно, что этотъ законъ разоряетъ обѣтованіе Авраамово (ст. 17). По содержанію же своему завѣтъ съ Авраамомъ и завѣтъ чрезъ св. Моисея различны. Обѣтованіе Аврааму обнимаетъ все человѣчество, законъ же обдержитъ исключительно одинъ народъ іудейскій; цѣль перваго—всѣхъ объединить разлитіемъ на всѣхъ благословленія Авраамова, цѣль послѣдняго — отъособить отъ всѣхъ народовъ народъ іудейскій, чтобы въ немъ сохранить обѣ-

тованное всѣмъ благословеніе о сѣмени Авраама, до времени сокровенно; условіе перваго — вѣрная вѣра, условіе втораго—дѣла, между прочимъ и какъ средства отъособленія (ст. 18). Такимъ образомъ законъ ни гласно (т.-е. особымъ пунктомъ), ни не гласно (т.-е. содержаніемъ) не отмѣняетъ обѣтованія Авраамова, оставляя его во всей его силѣ.

Предпосылаемъ такое общее обозрѣніе всего разсужденія св. Апостола Павла въ 15—18 стихахъ, подражая св. отцамъ, которые и все толкованіе сего отдѣленія ограничиваютъ подобнымъ обозрѣніемъ. Такъ св. Златоустъ говоритъ: „Если человѣкъ, говоритъ Апостолъ, сдѣлаетъ завѣщаніе, осмѣлится ли кто-нибудь послѣ перемѣнить его, или что-нибудь прибавить? (ибо сіе значитъ слово: *приповелѣваетъ*): тѣмъ паче не должно быть сего въ Завѣтѣ Божіемъ. Кому же Богъ сдѣлалъ завѣщаніе? *Аврааму*, говоритъ, *речени быша обѣты*, и проч... Итакъ вотъ и Богъ сдѣлалъ завѣщаніе Аврааму, сказавъ, что язычники получатъ благословеніе о сѣмени его. Какъ же законъ можетъ уничтожить сіе благословеніе? Поелику же никакой примѣръ не можетъ выразить изображаемаго имъ предмета, потому и сказалъ: *по человѣку глаголю*, чтобы ты изъ приведеннаго примѣра ничего не выводилъ несообразно съ величіемъ Божіимъ. Смотри же съ высшей точки на приведенный примѣръ: Богъ обѣщалъ Аврааму благословить народы о сѣмени его. Сѣмя же его по плоти есть Христосъ. *А по лѣтѣхъ четыреста и тридесятихъ пришелъ законъ*. Итакъ, если законъ раздаетъ благословенія, и жизнь, и оправданіе, то оное обѣтованіе уже не имѣетъ силы. Но какъ же это? Человѣческаго завѣщанія никто никогда не уничтожаетъ, а Божіе завѣщаніе послѣ 430 лѣтъ сдѣлалось недѣйствительнымъ? Ибо если не сіе завѣщаніе даетъ обѣщанное, а другое вмѣсто

его, то очевидно, что оно отвергнуто. Но есть ли тутъ разумъ?“ — Подобное же обозрѣніе у Θеодорита и другихъ.

Это однакожъ не дѣлаетъ излишними нѣкоторыхъ замѣчаній и на каждый въ отдѣльности текстъ изъ 15—18.

Ст. 15. *Братіе, по человѣку глаголю: обаче человѣческаго предутверждена завѣта никтоже отметаетъ или приповелѣваетъ.*

Братіе. Сердце Апостола умягчается; отъ строгости обличительной переходитъ онъ къ отеческому уговариванію. „Кстати сказалъ: *братіе,* тѣмъ, которыхъ предъ симъ назвалъ несмысленными. Не должно (къ исправляемымъ) обращаться все съ строгою и укорною рѣчью; надо ее и подслащать“ (Экуменій).

По человѣку глаголю. Для объясненія своего предмета беретъ примѣръ изъ обычныхъ между людьми дѣлъ. Не берется за высокія созерцанія, но къ повсюдному обращается опыту, чтобъ чрезъ него возвесть къ тѣмъ, ибо не подъ силу юному въ познаніи божественныхъ вещей уму витать въ высотахъ тѣхъ. „Что имѣю сказать, не говорю по Божескому, не говорю по сокровенной премудрости, и не какъ такимъ, которые могутъ вкушать твердую пищу, но какъ такимъ, которые по нѣжности стомаха, питаются еще млекомъ, не могутъ слышать о великихъ вещахъ (1 Кор. 3, 2)“ (Іеронимъ).

Обаче—даже,—вотъ и,— вѣдь и. Мысль: вамъ извѣстно, что и—

Человѣческаго предутверждена завѣта. Не человѣкомъ утвержденнаго, а человѣческаго, имѣющаго мѣсто и бывающаго между людьми. Направляется мысль не на то, что онъ человѣкомъ утвержденъ, а что утвержденъ, какъ бываетъ между людьми, составленъ по всѣмъ обычнымъ требованіямъ, а главное вошелъ въ силу. „Завѣщанія, составленнаго хорошо, съ доброю цѣлію и во всемъ порядкѣ, не позволяется извращать“ (Θеодо-

ритъ). Κεκυρωμένην.... въ иныхъ читается: προκεκυρωμένην какъ и у насъ въ слав. (въ смыслѣ: давно утверждена), даетъ мысль о завѣщаніи форменно утвержденномъ законною властію, какъ напримѣръ у насъ гражданскія постановленія, утвержденныя Государемъ, получаютъ силу закона къ исполненію. — „И *человѣческаго,* который несравненно менѣе твердъ, чѣмъ Божественный. Если завѣщатель измѣняетъ завѣщаніе, то измѣняетъ еще не утвержденное. Смерть завѣщателя окончательно дѣлаетъ утвержденнымъ завѣщаніе, потому что послѣ сего уже и возможности нѣтъ перемѣнить ему намѣреніе свое. У Бога замѣняется сіе неизмѣнностію Его опредѣленій" (Августинъ). *Елика бо обѣтованія Божія, въ томъ ей и въ томъ аминь* (2 Кор. 1, 20).

Никтоже. По ходу рѣчи, будто скорѣе: никто сторонній. И законъ представляется, какъ стороннее лице, явившееся послѣ. Или: *никто* вообще, т.-е. не бываетъ такъ между людьми, чтобы кто-нибудь перемѣнялъ утвержденный завѣтъ. Цѣль у св. Апостола сравненіемъ убѣдить въ неизмѣнности Божіихъ обѣтованій. Сила рѣчи въ: *утверждена*, въ смыслѣ: вошедшаго въ силу закона. Всѣ другіе обстоятельственные термины большаго значенія не имѣютъ.

Отметаетъ, или приповелѣваетъ. Отметаетъ—совсѣмъ отмѣняетъ; *приповелѣваетъ*, прибавляетъ новые пункты, измѣняющіе смыслъ и значеніе первыхъ. Это послѣднее предполагается по цѣли рѣчи св. Апостола.

Ст. 16. *Аврааму же речени быша обѣты, и сѣмени его. Не глаголетъ же: и сѣменемъ, яко о многихъ, но яко о единомъ: и сѣмени твоему, иже есть Христосъ.*

У св. Апостола въ семъ мѣстѣ полное умозаключеніе. Предыдущій стихъ содержитъ главное положеніе, большую посылку; настоящій — подчиняющее положеніе, меньшую посылку; слѣдующій—заключеніе. Предъ симъ

сказалъ: завѣщанія давно утвержденнаго и вошедшаго въ силу закона никто не отмѣняетъ. Теперь говоритъ: но Аврааму дано завѣщаніе. Потомъ скажетъ: слѣдовательно оно неотметно. Но какъ завѣщаніе, данное Аврааму, имѣло особый видъ, именно дано, какъ обѣтованіе; то такъ и говоритъ о семъ св. Павелъ, объясняя притомъ, какого именно предмета касалось обѣтованіе, или въ чемъ существо его. Потомъ и въ заключеніе вводитъ эти новыя объяснительныя понятія.

Аврааму речени быша обѣты. Обѣты—стоитъ вмѣсто завѣщанія, какъ ожидается по ходу рѣчи. Въ существѣ они оба—одно и тоже. Завѣщаніе дѣлаетъ наслѣдникомъ, т.-е. обладателемъ извѣстныхъ благъ; и обѣтованіе обѣщаетъ блага, коихъ обладателемъ становится тотъ, на комъ обѣтованіе исполняется. Какіе речены Аврааму обѣты, объ этомъ уже сказано, именно, что о немъ и о сѣмени его, или о немъ ради сѣмени его, благословятся всѣ языки. Какъ обѣтованіе исполняется чрезъ сѣмя, то это слово и требовало въ рѣчи Апостола точнѣйшаго опредѣленія. Онъ это и дѣлаетъ. Сѣмя, говоритъ, здѣсь означаетъ не народъ весь, не все потомство Авраамово, а одно лицо изъ потомства, именно, Христа Господа. Но для объясненія этого Апостолъ не дѣлаетъ дальнихъ соображеній, а беретъ самую букву обѣтованія, и изъ ней дѣлаетъ о томъ наведеніе.

Не глаголетъ же: и сѣменемъ, яко о многихъ, но яко о единомъ: и сѣмени твоему, иже есть Христосъ.

Хотя къ буквѣ прицѣпляетъ Апостолъ свое объясненіе; но сама буква здѣсь такого свойства, что и въ своемъ мѣстѣ, въ текстѣ обѣтованія, она иначе быть понимаема не можетъ. Обѣтованія Аврааму выражаемы были такъ: *умножу сѣмя твое, дамъ землю сію.* Это плотскія обѣтованія. Но къ сему всегда прилагалось: *и благословятся*

о съмени твоемъ вся языки. Это не могло быть плотскимъ. Хотя въ словѣ къ Аврааму не ясно, какъ сіе могло сбыться, но сила рѣчи такова, что сама собою наводила на мысль о нѣкоемъ отъ сѣмени Авраамова Лицѣ, выходящемъ изъ обычнаго ряда, отъ Коего и разольется благословеніе на всѣ народы. Вѣрующее сердце достойнѣйшихъ потомковъ Авраама ощущало сію истину, и побуждало ихъ чаять именно такого Лица; Пророки указывали на Него опредѣленно; и весь Израиль въ сѣмени семъ зрѣлъ чаемаго всѣми Мессію. Св. Апостолъ въ своемъ объясненіи беретъ общее всѣхъ достойнѣйшихъ вѣрованіе Духомъ въ Пророкахъ дѣйствовавшимъ освященное. Слово его, по формѣ, къ буквѣ только цѣпляется; но въ существѣ содержитъ вседовлѣтельное объясненіе смысла обѣтованія, даннаго Аврааму.

Блажен. Θеодоритъ пишетъ: „обѣтовалъ Богъ всяческихъ благословить народы сѣменемъ Авраамовымъ; а это сѣмя есть Самъ Владыка Христосъ. Ибо Имъ обѣтованіе сіе приведено въ исполненіе, и народы пріяли благословеніе. Всѣ же прочіе, даже достигшіе самой высокой добродѣтели, Моvсей, Самуилъ, Илія, однимъ словомъ, всѣ ведущіе родъ отъ Израиля по естеству, хотя и называются сѣменемъ Авраамовымъ, однакоже не суть сѣмя, принесшее источникъ благословенія народамъ. Это и сказуетъ Апостолъ (въ словахъ сего 16 стиха). Не потому что и они ведутъ родъ свой отъ Авраама, будто суть они означенное сѣмя. Въ собственномъ смыслѣ Христосъ имѣетъ сіе наименованіе, какъ Единый имѣвшій по обѣтованію даровать благословеніе народамъ. Богъ сказалъ: *благословятся о съмени твоемъ вси языцы земніи* (Быт. 22, 18). Но ни отъ кого другаго не пріяли народы благословенія сего.“

Амвросіастъ выражаетъ при семъ ту мысль, что иначе понимать сіе обѣтованіе есть тоже, что дѣлать подлогъ

въ завѣщаніи. „Это обѣтованіе, пишетъ онъ, исполнено во Христѣ, о имени Коего благословятся всѣ народы чрезъ вѣру. Такимъ разсужденіемъ Апостолъ показываетъ, что тѣ, которые при вѣрѣ во Христа чаютъ еще чего либо отъ закона, дѣлаютъ какъ-бы подлогъ въ завѣщаніи, будто спасеніе не во Христѣ только обѣщано, но есть и въ законѣ. Почему и утверждаетъ, что обѣтованіе благословенія дано во единомъ Христѣ."

Ст. 17. *Сіе же глаголю, завѣта предутвержденнаго отъ Бога во Христа, бывый по лѣтѣхъ четыреста и тридесятихъ законъ не отметаетъ, во еже разорити обѣтованіе.*

Тутъ заключеніе изъ двухъ предыдущихъ положеній. *Сіе же глаголю*,—этимъ я вотъ что хочу сказать, что *завѣта предутвержденнаго*, давно утвержденнаго и вошедшаго въ силу закона, *отъ Бога во Христа*,—не о Христѣ, а во Христа: во Христа упирался онъ весь предметомъ, цѣлями, силою, и данъ былъ отъ Бога по предувѣдѣнію, что язычникамъ предлежитъ оправданіе вѣрою во Христа, въ чемъ и состоитъ обѣтованное благословеніе языковъ, какъ сказалъ Апостолъ выше ст. 8,—сего завѣта законъ бывшій спустя столько времени, 430 лѣтъ, *не отмѣтаетъ* ουκ ακυροι, не разутверждаетъ, въ противоположность προκεκυρωμενην предутвержденна—*во еже разорити обѣтованіе*— καταργησαι, что въ приложеніи къ зданіямъ выражаетъ обычную у насъ фразу: съ землею сравнять, до основанія разорить,—чтобъ совершенно уничтожить обѣтованіе, сдѣлать его будто несуществующимъ.

Въ этомъ заключеніи довольно было только сказать: слѣдовательно и обѣтованіе Аврааму никто не можетъ отмѣнить, или измѣнить. Но св. Апостолъ обставляетъ его всѣми соприкосновенными понятіями, чтобъ представить вполнѣ округленную мысль, соотвѣтственно цѣлямъ своимъ.

430 лѣтъ Самъ Богъ опредѣлилъ, когда давалъ обѣтованіе объ Исаакѣ. Какимъ образомъ самимъ дѣломъ исполнились сіи года въ исторіи, дѣло неважное. Исхода въ гл. 12 ст. 40 этимъ числомъ лѣтъ опредѣляется время обитанія сыновъ Израилевыхъ въ землѣ Египетской и въ землѣ Ханаанской (до переселенія въ Египетъ).

Ст. 18. *Аще бо отъ закона наслѣдіе, не ктому уже отъ обѣтованія: Аврааму же обѣтованіемъ дарова Богъ.*

Утвердивъ, что завѣщанія, дарованнаго Аврааму въ обѣтованіи нельзя отмѣнить, Апостолъ для усиленія своего заключенія, прибавляетъ: а если по вашему судить, т.-е. условливать полученіе обѣтованія подчиненіемъ закону Моисееву, то обѣтованіе будетъ разорено. Ибо если полученіе того, что обѣтовано въ наслѣдіе,— зависитъ отъ закона, то уже не въ силу того обѣтованія; Аврааму же даровалъ Богъ это преимущество, чтобъ о сѣмени его благословеніе получили всѣ языки, помимо всѣхъ условій, по одному благопромыслительному обѣтованію.

Здѣсь терминъ *наслѣдіе* введенъ по поводу сравненія обѣтованія съ завѣщаніемъ. Получаемое по завѣщанію называется наслѣдіемъ; св. Апостолъ называетъ наслѣдіемъ и то, что получается по обѣтованію, которое онъ отождествилъ съ завѣщаніемъ. Язычники теперь, по волѣ благопромыслительнаго Бога, вступаютъ посредствомъ вѣры въ Господа Іисуса Христа въ наслѣдіе того, что завѣщалъ на ихъ долю Богъ еще въ обѣтованіи Аврааму. Закону имѣть въ этомъ какое-либо участіе или значеніе, совсѣмъ не умѣстно, противно намѣреніямъ Божіимъ. И кто это дѣлаетъ, тотъ все устроеніе Божіе разоряетъ. „Если обѣтованіе изрекаетъ, что благословеніе будетъ чрезъ Христа, а между тѣмъ вмѣсто Христа законъ будетъ давать благословеніе; то завѣтъ Божій Аврааму разоряется,—ни къ чему уже“ (Экуменій). „Какъ

же можетъ законъ отмѣнить этотъ завѣтъ, или обѣтованіе, такъ чтобы благословеніе получали народы не чрезъ Христа, а чрезъ заповѣди закона? Это не что иное будетъ, какъ уничтоженіе обѣтованія; что нелѣпо“ (Ѳеофилактъ).

Сдѣлаемъ двѣ-три выписки изъ свято-отеческихъ толкованій, которыми выясняется все, изложенное въ сихъ стихахъ, разсужденіе св. Апостола.

Св. Дамаскинъ пишетъ: „мысль св. Апостола въ сихъ словахъ такая: завѣщано Аврааму, что о сѣмени его благословятся всѣ народы. Сѣмя это—Христосъ по плоти. Спустя 430 лѣтъ, послѣ сего завѣщанія, пришелъ законъ. Итакъ, если этотъ законъ даетъ благословеніе, жизнь и оправданіе, то завѣщаніе то уже ни къ чему будетъ. Отсюда выйдетъ, что тогда какъ человѣческаго завѣщанія никто не отмѣняетъ, завѣщаніе Божіе стало недѣйствительнымъ спустя 430 лѣтъ. Ибо если то, что обѣщало оное завѣщаніе, подаетъ не оно, а другой нѣкто, т.-е. законъ, то завѣщаніе симъ отмѣняется. А это съ чѣмъ сообразно?“

Вотъ слова блаж. Августина: „Когда дано обѣтованіе, законъ не былъ еще данъ, и спустя столько лѣтъ не могъ быть данъ въ томъ смыслѣ, чтобъ предшествовавшее обѣтованіе Аврааму дѣлалъ не имѣющимъ силы. Это заставляетъ насъ признать и то, что всѣ древніе (и подзаконные), какіе были оправданы, оправданы (не закономъ собственно, но) вѣрою (въ немъ сокровенно дѣйствовавшею). Мы содѣлываемся спасенными, вѣруя отчасти въ прошедшее, т.-е. въ первое пришествіе Господа, отчасти въ будущее, т.-е. во второе пришествіе Господа. А они во все это, т.-е. и въ то и въ другое пришествіе вѣровали, какъ въ будущее, по откровенію Духа Святаго, да спасутся. Отсюда и слѣдующее изре-

ченіе Господа: Авраамъ желалъ видѣть день Мой; и видѣлъ и возрадовался“ (Іоан. 8, 56).

Амвросіастъ такъ разсуждаетъ: „Іудеи защищаютъ два противорѣчивыхъ положенія. Ихъ никакимъ образомъ убѣдить нельзя, что обѣтованіе Авраамово не отмѣнено закономъ; но сами же они, въ противность этому, упорно утверждаютъ, что оправданіе невозможно безъ дѣлъ закона, зная, что Авраамъ, образецъ оправданія, оправданъ одною вѣрою безъ дѣлъ закона. Будучи ослѣплены какою-то ревностію, они не разумѣютъ и въ толкъ себѣ взять не могутъ, что если оправданіе зависитъ отъ закона, то этимъ уничтожается обѣтованіе; а если уничтожается обѣтованіе, то безъ сомнѣнія тщетною дѣлается и самая вѣра Авраамова: чего и слышать не могутъ Іудеи, зная, что обѣтованіе Авраамово отъ вѣры. Наслѣдники обѣтованія Авраама суть преемники его вѣры, ради коей благословенъ и оправданъ былъ самъ Авраамъ. Эти преемники суть вѣрующіе во Христа. Даръ, обѣтованный Аврааму, чадамъ его по вѣрѣ сообщенъ во Христѣ.“

Не за тѣмъ ли законъ данъ такъ долго спустя послѣ обѣтованія, чтобъ этимъ самымъ разстояніемъ между ними показать, что иное законъ, а иное обѣтованіе вѣрѣ. По ходу дѣла видно, что законъ служебенъ вѣрѣ: онъ данъ былъ за тѣмъ, чтобы обѣтованіе, условливавшееся вѣрою Авраамовою, или подобною его вѣрѣ, могло въ свое время придти въ исполненіе. Законъ не могъ имѣть самостоятельнаго значенія.

2.

Для чего же данъ законъ?

(3, 19—29).

„Могъ родиться вопросъ: какая же была нужда давать законъ спустя столько времени послѣ обѣтованія,

когда съ одной стороны учрежденіемъ закона наводилось сомнѣніе о силѣ завѣта обѣтованія, а съ другой при продленіи (и послѣ сего) силы обѣтованія, законъ могъ казаться безполезнымъ, и тѣмъ подрывать усердіе быть вѣрнымъ ему? Апостолъ рѣшаетъ теперь этотъ вопросъ" (Іеронимъ).

Это изъ всѣхъ вопросовъ о Ветхомъ Завѣтѣ самый существенный, и рѣшеніе, какое даетъ ему св. Апостолъ, есть самое свѣтоносное. Имъ освѣщается весь Божественный планъ домостроительства спасенія нашего; а чрезъ то уясняется высокое значеніе закона и благодѣтельность для всего рода человѣческаго самаго народа подзаконнаго, какъ хранителя сокровища, единственно спасительнаго для всего человѣчества. Но все это только до пришествія Христа Спасителя. Послѣ же сего и законъ въ пагубу, и народъ, держащійся его—злодѣй человѣчества (1 Сол. 2, 15—16).

Итакъ, для чего же законъ?

Опредѣленное для явленія Спасителя міру время, по планамъ Божіимъ, было еще далеко. Между тѣмъ наступалъ для человѣчества періодъ *юношескій* (мысль высокопреосв. митроп. Филарета), когда возбужденіе жизненныхъ силъ и потребностей, и душевныхъ и тѣлесныхъ, не даетъ разуму и совѣсти держать человѣка въ должныхъ предѣлахъ. Предстоялъ всеобщій разливъ многообразной страстности. А при этомъ неизбѣжна потеря всякой даже мысли объ имѣющемъ исцѣлить всѣхъ отъ уязвленія змія Сѣмени жены.

Чтобы этого не случилось, благое Промышленіе Божіе, оставляя всѣ народы идти своимъ естественнымъ путемъ избираетъ одно племя, организуетъ его такъ, чтобъ оно и отъ беззаконныхъ порывовъ было обуздываемо, и хранило вѣру, что придетъ наконецъ Сѣмя, *емуже обѣтовася*. Для этого данъ законъ и посылаемы были Пророки.

Законъ обуздывалъ, налагая цѣпи: не коснися, ниже вкуси, ниже осяжи.... Но внутреннихъ позывовъ грѣшныхъ не отнималъ, сердца не обрѣзывалъ, не оживлялъ духовно. Этимъ стѣсненіемъ внѣшнимъ безъ внутренняго измѣненія онъ располагалъ подзаконниковъ жаждать избавленія, иначе, желать внутренняго измѣненія, которое сдѣлало бы излишними и внѣшнія цѣпи. Въ этомъ существо избавленія; и оно могло быть подано только отъ *вѣры Іисусъ Христовы* (ст. 22). Такимъ образомъ законъ, какъ-бы за руку взявши подзаконниковъ, приводилъ ихъ ко Христу: былъ пѣстуномъ во Христа.

Въ этомъ впрочемъ отношеніи не совсѣмъ были забыты и язычники. Въ духѣ ихъ оставлены неистребимыми—страхъ Божій и требованія совѣсти. Эти двѣ духовныя силы, крайне тревожныя для грѣшнаго сердца, у подзаконныхъ были отчасти утоляемы вѣдѣніемъ истиннаго Бога и поклоненіемъ Ему, и удовлетвореніемъ правдѣ Божіей самимъ Богомъ опредѣленными до времени способами. Язычники же преданы были полному ихъ дѣйствію: такъ что при всемъ томъ, что оно было крайне парализуемо страстностію и невѣдѣніемъ, совсѣмъ никогда не исчезало среди ихъ и заставляло ихъ,—всякій народъ по своему,—искать разныхъ способовъ утоленія сихъ тревожныхъ возбудителей. Такимъ образомъ эти двѣ духовныя силы были для язычниковъ тоже, что для Іудеевъ законъ съ своими грозными карами. И онѣ заставляли искать избавленія, оставляя однакожъ ищущихъ въ полной неопредѣленности относительно сего исканія.

Такою опредѣленностію обладали одни подзаконные Іудеи. И въ этомъ ихъ исключительное преимущество, дѣлающее ихъ народомъ драгоцѣннымъ для всего человѣчества. Законъ самъ, въ духѣ своемъ, указывалъ на Христа Спасителя; потомъ Богомъ посылаемые Пророки все подробно возвѣстили о Немъ. Даровано сіе за тѣмъ,

чтобы когда придетъ Христосъ Господь, былъ Онъ узнанъ Іудеями, и ими указанъ всѣмъ народамъ. Въ этотъ моментъ и Іудеи, опредѣленно искавшіе, и язычники, неопредѣленно искавшіе, равно срѣтали Искомаго и становились всѣ едино. Такъ это и совершилось. Теперь нѣсть Іудей, ни еллинъ: всѣ едино о Христѣ Іисусѣ (ст. 28).

Таково теченіе мыслей, подаемыхъ рѣчью св. Апостола Павла, выражающею значеніе закона для Іудеевъ и для всѣхъ людей (3, 19—29).

Ст. 19. *Что убо законъ? Преступленій ради приложися, дондеже пріидетъ сѣмя, емуже обѣтовася, вчиненъ Ангелы, рукою Ходатая.*

Преступленій ради, для обузданія преступности, чтобы народъ держался въ страхѣ, не предавался порокамъ, а жилъ праведно и дѣлался достойнымъ проявить въ себѣ Обѣтованнаго (Амвросіастъ). „Законъ данъ, чтобы побудить къ попечительности (о нравственности) тотъ народъ, изъ котораго имѣло произникнуть по плоти Сѣмя обѣтованія“ (Ѳеодоритъ). И видимъ, что, при всѣхъ уклоненіяхъ народа Божія на распутія нечестія и грѣха, среди его всегда были ревностные хранители закона, Богу угодные и Имъ единымъ вѣдомые. Это сѣмя святое и было стояніемъ народа. Оттого, когда пришелъ Господь, и всѣ таковые прилѣпились къ Нему, прочій остатокъ Израиля, хотя по внѣшности и болѣе видный, разсѣянъ по лицу земли, въ обличеніе себя и въ подтвержденіе истины Божіей. Св. Златоустъ говоритъ на слова: *преступленій ради*: „Итакъ и законъ не излишенъ. Видишь ли, какъ онъ (Ап. Павелъ) все соглашаетъ и сколькими глазами смотритъ на все? Поелику онъ превознесъ вѣру и показалъ, что она древнѣе закона, то чтобы кто не подумалъ, что законъ излишенъ, онъ и сіе недоумѣніе рѣшаетъ, сказавъ, что

не напрасно, но и очень съ большою пользою данъ законъ, *преступленій ради;* т.-е. чтобы Іудеи не жили безъ страха и не дошли до крайняго нечестія, для сего и данъ имъ законъ, вмѣсто узды, для ихъ наученія, усмиренія и удержанія ихъ отъ нарушенія хотя не всѣхъ заповѣдей, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ. Итакъ не малая польза и отъ закона."

Приложися, къ кому и къ чему?—Можно ни того ни другаго предмета не имѣть въ мысли, и понимать *приложися* въ томъ смыслѣ, что законъ есть нѣчто придаточное, не имѣетъ самостоятельнаго значенія, не самъ по себѣ стоитъ. Экуменій пишетъ: „хорошо сказалъ: *приложися*, чтобъ показать, что законъ не есть первообразное учрежденіе, но данъ какъ нѣчто придаточное, и данъ не на безконечное время, а пока придетъ Христосъ, въ Коемъ обѣтовано благословеніе всѣмъ народамъ." *Или* приложися къ обѣтованію, чтобъ служить средствомъ къ осуществленію его. То и назначеніе закона и народа, по нему организованнаго, чтобы въ свое время могло исполниться обѣтованіе данное Аврааму. *Или* приложися къ народу, въ смыслѣ *возложенъ* на народъ, или что обложенъ имъ народъ: ибо точно Іудей во всѣхъ проявленіяхъ жизни своей былъ обложенъ закономъ, и дома, и въ храмѣ, и на работѣ, и въ пути. Еслибъ законъ былъ для нравовъ врачевательный пластырь, то болѣе приспособленнаго врачеванія и придумать нельзя. Но прямѣе всѣхъ первое значеніе.

Дондеже пріидетъ Сѣмя, емуже обѣтовася, т.-е. то Сѣмя, о которомъ говорится въ обѣтованіи, что о Немъ благословятся всѣ народы. Указываетъ на этотъ предѣлъ намѣренно, чтобы внушить, что если онъ настаиваетъ на отмѣненіи закона, то ничего не дѣлаетъ несправедливаго. Такова участь закона по первоначальному его назначенію. Поелику же Сѣмя обѣтованія пришло,

то очевидно, что законъ исполнилъ свое дѣло, и теперь долженъ престать. „Если законъ данъ только до пришествія Христова, то для чего ты продолжаешь его далѣе, за предѣлы этого времени?“ (Злат.).—*Вчиненъ Ангелы:* Ангелы не творцы закона, а служители при учрежденіи его. Они отъ лица Божія, а Моисей отъ лица людей. Богъ имъ внушалъ, они передавали Моисею, а Моисей народу. Богъ явившись на Синаѣ показалъ, что законъ идетъ отъ Него; но законъ имѣлъ много подробностей; ихъ удобнѣе было передать и истолковать посредствомъ Ангеловъ. Моисею говорится: *виждь, да сотвориши по образу показанному тебѣ на горѣ*. Поелику ветхозавѣтное служеніе было все образное, то его и надлежало видѣть Моисею въ образахъ. Образы всего онъ и видѣлъ на горѣ, а Ангелы истолковывали ихъ, что значитъ и зачѣмъ то и другое нужно. Все же отъ Бога. Самъ Моисей предъ смертію свидѣтельствовалъ: *Господь отъ Синая пріиде... и пріиде со тмами святыхъ, одесную Его Ангели съ Нимъ* (Втор. 33, 2). И всѣ Іудеи вѣровали, что *Моисеови глагола Богъ* (Іоан. 6), и вмѣстѣ содержали, что *законъ* принятъ *устроеніемъ Ангельскимъ* (Дѣян. 7, 53), какъ говорилъ при всѣхъ и ко всѣмъ первомученикъ Стефанъ. Почему въ другомъ мѣстѣ св. Павелъ, пиша къ Евреямъ, не думалъ сказать что-либо отталкивающее, противное ихъ вѣрованіямъ, сказавъ, что весь законъ есть *слово глаголанное Ангелы* (Евр. 2, 2).

Зачѣмъ помянулъ о семъ Апостолъ, когда по цѣлямъ его можно было и безъ сего обойтись? Его навело на это высказанное предъ симъ посредственное значеніе закона. Обѣтованіе, говоритъ, имѣло первообразное, самостоятельное значеніе, а законъ *приложися*, и притомъ на время, *дондеже*. Имѣя такое низшее предъ обѣтованіемъ значеніе, онъ и по устроенію былъ ниже его.

Обѣтованіе дано лицомъ къ лицу Богомъ Аврааму, а законъ *вчиненъ Ангелы*, и притомъ еще *рукою Ходатая*. Двѣ инстанціи отдѣляли народъ отъ Бога—Моисей снизу, и Ангелы сверху, а обѣтованіе далъ лично Самъ Богъ. Отсюда могло идти наведеніе и о превосходствѣ Новаго Завѣта предъ закономъ, какъ исполнителя обѣтованія. Но Апостолъ не раскрываетъ его: это сдѣлалъ онъ въ посланіи къ Евреямъ.

Рукою Ходатая, чрезъ ходатая. Еврейскій оборотъ рѣчи; ибо рука удобнѣйшій органъ дѣятельности наиобширнѣйшей. Но кто здѣсь ходатай? Прямѣе, св. Моисей. Ибо рѣчь идетъ о законѣ, а при учрежденіи его со стороны Израиля, по Божію избранію, посредникомъ былъ Моисей. Онъ говорилъ народу отъ лица Бога: на это избралъ его и самъ народъ (Исх. 20, 19). Моисей исповѣдуетъ сіе потомъ въ своихъ предсмертныхъ рѣчахъ къ народу: *И азъ стояхъ между Господомъ и вами во время оно возвѣстити вамъ глаголы Господни* (Втор. 5, 5). Почему св. Іоаннъ Евангелистъ дѣло Моисея сопоставляетъ съ дѣломъ Господа Іисуса Христа, говоря: *законъ Моисеемъ данъ бысть, благодать же и истина Іисусъ Христомъ бысть* (Іоан. 1, 17).

Ст. 20. *Ходатай же единаго нѣсть: Богъ же единъ есть.*

Этотъ стихъ должно отнести къ числу тѣхъ, о которыхъ писалъ еще Апостолъ Петръ, что у Апостола Павла есть мѣста непонятныя. Каждое положеніе отдѣльно понятно. Понятно, что ходатай единаго нѣсть; онъ бываетъ обыкновенно между двумя сторонами или лицами. Понятно, что Богъ единъ есть, хотя и въ Троицѣ Лицъ поклоняемый. Но какъ сіи положенія здѣсь вяжутся между собою и съ ходомъ рѣчи Апостола—непонятно. Древніе наши толковники и не углублялись въ это, но высказавъ мысль каждаго положенія, далѣе

не шли. Новѣйшіе стали гадать, какъ понимать сіе мѣсто въ его связи, и нагадали. Одинъ изъ нихъ замѣчаетъ, что къ началу нынѣшняго столѣтія было уже нагадано до 250 предположеній; но и все еще продолжаютъ тамъ гадать. И едва ли этому будетъ конецъ.

Что же намъ сдѣлать? Всего лучше сказать: не понимаемъ, и не беремся потому уяснять непонятное. Что бы ни пригадали мы, всего вѣроятнѣе, что не пригадаемъ удовлетворительнаго рѣшенія. Лучше и не браться. Ущерба отъ этого для пониманія рѣчи Апостола не будетъ: ибо слова сіи, какъ и предыдущія: *вчиненъ Ангелы, рукою ходатая*—представляютъ придаточныя положенія, которыя, бывъ поняты, обогатили бы насъ яснѣйшимъ и полнѣйшимъ познаніемъ изрекаемаго, но и не бывъ поняты, не затемняютъ даннаго Апостоломъ рѣшенія на вопросъ: *что убо законъ?*

Ст. 21. *Законъ ли убо противу обѣтованіемъ Божіимъ? Да не будетъ: аще бо данъ бысть законъ могій оживити, воистинну отъ закона бы была правда.*

Этотъ стихъ прямо вяжется съ *преступленій ради приложися*; предшествующія же непосредственно слова суть пояснительныя къ слову *законъ*, а не къ тому, какъ законъ не противъ обѣтованій. Отвѣтивъ на вопросъ; *что убо законъ?* словами: *преступленій ради приложися*, и потомъ задавъ новый отъ себя вопросъ, въ которомъ совмѣщенъ и отвѣтъ: *законъ ли убо противу обѣтованіемъ*, Апостолъ сказалъ этимъ: если законъ преступленій ради приложися, то какъ можетъ онъ быть противенъ обѣтованіямъ?—*противу быть обѣтованіемъ*, т.-е. замѣнить, отмѣнить, разорить, какъ выше выражалось. Какъ это слѣдствіе выходитъ изъ даннаго положенія—не видно. Это выясняетъ св. Апостолъ тотчасъ: еслибъ данъ былъ законъ могущій живити, былъ бы онъ противъ обѣтованій; но какъ этого нельзя сказать (ст. 22), то нельзя

говорить и того, что онъ противъ обѣтованій. Сила мысли св. Апостола въ словѣ *оживлять*. Обѣтованіе обѣщаетъ оживленіе; законъ не даетъ сего оживленія; слѣдственно онъ не отмѣняетъ и не замѣняетъ обѣтованія. Еслибъ онъ оживлялъ, то послѣ него не слѣдовало бы уже и ожидать исполненія обѣтованія. Сила его перешла бы въ законъ. Но какъ этого о законѣ нельзя сказать, то обѣтованіе стоитъ въ силѣ.

Что обѣтованіе точно обѣщало духовное оживленіе, объ этомъ сказалъ Апостолъ выше въ ст. 14, выражая, что благословеніе языковъ, обѣтованное Аврааму, есть пріятіе Животворящаго Духа благодати вѣрою. Въ этомъ существо всего домостроительства спасенія въ Господѣ Іисусѣ Христѣ: въ Немъ сосредоточиваются всѣ обѣтованія и всѣ пророческія благовѣствованія. Пришелъ Господь; вѣрою прилѣпляющіеся къ Нему оживотворяются духовно благодатію Св. Духа и начинаютъ жить новою жизнію. Еслибъ это дѣлалъ законъ, то не нужно бы было и пришествіе Господа, ни Его страданія, ни вознесеніе и сидѣніе одесную Отца, ни ниспосланіе Св. Духа, и устроеніе Новозавѣтной Церкви. Все сіе возъимѣло мѣсто потому, что законъ не имѣлъ силы *оживити*.

Чтобъ это яснѣе себѣ представить, припомнимъ сказанное впереди, что законъ только обуздывалъ, страхомъ удерживая отъ преступныхъ дѣлъ, а внутренней страстности не погашалъ, не оживлялъ духовно. Чрезъ это онъ усиливалъ чувство грѣшности, заставлялъ искать Избавителя обѣтованнаго. Изъ этихъ двухъ сторонъ закона выходитъ, что онъ не только не противъ обѣтованій, т.-е. не только не замѣняетъ и не отмѣняетъ ихъ, но требуетъ исполненія ихъ.

Стоитъ обратить вниманіе на термины, употребляемые Апостоломъ. По ходу рѣчи ожидалось бы, что Апостолъ скажетъ: еслибъ законъ могъ живить, то онъ

былъ бы противъ обѣтованій. Но Апостолъ говоритъ: еслибъ законъ могъ живить, то отъ закона была бы правда. По началамъ св. Апостола выходитъ, что дарованіе правды есть исполненіе обѣтованія во всей силѣ. Исполненіе же обѣтованія (ст. 14) есть пріятіе Духа благодати оживляющаго и возрождающаго. Слѣдственно правда у Апостола есть благодатное возрожденіе, дающее внутреннюю правоту всему строю духовной жизни человѣка, когда, очистившись отъ грѣховъ и силу пріявши противостоять грѣху, служать Богу правдою, въ точномъ исполненіи заповѣдей Его, и дерзновеніе имѣютъ воззрѣвать на Него сыновне, съ увѣренностію въ благоволеніи Его и въ чаяніи вѣчнаго въ Немъ блаженства, о Христѣ Іисусѣ Господѣ, благодатію Духа Святаго.

Блаж. Іеронимъ пишетъ: „Не должно думать, что законъ исключаетъ обѣтованіе, потому только, что, данъ будучи послѣ него, кажется, будто отмѣняетъ его. Напротивъ изъ того, что онъ не могъ живить, не могъ доставить того, что обѣщало обѣтованіе, явно, что онъ самъ данъ на охрану обѣтованія, а не на уничтоженіе его. Еслибъ данъ былъ законъ, могущій доставить жизнь, и исполнить (такимъ образомъ) то, что обѣщало обѣтованіе, точно тогда обѣтованіе было бы исключено закономъ. Но онъ, будучи данъ *преступленій ради*, скорѣе обличаетъ тѣхъ грѣшниковъ, которымъ послѣ обѣтованія данъ онъ въ охрану; дабы, поелику свободною волею не хотѣли они въ непорочности ожидать Обѣтованнаго, то, хотя узами закона бывъ связаны и какъ бы въ рабство законоположеній бывъ отданы, были они соблюдены къ пришествію Христа для вѣры въ Него, въ коей исполненіе и конецъ обѣтованія.“

Приложимъ и слова премудраго Фотія. „Еслибъ законъ могъ животворить, то справедливо иной могъ бы

подумать, что онъ *противу обѣтованіемъ*, и ихъ право восхищаетъ, предъявляя силу оправдывать. Но поелику онъ ничего такого не силенъ дѣлать, ни животворить, ни оправдывать, явно, что онъ данъ не въ замѣнъ обѣтованій. Эти послѣднія сохраняютъ свою силу, такъ какъ одни они спасаютъ и оправдываютъ сущаго отъ вѣры. И не только не былъ противу обѣтованіемъ законъ, но нѣкоторымъ образомъ еще содѣйствовалъ и служилъ имъ. Ибо тѣмъ, что не спасалъ и не оправдывалъ, направлялъ къ вѣрѣ, тѣмъ же, что къ вѣрѣ направлялъ, содѣйствовалъ исполненію обѣтованій" (у Экум.).

Ст. 22. *Но затвори Писаніе всѣхъ подъ грѣхомъ, да обѣтованіе отъ вѣры Іисусъ Христовы дастся вѣрующимъ.*

Затвори Писаніе, т.-е. Писаніе рѣшительно утверждаетъ, что всѣ находятся подъ грѣхомъ, или Писаніе всѣхъ называетъ грѣшниками, всѣхъ обличаетъ въ грѣшности (Өеодоритъ). Еслибы законъ оправдывалъ, давалъ правоту внутреннюю, оживлялъ, то Писаніе такъ не утверждало бы, а говорило только, что всѣ подъ грѣхомъ, кромѣ состоящихъ подъ закономъ. Поелику же оно говоритъ, что всѣ подъ грѣхомъ, то и подзаконники подъ грѣхомъ; и слѣдовательно законъ не живилъ, не отъ закона правда. *Всѣхъ*, по-греч. τὰ πάντα; вѣрно, подразумѣвается—ἔθνη народы, всѣ народы, все человѣчество. А можно и неопредѣленно говорить: по Писанію все подъ грѣхомъ.

Или *затвори*, держало подъ грѣхомъ, какъ въ оковахъ, въ темницѣ какой. Тогда *Писаніе* будетъ ветхозавѣтное учрежденіе, письменно отъ Бога преданное и какъ иго возложенное на Іудеевъ. Ибо центръ ветхозавѣтнаго Писанія—законъ, чрезъ Моисея данный; предшествовавшія ему книги суть введеніе къ нему; а по-

слѣдующія пророческія Писанія—разъясненіе его. Такимъ образомъ *затвори Писаніе* будетъ тоже, что законъ затворилъ всѣхъ подъ грѣхомъ, *всѣхъ*, т.-е. всѣхъ безъ исключенія подзаконниковъ. Это будетъ прямо соотвѣтствовать предшествовавшей мысли: еслибъ законъ могъ живить, онъ замѣнялъ бы обѣтованіе, давалъ бы правду. Но онъ, говоритъ, не только этого не дѣлаетъ, напротивъ держитъ всѣхъ подъ грѣхомъ, какъ въ затворѣ. Онъ требуетъ: того не дѣлай, другаго не касайся, или будь таковъ и таковъ; а силъ на то не даетъ. Всѣ признаютъ обязательность его требованій, но всѣ же видятъ, что кругомъ предъ нимъ виноваты; виноваты чрезъ законъ, а высвободиться изъ виновности посредствомъ закона не могутъ. Вотъ какъ законъ, Писаніе, затворилъ всѣхъ подъ грѣхомъ, всѣхъ держалъ въ сознаніи своей грѣшности, слѣдовательно подсудности и безотвѣтности.

Но такое слѣдствіе отъ закона было совсѣмъ не на зло и пагубу, а на спасеніе. Такъ учредилъ Самъ Богъ, чтобъ при посредствѣ чувства самосохраненія, Богомъ же въ естество намъ вложеннаго, выводить подзаконниковъ на истинный путь спасенія. Ибо кто себѣ врагъ? Видя, что законъ вводитъ только въ грѣшность, углубляетъ сознаніе грѣшности всесторонней, всякій подзаконникъ тѣмъ самымъ побуждался искать избавленія отъ грѣшности. Какъ же? Сбросить иго закона? Но это еще хуже. Нѣтъ, устремлять уповательный взоръ на Того, на Кого указывалъ законъ, яко тѣнь грядущихъ, и Кого живописали Пророки. Такъ до пришествія сего Обѣтованнаго, а по пришествіи Его, къ Нему Единому прилѣпиться вѣрою, и жизнь отъ Него принять, которой не давалъ законъ, а только жажду ея раздражалъ, съ оставленіемъ уже конечно и закона какъ исполнившаго уже свое временное служеніе.

Этотъ именно смыслъ и содержится въ словахъ Апостола: *да обѣтованіе отъ вѣры Іисусъ Христовы дастся вѣрующимъ.* Затѣмъ, говоритъ, законъ затворилъ всѣхъ подъ грѣхомъ, чтобъ, когда придетъ Избавитель, всѣ къ Нему устремились, чтобъ всѣ до этого момента переиспытали всевозможные способы самоисправленія и самооправданія, и осязательно удостовѣрились, что ничто не сильно дать намъ сего блага, ни даже законъ, Богомъ данный. Оно сохранено для вѣры Іисусъ Христовы, и ею одною подается вѣрующимъ. Но въ этомъ и существо обѣтованія; слѣдовательно и само обѣтованіе исполняется только вѣрою. Обѣтованіе есть благословеніе Авраамово, состоящее въ пріятіи Духа благодати чрезъ вѣру въ Господа, благодати возраждающей, дающей новую о Христѣ Іисусѣ жизнь, освящающей.

Обѣтованіе *отъ вѣры... дастся вѣрующимъ*. Здѣсь не тождесловіе, а разныя значенія вѣры. Слова: *отъ вѣры Іисусъ Христовы* означаютъ Новозавѣтное учрежденіе все, всю экономію спасенія въ Господѣ Іисусѣ Христѣ, всѣ блага духовныя, Имъ людямъ снисканныя, и Церкви Своей святой ввѣренныя. Онъ хочетъ сказать: обѣтованіе исполняется не Ветхимъ, а Новымъ Завѣтомъ. Слова же: *дастся вѣрующимъ* указываютъ на личную каждаго христіанина вѣру, которою онъ сподобляется благъ, коими обогащаетъ Господь Іисусъ Христосъ. Слышащій Евангеліе вѣруетъ; вѣрующій крестится и въ крещеніи водою и Духомъ раждается для новой жизни во Христѣ Іисусѣ, коею и начинаетъ жить въ несомнѣнномъ упованіи, что Начавшій въ немъ сіе дѣло доведетъ его и до конца, при всевозможномъ конечно вниманіи, усердіи, трудѣ и съ своей стороны.

Изъ всего, сказаннаго Апостоломъ, выходило, что законъ никакъ не противъ обѣтованій; напротивъ онъ и хранилъ подзаконниковъ для обѣтованія и подготов-

лялъ ихъ къ достойному принятію его. Св. Златоустъ мысль Апостола выражаетъ такъ: „Богъ далъ Іудеямъ законъ, который бы открывалъ ихъ раны и побуждалъ искать врача. Слово *затвори* значитъ тоже, что обличилъ, и обличивъ, содержалъ ихъ въ страхѣ. Видишь ли, что законъ данъ былъ не только не *противу обѣтованіемъ Божіимъ,* но даже въ пользу обѣтованій? Еслибы законъ себѣ присвоилъ дѣло и власть оправданія, тогда справедливо было бы сказано о немъ, что онъ противенъ обѣтованіямъ. Но когда онъ служитъ другому и для другаго все дѣлалъ, то какъ же онъ противенъ обѣтованіямъ Божіимъ? Еслибы не данъ былъ законъ, то всѣ погрязали бы въ беззаконіяхъ и никто изъ Іудеевъ не сталъ бы слушать Христа. Теперь же когда законъ былъ данъ, то онъ приносилъ двойную пользу: вопервыхъ, руководилъ къ посильной добродѣтели внимающихъ ему, вовторыхъ, возбуждалъ въ каждомъ сознаніе своихъ грѣховъ, что особенно располагало ихъ искать Сына Божія."

Ст. 23. *Прежде же пришествія вѣры, подъ закономъ стрегоми бѣхомъ затворени въ хотящую вѣру открытися.*

Идетъ не новый рядъ мыслей, а дальнѣйшее разъясненіе и приложеніе сказаннаго, что законъ данъ преступленій ради, т.-е., какъ сказалъ выше св. Златоустъ, съ одной стороны, чтобъ обуздывать грѣхъ и учить посильной добродѣтели, и съ другой, чтобъ раскрывая сознаніе грѣховности побуждать искать Спасителя, на Котораго указывалъ сокровенно самъ законъ и потомъ яснѣе Пророки. Имѣя это въ мысли, нельзя не сознать, что мы подъ закономъ какъ подъ строгою стражею были хранимы и оберегаемы для имѣвшей открыться вѣры.

Въ хотящую вѣру открытися, т.-е. не за тѣмъ берегъ насъ такъ законъ, чтобы мы навсегда подъ нимъ

оставались, но чтобъ передать насъ вѣрѣ, имѣвшей открыться; для этой вѣры онъ насъ сторожилъ, чтобъ, когда она придетъ, мы ее приняли, оставя его, какъ уже ненужный болѣе и дѣло свое исполнившій.

Или *въ хотящую вѣру открытися*, такую мысль представляетъ: чтобъ имѣвшая пріити вѣра могла открыться, чтобъ она имѣла возможность открыться въ насъ, и чрезъ насъ и всему міру. Храня законъ, мы хранили и обѣтованіе вѣры, какъ спасительное для всего міра сокровище. Не будь его, и вѣры не было бы. Въ семъ отношеніи законъ имѣетъ вселенское значеніе. Мы несли иго его до самаго пришествія вѣры, которая, когда пришла, въ насъ же зародилась, и нами теперь преподается всѣмъ. И вотъ путь, коимъ благословеніе Авраамово разливается нынѣ на всѣ народы.

Блаж. Августинъ пишетъ: „Спроситъ кто: почему законъ не принесъ пользы Іудеямъ? Принесъ, и сказать нельзя сколько. Что заставило цѣлыя тысячи людей вдругъ продать все и цѣну проданнаго полагать у ногъ Апостоловъ? Что они такъ стремительно приблизились къ Богу, продавъ все, какъ Господь заповѣдалъ тѣмъ, кои желаютъ быть совершенными (Мѳ. 19, 21), это сдѣлалъ законъ, подъ которымъ они какъ подъ стражею были заключены въ хотящую вѣру открытися. Держалъ ихъ въ такомъ заключеніи страхъ единаго Бога. И то, что они оказались преступниками закона, не во вредъ, а въ пользу послужило тѣмъ, кои увѣровали; ибо познаніе опаснѣйшей болѣзни заставляетъ и сильнѣе желать врача, и пламеннѣе любить его, потому что кому больше отпускается, тотъ больше любитъ.“

„Слова: *стрегоми бѣхомъ* и *затворени*, говоритъ св. Златоустъ, не другое что означаютъ, какъ бывшее охраненіе Іудеевъ посредствомъ заповѣдей закона. Ибо законъ, содержа ихъ въ страхѣ и жизни по закону, какъ

бы въ стѣнахъ какихъ, тѣмъ самымъ соблюдалъ ихъ для вѣры." Эту же мысль проводитъ далѣе Ѳеофилактъ: „Законъ большое и обезопасеніе и охрану подавалъ тѣмъ, кои были подъ нимъ, удерживая ихъ отъ многихъ грѣховъ; какъ бы стѣною какою затворялъ онъ въ себѣ людей и велъ ихъ связанными къ вѣрѣ. Какъ это? Обличая грѣхи и не могши избавить отъ нихъ, онъ, противъ воли ихъ, обращалъ очи ихъ на вѣру оправдывающую, которая была и древле, только прикровенно, послѣ же открылась, когда Богъ явился во плоти." Экуменій заключаетъ: „Апостолъ выражаетъ здѣсь ту мысль, что вѣра во Христа издревле предопредѣлена; нынѣ же только открылась людямъ чрезъ воплощеніе Бога Слова."

Ст. 24. 25. *Тѣмже законъ пѣстунъ намъ бысть во Христа, да отъ вѣры оправдимся. Пришедшей же вѣрѣ, уже не подъ пѣстуномъ есмы.*

Тѣмже—такимъ образомъ, или, изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что законъ въ отношеніи къ намъ исправлялъ должность пѣстуна, педагога, воспитателя. И тутъ окончательный отвѣтъ на вопросъ: *что убо законъ?* Онъ дѣтоводитель ко Христу. Онъ требовалъ святости и раздражалъ въ насъ желаніе ея, а давать ее не давалъ, указывалъ только, что ее дать можетъ одинъ, предъизображаемый закономъ, Христосъ. Къ Нему онъ и велъ насъ, какъ за руку взявши, чтобы намъ оправдаться, стать правыми и святыми посредствомъ вѣры во Христа, которая привлекая благодать Св. Духа освящаетъ все внутреннее наше. Но если таково назначеніе закона, чтобы только руководить къ вѣрѣ, довесть до ней; то, когда пришла вѣра, пѣстунство закона должно кончиться; намъ уже не слѣдуетъ быть подъ нимъ. Законъ имѣлъ временное, преходящее значеніе. Исполнивъ

свое дѣло, ему слѣдуетъ престать. Всякое къ нему обязательство наше прекратилось.

Св. Златоустъ говоритъ на сіи стихи: „Пѣстунъ не противодѣйствуетъ учителю, но содѣйствуетъ ему, удерживая питомца отъ всякаго порока, и со всѣмъ тщаніемъ приготовляя его къ принятію учительскихъ уроковъ; когда же (питомецъ) сдѣлается способнымъ къ тому, пѣстунъ оставляетъ его. Посему Апостолъ и говоритъ: *пришедшей же вѣрѣ*, которая дѣлаетъ человѣка мужемъ совершеннымъ, *уже не подъ пѣстуномъ есмы*. Итакъ, если законъ есть пѣстунъ, и оберегалъ насъ, когда мы заключены были подъ стражею его, то онъ не противникъ благодати, но сотрудникъ. Но если и по пришествіи благодати будетъ еще держать подъ своимъ игомъ, тогда онъ будетъ противникъ. Ибо удерживая тогда, когда мы должны перейдти къ благодати, онъ будетъ препятствовать нашему спасенію. Какъ свѣтильникъ, освѣщающій ночью, во время дня препятствуя видѣть солнце, не только не исполняетъ своего дѣла, но еще дѣлаетъ вредъ; такъ и законъ, когда онъ будетъ препятствовать къ полученію большаго. Итакъ сохраняющіе его теперь, симъ весьма извращаютъ его. Ибо и пѣстунъ дѣлаетъ питомца своего смѣшнымъ, если будетъ удерживать его при себѣ тогда, когда, по требованію времени, ему надлежало бы оставить его. Посему Павелъ и говоритъ: *пришедшей же вѣрѣ уже не подъ пѣстуномъ есмы*. Итакъ мы не подъ пѣстуномъ.“

Какъ это главная мысль у Апостола, то, для большаго разъясненія и напечатлѣнія ея въ памяти не полѣнимся выписать, а читающіе прочитать и слова блаж. Іеронима: „Пѣстунъ назначается для малолѣтныхъ, въ обузданіе шаловливаго возраста и удержаніе неопытности отъ пороковъ, когда юношество обучается наукамъ и приготовляется къ высшей философіи, или къ прави-

тельственнымъ должностямъ, будучи сдерживаема страхомъ наказанія. Но пѣстунъ не учитель и не отецъ, и воспитываемый не ожидаетъ отъ него ни наслѣдства, ни высшихъ познаній. Пѣстунъ чужаго бережетъ сына, и отстаетъ отъ него, коль скоро онъ достигаетъ законнаго для полученія наслѣдства возраста. Такъ законъ данъ былъ чрезъ Моисея народу неустроенному, на подобіе пѣстуна, чтобъ хранилъ его и приготовлялъ къ будущей вѣрѣ, которая когда пришла и мы увѣровали во Христа, то мы уже не подъ пѣстуномъ; приставникъ и экономъ отсталъ отъ насъ, и мы вступили въ законный возрастъ и именуемся истинными сынами Богу, для Коего насъ раждаетъ не законъ отмѣненный, но мать вѣра, яже о Христѣ Іисусѣ. Кто по достиженіи совершеннаго возраста, ставши уже наслѣдникомъ, свободнымъ сыномъ, захочетъ быть подъ пѣстуномъ? Да теперь это невозможно, когда разоренъ храмъ и прекращены жертвы. Кто это дѣлаетъ, тотъ ни подъ отцемъ, ни подъ пѣстуномъ, когда ни законъ не можетъ быть исполняемъ, по пришествіи вѣры, ни вѣра не содержится, потому что все еще желается пѣстунство закона.“

Ст. 26. *Вси бо вы сынове Божіи есте вѣрою о Христѣ Іисусѣ.*

Рѣчь Апостола перемѣняетъ свое направленіе. То говорилъ онъ такъ, что и себя вставлялъ въ рядъ тѣхъ, коихъ касалась рѣчь; теперь, ставя себя въ сторонѣ, обращаетъ слово свое къ однимъ тѣмъ, къ кому писалъ; *вы сыны*, и притомъ *вси вы*, всѣ, къ кому пишу, изъ кого составляются Галатскія церкви, слѣдовательно и Іудеи и язычники. Отсюда очевидно, что какъ этотъ, такъ и слѣдующіе стихи суть заключительный выводъ изъ предыдущихъ разсужденій, къ вразумленію Галатовъ.

Рѣчь св. Апостола здѣсь дѣлаетъ такой поворотъ вдругъ и связь ея съ предыдущимъ не такъ ясна. Чтобъ

ее увидѣть, необходимо вставить нѣсколько пояснительныхъ мыслей. Выяснивъ значеніе закона, св. Апостолъ сказалъ предъ симъ: мы, Іудеи, уже не подъ пѣстуномъ теперь, когда пришла вѣра, Новозавѣтное устроеніе спасенія. Онъ сдѣлалъ свое дѣло, привелъ насъ къ вѣрѣ, которою мы и оправдались, стали правыми внутренно дѣйствіемъ благодати Св. Духа, въ коемъ сила обѣтованія Аврааму. А язычники, помимо закона, прямо вѣрою прилѣпились къ Господу, и тогоже сподобились обѣтованнаго блага. Обращаюсь теперь къ вамъ, Галатамъ, принявшимъ мое благовѣстіе о спасеніи въ Господѣ Іисусѣ Христѣ благодатію Св. Духа, не видите ли, что всѣ вы, и Іудеи и язычники, равно стали сынами Божіими вѣрою о Христѣ Іисусѣ; всѣ вы одинаково стали Христовы. Если же вы Христовы, то сѣмя Авраамово, и по обѣтованію наслѣдники, т.-е. наслѣдники Авраамовы, или наслѣдники благъ, обѣтованныхъ Аврааму, по духу самаго обѣтованія. Отсюда само собою выходило: слѣдовательно вы имѣете уже все чрезъ посредство одной вѣры; нечего вамъ болѣе вязаться съ закономъ и себя вязать имъ безъ всякой пользы.

Таково содержаніе этого заключительнаго отдѣленія (ст. 26—29). Самая рѣчь не представляетъ затрудненій къ пониманію ея. Но какъ она касается наисущественнѣйшей стороны въ дѣлѣ устроенія нашего спасенія, то толковать по поводу ея никакъ не излишне.

Всѣ вы—сыны Божіи, говоритъ Апостолъ. Сыновство Богу, по образу устроенія нашего спасенія, такъ существенно въ дѣлѣ спасенія, что ему нельзя не быть: ибо главное здѣсь рожденіе отъ Бога по образу Создавшаго, т.-е. Господа Іисуса Христа. Почему Евангелистъ Іоаннъ пишетъ: *елицы пріяша Его* (Слово, плоть бывшее), *даде имъ область чадомъ Божіимъ быти, вѣрующимъ во имя Его: иже не отъ крове, ни отъ похоти плотскія*,

ни отъ похоти мужескія, но отъ Бога родишася (Іоан. 1, 12. 13). Безъ сего новаго рожденія и спасенія нѣтъ: *аще кто не родится водою и Духомъ, не можетъ внити въ царствіе Божіе* (Іоан. 3, 5). Но рожденные такимъ образомъ отъ Бога, конечно, суть уже потому самому и сыны Божіи.

Совершается это благодатію Св. Духа подъ условіемъ вѣры во Христа Іисуса. Апостолъ и говоритъ: вы— сыны Божіи *вѣрою*, *яже о Христѣ Іисусѣ*. Являясь въ общества, не вѣдавшія Христа Господа, Апостолы оглашали ихъ благовѣстіемъ, говоря: всѣ мы согрѣшили въ праотцѣ нашемъ, и стали подгнѣвны Богу. Явилъ къ намъ Богъ милость Свою, устроивъ намъ спасеніе въ Единородномъ Сынѣ Своемъ, Который воплотившись, смертію Своею загладилъ грѣхи наши, и возшедши на небо, Духа Святаго ниспослалъ, Который, бывъ принятъ въ таинствахъ вѣрующими, умерщвляетъ въ нихъ самый грѣхъ и даетъ имъ новую жизнь. Когда слушавшіе склонялись къ вѣрѣ въ благовѣстіе, имъ говорилось словомъ Апостола Петра: *покайтеся, и да крестится кійждо васъ во имя Іисуса Христа во оставленіе грѣховъ и пріимете даръ Св. Духа* (Дѣян. 2, 38). Совершавшіе это раждались въ новую жизнь отъ Бога. И вотъ, сыны Божіи.

Св. Павелъ въ объясненіе того, какъ тѣ, къ коимъ онъ писалъ, всѣ суть сыны Божіи, и говоритъ:

Ст. 27. *Елицы бо во Христа крестистеся, во Христа облекостеся.*

Крещающіеся уже потому самому, что въ крещеніи раждаются отъ Бога, суть сыны Божіи. Но Апостолъ углубляетъ мысль и сыновство Богу крещаемыхъ показываетъ преискреннѣйшимъ въ словахъ: *во Христа облекостеся*. Рожденіе отъ Бога, которое въ существѣ тоже, что и твореніе, не необходимо сближаетъ съ Богомъ раждаемаго, яко творимаго: онъ можетъ остаться

очень вдали отъ Бога. Но облекшійся во Христа Сына Божія, не можетъ быть далеко отъ Бога. Становясь едино со Христомъ, существенно единится онъ и съ Богомъ. Св. Златоустъ говоритъ: „почему онъ не сказалъ: елицы во Христа крестистеся, отъ Бога родистеся? Потому что употребленное имъ выраженіе сильнѣе и величественнѣе. Ибо если Христосъ есть Сынъ Божій, и ты въ Него облекся, имѣешь Сына въ самомъ себѣ, и Ему уподобился; то ты приведенъ чрезъ сіе въ одно съ Нимъ родство и въ тотъ-же образъ.“

Что значитъ облечься во Христа? Сопоставимъ два выраженія: крещаемый получаетъ новую жизнь; и крещаемый облекается во Христа. Выйдетъ, что новая жизнь есть облеченіе во Христа, или что тоже, новая жизнь есть полученіе жизни Христовой, организованіе внутренняго нашего строя по образу Христа Господа. Въ другихъ мѣстахъ св. Павелъ прямо такъ и говоритъ. Въ посланіи къ Ефесеямъ говоритъ онъ, что истина о Христѣ вотъ въ чемъ состоитъ: *отложити вамъ, по первому житію, ветхаго человѣка, тлѣющаго въ похотехъ прелестныхъ: обновлятися же духомъ ума вашего, и облещися въ новаго человѣка, созданнаго по Богу, въ правдѣ и преподобіи истины* (Еф. 4, 22—24). Въ посланіи къ Колоссаемъ пишетъ онъ опять: *не лжите другъ на друга, совлекшеся ветхаго человѣка съ дѣяньми его и облекшеся въ новаго, обновляемаго въ разумъ, по образу Создавшаго его: идѣже нѣсть еллинъ, ни Іудей, ни обрѣзаніе, и необрѣзаніе... но всяческая и во всѣхъ Христосъ* (Кол. 3, 9—11). Изъ всего этого очевидно, что въ крещеніи, дающемъ сыновство Богу или облеченіе во Христа, совершается существенное измѣненіе всего внутренняго нравственнаго строя человѣка. Онъ становится Христоподобнымъ; а отъ того потомъ и жизнь начинается Христоподражательная. Что таково точно

было измѣненіе крещаемыхъ, это до очевидности осязательной оправдывалось самымъ дѣломъ надъ крещаемыми въ возрастѣ, и притомъ съ полною вѣрою, съ полнымъ сознаніемъ дѣла. Мы крещаемся младенцами, и не встрѣчая потомъ ни въ себѣ, ни въ другихъ того, что обѣтовано крещенію, трудно усвояемъ себѣ мысль о силѣ крещенія. Но дарованія Божія нераскаянны. И нашего крещенія сила таже. Чтобъ она раскрылась въ свое время въ полномъ своемъ значеніи, это лежитъ на воспитаніи. И это главное, на что бы слѣдовало направлять воспитаніе, хотя оно меньше всего имѣется въ виду.—Такимъ образомъ крещаемые, облекаясь во Христа, принимаютъ обязательства и получаютъ силы жить жизнію Христовою, мыслить Его мыслями, желать Его желаніями, чувствовать Его чувствами, дѣйствовать Его дѣйствіями, во всемъ проявлять въ себѣ Христа.

Ст. 28. *Нѣсть Іудей, ни Еллинъ: нѣсть рабъ, ни свободъ: нѣсть мужескій полъ, ни женскій: вси бо вы едино есте о Христѣ Іисусѣ.*

Когда такимъ образомъ всѣ христіане благодатію Св. Духа созидаются внутренно по одному образцу—Господу Іисусу Христу, то явно, что они всѣ по духу одинаковы. Какъ совнѣ люди имѣютъ свой типъ, отличающій ихъ отъ всѣхъ другихъ тварей, такъ христіане внутренно имѣютъ одинъ типъ нравственно-религіознаго строя, отличающій ихъ отъ всѣхъ людей. „Всѣ имѣютъ одинъ обликъ и одинъ образъ Христовъ“ (св. Злат.). Внѣшность въ христіанствѣ—ничто. Оно имѣетъ дѣло съ душею. Внѣшнія преимущества и непреимущества никакого вліянія не имѣютъ на собственно христіанское достоинство. Тутъ все зависитъ отъ силы вѣры, преданности Христу Господу и готовности на всякія пожертвованія въ угодность Ему. Мѣра сихъ расположеній опредѣляетъ въ душѣ мѣру пріемлемости благодатныхъ силъ,

которыя и созидаютъ. Отсюда можно видѣть, что рабъ и простецъ стоитъ иногда несравненно выше мудрыхъ и царей, и слабая женщина выше мужчинъ.

Блаж. Іеронимъ пишетъ: „Когда кто облечется во Христа и огнемъ Духа Святаго объятъ станетъ, не различишь, золото кто есть или серебро. Когда огонь проникнетъ и обыметъ всю массу, тогда все становится однимъ огненнымъ свѣтомъ, и всякое различіе рода и состоянія тѣлъ исчезаетъ подъ такимъ одѣяніемъ. Такъ и во Христѣ Іисусѣ нѣсть Іудей, ни Еллинъ. Ни Іудей не лучше отъ того, что обрѣзанъ, ни Еллинъ не хуже отъ того, что не обрѣзанъ; но какъ Іудей, такъ и Еллинъ, если бываютъ лучше или хуже, то бываютъ по качеству и силѣ вѣры своей. Также рабъ и свободный могутъ и въ христіанствѣ разниться, но не состояніемъ, а вѣрою. Можетъ и рабъ быть выше свободнаго, и свободный превосходить раба,—но все вѣрою. Равнымъ образомъ мужчина и женщина различаются крѣпостію и слабостію тѣла, но вѣра опредѣляется настроеніемъ сердца, и бываетъ часто, что и жена спасаетъ мужа, и мужъ предшествуетъ женѣ въ вѣрѣ. Когда такимъ образомъ уничтожается всякое различіе родомъ, состояніемъ, тѣломъ, чрезъ крещеніе Христово и облеченіе во Христа, то всѣ мы едино во Христѣ, какъ и Господь молился, чтобъ, какъ Онъ и Отецъ едино суть, и мы въ нихъ были едино (Іоан. 17, 21).“

Всѣ вы едино о Христѣ Іисусѣ. *Едино* погречески стоитъ—εἷς—единъ. Мысль та, что всѣ вы, какъ одинъ, или что одинъ, то и другой: что одному дается, то дается и другому. Изъ-за внѣшнихъ отличій никто не лишается ничего, что подобаетъ ему, яко христіанину.

Ст. 29. *Аще ли вы Христовы, убо Авраамле сѣмя есте, и по обѣтованію наслѣдницы.*

Аще ли вы Христовы,—Христу присвоились, и Хри-

стомъ присвоены: увѣровали во Христа и возлюбили Его, и Имъ приняты въ благоволеніе, покровъ, защиту и пріискреннее общеніе. *Христовы*—облечены во Христа, внутренно организованы по образу Христа благодатію Духа. Христовы и потому, что порождены Христомъ и о Христѣ.

Убо Авраамле сѣмя есте. Потомство, обѣщанное Аврааму, было не плотское только, но преимущественно духовное, которое составлялось чрезъ уподобленіе Аврааму вѣрою, когда, т.-е. кто вѣрою вступалъ въ родство съ нимъ. Апостолъ говоритъ: вотъ вы стали Христовы, увѣровали во Христа. Знайте, что чрезъ это вы вступили въ кругъ потомства Авраамова.

Или: вы сѣмя Авраамово, потому что духовно родились отъ Христа, Который по плоти происходилъ отъ Авраама. Блаж. Іеронимъ пишетъ: „поелику обѣтованія даны Аврааму и сѣмени его, которое есть Христосъ Іисусъ; слѣдуетъ, что тѣ, кои суть сыны Христовы, суть, т.-е. сѣмя Его, суть также сѣмя Авраамово, сѣмя отъ сѣмени. Но когда Господь нашъ Іисусъ Христосъ называется сѣменемъ Авраама, то это надобно понимать въ отношеніи къ тѣлу, потому что онъ имѣлъ родиться отъ его рода; а когда мы, принявъ слово Спасителя, увѣровали въ Него, и чрезъ то восприяли благородство рода Авраамова, коему дано обѣтованіе, то это надо разумѣть духовно. Мы сѣмя Авраамово—чрезъ пріятіе сѣмени вѣры и Евангелія.

И по обѣтованію наслѣдницы. Потомкамъ Авраама обѣтовано наслѣдіе земли Ханаанской, которая и стала потомъ именоваться обѣтованною землей. Но какъ потомство его не одно плотское, но и духовное, то и наслѣдіе его тоже не одно плотское, но и духовное. Духовное наслѣдіе составляли блага во Христѣ Іисусѣ—оправданіе, облагодатствованіе, святая жизнь съ побѣ-

дою надъ грѣхомъ и особенно царство небесное. Наслѣдіе земли обѣтованной было прообразомъ сего духовнаго наслѣдія. Въ него вступаютъ, какъ Іудеи, такъ и язычники вѣрою во Христа Іисуса и благодатію Св. Духа. Этимъ и исполняется обѣтованное Аврааму благословеніе всѣхъ о сѣмени его.

Что изъ всего этого разсужденія выходило, св. Апостолъ оставляетъ вывесть самимъ Галатамъ. Духъ благодати получили, сѣменемъ Авраама сдѣлались, наслѣдство его получили: чего вамъ еще желать и искать? И если все это, столь высокое и драгоцѣнное, получили вы одною вѣрою въ преданное мною вамъ благовѣстіе: какая еще нужда обращаться туда и сюда, ища новыхъ способовъ къ укрѣпленію за собою сихъ благъ, какъ будто Давшій ихъ вамъ забылъ обусловить самое полученіе ихъ всѣмъ необходимымъ? Итакъ, все оставя, вседушно пребывайте въ единой вѣрѣ и жизни по духу сей вѣры, не допуская себя колебаться чѣмъ-либо въ вѣрности держимаго вами пути ко спасенію.

В.

УБѢЖДЕНІЕ ИЛИ УГОВАРИВАНІЕ ГАЛАТОВЪ ПРИНЯТЬ ДОКАЗАННУЮ ИСТИНУ О НЕНУЖНОСТИ БОЛѢЕ ЗАКОНА И НЕ ВЯЗАТЬ СЕБЯ ЗАКОНОМЪ.

(4, 1—5, 12).

Доказалъ св. Павелъ ненужность болѣе закона даже для Іудеевъ, тѣмъ паче для язычниковъ, и, отвѣчая на возраженія, выяснилъ временное только назначеніе закона, хотя явно нужнаго въ свое время. Теперь начинаетъ убѣждать Галатовъ не вязать себя закономъ, и если приняли уже что, бросить то, держать себя вдали

отъ него, свободными быть отъ него. Убѣжденія свои св. Апостолъ беретъ съ такихъ сторонъ дѣла, съ какихъ обычно заимствуютъ ихъ составители такихъ рѣчей. При этомъ онъ дѣйствуетъ то преимущественно 1) на умъ, то преимущественно 2) на сердце, то преимущественно 3) на рѣшеніе воли.

1.

Ничто не убѣждаетъ такъ ума отказаться отъ своихъ мыслей, какъ доведеніе ихъ до нелѣпости. Св. Павелъ на первомъ мѣстѣ и ставитъ убѣжденія, исходящія изъ представленія нелѣпости (ab absurdo) держаться закона по пришествіи Господа Спасителя. Онъ говоритъ какъбы а) Іудеямъ: итакъ видите, что законъ пѣстунъ намъ. Отецъ обычно отдаетъ сына подъ пѣстунство до извѣстнаго времени. Кончается это время: кончается и пѣстунство; сынъ вступаетъ въ права сына. Какъ было бы нелѣпо, еслибы этотъ сынъ все жался подъ пѣстунство, когда уже облеченъ въ права сына?! Такъ и мы были подъ пѣстунствомъ закона до времени. Но пришелъ конецъ этого времени; послалъ Богъ Сына Своего, и чрезъ Него ввелъ насъ въ сыновство, въ права сыновъ. Какъ нелѣпо теперь намъ жаться подъ законъ и держать себя на ряду съ рабами, когда мы уже сыны?!... „А что сыны вы, объ этомъ свидѣтельство имѣете въ себѣ: послалъ вамъ Богъ Духа Сына Своего, Который и созидаетъ въ сердцахъ своихъ чувства сыновства къ Богу, по которымъ вы вопіять дерзаете къ Нему: Авва Отче!“ (4, 1—7).

б) Такова рѣчь къ Іудеямъ, перешедшая въ концѣ и на язычниковъ. Но эти послѣдніе могли сказать: да какъ же насъ прежде обращали въ іудейство и совершенно сближались только съ тѣми изъ насъ, которые

вполнѣ подчинялись всему закону?!—Тогда было другое дѣло, отвѣчаетъ имъ Апостолъ. Тогда іудейство было единая истинная на землѣ вѣра, и вы хорошо дѣлали принимая его. Нынѣ же, когда Богъ Самъ Себѣ васъ присвоилъ помимо закона, ваше обращеніе къ немощнымъ стихіямъ закона не имѣетъ никакого смысла (4, 8–10).

а.

Сравненіе закона съ пѣстунствомъ очень ясно выражаетъ и нужду или цѣну закона, и временное его значеніе. Какъ такое сравненіе вмѣстѣ очень впечатлительно, то на немъ первѣе всего и останавливается св. Апостолъ для извлеченія своихъ убѣжденій Галатамъ.

4, 1. 2. *Глаголю же, въ елико время наслѣдникъ младъ есть, ничимже лучшій есть раба, господь сый всѣхъ: но подъ повелители и приставники есть, даже до нарока отча.*

Беретъ св. Апостолъ значительное лице. У него сынъ. Сынъ этотъ, по рожденію своему, есть сынъ и наслѣдникъ; но пока онъ малъ, отрокъ, юноша, отдается отцемъ подъ власть дядекъ и педагоговъ, для воспитанія и образованія, чтобы ставъ совершеннолѣтнимъ онъ и правами сына и наслѣдствомъ могъ пользоваться не коекакъ, а какъ слѣдуетъ, въ славу отца. Въ этомъ состояніи пѣстунства сынъ ничѣмъ не лучше раба, потому что зависитъ отъ отца, самъ по себѣ ничего не можетъ дѣлать, а долженъ все дѣлать, какъ прикажутъ или позволятъ приставники. Замѣтимъ, что сравненіе у св. Апостола этой преимущественно черты и касается—несвободности, связы, будто подъигства. Другая черта: *до нарока отча,*—не навсегда такъ дѣлается, а до времени, опредѣленнаго отцемъ. Кончается это время, кончается и эта связь. Сынъ, какъ уже воспитанный и обученный, начинаетъ дѣйствовать самостоятельно.

Ст. 3. *Такожe и мы, егда бѣхомъ млади, подъ стихіями бѣхомъ міра порабощени.*

Первая черта сравненія: такъ и мы, Іудеи, по первоначальному избранію Божію, сыны Богу, какъ Самъ Онъ чрезъ Исаію свидѣтельствуетъ: *сыны родихъ* (1, 2). Мы избраны на то, но не вдругъ явлены такими. Настоящіе сыны Божіи — тѣ, кои рождены отъ Бога; но такими можно быть только во Христѣ Іисусѣ, когда пріемлющіе Господа раждаются существенно отъ Бога (Іоан. 1, 12. 13). Но пріять Господа въ то время народъ не былъ способенъ. Надо было воспитать его для этого. Воспитателемъ и назначенъ законъ. Вотъ эту неспособность принять Господа, чтобы чрезъ Него существенно стать сынами Богу, св. Апостолъ и называетъ младостію іудейскаго народа, дѣлавшею необходимымъ пѣстунство, какъ подъигство.

Главную черту сравненія выражаетъ св. Апостолъ словомъ: *бѣхомъ порабощени:* мы были какъ рабы, находились въ состояніи несвободномъ, отвсюду были связаны: не коснися, не вкуси, не осяжи. Тяжелая рука водила насъ, на насъ лежали нелегкія узы.

Стихіями міра называетъ Апостолъ законъ, какъ служеніе Богу преимущественно вещами — вещественное. Всѣ оправдательные, освятительные и умилостивительные чины закона совершались посредствомъ стихій, т.-е. вещественныхъ элементовъ. Таковы: обрѣзаніе, жертвы, омовенія, благоуханія, масти, новомѣсячія, субботы и проч. И все тутъ было до подробностей опредѣлено, какъ неотложный законъ, нарушеніе котораго гнѣвъ Божій привлекало. Хочешь, не хочешь, дѣлай; иначе казнь. Это и есть порабощеніе.

При всемъ томъ это было такого рода порабощеніе, которое воспитывало и обучало. Потому здѣсь можно имѣть въ виду и переносное значеніе стихій. У Гре-

ковъ стихіями называются буквы, изъ которыхъ слагаются слова, а далѣе первоначальное обученіе предлагаемое дѣтямъ. Это очень приложимо къ закону. Онъ былъ точно первоначальное обученіе. Мы были порабощены, говоритъ Апостолъ, закону, въ видахъ первоначальнаго обученія, которое должно кончиться, когда пришелъ Учитель настоящей премудрости.

Блаж. Іеронимъ пишетъ: „стихіями міра назвалъ Апостолъ здѣсь тѣхъ же, кого прежде назвалъ повелителями и приставниками. Можно подъ ними разумѣть и буквы, изъ которыхъ составляются слоги и слова, и которыя заучиваются не сами для себя, а для другаго дѣла, для того, т.-е., чтобы можно было читать сложную рѣчь, имѣя во вниманіи уже не порядокъ буквъ, а выражаемый словами смыслъ. Подъ буквами же можно разумѣть законъ Моисеевъ и изреченія Пророковъ, потому что чрезъ нихъ воспріемлется страхъ Божій—начало премудрости, и руководство къ Избавителю, Господу Іисусу Христу.“

Св. Златоустъ сводитъ рѣчь и на примѣненіе сего сравненія, или выводъ изъ него. „Апостолъ говоритъ здѣсь о младости не по возрасту, а по уму, и показываетъ, что Богъ съ самаго начала хотѣлъ намъ даровать Свои благословенія; но, поелику мы находились еще въ состояніи младости, то и оставилъ насъ подъ стихіями міра, т.-е. въ зависимости отъ новолуній и субботъ, такъ какъ сіи дни зависятъ у насъ отъ теченія солнца и луны. Итакъ приводящіе васъ теперь подъ иго закона дѣлаютъ тоже, что васъ, достигшихъ совершеннаго возраста, опять возвращаютъ въ младенчество. Видишь ли, что значитъ наблюденіе дней? Господина, домувладыку, имѣющаго полную власть надъ всѣмъ, оно низводитъ въ состояніе раба.“

Ст. 4. 5. *Егда же пріиде кончина лѣта, посла Богъ*

Сына Своего (Единороднаго), раждаемаго отъ жены, бываема подъ закономъ: да подзаконныя искупитъ, да всыновленіе воспріимемъ.

Вторая черта сравненія: нарокъ отчій въ отношеніи къ намъ кончился. Богъ послалъ Сына Своего, Который снялъ съ насъ узы пѣстунства законнаго и ввелъ въ права сыновъ. Всѣ черты и термины, здѣсь употребленные, сами по себѣ имѣютъ глубочайшій смыслъ и могутъ служить основаніемъ къ наведенію о высочайшихъ истинахъ; но цѣль у Апостола только сравненіе выдержать и сказать, что пѣстунство кончилось: мы сыны. Нечего намъ вязаться закономъ.

Егда же пріиде кончина лѣта.— Кончина — исполненіе; *лѣто* — опредѣленное время. Исполнилось время, кончился нарокъ отчій, время опредѣленное для воспитанія прошло, и само воспитаніе по возможности совершилось: терминъ, назначенный въ тайнахъ промышленія Божія о человѣчествѣ, приблизился. „Какого времени пришла кончина?“ — спрашиваетъ Экуменій, и отвѣчаетъ: „того, въ которое надлежало придти Христу. Время пришествія Христова было прежде опредѣлено Пророкомъ Даніиломъ; оно кончилось въ царство кесаря Августа, когда совершилось и воплощеніе Бога Слова, и явился Христосъ.“ Христосъ—центръ движенія человѣчества во времени. Къ Нему—все до пришествія Его во плоти; и отъ Него—все по пришествіи Его. По видимости можетъ быть для иныхъ это не такъ осязательно; но по внутренней жизни этому иначе быть нельзя. Все духовное, истинно Божіе отъ Господа Іисуса: внѣшняя исторія можетъ идти своимъ чередомъ; но среди его незримо зрѣетъ племя Божіе,—единое цѣнное, внѣ коего все ничтожно.

Посла Богъ Сына Своего. Говоритъ о посланіи Сына ради того, что внушаетъ о введеніи подпѣстунныхъ въ

сыновство. Сынъ посланъ, чтобъ отставить пѣстуна и тѣхъ, кои были подъ нимъ, ввесть въ чинъ сыновъ.— Богъ послалъ Сына, слѣдовательно Сынъ былъ прежде рожденія во плоти; не есть потому только человѣкъ, къ чему-либо особенному предназначенный. Посылается не ходатай, ни ангелъ, но Сынъ, т.-е. ни изъ круга людей, какъ чрезвычайный посолъ по назначенію, ни изъ круга Ангеловъ. Какъ кромѣ сего остаются только лица Пресвятыя Троицы, то въ славянскомъ нашемъ текстѣ естественно прибавилось: *Единороднаго*, котораго слова нѣтъ въ греческомъ текстѣ, — въ означеніе, что Онъ одного съ Богомъ Отцемъ естества, хотя сіе уже заключается въ словѣ: Сынъ. Ибо когда Богъ посылаетъ Сына Своего, то, само собою, посланный есть Сынъ Божій.

Раждаемаго отъ жены. Посланный Сынъ раждается отъ жены, вступаетъ въ рядъ раждаемыхъ симъ образомъ не бывшій въ лицѣ Своемъ одно съ ними. Тотъ же Сынъ превѣчно бывшій раждается, какъ человѣкъ. и является двойственнымъ въ естествахъ, пребывая единымъ лицемъ, Сыномъ Божіимъ Единороднымъ—воплотившимся. Слово *жена* употреблено здѣсь въ томъ же смыслѣ, какъ у Евангелиста Матѳея 1, 20: *Маріамъ жену*, и Луки 2, 5: *съ обрученною ему женою*. Блаж. Іеронимъ пишетъ: „слово—γυνή, по свойству греческаго языка, означаетъ болѣе женщину, лице женскаго пола, а не супругу.“— Раждается отъ жены; слѣдовательно безъ отца. Не было нужды св. Апостолу сказать, какъ раждается. Но поелику посылается Отцемъ, то здѣсь умѣстна мысль, что дѣйствіемъ Его и раждается, яко человѣкъ. Греческій текстъ не противорѣчитъ и переводу: *раждающагося*— который подаетъ мысль, что посланный Сынъ Самъ устроилъ Свое рожденіе по человѣчеству. Если припомнимъ слово св. Луки, что рождшееся въ Приснодѣвѣ отъ

Духа есть Свята, то придемъ къ заключенію, что, по духу Писанія, воплощается Сынъ Божій, самое же дѣйствіе воплощенія или пріятія естества человѣческаго совершается Тріѵпостаснымъ Божествомъ: ибо дѣйствія Божества нераздѣльны въ Лицахъ. Для спасенія нашего было необходимо, чтобы Спаситель нашъ былъ человѣкъ полный, всю природу человѣческую имѣющій, кромѣ грѣха. Онъ и раждается отъ жены, какъ и всѣ люди, но не тѣмъ способомъ, какимъ и грѣхъ передается, чтобъ облечься въ естество человѣческое, непричастное грѣху, хотя со всѣми его немощами. Въ первыя времена имѣло особое значеніе и то, что Апостолъ употребилъ предлогъ ἐξ, а не *δια*. Для того Апостолъ не сказалъ—*δια γυναικὸς*—чрезъ жену, чтобы ты не подумалъ, что Сынъ Божій прошолъ только чрезъ Богородицу, но сказалъ: *ἐκ γυναικός*, изъ жены, чтобъ показать, что Господь воспріялъ изъ нея истинное тѣло. Это безъ особаго со стороны Апостола намѣренія шло противъ докетовъ. скоро потомъ появившихся.

Бываема подъ закономъ. Слѣдовательно самъ по-себѣ Онъ не подлежалъ закону, а сталъ подъ законъ, по цѣлямъ посланія Его въ міръ, какъ и родился отъ жены. Мысль у Апостола: что такъ было и отъ вѣка предназначено. Естество принялъ Онъ общее людямъ: *раждаема отъ жены*, а жилъ внѣшно какъ Іудей; *бываема подъ закономъ*, родившись среди Іудеевъ; и сталъ и Искупителемъ не Іудеевъ только, но и всѣхъ.

Взявъ въ мысль всю эту рѣчь, видимъ, что словомъ *Сынъ* опредѣляется Божеская высота лица Искупителева, Его внутренняя слава, а словами: раждаема отъ жены, бываема подъ закономъ—Его произвольное состояніе уничиженія, чрезъ облеченіе Себя въ естество человѣческое съ его немощами кромѣ грѣха и чрезъ подчиненіе Себя закону.

Да подзаконныя искупитъ. Господь искупилъ всѣхъ людей, но св. Павелъ, по цѣли своей, останавливается на однихъ Іудеяхъ. Были мы, говоритъ, подъ пѣстунствомъ закона, работая ему, или неся иго его, подобно лицамъ проданнымъ въ рабство. Пришелъ Сынъ Божій, отмѣнилъ законъ и вывелъ насъ на свободу, какъ выводятъ на свободу рабовъ, выкупивши ихъ. Сынъ Божій подчинился закону, чтобы разорить законъ, уничтожить узы его, сдѣлать его ненужнымъ. Ибо вся цѣль его во Христѣ Господѣ. Пришелъ Христосъ Господь, и законъ долженъ престать: служеніе его кончилось, какъ кончается служеніе пѣстуновъ, когда пройденъ весь курсъ воспитанія. Амвросіастъ остроумно объясняетъ это, восходя мыслію къ обѣтованію Авраамову: „Спасителю надлежало быть подъ закономъ, какъ сыну Аврама по плоти; чтобъ явился обрѣзаннымъ Тотъ, Кто, по обѣтованію Аврааму, имѣлъ придти для оправданія языковъ вѣрою, имѣя, т.-е. на Себѣ знакъ (обрѣзаніе) того, кому обѣтованъ. Послѣ же Него уже никому не слѣдуетъ обрѣзываться; ибо до тѣхъ поръ и переходилъ изъ рода въ родъ знакъ тотъ, пока пришелъ Обѣтованный возстановитель вѣры, коею оправдался Авраамъ въ необрѣзаніи, пріявъ обрѣзаніе только какъ знаменіе вѣры (и его оправдавшей и имѣвшей оправдывать всѣхъ), чтобъ вѣрующимъ не было уже нужно обрѣзаніе. Аврамъ за тѣмъ обрѣзанъ былъ, что увѣровалъ, что будетъ имѣть сына, въ коемъ благословятся всѣ народы. Почему до тѣхъ поръ и имѣло смыслъ это знаменіе. пока не пришелъ Обѣтованный.“ Обрѣзаніе же, прибавимъ,— корень закона. Гдѣ обрѣзаніе, тамъ и весь законъ.

Да всыновленіе воспріимемъ. О благахъ воплощенія Сына Божія разсуждаетъ здѣсь Апостолъ только примѣнительно къ высказанному имъ сравненію,—все съ тою мыслію, чтобы внушить, что законъ престалъ уже, и

никакой обязательной силы не имѣетъ для увѣровавшихъ, по самому назначенію Бога Отца. Мы сыны, по Божію избранію; но до нарока отча, Отцемъ нашимъ Богомъ поставлены подъ законъ, и жили подъ игомъ его будто рабы. Кончился нарокъ; Отецъ, поставившій насъ подъ это пѣстунство, послалъ Сына, чтобъ отставить пѣстуна, и ввесть насъ въ права на свободу сыновъ. „Сказавъ: *да всыновленіе воспріимемъ*, Апостолъ показалъ, что оно есть издревле намъ опредѣленная, должная часть достоянія; не получали же мы ее доселѣ по причинѣ младенчества ума нашего" (Экуменій. Тоже у св. Златоуста и Дамаскина).

Апостолъ излагаетъ будто только внѣшнее теченіе событій въ домостроительствѣ нашего спасенія, млекомъ питая, а не брашномъ. Но слѣдующія слова (ст. 6. 7) даютъ разумѣть, что онъ и самъ смотрѣлъ здѣсь глубже, какъ и вездѣ, и читающихъ располагалъ входить въ туже глубь вслѣдъ за нимъ.

Сынъ Божій пришелъ и сдѣлалъ насъ сынами; не объявилъ только, а сдѣлалъ,—далъ область чадами Божіими быть ради того, что въ Немъ мы раждаемся отъ Бога. Тутъ сыновство не номинальное, а существенное. Поставляя сію мысль въ отношеніе къ закону, получимъ такой ходъ мыслей: законъ, какъ дядька, остепенялъ совнѣ, удерживая порывы на грѣхъ; но Сынъ Божій, пришедши, даровалъ Св. Духа, Который, возраждая вѣрующихъ къ новой жизни о Христѣ Іисусѣ, подсѣкъ самые порывы, истребляя грѣхъ внутри благодатію. Послѣ сего внѣшняя опека закона сама собою отпадаетъ. Законъ престаетъ подобно тому, какъ разламывается куколка, когда внутри образовалась и ожила бабочка. Слѣдующія слова Апостола о Духѣ Святомъ показываютъ, что въ существѣ дѣла у Апостола,—это основная мысль, сокрытая подъ внѣшнею исторіею дѣла.

Ст. 6. *И понеже есте сынове, посла Богъ Духа Сына Своего въ сердца ваша, вопіюща: Авва Отче!*

Вотъ и здѣсь св. Павелъ отъ *мы* вдругъ переходитъ на *вы,* какъ въ 3, 25. 26. И нѣтъ сомнѣнія, что и здѣсь умѣстно такое же дополненіе подразумѣваемыхъ мыслей, какое предполагалось тамъ. Мы (Іудеи), говоритъ какъ-бы Апостолъ,—по ходу домостроительства Божія, бывшіе доселѣ подъ пѣстунствомъ закона и ничѣмъ, по причинѣ ига сего, не разнившіеся отъ рабовъ, введены нынѣ въ свободу сыновъ Сыномъ Божіимъ, пришедшимъ по окончаніи срока нашего подпѣстунства и присвоившимъ насъ Себѣ ради вѣры нашей въ Него; а вы—язычники,—и не бывши подъ этимъ игомъ рабства закону, прямо вѣрою прилѣпились къ пришедшему Сыну Божію и приняли отъ Него не имя только, но и существенное качество сыновъ. Такимъ образомъ, и мы и вы,—всѣ вѣрующіе—стали сынами.

А что вы точно сыны, за доказательствомъ на это нѣтъ нужды ходить далеко. Свидѣтельство о томъ—въ васъ самихъ,—Духъ въ васъ пребывающій, Которымъ все внутреннее ваше располагается взывать къ Богу: Авва Отче!—Ибо этого Духа вы не могли бы имѣть, еслибъ не были сынами. Потому Онъ въ васъ есть, что вы сыны; какъ и сыны вы, потому что Онъ въ васъ есть. Онъ-то и сдѣлалъ васъ сынами, возродивши благодатію Своею и поставивъ васъ въ чинъ рожденныхъ отъ Бога, кои суть сыны Ему. Возродивъ васъ, Онъ пребываетъ въ васъ и держитъ васъ въ чувствахъ сыновства Богу.

Выраженіе Апостолово внушаетъ мысль, что поелику сыны, то Богъ Духа послалъ. На дѣлѣ же Духъ Святый чрезъ возрожденіе дѣлаетъ сынами вѣрующими въ Господа. Но этихъ моментовъ можно не различать: ибо они входятъ другъ въ друга. Духъ Божій дѣлаетъ сы-

нами—возраждая,—всѣхъ ли? Не всѣхъ, а только тѣхъ, кои увѣровали въ Господа, положили слѣдовать Ему во всемъ, и ради сихъ расположеній приняты въ благоволеніе Божіе, какъ бы преднаречены быть сынами. Послѣ сего Духъ Святый, пришедши чрезъ таинства, дѣлаетъ ихъ сынами существенно, и сдѣлавъ ихъ такими, пребываетъ въ нихъ и научаетъ возноситься къ Богу, какъ къ Отцу.

И по ходу устроенія спасенія нашего такъ было, что пришло время ввесть, духовно, въ сыновство Іудеевъ и язычниковъ,—пришелъ Сынъ Божій, совершилъ все предначертанное въ совѣтѣ Божіемъ о нашемъ спасеніи, и вознесшись на небо, Духа Святаго ниспослалъ отъ Отца. Сей Духъ потомъ и сынотворилъ всѣхъ, которые вѣровали. У св. Апостола та мысль и была, чтобы внушить: теперь уже все надо бросить стороннее; видите, пришло чаемое время быть людямъ сынами, какъ ясно это вы можете видѣть отъ Духа, въ васъ же самихъ дѣйствующаго. Духъ есть; не ищи болѣе ничего, ни на чемъ другомъ не опирайся, ничѣмъ себя не вяжи.

Духъ вопіетъ въ сердцахъ: Авва Отче!—Будто что-то мистическое, сокровенное, помимо, или глубже сознанія, дѣйствующее въ вѣрующихъ. Нѣтъ; это самымъ дѣломъ есть и сознается истинно вѣрующими и имѣющими въ себѣ дѣйствіе Духа благодати. У таковыхъ все внутренее такъ настроивается, что они глубоко чувствуютъ себя сынами Богу и Бога сознаютъ Отцемъ себѣ. Это есть достояніе всѣхъ христіанъ. И теперь тѣ, которые сохранили благодать крещенія, живя непрерывно, какъ слѣдуетъ христіанамъ, чувствуютъ себя таковыми.—Тѣ же, кои потеряли благодать крещенія, не могутъ себя чувствовать такими. Имъ надобно возвратить сію благодать покаяніемъ, и потомъ дать благодати возобладать собою чрезъ подвиги самоотверженія, подвиж-

ничества и добродѣланія. Тогда и у нихъ возродится тоже чувство сыновства Богу. Такъ учатъ всѣ духоносные отцы. Что такъ бываетъ, — возьмите въ сравненіе чувства раба, который крайне провинился предъ господиномъ и ничего не ожидалъ отъ него кромѣ смерти, а между тѣмъ, возвратясь къ нему съ раскаяніемъ, принятъ имъ милостиво, обласканъ и введенъ въ прежній чинъ. Слуга такой не удержится, чтобъ не воззвать изъ глубины души къ господину своему: отецъ мой родной! Съ этимъ чувствомъ онъ потомъ и останется. Такъ бываетъ въ духѣ нашемъ по отношенію къ Богу. Это такъ существенно въ христіанствѣ, что у кого нѣтъ такого чувства къ Богу, тотъ еще не сдѣлался истиннымъ христіаниномъ; но или живетъ въ нерадѣніи, или еще не дошелъ до термина дѣйственности Св. Духа въ сердцѣ.

Какъ этотъ предметъ первой важности для насъ, то приведу рѣчи всѣхъ древнихъ толковниковъ, которые останавливались на немъ вниманіемъ своимъ.

Блаж. Іеронимъ пишетъ: „что мы сыны, Апостолъ доказываетъ отъ Духа, Коего имѣемъ въ себѣ. Никогда не дерзнули бы мы взывать: Отче нашъ, Иже еси на небесѣхъ! если бы не сознавали въ себѣ живущаго Духа, который взываетъ: Авва Отче! Отсюда какъ тотъ, кто Духа Сына Божія имѣетъ, есть сынъ Богу, такъ и тотъ, кто не имѣетъ Духа Сына Божія, не можетъ именоваться сыномъ Богу.“

Амвросіастъ такъ разсуждаетъ: „Когда язычниковъ, увѣровавшихъ во Христа, бывшихъ прежде врагами, назвалъ онъ сынами, нѣтъ сомнѣнія, что онъ также называетъ и увѣровавшихъ Іудеевъ, которые, какъ извѣстно, получили это названіе давно-давно. Но имя это они получили какъ-бы только образомъ, чтобы оно послѣ утвердилось за ними и существенно чрезъ Христа. Безъ Духа оно не было полно, существенно. Чтобъ намъ имѣть на

себѣ пробу, что мы точно всыновлены Богомъ, Онъ далъ намъ Духа Своего, Который показываетъ знакъ Отца на сынахъ; и Онъ-то даетъ намъ дерзновеніе говорить къ Богу то, чего прежде, по немощи и недостоинству, не смѣли мы говорить,—т.-е.: Авва Отче.“

Вотъ что говоритъ блаж. Августинъ: „Сказалъ Апостолъ, что мы—Іудеи искуплены изъ-подъ закона, да всыновленіе воспріимемъ. Оставалось показать, что и язычникамъ, не бывшимъ подъ закономъ, принадлежитъ тоже всыновленіе. Это онъ и дѣлаетъ, поминая о дарѣ Духа Святаго, всѣмъ даннаго. Почему и Петръ защищаетъ себя предъ увѣровавшими Іудеями въ томъ, что крестилъ необрѣзаннаго Корнилія сотника, говоря, что не могъ запретить воду тѣмъ, кои явно получили уже Духа Святаго (Дѣян. 10, 47). Этимъ важнѣйшимъ доказательствомъ пользовался уже выше св. Павелъ, когда говорилъ: *отъ дѣлъ ли закона Духа пріясте, или отъ слуха вѣры?* (—3, 2). Такъ и здѣсь говоритъ: *понеже есте сынове, посла Богъ Духа Сына Своего въ сердца ваша, вопіюща: Авва Отче!*“

Экуменій — за всѣхъ восточныхъ, ибо всѣ одинаково говорятъ: „откуда видно, что мы сподобились всыновленія? Изъ Духа сыновства. Онъ осѣнилъ насъ и научаетъ (ибо это значитъ: *вопіюща*) Бога называть Отцемъ; чего конечно не было бы, еслибы мы не сподобились всыновленія.“

Ст. 7. *Тѣмже уже нѣси рабъ, но сынъ: аще ли же сынъ, и наслѣдникъ Божій Іисусъ Христомъ.*

Пришелъ Сынъ Божій во плоти, ты прилѣпился къ Нему вѣрою и получилъ возрожденіе отъ Духа Божія, въ тебѣ сущаго теперь и въ сыновствѣ Богу тебя увѣряющаго: *тѣмже*, такимъ образомъ отсюда очевидно, что ты не рабъ, а сынъ.

Нѣси ты; опять перемѣна лица, къ коему обращается

рѣчь. Сначала *мы*, т.-е. Іудеи; потомъ *вы*, т.-е. Галаты вѣрующіе, изъ Іудеевъ и язычниковъ; теперь *ты*: обращается будто къ каждому вѣрующему изъ Галатовъ, кто бы ты ни былъ вѣрующій, уже ты не рабъ, а сынъ. Но о чемъ же и предъ симъ была рѣчь, какъ не о томъ, что всякій вѣрующій, Духа Божія пріявшій, есть сынъ? Потому можно полагать, что Апостолъ хочетъ внушить: тебѣ уже не слѣдуетъ, непристойно и нельзя, быть рабомъ. Прежде порабощеніе стихійному закону имѣло значеніе; потому что такъ было положено Богомъ Отцемъ, и притомъ только для Іудеевъ. Теперь кончилось время, назначенное для того,—и подработность не имѣетъ никакого смысла даже въ Іудеѣ, а не только во всякомъ другомъ. Для кого и для чего ты это дѣлаешь? Богъ теперь не благоволитъ къ тому учрежденію, ветхому; оно сдѣлало свое дѣло и отмѣнено. Получить что-либо чрезъ этотъ трудъ и это униженіе до раба, при неблаговоленіи Божіемъ, не можешь надѣяться; да и нечего надѣяться получить, когда ты уже сынъ, а слѣдовательно и наслѣдникъ. Имѣешь уже то, изъ-за чего стоило бы потрудиться подъ игомъ работы закону. Зачѣмъ же тебѣ самовольно безъ всякой пользы и нужды лѣзть подъ это иго!

Аще ли же сынъ, и наслѣдникъ Божій Іисусъ Христомъ. Прямое право—сыну быть наслѣдникомъ отца: и тому, кто сталъ сыномъ Богу,—быть наслѣдникомъ Божіимъ. Какъ сыновство Богу вѣрующимъ получается чрезъ Господа Іисуса Христа, то и наслѣдіе принадлежитъ каждому вѣрующему чрезъ Него же. Почему въ другомъ мѣстѣ Апостолъ называетъ вѣрующихъ,—наслѣдниковъ Божіихъ,—сонаслѣдниками Христу (Рим. 8, 17). Такъ опредѣлено вѣрующимъ въ Господа, во Христа облекающимся, быть тамъ, гдѣ и Онъ. Иначе сему быть нельзя: таково домостроительство нашего спасенія. Въ другомъ мѣстѣ наслѣдіе, предуставленное вѣрующимъ,

св. Павелъ сочетаваетъ съ Духомъ благодати. Духъ благодати, говоритъ онъ въ посланіи къ Ефесеямъ (1, 14), есть задатокъ наслѣдія. Эта же мысль приложима и здѣсь. Наслѣдники вы, потому что сыны; а сыны потому, что отрождены по Богу Духомъ, Который и вопіетъ въ васъ: Авва Отче! Вѣдайте, что какъ сыновство ваше существенно, а не номинально, ибо вы осязаете въ себѣ Духа сыновства, такъ и наслѣдство ваше не пререкаемо, потому что въ семъ же Духѣ сыновства вы имѣете залогъ его, задатокъ того, что непремѣнно его получите.

Рѣчь св. Апостола въ семъ отдѣленіи идетъ тѣмже порядкомъ, какъ и въ 3, 23—29. Но тамъ свелъ онъ все на то, что вѣрующіе въ Господа стали Авраамле сѣмя и по обѣтованію наслѣдницы; наслѣдники, т.-е., того, что обѣтовано Аврааму; а обѣтовано было ему благословеніе о Сѣмени его, т.-е. Господѣ Іисусѣ Христѣ, всѣхъ народовъ, ради вѣры. Слѣдовательно тамъ разумѣется наслѣдство всѣхъ благъ только царства благодати. Здѣсь же видно Апостолъ проводитъ мысль далѣе, за предѣлы времени, и именуя вѣрующихъ наслѣдниками Божіими, разумѣетъ блаженство, ожидающее ихъ въ царствѣ славы, которому залогомъ служитъ участіе въ благахъ царства благодати.

Заключимъ это отдѣленіе словами св. Златоуста: „если благодать содѣлала насъ изъ рабовъ свободными, изъ младенцевъ совершенными, изъ чужихъ наслѣдниками и сынами, то небезразсудно ли и крайне неблагодарно будетъ оставить сію благодать и возвратиться въ прежнее состояніе?“

„Дерзай убо, человѣкъ,“ взываетъ Экуменій. „Ты уже не рабъ, но сынъ Бога и наслѣдникъ Его. Чрезъ Единороднаго Сына Божія, воплотившагося и все наше понесшаго, ты уже не рабъ, не подъ игомъ закона. Вонми благословенію Пресвятыя Троицы! Отецъ посылаетъ Сы-

на, Сынъ воплощается, Духъ Святый содѣйствуетъ, и вошедши въ сердца наши, научаетъ насъ взывать: Авва Отче! Какъ же теперь не безсмысленно тѣмъ, которые чрезъ Христа Господа и Духа Святаго содѣлались сынами Богу, опять обращаться къ закону?“

6.

Такъ выставилъ св. Апостолъ нелѣпость обращаться къ закону по принятіи благодати, имѣя во вниманіи Іудеевъ, какъ они были прежде; теперь тоже выводитъ онъ, смотря на язычниковъ, какъ они были прежде. 4, 8—10.

Это впрочемъ небольшое отдѣленіе нѣсколько темновато въ теченіи рѣчи и въ связи своей. Въ стихѣ 8, слово обращается явно къ язычникамъ, невѣдавшимъ Бога; но далѣе въ 9 стихѣ рѣчь будто перемѣняется и идетъ къ Іудеямъ; ибо только о нихъ можно сказать, что паки возвращаются на немощныя и худыя стихіи. Ктомуже не видно, чему отвѣчаетъ начальная частица: *но,* ибо съ непосредственно предъ тѣми стоящими стихами она неудобно вяжется. Оттого въ пониманіи сего мѣста между толковниками и древними и новыми нѣтъ согласія. Всѣ согласны въ томъ, что рѣчь обращена къ язычникамъ, а какъ къ нимъ свесть всѣ термины, здѣсь употребленные, не всѣ одинаково ухитряются.

Но.—Частица сія есть отвѣтная: чему же она отвѣчаетъ? Иные говорятъ: непосредственно предшествующимъ словамъ, какъ-бы такъ: вотъ какой благодати и чести сподобились вы! стали сынами Богу истинному; *а* тогда служили вы богамъ, кои не суть боги, или коихъ совсѣмъ нѣтъ на дѣлѣ. Первыя слова точно хорошо подходятъ къ этому сочетанію, а дальнѣйшая рѣчь совсѣмъ не вяжется съ нимъ.

Можно предположить подразумѣваемую или дѣйствительную рѣчь къ Апостолу со стороны язычниковъ: да какъ же прежде насъ обращали въ іудейство съ такою ревностію, и притомъ въ близкія сношенія входили только съ тѣми изъ насъ, которые принимали обрѣзаніе и все прочее; а теперь учите, что все это совсѣмъ ненужно? Св. Апостолъ отвѣчаетъ имъ: но тогда вы Бога не знали и служили ложнымъ богамъ; тогда одна только вѣра на землѣ была истинная—іудейская, и вы хорошо дѣлали, обращаясь въ іудейство: отъ лжи и заблужденія вы переходили къ истинѣ. Теперь же, когда Богъ истинный Самъ позвалъ васъ въ общеніе съ Собою, помимо закона, какъ это вы видите, зачѣмъ теперь вамъ обращаться къ этимъ немощнымъ стихіямъ, т.-е. вещественному служенію, требуемому закономъ?—Это сочетаніе рѣчи идетъ ближе; одинъ только терминъ не совсѣмъ вяжется: *паки*, опять, снова. Но онъ неудобно вяжется и при всякомъ другомъ пониманіи.

Другіе признаютъ, что здѣсь начинается новая рѣчь, и частица *но* служитъ только переходною частицею, какъ-бы такъ: но послушайте, я еще вотъ что вамъ скажу! Тогда, въ язычествѣ, вы служили ложнымъ, мечтательнымъ богамъ, и служили имъ стихіями, жертвы принося, омовенія совершая и подобное. Какъ же теперь, когда познали вы истиннаго Бога и когда истинный Богъ принялъ васъ въ такое общеніе близкое, какъ и теперь снова обращаетесь вы къ тѣмъ же немощнымъ стихіямъ, чтобъ служить ими Богу?! — Это сочетаніе прямѣе. То, что галатійскіе христіане изъ язычниковъ обращались не къ языческимъ, а къ іудейскимъ чинамъ, не дѣлаетъ здѣсь никакой помѣхи. Ибо и іудейскіе чины всѣ были стихійные и внѣшно отъ языческихъ не рознились. Цѣну имъ особенную давало то, что они Богомъ учреждены и содержали прообразовательную силу. Те-

перь, когда они утратили свое первоначальное значеніе, они стали совершенно равны языческому стихійному служенію. Апостолъ не говоритъ: къ томуже обращаетесь, а: къ подобному же стихійному, плотскому служенію, внушая, подразумѣвается, что ихъ служеніе должно быть теперь *словесное*. Св. Златоустъ говоритъ: „Здѣсь Апостолъ обращается уже къ увѣровавшимъ изъ язычниковъ, и говоритъ, что и служеніе идоламъ toково же, какъ и наблюденіе дней, и что оно теперь заслуживаетъ большее наказаніе, нежели прежде. Смыслъ словъ его такой: тогда вы такъ прикованы были къ землѣ потому, что проводили жизнь во тьмѣ и въ заблужденіи; а теперь познавши Бога, или лучше, Имъ бывъ познаны, не заслуживаете ли большаго и жесточайшаго наказанія, когда, презрѣвши толикія о васъ попеченія, добровольно подвергаетесь опять тойже болѣзни, которою страдали прежде?“

Такъ и всѣ восточные — св. Дамаскинъ, Экуменій, Ѳеофилактъ и Ѳеодоритъ. У Ѳеодорита въ словахъ слышится нѣкоторый оттѣнокъ. Онъ пишетъ: „Апостолъ пытается доказать, что соблюденіе дней по закону есть идолослуженіе. Ибо прежде, нежели сподобились вы призванія, говоритъ онъ, служили *не по естеству сущимъ богамъ*, боготворя стихіи. Но отъ сего заблужденія освободилъ васъ Владыка Христосъ. Нынѣ же, не знаю почему, возвращаетесь къ тому же заблужденію. Ибо соблюдая субботы, новомѣсячія и другіе дни, и боясь нарушить это, уподобились вы боготворящимъ стихіи.“

Такова общая мысль въ этихъ трехъ стихахъ 8—10. Сдѣлаемъ нѣкоторыя замѣчанія на нихъ по частямъ.

Ст. 8. *Но тогда убо не вѣдуще Бога, служисте не по естеству сущимъ богомъ*.

Тогда, когда были въ язычествѣ, не вѣдали, говоритъ,

вы Бога, т.-е. Бога истиннаго, Который Единъ есть. Безъ Бога быть нельзя: такова природа наша, что требуетъ Бога, и безбожники выступаютъ изъ чина естества своего. Оттого всѣ народы имѣли и имѣютъ Бога, или боговъ; но не всѣ знаютъ единаго истиннаго Бога. Апостолъ говоритъ: Бога истиннаго вы не знали. А какъ безъ Бога быть нельзя, то вы придумали ложныхъ боговъ и имъ служили.

Служисте не по естеству сущимъ богомъ.—Не по естеству сущимъ—μὴ φύσει οὖσι не естествомъ, не физически не realiter, не на самомъ дѣлѣ сущимъ, а выдуманнымъ, служили мечтамъ своего воображенія. Или служили богамъ, кои хоть и существовали на дѣлѣ, но не были по естеству своему боги, а или люди, чѣмъ-либо заслужившіе память и обоготворенные, или твари небесныя или земныя, или истуканы, или бѣсы.

Чѣмъ служили, Апостолъ не указываетъ. Къ кому обращена была рѣчь, тѣ знали, чѣмъ служили: нечего было и говорить о томъ. Намъ же надо привесть то на память: жертвами, омовеніями, празднествами и подобнымъ. Религіи на всемъ свѣтѣ, естественно, облекаются въ одинаковую форму. Вездѣ храмы, или особыя мѣста, вездѣ лица священныя, вездѣ свои дѣйствія священныя, вездѣ свои часы, дни, мѣсяцы. Безъ этого всего никакой религіи быть нельзя. Но только въ истинной вѣрѣ все это выражаетъ истину и ведетъ къ истинному богоугожденію и богообщенію; въ вѣрахъ же ложныхъ или смѣшанныхъ съ ложью, и это все ложно и не ведетъ къ тому, что чрезъ нихъ ищется.

Ст. 9. ***Нынѣ же, познавше Бога, паче же познани бывше отъ Бога, како возвращаетеся паки на немощныя и худыя стихіи, имже паки свыше служити хощете?***

Познавше Бога.—Я пришелъ къ вамъ съ проповѣдію, разогналъ мракъ вашего заблужденія, указалъ вамъ Бога

истиннаго: вотъ вы знаете Его теперь. Преимущество, далеко не всеобщее, какъ вамъ извѣстно! Но кто меня къ вамъ привелъ? Кто мнѣ далъ слово среди васъ? Кто далъ сему слову такую силу, что оно одолѣло долговѣковое, закоренѣлое заблужденіе ваше и дало вамъ уразумѣть истину? Кто васъ самихъ обратилъ и далъ вамъ силу отстать отъ старой лжи и покориться новой истинѣ? Все—Богъ. Потому приличнѣе сказать, что не вы Бога познали, а Онъ васъ позналъ. Онъ обратилъ на васъ благоволительное вниманіе и даровалъ вамъ такое неописанно высокое благо. „Не вы своими усиліями обрѣли Бога, ибо вы жили въ заблужденіи; но Онъ Самъ обрѣлъ и привлекъ васъ къ Себѣ" (св. Злат.).

Богъ все знаетъ и о всемъ промышляетъ. Но именуется Онъ особенно знающимъ тѣхъ, которыхъ призываетъ къ вѣрѣ истинной, которые содержатъ сію вѣру, какъ должно. Почему въ другомъ мѣстѣ Апостолъ говоритъ: *позна Богъ сущая Своя* (2 Тим. 2, 19). Въ томъ же смыслѣ и въ первомъ псалмѣ говорится: *вѣсть Господь путь праведныхъ* (—6). Означается этимъ особенное Божіе благоволеніе, вниманіе, какъ-бы знакомство. Блаж. Іеронимъ пишетъ: „познанными отъ Бога называются Галаты не потому, чтобы Богъ чего-либо не зналъ, но потому, что Онъ именуется знающимъ только тѣхъ, кои заблужденіе замѣнили истиннымъ благочестіемъ."

Такое напоминаніе очень было впечатлительно для сподобившихся такой милости отъ Бога, и потомъ начавшихъ уклоняться отъ истиннаго Ему угожденія. Оно и для всѣхъ таково. Его и себѣ Апостолъ приводилъ на умъ (1 Кор. 13, 12). И намъ не излишне никогда тоже дѣлать, исповѣдуя великую милость въ томъ, что мы и раждаемся среди христіанъ; и тотчасъ по рожденіи отраждаемся благодатію въ водахъ крещенія, а потомъ и воспитываемся похристіански. Какое благодареніе

воздадимъ за это всемилостивому Господу? Да избавитъ Онъ насъ и отъ подобнаго галатскому несчастія — отъ обращенія къ немощнымъ и худымъ стихіямъ! (разумѣю— матеріалистическія міровоззрѣнія).

Косвенно слова *познани бывше отъ Бога* могутъ наводить и на такую мысль: вы познали Бога; но не остались безъ отвѣта со стороны Бога; и Онъ васъ позналъ и еще паче. Въ истинной вѣрѣ не такъ бываетъ, что со стороны людей исканіе и стремленіе, а со стороны Бога ничего нѣтъ. Въ ложныхъ вѣрахъ, гдѣ обращаются къ не сущимъ богамъ, это неизбѣжно; ибо чего ожидать отъ тѣхъ, кого нѣтъ. Въ истинной же вѣрѣ Богъ истинный всегда отвѣчаетъ ищущимъ. Они Его взыскиваютъ, а Онъ къ нимъ приближается— паче, обогащая ихъ духовными благами. И происходитъ взаимный живой союзъ, въ коемъ и существо вѣры. У Ѳеофилакта читаемъ: „*познани*... приняты бывъ Богомъ (въ общеніе).“

Немощныя и худыя стихіи. Здѣсь у св. Апостола тоже самое разумѣется, что прежде выражено словами: *стихіи міра*. Разумѣются внѣшніе чины подзаконныхъ учрежденій, кои всѣ можно назвать стихійнымъ служеніемъ Богу; потому что въ немъ имѣли свою часть всѣ стихіи,—огонь, вода, земля чрезъ произрастенія и животныхъ, воздухъ чрезъ птицъ и воздушныя перемѣны отъ теченія луны и солнца, и под.

Немощно и худо, бѣдно, скудно, стало сіе подзаконное служеніе, по пришествіи Христа Господа; а прежде служеніе сіе было Богу угодное и давало то, что Богу угодно было соединить съ нимъ. Принесшій напримѣръ жертву о грѣхѣ отходилъ помилованнымъ; пріявшій помазаніе становился лицемъ священнымъ и проч. Языческія же подобныя религіозныя дѣйствія ничего не давали, были пусты, какъ и вся ихъ религія. По при-

шествіи Христа Спасителя и іудейскія священныя дѣйствія тоже стали пусты, ничего уже не давали и Богу противными сдѣлались, потому что соблюдаемы были противъ воли Его очевидной. Св. Павелъ это и разумѣетъ въ словахъ: возвращаетеся на немощныя и худыя стихіи. Онъ говоритъ какъ-бы имъ: ваше прежнее стихійное служеніе было пусто—ничего не давало. Но таково же стало и іудейское стихійное служеніе, когда кончилось назначенное для его существованія время. Слѣдовательно, склоняясь теперь на принятіе іудейскаго закона, вы тоже дѣлаете, что опять возвращаетесь на пустое, ничего не дающее стихійное служеніе. Какъ же это вы себѣ позволяете послѣ такого къ вамъ великаго Божія благоволенія?

Блаженный Іеронимъ пишетъ: „немощныя и скудныя стихіи—это законъ. И такимъ онъ сталъ для тѣхъ, кои обращаются къ нему теперь по явленіи благодати Евангелія. Прежде пришествія опредѣленнаго Отцемъ времени, прежде проповѣди Евангелія во всемъ мірѣ, законные уставы имѣли свой блескъ. Послѣ же того, какъ возсіялъ большій свѣтъ благодати Евангельской и солнце правды взошло надъ всѣмъ міромъ, сокрылся свѣтъ звѣздъ и лучи ихъ померкли. Законъ Моисеевъ до Евангелія богатый, обильный, свѣтлый, по пришествіи Христа Господа сталъ немощенъ, бѣденъ и совсѣмъ уничтоженъ Тѣмъ, Кто больше Соломона, Іоны, храма.“

Имже паки свыше (опять, снова) *служити хощете. Служити*, δουλέυειν,—работать, рабствовать. Апостолъ говоритъ: къ пустымъ стихіямъ обращаетесь, которыя ничего не могутъ вамъ дать, и между тѣмъ отдаетесь въ рабство имъ, становитесь рабами. Въ законѣ все до подробностей было опредѣлено; преданіями старцевъ эти подробности до того стали стѣснительными, что и ступить уже было невозможно, безъ опасенія нарушить что-ни-

будь. Соглашаясь принять законъ, Галаты должны были бы, волею-неволею, подчиняться и всѣмъ этимъ ограниченіямъ, вступить въ узы рабства. И это, напоминаетъ какъ-бы Апостолъ, послѣ свободы-то, которою облекъ васъ Господь чрезъ всыновленіе благодатію Св. Духа?! Говоритъ: опять снова хотите рабствовать. Это потому, что и языческое стихійное служеніе было тоже все опредѣлено и представляло своего рода рабство стихіямъ. Хоть Галаты обращались теперь не къ языческому, а къ іудейскому стихійному служенію; но какъ они стали теперь на одну линію, то дѣлали тоже, что возвращались опять къ своему старому, не тому же, но такому же по значенію и смыслу.

Ст. 10. *Дни смотряете, и мѣсяцы, и времена, и лѣта.*

Этимъ стихомъ ничего не прибавляется къ выраженной мысли, а только дается пояснительный примѣръ стихійнаго служенія, рабства стихіямъ.

Дни смотряете—наблюдаете религіозно *дни*, напримѣръ субботу, *мѣсяцы*—новомѣсячіе, *времена* — многодневные праздники, какова Пасха, потченіе сѣней, кои тоже напоминаютъ и времена года, — *лѣта*, годъ субботный или юбилей пятидесятилѣтній.

Почему коснулся Апостолъ только временъ, религіозно чтимыхъ, а не другаго чего? *Или* потому, что этими временами опредѣляется и все прочее; такъ что сказавши это, Апостолъ сказалъ какъ-бы: наблюдаете дни и конечно все сопряженное съ чествованіемъ ихъ, т.-е. весь законъ. *Или* потому, что Галаты склоняясь къ іудейству начали только пока наблюдать дни, не касаясь прочаго. Этими словами опредѣляется мѣра совращенія, въ чемъ успѣли уже совратители. Обрѣзаніе еще не принято; недостало у Галатовъ смѣлости принять что-либо и другое. Наблюденіе же временъ не представляло большихъ затрудненій. Оно и принято. Хотя Галаты успѣли,

можетъ быть, оказать религіозное чествованіе по-іудейски только къ субботамъ и новомѣсячіямъ или другому какому подошедшему празднику; но Апостолъ перечисляетъ уже весь кругъ религіозно чтимыхъ іудейскихъ временъ.

Блаженный Іеронимъ спрашиваетъ при семъ: но какъ же и у христіанъ есть свои дни, кои они чтутъ, — что же? И они подлежатъ тому же укору? И отвѣчаетъ: у христіанъ все духовно, и все совершается въ духѣ свободы.

Прибавимъ къ этому, что не дни только религіозно чтимые есть у христіанъ, но и свои священнодѣйствія, свои и лица священныя, и свои мѣста Богослужебныя. И все сюда относящееся опредѣлено уставомъ. Не есть ли это связа, узы, рабство? Все это есть у христіанъ, потому что безъ внѣшняго нельзя быть въ выраженіяхъ нашихъ благоговѣйныхъ къ Богу отношеній; одинъ ли кто изливаетъ предъ Богомъ душу свою, или многіе собираются для сего въ одно мѣсто, — храмы. И св. Апостолъ Павелъ отвергалъ всѣ внѣшнія іудейскія учрежденія не ради того, что внѣшняго ничего уже не нужно въ христіанствѣ, но ради того, что іудейская внѣшность уже не соотвѣтствовала духу новой во Христѣ вѣры, почему и должна была быть отвергнута. Св. Павелъ, какъ и всѣ Апостолы, отвергая іудейское стихійное богослуженіе, заводилъ всюду свое христіанское,— служеніе словесное, разумное, духовное. Предначертаніе всего внѣшняго нашего чина дано Апостолами; подробности опредѣлились впослѣдствіи: время освятило ихъ. Вотъ и уставъ!

Но все же это связа; гдѣ же свобода христіанская? Она тутъ. Уставъ хоть и опредѣляетъ: такъ и такъ дѣйствуй, но не говоритъ, что исполнивъ все по писанному ты справилъ дѣло, и довольно. Напротивъ предписы-

ваетъ входить въ духъ уставленнаго, чтобъ дѣйствовать изъ духа, какъ-бы отъ себя, самоумно, самоохотно, и слѣдовательно свободно. Внѣшнее дѣйствованіе одно, точно, связа и узы; но когда то, для чего установлено это дѣйствованіе, воспринято умомъ и сердцемъ, тогда дѣйствованіе перестаетъ быть связывающимъ,—оно свободно развивается изъ духа. И вся наша христіанская внѣшность изошла изъ духа. Іудейство шло отъ внѣшняго къ внутреннему. Христіанство исходитъ извнутрь и облекается въ благолѣпную внѣшность, какъ полное жизни растеніе одѣвается листьями и цвѣтами. То, что все это установилось въ опредѣленную форму, не мѣшаетъ тому быть во всякомъ мѣстѣ и во всякомъ лицѣ живымъ, исходящимъ изъ духа, свободнымъ. Надо только держаться одного закона: входи въ духъ уставленнаго, сродняй его съ умомъ и сердцемъ, и всегда исполняя его будешь дѣйствовать изъ себя свободно, не чувствуя никакой связы внѣшностію.

Такъ уставъ не вяжетъ свободы христіанской, обязывая исполнять все уставное въ духѣ. Но онъ не вяжетъ потому, что въ христіанскихъ внѣшнихъ чинопослѣдованіяхъ ничего нѣтъ такого, о чемъ, какъ объ іудейскихъ чинахъ, можно было бы сказать: не коснися, ниже вкуси, ниже осяжи, исключая неизмѣнной формы семи божественныхъ таинствъ. Мы имѣемъ внѣшнее, потому что безъ внѣшняго нельзя намъ быть, какъ людямъ. Чтимъ благоговѣйно установившіеся внѣшніе чины ради того, что они освящены древностію и свое достоинство или цѣлесообразность засвидѣтельствовали тѣмъ, что образовали и препроводили въ небесныя селенія столькіе сонмы святыхъ. Но при этомъ установившіеся у насъ чины не такого рода, чтобъ Церковь была ими связана, какъ узами рабства, и ничего въ нихъ не могла ни измѣнить, ни отмѣнить. Церковь,

христіанство, въ отношеніи къ нимъ совершенно свободна, и если найдетъ, что что-нибудь перестало быть полезнымъ, она можетъ то или совсѣмъ отмѣнить или замѣнить новымъ, равно какъ ввести вновь, чего нѣтъ, но что она признаетъ нужнымъ. И кто сталъ бы утверждать, что наши чины совершенно неприкосновенны, кромѣ образа совершенія таинствъ, тотъ впалъ бы въ іудейство съ его: не коснися. Церковь Божія всегда пользовалась и пользуется такою свободою; только не такъ, что нынѣ одно, завтра другое.

Благоговѣйно, со страхомъ и трепетомъ должно быть совершаемо всякое дѣйствіе уставное,—чтеніе, пѣніе, движеніе, но не поколику таковое дѣйствіе,—на мѣстѣ его можетъ быть и другое,—а поколику оно обращается къ Богу. Творящій же дѣло Божіе съ небреженіемъ проклятъ. Кто сталъ бы утверждать, что страхъ и трепетъ должны относиться къ самымъ дѣйствіямъ и совершать ихъ въ этомъ духѣ, тотъ обнаружилъ бы въ себѣ іудействующій духъ.

Благоговѣйно совершая уставные чины, вѣруемъ, что привлекаемъ Божіе на насъ призрѣніе, Божіе къ намъ благоволеніе; но не потому, что совершили такой именно чинъ: не въ чинѣ—сила, а въ сыновнемъ полномъ вѣры и преданности Богу возношеніи, при томъ, ума и сердца. Кто сталъ бы самымъ чинамъ, поколику таковымъ, кромѣ Божественныхъ таинствъ, приписывать особую силу, тотъ сталъ бы іудействовать.

Инымъ желательно (есть секты такія) обнажить христіанство отъ всякой внѣшности; и желаніе это они думаютъ оправдать ученіемъ Апостола Павла о ненужности закона іудейскаго для христіанъ. Они не обратили должнаго вниманія на то, что тотъ же св. Павелъ, отстранявшій всѣ чины іудейскіе, вездѣ заводилъ свои христіанскіе. Имъ представляется, что мало-мало что

внѣшнее то уже и іудейство, и они вопятъ: іудейство, заслуга! А того понять не хотятъ, что не въ томъ іудейство, что есть внѣшнее, но въ томъ, что это внѣшнее совершается и чтится по-іудейски.

Сами они мечтаютъ, будто разоблачились отъ всего внѣшняго и служатъ Богу духомъ, чисто по-христіански. Между тѣмъ обращаясь къ Богу, принимаютъ извѣстную позу и особую рѣчь ведутъ къ Богу. Что это, какъ не чинъ? Чинъ, только самочинный. Такимъ мудрецамъ нельзя имѣть общихъ собраній: они и не признаютъ ихъ нужными и понятія о Церкви Божіей, какъ о единомъ тѣлѣ, не могутъ вмѣстить. Замѣчательно, что они и лба не перекрестятъ никогда. Не очевидно ли, что духъ, учащій ихъ и въ нихъ живущій, боится креста, сокрушившаго всю силу вражію.

Безъ внѣшнихъ чиновъ намъ, временно пространственнымъ, быть нельзя. И у Ангеловъ есть свои чины. И въ будущемъ вѣкѣ будутъ свои. И на все въ нихъ свое время, мѣсто и порядокъ. Только въ духѣ служеніе Богу можетъ и должно быть непрерывно, не ограничиваясь ни временемъ, ни мѣстомъ, ни положеніемъ.

2.

Указаніе нелѣпости въ образѣ мыслей заставляетъ сдаваться умъ самый упорный; и онъ, по сознаніи ея, всегда готовъ бываетъ отстать отъ своихъ мыслей. Но ему можетъ идти наперекоръ сердце. Потому для полной побѣды необходимо бываетъ затронуть и его: этимъ углаждается путь рѣшеніямъ воли. Къ этому и приступаетъ теперь св. Павелъ, собирая разныя представленія, могущія изгладить изъ сердца образовавшееся въ немъ сочувствіе къ іудейству и расположить его къ отчужденію отъ закона. Это необходимо было и для того, чтобъ

смягчить острое дѣйствіе предыдущаго обличенія въ нелѣпости, допускаемой Галатами. Дѣйствіе доведенія чего-либо до нелѣпости поразительно сильно; но оно отзывается всегда горечью въ сердцѣ тѣхъ, кого касается, и тѣмъ замедляетъ дѣйствительную, требуемую тѣмъ перемѣну въ жизни. Св. Павелъ подслащаетъ *) его теперь, вызывая ободрительныя чувства. Здѣсь что ни стихъ, то особое чувство. Потому нельзя указать какой-либо въ частности порядокъ въ семъ отдѣленіи 4, 11—20.

Ст. 11. *Боюся о васъ, еда како всуе трудихся въ васъ.*

„Отеческій это голосъ, приличный тому, кто помнитъ свои труды, и не видитъ плода" (Өеодор.).

Боюсь за васъ. „Видитъ будто Апостолъ, что они такъ далеко зашли, уклоняясь въ худшее, что могутъ и совсѣмъ отпасть отъ Христа" (Амвросіастъ). Зло уже началось, принято и плоды нѣкоторые оказало: *дни смотряете*. Что дивнаго, что ниспаденіе въ іудейство и дальше пойдетъ? Въ иныхъ же ниспаденіе въ іудейство могло кончиться ниспаденіемъ и въ язычество. Ибо іудейство, по пришествіи благодати, такое же суевѣріе, какъ и языческое, безъ силы и значенія. И оно--Богомъ отверженная вѣра.

Случись что подобное, и трудъ мой пропадетъ. Даже сильнѣе будто выражается Апостолъ: не пропалъ ли ужъ и трудъ мой? Не стали-ль вы таковы, что васъ и христіанами-то называть нельзя, а надо снова обращать? Боюсь, не такъ ли далеко зашло дѣло? Не говоритъ же этого рѣшительно потому, что опредѣленно не зналъ, что у нихъ и съ ними,—не домышлялся о нихъ (ст. 20).

Не о трудѣ жалѣетъ Апостолъ, а о нихъ, что они опять въ ту же тьму ввергнутся, изъ которой извлечь ихъ стоило ему столько труда, сознавая, что онъ всѣмъ долженъ, и дальнымъ и ближнимъ, — жалѣетъ вмѣстѣ,

*) Эта фраза у кого-то, не помню, изъ древ. толковников.

что этимъ останавливается дѣло Божіе. На другихъ обратилъ бы онъ трудъ свой, а тутъ приходится опять потѣть надъ тѣми же, которые, казалось, поставлены уже на ноги.

Напоминаніе о трудѣ надъ Галатами, какой понесъ св. Павелъ въ обращеніи ихъ и устроеніи ихъ церквей, сильно произвесть большое сокрушеніе и умиленіе, при испытанной любви къ нимъ св. Апостола, и при ихъ къ нему приверженности оказанной прежде. Онъ „какъ бы такъ говоритъ: вспомните, сколько пота пролито надъ вами, и не допустите, чтобъ тщетнымъ сдѣлался трудъ мой“ (Ѳеофилактъ). Напрасная потеря—жалостлива. Почему прежде онъ и объ ихъ потерѣ поминалъ, когда говорилъ: напрасно вы пострадали (3, 3). Теперь говоритъ о потерѣ своего труда. Далѣе, ст. 19, пишетъ, что онъ опять ведетъ трудъ, и трудъ болѣзненный. Люди дѣловые хорошо понимаютъ, какъ всѣ такія напоминанія впечатлительны.

Св. Златоустъ говоритъ: „видишь ли искреннее участіе Апостола? Тѣ обуреваются; а онъ боится и трепещетъ за нихъ. Потому и слова его: *трудихся въ васъ*, такъ много содержатъ сокрушительнаго. Какъ бы такъ онъ сказалъ: не сдѣлайте напрасными толикихъ трудовъ моихъ. А словами: *боюся* и *еда како*, возбуждаетъ и въ нихъ безпокойство и вмѣстѣ вдыхаетъ въ нихъ благія надежды. Ибо не сказалъ: *всуе трудихся*, но сказалъ: *еда како всуе трудихся*. То-есть: это не есть еще кораблекрушеніе, но я вижу въ семъ только опасную бурю, и потому боюсь, но не отчаяваюсь. Вы можете еще все поправить и возвратиться къ прежней тишинѣ.“

Тоже и блаж. Іеронимъ съ нѣкоторымъ особымъ примѣненіемъ: „еслибы онъ хотѣлъ рѣшительно обличить ихъ, сказалъ бы: напрасно трудился я. Теперь же (при этомъ образѣ выраженія: *еда како?*) видя, что они рев-

ность Божію имѣютъ, но не по разуму, и въ спасеніи ихъ, увлеченныхъ въ заблужденіе по незрѣлости вѣры (pro errore), не отчаевается совершенно, и опять безъ укора не оставляетъ ихъ, чтобъ не подать повода имъ безтревожно пребывать въ заблужденіи, а другимъ безбоязненно вдаваться въ заблужденіе подобно имъ. Напрасно трудится учитель, когда онъ усиливается возводить ихъ къ лучшему и высшему, а они по нерадѣнію ниспадаютъ въ худшее и нисшее."

Ст. 12. *Будите якоже азъ, зане и азъ, якоже вы, братіе, молю вы. Ничимже мене обидѣсте.*

Возбудивъ жалѣніе о потерянныхъ надъ ними трудахъ, указавъ опасность ихъ положенія, и надежду на освобожденіе отъ ней, „потомъ, какъ бы простирая руку помощи къ находящимся въ опасности кораблекрушенія, самого себя представляетъ имъ въ примѣръ, говоря: *будите якоже азъ*" (св. Злат.). Всѣмъ извѣстна была прежняя жаркая ревность св. Павла о законѣ; и всѣмъ также извѣстна теперешняя его отрѣшенность отъ него. Если иногда и дѣлалъ что-нибудь законное, то какъ дѣло безразличное, только въ видахъ мира и споспѣшествованія успѣхамъ Евангелія. Потому онъ смѣло могъ такъ говорить о себѣ. Говоритъ же здѣсь именно, подражая военачальникамъ, которые видя, какъ воины стоятъ въ нерѣшимости или уклоняются инуды, кричитъ имъ: за мною! Ничто такъ не воодушевительно, какъ примѣръ, и ничего нѣтъ легче, какъ идти по очевиднымъ слѣдамъ другаго.

Слова: *ибо и я какъ вы*, не совсѣмъ понятны. Ибо Галаты, склоняясь къ закону, уже не были какъ онъ, а слѣдовательно и онъ, какъ они. Потому неизбѣжны стали предположенія; и толковники разошлись. *Одни* думаютъ, что св. Павелъ, говоря сіе, имѣлъ во вниманіи преимущественно Іудеевъ, какъ бы такъ: и я былъ

какъ вы. „Прежде и я имѣлъ сію ревность, любилъ законъ. Но смотрите, какъ перемѣнился. Посему и вы соревнуйте мнѣ въ этой перемѣнѣ" (Θеод.). *Другіе* думаютъ, что св. Павелъ имѣлъ во вниманіи при семъ преимущественно язычниковъ, какъ они были прежде, совершенно отрѣшены отъ закона, — какъ-бы такъ: я Іудей, а сталъ, какъ вы, язычники, чуждые закона, все законное оставивъ и являясь всюду яко беззаконникъ (1 Кор. 9, 21). Видите, какая была съ моей стороны жертва истинѣ Божіей; возвратитесь къ сей истинѣ и не вяжите себя закономъ; для васъ это тѣмъ легче, что тутъ и жертвы никакой отъ васъ не требуется по роду не связанныхъ съ закономъ, и по вѣрѣ не обязанныхъ ничѣмъ ему.

Но кажется, св. Павелъ не имѣлъ во вниманіи ни язычниковъ, ни Іудеевъ, а христіанъ галатскихъ, склонившихся къ іудейству. Отстать отъ приверженности къ закону убѣждаетъ онъ всѣхъ тамошнихъ христіанъ, а не Іудеевъ только, или язычниковъ. Принявъ вѣру Христову, они всѣ были свободны отъ закона: Іудеи бросили его, а язычники и не знали. Потомъ склонились къ нему, увлеченные лжеучителями. Вотъ это состояніе и имѣетъ онъ въ виду, и убѣждаетъ ихъ: бросьте законъ, какъ я бросилъ. Ибо и я былъ приверженъ къ закону, какъ вы теперь, но бросилъ. Въ этомъ посланіи у св. Павла много мѣстъ, гдѣ рѣчь отрывочна и оставлена будто не доконченною. Такова она и здѣсь. Къ словамъ: *зане и азъ якоже вы,* самое естественное дополненіе и будетъ такое: я былъ, какъ вы теперь, ревнитель, т.-е. закона, но отсталъ отъ него. Блаж. Іеронимъ пишетъ: „былъ и я, какъ вы теперь, когда строго держался этихъ (іудейскихъ) обычаевъ, и когда какъ гонитель опустошалъ церковь Христову за то, что она того же не дѣлала."

Св. Златоустъ занятъ преимущественно тѣмъ, чтобъ извлечь изъ сихъ словъ всю сумму убѣдительныхъ для Галатовъ мыслей. Онъ говоритъ: „сіе говоритъ онъ (Апостолъ) къ вѣрующимъ изъ Іудеевъ (можно поставить вмѣсто этого: къ склонившимся къ іудейству), и своимъ примѣромъ убѣждаетъ ихъ оставить древніе обычаи. Еслибы, говоритъ, вы и не имѣли другаго примѣра, то довольно вамъ посмотрѣть только на меня, чтобы небоязненно рѣшиться на такую перемѣну. Посмотрите на меня. И я прежде былъ однихъ мыслей съ вами, и сильною ревностію горѣлъ о законѣ, но послѣ не убоялся оставить законъ и перемѣнить жизнь по закону. Вамъ очень извѣстно и то, съ какою ревностію прежде держался я іудейства, и то, какъ еще съ большою готовностію послѣ оставилъ его. И очень кстати Апостолъ предложилъ сей примѣръ послѣ всего, ибо многіе изъ людей скорѣе увлекаются однимъ примѣромъ кого-нибудь изъ своихъ собратій, нежели безчисленнымъ множествомъ доказательствъ, сколько бы они справедливы ни были; и когда видятъ другаго, что нибудь дѣлающаго, скорѣе наклоняются и сами то же дѣлать.“

Братіе, молю вы. Слова сіи одни относятъ къ предыдущему: *будьте какъ я;* а другіе къ послѣдующему: *ничимже мене обидѣсте.* Любители буквы много занимаются опредѣленіемъ, куда лучше отнести. Св. же Златоустъ все вниманіе обращаетъ на то, чтобъ выяснить, какъ много значатъ сіи два слова для цѣли Апостола въ семъ отдѣленіи. Имъ и ограничимся. „Смотри, какъ онъ опять называетъ ихъ почтительнымъ именемъ, а тѣмъ вмѣстѣ напоминаетъ имъ и о благодати (т.-е. „о благодати крещенія, въ силу коей мы всѣ—братія, яко рожденные отъ единаго Отца“ Ѳеофилактъ). Поелику доселѣ со всѣхъ сторонъ нападалъ на нихъ—и сильными укоризнами, и строгимъ истязаніемъ дѣлъ ихъ, и

уличеніемъ, что они преступники закона: то теперь опять ослабляетъ рѣчь свою и утѣшаетъ ихъ, говоря языкомъ болѣе ласковымъ и благосклоннымъ. Ибо какъ непрерывныя ласки разслабляютъ, такъ укоризны безъ послабленія ожесточаютъ. Посему вездѣ хороша соразмѣрность и средина. Смотри же, какъ онъ оправдывается въ сдѣланномъ имъ обличеніи, показывая, что все, что ни говорилъ имъ, говорилъ не по ненависти, а по любви къ нимъ. Сдѣлавъ такимъ образомъ глубокую рану, онъ тотчасъ возливаетъ на нее елей утѣшенія. А чтобы увѣрить ихъ, что все имъ сказанное не по ненависти или враждѣ къ нимъ сказано, для сего приведши имъ на память любовь свою къ нимъ (въ словѣ: *братіе...*), присоединяетъ въ оправданіе свое и похвалу для нихъ, говоря: *молю вы, ничимже мене обидѣсте*.

Ничимже мене обидѣсте. Отклоняетъ могущую возродиться у Галатовъ мысль, что Апостолъ говоритъ такъ строго по какому-нибудь огорченію, какъ замѣчаетъ св. Златоустъ. И отклоняетъ тѣмъ удостовѣреніемъ, что онъ не видѣлъ отъ нихъ никакой обиды, и слѣдовательно быть въ немъ какому-либо на нихъ огорченію неумѣстно. „И пошлый человѣкъ едва ли захочетъ вредить человѣку, который не сдѣлалъ никакой неправды противъ него, или обидѣть его напрасно и безъ вины. А вы не только меня не обидѣли, но еще показали ко мнѣ великое и необыкновенное расположеніе. Посему и быть не можетъ, чтобъ тотъ, кто получилъ отъ васъ такое утѣшеніе, сталъ говорить вамъ по злобѣ. Итакъ я говорю сіе не въ досадѣ, но по чрезмѣрной любви къ вамъ и заботливости о васъ. *Молю вы, ничимже мене обидѣсте*. Какая еще душа благосклоннѣе, сердобольнѣе и любвеобильнѣе сей святой души!“ (Злат.).

Удостовѣряя, что не было повода къ огорченію на нихъ, Апостолъ вмѣстѣ намекаетъ, что поводъ этотъ

будетъ, и очень сильный, если они заiудействуютъ. Доселѣ вы ничѣмъ меня не обижали, и вотъ дѣло у васъ пошло такъ, что можете меня горько обидѣть. Вы всегда были внимательны къ моимъ внушенiямъ, всегда дѣлали, что я ни заповѣдывалъ вамъ: и у насъ все шло такъ мирно. Не нарушайте этого мира, не начинайте разлада, не воздвигайте средостѣнiя iудейства среди насъ. При любви Апостола, испытанной Галатами, и при любви ихъ къ нему, дѣломъ доказанной,—это напоминанiе есть очень острый остенъ, сильно бодущiй и уязвляющiй. Какъ хорошо шло это къ цѣли Апостола! Эту, кажется, мысль имѣлъ блаж. Iеронимъ, прилагая: „обижаетъ ученикъ учителя, если по нерадѣнiю забываетъ уроки его, и тѣмъ дѣлаетъ тщетнымъ трудъ его."

Скажетъ кто: не обижали, но обидите. Да развѣ Апостолъ за себя стоялъ? Не за себя, а за Господа и дѣло Его. Но дѣло Господа онъ имѣлъ столько срощеннымъ съ собою, что оно было дѣломъ его жизни. Что вредило дѣлу тому, то поражало зѣницу ока его. Не былъ св. Павелъ равнодушенъ къ проповѣди и къ успѣхамъ учениковъ своихъ. Благопрiятное имъ его радовало, неблагопрiятное огорчало...

Но опять: опасенiе огорчить любимаго человѣка, возбужденiемъ котораго хочетъ Апостолъ подѣйствовать на Галатовъ, есть житейское, человѣческое чувство. Умѣстно ли оно въ дѣлѣ Божiемъ? — Чувство это есть доброе чувство, и вложено въ естество наше Богомъ, какъ заправитель нашихъ отношенiй вмѣстѣ съ другими чувствами. Потому, какъ Божiе, могло быть обращено и на дѣло Божiе. Такого рода прiемы у св. Апостола сводятся къ одному правилу, котораго онъ всегда держался: *всѣмъ быхъ вся, да всяко нѣкiя спасу* (1 Кор. 9, 22).

Ст. 13. 14. *Вѣсте же, яко за немощь плоти благовѣстихъ вамъ первѣе, и искушенія моего, еже во плоти моей, не уничижисте, ни оплевасте, но яко Ангела Божія пріясте мя, яко Христа Іисуса.*

„Сердечное болѣзнованіе о Галатахъ заставляетъ Апостола часто измѣнять образъ рѣчи, то дѣлать выговоры, то умолять,—иногда обвинять, а иногда оплакивать. Вотъ и здѣсь онъ говоритъ имъ: ни въ чемъ не терпѣлъ я отъ васъ обиды, напротивъ того удостоился возможно наибольшихъ вашихъ услугъ. Не забылъ я чести, оказанной вами мнѣ. Хоть и великое безчестіе носилъ на тѣлѣ своемъ, бывъ поруганъ, мученъ, и претерпѣвъ тысячи бѣдъ: однакоже вы не посмотрѣли на безчестіе, но почтили меня, *якоже Ангела Божія*. И что говорю: якоже Ангела?—*яко Христа Іисуса*; потому что думали, услуживая мнѣ, услуживать Христу“ (Өеодоритъ).

Зачѣмъ напоминаетъ о семъ св. Павелъ?—Отчасти, чтобы продолжить начатую мысль и полнѣе ее представить, т.-е., что не получивъ отъ нихъ непріятности, онъ не могъ такъ строго говорить имъ по чувству огорченія, а говоритъ имъ по одной любви и желанію имъ добра, какъ бы такъ: „И что я говорю: *не обидѣсте?* Напротивъ, вы показали великую и сердечную приверженность ко мнѣ. Ибо *вѣсте* и проч. Вѣрьте же, что сказанное вамъ сказано не по безразсудному гнѣву, и страстному возмущенію души, но по одному попеченію о душахъ вашихъ“ (Злат.).

А болѣе для того напоминаетъ это, чтобъ возставить въ душахъ ихъ, какъ шла у нихъ первая проповѣдь, какъ измѣнились души ихъ, какъ оставя все прилѣпились къ Господу и самого Апостола приняли, какъ посланнаго свыше, и въ лицѣ его зрѣли самого Господа пославшаго его, какъ и обычно пословъ принимать, какъ пославшаго. Зналъ св. Апостолъ, что если возгорится

въ душахъ ихъ тотъ же (начальный) огнь ревности по чистой вѣрѣ Христовой, то онъ извергнетъ изъ душъ ихъ все чуждое сей вѣрѣ, какъ растопленный металлъ вытѣсняетъ изъ себя всѣ стороннія вещества. Затѣмъ и хочетъ возобновить его, понудивъ Галатовъ снова пройти сердцемъ всю исторію своего обращенія, забытую и заслоненную послѣдующими событіями. Въ обращеніи Галатовъ, надо полагать, было нѣчто необычайное. Ибо когда внѣшно св. Павелъ представлялся такимъ уничиженнымъ, что его и оплевать можно было,—онъ принятъ такъ высоко, и вѣра слову его оказана такая восторженная. Память о семъ необычайномъ проявленіи силы Божіей среди ихъ сильна поддерживать, и вѣрно поддерживала въ Галатахъ тотъ же духъ вѣры, и въ силѣ и въ содержаніи, подобно тому какъ знамя въ полкахъ воодушевляетъ всегда воиновъ. Вѣрно такъ это и было, но потомъ мало-по-малу забыто. Забвеніе и дало возможность лжеучителямъ вкрасться въ души ихъ. Возстановляетъ теперь св. Апостолъ, чтобъ опять извергнуть ихъ оттуда и все ими туда внесенное.

Слова: *за немощь плоти*, которую тутъ же онъ называетъ *и искушеніемъ, еже во плоти*, не настоитъ большой надобности опредѣлять съ точностію. Св. Апостолъ хочетъ только сказать, помните, каковъ я былъ у васъ внѣшно? Таковъ, что меня уничижить и оплевать было можно, судя по человѣческимъ отношеніямъ и понятіямъ. Но ученіе мое было свѣтоносно, возвышенно, божественно. Вы умѣли же тогда различить сущность дѣла многоцѣннаго подъ такою невзрачною моею наружностію?—А эта сущность дѣла—Евангеліе мое—таково ли было, какъ вы теперь его понимаете? Гдѣ же дѣвалась ваша острозоркость, что такъ ясно узрѣнное вами въ сумракѣ, теперь тускло зрится среди свѣтлаго дня?

Толковники однакожъ стараются опредѣлить, что за

немощь плоти была у Апостола. И одни думаютъ, что это какая-нибудь тѣлесная болѣзнь, а другіе, что это гоненія, поношенія, раны, кои приличнѣе называть *искушеніемъ, еже во плоти.*

Блаж. Іеронимъ пишетъ: „Можемъ догадываться, что Апостолъ заболѣлъ, пришедши въ первый разъ къ Галатамъ; но несмотря на то, что былъ одержимъ болѣзнію, не переставалъ проповѣдывать Евангеліе. Есть преданіе что онъ часто страдалъ головною болью; и она-то была тотъ ангелъ сатанинъ, который данъ былъ ему, да ему пакости дѣетъ, да не превозносится. Эта немощь была искушеніемъ для тѣхъ, кому возвѣщалось Евангеліе, не презрятъ ли они того, кто обѣщаетъ столь высокое, а самъ между тѣмъ такъ немощенъ тѣломъ.—Не неумѣстно и то, что пришедши къ Галатамъ въ началѣ, Апостолъ подвергался поношеніямъ, гоненіямъ, ранамъ, отъ тѣхъ, кои противились Евангелію. Для Галатовъ должно было быть большимъ искушеніемъ, когда они видѣли, что Апостолу наносятъ удары.“

Восточные же толковники всѣ словамъ *немощь и искушеніе* даютъ исключительно послѣднее значеніе. Св. Златоустъ говоритъ: „Что симъ хочетъ онъ сказать? Когда, говоритъ, проповѣдуя вамъ, я былъ гонимъ, бичуемъ, угрожаемъ тысячами смертей, вы и тогда не презрѣли меня. Ибо сіе значатъ слова: *искушенія моего, еже во плоти моей, не уничижисте, ни оплевасте.*“

При этомъ можно доразумѣвать здѣсь и сокровенный укоръ Галатамъ, который не могъ остаться нечувствительнымъ для нихъ. Тотчасъ должно было придти имъ на мысль: столько для насъ потерпѣлъ Апостолъ, а мы теперь стали къ нему спиною; да и не странно ли, что въ началѣ уничиженнаго приняли и честили, а потомъ отстали отъ него. Стыдно намъ! „Этимъ и въ стыдъ приводитъ ихъ Апостолъ, пишетъ Ѳеофилактъ, напоми-

ная, сколько онъ потерпѣлъ ради ихъ отъ противящихся истинѣ.“ Св. Златоустъ говоритъ: „Примѣчаешь ли духовную мудрость Апостола? Въ самомъ оправданіи своемъ онъ не перестаетъ укорять ихъ, *когда* представляетъ имъ на видъ, сколько онъ пострадалъ для нихъ; и *когда* говоритъ: однакоже это нисколько не соблазнило васъ; вы не оплевали меня въ сихъ страданіяхъ и гоненіяхъ. Ибо подъ немощію и искушеніемъ, онъ разумѣетъ страданія и гоненія. *Но якоже Ангела Божія пріясте мя*. Какъ же теперь не странно, преслѣдуемаго и гонимаго принимать какъ Ангела Божія, а поучающаго необходимому не принимать?“

Какъ Ангела, какъ Христа Іисуса приняли. Это по причинѣ впечатлительности бывшей у нихъ проповѣди, силою коей Христосъ Іисусъ былъ такъ живо преднаписанъ въ ихъ умѣ, что Онъ, казалось, висѣлъ распятымъ предъ ихъ глазами. Слово Апостоловъ исходило изъ устъ ихъ не по ихъ желанію и соображенію, а по движенію Духа Божія. Необычайная живость рѣчи у Галатовъ осталась памятною св. Павлу. Не могла она не быть памятною и Галатамъ. На это и наводитъ Апостолъ словами сими. Ибо они такъ высоко приняли его за силу слова проповѣданнаго. Это должно было возставить въ ихъ душахъ все происходившее въ нихъ при первомъ обращеніи, что, какъ указано уже впереди, очень важно было для цѣли св. Апостола.

Обращаютъ еще вниманіе на предлогъ *δια*,—*δἰ ἀσθένειαν, за немощь*. Выходитъ, будто по причинѣ немощи плоти проповѣдывалъ. Не имѣлъ въ планахъ проповѣдывать; но удержала болѣзнь, и я сталъ проповѣдывать. Можетъ быть и такъ. Но лучше такъ перевести, какъ у насъ, говорятъ: чрезъ силу, или сквозь слезы. Выйдетъ: несмотря на болѣзнь, если и она была; или: несмотря на гоненія и раны или среди болѣзни и ранъ:

они продолжались, а я свое дѣлалъ, движась среди ихъ, чрезъ нихъ, какъ идетъ иной чрезъ тернъ, сквозь тернъ.

Ст. 15. *Кое убо бяше блаженство ваше! Свидѣтельствую бо вамъ, яко, аще бы было мощно, очеса ваша извертѣвше дали бысте ми.*

Кое бяше блаженство ваше—не всѣ одинаково понимаютъ. Одни: какъ вы были блаженны? Другіе: какъ вы ублажали меня тогда? Третьи: какъ васъ ублажали? По ходу рѣчи здѣсь умѣстно только среднее: какъ вы меня ублажали? Μαχαρισμος значитъ ублаженіе. Наглядное удостовѣреніе въ этомъ можно найти въ церковномъ уставѣ, гдѣ извѣстные стихи о блаженствахъ называются μαχαρισμὸι—ублажанія: ибо тамъ ублажаются разныя добродѣтели, существеннѣйшія въ жизни. И рѣчь у Апостола и предъ этимъ и послѣ все о томъ, какъ онъ былъ принятъ, какъ къ нему относились Галаты, а не о самыхъ Галатахъ. Приняли, говоритъ, вы меня, какъ Ангела, какъ Самого Господа. И какъ вы меня тогда честили, величали, ублажали! — Вы готовы были все для меня сдѣлать, все мнѣ отдать, всѣмъ для меня жертвовать. Приточное выраженіе: извертѣть глаза и отдать кому значитъ: быть готову на всякія пожертвованія для кого. Говоритъ же объ этомъ св. Апостолъ, чтобъ заставить ихъ разсудить, откуда перемѣна въ нихъ, когда онъ все тотъ же и самъ по себѣ, и въ отношеніяхъ своихъ къ нимъ. Слова блаж. Θеофилакта можно такъ перевесть: „во что превратилось то (прежнее) ублажаніе ваше? Нынѣ я не вижу его, такъ какъ вы теперь относитесь ко мнѣ совсѣмъ противнымъ тому образомъ.“ Св. Златоустъ говоритъ: „здѣсь Апостолъ недоумѣваетъ, изумляясь ихъ перемѣнѣ, и старается отъ нихъ самихъ узнать причину оной. Кто васъ обольстилъ, говоритъ, и перемѣнилъ ваше расположеніе ко мнѣ? Не вы ли мнѣ служили и врачевали мои раны, и

дороже очей своихъ вмѣняли меня? Что же такое сдѣлалось? Откуда такая непріязненность? Откуда подозрѣніе? Ужели оттого, что говорилъ вамъ истину? Но за сіе надлежало бы вамъ еще болѣе почитать и любить меня.“

Для цѣли св. Павла въ семъ отдѣленіи эта мысль служитъ тѣмъ, что возбуждаетъ стыдъ предъ собою, или самоустыжденіе въ непостоянствѣ и заставляетъ поодуматься, хорошо ли дѣлаютъ они отклонясь отъ уроковъ столь восторженно-принятаго учителя вѣры, котораго прежде его проповѣди они совсѣмъ и не знали. Отсюда естественъ переходъ къ подозрѣнію новыхъ учителей: ужъ правду ли они намъ говорятъ? они ли доброхоты намъ, или первый наставникъ истины? — Нѣтъ ли въ нихъ чего недобраго?— Почему вслѣдъ за сими словами Апостолъ уже и прямо говоритъ имъ о недобрыхъ видахъ на нихъ лжеучителей.

Пониманіе: какъ вы были тогда блаженны?—хотя не вяжется съ теченіемъ рѣчи, но не неблагопріятно цѣли св. Павла въ семъ отдѣленіи—тревожить чувства Галатовъ. Почему нѣкоторыми принимается. Образъ мыслей не остается безъ вліянія на сердце, тѣмъ паче вѣрованіе, и еще тѣмъ паче вѣрованіе, сопровождаемое и дѣломъ. Въ истинной вѣрѣ Господь сочетавается съ сердцемъ и ублажаетъ его. Глубина сочетанія отъ силы вѣры, ея чистоты и сопряженной съ нею рѣшимости на соотвѣтствованныя дѣла. Умаляется чистота вѣры или соотвѣтствованная ей жизнь, умаляется сближеніе съ Господомъ, и по мѣрѣ того—блаженство сердца. Галаты, съ такимъ жаромъ принявшіе вѣру, были въ неописанномъ, какъ видно, восторгѣ. Этотъ восторгъ, не отъ легкомысленнаго увлеченія, а отъ того, что они точно чувствовали себя блаженными; а блаженными себя чувствовали потому, что Господь былъ въ нихъ,

ублажая ихъ за искренность прилѣпленія къ Нему и чистоту ихъ вѣры. Теперь вѣра ихъ помрачилась склоненіемъ къ іудейству; и іудейство начало отдалять ихъ отъ Господа и Господа отъ нихъ (ст. 19). Мѣра этого отдаленія непремѣнно сопровождалась соотвѣтственною мѣрою умаленія внутренняго блаженствованія въ Господѣ. Зная, что такъ это есть, св. Павелъ и говоритъ Галатамъ: сличите, что у васъ на сердцѣ теперь, съ тѣмъ, что тогда было, и увидите, что вы сдѣлали невѣрный шагъ. Вспомните, какое тогда ощущали вы блаженство: гдѣ же оно теперь? (Θеодоритъ, св. Дамаскинъ и др. читаютъ: *ποῦ μακαρισμος*—гдѣ блаженство?— Новые и чтеніе это приняли. Но не къ лучшему). Этимъ онъ сказалъ какъ бы имъ: помяните, откуда низпали вы?

Нечего и говорить, сколько такое внушеніе могло быть впечатлительно и вразумительно. При всемъ томъ его въ настоящемъ мѣстѣ слѣдуетъ считать только побочнымъ и домышляемымъ, а не такимъ, какого требуетъ ходъ рѣчи. Можно соединить эти два пониманія въ одно: ублажали Галаты св. Павла потому, что чувствовали себя блаженными тѣмъ блаженствомъ, которое доставлено было имъ вѣрою проповѣданною въ нихъ св. Павломъ. Третье же пониманіе: какъ васъ ублажали?— не подходитъ ни къ теченію рѣчи, ни къ цѣли сего отдѣленія. Оно впрочемъ встрѣчается у нѣкоторыхъ и изъ древнихъ.

Ст. 16. *Тѣмже врагъ вамъ быхъ, истину вамъ глаголя.*

Въ славянскомъ переводѣ и у св. Златоуста тутъ рѣчь положительная; въ греческомъ нынѣшнемъ и въ русскомъ вопросъ: ужели же я врагъ? Мысли это не перемѣняетъ; но первая форма ближе ее указываетъ, нежели вторая. Здѣсь выводъ изъ сказаннаго предъ симъ, какъ показываетъ и ὥςε—*тѣмже, такъ что*. Апостолъ говоритъ какъ бы: вотъ въ какой восторгъ пришли вы отъ

сообщенной вамъ мною истины! Вы ее ощутили и оцѣнили по достоинству; меня почтили какъ Божія посла, такъ что сомнѣнія быть не можетъ въ моемъ вамъ доброхотствѣ. Истинствуя предъ вами (ἀληθεύων ὑμῖν), искренно, добросовѣстно, самоотверженно предлагая вамъ чистую истину, я доказалъ вамъ тѣмъ истинную мою любовь къ вамъ, ради истины, вами принятой. За это отплатили и вы мнѣ вашею любовію и почетомъ, мнѣ оказаннымъ. А теперь у васъ иное ко мнѣ отношеніе, потому что иное натолковали вамъ учители лжи. Они превратили истину во лжу и ваши сердца отвратили отъ меня и отъ истины. И вышло, что я сталъ вашъ врагъ за то, что истину вамъ говорилъ, а тѣ стали вамъ пріятели за то, что отклонили васъ отъ истины. А это съ чѣмъ сообразно? Опомнитесь, взгляните на дѣло, какъ оно есть. Разсмотрите, кто такіе эти новые учители,—и увидите, что они ревнуютъ по васъ и проч.

Ст. 17. *Ревнуютъ по васъ не добрѣ, но отлучити васъ хотятъ, да имъ ревнуете.*

Предыдущимъ стихомъ св. Павелъ наводилъ Галатовъ только на сомнѣніе въ истинномъ къ нимъ доброхотствѣ лжеучитей; а въ этомъ прямо говоритъ о ихъ неблагонамѣренности. Не добра они вамъ желаютъ, говоритъ какъ бы онъ, а только отъ меня отвратить васъ стараются, чтобъ вы перешли на ихъ сторону и звали ихъ: учитель, учитель!

Ревнуютъ по васъ, — такъ усердно хлопочутъ около васъ, будто самые искренніе друзья, только одного добра вамъ желающіе. Но не обольщайтесь видимостію. Вникните въ цѣль ихъ и найдете, что они ревнуютъ по васъ *недобрѣ*,—не на добро вамъ, и не изъ доброходства къ вамъ. У нихъ не добрая, а злая ревность. „Ревность добрая влечетъ на добрые пути, а ревность злая—отклоняетъ отъ нихъ“ (Зл.). Вотъ и они ревну-

ютъ, но неразумно. Какіе труды поднимаютъ, чтобъ пріобрѣсти прозелитовъ? Но если случится пріобрѣсти ихъ, то не благо доставляютъ имъ, а конечную пагубу, какъ и Спаситель сказалъ (Мѳ. 23, 15). Іудейство было единая истинная вѣра до пришествія Господа, а по пришествіи Его, оно богопротивно и пагубно, и слѣдующіе ему суть сыны геенны.

Отлучити васъ хотятъ,—какъ часть овецъ и волки хитрые отлучаютъ отъ стада, чтобъ потомъ подушить ихъ. Не сказываетъ, отъ кого отлучить: ибо это ясно. Отъ Апостола Павла, отъ послѣдованія его ученію, а чрезъ это отъ Господа и отъ стада Его, святой Церкви Божіей,—отъ спасенія въ пагубу.

Да имъ ревнуете. Не видно, чтобъ Апостолъ обличалъ ихъ въ корыстныхъ видахъ, а указываетъ только на одинъ будто учительскій гоноръ: чтобъ вы перешли на ихъ сторону, ихъ чтили, за нихъ стояли, подобно имъ ревновали о законѣ. „Они заботятся, говоритъ св. Златоустъ, стараясь лишать васъ совершеннаго вѣдѣнія и привести къ поверхностному и ложному. И это дѣлаютъ они для того только, чтобы имъ самимъ стать въ чинъ учителей, а васъ, которые теперь выше ихъ, поставить на мѣсто учениковъ; ибо сіе разумѣлъ Апостолъ, когда сказалъ: *да имъ ревнуете*. А я напротивъ желаю, говоритъ, чтобъ вы были лучше ихъ и служили примѣромъ для совершеннѣйшихъ, каковыми вы и дѣйствительно были во время моего пребыванія у васъ.“—Можно дополнить сію рѣчь и такъ: они къ себѣ привлекаютъ, а я не къ себѣ, а къ Господу; они ищутъ, чтобъ вы имъ ревновали, а я того, чтобы вы ревновали о Господѣ и своемъ въ Немъ спасеніи; не ищу ничего вашего, а васъ, и не для себя, а для васъ, да спасетесь. Вникните же, и увидите, гдѣ истина.

При этомъ напоминаніи о ревности лжеучителей,

чтобъ имъ Галаты ревновали, пришла на мысль св. Апостолу и картина истинной ревности по вѣрѣ и жизни христіанской, какую представили въ его присутствіи Галаты. Вспомнивъ объ этомъ онъ говоритъ какъ-бы имъ: знаю, что вы были ревнители по истинѣ христіанской, въ которой одной все наше добро. Но —

Ст. 18. *Добро же, еже ревновати всегда въ добромъ, и не точію, внегда приходити ми къ вамъ.*

Будто возраженіе слышалъ Апостолъ отъ лица Галатовъ: а по Христѣ развѣ мы не ревнители были? Не ты ли свидѣтель тому?—Да, да! отвѣчаетъ Апостолъ. Вы пламенно ревновали, но я не о томъ говорю, что было, а о томъ, что есть. Поревновали, и перестали. А въ такомъ образѣ дѣйствованія измѣнчивомъ нѣтъ ничего похвальнаго. То хорошо, та ревность добра и почтенна, которою всегда ревнуютъ о добромъ, и ревнуютъ потому, что оно добро само въ себѣ. Вы при мнѣ поревновали, а потомъ ослабѣли. Слѣдовательно ваша ревность истекала изъ человѣческихъ уваженій, а не изъ любви къ добру. Почему когда перестали возбуждать васъ сіи уваженія, вы тотчасъ и уклонились отъ него, какъ только явились къ вамъ соблазнители. Такъ ли вы не тверды? Такъ ли вы не добролюбивы— *чадца моя*!

Мысль св. Апостола стоитъ на ревнованіи о добрѣ, поколику оно добро, и ревнованіи постоянномъ. Въ этомъ источное начало въ жизни христіанской. Въ комъ она есть, тотъ къ Господу прилѣпясь, и Его единаго всегда въ сердцѣ своемъ нося, одно имѣетъ въ виду— всегда быть вѣрнымъ Ему въ словѣ, дѣлѣ и помышленіи. Чрезъ это Христосъ вѣрою созерцаемый воображается въ вѣрующихъ не мысленно только, но и дѣйствительно, въ проявленіяхъ духовной ихъ жизни. Симъ путемъ и къ сему шли Галаты, пока слѣдовали указані-

ямъ св. Павла. Но пришли лжеучители, и сбили ихъ съ пути. Возмутился въ умѣ ихъ образъ достодолжнаго, потому что лжеучители тѣнь навели на самое главное—ликъ Христа Спасителя. Отклонивъ отъ Него взоръ вѣры, они разстроили въ себѣ образъ Его, а затѣмъ прекратилось и самое дѣйствительное воображеніе Его въ нихъ чрезъ жизнь. Видя такой существенный въ духѣ Галатовъ ущербъ, Апостолъ, болѣзнуя о томъ, простираетъ къ нимъ родительски сострадательную рѣчь:

Ст. 19. *Чадца моя, имиже паки болѣзную, дондеже вообразится Христосъ въ васъ.*

Родилъ ихъ св. Павелъ благовѣствованіемъ; а они теперь, уклоняясь отъ существа благовѣстія, замирать стали. Почему онъ снова усиливается возгнести въ нихъ огнь новой жизни, и заботится о томъ съ болѣзнію сердца,—не легкою, а такою, которая равняется болѣзнямъ раждающей. Сравненіе очень выразительно: оно и дѣло живо представляетъ и Апостольскую ревность ярко живописуетъ. Въ какой тѣсный и живой союзъ съ обращенными вступалъ св. Павелъ! И какъ полно ихъ состояніе отражалось въ его сердцѣ утѣшеніемъ или скорбію! Называя однакожъ себя сущимъ въ болѣзняхъ рожденія, св. Павелъ выражаетъ тѣмъ надежду, что Галаты опять возродятся въ томъ же духѣ, отставши отъ принятыхъ ими мертвящихъ элементовъ.

Предыдущая рѣчь подала св. Апостолу поводъ излить предъ Галатами всю свою родительскую къ нимъ любовь. Вспомнивъ о ревности ихъ, вспомнилъ и о совершенствѣ вѣры, и томъ добромъ состояніи во Христѣ Іисусѣ Господѣ, въ которомъ они находились, и которое теперь потеряли или терять начали. Сжалось сердце, возболѣзновалъ духъ, и возжегъ зѣльную заботу о возстановленіи ихъ въ прежній чинъ. Вотъ онъ и вопіетъ: чадца!

Дондеже вообразится. Вѣрою и крещеніемъ вообразился въ нихъ Христосъ. Прилѣпились они къ Нему, живо созерцая избавленіе смертію Его и дарованіе новой жизни благодатію Его. Склоняясь на іудейство, они попустили омрачиться и разстроиться въ себѣ сему, свѣтло созерцаемому образу спасенія въ Господѣ Іисусѣ Христѣ, умалиться и самому подобію Христа, даемому душамъ во благодати. Вразумляя ихъ, Апостолъ возводитъ ихъ къ прежнему созерцанію спасенія въ Господѣ, и отображенію подобія Христа въ душахъ ихъ. Чая сего, трудится, и трудясь болѣзнуетъ, какъ раждающая, увѣряя, что не перестанетъ такъ болѣзновать, пока тѣ опять не станутъ какъ были прежде.

Вотъ предѣлъ, до котораго ревнителямъ о спасеніи другихъ должно доводить руководимыхъ ими, и доведши до котораго они могутъ съ увѣренностію сказать, что тѣ поставлены ими на ноги!

Изображеніе такой сильной любви, какою дышатъ слова сіи, должны были побѣдоносно подѣйствовать на Галатовъ, чего и ищетъ св. Апостолъ въ настоящемъ отдѣленіи. „Смотри, какъ онъ смущается; какъ безпокоится, говоритъ св. Златоустъ. *Братіе мои*, говоритъ, *молю вы: чадца моя, имиже паки болѣзную.* Это голосъ матери, которая боится за дѣтей своихъ. *Дондеже вообразится въ васъ Христосъ.* Видишь ли и любовь отеческую, и скорбь достойную Апостола? Слышишь ли вопль, гораздо болѣе горькій, нежели вопль раждающей. Вы сокрушили, говоритъ, образъ, утратили высокое сродство, измѣнили подобіе; вамъ нужно другое возрожденіе, новое возсозданіе. Однако еще не перестаю называть васъ чадами, васъ недоносковъ и выкидышей. Впрочемъ онъ не говоритъ такъ, а иначе; ибо щадитъ ихъ и не хочетъ ожесточать, налагая раны на раны. Но какъ искусные врачи подвергшихся продол-

жительной болѣзни врачують не вдругъ, но съ перемежками, дабы не привести ихъ въ малодушіе и не погубить: такъ поступаетъ и блаженный Павелъ. И сіи мученія его тѣмъ были болѣзненнѣе мученій тѣлесныхъ, чѣмъ сильнѣе была любовь его, и чѣмъ важнѣе былъ грѣхъ ихъ. Впрочемъ, какъ я всегда говорилъ и не престану говорить, и небольшое преступленіе повредило и обезобразило всю красоту и образъ Божій въ человѣкѣ."

Ст. 20 *Хотѣлъ же быхъ пріити къ вамъ нынѣ, и измѣнити гласъ мой, яко не домышляюся о васъ.*

Этимъ выражается неудержимость любви. Какъ родители, слыша, что съ дѣтьми случилось какое несчастіе, не могутъ усидѣть на мѣстѣ, а съ безпокойствомъ спѣшатъ къ нимъ, чтобъ своими глазами увидѣть бѣду и мѣру ея и тутъ же своимъ совѣтомъ и содѣйствіемъ, сколько можно, поправить бѣду, а если нельзя, погоревать вмѣстѣ съ полнымъ знаніемъ въ чемъ горе: такъ и св. Павелъ, услыша, что у Галатовъ, чадъ его духовныхъ, случилась бѣда въ дѣлѣ спасенія, самомъ существенномъ въ жизни, чувствуетъ понужденіе поспѣшить къ нимъ лично, чтобъ самому все видѣть и осязать бѣду во всей ея силѣ; и тутъ же отвратить ее подручными средствами. Самымъ дѣломъ онъ не былъ у Галатовъ въ этотъ разъ; но чувствовалъ побужденіе къ тому и сказалъ о томъ, чтобъ внушить, какъ онъ неравнодушенъ къ тому, что у нихъ происходитъ. Но и одно это могло подѣйствовать. Галаты не знали, что онъ не придетъ, но не могли не ожидать: вотъ вотъ придетъ. Это ожиданіе должно было остепенить ихъ и остановить отъ дальнѣйшихъ уклоненій. Ибо при немъ они были ревнители о добромъ, какъ оно есть безъ примѣси сторонней. Личное присутствіе Апостола было очень вліятельно. Свою мѣру вліянія должно было оказать и ожиданіе его прибытія.

Что значитъ *измѣнить голосъ*? Измѣнить его примѣнительно къ тому, что увидѣлъ бы своими глазами. Можетъ быть, и не столь великое зло нашелъ бы среди ихъ, какъ воображалъ, а можетъ быть еще и большее. Ктому же вѣроятно, что когда одни уклонились къ іудейству, другіе были тверды въ вѣрѣ, и притомъ съ той и другой стороны въ разныхъ степеняхъ и оттѣнкахъ. Прибывши къ нимъ, Апостолъ повелъ бы рѣчь примѣнительно ко всему этому. Кому строгость, кому подкрѣпленіе, кому утѣшеніе; то обрадованіе, то плачь.

Св. Златоустъ говоритъ: „примѣчай его нетерпѣливость и неудержимость, которыхъ не можетъ скрыть въ себѣ. Ибо таково свойство любви. Она не довольствуется заочными словами, но ищетъ и свиданія. *И измѣнити гласъ мой,* т.-е. перемѣнить въ плачевный и проливать слезы, и васъ всѣхъ заставить плакать. Но какъ въ письмѣ нельзя плакать и рыдать, потому онъ пламенно желаетъ видѣться съ ними.—*Яко не домышляюся о васъ*. Не знаю говоритъ, что сказать, не знаю, что придумать, отъ чего бы вы, достигши такой небесной высоты, какъ чрезъ тяжкія бѣдствія, кои вы претерпѣли за вѣру, такъ и чрезъ знаменія, кои показали по вашей вѣрѣ, теперь вдругъ низошли до такого униженія и такой бѣдности, что обращаетесь къ обрѣзанію и субботамъ, и соединяетесь съ Іудеями? Сіе-то самое и заставило Апостола сказать и въ началѣ посланія: *дивлюся, яко тако скоро прелагаетеся* и здѣсь—*не домышляюся о васъ*. Какъ бы такъ онъ говорилъ: что мнѣ сказать, съ чего начать рѣчь, что подумать? Недоумѣваю. Итакъ остается только плакать. Такъ дѣлали и Пророки въ безнадежныхъ случаяхъ. Ибо такой способъ врачеванія немаловаженъ, т.-е., чтобы не только увѣщавать, но и плакать.“

3.

Умъ и чувство, переходя на сторону истины, влекутъ за собою и волю. Послѣ нихъ и она невольно сдается; но она можетъ медлить, отлагать свое рѣшеніе — тотчасъ начать и дѣйствовать по указанію истины. Чтобъ придать ей напряженія, возбудить ея на это энергію, истина обращается къ ней особыми сторонами, узрѣніе которыхъ сильно оказать такого рода на нее вліяніе. Къ сему и приступаетъ теперь св. Павелъ. Онъ показываетъ: а) какъ преславно пребывать въ свободѣ отъ закона, 4, 21—5, 1; б) какъ это необходимо, 5, 2—6 и в) какъ это легко для нихъ, 5, 7—12. Три стороны, которыя бывъ сознаны и руки и ноги подвигаютъ на дѣло, въ которомъ видятся. Преславность влечетъ превосходствомъ; необходимость нудитъ безвыходностію; легкость окрыляетъ подручностію. Сокращенно св. Павелъ говоритъ, — въ *первомъ* отношеніи: хотите быть чадами вышняго Іерусалима, свободными, наслѣдниками Божіями,—бросьте законъ; *во второмъ* одно изъ двухъ неизбѣжно, или бросить законъ и быть со Христомъ во благодати въ числѣ спасаемыхъ, или держась закона быть безъ Христа и благодати въ погибающихъ; *въ третьемъ*: и что вамъ стоитъ сдѣлать это? Вы уже шли, какъ слѣдуетъ, и въ чуждыхъ истинѣ порядкахъ еще не крѣпко запутались. Вступите опять на прежній путь,—и дѣлу конецъ. Сбиваютъ лжеучители? отстраните ихъ отъ себя. И пойдете опять право безъ всякихъ пререканій.

а.

Преславность жизни въ духѣ вѣры представляетъ св. Павелъ, выясняя преимущество вѣры предъ закономъ. Преимущества сіи суть — чадство вышнему Іерусалиму, рожденіе по Исааку въ свободу, и неотъемлемое наслѣдіе благъ небесныхъ. Что славнѣе такого родства? Что привлекательнѣе свободы? Что цѣннѣе такого наслѣдія?—что все сіе принадлежитъ вѣрующимъ, это доказалъ онъ выше. Теперь же только рельефнѣе выставляетъ то предъ сознаніемъ Галатовъ, показывая, какъ все то отображено еще въ самомъ началѣ раздѣленія промыслительныхъ распоряженій Божіихъ о родѣ человѣческомъ. Онъ говоритъ какъ-бы: вы хотите быть подъ закономъ, чая быть чрезъ то чадами Аврааму. Но вникните въ исторію. У Авраама было два сына: одинъ отъ Агари, другой отъ Сарры; первый—по плоти рожденъ, другой—по обѣтованію; первый отъ рабы—рабъ, другой отъ свободныя—свободный. Въ этой простой исторіи скрытъ глубокій смыслъ: тутъ изображаются два завѣта. Агарь съ Исмаиломъ изображаетъ Ветхій Завѣтъ, данный на Синаѣ, около котораго разселился родъ Агарянъ и далъ ему созвучное Агари имя. Какъ Агарь раба народила рабовъ, такъ и законъ Синайскій въ работу раждаетъ и рабствуетъ съ чадами своими, господствуя въ нынѣшнемъ Іерусалимѣ, центрѣ подзаконной жизни. А Сарра съ Исаакомъ изображаетъ Новый Завѣтъ Евангельскій, отъ Сіона исходящій о Христѣ Іисусѣ и нами проповѣдуемый. Какъ Сарра свободная родила свободнаго, такъ Евангеліе раждаетъ въ свободу и составляетъ съ чадами своими вышній Іерусалимъ,—царство Христово. Его-то чада есмы и мы всѣ

вѣрующіе. Мы дѣти по Исааку, мы свободные, мы наслѣдники. Держащіеся же закона суть чада плотскія, суть рабы, и что главное—не наслѣдятъ съ сынами свободныя. Эти преимущества и вамъ всѣмъ даны во Христѣ Іисусѣ.—Стойте же, и не отдавайте себя подъ иго рабства закону.

Ст. 21. *Глаголите ми, иже подъ закономъ хощете быти, закона ли не слушаете?*

„Смягчивъ ихъ сердце своими слезами (въ предыдущихъ словахъ) и ближе расположивъ ихъ къ себѣ, опять начинаетъ преніе, предлагая на разсужденіе предметъ еще болѣе важный, показывая, что и самый законъ требуетъ, чтобы его не соблюдали. Если хотите, говоритъ, быть послушными закону, оставьте его, ибо онъ и самъ того требуетъ. Однакоже Апостолъ прямо не говоритъ сего, но другимъ путемъ приводитъ къ томуже самому, воспользовавшись исторіею“ (св. Златоустъ).

Нечаяннымъ вопросомъ такимъ изострилъ вниманіе читающихъ. Предлагая за тѣмъ простую исторію, всѣмъ извѣстную, не ослабилъ, а еще въ большее привелъ его напряженіе, желаніемъ разгадать, что такое, что хочетъ онъ этимъ сказать. Когда наконецъ дѣло выяснилось, и сопоставленіе вещей представилось такъ живо, то впечатлѣніе отсюда не могло не быть поразительнымъ.

Говоря, что они хотятъ быть подъ закономъ, даетъ мысль, что они еще не совсѣмъ опутались имъ,—склоняются, но еще не склонились. Вмѣстѣ съ тѣмъ подаетъ надежду, что какъ захотѣли, такъ и расхотѣть могутъ; потому что, если они покушаются на это, то доводятъ ихъ до того не какія-нибудь разумныя требованія, а одинъ капризъ желаній. Св. Златоустъ говоритъ: „хорошо сказалъ онъ: *иже хощете*. Ибо дѣло зависѣло не отъ требованія вещей, а отъ неумѣстной уже ревности.“

Въ словахъ: *подъ закономъ хощете быти, и закона ли не слушаете?* слово—*законъ* не одно имѣетъ значеніе. Въ первомъ случаѣ означаетъ все подзаконное устройство вѣры, а во второмъ все бывшее въ подзаконный періодъ по особымъ распоряженіямъ Божіимъ, и внесенное въ Писаніе для наученія послѣдующихъ родовъ. Событіе беретъ онъ изъ книги Бытія, потому что оно требовалось; но онъ взялъ бы нужное и изъ всякой другой книги, еслибъ потребовалось другое, а все выразился бы такъ же: *закона ли не слушаете?* Не слушаете ли того, что Самъ Богъ, устроившій подзаконность, говоритъ вамъ событіями? При этомъ, *не слушаете* будетъ значить: не вникаете въ смыслъ и внутреннее значеніе, не берете изъ того себѣ уроковъ и вразумленій и не слѣдуете тому. Блаж. Іеронимъ пишетъ: „слушаетъ законъ, по Апостолу, тотъ, кто не поверхность одну его видитъ, но прозрѣваетъ и въ сердцевину. Не слушаетъ закона, кто подобно Галатамъ останавливается на одной корѣ его.“

Ст. 22. 23. *Писано бо есть, яко Авраамъ два сына имѣ: единаго отъ рабы, а другаго отъ свободныя. Но иже отъ рабы, по плоти родися: а иже отъ свободныя, по обѣтованію.*

Предыдущимъ вопросомъ возбудилъ Апостолъ только вниманіе. Здѣсь указываетъ самое событіе, изъ котораго, если вникнуть въ него, сами для себя могутъ извлечь вразумительный урокъ. Событіе это всѣмъ извѣстно. Апостолъ и не разсказываетъ его въ подробности. Это впрочемъ и не нужно было. Нужно было только выдѣлить нѣкоторыя черты изъ сего событія, служащія исходною точкою для послѣдующаго вывода. На нихъ и останавливается св. Павелъ, не развлекая вниманія прочими обстоятельствами. Черты эти суть слѣдующія: изъ двухъ сыновъ Авраама, одинъ отъ рабы рабъ, другой

отъ свободной свободный; одинъ по плоти, другой по обѣтованію, то-есть одинъ—естественнымъ путемъ родился, другой—образованъ высшею силою, хотя изъ элементовъ естества; тотъ низшаго, земнаго происхожденія, а этотъ высшаго, небеснаго. Уже этимъ однимъ напоминаніемъ Апостолъ внушалъ Галатамъ: подклоняясь подъ иго закона, вы хотите стать чрезъ то въ права чадства Аврааму. Дѣло хорошее, достойное заботъ и ревнованія. Но смотрите, не сдѣлайте ошибки въ способѣ достигнуть сего. У Авраама вѣдь было два сына, совершенно противоположные. И вамъ предлежитъ поточнѣе опредѣлить, по духу какого изъ этихъ сыновъ вы хотите стать чадами Авраама. Ошибка въ выборѣ столь значительна, что вы, мнящеся быти сынами Авраама, на дѣлѣ будете не болѣе какъ рабы.

Св. Златоустъ говоритъ: „опять указываетъ на Авраама; впрочемъ это не тождесловіе. Но такъ какъ патріархъ сей былъ у Іудеевъ въ великомъ уваженіи, то Апостолъ и показываетъ, что образы въ немъ получили свое начало, въ немъ же предначертаны были и настоящія событія. И вопервыхъ показываетъ, что они (Галаты) суть сыны Авраама. Но такъ какъ сыны сего патріарха имѣли неодинаковое достоинство, ибо одинъ былъ рожденъ отъ рабы, а другой—отъ свободной, то далѣе и говоритъ, что они не только сыны Авраама, но и такіе сыны, каковъ былъ сынъ его свободный и благорожденный. Такова сила вѣры!"

Что значитъ сказанная исторія, и чему она научаетъ, это выясняетъ Апостолъ вслѣдъ за симъ подробно. Но приведенныя слова и сами по себѣ еще прежде истолкованія ихъ таинственнаго, могли порождать мысли, значительныя въ разбираемомъ дѣлѣ. По св. Златоусту тутъ рѣшается вопросъ: какъ мы становимся чадами Аврааму, не происходя отъ него по плоти? Такъ же,

какъ и Исаакъ произошелъ отъ него, не по плоти, а по обѣтованію, т.-е. силою Божіею. „Прежде онъ говорилъ, что вѣра соединяетъ насъ съ Авраамомъ. Но поелику слушающимъ казалось непонятнымъ то, что не происходившихъ отъ Авраама онъ называетъ сынами его, то онъ и показываетъ, что такое же необычайное дѣло въ самомъ началѣ совершено уже было Богомъ. Ибо и Исаакъ, хотя былъ естественный сынъ, но не по естественному порядку, и не по закону супружества, и не отъ силъ плотскихъ; поелику родился отъ тѣлъ увядшихъ, и утробы заматорѣвшей. Не плоть произвела зачатіе и не сѣмя содѣлало плодъ, ибо утроба матери была мертва и по возрасту и по неплодству, но слово изреченное отъ Бога, образовало его. Напротивъ, рабъ родился не такъ, но по законамъ естества и супружества. И рожденный не по плоти былъ предпочтенъ родившемуся по плоти. Итакъ не безпокойтесь и вы, что не родились по плоти отъ Авраама. Ибо потому вы и находитесь въ родствѣ съ нимъ, что не по плоти родились отъ него. Рожденіе по плоти не увеличиваетъ, а уменьшаетъ достоинство. Напротивъ рожденіе не по плоти, есть рожденіе чудное и духовное; такъ и раждаютъ только тѣ, которые сами рождены свыше. Измаилъ родился по плоти, но былъ рабомъ, и не только рабомъ, но даже изгнанъ былъ изъ родительскаго дома. А Исаакъ, рожденный по обѣтованію, такъ какъ былъ сынъ и отъ свободной, остался господиномъ всего.“

Ст. 24. 25. *Яже суть иносказаема: сія бо еста два завѣта: единъ убо отъ горы Сінайскія, въ работу раждаяй, иже есть Агарь. Агарь бо, Сіна гора есть во Аравіи, прилагается же нынѣшнему Іерусалиму, работаетъ же съ чады своими.*

Указавъ на событіе, теперь толкуетъ, что оно значитъ, чему научаетъ. *Яже суть иносказаема.* Такъ гово-

рить не въ такомъ значеніи: это иносказаніе, а въ такомъ: въ этомъ есть и иносказаніе, или: это можно понимать и иносказательно, или тутъ есть и сокровенный смыслъ. „Божественный Апостолъ сказалъ: *иносказаема*, т.-е. можетъ быть разумѣемо и иначе. Ибо не отвергаетъ историческаго смысла, но объясняетъ, что прообразовано исторіею“ (Θеодоритъ). „Сими словами онъ хотѣлъ сказать, что исторія сія изображаетъ не только то, что представляется въ ней съ перваго раза, но выражаетъ также и другое нѣчто; почему и назвалъ ее иносказаніемъ (св. Златоустъ).

Таинственный смыслъ необязателенъ, ибо не всякимъ можетъ быть прозрѣваемъ. Св. Апостолъ зритъ его; а другіе не зрѣли, а только теперь съ его словъ будутъ зрѣть. Потому имъ доказывать нельзя. Апостолъ и не доказываетъ здѣсь, а только проясняетъ доказанное уже. Доказалъ онъ свою истину прежде; теперь только рельефнѣе представляетъ преимущества держащихся ея, указаніемъ отображенія ея въ самыхъ первыхъ событіяхъ, пролагавшихъ путь къ подзаконности. Такого рода оборотъ рѣчи тоже что сравненіе, которое не доказываетъ, но тѣмъ большую силу убѣжденія придаетъ доказанной истинѣ, чѣмъ разительнѣе отраженіе въ немъ сей истины.

Сія бо еста два завѣта. Прежде въ *яже суть иносказаема*—стоитъ ἅτινα,—неопредѣленно или вообще, сіе, это, это событіе. А здѣсь стоитъ αὗται, т. е. жены. На нихъ переноситъ вниманіе, потому что имѣетъ въ виду выяснить, что раждаетъ законъ, и что Евангеліе, какой плодъ отъ того и другаго. „Кто это—*сія* (αὗται)? Матери упомянутыхъ сыновъ—Сарра и Агарь. Что онѣ означаютъ? Два завѣта, два закона. И поелику въ исторіи это были имена женъ Авраамовыхъ, то Апостолъ, держась общаго значенія сихъ названій, изъ именъ выводитъ важное и великое слѣдствіе“ (св. Злат.). „Авраамъ

имѣлъ двухъ женъ и содѣлался отцемъ двухъ сыновей; но одинъ изъ нихъ произошелъ отъ рабы, другой же— отъ свободныя. И сіе согласно съ тѣмъ, что совершается съ нами. Ибо какъ тамъ одинъ отецъ, но двѣ матери и два сына; такъ и здѣсь единъ Богъ, но два завѣта и два народа“ (Θеодоритъ).—

Сначала выясняется значеніе Агари, чтобы послѣ мрачной картины подзаконнаго рабства, знаменуемаго Агарью, взоръ ума тѣмъ охотнѣе и радостнѣе упокоился на картинѣ духовной свободы Евангелія, изображаемой Саррою, и тѣмъ неотвязнѣе прильнулъ къ ней вниманіемъ и привлекъ туда же и сердце расположеніемъ.

Агарь изображаетъ подзаконность. Наглядная черта сходства ихъ—рабство. Агарь раба родила раба; законъ данный на Синаѣ тоже раждаетъ рабовъ; т. е. тѣхъ, на которыхъ онъ возложенъ былъ и которые слѣдуютъ ему, онъ вяжетъ такъ, какъ рабовъ, не смѣющихъ и шага сдѣлать безъ воли господина, и притомъ подъ смертнымъ страхомъ за нарушеніе чего бы то ни было. Выразительно слово: *въ работу раждаяй*. Подзаконность выработываетъ личности съ духомъ рабства, которымъ онѣ бываютъ до того проникнуты, что имъ и на мысль не приходитъ свобода. Иного чего законъ и породить не можетъ, пока кто вседушно ему преданъ, поколику онъ таковъ.

Сходство ярко отражается; такъ что его можно бы оставить и безъ дальнѣйшихъ сближеній. Но св. Апостолъ идетъ далѣе, и показываетъ, что сравненіе такое не произвольно, а что мысль объ Агари необходимо наводитъ на Синайское законодательство. Для этого онъ пользуется именемъ, какъ зовется Синай въ Аравіи, т.е. между Агарянами, и топографическимъ соотношеніемъ между Синаемъ и Іерусалимомъ—средоточіемъ подзаконной жизни и всѣхъ заправляющихъ ею силъ.

Какъ имя Агарь наводитъ неотвязно на мысль о законѣ? Тѣмъ наводитъ, что „Синай на языкѣ арабовъ называется Агарь“ (Экум., Ѳеофил.). *Агарь бо Сіна гора есть во Аравіи.* Синай, въ Аравіи, между жителями Аравіи, потомками Агари, носитъ имя Агарь. Потому вспомнивъ объ Агари, припоминаешь Синай, а Синай припомнивши, вспоминаешь и синайское законодательство. Св. Златоустъ эту связь именъ и сочетаніе представленій объясняетъ такъ: „Агарью называлась раба; а гора Синай на языкѣ той страны означаетъ рабу же.“ Вульгата и другіе читаютъ не: *Агарь бо Сіна гора*, а безъ *Агарь*,— *Сіна бо гора есть во Аравіи.* Мысль та, что гора Синай находится въ Аравіи, гдѣ живутъ агаряне, потомки Агари. Почему при мысли о Синаѣ подумаешь и объ Аравіи, отъ ней перейдешь къ жителямъ ея, агарянамъ, а отъ нихъ и къ Агари; какъ и обратно, тѣмъ же путемъ отъ Агари, мысль за мыслію дойдешь и до Синая и синайскаго законодательства. Какъ бы ни объяснять, ту мысль держать надо, что по Апостолу, соотношеніе Агари съ Синаемъ есть промыслительное и что слѣдовательно указывая отображеніе характера синайскаго закона въ свойствахъ Агари, онъ дѣйствуетъ сообразно съ намѣреніями Божіими.

Какъ Синай топографически указываетъ на Іерусалимъ, средоточіе подзаконности? *Прилагается же къ нынѣшнему Іерусалиму. Прилагается* συστοιχεῖ: „гора же та соотвѣтствуетъ сему земному Іерусалиму“ (Ѳеод.). „Сродна ему, и близко указываетъ на оный“ (св. Злат.). Можно и такъ: стоитъ противъ (визави).

На какіе-нибудь полдня пути отъ горы Синая начинается ровная степь, и тянется до самыхъ горъ іудейскихъ, на которыхъ тотчасъ и Іерусалимъ,—такъ что еслибъ подняться вверхъ надъ этою степью, то взглянувъ на югъ остановишься взоромъ на Синаѣ, а обра-

тившись на сѣверъ встрѣтишься съ Іерусалимомъ. Въ промежуткѣ ничто не остановитъ вниманія. Синай будто провожаетъ къ Іерусалиму, а Іерусалимъ къ Синаю. Въ этомъ отношеніи не чуждо истины и другое слово Златоуста: „Іерусалимъ и по мѣстоположенію не на дальнее отстоитъ разстояніе отъ сей горы, имя которой означаетъ рабу.“ Дѣйствительное же разстояніе ихъ 12 дней пути. Вотъ какъ Синай соотвѣтствуетъ Іерусалиму! Такъ Богъ устроилъ, что и синайское законодательство сѣдалище себѣ нашло въ Іерусалимѣ и въ немъ царствуетъ. Всѣмъ этимъ и надобно, говоритъ какъ-бы Апостолъ, вразумляться. Все это указанія намъ перста Божія.

Работаетъ же съ чады своими. Кто это работаетъ или рабствуетъ, находится въ состояніи подъяремномъ? Можно разумѣть и Агарь съ потомствомъ, и законъ съ подзаконными, и Іерусалимъ съ своими жителями и жителями всей Іудеи, для коей Іерусалимъ — митрополія или гражданская мать. Въ подлинникѣ не ясно, къ чему исключительно отнести сіи слова; но какъ впереди стоитъ Іерусалимъ, и послѣдуетъ рѣчь объ Іерусалимѣ же, хотя противоположномъ нынѣшнему, но по поводу его, то ближе относить ихъ къ Іерусалиму. Рабство Іерусалима разумѣется здѣсь не гражданское, не то, что онъ въ ту пору былъ подъ властію Римлянъ,—а религіозно-нравственное рабство закону, котораго гнетъ ощутительнѣе всего былъ въ Іерусалимѣ, полномъ такихъ ревнителей закона, каковы фарисеи и изъ нихъ зилоты. Апостолъ самъ не разъ испытывалъ тяготу сію; а потомъ и пострадалъ по причинѣ нехотѣнія рабствовать подобно имъ.

Ст. 26. *А вышній Іерусалимъ, свободь есть, иже есть мати всѣмъ намъ*.

Сказалъ св. Павелъ, что эти двѣ жены, Агарь и Сарра изображаютъ два завѣта; потомъ объяснилъ подробно, что Агарь изображаетъ Ветхій Завѣтъ, данный на Синаѣ,

рабства требующій, и въ рабство раждающій, котораго осуществленіе представляетъ нынѣшній Іерусалимъ, работающій съ чадами своими. Ожидалось бы, что скажетъ: а Сарра изображаетъ другой завѣтъ Евангельскій, требующій свободнаго Богу служенія и въ свободу раждающій, котораго полное осуществленіе представляетъ вышній Іерусалимъ, Христова Церковь, свободная со всѣми чадами своими, т.-е. со всѣми нами вѣрующими въ Евангеліе Христово. Но св. Павелъ разсудилъ сократить такое сопоставленіе, столь простое и очевидное, что его легко можетъ всякій и самъ собою сдѣлать; и остановился только на послѣднемъ своемъ словѣ о нынѣшнемъ Іерусалимѣ, средоточіи рабской подзаконности, чтобы поскорѣе противопоставить ему вышній Іерусалимъ, св. Церковь, сѣдалище свободы Евангельской, не заслоняя сего противопоставленія другими образами, для сильнѣйшей впечатлительности сличенія.

Вышній Іерусалимъ, противополагаясь нынѣшнему у св. Павла, вызываетъ понятіе о грядущемъ. Все же грядущее свѣтлое сливалось тогда въ одномъ представленіи обѣтованнаго царства Мессіи. Не другое что разумѣетъ подъ симъ словомъ и св. Павелъ. Это у него царство Мессіи, прежде обѣтованное, а теперь осуществленное и представляемое св. Церковію. „Вышній Іерусалимъ— Церковь и раждающіеся въ немъ не рабы“ (св. Злат.). Она—вышній Іерусалимъ, не потому чтобъ была на небѣ, но потому, что небесна по высокимъ совершенствамъ своимъ, по небеснымъ дѣйствующимъ въ ней силамъ, по тѣсному союзу съ небомъ, съ коимъ она составляетъ единое цѣлое, потому что не имѣетъ никакихъ цѣлей земныхъ и потому что, будучи преисполнена небесныхъ стихій, образуетъ въ себѣ небесныхъ гражданъ.

Свободь есть. По самому существу своему свободенъ, „т.-е. не имѣетъ на себѣ ига закона“ (Θеодор.). Если

онъ противоположенъ нынѣшнему рабствующему, то долженъ быть свободенъ и вами, равно какъ и всѣми, долженъ быть признаваемъ такимъ. Или такъ: а вышній Іерусалимъ, св. Церковь свободна. Онъ, какъ бы указывая на нее, говоритъ: а Церковь святая свободна. На, посмотри! Такъ и слѣдуетъ ей быть. Не нѣчто мысленное, идеальное, противопоставляетъ онъ Іерусалиму дѣйствительному, — но дѣйствительное же общество лицъ, свободно служащихъ Богу и свободныхъ отъ всякой связности подзаконностію. Мысль его, что такъ это и должно быть, какъ выходитъ изъ приведеннаго имъ сопоставленія завѣтовъ. Что можно было указывать на такое общество, какъ на дѣйствительное, свидѣтели тому сами же Галаты, которые доселѣ были совершенно свободны и теперь только начали вязать себя, безъ всякой нужды, наперекоръ всѣмъ указаніямъ и знаменіямъ Божіимъ.

Иже есть мати всѣмъ намъ. Эти слова противополагаются словамъ: *работаетъ съ чады своими.* Іерусалимъ нынѣшній, синагога, законъ раждаютъ рабовъ и работаютъ съ чадами своими. А св. Церковь свободная, въ свободу раждаетъ и свободствуетъ съ чадами своими, ею порожденными. Чада эти — всѣ мы вѣрующіе. Если мы держимъ себя свободно отъ всякой связи закономъ, то потому, что иначе сему быть нельзя. Такова мать наша, свободная, свободныхъ раждающая. Свяжись мы закономъ: станемъ не свободными, откажемся отъ матери, породившей насъ. Этимъ вмѣстѣ внушалось: и вы таковы же, и были и есте. Зачѣмъ же вамъ вязать себя?

Ст. 27. *Писано бо есть: возвеселися неплоды не раждающая: расторгни и возопи не болящая, яко многа чада пустыя паче нежели имущія мужа.*

Въ подтвержденіе чего приводится это пророчество? Не того, что безчадная раждаетъ, и что чадъ у ней больше, чѣмъ у имѣющей мужа, —это понятія побочныя, —

а того, что чада новаго Іерусалима, Церкви, раждаются не плотски, а духовно, силою свыше, какъ Сарра родила по обѣтованію. „Апостолъ не довольствуется одними образами, но въ подтвержденіе словъ своихъ приводитъ свидѣтельство Исаіи. Ибо сказавъ, что вышній Іерусалимъ есть наша мать, и назвавъ симъ именемъ Церковь, указываетъ на Пророка, который говоритъ тоже самое, что и онъ сказалъ" (св. Злат.). Пророчествомъ симъ объясняетъ Апостолъ, какъ св. Церковь есть мать наша. Она раждаетъ, по сему пророчеству, безъ мужа плотскаго, безъ сѣмени плотскаго (неплоды), безъ болѣзней рожденія, и самаго рожденія плотскаго (не раждающая, какъ раждаютъ по плоти): всего этого она пуста, ничего этого плотскаго не имѣетъ; а между тѣмъ чадъ у ней болѣе нежели у имѣющей все это, потому что духовное рожденіе ни временемъ, ни мѣстомъ, ни другими соприкосновенностями не препятствуется. Оно можетъ совершиться всегда, всюду, въ одно мгновеніе, и въ большомъ количествѣ. Амвросіастъ пишетъ: „Земный Іерусалимъ называетъ Апостолъ имѣющимъ мужа, потому что онъ раждаетъ по плоти; а небесный Іерусалимъ, матерь всѣхъ насъ, называетъ безплоднымъ, потому что онъ не раждаетъ по плоти, не терпитъ и болѣзней рожденія, но раждаетъ безъ страданія, духовно."

Понимая такъ сіе пророчество, не имѣемъ нужды опредѣленно указывать, кто сія неплоды изъ дѣйствительно существовавшихъ религіозныхъ обществъ. Пророкъ созерцалъ Церковь Божію духовную, ничего плотскаго не имѣющую, а между тѣмъ многихъ чадъ имѣющую. Это ни іудейская церковь, хотя бы понимать и лучшую сокровенную въ ней часть, — ни языческое соборище, скудное всякаго добра и истины; но будущая Церковь, которой тогда не было, но которая обѣтована была и чаялась. Не какая нибудь дѣйствительная мать,

бездѣтная, вдругъ стала многочадною, но является новая мать и раждаетъ многихъ чадъ, совсѣмъ не по законамъ плотскаго рожденія. Тутъ ни іудей не имѣетъ преимущества, ни еллинъ не встрѣчаетъ отверженія; но кѣмъ бы кто ни былъ, независтно раждается вновь и становится чадомъ новаго Іерусалима.

Этому и небо и земля радуются. Почему Пророкъ и созерцаетъ сіе подъ образомъ торжественной радости. *Возвеселись*, *расторгни*,—разразись радостными восклицаніями,—*возопій* отъ избытка радости. Онъ беретъ въ сравненіе состояніе только что родившей матери, или матери, народившей многихъ чадъ, которыя всѣ такъ хороши, что она нарадоваться не можетъ, смотря на нихъ. Таковы всѣ истинные христіане. И сами для себя взаимно они радость, и для Ангеловъ, посылаемыхъ въ служеніе за хотящихъ наслѣдовати спасеніе и радующихся объ обращеніи грѣшниковъ, и для Бога, въ Троицѣ покланяемаго, Который въ нихъ упокоевается благоволеніемъ Своимъ, говоря какъ-бы къ нимъ: здѣсь покой Мой, здѣсь вселюся.

По какому поводу изречено пророчество, на томъ нѣтъ нужды останавливаться; ибо это нисколько ни поможетъ пониманію его въ настоящемъ мѣстѣ. Но не можемъ не обратить вниманія на толкованіе св. отцевъ, которые всѣ подъ неплодною разумѣютъ языческую церковь, а подъ имѣющею мужа—церковь іудейскую, изъ которыхъ первая подъ дѣйствіемъ благодати Евангельской стала многочаднѣе послѣдней. Св. Златоустъ говоритъ: „кто сія *неплоды?* Кто сія пустая? Не очевидно ли, что это церковь изъ язычниковъ, лишенная прежде познанія о Богѣ? А кто имущая мужа? Очевидно синагога іудейская. Но неплоды превзошла оную многочадствомъ. Синагога обнимала только одинъ народъ; а чада церкви наполнили Грецію и страны варварскія, землю,

море и всю вселенную. Видишь ли, какъ Сарра вещію, а Пророкъ словомъ преднаписали наше будущее? Но смотри—Исаія сказалъ, что неплодная прежде сдѣлалась потомъ многочадною. Сіе образовательно случилось съ Саррою; ибо и она, бывши неплодною прежде, потомъ сдѣлалась матерію многочисленнаго потомства". Блаж. Ѳеодоритъ прибавляетъ: „какъ Сарра родила въ старости сверхъ всякаго человѣческаго чаянія, такъ и язычники при самомъ концѣ жизни сподобились Боговѣдѣнія, и неплодная множествомъ рожденныхъ превзошла бывшую древле многочадною." Вотъ еще одно слово Экуменія: „имѣющею мужа называетъ синагогу іудейскую, или потому, что она имѣла законъ, или потому, что древле пользовалась благоволеніемъ Божіимъ." Такъ и всѣ другіе древніе толковники за исключеніемъ, какъ видѣли, Амвросіаста.

Церковь, которую возвеселяетъ Пророкъ, не изъ язычниковъ только состояла; потому строго судя нельзя полагать, что пророчество къ нимъ относится. Но примѣнительно такое толкованіе не неумѣстно. Вопервыхъ по причинѣ легкости пониманія; но болѣе по причинѣ наглядности дѣла. Церковь Христова точно составилась преимущественно изъ язычниковъ, такъ что Іудеи исчезали среди ихъ, и по причинѣ малочисленности, и по причинѣ того, что отбрасывая іудейскія особенности, сливались съ другими почти безслѣдно. Св. отцы созерцая Церковь, Пророкомъ указанную, созерцали ее въ этомъ чистомъ отъ всего іудейскаго видѣ, какъ будто никто изъ чадъ ея прежде совсѣмъ и не былъ Іудеемъ. Потому и мать пророчествованную указывали внѣ іудейства.

Но что въ пророчествѣ св. Павелъ хотѣлъ указать именно на духовное рожденіе чадъ Церкви, это оправдывается и предыдущею рѣчью или ходомъ ея и послѣдующими словами:

Ст.28. *Мы же, братіе, по Исааку обѣтованія чада есмы.*

Сказалъ, что мы чада новаго Іерусалима, потомъ привелъ пророчество, возвеселяющее мать раждающую насъ; теперь говоритъ, что мы чада по Исааку, т.-е. раждаемся такъ, какъ тотъ родился; какъ тотъ родился не по плоти, а по обѣтованію, дѣйствіемъ силы Божіей, такъ и мы раждаемся благодатнымъ дѣйствіемъ Св. Духа. Не очевидно ли, что поставленное среди сихъ указаній пророчество не на другое что указываетъ, какъ на духовное рожденіе?

Св. Златоустъ видитъ въ сихъ словахъ именно образъ духовнаго рожденія христіанъ. Онъ говоритъ: „св. Павлу и сего не довольно (пророческаго указанія); онъ показываетъ еще и то, какимъ образомъ неплоды стала матерію, чтобы и отсюда показать близость образа къ разсматриваемой истинѣ. Почему и прибавляетъ: *мы же братіе*, *по Исааку*, *обѣтованія чада есмы*. Ибо какъ Сарра сдѣлалась матерію не по природѣ, а по обѣтованію Божію; ибо Тотъ, Кто сказалъ: *въ сіе время пріиду*, *и будетъ Саррѣ сынъ* (Быт. 18, 10. 14). Тотъ самъ пришедъ, образовалъ въ утробѣ Сарры младенца: такъ и въ возрожденіи нашемъ ничего не принадлежитъ естеству; но Божественныя слова, произносимыя священникомъ, сіи самыя слова въ купели водной, какъ-бы въ утробѣ матерней, возсозидаютъ и возраждаютъ крещаемаго.“

Что касается до сочетанія сихъ словъ съ предыдущими, то съ сего стиха начинается у св. Апостола приложеніе указаннаго (ст. 22. 23) событія и предложеннаго (ст. 24—27) изъясненія таинственнаго его знаменованія, приложеніе, въ которомъ, какъ замѣчено выше, показывается преимущество, или преславность вѣры предъ подзаконностію, для привлеченія и склоненія къ ней воли. Первая черта преславности есть духовное,

сверхъестественное рожденіе чадъ вѣры. Почему оборотъ рѣчи: *мы же*, можно понимать и какъ слѣдствіе: такъ, вотъ кто мы! и какъ подведеніе подъ предыдущее толкованіе. Объяснилъ онъ, что Агарь, раждающая по плоти, есть образъ синайскаго завѣта, рабской подзаконности, качествующей нынѣ въ Іерусалимѣ; а Сарра, раждающая по обѣтованію, есть образъ новаго Евангельскаго завѣта и полной духовной свободы, качествующей въ новомъ Іерусалимѣ—Церкви Христовой. Теперь рѣшаетъ какъ-бы вопросъ: куда же мы должны принадлежать, клониться, льнуть? Туда, каковы мы по рожденію. По рожденію нашему въ Церкви, которое всякій изъ васъ принялъ дѣломъ и знаетъ по опыту, Духа благодати сподобясь, мы никакъ не можемъ принадлежать къ плотскому, рабскому, агарину роду, и слѣдовательно рабствовать въ подзаконности, какъ дѣлается это въ Іерусалимѣ, откуда пришли смутившіе васъ лжеучители. Мы чада по Исааку, Саррино потомство, раждаемое силою свыше, какъ Исаакъ. Слѣдовательно нечего намъ въ ту сторону и очи обращать, находясь въ такомъ преславномъ положеніи и подлежа опасности потерять его, если склонимся туда.

Ст. 29. *Но якоже тогда по плоти родивыйся гоняше духовнаго, тако и нынѣ.*

Вторая черта преславности вѣры и вѣрующихъ есть право на наслѣдіе несомнѣнное, о которомъ въ слѣдующемъ стихѣ. Этотъ же стихъ, выясняя параллель вѣрующихъ съ чадствомъ Сарры, служитъ переходомъ къ тому. Апостолъ говоритъ какъ-бы: Агарь съ Исмаиломъ изображаетъ подзаконниковъ; а Сарра съ Исаакомъ—вѣрующихъ. Въ этомъ васъ должно удостовѣрить сказанное предъ симъ. Но вы осязательно можете видѣть это и нынѣ. Тогда Исмаилъ плотскій обижалъ Исаака духовнаго. И теперь тоже: предъизображенные Исма-

иломъ подзаконники, стихійно богослужащіе, гонятъ насъ. предъизображенныхъ Исаакомъ, духовно служащихъ Богу, гонятъ за то, что мы, духовно рожденные отъ Бога, духовно, а не стихійно служимъ Богу. Сомнѣнія потому у васъ не должно быть никакого въ томъ, что мы вѣрующіе точно есмы по Исааку чада обѣтованія. А если таковы мы, то намъ же, а не подзаконникамъ, должно принадлежать и право наслѣдія, какъ оно принадлежало Исааку, а не Исмаилу.

Ст. 30. *Но что глаголетъ Писаніе? Изжени рабу и сына ея: не имать бо наслѣдовати сынъ рабынинъ съ сыномъ свободныя.*

На то, что гонятъ, не смотрите. И Исаака обижалъ Исмаилъ; но что же изъ того? Наслѣдство все же сполна досталось одному Исааку. Такъ и подзаконники гонятъ насъ и тѣснятъ, но это ничего не значитъ. Наслѣдіе, уготованное у Отца небеснаго, тѣмъ, коихъ раждаетъ Онъ духовно, по Исааку, намъ принадлежитъ, если пребудемъ вѣрными положеннымъ въ насъ началамъ новой благодатной жизни. Подзаконники же исключены изъ него; не наслѣдятъ они, сыны рабы синагоги, съ нами, сынами свободной, благодатной Церкви.

Изгнанія Агари съ Исмаиломъ требовала Сарра, съ приложеніемъ и словъ, кои приводитъ здѣсь св. Павелъ. Но когда Аврааму слово сіе показалось жесткимъ, тогда Богъ подтвердилъ требованіе Сарры, а слѣдовательно и слово ея о наслѣдіи (Быт. 21, 10. 12). Слово сіе стало словомъ Божіимъ. Почему Апостолъ и говоритъ: что глаголетъ Писаніе?

Св. Златоустъ оба эти стиха (29 и 30) поставляетъ въ такое соотношеніе между собою и съ общимъ ходомъ рѣчи: „итакъ, если мы дѣти неплодной, то вмѣстѣ и свободные. Но что это за свобода, скажетъ кто-нибудь, когда Іудеи повсюду господствуютъ и наказываютъ бичами

вѣрующихъ, а почитающіе себя свободными всюду преслѣдуются? Дѣйствительно такъ было въ то время, когда вѣрные вездѣ были гонимы. Но и это не должно смущать васъ, говоритъ Апостолъ. Ибо и сіе было предначертано въ томъ-же образѣ. Исаакъ, будучи свободнымъ, былъ гонимъ рабомъ Исмаиломъ. Почему и говоритъ далѣе: *но якоже тогда,* — и проч. — Что же? Неужели въ томъ все утѣшеніе, чтобъ узнали свободные, что они будутъ (по предъизображенію) терпѣть гоненіе отъ рабовъ? Нѣтъ, отвѣчаетъ Апостолъ. Я не останавливаюсь на семъ; но слушай далѣе, и тогда получишь достаточное утѣшеніе, и не будешь малодушествовать въ гоненіяхъ. Что же далѣе? *Изжени* сына рабыни: *не имать бо наслѣдовати съ сыномъ свободныя.* Видишь ли воздаяніе за кратковременную тираннію и за безразсудную дерзость? Отрокъ лишается отцовскаго наслѣдія, изгоняется изъ дома родительскаго и скитается вмѣстѣ съ матерію. А ты замѣчай мудрость сказаннаго: не сказалъ —изгоняется потому только, что гналъ, но чтобы не былъ наслѣдникомъ. Онъ понесъ наказаніе не за временное преслѣдованіе, ибо это не важно и нисколько не касается дѣла,—но потому, что Богъ не допустилъ его быть участникомъ въ томъ, что приготовлено было сыну, показывая симъ, что это было предопредѣлено ему, хотя бы онъ и не преслѣдовалъ Исаака,—и зависѣло не отъ его гоненія, а отъ Божія опредѣленія.“

Ст. 31. *Тѣмже, братіе, нѣсмы рабынина чада, но свободныя.*

Это и заключеніе предыдущей рѣчи, и указаніе особой черты преславности вѣры, состоящей въ свободѣ отъ всякой связности внѣшними чинами подзаконными,— такой черты, которая проходитъ и въ предыдущихъ двухъ. Свободны отъ всего этого вѣрующіе потому, что получивъ отъ Духа новое духовное рожденіе, и служатъ

Богу духовно. Наслѣдники они обѣтованнаго блаженства у Бога, потому что сыны; но поелику сыны, то и свободны: работаютъ въ домѣ Божіемъ не понудительно, какъ рабы изъ-подъ кнута и палки, а сами отъ себя, радѣя о домѣ, какъ хозяева въ дому,—вся творя во славу Божію. Это самая привлекательная черта преимущества вѣры и вѣрныхъ; ни время, ни мѣсто, ни другая какая внѣшность не вяжетъ ихъ; всегда и во всемъ у нихъ—Богъ и слава Его.

Оборотъ рѣчи употребленъ такой: такъ мы не сыны рабы, чтобъ быть подъ игомъ работы подзаконной, а сыны свободной, чтобъ свободно дѣйствовать въ домѣ Божіемъ. Такъ это предназначено и предъизображено изначала, какъ видите изъ приведеннаго прообраза. Какой же смыслъ вамъ, обладая такимъ достоинствомъ, самимъ добровольно лѣзть подъ безполезное иго?!—„Не безумно ли, за столько вѣковъ прежде избраннымъ и нынѣ получившимъ уже свободу, добровольно подчинять себя подъ иго рабства?“ (св. Златоустъ).

„Посему что же повелишь?“ (Ѳеодоритъ).

Гл. 5, ст. 1. *Свободою убо, еюже Христосъ насъ свободи, стойте, и не паки подъ игомъ работы держитеся.*

Продолжается мысль предыдущаго стиха съ приложеніемъ новыхъ представленій, заставляющихъ дорожить свободою. Свобода такъ всѣмъ дорога; стоитъ указать, что то и то отнимаетъ свободу, чтобъ отвратить отъ того; а здѣсь представляется кромѣ того,—что она есть еще и высокій даръ Божій, которымъ не подорожить будетъ нечестиво даже, а не только для себя невыгодно, обидно, унизительно.

Свободу отъ подзаконности даруетъ Христосъ Господь. Ибо подзаконность вся, какъ къ послѣдней цѣли, сводилась ко Христу Спасителю. Когда пришелъ Господь Іисусъ Христосъ, теченіе подзаконной жизни должно

кончиться. Вѣрующіе во Христа Іисуса Господа не смотрятъ назадъ за Христа, а на Немъ сосредоточивая взоръ ума вѣрою и всѣ желанія сердца любовію и покорностію Его волѣ, Имъ однимъ живутъ, новою отъ Него исходящею жизнію. Въ этомъ, говоритъ Апостолъ Галатамъ, и стойте, а не заходите за Христа, огибая Его и дѣлая обходъ, чтобъ самовольно возлагать на себя безцѣльное уже иго работы закону, потерявшему силу.

Не паки подъ игомъ работы держитеся.—*Паки*, или указываетъ на Іудеевъ, кои были въ средѣ галатійскихъ церквей и принявъ вѣру Христову, бросили законъ, а теперь, по внушеніямъ лжеучителей, снова обратились къ закону; или выражаетъ такую мысль: законъ потерялъ силу и подзаконность не имѣетъ значенія, а вы опять то и другое возставляете, опять выдвигаете на среду законъ и подзаконность. Въ этомъ смыслѣ *паки* обыметъ всѣ лица, входившія въ составъ галатійскихъ церквей.

Св. Златоустъ говоритъ на сей текстъ: „Свободою убо, еюже Христосъ васъ свободи, стойте. Ибо сами ли собою получили вы свободу, что опять стремитесь подъ прежнее деспотство? Христосъ искупилъ васъ, другой заплатилъ за васъ цѣну выкупа. Видишь, сколько средствъ употребляетъ Апостолъ, чтобы отклонить Галатовъ отъ іудейскаго заблужденія? Вопервыхъ, здѣсь онъ показываетъ, что крайне безумно, сдѣлавшимся свободными изъ рабовъ желать изъ свободныхъ снова дѣлаться рабами; во вторыхъ, даетъ имъ разумѣть, что презирая Освободителя, а любя поработителя, они окажутся жестокими и неблагодарными противъ своего Благодѣтеля; въ третьихъ, въ тоже время внушаетъ, что и невозможно уже опять перейти подъ деспотство закона, ибо законъ утратилъ свое владычество, когда дру-

гой всѣхъ насъ откупилъ у него однажды навсегда. Словомъ—*стойте* онъ обличаетъ ихъ непостоянство и шаткость. Словомъ—*иго* изображаетъ тяжесть закона, а сказавъ—*паки*, обличаетъ великое ихъ безуміе. Еслибъ вы сами не испытали, говоритъ, этой тяжести, то не заслужили бы еще такихъ упрековъ; но когда по опыту знаете всю тяжесть сего ига, и послѣ опять подчиняетесь ему,—то стоите ли вы какого извиненія?"

б).

Послѣ преславности вѣры, возбуждающей и привлекающей желанія, св. Павелъ указываетъ на ея необходимость неизбѣжную, которая понуждаетъ рѣшиться на предлагаемое дѣло, хочешь ли ты, или не хочешь того. Что абсурдъ для ума, то эта неизбѣжность для воли. Сознаніе ея исполняетъ чувствомъ безвыходности, заставляющимъ тотчасъ же приступить и къ дѣлу, какихъ бы жертвъ оно ни стоило. Когда домъ охваченъ огнемъ и захваченному въ немъ лицу остается для спасенія только одно окно, онъ не разсуждая бросается въ него. Такъ сильно и рѣшительно дѣйствуетъ на напряженіе воли очевидность того, что—или пропасть или дѣйствовать по предлагаемому указанію. Къ выясненію этого приступаетъ теперь Апостолъ. Онъ говоритъ какъ-бы Галатамъ: одно изъ двухъ вамъ предлежитъ,—или Христосъ Господь со спасеніемъ, или законъ съ погибелью. Вы обратились къ Господу Іисусу Христу въ томъ убѣжденіи, что иного спасенія нѣтъ, какъ въ Немъ. Въ Немъ оно и даруется вамъ все сполна. Когда же вы обращаетесь къ закону, какъ средству спасенія, то имѣете уже иного спасителя, и тѣмъ удаляетесь отъ прежде исповѣданнаго. Какъ Сей только есть единый истинный Спаситель, то удаляясь отъ Него, вы теряете спасеніе,

которое отъ Него, а тотъ новый вашъ спаситель, законъ, не даетъ его. Такимъ образомъ вы, приступая къ закону, лишаетесь спасенія, которое взыскали и которое въ рукахъ вашихъ было и есть пока, и ниспадаете въ общую всѣхъ пагубу, повсюду внѣ Христа и благодати.

Ст. 2. *Се азъ Павелъ глаголю вамъ, яко аще обрѣзаетеся, Христосъ васъ ничтоже пользуетъ.*

Се азъ Павелъ глаголю вамъ. Хочетъ сказать рѣшительное и вмѣстѣ авторитетное слово, изречь окончательный приговоръ. Въ началѣ посланія сказалъ уже св. Павелъ, что онъ отъ Самого Бога Отца и Господа Іисуса Христа поставленъ Апостоломъ—возвѣщать народамъ истину Божію. На это и наводятъ слова сіи, и должны были расположить Галатовъ принять слѣдующее за симъ рѣшеніе, „не какъ Павлово, а какъ Самого Господа. Ибо Господь Самъ опредѣлилъ: *слушаяй васъ Мене слушаетъ* (Лук. 10, 16). И самъ Павелъ сознавалъ, что въ немъ не только живетъ, но и глаголетъ Христосъ (2 Кор. 13, 3). Потому этотъ оборотъ рѣчи будетъ соотвѣтствовать пророческому: *тако* или *сія глаголетъ Господь*“ (Іеронимъ сокращенно).

Какое же издаетъ онъ рѣшеніе? Если станете обрѣзываться, то Христосъ вамъ не будетъ въ пользу, т.-е. то, что вы называетесь вѣрующими во Христа, христіанами, ни къ чему вамъ не послужитъ. Смягчаетъ приговоръ. Говоритъ только: не получите того, что чаете получить; но въ существѣ дѣла это тоже, что вы погибли. Ибо отъ Христа получается спасеніе. Если не попользуетъ обрѣзающихся Христосъ; значитъ—не подастъ имъ спасенія. Слѣдовательно они останутся въ тойже пагубѣ, въ которой пребываютъ и всѣ, сущіе внѣ Христа Спасителя.

Лжеучители вѣрно натолковали Галатамъ, какъ прежде

толковали Антіохійцамъ: не спасетесь, если не обрѣжетесь (Дѣян. 15, 1). Прямо противъ этого Апостолъ полагаетъ свое Апостольское опредѣленіе: я же, какъ Апостолъ, именемъ Господа, давшаго мнѣ власть и силу истину Его возвѣщать, говорю, что если обрѣжетесь, то вы погибли. Обрѣзаніе одно выставляетъ ради того, что оно начало; за нимъ уже необходимо послѣдуетъ и все прочее, какъ объясняетъ и слѣдующій третій стихъ, нарочно для того поставленный. И ради того помянулъ объ обрѣзаніи скорѣе, чтобы предостеречь отъ него. Галаты кое-что изъ іудейства уже приняли, но еще не обрѣзывались. Допусти только они обрѣзаніе, то уже неизбѣжно вплетутся и во все прочее, станутъ полными іудеями. Видя, что такая бѣда предлежитъ, но они еще не вверглись въ нее, Апостолъ поскорѣе и кричитъ какъ-бы имъ: не обрѣзывайтесь, не обрѣзывайтесь; а то пропадете.

Если обрѣжетесь, Христосъ васъ нисколько не попользуетъ. Которые ко Христу прилѣпляются, какъ къ Единому Спасителю, тѣ спасаются несомнѣнно. И вы хорошо сдѣлали, что къ Нему прибѣгли; но если обрѣжетесь, никакой уже не будетъ вамъ пользы отъ Христа. Обрѣзаніе уничтожитъ благо, получаемое во Христѣ и вами полученное. Все, что вы чаяли получить во Христѣ и дѣйствительно получили, тотчасъ исчезнетъ, какъ только обрѣжетесь. Нѣтъ общенія: или Христосъ и спасеніе, или обрѣзаніе и древняя пагуба, въ которой вы и были. Тѣ толковали: вѣруйте и во Христа, но главное—обрѣзывайтесь. Апостолъ говоритъ: нѣтъ, ужъ обрѣзанію тамъ не мѣсто, гдѣ Христосъ; и спасительность Христова не входитъ въ тѣхъ, кои полагаются на обрѣзаніе.

Обрѣзаніе прежде служило печатію избранія Божія, а теперь стало причиною отверженія. И у лекарей есть

составы, которые въ одно время (въ болѣзни) здоровье приносятъ; а въ другое (когда здоровъ кто) разстраиваютъ его. Тоже и съ обрѣзаніемъ сталось: прежде пришествія Господа на землю оно хорошо было, а послѣ сего снисхожденія оно стало вредно. Не само по себѣ оно таково, а по тѣмъ надеждамъ, какія съ нимъ соединяютъ. Когда полагаются на обрѣзаніе, вѣря, что какъ скоро обрѣзались, то и въ число спасаемыхъ попали; то тоже дѣлаютъ, что на трость сокрушенную опираются, которая ломается, при маломъ на нее напорѣ и ранитъ руку опершагося на нее. Если при Христѣ нужно еще обрѣзаніе, то значитъ, по ихъ убѣжденію, Христосъ—не полный и не единый Спаситель. Эта скудость убѣжденія отъ скудости вѣры. Вѣра же оскудѣвшая опустошаетъ душу отъ всѣхъ благодатей, ниспосланныхъ въ нее по вѣрѣ во Христа Господа.

„Не пользуетъ Христосъ обрѣзающихся, если они въ обрѣзаніи полагаютъ надежду спасенія“ (Августинъ). „Обрѣзающійся (въ этомъ духѣ) уничижаетъ благодать Христову, вѣруя спастися отъ закона. Кто же во Христа не вѣруетъ (полно), такой и спасеніе отъ Него получить не можетъ“ (Экум.). „Потому что такой отметаетъ благодать и прибѣгаетъ къ закону, какъ къ благодѣтелю; а Христу совсѣмъ не вѣритъ, какъ будто Онъ совсѣмъ не облагодѣтельствовалъ его. Невѣрующій же ничего и не получитъ отъ Того, въ Кого онъ не вѣруетъ“ (Ѳеоф.).

„Смотри, взываетъ св. Златоустъ, какая угрожаетъ опасность! Посему справедливо онъ анаѳематствовалъ и самыхъ Ангеловъ (1, 8). Какимъ же образомъ *Христосъ* имъ *ничтоже пользуетъ*? Этого онъ не сталъ доказывать, а просто сказалъ, потому что достоинство его лица убѣдительнѣе всякаго другаго доказательства. Для чего предварительно и сказалъ: *се азъ Павелъ глаголю вамъ.* Ибо

такъ говорить свойственно увѣренному въ расположеніи къ себѣ тѣхъ, къ кому говоритъ. Но мы по возможности отъ себя предложимъ нѣчто въ объясненіе того, почему Христосъ нисколько не пользуетъ обрѣзающемуся. Обрѣзывающійся обрѣзывается какъ-бы боясь закона; а боящійся закона не вѣритъ силѣ благодати; а не вѣрующій не получаетъ никакой пользы отъ благодати, которой онъ не вѣритъ. Еще, кто обрѣзывается, тотъ дѣлаетъ законъ господиномъ надъ собою; а кто считаетъ господиномъ надъ собою законъ, хотя большую часть его нарушаетъ, соблюдая только меньшую, тотъ опять подвергаетъ себя проклятію; подвергаясь же проклятію и отвергая свободу отъ проклятія, приносимую вѣрою, какъ можно спастись? И даже можно сказать, хотя и страшно, что таковый не вѣруетъ ни во Христа, ни въ законъ, и сталъ по рединѣ между тѣмъ и другимъ, и желая пріобрѣсть пользу и тамъ и здѣсь, ни откуда ничего не получитъ."

Въ этомъ (2) стихѣ главная мысль Апостола выражена достаточно ясно. Слѣдующіе два стиха (3. 4) только пространнѣе выражаютъ сказанное здѣсь. Стихъ третій показываетъ, какъ широки послѣдствія обрѣзанія; а четвертый подробнѣе сказываетъ, какъ обрѣзанный лишается спасительности Христовой.

Ст. 3. *Свидѣтельствую же паки всякому человѣку обрѣзающемуся, яко долженъ есть весь законъ творити.*

Когда обрѣзался, то уже и весь законъ исполняй. Ибо обрѣзаніе есть дверь въ подзаконность, есть обязательство ко всему закону. Это ясно само собою и было извѣстно всѣмъ. Но для чего св. Павелъ говоритъ это здѣсь, и притомъ съ такимъ напряженіемъ: *свидѣтельствую же паки*, т.-е. я, Павелъ, съ тою же опять Апостольскою властію утверждаю? *Или* для того, чтобъ объяснить, что обрѣзаться конечно не такъ труд-

но; но когда обрѣжешься, то уже и весь законъ исполняй, а его исполнить ни мы, ни отцы наши не могли; кто же не исполняетъ всего закона подъ клятвою есть (Гал. 3, 10). Такимъ образомъ чрезъ обрѣзаніе пойдете вы прямо подъ клятву, и вмѣсто пользы получите отъ него пагубу. *Или* можетъ быть для того, чтобъ противопоставить эту истину увѣреніямъ лжеучителей, которые, можетъ быть, говорили: вы только обрѣжьтесь, а прочее все можно и оставлять, какъ и мы сами не все исполняемъ (укоряетъ ихъ въ этомъ св. Павелъ: Гал. 6, 13). Нѣтъ, говоритъ противъ этого св. Апостолъ: это не такъ. Кто обрѣзывается, кто бы онъ ни былъ,— не Іудей только, но и язычникъ, всякій человѣкъ непремѣнно долженъ исполнять весь законъ. Такъ постановлено въ самомъ законѣ; на томъ онъ стоитъ. Если тѣ иначе вамъ толкуютъ, то затѣмъ, чтобъ обмануть васъ; они лгутъ и скрываютъ истину. Да и само обрѣзаніе, одно, для совершенія своего, сколько требуетъ? И особаго дня, и омовеній, и жертвъ, и особаго чина дѣйствованія, и іерея совершающаго его. Это предостереженіе нужно было выставить св. Павлу изъ опасенія, не увлекла бы Галатовъ малость дѣла. Могли подумать: не велико дѣло,—обрѣжемся. Обрѣзаться, говоритъ какъ бы имъ Апостолъ, точно не великое само по себѣ дѣло, но смотрите, къ чему оно поведетъ. Къ полному іудейству, а іудейству рѣшительный конецъ положенъ пришествіемъ Христовымъ.

Св. Златоустъ говоритъ на это мѣсто: „сказавъ: ничтоже *пользуетъ*, далѣе, хотя не прямое и краткое, приводитъ на то доказательство, говоря такъ: *свидѣтельствую*... и проч. Дабы ты не подумалъ, что сіе сказано по непріязненному расположенію; то не вамъ только, говоритъ, свидѣтельствую сіе, но *и всякому обрѣзывающемуся*, *яко долженъ есть весь законъ творити.*

Ибо заповѣди закона тѣсно между собою соединены. И какъ тотъ, кто, бывъ свободнымъ, отдался въ рабство, дѣлаетъ уже не то, что хочетъ, но подчиняется всѣмъ законамъ рабства: тоже должно сказать и въ отношеніи къ закону. Если ты хотя одну часть его примешь, и хотя нѣсколько покоришься игу его; то чрезъ сіе привлечешь на себя всю его власть.—И не симъ только образомъ, но и другимъ еще можно доказывать истину сказаннаго о законѣ. Заповѣди закона связаны между собою. Напримѣръ, съ обрѣзаніемъ соединено жертвоприношеніе и наблюденіе дней; жертвоприношеніе тоже связано съ наблюденіемъ дней и мѣста; мѣсто съ различными видами очищенія; очищенія неразлучны съ множествомъ различныхъ обрядовъ; а нечистому не позволяется ни приносить жертвы, ни входить въ священныя мѣста, ни другое что подобное дѣлать. Такимъ образомъ законъ для одной заповѣди требуетъ многаго. Такъ, если ты обрѣзался, но не въ осьмой день, или и въ осьмой день, но безъ жертвоприношенія, или и съ жертвоприношеніемъ, но не на томъ мѣстѣ, которое опредѣлено, и не по предписаніямъ закона, или и согласно съ предписаніями закона, но нечистый, или чистый, но очистился не установленными обрядами: то всѣ оные труды твои пропали. Посему и говоритъ: *долженъ есть весь законъ творити,* т.-е. не часть закона, но весь законъ; а если онъ не господствуетъ уже, то не нужно и части.“

Ст. 4. *Упразднистеся отъ Христа, иже закономъ оправдаетеся, отъ благодати отпадосте.*

Объясняется здѣсь, какъ *Христосъ ничтоже пользуетъ* держащихся закона,—съ усиленіемъ. Не пользуетъ, потому что отходитъ отъ васъ и васъ оставляетъ праздными, пустыми. Условіе общенія Христа Спасителя съ душами—вѣра, выражающаяся въ такихъ расположе-

ніяхъ: я по винѣ своей погибаю и нѣтъ мнѣ иной надежды спасенія, кромѣ Единаго Тебя, Бога воплотившагося и распеньшагося насъ ради; къ Тебѣ убо прибѣгаю и прилѣпляюсь всѣми помышленіями и чувствами и расположеніями: спаси и меня, Единый Спаситель всѣхъ. Прибѣгающій такъ къ Господу, пріемлется Имъ, и въ крещеніи получаетъ благодать возрожденія и силу на новую во Христѣ жизнь. Продолжающееся прилѣпленіе къ Господу и на Него Единаго надежды возложеніе поддерживаетъ и хранитъ такую жизнь, — и христіанинъ течетъ такимъ образомъ по намѣренному, пока прейдетъ отъ смерти въ животъ и увѣнчается вѣнцемъ правды. Въ этомъ порядкѣ ни прибавить, ни убавить ничего нельзя, не разстроивши всего. Но главное тутъ—упованіе спасенія единственно во Христѣ Іисусѣ Господѣ. Это сердце христіанства. Кто его поражаетъ, тотъ жизнь во Христѣ прекращаетъ. Въ томъ только и Христосъ Господь, кто таковъ. Въ комъ слабѣетъ упованіе только на Господа, въ томъ ослабляется союзъ съ Господомъ. Кто опрется упованіемъ на другомъ еще чемъ, кромѣ Его, отъ того Онъ отходитъ, какъ ненужный, не требуемый нуждами и воздыханіями сокрушеннаго сердца. Вотъ эта бѣда и случилась съ Галатами. Они еще не обрѣзались и не связались съ закономъ, но воля ихъ уже склонилась на то (Августинъ) и упованіе спасенія только въ Господѣ разшаталось. За то отступилъ отъ нихъ Господь. *Упраздниcтеся*, говоритъ, *отъ Христа*, опорожнены Имъ, стали пусты, нѣтъ Его болѣе въ васъ. Судъ Божій не коснитъ. Дѣла еще не послѣдовало, только внутренно въ мысляхъ сложились они іудействовать; а приговоръ Божій уже состоялся о нихъ, и наказаніе дѣломъ произведено: Христосъ отступилъ отъ нихъ. Или тутъ Апостолъ выражаетъ общее только положеніе, что тѣ, ко-

торые ищутъ оправданія въ законѣ, упраздняются отъ Христа, угрожая, что и съ ними тоже самое будетъ, если опрутся надеждами своими на законъ.

Отъ благодати отпадосте. Это можно считать и слѣдствіемъ и причиною предыдущаго. Отступилъ отъ васъ Христосъ, прежде исполнявшій и державшій васъ; и вы остались безъ Него; отпали отъ Него и всей благодати, въ Немъ даруемой. Или такъ: поелику вы отпали упованіемъ отъ благодати и стали надѣяться получить спасеніе помимо ея, то Христосъ и отступилъ отъ васъ: ибо въ Немъ вся благодать.

Благодать—или Божіе благоволеніе, Коимъ изливается на вѣрующаго все потребное къ его спасенію, или самая сія сила во спасеніе, ниспосылаемая въ сердце и содѣвающая тамъ спасительный строй и поддерживающая его. То и другое неразлучно въ дѣйствительности; и то и другое—въ Единомъ Господѣ Іисусѣ Христѣ. То и другое теряетъ, кто упразднился отъ Христа. Тѣмъ, что возуповали на законъ, Галаты внутренно отпали отъ благодати, отъ того закона спасенія, по коему оно дается только уповающимъ на Божіе во Христѣ Іисусѣ благоволеніе; вслѣдствіе сего само благоволеніе взялось отъ нихъ, а съ нимъ и силы во спасеніе—и остались они не при чемъ. „Симъ показываетъ Апостолъ крайнюю опасность ихъ положенія. Если прибѣгающій къ закону не находитъ въ немъ спасенія, и между тѣмъ отпадаетъ отъ благодати, то что ему остается, кромѣ неизбѣжнаго наказанія, когда законъ не имѣетъ силы, а благодать не пріемлетъ его?“ (св. Златоустъ).

Ст. 5. *Мы бо Духомъ отъ вѣры упованія правды ждемъ.*

Давъ Галатамъ увидѣть опасность ихъ положенія, указываетъ теперь, какъ избыть отъ ней. Недовольно было сказать: видите, пожаръ кругомъ; или корабль вашъ разбивается; надлежало показать и окно, куда броситься

отъ пожара, или спасительную ладью и пристань, гдѣ спастись отъ потопленія. Это и дѣлаетъ Апостолъ означенными словами. Въ такое отношеніе поставляетъ сей стихъ къ предыдущимъ св. Златоустъ. „Усиливъ такимъ образомъ (т.-е. словами: *упразднистеся отъ Христа, отъ благодати отпадосте*) въ нихъ страхъ, поколебавши ихъ мысли, и указавъ на угрожающее кораблекрушеніе, потомъ открываетъ имъ близкую къ нимъ пристань благодати, какъ онъ и всегда дѣлаетъ, обѣщая здѣсь вѣрнѣйшее и надежнѣйшее спасеніе: *мы бо,* говоритъ, *Духомъ отъ вѣры упованія правды ждемъ.* Т.-е. мы не имѣемъ нужды ни въ какихъ постановленіяхъ и обрядахъ закона; ибо вѣра достаточна для того, чтобы сообщить намъ Духа, а чрезъ Него оправданіе и другія многія и великія блага.“

Но можно видѣть въ этихъ словахъ и причину строгости высказаннаго приговора. Такъ случилось или случится съ вами (т.-е. что вы лишаетесь или лишитесь благодати и Христа), потому что чрезъ склоненіе къ закону вы перестаете быть тѣмъ, чѣмъ должны быть. Ибо *мы*, истинные христіане, христіане по идеѣ христіанства, вотъ что есмы, вотъ на чемъ опираемся надеждами. И вы вступили въ общество христіанъ; и вы таковы же должны быть. Пока вы таковы, состоите причастными и всѣхъ благъ истиннаго христіанства; перестаете быть такими, лишаетесь всего.

Каковы же мы есмы или должны быть по идеѣ христіанства? Мы ни на чемъ не опираемся надеждою, ни на чемъ не основываемъ своего спасенія, какъ на вѣрѣ въ Господа Спасителя, насъ ради воплотившагося и пострадавшаго, Который за вѣру чрезъ св. таинства ниспосылаетъ намъ благодать Св. Духа, содѣлывающую насъ правыми, святыми, Богоугодными и вѣчнаго блаженства достойными.

Слова: *упованія ждемъ*, не на будущее указываютъ, а на настоящее искомое, и значатъ: несомнѣнно увѣрены, что получимъ. Эта несомнѣнная увѣренность лежитъ въ основѣ жизни о Христѣ, какъ у торгующаго увѣренность въ дѣльности его оборотовъ—въ основѣ его хлопотъ по торговлѣ. И истинно такъ уповающій есть обрѣтшій сокровище, сокрытое на селѣ, или бисеръ многоцѣнный. — Въ чемъ онъ несомнѣнно увѣренъ? Въ томъ, что спасется. Ибо упованіе правды есть упованіе праведности, Богоугожденія, святости и спасенія. Какія производительныя силы сего въ насъ и для насъ блага? — Вѣра и благодать Духа, какъ указываютъ слова: *Духомъ отъ вѣры* ждемъ спасенія. Вѣра отъ насъ, Духъ благодати отъ Бога; небесное и земное, естественное и сверхъестественное, сочетаваясь вмѣстѣ непостижимымъ для насъ образомъ, дѣлаютъ насъ правыми предъ Богомъ, Богоугодными, спасенными. Ѳеофилактъ говоритъ: „Необходимо, чтобъ предшествовала вѣра; потомъ наитіемъ Св. Духа въ крещеніи получается очищеніе грѣховъ и новая жизнь.“ „Хорошо положено, прибавляетъ Экуменій, *отъ вѣры*. Ибо намъ должно привнесть свою вѣру, и такимъ образомъ чрезъ посредство Духа получить оправданіе и спасеніе.“

Западные древніе толковники видятъ сверхъ того въ словѣ *духомъ* противоположность духа буквѣ, и духовнаго служенія служенію стихійному, плотскому. Блаженный Іеронимъ пишетъ: „слово *духъ* положено здѣсь, какъ противоположность буквѣ.“ Блаженный Августинъ: „на духовномъ служеніи опираются надежды наши, а не на плотскомъ.“ Амвросіастъ: „въ вѣрѣ духовно Богу служимъ благоговѣніемъ ума и чистотою сердца. Почему сказалъ Господь Самарянкѣ: *Духъ есть Богъ, и иже кланяется Ему, духомъ и истиною достоитъ кланятися.*“ Такая мысль не противна теченію рѣчи Апостола. Впе-

реди говорилъ онъ, что Галаты уклоняются къ закону, который заповѣдуетъ стихійное, плотское служеніе; и за это лишаются благодати и Христа. Теперь говоритъ: и справедливо; ибо мы, истинные христіане, духовно служа Богу, внутренними расположеніями и движеніями сердца и рѣшимостями воли, несомнѣнно уповаемъ спасены быть. Но это пониманіе легко соединено можетъ быть съ предыдущимъ, потому что духовное служеніе Богу невозможно иначе, какъ подъ дѣйствіемъ благодати Св. Духа.

Ст. 6. *О Христѣ бо Іисусѣ ни обрѣзаніе что можетъ, ни необрѣзаніе, но вѣра любовію споспѣшествуема.*

Продолженіе предыдущей мысли и точнѣйшее опредѣленіе сущности христіанства. Будто слышитъ св. Павелъ, ищущій вразумленія, вопросъ Галатовъ, въ чемъ же состоитъ это духовное Богу служеніе, противоположное стихійному служенію подзаконному, или въ чемъ состоитъ то внутреннее настроеніе, которое ради вѣры благодатію Св. Духа созидается въ духѣ христіанина. И отвѣчаетъ: въ вѣрѣ, любовію споспѣшествуемой. Имѣй это, и ты спасенъ. Ни о чемъ другомъ не заботься: не думай, что ты ближе ко Христу Господу, будучи обрѣзанъ (прежде т.-е. вѣры); и не смущайся, будто недостаетъ тебѣ чего, потому что ты необрѣзанъ былъ. И то и другое предъ лицемъ Господа не имѣетъ никакого значенія, никакой цѣны и никакого вѣса не даетъ Онъ ни тому, ни другому. Не благоволительнѣе приближается Онъ къ обрѣзанному, поколику онъ обрѣзанъ, и не отвращаетъ лица Своего отъ необрѣзаннаго, поколику онъ необрѣзанъ. У Него все рѣшаетъ вѣра въ связи съ любовію. Вы приступили къ Господу, просвѣтились св. крещеніемъ, приняли залогъ Духа, васъ созидающаго: храните теперь вѣру и живите въ любви, — вотъ и все, что отъ васъ требуется. Этимъ путемъ достигнете благополучно конца жизни и перейдете къ Господу, чтобъ вселясь въ оби-

теляхъ Его, вѣчно съ Нимъ блаженствовать. Зачѣмъ вамъ вязать себя этими уставами подзаконной жизни? Все прочь. Духомъ служите Богу и духовно угождайте Ему, не опутываясь ничѣмъ внѣшнимъ. Въ христіанинѣ, Духомъ Божіимъ созидаемомъ, все исходитъ изъ сердца, полнаго вѣры дышащаго любовію. Внутреннее сіе необходимо выражается и вовнѣ; но это внѣшнее само по себѣ ничто предъ Богомъ. Цѣна его отъ того духа, съ какимъ совершается; такъ что, если взять всю жизнь въ совокупности, то, имѣй ты одно внутреннее, при невозможности соотвѣтственно ему дѣйствовать и вовнѣ, ты все имѣешь; имѣй ты одно внѣшнее, по обычаю или подражанію, безъ внутренняго, ты ничего не имѣешь. Все твое внѣшнее, какъ бы оно на видъ ни было взрачно, ничтоже можетъ во Христѣ Іисусѣ.

Такъ вотъ кто избранникъ Христовъ, вотъ кто Божій угодникъ во Христѣ Іисусѣ: кто полонъ вѣры и дышетъ любовію. А обрѣзаніе и необрѣзаніе тутъ ничто. Св. Златоустъ говоритъ: „Смотри, какъ онъ отвергъ обрѣзаніе, поставивъ его на ряду съ необрѣзаніемъ. Ибо различіе дѣлаетъ только вѣра. Если кто набираетъ борцевъ, то будутъ ли они черные или бѣлые, все это не дѣлаетъ никакого различія при выборѣ; но надобно искать въ нихъ того, чтобы они были сильны и опытны въ своемъ дѣлѣ. Такъ и желающему вступить въ Новый Завѣтъ нисколько не вредитъ то, что онъ не соблюлъ всѣхъ оныхъ тѣлесныхъ обрядовъ; равно не принесетъ никакой пользы и то, если соблюлъ оные. Здѣсь все рѣшаетъ вѣра съ любовію.“

Вѣра любовію поспѣшествуема—ἐνεργουμένη. Это слово можетъ значить *дѣйствующия и воздѣйствуемая*. Первое значеніе даетъ ту мысль, что вѣра приводитъ къ любви, возбуждаетъ и оживляетъ ее; а второе—ту, что вѣра возбуждается и оживотворяется любовію. То и

другое показываетъ, что вѣра и любовь въ жизни христіанина неразлучны. Любовь въ вѣрѣ, вѣра въ любви находятъ оживительныя начала. Слыша Евангеліе, вѣруютъ въ Господа; увѣровавъ, возлюбляютъ Его и всѣхъ ради Его; возлюбивши же, паче вѣруютъ и утверждаются въ вѣрѣ; вѣра усиленная въ свою очередь возвышаетъ любовь. Такъ и спѣется жизнь христіанина. Съ момента раздѣленія ихъ начнетъ угасать истинная жизнь; а съ совершеннымъ раздѣленіемъ и жизнь совсѣмъ замираетъ. Христіанинъ остается только именемъ христіанинъ и внѣшними нѣкоторыми дѣлами; на дѣлѣ же онъ сталъ Іудей, чающій оправдитися внѣшнимъ принадлежаніемъ къ Церкви Божіей.

Экуменій пишетъ: „не довольно только вѣровать во Христа, но необходимо, чтобы вѣра сія была воздѣйствуема, хранима и какъ бы возгрѣваема любовію ко Христу. Которые вѣруютъ во Христа, но неисполнены любви къ Нему, тѣ переходятъ къ закону“ (можно и такъ: становятся въ чинъ подзаконниковъ).

Къ кому любовь здѣсь разумѣется? Какъ не прибавлено—къ кому, то надо разумѣть любовь и къ Господу, и къ собратіямъ христіанамъ. Духомъ благодати по вѣрѣ сочетаваясь съ Господомъ, христіанинъ почерпаетъ изъ Него полноту любви, которая, по природѣ своей требуя изліянія, вся исходитъ на сочленовъ единаго во Христѣ тѣла, братскаго общества христіанскаго, съ самозабвеніемъ, или отверженіемъ себя. Все тутъ само собою созидается и сочетавается. Не предписанія внѣшнія заставляютъ, а духъ жизни о Христѣ Іисусѣ таковъ.

Св. Златоустъ говоритъ только о любви ко Христу: „Что значитъ: *любовію споспѣшествуема?* Сими словами Апостолъ сильно уязвляетъ ихъ, показывая, что сіе уклоненіе ихъ отъ истины произошло отъ того, что они не утвердились еще въ любви ко Христу. Ибо здѣсь не вѣра

только требуется, но и пребываніе въ любви. Какъ бы такъ онъ сказалъ: еслибы вы любили Христа, какъ должно, то не уклонились бы къ рабству, не оставили бы Искупителя, не поругались бы Освободителю.“ Блаженный Ѳеофилактъ указываетъ и на любовь къ ближнимъ. „Или Апостолъ внушаетъ имъ и любовь къ ближнимъ, говоря какъ бы: познайте, что вѣра дѣйствуется любовію, т.-е. оказывается живою чрезъ любовь. Вѣра же, не имѣющая любви, бездѣйственна есть. Одинаково это съ словами: *вѣра безъ дѣлъ мертва есть*“ (Іак. 2, 26). А блаженный Іеронимъ подъ любовію разумѣетъ всю совокупность добродѣтелей. „Хотящіе во Христѣ жить должны взыскать всѣ добродѣтели и бѣгать всѣхъ пороковъ. Апостолъ Павелъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *еже бо: не прелюбы сотвориши, не убіеши, не украдеши, не лжесвидѣтельствуеши, не похощеши: и аще кая ина заповѣдь, въ семъ словеси совершается, во еже: возлюбиши искренняго твоего, яко самъ себе* (Рим. 13, 9). Итакъ, если всѣ заповѣди совмѣщаются въ одной: *возлюбиши искренняго твоего, яко самъ себе*, то вставивъ это понятіе въ слова — *вѣра любовію споспѣшествуема*, ясно увидимъ, что это споспѣшествованіе вѣрѣ любовію обнимаетъ полноту всѣхъ заповѣдей. И наоборотъ, какъ по Апостолу Іакову, вѣра безъ дѣлъ мертва есть, такъ и добрыя дѣла безъ вѣры должны быть почитаемы мертвыми. Невѣрующіе во Христа, но добрые по нравамъ, что имѣютъ, кромѣ дѣлъ добродѣтелей? (т.-е. слѣд. они ничто предъ Господомъ, яко невѣрующіе). Примѣръ вѣры, дѣйствующей любовію, представляетъ Евангельская блудница, о которой когда она въ домѣ фарисея слезами омыла ноги Господа и отерши власами помазала мѵромъ, Господь сказалъ: *оставляются грѣси ея мнози, яко возлюби много*. Ей же самой приговорилъ: *вѣра твоя спасе тя, иди въ миръ* (Лук. 7, 47—50). Очевидно этимъ по-

казывается, что жена та имѣла вѣру, любовію споспѣшествуемую: что только и имѣетъ цѣну во Христѣ Іисусѣ.“

в).

Неизбѣжность извѣстнаго рода дѣйствованія нудитъ рѣшаться на него, сколь бы трудно оно ни было. Но если при этомъ выяснено будетъ, что оно очень легко и подручно намъ, то рѣшимость на него бываетъ тѣмъ скорѣе и живѣе. Эту подручность дѣла, при нравственныхъ необходимостяхъ, необходимо выяснять, потому что нравственная необходимость, хотя и сознана бываетъ, дѣйствуетъ однако не такъ рѣшительно и неотразимо, какъ физическая. При ней все еще остается мѣсто раздумываніямъ. Св. Павелъ приступаетъ теперь къ сему пріему. Онъ говоритъ какъ-бы здѣсь: видите, какъ необходимо бросить вамъ законъ и не касаться болѣе его: рѣшайтесь же. Рѣшайтесь тѣмъ охотнѣе, что для васъ при этомъ не предстоитъ никакихъ почти жертвъ. Вы начали жизнь во Христѣ безъ связи съ закономъ; слѣдовательно знаете эту свободную отъ закона жизнь. Что вамъ стоитъ возвратиться къ ней, возставивъ прежнія убѣжденія свои? (ст. 7. 8). Вы еще не успѣли запутаться много. Кое-что только приняли. Но это кое-что сколько опасно оставлять,—ибо оно все портитъ,—столько же легко бросить, потому самому, что его мало, и оно же малозначительно (ст. 9). Ктому же я, вѣдь знаю васъ, знаю живость вашихъ нравственно-религіозныхъ чувствъ и готовность на все истинное и доброе. Стоитъ только указать вамъ прямой путь, и вы уже готовы на него. Поэтому я увѣренъ, что вы бросите ложныя мысли и будете строго держаться изложенныхъ мною истинъ (ст. 10). Васъ сбиваютъ увѣряя, будто я обрѣзаніе проповѣдую. Не проповѣдую; ибо иначе за что же я гонимъ? О когда бы

отсѣчены были эти соблазнители отъ васъ! (ст. 11. 12). Въ этомъ окончательное средство къ ихъ успокоенію и обезопасенію на будущее время.

Ст. 7. *Течасте добрѣ: кто вамъ возбрани не покарятися истинѣ?*

Должное теченіе жизни во Христѣ Іисусѣ указано предъ симъ. Этимъ путемъ, говоритъ, и вы шли, и не шли только, но текли, шли быстро, чѣмъ означается ревность и усердіе къ предъизображенному порядку жизни, и вмѣстѣ успѣхи въ ней прочные и явные. „Покланялись вы Отцу въ духѣ и истинѣ, и отъ полноты Христовой пріявши, знали, что законъ данъ только былъ народу чрезъ Моисея, а не исполненъ. Благодать же и истина не дана только, но и совершена Іисусъ-Христомъ. Итакъ, когда вы такъ хорошо текли, служа истинѣ паче нежели образамъ истины, какимъ развратнымъ учителемъ воспящены будучи, начали слѣдовать за тѣнію закона, и оставили истину Евангелія?" (Іеронимъ).

Кто вамъ возбрани? Изумляется будто, какъ въ началѣ дивился, что скоро прелагаются (1, 6. 7). *Возбрани*— ἐνέκοψε пресѣкъ путь вашъ, или подсѣкъ васъ текущихъ. *Не покарятися истинѣ*, τῇ ἀληθείᾳ μὴ πείθεσθαι, — не вѣрить болѣе истинѣ, не держать прежнихъ въ ней убѣжденій, не стоять въ ней съ твердымъ непоколебимымъ постоянствомъ? „Это слова не вопрошающаго, а недоумѣвающаго и скорбящаго. Какъ оставлено такое шествіе? Кто имѣлъ столько силы? Вы, которые были выше всѣхъ и на степени учителей, не остались даже и на степени учениковъ. Какъ это случилось? Кто былъ такъ силенъ? Это голосъ болѣе недоумѣвающаго и скорбящаго, который и выше онъ выражалъ подобными словами: *кто вы прельстилъ есть* (—3, 1)?" (св. Злат.).

Слово: *кто вамъ возбрани* — не эту одну мысль объ изумленіи Апостола можетъ подавать. Амвростіастъ ви-

дить въ немъ убѣжденіе, чтобъ раскаялись и не вѣрили болѣе никому изъ тѣхъ, кои будутъ склонять ихъ на дѣла закона, въ противность Евангельской истинѣ. Въ самомъ дѣлѣ, Апостолъ зналъ, кто возбрани; знали конечно и Галаты. Зачѣмъ же вопросъ? Чтобъ внушить мысль о ничтожности этихъ возбранителей. Что за важныя лица? Стоило слушать ихъ, и изъ-за нихъ мѣнять воспринятыя и въ дѣло вошедшія убѣжденія? А если не стоило, то, понявши дѣло по моему разъясненію, надо отвратиться отъ нихъ и возстановить прежнія убѣжденія: что конечно для васъ не составитъ труда.

Думается, что прямѣе въ этомъ вопросѣ та же мысль, какъ въ обычномъ у насъ: а кто тутъ виноватъ? Кто виноватъ, что вы остановились,—перемѣнили, или помутили прежнія убѣжденія, и пошли на перекоръ истинѣ? Никто не виноватъ. Сами вы убѣдились въ истинѣ, сами измѣнили тѣмъ убѣжденіямъ. Самимъ же вамъ предлежитъ теперь и возвратиться къ нимъ. Ибо убѣжденіе никто навязать не можетъ насильно. Убѣждающіе предлагаютъ, разъясняютъ, склоняютъ, но самое убѣжденіе и склоненіе не отъ нихъ. Оно дѣло свободы. Прежнее ваше убѣжденіе развѣ отъ Призвавшаго было (ст. 8)? Нѣтъ, Онъ призвалъ; вы убѣдились и согласились послѣдовать истинѣ. А потомъ разубѣдились, и пошли инуды. Если такимъ образомъ въ этомъ дѣлѣ все отъ васъ, то что можетъ задерживать васъ во лжи? Бросьте ее, и возвратитесь къ истинѣ. Возстановите прежнія убѣжденія, и опять начинайте тещи тѣмъ же путемъ уже испытаннымъ. Течасте добрѣ: что мѣшаетъ вамъ опять вступить въ то же доброе теченіе?

Ст. 8. *Препрѣніе не отъ Призвавшаго вы.*

Препрѣніе,—πεισμονη, значитъ убѣжденіе, въ соотвѣтствіи непосредственно предшествующему μὴ πείθεσθαι... не выдержать убѣжденія, не продолжать питать убѣжде-

ніе—мысль такая: убѣжденіе не отъ Призвавшаго васъ, не отъ Бога, Который призвалъ васъ во благодать Свою. Блаж. Іеронимъ пишетъ: „(въ обращеніи), иное есть дѣло Божіе, а иное дѣло самихъ людей. Божіе дѣло есть призвать; дѣло людей—повѣрить или не повѣрить. Въ добрую или худую сторону склоняемся, причина тому не Богъ и не діаволъ. Убѣжденіе наше всегда не отъ того, кто зоветъ, но отъ насъ, которые сами собою соглашаемся, или не соглашаемся съ зовущимъ."

Поелику убѣжденіе поставляется здѣсь въ соотношеніе съ призывающимъ Богомъ, то подъ нимъ слѣдуетъ разумѣть убѣжденіе въ истинѣ Евангельской; а не это пришедшее послѣ ложное убѣжденіе въ значеніи закона въ дѣлѣ спасенія. Апостолъ хочетъ внушить Галатамъ: вѣдь вы были же убѣждены въ истинѣ Евангельской? Не насильственно было оно навязано вамъ. Богъ послалъ меня къ вамъ; я предложилъ вамъ проповѣдь Евангелія, вы вняли, соображали и убѣдились. Это было дѣломъ вашей свободы. Убѣжденіе не отъ Призвавшаго васъ.

Что же изъ этого слѣдовало? Слѣдовало: сами вы убѣдились въ истинѣ; сами пошатнулись въ семъ убѣжденіи; сами же теперь и воротитесь къ нему. Никакого труда, ни помѣхи къ тому нѣтъ. Бросьте новую ложь, возьмите прежнюю истину вполнѣ, какъ она есть и вамъ преподана; она вамъ вѣдома, извѣданы и убѣжденія въ ней. Поворотъ легокъ. Эта мысль проглядываетъ у св. Златоуста, который говоритъ: „Призвавшій васъ не для того призвалъ, чтобы вы такъ колебались, — не далъ вамъ заповѣди іудействовать."

Ст. 9. *Малъ квасъ все смѣшеніе квиситъ.*

На укоръ Апостола: были же вы убѣждены, зачѣмъ перемѣнили убѣжденія? Воротитесь къ прежнему—Галаты могли сказать: да мы и теперь убѣждены, а то, что, послушавъ другихъ, приняли кое-что іудейское, велико-ли?

Такъ мало, что и говорить о томъ не стоитъ. Апостолъ на это и отвѣчаетъ: малъ квасъ все тѣсто заквашиваетъ. Не много іудейскаго приняли, но все оквасили іудействомъ, повредили цѣлость вѣры, и она уже не можетъ приносить вамъ всей спасительности. Ктому же это не многое поведетъ къ большему и втянетъ васъ въ іудейство во всей его широтѣ. Зло заразительно. Св. Златоустъ говоритъ на это: „чтобъ кто не сказалъ: зачѣмъ ты такъ преувеличиваешь дѣло, и столь тяжкимъ представляешь его? Изъ закона мы соблюли одну только заповѣдь, а ты производишь такой шумъ? — то послушай, какъ устрашаетъ ихъ не настоящимъ ихъ поступкомъ, но имѣющими произойти отъ него послѣдствіями: *малъ квасъ*, говоритъ, *все смѣшеніе креситъ*. Такъ и васъ эта небольшая погрѣшность, оставленная безъ исправленія, можетъ совершенно препобѣдить и увлечь въ іудейство, какъ квасъ заквашиваетъ все тѣсто.“ Такъ и всѣ восточные; такъ и западные. Амвросіастъ говоритъ: „это прибавилъ Апостолъ для того, чтобъ не подумали, что для благодати вѣры не будетъ никакого вреда, если они будутъ соблюдать малость нѣкую изъ закона.“ Блаж. Іеронимъ сначала ту же выражаетъ мысль, говоря: „учитъ этою притчею Апостолъ, что духовный хлѣбъ Церкви съ неба сшедшій не должно повреждать іудейскими толками. Господь Самъ заповѣдалъ ученикамъ Своимъ блюстися отъ кваса фарисейскаго, что объясняя, Евангелистъ прибавилъ, что Онъ это сказалъ имъ объ удаленіи отъ ученія фарисейскаго (Мѳ. 16, 12). А это ученіе фарисейское какое другое, какъ не о неотложности соблюденія плотскаго закона?“ Но потомъ поминаетъ и о томъ, какъ и нѣсколько человѣкъ съ ложнымъ ученіемъ могутъ повредить всю мѣстную Церковь, когда, сначала двое-трое, потомъ десятки и т. д., начнутъ заражаться ихъ ученіемъ. Зло это дѣйствуетъ, какъ искра падшая въ

горючій матеріалъ, какъ гангрена жиръ обрѣтшая. Очевидный примѣръ этому—Арій.

Но эта мысль о числѣ лицъ соблазняющихъ и соблазненныхъ можетъ быть только придаточною къ главной, по которой разумѣется тутъ ученіе іудейское. Но поставляя сію мысль въ связи съ послѣдующими словами: *надѣюся о васъ...* надо допустить, что Апостолъ намекалъ этимъ и на легкость, съ какою можно имъ раздѣлаться съ іудействомъ. Онъ говоритъ какъ-бы: мало переняли? Тѣмъ удобнѣе вамъ бросить то. И бросьте; я надѣюсь, что вы такъ сдѣлаете.

Ст. 10. *Азъ надѣюся о васъ въ Господѣ, яко ничтоже ино разумѣти будете: смущаяй же васъ, понесетъ грѣхъ, кто бы ни былъ.*

Такого рода надежда и окрыляетъ, и обязываетъ къ исправленію. Это обычный въ соотношеніяхъ людей пріемъ, котораго силу, когда онъ идетъ отъ искренняго сердца, испытываетъ всякій. Его и употребилъ св. Павелъ въ концѣ, какъ всепобѣдительное орудіе слова. Сила слова въ выраженіи надежды на нихъ. Этимъ больше и заняты толковники. Чего же онъ надѣется отъ нихъ, на это они не обращали вниманія. Довольно замѣтить, что слова: *ничтоже ино разумѣти будете*, нельзя ограничивать непосредственно предыдущимъ, т.-е. что и вы также судите, какъ я, что малъ квасъ все смѣшеніе квиситъ, и потому поспѣшите изъять сей квасъ. Но отъ сего должно взойти и ко всему прочему, что объяснялъ Апостолъ. Онъ говоритъ имъ: надѣюсь, что вы будете мудрствовать, какъ я, усвоите мой образъ возврѣнія на іудейство, и поступите соотвѣтственно тому.

Что касается до надежды, то иные думаютъ, что она естественно должна была родиться у Апостола, знавшаго любовь къ истинѣ Галатовъ и что они увлечены были обманомъ, въ простотѣ сердца принявъ за истину то,

что не было истинно. Послѣ сдѣланныхъ имъ объясненій онъ не сомнѣвался, что они бросятъ ложь и возвратятся къ истинѣ. Другіе полагаютъ, что эта надежда Апостола истекала изъ крѣпкаго его упованія на Бога, хотящаго всѣмъ въ разумъ истины пріити. Третьи восходятъ выше: что Апостолъ такъ сказалъ въ духѣ пророческомъ. Духъ Божій далъ ему видѣть отрезвленіе Галатовъ, и онъ выражаетъ это надеждою на нихъ.

Такъ Амвросіастъ пишетъ: „надѣется этого отъ нихъ Апостолъ ради того, что они не сами собою, но будучи обмануты вступили на путь заблужденія. Почему показавъ имъ истинный путь, ожидаетъ, что они легко возвратятся на него." Св. Златоустъ говоритъ: „не сказалъ: разумѣете, но: *разумѣти будете,* т.-е., исправитесь. Откуда же ты знаешь сіе? Но онъ опять не сказалъ—знаю, а — вѣрю Богу, говоритъ, и съ твердымъ упованіемъ призываю Его содѣйствіе къ вашему исправленію. Съ дерзновеніемъ, и не просто сказалъ, *надѣюся о васъ*; но прибавилъ—*о Господѣ* (онъ вездѣ любитъ обличенія растворять съ похвалами); какъ-бы такъ онъ сказалъ: я знаю учениковъ моихъ, знаю удобоисправимость вашу; впрочемъ надѣюсь сего чрезъ Господа, Который не хочетъ погибели никому; а чрезъ Него надѣюсь и на васъ, которые легко можете возвратиться въ прежнее состояніе. Но вмѣстѣ убѣждаетъ приложить и собственное стараніе, такъ какъ невозможно получить отъ Бога ничего, если мы не привнесемъ ничего съ своей стороны." Блаж. Іеронимъ такъ разсуждаетъ: „не по предположенію, но въ пророческомъ духѣ произнесъ св. Павелъ, что Галаты возвратятся къ истинѣ, которую они оставили было. Провидя духомъ, что они не иначе будутъ вѣровать, какъ такъ, какъ онъ научаетъ ихъ въ посланіи, говоритъ: *надѣюся*... И приложеніе имени *Господа*, сіе же самое означаетъ. Ибо еслибы онъ только

предположительно думалъ такъ, то сказалъ бы: я надѣюсь на васъ. Но приложивъ: *о Господѣ*, показалъ, что пророчествуетъ о томъ, о чемъ Духомъ Божіимъ водимый зналъ, что оно будетъ."

Вторая половина сего текста: *смущаяй же васъ понесетъ грѣхъ*—какъ вяжется съ первою? По обыкновенному у насъ ходу рѣчей слѣдовало бы ожидать угрозы имъ, такъ: надѣюсь, что исправитесь, но если не исправитесь, не ждите милости. Св. Апостолъ эту угрозу обращаетъ не на Галатовъ соблазненныхъ, но на соблазнителей: ибо эти знали истину, а тѣ въ простотѣ сердца приняли ихъ кривотолкованіе за истину, не подозрѣвая лжи. Виновны они только въ томъ, что не обратились къ св. Павлу, дважды у нихъ бывшему, учителю и отцу, породившему ихъ въ духовную о Христѣ жизнь. Но и это могло случиться по неопытности, безъ всякаго умаленія любви къ истинѣ. Св. Павелъ и не обращаетъ къ нимъ угрозы своей. Но вмѣстѣ даетъ подразумѣть, что если останутся упорными въ заблужденіи, то вмѣстѣ съ лжеучителями и они туже кару понесутъ. Доселѣ они были невинны; но по такомъ полномъ объясненіи истины, какое сдѣлалъ имъ св. Павелъ, они не будутъ уже безвины, а станутъ подъ одинъ разрядъ и съ своими новыми учителями.

Толковники наши впрочемъ останавливаются преимущественно на прямомъ смыслѣ сихъ словъ, не дѣлая наведенія на самихъ Галатовъ. Такъ св. Златоустъ говоритъ: „съ двухъ сторонъ побуждаетъ ихъ св. Павелъ къ возстанію—и надѣяніемъ на нихъ, и угрозою, или предреченіемъ наказанія возмутителямъ. Но замѣть, что онъ не назвалъ по имени ни одного изъ злоумышленниковъ, чтобы тѣмъ не сдѣлать ихъ еще безстыднѣе. И смыслъ словъ его такой: хотя вы и не будете иначе мыслить, однако это не избавитъ отъ наказанія виновниковъ оболь-

щенія; они будутъ осуждены. Ибо невозможно, чтобы за благочестіе однихъ облегчалась участь другихъ—злонравныхъ. Говоритъ же сіе для того, чтобы лжеучители не сдѣлали такого же нападенія еще и на другихъ. И не просто сказалъ: *смущаяй*, но усилилъ выраженіе, прибавивъ: *кто бы ни былъ.*"

Эта послѣдняя прибавка даетъ ту мысль, что между лжеучителями были, можетъ быть, лица съ вѣсомъ. Даетъ разумѣть, что ни богатство, ни знатность, и никакое другое видимое отличіе не избавитъ ихъ отъ заслуженной кары, какъ въ началѣ сказалъ: аще мы или Ангелъ съ неба будетъ иначе благовѣствовать, кары не минуетъ.

Въ чемъ состояла угроза?—Понесетъ грѣхъ, по греч. χρίμα—судъ. Понесть судъ—значитъ не только быть осуждену, но и понесть присужденное за то наказаніе. „*Понесетъ судъ*—то же, что въ другомъ мѣстѣ: всякій свое бремя понесетъ" (Іеронимъ). Какое же это бремя, или въ чемъ существо кары? Можетъ быть угрожается наказаніемъ отъ Бога, какъ-бы такъ: Богъ не оставитъ его безъ наказанія. Угроза такая еще прежде изречена Спасителемъ, такъ что въ царствѣ Его, какъ тотъ, кто обратитъ другаго, избавитъ душу свою отъ смерти и покроетъ множество грѣховъ (Іак. 5, 20), такъ и наоборотъ, тому, кѣмъ соблазнъ приходитъ, горе. „Кто смущаетъ и соблазняетъ кого-либо въ Церкви, лучше-бъ было жерновъ повѣсить на шею и броситься въ море, нежели соблазнить кого-либо изъ тѣхъ малыхъ, на которыхъ указываетъ Спаситель (Лук. 17)" (Іеронимъ).

Но можетъ быть св. Павелъ намекалъ и на такой судъ, который онъ, немного спустя, употребилъ въ Коринѳѣ, т.-е. судъ церковный, отлученіе, преданіе анаѳемѣ, какъ и изрекалъ уже онъ въ началѣ посланія. Слышится будто: приду и раздѣлаюсь съ ними.

Ст. 11. *Азъ же, братіе, аще обрѣзаніе еще проповѣдую, почто еще гонимъ есмь? Убо упразднися соблазнъ креста.*

Эти слова разчищаютъ путь и устраняютъ послѣднія препятствія къ дѣйствію на Галатовъ предложенныхъ св. Павломъ убѣжденій. Могли заграждать сей путь наговоры на Апостола, что самъ онъ придерживается закона и даже обрѣзываетъ. Засѣдши въ памяти, это нареканіе могло отнимать силу и угрозъ и надеждъ и всѣхъ увѣщаній Павла. По крайней мѣрѣ всякій, подумавши: да самъ-то что же ты вяжешься съ закономъ,—могъ останавливаться въ недоумѣніи. Св. Павелъ разгоняетъ этотъ легкій туманецъ однимъ вопросомъ: гонятъ же меня за что? Что Іудеи гнали Апостола, это всѣмъ было вѣдомо. Всѣмъ также не мудрено было уразумѣть, что еслибъ онъ благосклонно относился къ обрѣзанію и закону, то никто и слова не сказалъ бы ему. Если же поносятъ его, безчестятъ, преслѣдуютъ всюду, то явный знакъ, что изложенное имъ ученіе о прекращеніи силы обрѣзанія и закона, и о ненужности ихъ болѣе для вѣрующихъ, есть постоянный и повсюдный предметъ его проповѣди. Наслушавшись наговоровъ на св. Павла, Галаты могли недоумѣвать: что же это дѣлаетъ Апостолъ? Прочитавъ же вопросъ его, должны были воскликнуть: въ самомъ дѣлѣ такъ; что же тѣ-то намъ натолковали? Это они насъ обманывали. Какова мудрость Апостола! Не посылаетъ ихъ за справками пройти по слѣдамъ его проповѣди, а одною очевидностію успокоиваетъ ихъ умы, смятенные нареканіями на него.

Св. Златоустъ говоритъ на это мѣсто: „Поелику говорили о немъ, что онъ часто самъ соблюдаетъ іудейскіе обряды, и проповѣдуетъ необрѣзаніе притворно; то смотри, какъ онъ показалъ себя чистымъ отъ сей клеветы, призывая во свидѣтели ихъ самихъ. Вы сами знаете, говоритъ, что причиною гоненій на меня было то, что

я училъ оставлять законъ. А еслибы я проповѣдывалъ обрѣзаніе, то за что бы и гнать меня? Іудействующіе, кромѣ сего, еще ни въ чемъ другомъ обвинять меня не могутъ. И еслибы я дозволялъ имъ вѣровать по отеческимъ обычаямъ, то ни увѣровавшіе, ни не увѣровавшіе изъ нихъ не злоумышляли бы на меня, какъ ничего изъ ихъ обычаевъ не отвергающаго. Чтоже? Не проповѣдывалъ ли онъ обрѣзанія, не обрѣзалъ ли Тимоѳея? Обрѣзалъ. Какъ же говоритъ, —*не проповѣдую*? Примѣчай и здѣсь его осмотрительность. Онъ не сказалъ: я не совершаю обрѣзанія, но—не проповѣдую, т.-е., не учу такъ вѣрить. И ты моего поступка, говоритъ, не долженъ брать въ утвержденіе догматовъ; ибо хотя я и обрѣзалъ (Тимоѳея), впрочемъ не проповѣдывалъ обрѣзанія."

Убо упразднися соблазнъ креста. Еслибъ было такъ, еслибъ я проповѣдывалъ обрѣзаніе, то крестъ не представлялъ бы соблазна для Іудеевъ. Для нихъ такъ дорого обрѣзаніе, что не трогай я его, они соблазна въ крестѣ не видѣли бы, а теперь видятъ ради того, что крестъ гонитъ обрѣзаніе и весь законъ. Амвросіастъ пишетъ: „Соблазномъ для Іудеевъ была проповѣдь о крестѣ потому, что ею упразднялись суббота и обрѣзаніе. Еслибъ она допускала обрѣзаніе, то не было бы соблазна, и Іудеи мирны были бы съ нами. И о Спасителѣ они говорили: *Нѣсть сей отъ Бога человѣкъ, яко субботы не хранитъ*" (Іоан. 9, 16). Св. Златоустъ тоже излагаетъ пространнѣе. „Если вѣрно то, что вы говорите, то преграда и вражда, раздѣляющія насъ, уничтожены. Ибо Іудеевъ не столько соблазняетъ крестъ, сколько ученіе не слѣдовать отеческимъ обычаямъ. Приведши Стефана въ синедріонъ, они не говорили, что сей чтитъ Распятаго, но что *глаголетъ на мѣсто святое сіе и законъ* (Дѣян. 6, 13). И Самого Господа Іисуса обвиняли они

за то, что будто Онъ разоряетъ законъ (Іоан. 5, 18). Почему Павелъ и говоритъ: если мы допускаемъ обрѣзаніе, то прекратилась ваша борьба съ нами, нѣтъ болѣе вражды противъ креста и проповѣди. А если насъ ежедневно умерщвляютъ, то развѣ это безъ всякой причины? Вы и сами видите, что ни за что такъ не враждуютъ на насъ, какъ за обрѣзаніе. Такъ ли я былъ неблагоразуменъ, чтобъ и себя подвергнуть скорби, и другихъ ввести въ соблазнъ, безъ всякой причины? Сказалъ же онъ—*соблазнъ креста*, потому что ученіе о крестѣ повелѣваетъ оставить отеческіе обычаи, что преимущественно и соблазняло Іудеевъ и удерживало отъ принятія креста.“

Ст. 12. *О дабы отсѣчени были развращающіи васъ.*

Отсѣчени, совершенно отдѣлены (Θеодоритъ), чтобъ никакого уже общенія не было у васъ съ ними, и у нихъ съ вами. *Развращающіе*,—*ἀναστατοῦντες*,—возставляющіе васъ на истину, бунтовать противъ истины возбуждающіе васъ. Доказалъ Апостолъ, что не должно болѣе вязаться закономъ, убѣдилъ, что должно прекратить всякое общеніе съ нимъ, и надѣется твердо, что Галаты такъ и сдѣлаютъ. Но забота Апостола о нихъ простирается и на будущее. Непокоенъ онъ, пока среди ихъ лжеучители, и выражаетъ желаніе, чтобъ они отсѣчены были. Въ греческомъ читается: ὄφελον καὶ ἀποκόψονται,—*О дабы и отсѣчены были*!—Вы убѣдились, исправите ошибку; но когда бы и лжеучителей вы прогнали отъ себя, тогда я былъ бы совершенно покоенъ относительно васъ. Пока они съ вами, не перестану опасаться за васъ.

Что такъ будто слабо дѣйствуетъ Апостолъ? Не отсѣкаетъ соблазнителей, а желаніе только выражаетъ, чтобъ они были отсѣчены самими Галатами. Ожидалъ, можетъ быть св. Павелъ обращенія къ истинѣ ихъ самихъ, потому и сказалъ такъ нерѣшительно; въ случаѣ же упор-

ства и продолженія соблазнять, можетъ быть, оставилъ себѣ свободу, сдѣлать распоряженіе о томъ послѣ. Или, можетъ быть, онъ увѣренъ былъ, что Галаты и сами то сдѣлаютъ, отгонятъ ихъ отъ себя, прекратятъ общеніе съ ними, не позволятъ имъ приближаться къ себѣ; воззваніемъ же своимъ: *о дабы!* онъ показать только хотѣлъ, что это не противно его желанію, что объ этомъ есть и его Апостольская молитва. Всячески нельзя тутъ не видѣть закона жизни тѣла Церкви, отвергать и извергать непокоряющихся истинѣ и учащихъ противно ей.

Св. Златоустъ видитъ въ сихъ словахъ Апостольскую строгость: „Смотри, какую строгость выражаетъ здѣсь Апостолъ и къ обольстителямъ ихъ. Сначала онъ укорялъ обольщенныхъ, не разъ называя ихъ несмысленными. Но довольно поучивъ и вразумивъ ихъ, теперь обращается уже къ обольстителямъ ихъ. А вы и здѣсь должны примѣтить мудрость Апостола. Галатовъ онъ вразумляетъ и убѣждаетъ, какъ дѣтей своихъ, и надежныхъ еще къ исправленію; а обольстителей ихъ отсѣкаетъ, какъ чуждыхъ и неизлѣчимо больныхъ. На сіе послѣднее указываетъ онъ, когда говоритъ: *понесетъ грѣхъ, кто бы ни былъ*; и на первое, когда угрожаетъ имъ, говоря: *о дабы отсѣчены были развращающіи васъ*. И справедливо сказалъ: *развращающіи васъ* (т.-е. возбуждающіе васъ отступать отъ строя и порядка Христовой Церкви, которая есть новое для духа вашего отечество). Ибо они принудили ихъ, оставивъ свое отечество и свободу, и небесное родство, искать отечества чуждаго и неизвѣстнаго, и изгнавъ ихъ изъ Іерусалима горняго и свободнаго, заставили блуждать какъ плѣнниковъ и пришельцевъ. Потому-то Апостолъ и возстаетъ на нихъ. Смыслъ словъ его такой: я нисколько не забочусь о нихъ: *еретика бо человѣка по первомъ и второмъ наказаніи отрицайся*“ (Тит. 3, 10).

Во времена св. Златоуста были люди, которые словомъ Апостола *отсѣчены* покушались оправдывать скопчество. Ибо скопцы назывались и ἀπόκοποι; у Апостола же стоитъ: ὄφελον καὶ ἀποκόψονται. Св. Златоустъ не напрягается опровергать такого толкованія; потому что ложность его и сама собою очевидна послѣ высказаннаго имъ предъ симъ мнѣнія. Но пользуется симъ случаемъ обличить скопцевъ въ предотвращеніе отъ скопчества, смысла не имѣющаго. Проглядываетъ у него мысль, что еслибъ и видѣть у Апостола указаніе на скопчество, то вѣдь это кара, казнь, клятва; и дерзающіе сами себя искажать, сами на себя навлекаютъ клятву Апостола. Затѣмъ говоритъ: „Манихеи только говорятъ, что тѣло злокозненно и составлено изъ злаго вещества; а сіи самыми дѣлами подаютъ поводъ къ нелѣпымъ ихъ толкамъ, отсѣкая членъ, какъ-бы враждебный и злокозненный. Гораздо лучше бы выкалывать глаза, потому что чрезъ нихъ похоть входитъ въ душу. Но ни глаза, ни другой какой членъ не виновны въ семъ; виновна одна злая воля. А если не можешь воздержаться, то для чего не отсѣкаешь языка за богохульство, руку за хищеніе, ногъ за стремленіе ихъ на зло, и для чего, можно сказать, не изсѣчешь всего тѣла? Ибо и слухъ при напѣваніи свирѣли часто разслабляетъ душу, и ноздри при ощущеніи благовонія прельщаютъ сердце и увлекаютъ къ удовольствію. Итакъ отсѣчемъ все, и уши, и руки, и ноздри. Но это крайнее нечестіе и наущеніе сатанинское. Нужно только исправить безпорядочное стремленіе души. Злой демонъ, услаждающійся всегда убійствами, онъ только могъ внушить, что должно истреблять самый органъ, какъ-бы великій художникъ сдѣлалъ ошибку. Какъ же бываетъ, скажетъ кто, что отъ тучности тѣла возгарается похоть? Но и тутъ грѣхъ души. Утучненіе плоти зависитъ не отъ похоти, а отъ души. Если

она захочетъ истощить ее, имѣетъ на то полную власть. Но ты дѣлаешь тоже, какъ еслибы кто видя подкладывающаго огонь и зажигающаго домъ, сталъ обвинять за пожаръ не поджигателя, а огонь за то, что будто бы онъ разгорѣлся такъ сильно отъ того, что самъ собою много охватилъ бревенъ дома. Виноватъ не огонь, а поджигатель. Огонь данъ для приготовленія пищи, для освѣщенія и для многихъ другихъ потребностей, а не для того, чтобы жечь дома. Такъ равно и пожеланіе дано для дѣторожденія и сохраненія рода, а не для прелюбодѣянія, блуда и сладострастія; дано для того, чтобы ты былъ отцемъ, а не прелюбодѣемъ; прелюбодѣяніе зависитъ не отъ естественнаго пожеланія, а отъ неистовства противоестественнаго."

Не сочтено излишнимъ выписать это мѣсто ради того, что и у насъ водятся сіи плевелы.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

НРАВОУЧИТЕЛЬНАЯ.

5, 13—6, 10.

Приступая къ толкованію 5, 13, св. Златоустъ говоритъ: „Здѣсь Апостолъ переходитъ къ нравственной части посланія. Впрочемъ въ посланіи къ Галатамъ примѣчается нѣчто особенное, чего ни въ одномъ изъ другихъ его посланій нѣтъ. Всѣ другія посланія онъ обыкновенно раздѣляетъ на двѣ части, изъ коихъ въ первой разсуждаетъ о догматахъ, а въ другой излагаетъ правила для жизни. Но въ семъ посланіи, перешедши къ нравственному ученію, послѣ опять присоединяетъ къ нему ученіе догматическое; ибо нравственное опять имѣетъ нужду въ догматическомъ." Такъ-же понимаетъ поворотъ мыс-

лей здѣсь у Апостола и блаж. Θеодоритъ: „Апостолъ переходитъ уже къ нравственнымъ совѣтамъ и повелѣваетъ позаботиться и о дѣятельной добродѣтели.“

Въ самомъ изложеніи нравственныхъ уроковъ не трудно замѣтить три отдѣла. Въ *первомъ* указывается общее на всю жизнь начало христіанской дѣятельности,—5, 13—25; *во второмъ* опредѣляется достодолжный характеръ совершеннѣйшихъ въ христіанскомъ обществѣ лицъ руководящихъ, въ ихъ отношеніи къ менѣе совершеннымъ, съ краткимъ указаніемъ отношенія и сихъ послѣднихъ къ нимъ 5, 26—6, 6; *въ третьемъ* означается сильнѣйшее побужденіе къ жизни духовной и всякому добродѣланію (6, 7—10).

1.

Общее начало христіанской жизни.

5, 13—25.

Со словъ Апостола въ настоящемъ мѣстѣ начало сіе можно выразить такъ: пребывайте въ дѣятельной взаимной любви и духовную проводите жизнь въ борьбѣ со страстьми и похотьми. Къ такому общему правилу привело предшествовавшее разсужденіе о свободѣ отъ закона. Апостолъ говоритъ какъ-бы: во Христѣ Іисусѣ вы освободились отъ ига закона, но не затѣмъ, чтобы ходить въ воляхъ сердца своего плотолюбиваго; здѣсь возлагается на васъ свое иго—иго любви—благое. Освобождены вы отъ рабства закону, потому что Духа пріяли, который въ сердцѣ вашемъ пишетъ свои духовные законы: живите же въ духѣ и похотей плотскихъ не совершайте.

Ст. 13. *Вы бо на свободу звани бысте, братіе: точію да не свобода ваша въ вину плоти, но любовію работайте другъ другу.*

Законъ опредѣлялъ всякій шагъ Іудея. Іудей ходилъ по привычнымъ правиламъ, какъ по клѣточкамъ. Когда эти клѣточки разломаны, не дивно, что могли раждаться вопросы, какъ же теперь дѣйствовать? Свобода послѣ стѣсненія ведетъ къ разгульности; чувствуется сильный позывъ вкусить побольше и пошире всякаго рода удовольствій. Какъ чувственныя удовольствія ближе и извѣстнѣе, то имъ и отдается свобода. Но тутъ начинается новый плѣнъ—пагубный. Чтобы этого не случилось, Апостолъ и предостерегаетъ: смотрите, чтобы свобода ваша не была въ вину плоти,—т.-е. не послужила поводомъ къ поблажкѣ чувственности. „Не для того, говоритъ, освобождены вы отъ рабства закону, чтобы грѣшить небоязненно“ (Ѳеодоритъ). *Но любовію работайте другъ другу*. Вотъ вамъ приличное занятіе—работать другъ другу: другъ другу помогать, другъ другу пособствовать въ его дѣлахъ, другъ друга вразумлять и утѣшать. Это будетъ самымъ лучшимъ употребленіемъ свободы и доставитъ вамъ несказанное утѣшеніе самимъ больше, чѣмъ другимъ, только позаботьтесь дѣйствовать такъ по любви. Любовію исполнитесь другъ къ другу. Тогда эта любовь покоя вамъ не дастъ, понуждая васъ непрестанно дѣлать что-нибудь для другихъ, и по силѣ, и сверхъ силы. „Кто искренно любитъ, тотъ не отказывается служить любимому“ (Ѳеодоритъ). И не только не отказывается, но самъ изыскиваетъ чѣмъ бы кому послужить, и скучаетъ, когда ничего не удается сдѣлать для другихъ.

Св. Златоустъ говоритъ: „Христосъ, говоритъ Апостолъ, свободилъ насъ отъ ига рабства и предоставилъ намъ свободу дѣлать, что хотимъ; только чтобы мы сію свободу употребляли не на зло, но средствомъ къ полученію большей награды, восходя къ совершеннѣйшей мудрости, и поелику Апостолъ выше и ниже называетъ

законъ игомъ рабства и упомянулъ объ освобожденіи отъ клятвы законной, то дабы кто не подумалъ, будто онъ убѣждаетъ оставить законъ для того, чтобы жить беззаконно, онъ предупреждаетъ такую мысль, говоря: Христосъ свободилъ насъ отъ закона не для того, чтобы жить намъ беззаконно, но чтобы стяжать мудрость высшую закона: потому что узы закона разрѣшены; и я говорю сіе не для того, чтобы намъ еще болѣе унизиться, но чтобы болѣе возвыситься. Ибо и любодѣй и дѣвственникъ оба преступаютъ предѣлы закона, но не одинаково: одинъ ниспалъ въ худшее, а другой возвысился къ лучшему; одинъ преступилъ законъ, а другой превзошелъ законъ. Итакъ св. Павелъ говоритъ: Христосъ снялъ съ васъ иго не для того, чтобы вы, какъ кони, прыгали и бѣсились, но чтобы освобожденные отъ бремени текли благоустроеннѣе. Далѣе Апостолъ показываетъ и легкій способъ достигнуть сего: какой же? *Любовію*, говоритъ, *работайте другъ другу*. Чтобъ они, освободясь отъ ига закона, не сдѣлались безчинными, онъ налагаетъ на нихъ другое иго—любви, которое хотя больше и крѣпче перваго, но гораздо легче и пріятнѣе.“

Ст. 14. *Ибо весь законъ во единомъ словеси исполняется, во еже: возлюбиши ближняго твоего якоже себе.*

„Разсмотрѣвши законъ со всѣхъ сторонъ, говоритъ: если хочешь исполнить законъ, то не обрѣзывайся; ибо онъ исполняется не въ обрѣзаніи, а въ любви“ (св. Злат.). Апостолъ говоритъ какъ бы: такъ выходитъ по духу новой жизни во Христѣ Іисусѣ, чтобы вы работали другъ другу любовію; но не иное выходитъ и по существу самаго закона. Если ты ревнитель закона, то возлюби ближняго твоего какъ себя, и весь законъ тобою исполненъ. Ибо любовію исполняется весь законъ. Всякое предписаніе закона въ отношеніи къ братіямъ указывало дѣло любви. Кто исполнялъ его, являлъ любовь. Но

только въ ту пору и являлъ. Но кто возгрѣлъ любовь въ сердцѣ, тотъ постоянно носитъ въ сердцѣ готовность на всѣ дѣла любви. Частныя дѣйствія любви не исчерпываютъ всего источника, изъ коего исходятъ. Онъ и сильнѣе и обильнѣе ихъ. Ревностный законникъ являлъ перемежающіеся акты любви, пусто имѣя сердце во все время, какъ оно не занято дѣломъ любви. Во Христѣ Іисусѣ не такъ. Тутъ любовь не изсякаетъ, а постоянно есть. Не тогда только зараждается и является, когда случай законный къ тому представится; но постоянно дѣйствуетъ въ сердцѣ и не ждетъ закономъ опредѣленнаго случая, а сама его изыскиваетъ, и когда дѣлаетъ, не по мѣрѣ закона дѣлаетъ, а по своей широтѣ, которой нѣтъ мѣры. Разность выходитъ великая, и особенно въ томъ, что тогда дѣла любви шли отъ предписаній внѣшнихъ, а теперь идутъ по указанію и влеченію изъ сердца, съ самоначинаніемъ. Теперь христіанинъ и вполнѣ свободенъ, и есть исполнитель закона, совершеннѣйшій и полнѣйшій. Ибо любовь Божія изливается въ сердце его Духомъ Святымъ, даннымъ намъ. Блаж. Іеронимъ пишетъ: „что прежде дѣлали мы по необходимости законной, то, ставъ свободными отъ закона, дѣлать мы должны уже по любви. Любовь есть столь великое благо, что весь законъ въ ней совмѣщается.“

Блаж. Августинъ спрашиваетъ при семъ: чего ради Апостолъ говоритъ о любви только къ ближнимъ, когда весь Законъ и Пророки висятъ не на одной этой любви, но наипаче на любви къ Богу? И рѣшаетъ сей вопросъ такъ: любовь къ Богу и любовь къ ближнимъ неразлучимы. Кто любитъ Бога отъ всего сердца, тотъ любитъ непремѣнно и ближняго, потому что на это есть ясная заповѣдь Того, Кого онъ любитъ отъ всего сердца. Любовь собственно одна: она любитъ Бога и ради Бога ближняго своего. Поелику въ этомъ все существо спа-

сительнаго настроенія, то надлежало указать вѣрнѣйшій признакъ къ безошибочному опредѣленію, имѣетъ ли кто любовь такую или нѣтъ. Въ чемъ любовь къ ближнимъ, всякій очень ясно знаетъ; потому осязательно можетъ опредѣлить, имѣетъ ли онъ ее или нѣтъ. Любовь же къ Богу можетъ иной ошибочно предполагать въ себѣ, не имѣя ее. Вотъ почему и выставляется у Апостола одна любовь къ ближнимъ: ибо кто ее имѣетъ, тотъ имѣетъ и любовь къ Богу. Съ отрицательной же стороны, это еще вѣрнѣе: кто не имѣетъ любви къ ближнимъ, тотъ уже рѣшительно не можетъ хвалиться любовію къ Богу. (Приводится не слово въ слово). И Самъ Спаситель вѣрнымъ признакомъ учениковъ Своихъ поставилъ взаимную ихъ между собою любовь. Любимѣйшій ученикъ Его и учитель любви говоритъ: *аще кто речетъ: яко люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, ложь есть: ибо не любяй брата, егоже видѣ, Бога, Егоже не видѣ, како можетъ любити? И сію заповѣдь имамы отъ Него, да любяй Бога, любитъ и брата своего*. И цѣль, какую имѣетъ здѣсь Апостолъ, заставила его такъ сдѣлать. Разномысліе, вкравшееся между Галатами, привело ихъ къ тому, что пошли у нихъ разлады и раздоры. Очевидно, любовь изсякать стала. Апостолъ указаніемъ на великое значеніе любви въ дѣлѣ Богоугожденія, хочетъ привесть ихъ къ сознанію, что они приняли кривое направленіе, когда изъ-за ложныхъ ученій попустили ослабнуть въ себѣ узамъ любви. Съ этою цѣлію и говоритъ онъ далѣе.

Ст. 15. *Аще же другъ друга угрызаете и снѣдаете, блюдитеся, да не другъ отъ друга истреблени будете.*

Хоть и можно полагать, поставляя сіи слова въ прямую связь съ 13 ст., что св. Павелъ хотѣлъ въ нихъ представить побужденіе ко взаимной дѣятельной любви и изъ пагубныхъ послѣдствій, какія обычно даетъ отъ

себя взаимное нелюбье; но нельзя не видѣть, что чрезъ это вводятся понятія, къ которымъ ни прежде не подано повода, ни послѣ ничего не говорится похожаго на нихъ.

Чтобы эти слова стройно сходились съ 13 ст., надобно въ него ввести слѣдующую мысль: работайте другъ другу любовью, и чрезъ это возвысите свое благоденствіе. Тогда прямо будетъ слѣдовать: если же между вами будетъ нелюбіе и вы будете другъ другу дѣлать зло, то смотрите, какъ-бы вамъ не истребить другъ друга. Такимъ образомъ этотъ стихъ будетъ въ связи не прямо съ 13 стихомъ, а съ предполаемымъ послѣдствіемъ законополагаемаго имъ образа жизни. Но справедливо ли такъ поступать?

Такимъ образомъ совсѣмъ не лишній вопросъ: для чего св. Павелъ сказалъ такъ, или далъ такой оборотъ рѣчи?

Св. Златоустъ такъ понимаетъ сіи слова, что они не общую мысль выражаютъ, а прикровенно обличаютъ недоброе состояніе Галатовъ, чтобъ образумить ихъ и указавъ источникъ его въ прившедшей ереси, тѣмъ самымъ въ неблагопріятномъ видѣ представить и ее самую. Еще подъ 13 ст. на слова: *любовію другъ другу работайте*, говорилъ онъ: „разумѣть даетъ Апостолъ, что причиною ихъ заблужденія были любопренія, несогласія, любоначаліе и гордость, ибо мать ересей есть страсть любоначалія. И словами: *работайте другъ другу*, онъ показалъ, что зло произошло именно отъ сего тщеславія и гордости. Почему представляетъ и врачевство соотвѣтственное. Поелику, говоритъ, вы раздѣлилися между собою, желая властвовать одинъ надъ другимъ, то служите другъ другу, и вы опять соединитесь. Впрочемъ ясно не называетъ онъ грѣха ихъ, а ясно предлагаетъ только способъ исправленія, чтобы отсюда они узнали и грѣхъ свой подобно тому, какъ еслибы кто не говоря прямо распутному, что онъ распутенъ, сталъ бы только

убѣждать его къ цѣломудрію.“ Эту же мысль ведетъ св. Златоустъ и подъ 15 стихомъ: „онъ не высказалъ здѣсь своей мысли прямо, чтобъ не огорчить ихъ, хотя зналъ, что такъ и дѣлается между ними; но тоже самое говоритъ, только съ видомъ нѣкотораго сомнѣнія. Ибо не сказалъ: поелику вы другъ друга *угрызаете*, также и далѣе не сказалъ прямо, *другъ отъ друга истреблени будете*. Каковая рѣчь свойственна устрашающему только и совѣтующему, а не осуждающему. Слова же употребилъ самыя разительныя и рѣзкія. Ибо не сказалъ только: *угрызаете*, что дѣлаетъ иногда раздраженный, но прибавилъ *снѣдаете*, что свойственно закоснѣвшему въ злобѣ. Угрызающій насыщаетъ только страсть гнѣва, а снѣдающій обнаруживаетъ въ себѣ крайнюю степень звѣрства. Впрочемъ онъ разумѣетъ не тѣлесныя угрызенія и снѣденія, но много еще худшія. Ибо не столько дѣлаетъ вреда, кто снѣдаетъ плоть человѣка, сколько тотъ, кто угрызаетъ душу его. Ибо чѣмъ дороже душа тѣла, тѣмъ тягостнѣе и зло ей причиняемое. *Блюдитеся, да не другъ отъ друга истреблени будете*. Поелику обманщики и злоумышленники приходятъ для того, чтобы погублять другихъ, то смотрите, говоритъ, чтобы дѣло не дошло и до васъ. Раздѣленія и распри растлѣваютъ и поядаютъ какъ пріемлющихъ, такъ и посѣявающихъ оныя, и еще болѣе, чѣмъ моль, все изъѣдаютъ.“

Блаж. Іеронимъ другую мысль проводитъ. Надобно, говоритъ, такъ истолковать это мѣсто, чтобъ не казалось что св. Павелъ вдругъ переходитъ къ неожиданнымъ наставленіямъ, стоящимъ внѣ всякой связи съ содержаніемъ посланія. Онъ хочетъ имъ сказать: получивъ свободу отъ закона, любовію работайте другъ другу. И это будетъ самое лучшее исполненіе самаго закона. А если вы съ закономъ останетесь, то должны будете уже все принимать, принимать и *око за око*. Слѣдуя же сему,

будете другъ друга угрызать и снѣдать. Поопаситесь! Вотъ къ чему поведетъ васъ законъ! Вы другъ отъ друга истреблени будете (не слово въ слово).

Ст. 16. *Глаголю же: духомъ ходите, и похоти плотскія не совершайте.*

Минуемъ это вводное объясненіе, и возвратимся къ главной мысли Апостола: освободясь отъ закона, живите въ дѣятельной другъ къ другу любви. Стоя въ этой мысли, не можемъ не спросить: въ какомъ же отношеніи къ тому закону любви состоитъ настоящее правило: духомъ ходить и похоти плотской не совершать? Св. Златоустъ отвѣчаетъ: въ отношеніи средства къ цѣли. „Вотъ показываетъ и другой способъ, облегчающій добродѣтель и содѣйствующій къ исполненію вышесказаннаго, раждающій любовь и поддерживаемый любовію. Ибо ничто такъ не дѣлаетъ насъ любвеобильными, какъ жизнь по духу, и ничто такъ не убѣждаетъ Духа обитать въ насъ, какъ сила любви.“

Глаголю же,—не такая мысль: предписывая вамъ законъ любви, я говорю тоже, что: *духомъ ходите;* а такая: къ этому, или при этомъ я говорю вамъ: духомъ ходите.... Для того, чтобы пребывать вамъ во взаимной любви, *духомъ ходите, и похоти плотской не совершайте.* Почему такъ? Вотъ почему: похоть плотская есть тоже, что живущій въ насъ грѣхъ; она въ другомъ мѣстѣ названа и мудрованіемъ плотскимъ. Это *мудрованіе плотское закону Божію не покоряется, ниже бо можетъ* (Рим. 8, 7). А любовь есть исполненіе закона. Выходитъ, что это несовмѣстимыя противоположности. Похоть плотская есть отрицаніе закона, а любовь—отрицаніе всякаго беззаконія. Гдѣ дѣйствуетъ любовь въ силѣ, тамъ нѣтъ мѣста похоти плотской; и гдѣ похоть плотская, тамъ не ищи любви. Кто слушается внушеній любви, тотъ не станетъ слушаться искушеній по-

хоти плотской. Но для того, чтобы не слушаться искушеній плоти, надо пріять благодать Духа и ходить въ Духѣ. Такимъ образомъ очевидно, что св. Павелъ хотѣлъ сказать Галатамъ: по освобожденіи отъ закона вы обязаны ходить въ любви, а чтобы въ любви ходить, ходите Духомъ и похоти плотской не совершайте.

Что значитъ Духомъ ходить? У насъ есть и свой духъ, богоподобная сила, вдунутая въ человѣка отъ Бога, которой назначеніе вводить человѣка въ жизнь въ Богѣ и держать въ ней. Стихіи нашего духа—сознаніе Божества съ чувствомъ всесторонней отъ Него зависимости, страхъ Божій, сознаніе обязанности благоугождать Богу, увѣренность въ блаженной вѣчности. Всѣми этими стихіями духъ устремлялъ человѣка отъ себя и отъ всего тварнаго къ Богу, какъ послѣдней цѣли, все прочее обращая въ средство къ ней. Когда человѣкъ палъ, то низпалъ отъ Бога и остановился на себѣ, и себя поставилъ главною цѣлію жизни. Духъ потерялъ надъ нимъ власть, вмѣсто его стало парить въ немъ самолюбіе. Изъ самолюбія развились гордость, своекорыстіе, сластолюбіе, а отъ этихъ потомъ—все полчище страстей. Всѣ онѣ въ разныхъ оттѣнкахъ стали заправителями жизни человѣка. Духъ замолкъ, и если подавалъ иногда голосъ, его не слушали.

Господь и Спаситель принесъ на землю благодать Всесвятаго Духа, которая вмѣстѣ съ проповѣдію Евангелія и пошла по лицу земли. Сила проповѣди Евангелія отъ благодати. Вмѣстѣ съ словомъ чрезъ слухъ входитъ въ сердце благодать и пробуждаетъ духъ человѣка. Проповѣдь говоритъ: возстани спяй. Когда благодать воздѣйствуетъ на духъ, онъ встаетъ. Вмѣстѣ съ нимъ встаютъ и оживаютъ всѣ его стихіи: страхъ Божій, обязательство благоугождать Богу и чаяніе лучшей жизни. Кто покорится симъ требованіямъ духа, Духомъ Божіимъ ожив-

леннаго, тотъ отказывается отъ себя, попираетъ самолюбіе со всѣмъ полчищемъ страстей и начинаетъ всеусердно работать Господу наперекоръ всѣмъ земнымъ видамъ. Съ этого момента начинается у него жизнь въ духѣ или Духомъ, съ попраніемъ самолюбія и всѣхъ страстей. Жизнь въ духѣ или Духомъ можно посему описать такъ: кто благодатію Божіею будучи возбужденъ и освященъ чрезъ таинства, входитъ въ себя, и ставъ предъ Господомъ въ сердцѣ, всѣ свои дѣянія и внутреннія и внѣшнія направляетъ къ Богоугожденію, чрезъ хожденіе неуклонное въ волѣ Его, въ Словѣ Божіемъ изложенной и принятой въ совѣсть, въ надеждѣ вѣчнаго въ Богѣ блаженства, съ попраніемъ самолюбія и забвеніемъ интересовъ земныхъ; тотъ живетъ въ духѣ и Духомъ.

Изъ этого объясненія самъ собою рѣшается вопросъ, какого духа разумѣетъ Апостолъ въ семъ мѣстѣ,—нашего или Духа Святаго. И того и другаго въ сочетаніи. Нашъ духъ не имѣетъ силы дать намъ жизнь духовную самъ по себѣ. И Духъ Божій не дастъ ея, если не будетъ воспринятъ нашимъ духомъ. Когда же они сочетаются, тогда нашъ духъ становится сильнымъ отъ Духа Божія, и Духъ Божій чрезъ нашъ духъ дѣйствуетъ на насъ и на все наше, и все освящаетъ и совершаетъ. Ходящій въ духѣ —Духомъ Божіимъ ходитъ, но ходитъ, по стихіямъ духа, первоначально въ человѣка вдохнутаго.

Изъ этого же объясненія видно и то, что есть похоть плотская. Это есть самолюбіе со всѣми страстьми. Похотію плотскою она названа потому, что преимущественное сѣдалище самолюбія и страстей въ плоти. Такъ случилось, что какъ норма жизни человѣческой, по первому устроенію ея, есть жизнь духовная—въ Богѣ, то когда палъ человѣкъ, низпалъ въ противоположность духу и Богу, въ жизнь плотскую съ удовольствованіемъ себя тварями въ сей жизни, съ забвеніемъ о Богѣ и

жизни загробной. Когда духъ возбуждается и беретъ силу, тогда самолюбіе со страстьми или эта похоть плотская отвергается, и законъ воспріемлется—ни въ чемъ никогда не слушать внушеній, требованій, влеченій сей похоти: *грѣхъ* нами *да не обладаетъ, во еже послушати его въ похотехъ его* (Рим. 6, 12. 14). Участь рѣшенная этого ветхаго человѣка быть распяту, *да упразднится тѣло грѣховное* (Рим. 6, 6). Тѣмъ она и кончится. Но до времени премудрость Божія ему попустила стоять противъ духа, въ насъ же, но въ качествѣ чуждаго намъ, неблаговолимаго, гонимаго и отвергаемаго. Сознаніемъ и свободою переходитъ человѣкъ на сторону духа, и тамъ производитъ всѣ дѣла свои; а самолюбіе со страстьми, хоть въ немъ же, но будто совнѣ приражается къ нему, влечетъ и соблазняетъ. Дѣло христіанина внимая себѣ и стоя въ духѣ предъ Господомъ, замѣчать подходящія неправыя движенія и внушенія самости или похоти плотской, и отражать ихъ именемъ Господа. Вотъ это именно и выразилъ Апостолъ въ словѣ: духомъ ходите и похоти плотской не совершайте. Чтобы совсѣмъ мертвою сдѣлать сію похоть, это есть дѣло Божіе: наше дѣло всякое ея движеніе или внушеніе не принимать, и сколько бы она ни докучала, ничего въ угоду ея не совершать. Въ этомъ вся жизнь христіанина! Она есть непрестанная борьба, какъ и говоритъ вслѣдъ за симъ Апостолъ.

Ст. 17. *Плоть бо похотствуетъ на духа, духъ же на плоть: сія же другъ другу противятся, да не яже хощете, сія творите.*

Что это—естественную психологію пишетъ Апостолъ, или изображаетъ состояніе подблагодатное? Подблагодатное; ибо въ естественномъ—падшемъ состояніи, духъ, хотя не уничтожается, но никакой власти не имѣетъ надъ самолюбіемъ со страстьми. Иногда страхъ Божій,

иногда совѣсть, иногда воспоминаніе о загробной жизни говорятъ что нибудь противъ нихъ, но этотъ голосъ, хоть слышится, потому что нельзя его не слышать, но оставляется въ невниманіи, пренебрегается, попирается, иногда съ враждебнымъ противъ него ожесточеніемъ. Потому тутъ нѣтъ собственно брани. Брань начинается, когда духъ нашъ оживаетъ и силу получаетъ отъ Духа Божія. Послѣ сего духъ стоитъ на одной сторонѣ, а самость со страстьми и похотьми на другой. Послѣдняя силится возвратить отнятую добычу, а первый силится удержать ее за собою. Вотъ и брань. Самолюбіе со страстьми возбуждаетъ грѣховные помыслы, влеченія. сочувствія; а духъ, со страхомъ Божіимъ и ревностію въ Богоугожденіи, отражаетъ ихъ силою благодати Св. Духа. *Плоть похотствуетъ на духа*—можно переложить или такъ: плоть, то-есть самость со страстьми, пораждаетъ противныя духу пожеланія, или такъ: плоть враждебно возстаетъ противъ духа; равно и: *духъ похотствуетъ на плоть*—значитъ или: духъ пораждаетъ противныя самоугодію пожеланія, или: духъ враждебно къ нимъ относится. Въ отношеніи къ послѣдней мысли замѣчательно правило св. подвижниковъ: когда подходитъ искушеніе отъ самости и страстей, спѣши возбудить противъ него непріязнь и гнѣвъ, и оно отбѣжитъ во мгновеніе ока.

Сія же другъ другу противятся, да не яже хощете, сія творите. Апостолъ говоритъ какъ-бы: вотъ что происходитъ внутри васъ, если вы стоите какъ должно въ духѣ! Брань совершается. Когда самоугодіе задумаетъ что противное Богу, духъ не допускаетъ тебя исполнить его внушеніе и желаніе; когда же духъ требуетъ чего наперекоръ самости, сія послѣдняя вяжетъ тебѣ руки и ноги, чтобъ ты не дѣлалъ того, что требуетъ духъ. Ни одна сторона не хочетъ допустить тебя сдѣлать что ни-

будь наперекоръ ей, въ угодность сторонѣ противоположной. Въ этомъ цѣль брани, цѣль каждой изъ воюющихъ сторонъ. Но что же далѣе? И стой посредѣ, ни туда, ни сюда! Что дѣлать стоящему посредѣ, влекомому то туда, то сюда, Апостолъ не сказываетъ; потому что это само собою очевидно; да ктому же это указано уже выше — *духомъ ходите и похоти плотской не совершайте.* Здѣсь же, указавши на происходящую борьбу внутри, онъ не говоритъ, куда склоняться; но очевидно желаетъ. чтобъ не плоти, а духа слушали. Онъ внушаетъ какъ-бы: а вы сами смотрите, куда слѣдуетъ вамъ склониться. Если вы должны духомъ ходить и похоти плотской не совершать, то очевидно, что всегда должны идти наперекоръ самости въ угодность требованіямъ и влеченіямъ духа, не останавливаясь ни предъ какими жертвами самоотверженія.

Наши толковники, всѣ, — слова: *да не яже хощете, сія творите*, прямо такъ и разумѣютъ, какъ внушеніе, чтобъ вѣрующіе не исполняли пожеланій похоти, и строго противились имъ. Св. Златоустъ говоритъ: „Апостолъ указалъ здѣсь на борьбу злыхъ и добрыхъ помысловъ. Но хотѣть и не хотѣть—есть дѣло души. Потому онъ и говоритъ: *сія же другъ другу противятся*, чтобы ты не дозволялъ душѣ ходить въ злыхъ ея пожеланіяхъ. Онъ сказалъ сіе какъ наставникъ и учитель, возбуждая страхъ.“ Блаж. Ѳеодоритъ пишетъ: „плотію называетъ Апостолъ наклонность воли къ худшему; духомъ же обитающую благодать; потому что она руководствуетъ душу къ лучшему. Какъ же возможно препобѣдить плотскія страсти? *Да не яже хощете, сія творите.* Не слѣдуйте неумѣстнымъ помысламъ, т.-е. преодолѣвайте ихъ, имѣя содѣйствующую благодать Духа.“

Ст. 18. *Аще ли Духомъ водими есте, нѣсте подъ закономъ.*

Если вы въ борьбѣ внутренней будете всегда принимать сторону духа, и дѣйствовать въ угодность ему наперекоръ внушеніямъ самости, то вы будете водими Духомъ. Если же вы Духомъ водими, то вы не подъ закономъ.

Опять у Апостола неожиданное сочетаніе понятій. Это подало поводъ ко многимъ догадкамъ. Но, кажется, прямѣе всего предположить у Апостола намѣреніе--и нравоученіе поставить въ связь съ вѣроученіемъ. Какъ тамъ, приступая къ доказательству ненужности для христіанъ закона, Апостолъ началъ съ вопроса о пріятіи Духа, и изъ того, что они приняли Его помимо закона, вывелъ: на что же вамъ законъ? (Сила доказательства въ томъ, что законъ нуженъ былъ для обузданія страстей; Духъ же Божій пришедши попаляетъ страсти: на что же вамъ законъ, когда вы уже имѣете болѣе того, что можетъ дать законъ?) Такъ и здѣсь, выставивъ борьбу со страстьми и показавъ, что они преодолѣваютъ ихъ бывъ водими Духомъ, выводитъ: вы уже не подъ закономъ. Законъ обуздывалъ страсти совнѣ, а вы извергли ихъ изъ сердца и преслѣдуете, значитъ законъ уже отпалъ отъ васъ, какъ отпадаетъ скорлупа, когда вывелся птенецъ, или падаютъ подмостки, когда состроенъ домъ. Св. Златоустъ говоритъ: „какая тутъ послѣдовательность между понятіями? Самая строгая и очевидная. Ибо кто имѣетъ Духа, тотъ при помощи Его угашаетъ въ себѣ всякое злое пожеланіе. А кто освободился отъ злыхъ пожеланій, тотъ уже не имѣетъ нужды въ помощи закона, ставъ много выше его ученія. Кто не гнѣвается, тому на что слышать: *не убій?* Кто не смотритъ любострастными глазами, тотъ не имѣетъ нужды въ наставленіи—*не любодѣйствовать*. И кто станетъ говорить о дѣйствіяхъ зла тому, кто исторгъ въ себѣ и самый корень зла? А корень убійства есть гнѣвъ, любодѣянія — пытливый и

похотливый взглядъ. Посему онъ и говоритъ: *аще Духомъ водими есте, нѣсте подъ закономъ*. Если законъ до пришествія Духа замѣнялъ сколько могъ Духа, то и посему нѣтъ нужды теперь оставаться подъ пѣстуномъ, Тогда мы справедливо были подъ закономъ, чтобы побуждаемые страхомъ, удерживали свои пожеланія, доколѣ не явился Духъ; а теперь когда намъ дарована благодать, которая не только повелѣваетъ воздерживаться отъ нихъ, но и сама изсушаетъ ихъ и возводитъ человѣка къ совершеннѣйшей жизни, какая нужда въ законѣ? Кто самъ по себѣ дѣлаетъ больше, тому на что пѣстунъ? Философъ не имѣетъ нужды въ учителѣ грамматики. Итакъ для чего вы такъ унижаете себя? Первоначально изъявили готовность служить Духу, а теперь опять слушаете закона.“

Ст. 19—21. *Явлена же суть дѣла плотская, яже суть: прелюбодѣяніе, блудъ, нечистота, студодѣяніе, идолослуженіе, чародѣянія, вражды, рвенія, завиды, ярости, разжженія, распри, соблазны, ереси, зависти, убійства, піянства, безчинны кличи, и подобная симъ: яже предглаголю вамъ, якоже и предрекохъ, яко таковая творящіи царствія Божія не наслѣдятъ.*

Внушалъ Апостолъ, что во внутренней нашей брани, намъ должно противостоять самости и самоугодію, и всегда слѣдовать требованіямъ и влеченіямъ духа. Теперь показываетъ пространство и поприще духовной брани, отъ чего отстать и чему противиться должно.

Перечисляя дѣла самоугодія, Апостолъ не все выводитъ на среду, и въ томъ, что выставляетъ, не указываетъ тонкихъ оттѣнковъ, а называетъ лишь наиболѣе выдающіяся самоугодливыя дѣла и въ самомъ грубомъ, отталкивающемъ ихъ видѣ. Это потому, что плотская жизнь языческая обнаруживалась въ такихъ наиболѣе дѣлахъ, какъ всѣ это видѣли и знали, и потому, что когда воз-

будится отвращеніе къ дѣламъ неодобрительнымъ, образуется вмѣстѣ отверженіе и помысловъ и пожеланій ихъ, и въ первомъ нельзя хорошо успѣть, не имѣя втораго.

Явлена суть дѣла плотская. Явлена—φανερὰ—явны, всѣмъ извѣстны, по общему нравственному чувству и голосу совѣсти. Или явны вамъ, яко христіанамъ: и гражданинъ честный не одобритъ ихъ, а не только христіанинъ, благодатію возрожденный. Или явны: предъ глазами вашими этотъ позоръ разумной твари; посмотрите, какъ живутъ язычники и всѣ нераскаянные грѣшники, въ забвеніи о Богѣ и будущей участи своей. — *Дѣла плотская*—суть дѣла самости, самоугодія, того заправляющаго жизнію человѣка начала, которое привилось къ нему вслѣдствіе паденія, и заставляетъ его вмѣсто Бога себѣ угождать, вмѣсто духа влеченіямъ плоти слѣдовать, вмѣсто вѣчныхъ—одни временныя любить и вкушать блага.

Осьмнадцать видовъ грѣховныхъ дѣлъ перечисляетъ св. Апостолъ; но, очевидно, они дѣлятся на двѣ половины: на дѣла силы пожелательной и на дѣла силы раздражительной. Заимствую такія наименованія изъ писаній отцевъ подвижниковъ, у которыхъ всѣ недобрыя движенія души подводятся подъ эти двѣ силы, кои называютъ они иногда и короче—похотію и гнѣвомъ. Имъ противополагаютъ они умъ, тоже, что у насъ названо духомъ; и всю борьбу внутреннюю сводятъ на борьбу ума — духа съ похотію и гнѣвомъ, или съ движеніями пожелательной и раздражительной силы души. Видно, что ихъ наставленія совершенно согласны съ указаніями св. Павла. И всякій можетъ замѣтить на себѣ, что онъ непрестанно движется между этими двумя, переходя отъ похотѣнія къ раздраженію и отъ раздраженія къ похотѣнію, когда не имѣетъ въ цѣли лучшаго, — того, что указываетъ духъ.

Сначала перечисляетъ Апостолъ недобрыя дѣла поже-

лательной силы или похотѣнія, когда она не слушаетъ внушеній ума или духа. Выставляетъ самое срамное. *Прелюбодѣяніе*—плотскіе грѣхи болѣе въ брачномъ союзѣ, *и блудъ*,—плотскіе грѣхи—внѣ сего союза; *нечистота и студодѣяніе*—плотскіе грѣхи противоестественные. Подъ нечистотою, впрочемъ, можетъ быть, разумѣется и оскверненіе души срамными помыслами съ услажденіемъ и желаніемъ дѣла; а подъ студодѣяніемъ разливъ похотствованія до безстыдства и маніи, когда и людей даже не срамятся. *Идолослуженіе* тою стороною сюда относится, въ коей наиболѣе дѣйствующею являлась похоть. Были у язычниковъ божества, коимъ и служба совершалась удовлетвореніемъ сей страсти. *И чародѣянія* здѣсь помянуты, потому что часть ихъ отряжена была въ пособіе плотскимъ грѣхамъ, какъ-то: составы зелій и травъ и разные наговоры, съ цѣлію произвесть взаимное обаяніе, или, какъ у насъ говорятъ, приворотъ. Въ житіи Кипріана и Іустины можно видѣть, какъ это дѣлалось (Четьи-Минеи, окт. 2).

Дѣла раздражительной силы или гнѣва указываются такія: *вражды*, когда одно лицо съ другимъ, или семейство съ семействомъ, или родъ съ родомъ во враждѣ состоятъ—не видаются, не встрѣчаются, не говорятъ, и если не замышляютъ зла, то желаютъ, чтобъ оно постигло другую сторону, и рады, когда это бываетъ; *рвенія*—ἔρεις,—тяжбы, брань, ругательства, споры, когда ни въ чемъ не хотятъ уступить другому и на волосъ, всегда хотятъ поставить на своемъ; *завиды*, не то что зависть, а ζῆλοι,—когда бьются изъ всѣхъ силъ, чтобъ не дать другому опередить себя въ чемъ-либо, въ чести, въ богатствѣ, въ вещахъ, въ должностяхъ, въ чемъ бы то ни было, при чемъ предполагается непріязненность къ тому, кто выдается, съ желаніемъ подставить ему и ногу: это извращенное эгоизмомъ соревнованіе; *ярости*—

θυμοί—сердитость, гнѣвливость, когда кто бываетъ какъ порохъ, за всякую малость вспышка гнѣва, брань и даже драка; *разжженія*,—ἐριθεῖαι,—когда сердятъ другихъ, посѣваютъ раздоры, разжигаютъ однихъ противъ другихъ, поджигаютъ всякія нестроенія въ обществѣ, семействахъ и между частными лицами; *распри*, διχοστασίαι—на двое раздѣленіе или распаденіе, когда кто ни съ кѣмъ не миренъ, не миролюбецъ, раздорникъ, или когда кто заводитъ партіи, немирный духъ партій; *соблазны*, — въ греческомъ нѣтъ, — скандалы, или дѣланіе сценъ, какъ говорятъ: такой-то, или такая-то сдѣлалъ мнѣ сцену; *ереси*, — можетъ быть это не раздѣленіе въ предметахъ вѣрованія: ибо Апостолъ пишетъ картину съ языческой жизни, а тамъ раздѣленій въ этомъ родѣ не бывало; скорѣе это вообще раздѣленіе, изъ какихъ бы то видовъ ни было, только съ враждебнымъ, непріязненнымъ духомъ, требующимъ изгнанія или смерти противникамъ; *зависти*—φθόνοι, когда завидуютъ счастію другаго, и злятся на всякаго, зачѣмъ ему хорошо, съ смертельною однакожъ непріязнію и къ нему, отъ коей дышащая убійствами ненависть; *убійства*—φονοι, не по одному созвучію постановлено послѣ φθονοι, а и по существу дѣла такъ бываетъ: φθονος вполнѣ удовлетворяется въ φονος. Это верхъ непріязненныхъ отношеній къ другому. Образецъ Каинъ.

Послѣднія два—*пьянства и безчинны кличи* проводятся не въ томъ смыслѣ, что Апостолъ хотѣлъ дополнить ими дѣла похотныя, а въ томъ, что въ этихъ двухъ похоть и ярость оба находятъ себѣ удовлетвореніе. Это будто дома, въ которыхъ они живутъ. Пьяный — и срамныя дѣла творить и раздорить готовъ. Равно на пирушкахъ и похоть и гнѣвъ разыгрываются широко. Безчинны кличи—κῶμοι, пирушки, заводимыя затѣмъ только, чтобъ потѣшиться и шумно повеселиться.

И подобная симъ въ той и другой части грѣховныхъ дѣлъ, и въ похотной и въ раздражительной. Дополнить этотъ списокъ, по примѣру сказаннаго, можетъ и всякій самъ собою.

Яже предглаголю, относительно ихъ я говорю напередъ, т.-е. прежде чѣмъ наступилъ судъ; *якоже и предрекохъ*, какъ и сказалъ уже, тоже напередъ, вѣроятно, когда лично преподавалъ имъ наставленія о христіанскомъ образѣ житія. *Яко таковая творящіи царствія Божія не наслѣдятъ*. Не наслѣдятъ рѣшительно царства Божія того, которое откроется по второмъ пришествіи, неизреченно блаженнаго и вѣчнаго. Судъ надъ ними будто уже произнесенъ и скрѣпленъ. Но когда говоритъ Апостолъ: *таковая творящіи*, то даетъ разумѣть, что судъ этотъ надъ ними въ силѣ, пока они вращаются въ такого рода дѣлахъ. Выдь они изъ того круга, и судъ не падетъ на нихъ. Это блаженное измѣненіе чается отъ нихъ до самаго послѣдняго издыханія. Дотолѣ и обѣтованіе—снять съ нихъ этотъ приговоръ. Но когда отворится смертію дверь въ другую жизнь и исходомъ отселѣ затворится, тогда всему конецъ.

Блаж. Августинъ пишетъ: „*таковая творящіи царствія Божія не наслѣдятъ*. Творятъ же сіе и тѣ, которые, склоняясь на пожеланія плотскія, вожделѣваютъ и дѣлъ ихъ, хотя не имѣютъ возможности привесть ихъ въ исполненіе. А тѣ, которые, чувствуя приращеніе плотскихъ движеній, остаются непреклонными къ нимъ, и не только не представляютъ членовъ тѣла своего въ орудія къ дѣланію грѣха, но и мановеніемъ даже не изъявляютъ согласія на то, эти не творятъ таковая, и слѣдовательно царствіе Божіе наслѣдятъ. Ибо, очевидно, въ мертвенномъ тѣлѣ ихъ не царствуетъ уже грѣхъ такъ, чтобы слушаться его въ похотяхъ его, хотя и обитаетъ еще въ немъ. Иное дѣло грѣшить, а иное имѣть грѣхъ.

Въ комъ не царствуетъ грѣхъ, т.-е. кто не слушается похотей его, тотъ не грѣшитъ; но въ комъ не было бы и самыхъ пожеланій грѣховныхъ, тотъ не только не грѣшилъ бы, но и совсѣмъ не имѣлъ бы грѣха. Это впрочемъ въ этой жизни можетъ быть достигнуто только въ нѣкоторой степени, въ совершенствѣ же явится по воскресеніи."

Ст. 22. 23. *Плодъ же духовный есть любы, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе: на таковыхъ нѣсть закона.*

Отказавшись однажды навсегда, въ принятіи вѣры и въ крещеніи, и потомъ постоянно отказываясь въ жизни, отъ внушеній и влеченій самости со страстями, христіанинъ ревностный, всегда вѣрный своему призванію, подъ дѣйствіемъ благодати Св. Духа развиваетъ въ себѣ и возращаетъ въ противоположность страстямъ и похотямъ добрыя и богоугодныя расположенія и стремленія, которыя, ставъ строемъ его сердца, составляютъ въ немъ того потаеннаго въ сердцѣ человѣка, которому предопредѣлено быть человѣкомъ блаженной вѣчности.

Похоти и страсти, дѣла плотскія, пришли въ насъ и расплодились изъ самости, сего злаго сѣмени, всѣяннаго искусителемъ; а добрыя расположенія сродны намъ: они неотъемлемыя качества богоугоднаго духа. Когда благодать, низшедши внутрь насъ, оживляетъ духъ нашъ, приходятъ въ движеніе и всѣ, сродныя ему расположенія и стремленія. Не вдругъ однакожъ приходятъ они въ силу. Ихъ возращаютъ труды дѣйствованія по влеченію духа. Ибо отверженная самость съ полчищемъ страстей своихъ стоитъ тутъ противъ, лицемъ къ лицу, и мѣшаетъ имъ свободно разливаться. Противъ каждаго добраго расположенія своя страсть. По мѣрѣ убитія страсти возникаетъ доброе расположеніе. Тутъ тоже происходитъ, что когда человѣкъ высвобождается изъ

трясины, или изъ облѣпившихъ его цѣпкихъ травъ, то одну руку, то другую, то одну ногу, то другую высвобождаетъ онъ. Такъ и у христіанина со страстями. Чрезъ борьбу съ собою, трудами подвижничества, отчищаетъ онъ отъ страстей одно доброе расположеніе за другимъ, пока всѣ отчиститъ, и они явятся въ свойственной имъ полнотѣ, силѣ и красотѣ.

Безъ труда и подвига этого не достигнешь. Но и трудъ и потъ свой ничего не даетъ твердаго и прочнаго. Желаніе, исканіе и трудъ—нашъ, а—плодъ Духъ Божій сокровенно, подъ прикрытіемъ безплоднаго по себѣ труда нашего, производитъ въ сердцѣ. Борется, напримѣръ, съ собою гнѣвливый и ищетъ кротости; но самую кротость возращаетъ и укрѣпляетъ въ сердцѣ благодать Св. Духа. Вотъ почему св. Павелъ озаглавливаетъ этотъ списокъ добрыхъ расположеній такъ: *плодъ духовный есть*. Духовный, по греч. πνέυματος, Духа, т.-е. плодъ Духа. Св. Златоустъ и говоритъ: „Злыя дѣла отъ насъ однихъ происходятъ, потому Апостолъ и называетъ ихъ дѣлами плоти; а добрыя (расположенія) требуютъ не нашего только старанія, но и человѣколюбія Божія (т.-е. благодати Духа).“ „Ибо при содѣйствіи Духа преуспѣваетъ душа въ каждомъ изъ сихъ дѣлъ“ (Өеодоритъ). Такъ и всѣ наши толковники.

Перечисляя самыя добротности, какими Духъ украшаетъ сердце вѣрнаго христіанина, Апостолъ не ставитъ ихъ въ прямое соотвѣтствіе съ перечисленными выше страстями и похотьми. Но и здѣсь два ихъ рода, какъ и тамъ. Противъ раздраженія съ порожденіями его ставитъ Апостолъ нѣсколько доброхотныхъ расположеній; а противъ всѣхъ дѣлъ похоти—одно воздержаніе.

Въ подробное разсмотрѣніе сихъ добродѣтелей не входятъ наши толковники. Только блаж. Іеронимъ дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній на каждую изъ нихъ.

Любы. Какъ всѣ страсти отъ самолюбія, все къ себѣ стягивающаго; такъ всѣ добрыя расположенія отъ любви, поправшей самость и всѣмъ готовой жертвовать для блага другихъ, не помышляя о себѣ. „И какой изъ добродѣтелей прилично держать первенство между плодами Духа, какъ не любви, безъ которой прочія добродѣтели не считаются добродѣтелями, и отъ которой раждаются всѣ блага? И въ законѣ и въ Евангеліи ей предоставлено главенство: *возлюбиши Господа Бога твоего отъ всего сердца твоего, и отъ всея души твоея, и всею силою твоею: и ближняго твоего, якоже самаго себе* (Втор. 6, 5; Мѳ. 22, 37)“ (Іеронимъ). Св. Павелъ въ посланіи къ Коринѳянамъ, сказавши, что безъ любви все ни во что, описываетъ потомъ дѣла любви, такъ: *любы долготерпитъ, милосердствуетъ: любы не завидитъ: любы не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своихъ си, не раздражается, не мыслитъ зла. Не радуется о неправдѣ, радуется же о истинѣ: вся покрываетъ, всему вѣру емлетъ, вся уповаетъ, вся терпитъ: Любы николиже отпадаетъ* (1 Кор. 13, 1—8). Всѣ послѣдующія добродѣтели указываютъ лишь разныя стороны любви.

Радость. Радость конечно о Дусѣ Святѣ, въ порядкѣ духовной жизни: ибо *нечестивому нѣсть радоватися* (Ис. 57, 21). Обычная радость—отъ полученія земныхъ благъ. Радость духовная—отъ ощущенія благобытія въ духѣ. Какъ чувство здравія неотъемлемо отъ здороваго; такъ радость духовная отъ живущаго духомъ и похотей плотскихъ несовершающаго. Это радость спасеннаго, который видитъ ясно, что миновалъ пагубность. Ее нельзя раздуть; она сама раждается и стоитъ. Заповѣдь Апостола: *всегда радуйтеся* (1 Сол. 5, 16), можетъ быть есть болѣе признакъ, что если не радуетесь, то вы не стоите въ настоящемъ чинѣ. По увѣренію Палладія Елено-

польскаго въ „Лавсаикѣ,“ въ обители аввы Аполлоса было братій до пятисотъ, и они всѣ всегда радовались, несмотря на великія пустынныя лишенія, и радовались такою радостію, что никто здѣсь на землѣ не укажетъ такой радости и веселія тѣлеснаго. Между ними никого не было скучнаго и печальнаго, и авва Аполлось обычно говаривалъ: не должно на пути спасенія скорбѣть тѣмъ, которые имѣютъ наслѣдовать царство небесное; пусть стенаютъ язычники, пусть плачутъ Іудеи, пусть скорбятъ грѣшники, а идущіе правымъ путемъ должны радоваться (Лавс. 47, стр. 168).

Миръ. Поправшій страсти имѣетъ мирное устроеніе сердца, ничѣмъ невозмутимое, свѣтлое состояніе духа, стоящаго въ сердцѣ сознаніемъ предъ Богомъ, все неправое отрѣвающаго и въ одномъ правомъ ходящаго. Это внутреннее мирное устроеніе является и во внѣ мирностію со всѣми и распространеніемъ мира вокругъ. Есть такія благодатныя личности, которыя, какъ только явятся въ какомъ кругѣ, тотчасъ водворяютъ миръ и согласіе. „Это блаженные миротворцы, коихъ отличилъ Господь чрезъ наименованіе сынами Божіими. Они и съ ненавидящими мира бываютъ мирны (Пс. 119, 6). За то и Богъ въ нихъ обитаетъ: *ибо въ мирѣ мѣсто Его* (Пс. 75, 2)“ (Іерон. не слово въ слово),

Долготерпѣніе. Оно, какъ несокрушимая стѣна, ограждаетъ миръ, радость, и любовь, само отъ нихъ получая и закаленную крѣпость и нерасторжимый цементъ. Міръ во злѣ лежитъ. Живя въ немъ нельзя избавиться отъ уязвленій зла. Скорби и лишенія не столько разятъ, сколько напраслины и нападки злыхъ людей. У врага они суть самыя сильныя оружія къ возмущенію живущихъ въ духѣ. Къ нимъ онъ приступаетъ обычно съ этимъ оружіемъ, когда увидитъ, что они не поддаются уже ни въ чемъ пожеланіямъ похоти. Видя, что этимъ путемъ

нельзя ихъ взять, онъ направляетъ противъ нихъ злыхъ людей, чтобъ если ушелъ кто отъ похоти, задержать его гнѣвомъ и ненавистію къ обидчикамъ, и чрезъ то отнять у него содѣваемое имъ спасеніе: ибо гнѣваяйся на брата повиненъ гееннѣ. Противъ этихъ козней благодать Божія воздвигаетъ въ сердцѣ необоримую стѣну,—долготерпѣніе, которымъ отражаются всѣ стрѣлы лукаваго. Долготерпѣніе все стоитъ на томъ убѣжденіи, что напраслины и нападки отъ другихъ суть не ихъ дѣло, а дѣло врага; потому оно не на людей возстаетъ гнѣвомъ, а на врага вооружается непріязнію, храня къ людямъ доброе расположеніе. Этимъ долготерпѣніе перехитряетъ врага. Почему о немъ говоритъ Премудрый: *долготерпѣливъ мужъ многъ въ разумѣ: малодушный же, крѣпко безуменъ* (Притч. 14, 29).

Благость—χρηστότης,—„пріятность, располагающее къ содружеству обращеніе, сладкая рѣчь, привлекательные пріемы“ (Іерон.). Особую печать носятъ на себѣ тѣ, кои живутъ въ духѣ. Какъ у нихъ все стройно, все ко времени, къ мѣсту и лицамъ, и въ словѣ и въ поступкахъ! И это не умомъ опредѣляется, а идетъ прямо изъ сердца. Всѣмъ они по душѣ, для всѣхъ, какъ елей на раны. И это всегда почти безъ всякихъ внѣшнихъ преимуществъ: ни знатность рода, ни образованіе, ни достатки не имѣютъ части въ этомъ качествѣ. Оно отъ богатства духа, покрываемаго глубокимъ смиреніемъ.

Милосердіе-ἀγαθωσύνη, сердоболіе и сострадательность, съ готовностію все сдѣлать въ благо другаго. Какъ мать болитъ о дѣтяхъ, такъ милосердіе о всѣхъ христіанахъ. Ихъ благо—его благо Себя не помнитъ. Оно готово себя раздѣть, чтобъ одѣть другаго, себя оставить голоднымъ, чтобъ накормить другаго, свое тѣло здоровое отдать больному, а его больное взять себѣ. Оно паче всѣхъ добродѣтелей восхвалено будетъ на судѣ.

Вѣра, не догматовъ содержаніе, а увѣренность въ Богѣ, что Онъ никогда ни въ чемъ не оставитъ, что держитъ и ведетъ самымъ лучшимъ путемъ, и приведетъ къ благому концу, что все отъ Него и все во благо, хотя бы непріятно было, что никто ничего ни сказать, ни сдѣлать не можетъ, на что не соизволилъ бы Богъ, что во всемъ воля Его святая, почему живетъ покойно въ преданности въ волю Божію. Эта вѣра породила мучениковъ, а послѣ нихъ произвольныхъ страдальцевъ, пустынныхъ подвижниковъ. Она и всюду воодушевляетъ благочестіе и жизнь въ духѣ.

Кротость—„противоположна гнѣву и всякой раздражительности. За нее рабъ Божій Моисей удостоенъ такого свидѣтельства: *Моисей, кротокъ зѣло паче всѣхъ человѣкъ, сущихъ на земли* (Числ. 12, 3). И о Давидѣ сказано: *помяни, Господи, Давида и всю кротость его* (Пс. 131, 1), которая особенно проявилась въ немъ въ отношеніяхъ къ Саулу, Авессалому и Семею“ (Іеронимъ). Это не безчувствіе сердца, а Духомъ, дѣянія плотская умерщвляющимъ, въ сердцѣ образуемое расположеніе, за которое Господь обѣтовалъ наслѣдіе земли благихъ: *блажени кротцыи, яко тіи наслѣдятъ землю* (Мѳ. 5, 4). И въ Себѣ Господь указалъ для подражанія наипаче кротость смиренную: *научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ* (Мѳ. 11, 29).

Воздержаніе,—не только какъ начало цѣломудрія, но и какъ обузданіе пожеланій относительно пищи, питія и всякаго другаго похотствованія (Іерон.). Есть воздержаніе первоначальное, когда возлюбивъ сію добродѣтель ищутъ ее. Тутъ помыслы и пожеланія возбуждаются, и нерѣдко пораждаютъ сочувствіе и влеченіе, но отвергаются силою воли, духомъ укрѣпляемой. Воздержаніе же совершенныхъ есть укоренившаяся добродѣтель, когда возрождающіяся помышленія уже не колеблютъ. Строгая

во всемъ жизнь становится тогда постоянною нормою. Предметъ воздержанія—обученіе тѣла и приспособленіе его къ жизни духовной, чрезъ навыкъ удовлетворять необходимыя потребности его наименьшимъ коштомъ. Подвижники говорятъ: обучи тѣло, и оно будетъ тебѣ самымъ добрымъ помощникомъ въ жизни по духу. Всякая сласть отъ удовлетворенія тѣла сномъ, пищею, одеждою и жилищемъ—только тогда теряетъ свою привлекательность, когда возраждаются и возрастаютъ утѣшенія духовныя.

На таковыхъ нѣсть закона. Κατὰ τοιούτων—противъ таковыхъ, т.-е. противъ сихъ добродѣтелей, или противъ тѣхъ, кои имѣютъ сіи добродѣтели. Мысль остается одна и таже. Законъ представляется гонителемъ всякаго грѣха и оберегателемъ отъ него людей. Кто же обладаетъ показанными плодами Духа, у того не только изъ круга дѣлъ изгнанъ всякій грѣхъ, но и изъ сердца всякая страсть. Слѣдовательно у такого нечего гнать закону, нечего и его самого сторожить. Онъ — не для такихъ лицъ. Св. Златоустъ говоритъ: „кто можетъ научить того, кто самъ въ себѣ имѣетъ все, и совершеннѣйшимъ учителемъ мудрости—любовь? Какъ кроткіе кони, и сами по себѣ дѣлающіе все, не имѣютъ нужды въ бичѣ, такъ и душа, дѣлающая добро дѣйствіемъ Духа, не имѣетъ нужды въ предписаніяхъ закона. Итакъ Апостолъ и здѣсь съ удивительною мудростію отвергаетъ законъ, не потому чтобы онъ былъ худъ, но потому, что онъ ниже мудрости, подаемой Духомъ.“

И здѣсь, какъ впереди, гдѣ сказалъ: *аще ли духомъ водими есте, нѣсте подъ закономъ*. Сказалъ, что водимые Духомъ не суть подъ закономъ; теперь исчисливши плоды Духа, т.-е. показавши, кто суть водимые Духомъ, или въ чемъ открывается это водительство, ему приходилось сказать: вотъ какіе не подъ закономъ! Но онъ говоритъ

другими словами, въ тойже однакожъ мысли: на таковыхъ нѣсть закона. Законъ такихъ не касается, не имѣетъ въ виду. Вообще гдѣ рѣчь идетъ о законахъ добродѣтелей, тамъ хотя говорится о ненужности такихъ законовъ, но совсѣмъ не потому, чтобы добродѣтели не были обязательны для христіанъ, а потому что они носятъ ихъ уже въ сердцѣ своемъ; законы сіи новымъ образомъ написаны у нихъ въ сердцахъ, какъ обѣтовано и чрезъ Пророковъ.

Ст. 24. *А иже Христови суть, плоть распяша со страстьми и похотьми.*

Кто Христовы? Тѣ, которые увѣровали въ Него и прилѣпились къ Нему любовію, и которыхъ Онъ за то принялъ въ общеніе Свое, или призналъ Своими. Таковые распинаютъ плоть свою въ самый актъ приступанія къ Господу: безъ этого и приступить къ Нему нельзя. Плоть здѣсь разумѣется, какъ и выше, живущій въ насъ грѣхъ, или самолюбіе и самоугодіе, изъ коихъ всѣ страсти и похоти. А кто приступаетъ къ Господу, того первый шагъ опредѣляется такъ: *да отвержется себе, и возметъ крестъ свой.* Отверженіе себя и есть попраніе самости, или распятіе плоти. Такого рода дѣйствованіе, какъ завѣтъ заключается съ Господомъ въ крещеніи, когда крещаемый отрицается сатаны и всѣхъ дѣлъ его и сочетавается съ Господомъ. Этотъ нравственный актъ запечатлѣвается потомъ благодатію въ крещеніи, и крещаемому ради его дается сила не работать болѣе грѣху, а отвергать, ненавидѣть и преслѣдовать его. Это и значитъ, что крещаемый умираетъ грѣху и оживаетъ для новой благодатной жизни въ Господѣ. Иначе у Апостола это же самое названо распятіемъ ветхаго человѣка и упраздненіемъ тѣла грѣховнаго, т.-е. всего корпуса грѣха, — самости со страстями. Вотъ какъ христіанинъ въ то самое время, какъ становится Христовымъ, рас-

пинаетъ и плоть свою со страстьми и похотьми. Зачѣмъ поминаетъ объ этомъ здѣсь Апостолъ? Все въ видахъ полнѣйшаго уясненія предмета, о коемъ рѣчь, т.-е. жизни въ духѣ. Жизнь въ духѣ, какъ понималось, есть стать сознаніемъ въ сердцѣ предъ Господомъ и всѣ дѣла свои, и внутреннія и внѣшнія, направлять на богоугожденіе, во славу Господа, съ отверженіемъ, попраніемъ и преслѣдованіемъ всѣхъ неправыхъ движеній въ мысляхъ и желаніяхъ. Это отверженіе неправостей внутри и есть распятіе самости, отъ коей все неправое. Такимъ образомъ распинаніе самости,—плоти, есть неотъемлемая принадлежность жизни духовной. Св. Златоустъ и говоритъ: „чтобы не спросили: кто же они таковы? (т.-е. тѣ, на коихъ нѣтъ закона), онъ указываетъ ихъ изъ дѣлъ ихъ: тѣ, кои распяли плоть. Ибо страсти хотя и досаждаютъ имъ, но возстаютъ на нихъ напрасно и безъ успѣха."

Когда говорится: *распяша*, однажды навсегда, то подъ этимъ разумѣется тотъ нравственный поворотъ, въ коемъ приступающій къ Господу даетъ обѣтъ не поддаваться грѣху, до положенія живота; на что и сила дается въ крещеніи. Самость попрана, отвергнута, распята. Послѣ хоть и приступаетъ, но ничего не получаетъ. Всякій разъ попирается съ презрѣніемъ и распинается. Вся жизнь христіанина есть распинаніе плоти грѣха; но это есть плодъ и осуществленіе того перваго акта, которымъ самость извержена изъ сознанія и свободы, и лишена всякаго права опредѣляющей къ дѣламъ силы. Безъ этого перваго и послѣдующихъ не можетъ быть: они связаны, какъ корень и стволъ съ вѣтвями. Потому и говоритъ Апостолъ: распяша, однократно, но тутъ столько силы, что ея станетъ на цѣлую жизнь.

Что это распятіе—не механическое какое, а нравственное, это хорошо изображаетъ блаж. Августинъ. Онъ

выводитъ распинательную силу изъ возраждающагося въ духѣ страха Божія, коимъ полагается начало обращенія, и потомъ поддерживается и исправная жизнь обращаемаго. „Чѣмъ распяли, какъ не страхомъ Божіимъ, чистымъ, пребывающимъ въ вѣкъ вѣка (Пс. 18, 10), въ коемъ боимся оскорбить Того, Кто всѣмъ сердцемъ, всею душею и всѣмъ помышленіемъ любимъ? Этимъ страхомъ распяту быть желаетъ и Пророкъ, когда говоритъ: пригвозди страху Твоему плоти моя (Пс. 118, 120). Распинаетъ же страхъ на томъ крестѣ, о коемъ говоритъ Господь: *возми крестъ твой и послѣдуй мнѣ* (Мѳ. 16, 24).

Ст. 25. *Аще живемъ духомъ, духомъ и да ходимъ.*

Это—выводъ изъ всего предыдущаго. Апостолъ говоритъ какъ-бы: итакъ, если живемъ духомъ, т.-е. если оставили мы стихійное богоугожденіе, свергли иго закона, получили свободу отъ него, съ тѣмъ чтобы угождать Богу нравственными расположеніями, изъ духа исходящими; то и ходить уже намъ надлежитъ духомъ, т.-е. съ требованіями его сообразовать свой образъ мыслей, чувствъ, расположеній, словъ, дѣлъ, всего поведенія. *Да ходимъ*—στοιχωμεν, что значитъ: да сообразуемся, да согласуемся съ нимъ. Требованія же духа онъ изобразилъ уже подъ видомъ плодовъ его. И понятно, что значитъ ходить духомъ: значитъ—обнаруживать въ жизни своей тѣ качества, кои суть плодъ Духа, такъ строго, чтобъ ничего изъ того, что есть дѣло плоти—самости, не входило въ нее. Этого безъ борьбы съ собою нельзя выполнить. Потому тутъ же заключается и законоположеніе о сей брани, которой исходная точка и дѣйствующая сила указана въ предыдущемъ стихѣ. Жизнь духовная—неистощимый источникъ утѣшеній; но они не даромъ достаются. Кто-то выразился: даждь кровь, и пріими Духа.

2).

Достодолжный характеръ совершеннѣйшихъ и руководящихъ въ христіанскомъ обществѣ лицъ, съ краткимъ указаніемъ отношенія къ нимъ руководимыхъ.

(5, 26—6, 6).

Хотя не говоритъ прямо св. Апостолъ, но образъ рѣчи его наводитъ на мысль, что онъ обращается здѣсь къ предстоятелямъ церквей. Ибо говоритъ: „вы духовные исправляйте согрѣшающихъ, другъ друга тяготы носите...“ Въ послѣднемъ же стихѣ (6, 6), опредѣляетъ отношенія учимаго къ учащему. Исправлять, учить и тяготы другихъ носить, не всякому умѣстно. На это должны быть особыя лица; иначе неизбѣжны въ обществѣ нестроенія. Въ Церкви это долгъ предстоятелей. Апостолъ Павелъ, гдѣ ни основывалъ церкви, вездѣ ставилъ и пастырей и учителей. Конечно поставлены они были имъ и въ галатійскихъ церквахъ. Къ нимъ онъ теперь и ведетъ рѣчь. Зачѣмъ прямо не назвалъ ихъ? Вѣрно они были виновны въ томъ, противъ чего говоритъ Апостолъ. Итакъ, чтобы смягчить обличеніе, онъ говоритъ вообще. А можетъ быть на ряду съ предстоятелями въ томъ же оказались неисправными и другія, выдававшіяся изъ ряду лица. Всѣхъ ихъ подъ общее воззрѣніе и подводитъ св. Павелъ; а между тѣмъ самыя наставленія такого рода, что нѣкоторыми сторонами могли идти и ко всѣмъ вообще христіанамъ.

Совершеннѣйшимъ и руководящимъ говоритъ Апостолъ: не тщеславьтесь (5, 26); будьте внимательны къ нуждамъ падающихъ и немощныхъ (6, 1. 2); и сами

предъ собою не трубите, считая себя чѣмъ-то (6, 3—5).

Ст. 26. *Не бываимъ тщеславни, другъ друга раздражающе, другъ другу завидяще.*

Тщетной ищутъ славы, когда думаютъ славиться тѣмъ, что не можетъ дать истинной славы, или уловить славу и похвалу стараются у тѣхъ, коихъ похвала и славленіе ничтожны, каковы всѣ вообще люди. Страждущіе этою немощію обыкновенно человѣкоугодливы и намѣренно раздражать кого не охотно рѣшаются. Но самое стремленіе ихъ достигнуть того, чтобъ про нихъ трубили, особенно когда и успѣхъ въ этомъ есть, противъ воли ихъ, вызываетъ зависть въ другихъ и раздражаетъ ихъ противъ нихъ. Равно они сами, когда кто опереживаетъ ихъ въ этомъ пустомъ дѣлѣ, завидуютъ ему и удвояютъ свои усилія. Это состязаніе и словомъ и дѣломъ образуетъ немирность между состязающимися, которая отъ нихъ переходитъ и на соприкосновенныя къ нимъ лица. Братскій союзъ расторгается и обществу грозитъ разложеніе. „Въ тщеславіи скрывается причина многихъ золъ, говоритъ св. Златоустъ; ибо отъ него раждается зависть, а отъ зависти происходятъ безчисленные виды зла.“

Такова общая мысль текста; но если возьмемъ во вниманіе обстоятельства написанія посланія, то она получитъ особый оттѣнокъ, который и даютъ ей нѣкоторые изъ толковниковъ нашихъ. Блаж. Ѳеодоритъ пишетъ: „Можетъ быть твердые въ вѣрѣ, непрестанно осуждая поколебавшихся, возбуждали споры. Ихъ-то и увѣщаваетъ Апостолъ подать руку тѣмъ, которые преклонялись къ закону.“ Сходно съ этимъ понимаетъ это мѣсто и блаж. Августинъ: „послѣ того, какъ научилъ ихъ, какъ противостоять тѣмъ, которые обманомъ хотѣли подчинить ихъ рабству закона, предостерегаетъ

ихъ, чтобъ сдѣлавшись посвѣдущѣе и имѣя уже силы, какъ должно отвѣчать порицаніямъ плотскихъ людей, не вдались они въ спорливость безполезную, изъ одного тщеславія, и освободившись отъ ига закона, не стали рабами славолюбивыхъ пожеланій." На этихъ мысляхъ тѣмъ охотнѣе останавливаешься, что слово *раздражающе* по гречески—προκαλούμενοι значитъ *вызывающе*, что блаж. Ѳеофилактъ изъясняетъ такъ: „другъ друга вызывая къ спорамъ и состязаніямъ, какъ бываетъ напримѣръ, когда кто противнику своему говоритъ: поди-ка, помѣряемся, если есть у тебя столько силы."

Можетъ быть такая ошибка была уже сдѣлана, когда привзошло разномысліе въ общество христіанъ. Тѣ, на которыхъ лежала обязанность блюсти вѣру вѣрующихъ, взглянули на увлекавшихся свысока, и въ защитѣ истины руководились не любовію къ ней и къ братіямъ соблазняемыхъ, а завистью къ лжеучителямъ, восхищавшимъ будтобы ихъ славу и достоинство. Оттого можетъ быть, они и трудились въ борьбѣ, но плода не имѣли, а напротивъ только разжигали раздраженіе и увеличивали разладъ. Что нибудь подобное было. Св. Апостолъ долженъ былъ помянуть о томъ и поминаетъ. Но опасаясь, какъ бы прикосновеніе къ сей ранѣ не было слишкомъ чувствительно, онъ и себя ставитъ въ рядъ наставляемыхъ, какъ будто и ему самому былъ нуженъ такой урокъ. *Не бываимъ*, говоритъ, *тщеславни*, и проч.

Гл. 6. Ст. 1. ***Братіе, аще и впадетъ человѣкъ въ нѣкое прегрѣшеніе, вы духовніи исправляйте таковаго духомъ кротости, блюдый себе, да не и ты искушенъ будеши.***

Какъ бы такъ: вотъ какъ вамъ слѣдовало дѣйствовать; но ужъ какъ то прошло теперь, напередъ положите себѣ правиломъ исправлять падающаго духомъ кротости. „Поелику Галаты (думается—набольшіе, ру-

ководящіе), подъ предлогомъ обличенія, — отмщевали другимъ за свои страсти, и обольщали себя тѣмъ, что они дѣлаютъ сіе за грѣхъ другимъ, а въ самомъ дѣлѣ желая только утвердить свое любоначаліе, то Апостолъ и говоритъ имъ такъ“ (св. Златоустъ).

Къ кому рѣчь? Къ духовнымъ: *вы духовные*. Кто же эти духовные? По Апостолу, изъ предыдущей рѣчи, всѣ христіане духовны; ибо пріяли Духа благодати и служатъ Богу духомъ и истиною, въ противоположность стихійному служенію Іудеевъ и язычниковъ. Слѣдовательно Апостолъ хочетъ, чтобы всѣ исправляли всѣхъ? Но это ни въ какомъ обществѣ не бываетъ. Невозможно ожидать, чтобъ изъ устъ Ап. Павла изошло такое правило. Возьмемъ другой оборотъ: христіане всѣ пріяли Духа и должны быть истинно духовны; но какъ проявленіе Духа въ силѣ открывается не вдругъ, а требуетъ извѣстнаго труда, а слѣдовательно и времени; то естественно, что между христіанами не всѣ были таковы, которыхъ духовность была явна и въ силѣ, и которыхъ собственно слѣдуетъ называть духовными. Итакъ не этихъ ли совершеннѣйшихъ разумѣетъ Апостолъ? Поставь всякій себя на это мѣсто, и рѣши: рѣшился ли бы кто взять на себя дѣло исправленія другихъ, когда это не поручено? Надо полагать, нѣтъ. Итакъ вѣроятнѣе, что св. Павелъ подъ духовными разумѣетъ здѣсь тѣ лица, которымъ онъ поручилъ смотрѣть за другими и блюсти среди вѣрующихъ и вѣру и жизнь по вѣрѣ. Они конечно были совершеннѣйшіе между всѣми; но долгъ исправлять падающихъ лежалъ на нихъ не ради ихъ совершенства, а ради Апостольскаго избранія на это дѣло, сопровождавшагося у св. Павла обычно рукоположеніемъ.

Изъ многихъ дѣлъ, лежащихъ на такихъ лицахъ, Апостолъ останавливается на одномъ, какъ они должны

относиться къ падающимъ. Этого требовали обстоятельства галатскихъ церквей и, можетъ быть, ошибки самыхъ сихъ лицъ.

Съ какою нѣжностію относится св. Павелъ къ падающимъ? Возможны и тяжкія паденія; но онъ напередъ уже располагаетъ къ снисхожденію и къ нимъ, называя всѣ паденія случайными поскользновеніями, не отъ злаго намѣренія исходящими, а отъ увлеченія и насилія сторонняго; т.-е. или грѣха, живущаго въ насъ, или врага нашего спасенія. Ибо говоритъ: *аще впадетъ*—προληφθῃ, схваченъ будетъ, увлеченъ нечаянно, прежде чѣмъ сообразитъ дѣло, какъ должно. „Не сказалъ: сдѣлаетъ нѣкое прегрѣшеніе, а προληφθῃ, т.-е. увлеченъ будетъ въ какой-нибудь грѣхъ" (св. Златоустъ). Въ томъ же духѣ и самый грѣхъ назвалъ онъ παράπτωμα—мимоходное, случайное паденіе, поскользнутіе.

Такими глазами учитъ Апостолъ смотрѣть на прегрѣшенія другихъ, чтобъ не упредила возбудиться немилостивая неразумная ревность, а напротивъ срѣтилъ и обнялъ падшаго духъ снисхожденія, сострадапія и любви. Когда это есть, тогда легко выполнить заповѣдь Апостола: *исправляйте таковаго духомъ кротости*. Не говоритъ: вниманія не обращайте, какъ будто тотъ ничего не сдѣлалъ. „Не сказалъ опять: наказывайте, или осуждайте, но *исправляйте*. Однако и на семъ не остановился, но желая показать, что имъ должно быть крайне снисходительными къ согрѣшающимъ, прибавляетъ: *духомъ кротости*" (св. Злат.).

Въ духѣ кротости—и смиреніе, и состраданіе, и благоразуміе, и ревность о спасеніи заключается. Блаж. Іеронимъ пишетъ: „заповѣдуетъ Апостолъ мужу духовному при исправленіи согрѣшающаго пользоваться духомъ кротости, чтобы не съ строгостію, не съ гнѣвомъ и огорченіемъ обращался къ нему, а любовію призывалъ

его, указуя спасеніе и обѣщая прощеніе словами Самого Христа Господа, Который всѣхъ обремененныхъ грѣхами призываетъ подъ иго Свое благое и бремя Свое легкое, да научатся, яко кротокъ есть и смиренъ сердцемъ и обрящутъ покой душамъ своимъ (Мѳ. 11, 29). Можно представить въ возраженіе намъ то, что пишется къ Коринѳянамъ: *что хощете? Съ палицею ли пріиду къ вамъ, или съ любовію и духомъ кротости* (1 Кор. 4, 21)? Если тамъ говоритъ, что идетъ къ грѣшникамъ не въ духѣ кротости, а съ палицею, то какъ здѣсь къ тѣмъ, кои предвосхищены будутъ въ какой-либо грѣхъ, велитъ онъ обращаться не съ палицею, а съ духомъ кротости? Но тамъ рѣчь идетъ къ тѣмъ, кои по учиненіи грѣха, не чувствуя своей виновности, не хотѣли подчиниться своимъ набольшимъ и покаяніемъ исправиться. А тамъ гдѣ грѣшникъ разумѣя свою рану, предастъ себя врачу на уврачеваніе, не палица нужна, а духъ кротости. Можно и такой еще предложить вопросъ: если исправлять другаго въ духѣ кротости должно изъ опасенія, не быть бы самому искушену, то праведникъ, увѣренный въ своей твердости, зная, что можетъ не пасть, будто уже и не долженъ исправлять другаго въ духѣ кротости? На это скажемъ, что праведникъ, хотя бы и сознавалъ себя побѣдителемъ, еще большее окажетъ снисхожденіе къ грѣшнику, зная, съ какимъ трудомъ самъ онъ одолѣваетъ страсти. И Спаситель того ради искушенъ былъ во всемъ подобно намъ, кромѣ грѣха, чтобы могъ спострадать и споболѣть немощамъ нашимъ, зная опытно, какіе труды несутъ смертные во плоти (Такъ и здѣсь). Кто до старости пребылъ дѣвственникомъ, тотъ безъ сомнѣнія окажетъ снисхожденіе тому, кто иногда увлечется жаромъ юности, зная, подъ какими трудностями самъ прошелъ возрастъ тотъ.“

Этой рѣчи продолженіемъ могутъ служить слова блаж. Августина на наше мѣсто: „Ничто такъ не доказываетъ чьей-либо духовности (совершенства жизни духовной), какъ то, какъ онъ трактуетъ грѣхи другаго, именно, когда онъ, въ этомъ случаѣ, замышляетъ, какъ бы поскорѣе освободить его отъ грѣха, а не накинуться на него, какъ бы помочь, а не укорами осыпать, и не только замышляетъ, но тотчасъ и приступаетъ къ дѣлу, сколько есть силъ. Сказавши: *исправляйте духомъ кротости,* Апостолъ внушилъ, чтобъ не думалъ кто, что исправляетъ, какъ должно, когда безжалостно истязуетъ грѣшника, насмѣхается надъ нимъ, съ гордостію отвращается отъ него, какъ будто отъ неисправимаго. Почему и прибавилъ: *блюдый себе, да не и ты искушенъ будеши.* Ибо ничто такъ не располагаетъ къ милосердію, какъ видѣніе собственной своей опасности (если не будетъ оказано милосердіе). Впрочемъ Апостолъ не того хочетъ, чтобъ не дѣлалось братіямъ никакого исправленія, а чтобъ чрезъ это не распространялся разладъ. Миръ и любовь да хранятся въ сердцѣ, по сознанію одинаковой для всѣхъ опасности грѣха; а образъ исправительной бесѣды, т.-е., когда строже говорить, когда ласковѣе, долженъ быть сообразуемъ съ тѣмъ, какъ того требуетъ спасеніе исправляемаго. Въ другомъ мѣстѣ говоритъ Апостолъ: *рабу Господню не подобаетъ сваритися, но тиху быти ко всѣмъ, учительну, незлобиву, съ кротостію наказующу противныя* (2 Тим. 2, 24. 25). Чѣмъ показалъ, что и отъ исправленія погрѣшностей другаго отказываться не должно и совершать это съ кротостію. А съ кротостію какъ будешь исправлять, если не растворяя, въ исправительномъ словѣ, горечи врачевства сердечною участливостію и нѣжностію? И никогда не должно браться за дѣло врачеванія согрѣшающаго, если напередъ, съ строгими допросами испы-

тавши свою совѣсть, какъ предъ Богомъ, не удостовѣримся, что приступаемъ къ сему въ духѣ любви. Потому, когда душа твоя огорчена чѣмъ-либо отъ исправляемаго, а ты надѣешься еще какъ-нибудь уврачевать его, не говори ему ничего, пока самъ прежде не уврачуешься, чтобъ иначе не прорвалось горькое слово въ видѣ отмщенія и языкъ твой не оказался орудіемъ неправды грѣху (Рим. 6, 13). Что ни скажешь ты въ духѣ огорченнаго, то будетъ нападка наказующаго, а не любовь исправляющаго. Люби, и говори что хочешь.“

Блюдый себе, да не и ты искушенъ будеши. „Ты человѣкъ, природа твоя удобоизмѣняемая, соболѣзнуй о томъ, кто одержимъ недугомъ“ (Θеодоритъ). „Чтобъ исправляющій другаго не возгордился, онъ устрашаетъ и его опасностію подобнаго паденія. Какъ богатые подаютъ бѣднымъ милостыню, чтобы, если имъ самимъ придется впасть въ бѣдность, получить тоже отъ другихъ, такъ должно дѣлать и намъ. И согрѣшающаго защищаетъ вопервыхъ словами: аще и впадетъ (προληφϑῃ, увлеченъ будетъ), которыми указываетъ на великую немощь души; вовторыхъ словами: *да не и ты искушенъ будеши*, обвиняя болѣе искушеніе демонское, нежели нерадѣніе души“ (св. Златоустъ).

„Въ искушеніи побѣждену быть или побѣдить, въ нашей состоитъ власти; но чтобъ искушаемому быть, это зависитъ отъ произвола искушающаго. Если и Спаситель былъ искушаемъ, кто можетъ быть увѣренъ, что безъ искушеній преплыветъ море жизни сей?“ (Іеронимъ).

Но въ словахъ: *да не и ты искушенъ будеши*, кажется, у Апостола представляется опасность паденія, подобнаго паденію исправляемаго. Не прираженіе только грѣха предуказываетъ онъ: ибо объ этомъ что говорить, когда и безъ того всякъ знаетъ, что не свободенъ отъ него,—но самое паденіе въ грѣхъ. Кто бываетъ неми-

лосердъ къ согрѣшающему, того оставляетъ благодать, за это и онъ падаетъ. Опыты этого повсюдны. Если стоитъ кто, да не забываетъ, что то есть Божія милость. Милуемому же что приличнѣе, какъ не милованіе другаго? И чѣмъ скорѣе потеряетъ онъ милость, какъ не немилостивостію къ другимъ? „Въ жизни отцевъ пустынныхъ не рѣдко встрѣчаемъ, что тѣ изъ нихъ, которые слишкомъ сурово взыскивали съ учениковъ за погрѣшности, сами подвергаемы были опасности паденія, отъ коей избавлялись не иначе, какъ по сознаніи своей неправости и по раскаяніи въ томъ“ (Филаретъ Черниговскій).

Это говоритъ Апостолъ духовнымъ, тѣмъ, у коихъ дѣйственность (энергія) духа начала проявляться уже въ силѣ. Какъ онъ не опредѣляетъ мѣры духовности, въ коей сіе возможно, а говоритъ вообще о духовныхъ, то надо видѣть здѣсь удостовѣреніе, что какъ бы кто ни являлся облагодатствованнымъ, для него возможно не только искушеніе, но и паденіе отъ искушенія. Есть сказаніе, какъ врагъ преслѣдовалъ одного святаго, и покушался возбудить въ немъ самомнѣніе, даже на пути мытарствъ, крича въ слѣдъ его: побѣдилъ ты меня; но святый не отвѣчалъ ему ничего. Уже когда миновалъ онъ всѣ мытарства и вступилъ въ свѣтлую область Божію, сказалъ онъ: теперь вижу, что побѣдилъ, но все же не я, а благодать Божія во мнѣ.

Ст. 2. *Другъ друга тяготы носите, и тако исполните законъ Христовъ.*

Первое побужденіе къ милостивости къ согрѣшающимъ взялъ Апостолъ изъ опасности собственнаго паденія, а другое беретъ изъ общаго закона: *другъ друга тяготы носить*, вытекающаго прямо изъ закона любви и служащаго ближайшимъ его проявленіемъ. Апостолъ говоритъ какъ бы набольшимъ: если на всѣхъ лежитъ долгъ другъ

друга тяготы носить, тѣмъ паче на васъ, которые на то и избраны, чтобы быть всѣхъ слугами, и это значитъ не только тяготы носить, но и желанія ихъ исполнять. Но если вы не хотите такого являть совершенства въ отношеніяхъ къ братіямъ, держитесь по крайней мѣрѣ крайняго въ семъ предѣла — носите тяготы другихъ на ряду со всѣми.

Наши толковники преимущественно этотъ общій законъ и разъясняютъ. Өеодоритъ пишетъ: „одинъ недостатокъ имѣешь ты, а другаго не имѣешь. Онъ же напротивъ не имѣетъ недостатка, какой имѣешь ты, но имѣетъ другой. Ты переноси его недостатокъ, а онъ пусть переноситъ твой. Такимъ образомъ исполняется законъ любви. Ибо любовь назвалъ Апостолъ закономъ Христовымъ. Христовы это слова: *заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга*" (Іоан. 13, 34).

Вотъ слова св. Златоуста: „Поелику невозможно, будучи человѣкомъ, прожить безъ пятна, то Апостолъ убѣждаетъ не быть строгими судіями погрѣшностей другихъ, но терпѣливо сносить недостатки ближнихъ, дабы и самимъ другіе сносили ихъ недостатки. Тотъ вспыльчивъ, а ты сонливъ и вялъ: сноси его вспыльчивость, чтобы и онъ сносилъ твою вялость и сонливость. Такимъ образомъ, подавая другъ другу руку помощи, когда угрожаетъ опасность паденія, исполняйте законъ общими силами, восполняя каждый недостатки ближняго своимъ терпѣніемъ, Если же не будете такъ поступать, а всякій станетъ только судить дѣла ближняго, то вы никогда не достигнете того, чего достигать должны (дѣятельной взаимной любви)."

Влаж. Іеронимъ примѣняетъ свое толкованіе и къ тогдашнему состоянію галатскихъ христіанъ. „Тяготы — грѣхи суть, какъ свидѣтельствуетъ Псалмопѣвецъ: *яко бремя тяжкое отяготѣша на мнѣ* (Пс. 37, 5). Это бремя по-

несъ за насъ Спаситель, Своимъ примѣромъ научая насъ, какъ и мы должны поступать. Онъ неправды наши носитъ и о насъ болѣзнуетъ (Ис. 53), и обремененныхъ грѣхами призываетъ подъ легкое бремя добродѣтели (Мѳ. 11, 30). Итакъ кто, не отчаяваясь въ спасеніи брата, подаетъ ему руку потребной помощи и, сколько можетъ, плачетъ съ плачущимъ, изнемогаетъ съ немощнымъ и своими почитаетъ грѣхи чужіе, тотъ чрезъ такую любовь исполняетъ законъ Христовъ. Кто не имѣетъ милостивости и не обличенъ во утробы щедротъ и сострад анія, тотъ, хотя бы и духовный былъ, не исполняетъ закона Христова. Но надобно намъ это мѣсто сообразить съ предыдущимъ. Въ семъ отношеніи Апостолъ говоритъ какъ-бы: если кто немощенъ въ вѣрѣ и еще млекомъ младенческимъ питается, и не можетъ такъ скоро отъ подзаконной жизни перейти къ духовнымъ таинствамъ, вы сильнѣйшіе сносите тяготу его, чтобы иначе чрезъ ваше знаніе не погибъ братъ, за котораго Христосъ умеръ."

Ст. 3. *Аще бо кто мнитъ себе быти что, ничтоже сый, умомъ льститъ себе.*

Въ этомъ и слѣдующихъ двухъ стихахъ врачуетъ Апостолъ самомнѣніе духовныхъ руководителей, которое обычно раждается отъ того, когда помышляя о себѣ, сличаютъ себя не съ нормою, къ которой должны подходить, а съ немощами другихъ. Блаж. Ѳеодоритъ пишетъ: „симъ низложилъ кичливость надмевающихся какими-либо малыми преспѣяніями."

Кто думаетъ, что онъ что-нибудь значитъ, какое-нибудь имѣетъ совершенство, вѣсъ и достоинство, тотъ погрѣшаетъ уже тѣмъ, что такъ думаетъ. Ибо что бы ни имѣлъ онъ, все не его. И естественные дары Божіи суть, тѣмъ паче благодатные. Итакъ воздаждь славу Богу. Самъ ты по себѣ ничто и въ бытіи и въ совершен-

ствахъ. То, что ты еси, благодатію Божіею еси. Что же и мечтать?

Умомъ, говоритъ, *льститъ себе*. Самъ себя обманываетъ, не право направляя и истолковывая свидѣтельство о себѣ собственнаго своего сознанія. Если есть что въ комъ, того нельзя скрыть отъ сознанія; но стань разбирать, какъ оно есть, и въ такой ли мѣрѣ есть, какъ слѣдовало бы ему быть, то найдешь въ этомъ не предметъ самовозношенія, а побужденіе къ самоосужденію, яко лукаваго раба и въ маломъ невѣрнаго. Если приложить къ сему сознанію имѣемаго сознаніе недостающаго, и тѣмъ паче сознаніе того въ себѣ, чему бы совсѣмъ и не слѣдовало быть; то гдѣ тутъ устоять паутинному сплетенію самомнѣнія предъ возгарающимся отъ того огнемъ самообличенія? Если утвердить въ себѣ такое на себя воззрѣніе, то никогда не будетъ мѣста самомнѣнію. И не покажется оно, а если и покажется, тотчасъ отбѣжитъ, гонимо будучи совѣстнымъ самоосужденіемъ. Если такимъ образомъ бываетъ, что иной мнитъ себя быти что, то потому, что не потрудился хорошо опредѣлить, сколько онъ ничтоженъ въ себѣ, и впадаетъ въ этотъ грѣхъ по льщенію ума, которому обычно кичиться. „Такое легкомысліе Апостолъ и выставляетъ первымъ свидѣтельствомъ ничтожности такого лица“ (св. Златоустъ).

Ст. 4. *Дѣло же свое да искушаетъ кійждо, и тогда въ себѣ точію хваленіе да иматъ, а не во иномъ.*

„Если хочешь похвалиться, то разсмотри свою жизнь, и если найдешь достойною похвалы, хвались о себѣ, если только должно тебѣ это сдѣлать“ (Ѳеодоритъ). „Здѣсь Апостолъ показываетъ, что намъ должно быть судьями своей собственной жизни, изслѣдуя содѣланное нами, и не слегка, но со тщаніемъ. Такъ, если ты сдѣлалъ добро, смотри, не по тщеславію ли ты сдѣлалъ оное,

не по нуждѣ ли, не по лицемѣрію ли, или другой какой причинѣ человѣческой? Ибо какъ золото, хотя кажется блестящимъ и прежде, чѣмъ положено будетъ въ огонь, но совершенно познается на огнѣ, по отдѣленіи всякой примѣси отъ чистаго золота; такъ и наши дѣла тогда только откроются въ настоящемъ видѣ, когда со тщаніемъ будемъ испытывать ихъ; тогда увидимъ, что и мы сами за многое повинны осужденію“ (св. Злат.).

Можно здѣсь разумѣть не каждое только дѣло въ частности, но вообще дѣло всей жизни. Дѣло жизни— дѣло спасенія въ Господѣ Іисусѣ Христѣ. То, что вѣруемъ въ Господа, что по вѣрѣ получаемъ благодать въ таинствахъ въ помощь на жизнь по вѣрѣ или на исполненіе заповѣдей Господнихъ, это сдѣлано однажды навсегда, по домостроительству спасенія, и составляетъ начало дѣла содѣванія спасенія. И мы въ семъ дѣлѣ состоимъ, если сознаемъ, что имѣемъ ревность къ нему и усердно трудимся надъ нимъ. Конечно и это надо изслѣдовать, такъ ли все тутъ, какъ слѣдуетъ быть, таковъ ли нашъ нравственно-религіозный строй, какому слѣдуетъ быть въ христіанинѣ. Но все изслѣдованіе этимъ однимъ нельзя ограничить. Въ этомъ только снаряженіе себя на дѣло спасенія; а насколько сдѣлано самое дѣло сіе, по этому не узнаешь. Надо, какъ поминалось, имѣть въ умѣ норму совершенства христіанской жизни и съ нею сличать свою. Храмоздатель имѣетъ планъ храма, и по немъ строитъ храмъ, и видитъ, такъ ли идетъ зданіе, и насколько оно выполнило планъ. Такъ и для жизни христіанской есть свой всеобъемлющій чертежъ. Сознай его, наведи на свою жизнь, и увидишь, насколько подвинулось дѣло твоего собственнаго спасенія.

Скажетъ кто: но вѣдь это слишкомъ общее правило, и потому неопредѣленно. Его можно свесть на очень

опредѣленное и осязательное. Припомнимъ, что человѣкъ, по творенію, есть тварь очень хорошая—богоподобная. Но пришелъ эгоизмъ со страстями, и все въ немъ перепортилъ, переломалъ и разстроилъ. Выгони все это вонъ, и станешь, какъ созданъ, и будешь спасенный. Что самость, и что страсти, всякій знаетъ. Такъ вотъ и смотри,—насколько умалились въ тебѣ самолюбіе и страсти, настолько подвинулось и твое дѣло спасенія. Тутъ нельзя отказываться неопредѣленностію указанія: дѣла страстей осязаемы. Но какъ ихъ много, то чтобъ не запутаться, Апостолъ, какъ видѣли, всѣ ихъ сводитъ подъ двѣ главныя—похотливость и раздражительность. Если серчаешь, если похотствуешь чего, если привязанъ къ чему тварному, такъ что другимъ дотронуться до того нельзя, то у тебя сердце страстное, и дѣло спасенія твоего подъ сомнѣніемъ. Этого рода указанія можно встрѣчать поминутно.

Надобно еще различать при этомъ дѣла страстныя внѣшнія, страстныя движенія внутреннія, и главное—отношеніе къ нимъ свободы и произволенія и еще больше—сердца. Можно не дѣлать страстныхъ дѣлъ, а внутренно волноваться страстями. Это почти одно и то же, если есть и услажденіе страстями. Внутри, въ отношеніи къ страстямъ бываетъ помыслъ, сочувствіе, влеченіе, склоненіе. Со склоненія начинается путь страсти. Влеченіе, сочувствіе, помыслъ могутъ быть невольны. Свободное произволеніе можетъ не допускать себя до склоненія; но влеченія все будутъ показываться, и сочувствія вырываться, и помыслы проторгаться. Когда разумно-свободное произволеніе держитъ правило—никакъ не склоняться на внушенія страстей, и не склоняется дѣйствительно, выдерживая свой постъ чрезъ борьбу внутреннюю; тогда это рѣшительный знакъ, что лицо такъ настроенное вступило на путь спасенія и

идетъ по нему. Но если онъ чувствуетъ при этомъ внутри не помыслы только страстные, но и вырывающіяся сочувствія къ нимъ и влеченія; то должно сознать и сознавать, что умъ или духъ его сталъ и стоитъ не на своемъ мѣстѣ, и душа и сердце еще нечисты, въ нихъ еще пребываютъ задатки или залежи страстей. Это похоже на то, когда городъ заперся и отбивается отъ враговъ, но внутри его кроются измѣнники. Слѣдовательно дѣло только начато, и невидно, подвинулось ли оно впередъ. Вотъ признаки его движенія впередъ: постоянствомъ и рѣшительною неуступчивостію въ брани внутренней достигается сначала то, что влеченія умаляться начинаютъ, а потомъ и совсѣмъ кончаются: это первый стадій. Затѣмъ и сочувствія умаляются и совсѣмъ прекращаются: это—вторый стадій. А когда въ сердцѣ начнетъ появляться мерзеніе, непріязнь и гнѣвъ противъ самыхъ помысловъ страстныхъ; то это будетъ третій стадій окончательный. Это знакъ, что руда расплавилась и все, чуждое ей, выбросила изъ себя. По этимъ признакамъ очень вѣрно можно опредѣлять всякому свое дѣло спасенія, идетъ ли оно, и какъ идетъ, и насколько продѣлано. Очень не трудно замѣтить, какъ при взглядѣ на предметъ страсти или при помыслѣ о немъ прорывается изъ сердца сочувствіе къ нему. Такъ, когда это замѣтишь, знай, что страсть живетъ въ сердцѣ; если живетъ страсть въ сердцѣ, то сердце нечисто; если же оно нечисто, то гдѣ ему мѣсто въ другой жизни? Разсуди все это, и тогда похвались въ себѣ, если языкъ повернется.

И тогда въ себѣ точію хваленіе да иматъ, а не во иномъ. Какая мысль? Если такъ: самъ въ себѣ предъ собою похвались, а не предъ другимъ, то это будетъ противорѣчить тому, что выше сказано: *аще кто мнитъ себе быти что*, *ничтоже сый, умомъ льститъ себе*. Ибо

хвалить себя предъ собою и есть считать себя чѣмъ либо. При такой мысли Апостолъ благопріятствовалъ бы самомнѣнію, между тѣмъ какъ онъ противъ него-то и вооружается въ этомъ мѣстѣ. Прямѣе такъ: бери себѣ похвалу не изъ сравненія себя съ немощами немощнаго брата, а изъ сличенія себя съ нормою совершенства христіанскаго. Если по строгомъ изслѣдованіи ты найдешь, что отвѣчаешь той нормѣ, то похваленіе имѣй въ этомъ соотвѣтствіи, а не въ томъ, что другой сколько-нибудь немощнѣе тебя. Такъ сказалъ Апостолъ, прикрывая свое намѣреніе. Похвалиться мы всѣ охочи. Апостолъ будто не отмѣняетъ этого, а указываетъ только способъ, какъ можно дойти до справедливаго и вѣрнаго похваленія въ себѣ. Способъ же предложилъ такой, что стань по немъ себя опредѣлять, то никогда не придется тебѣ похвалиться, а скорѣе посредствомъ его будешь держать себя въ постоянномъ самоукореніи. Ибо если Апостолъ говорилъ о себѣ, что онъ не достигъ еще, а только стремится къ тому, чтобы достигнуть; то кто посмѣетъ сказать о себѣ, что достигъ уже? А если не посмѣетъ, чѣмъ хвалиться?

Св. Златоустъ—*во иномъ*—разумѣетъ: *предъ другимъ,* и мысль Апостола выражаетъ такъ: не хвались предъ другимъ, а самъ въ себѣ. Намѣреніе же, говоритъ, у Апостола то, чтобъ отъучить сначала хвалиться предъ другими, а когда кто отъ этого отвыкнетъ, то перестанетъ хвалиться и предъ собою. „Сими словами Апостолъ не правило предписываетъ, а только изъявляетъ снисхожденіе, какъ-бы такъ говоря: хвалиться не хорошо; а если хочешь хвалиться, то не предъ ближнимъ, какъ фарисей. Ибо кто научится не хвалиться предъ ближнимъ, тотъ скоро перестанетъ хвалиться и въ себѣ. Потому онъ и дѣлаетъ имъ сіе снисхожденіе, чтобы мало по малу наконецъ уничтожить въ нихъ зло. Ибо при-

вышшій хвалиться только въ себѣ, а не въ другихъ, скоро исправитъ и этотъ недостатокъ. Потому что, кто не считаетъ себя лучше другихъ (сіе значатъ слова— *не во иномъ)*, но хвалится только собою, разсматривая себя одного: тотъ перестанетъ наконецъ и это дѣлать. А что Апостолъ точно сію цѣль имѣлъ въ виду, это можешь видѣть изъ того, какъ онъ смиряетъ такого страхомъ, и напередъ сказавъ: *дѣло свое да искушаетъ кійждо*, и вслѣдъ за симъ прибавилъ: *кійждо свое бремя понесетъ*. Дѣлаетъ видъ, будто даетъ заповѣдь, возбраняющую хвалиться въ другомъ; а между тѣмъ въ тоже время исправляетъ хвалящагося, чтобы онъ и о себѣ не думалъ много, приводя его въ сознаніе своихъ собственныхъ грѣховъ и поражая его совѣсть наименованіями *бремени и ношенія*."

Ст. 5. *Кійждо бо свое бремя понесетъ*.

„Не любопытствуй знать чужія дѣла. Ибо каждый изъ насъ отдастъ отчетъ въ собственныхъ своихъ грѣхахъ" (Ѳеодоритъ). „Что хвалишься супротивъ ближняго? И ты и онъ (равно) понесете (на судъ) свои бремена, и тогда искусится дѣло каждаго. Такъ что, поелику и ты имѣешь бремя,—и тяжелое, то ни супротивъ другаго не хвались, ни самъ въ себѣ не труби о своемъ добродѣланіи" (Ѳеоф.). „Повидимому это противно сказанному выше: *другъ друга тяготы носите*: ибо если всякій свое бремя понесетъ, то другъ друга тяготы носить уже нельзя. Но тамъ предписывается, чтобы мы грѣшные въ этой жизни сносили другъ друга и другъ другу помогали; а здѣсь говорится о судѣ надъ нами Господа, что не по грѣхамъ другаго, и не по сравненію насъ съ худшими, а по собственному нашему дѣлу (труду всей жизни) признаетъ Онъ насъ грѣшными или святыми: по дѣлу сему всякій получитъ и воздаяніе" (Блаж. Іеронимъ).

Говоря такъ, Апостолъ ставитъ вниманіе каждаго предъ лицемъ суда Божія. Займи этимъ умъ, забудешь выситься надъ другими, забудешь и въ себѣ самомъ трубить о себѣ. Ибо судъ Божій не то, что судъ человѣческій. Онъ можетъ рѣшить совсѣмъ противно нашему суду и сознанію: ибо видитъ насъ глубже, нежели мы сами. Рѣшеніе же Божія суда таково, что перерѣшенія ему не жди. Оно наложитъ печать на участь твою, которая во вѣки вѣчные останется неизмѣнною. Итакъ, если рѣшеніе это таково, мы же сами о себѣ вѣрнаго предрѣшенія въ свою пользу составить не можемъ; то лучше и не предрѣшать, а имѣя сей страхъ невыгоднаго для насъ рѣшенія на судѣ, будемъ паче и паче ревновать о дѣланіи дѣлъ и настроеніи сердца,—такихъ, которымъ по неложному слову Господа не предрекается осужденіе,—задняя забывая, въ предняя же простираяся.

Память о судѣ—наисильнѣйшее средство не только противъ самомнѣнія и возношенія, но и противъ всякой другой страсти и противъ всякаго помысла страстнаго. О семъ всѣ святые подвижники внушали, и въ урокахъ своихъ урокъ о памятованіи суда ставили вопервыхъ, на ряду съ памятованіемъ о Богѣ вездѣсущемъ и всевѣдущемъ.

Ст. 6. *Да общается же учайся словеси учащему во всѣхъ благихъ.*

Доселѣ, съ 5, 26, до 6, 5, давалъ Апостолъ наставленія совершеннѣйшимъ, духовнымъ, руководящимъ и учащимъ. Въ этомъ же стихѣ даетъ урокъ учащимся и руководимымъ. Не полное имъ наставленіе даетъ, а только одно—объ удѣленіи учащимъ отъ своихъ видимыхъ благъ. Вѣрно эта одна сторона и требовала напоминанія, въ отношеніяхъ Галатовъ къ своимъ предстоятелямъ церковнымъ. Ѳеодоритъ пишетъ: „здѣсь предписываетъ Апостолъ учителямъ принимать надле-

жащія услуги отъ обучаемыхъ. И сіе дѣло называетъ общеніемъ, и повелѣваетъ, чтобы наслаждающіеся духовнымъ дѣлились за то плотскимъ.“ Тоже и блаж. Іеронимъ: „смыслъ словъ сихъ таковъ: поелику выше предписалъ онъ духовнымъ, впадающихъ въ какое-либо прегрѣшеніе исправлять духомъ кротости и другъ друга тяготы носить, во исполненіе закона Христова; то теперь, въ соотвѣтствіе тому, повелѣваетъ тѣмъ, кои еще немощны и плотяны, еще ученики суть, чтобы, какъ сами они пожинаютъ отъ учителей духовное, такъ учителямъ своимъ доставляли плотское, ибо они, посвятивъ себя всѣхъ на просвѣщеніе другихъ Божественнымъ ученіемъ, должны конечно нуждаться въ потребностяхъ житейскихъ, т.-е. въ пищѣ, одеждѣ, кровѣ.“

Св. Златоустъ останавливаетъ вниманіе болѣе на томъ, чего ради Господу угодно было поставить учителей и учениковъ христіанскихъ въ такое другъ къ другу отношеніе. „Здѣсь Апостолъ говоритъ уже за учителей, чтобы наставляемые усердно служили имъ въ содержаніи. Но для чего Христосъ поставилъ такой законъ? Ибо въ Новомъ Завѣтѣ дѣйствительно есть законъ, чтобы *проповѣдающимъ благовѣствованіе отъ благовѣствованія жити* (1 Кор. 9, 14). И въ Ветхомъ Завѣтѣ левиты получали большія приношенія отъ народа. Для чего же Онъ установилъ сіе? Прежде всего для того, чтобы дать побужденіе къ смиренію и любви. Поелику учительское достоинство часто надмеваетъ имѣющаго оное; то Христосъ, чтобы смирить самомнѣніе учителя, поставилъ его въ необходимость имѣть нужду въ помощи наставляемыхъ имъ; и взаимно симъ послѣднимъ даетъ случай быть благоподатливѣе, и чрезъ услужливость учителямъ научаетъ быть благосклоннѣе и къ другимъ; чѣмъ хотѣлъ вмѣстѣ возбудить и взаимную любовь въ тѣхъ и другихъ. *Да общается*, говоритъ, *учайся сло-*

веси учащему, т.-е. долженъ быть щедръ для него во всемъ; ибо на сіе указывая сказалъ: *во всѣхъ благихъ.* Ученикъ не долженъ считать ничего, говоритъ, своею собственностію: у него все должно быть обще съ учителемъ. Ибо онъ получаетъ больше, нежели даетъ, и тѣмъ больше, чѣмъ небесное выше земнаго. О семъ говоритъ онъ и въ другомъ мѣстѣ такъ: *аще мы духовная сѣяхомъ вамъ, велико ли, аще мы ваша тѣлесная пожнемъ* (1 Кор. 9, 11)? Когда учитель, имѣя нужду, проситъ и беретъ у тебя необходимое для жизни; то чрезъ это не теряетъ своего достоинства. Ибо и то не малая похвала учителю, когда онъ такъ усерденъ къ проповѣди, что имѣетъ нужду въ помощи другихъ, терпитъ крайнюю бѣдность, и презираетъ все житейское."

3.

Побужденіе къ жизни духовной и всякому добродѣланію. Похоже на заключеніе нравоучительной части.

(6, 7—10).

Ст. 7. *Не льститеся, Богъ поругаемъ не бываетъ: еже бо аще сѣетъ человѣкъ, тожде и пожнетъ.*

Оборотъ рѣчи даетъ знать о важности предмета и требуетъ вниманія. Будто обозрѣвши все сказанное о жизни христіанской и увидѣвъ, какъ иные могутъ уклоняться отъ праваго ея направленія, а между тѣмъ думать: авось и это сойдетъ съ рукъ,—Апостолъ предостерегаетъ ихъ: не льститеся, Бога обмануть нельзя: Онъ все видитъ.

Какія именно возможны уклоненія, Апостолъ не говоритъ; но тѣ, къ коимъ писано посланіе, не могли по свидѣтельству совѣсти своей не придти къ сознанію того. И слово Апостола достигало своей цѣли. Догады-

ваться можно вотъ о какихъ возможностяхъ: освободилъ ихъ Апостолъ отъ всѣхъ узъ стихійнаго закона, но съ тѣмъ, чтобы они жили въ духѣ. Возможно, что иной свободою пользовался, какъ и другіе, а о жизни въ духѣ не заботился, почитая это, какъ нѣчто отвлеченное, не слишкомъ неизбѣжнымъ. Возможно также, что иной, сознавая неотложность для христіанъ жизни духовной, ограничивалъ ее воздержаніемъ отъ грубыхъ пороковъ и дѣланіемъ какихъ-либо явныхъ добрыхъ дѣлъ, не обращая строгаго вниманія на очищеніе своего сердца. Въ томъ и другомъ предполагается нравственная лѣность— нехотѣніе понудить себя, сдѣлать напряженіе, потрудить умъ, и сердце, и тѣло; въ той ложной надеждѣ, что сойдетъ и то, что есть, а кое-что есть. Апостолъ и говоритъ: нѣтъ, не льститеся такими пустыми надеждами. Бога обмануть нельзя. Онъ все видитъ, и вашу лѣность, и недобросовѣстное отношеніе къ дѣлу своего спасенія. Вы будете осуждены за то самое, что не дѣлаете всего отъ васъ зависящаго; а упираетесь ногами и отнѣкиваетесь, какъ только потребуется какая жертва или напряженіе силъ, тѣлесныхъ ли то или духовныхъ. За это вы услышите отъ праведнаго Судіи: рабе лукавый! и получите приговоръ, данный лѣнивцу, скрывшему талантъ.

Выводитъ это Апостолъ изъ общаго закона: что посѣешь, то и пожнешь. Но тутъ же видна мысль: а что ты сѣешь, то, какъ ни прячь его, и какъ его ни подкрашивай, въ свое время придетъ въявь, и послужитъ тебѣ или къ оправданію, или къ обличенію. Только истинное плодоношеніе получитъ свѣтлую награду. Все, кажущееся добрымъ, а не сущее таковымъ, не устоитъ въ своей личинѣ предъ свѣтомъ всепроникающаго суда Божія. Что кто посѣялъ въ естествѣ своемъ, что есть онъ по итогу всей жизни и дѣятельности, таковымъ онъ и признанъ будетъ, по

28

тому опредѣлится его прямое достоинство, такое и мѣсто получитъ, и соотвѣтственную ему сумму или благъ или казней. Вотъ что пожнетъ и цѣлую вѣчность будетъ жать.

„Богъ всяческихъ надъ всѣмъ назираетъ; не думайте, чтобы не зналъ Онъ, что дѣлается. Но знайте, что жатва будетъ соотвѣтствовать посѣву; что посѣешь, то и пожнешь“ (Блаж. Ѳеодоритъ). „Богъ знаетъ сердца ваши, не безъизвѣстны Ему силы и способы ваши. Правдоподобное извиненіе себя можетъ удовлетворить человѣка, Бога же обмануть оно не можетъ“ (Ѳеофил.).

Ст. 8. *Яко сѣяй въ плоть свою, отъ плоти пожнетъ истлѣніе; а сѣяй въ духъ, отъ духа пожнетъ животъ вѣчный.*

Предыдущее приточное уподобленіе получаетъ здѣсь разъясненіе и опредѣленность, которыя представляютъ и побужденіе къ духовной жизни съ отверженіемъ плотской. Два поля открыты намъ въ насъ самихъ для сѣятвы: поле плоти, и поле Духа (Іеронимъ). А сѣятель—всякій человѣкъ самъ съ своимъ сознаніемъ и свободою. Если онъ своимъ сознаніемъ и свободнымъ произволеніемъ въ плоти и плотскомъ, онъ сѣетъ въ плоть и плотское; если онъ своимъ сознаніемъ и свободнымъ произволеніемъ въ духѣ, онъ сѣетъ въ духъ и духовное. То или другое все не внѣ себя сѣетъ, а въ себя, и сѣемое составляетъ его самого.

Что плоть? И что сѣятва въ плоть? Плоть—самолюбіе и самоугодіе со страстьми и похотьми, кои осѣли наипаче въ плоти и въ ней проявляются и поддержку себѣ находятъ. Сѣятва въ плоть есть размноженіе самоугодливыхъ и страстныхъ дѣлъ, которыя выше перечислилъ уже Апостолъ (5, 19—21).

Что духъ? и что сѣяніе въ духъ? Духъ—Богоподобная сила, которая когда въ силѣ, то поставивъ человѣка сознаніемъ въ сердцѣ предъ Бога, держитъ его въ благоговѣйномъ страхѣ предъ Нимъ и располагаетъ неуклонно ходить во святой волѣ Его, въ чаяніи вѣчнаго въ

Немъ блаженства. Сѣяніе въ духъ есть размноженіе тѣхъ добродѣтелей, которыя перечислилъ Апостолъ выше въ 22 и 23 стихахъ 5 гл.

Какой плодъ того и другаго сѣянія? Сѣянія въ плоть— истлѣніе, а сѣянія въ духъ—животъ вѣчный. Плоть точно истлѣетъ; потому и все то, чѣмъ ее питаютъ, даромъ пропадаетъ. Но еслибъ этимъ только ограничилось пагубное слѣдствіе сѣянія въ плоть, то это не представляло бы ничего страшнаго и слѣдовательно остепеняющаго плотоугодниковъ: нѣтъ, тутъ истлѣніе разумѣется вѣчное, въ соотвѣтствіе животу вѣчному. Душа облечется въ нетлѣнное тѣло, и вмѣстѣ съ нимъ будетъ вѣчно пожинать истлѣніе, какъ съ нимъ и самоугодничала. Истлѣніе будетъ постоянное разложеніе тѣла огнемъ, червями, холодомъ, будетъ разложеніе раздирающее, но не уничтожающее; это истлѣніе неистлѣнное. Въ душѣ — свое разложеніе, свои терзанія, тоже мучительныя столько, что уничтожить бы сильны были и тѣло и душу, но ни то, ни другое не уничтожатся, чувствовать только будутъ, что жизнь ихъ отъ нестерпимости страданій будто на волоскѣ, а все цѣлы будутъ: такъ цѣлую вѣчность. Замѣтить слѣдуетъ, что Апостолъ не сказалъ: пожнетъ истлѣніе плоть, а—самъ человѣкъ будетъ пожинать сіе истлѣніе за то, что творилъ плотиугодіе въ похоти. *Отъ плоти*, т.-е. за плоть, за жизнь плотскую. Сѣятва въ плоть прораститъ ему истлѣніе: и онъ будетъ жать его всю вѣчность.

Плодъ сѣянія въ духъ—животъ вѣчный. Духъ, обезсиленный паденіемъ, возставляется въ силѣ благодатію Святаго Духа. Благодать Св. Духа держитъ духъ человѣка въ показанномъ выше настроеніи, и чрезъ него производитъ означенные Апостоломъ плоды Духа. Каждый изъ сихъ плодовъ появляется вслѣдствіе изгнанія изъ сердца соотвѣтствующаго ему страстнаго расположенія; изгнанія, произведеннаго трудомъ и пóтомъ са-

мого человѣка, подъ дѣйствіемъ благодати Св. Духа. Если каждую страсть назовемъ раною души или болѣзнію, что и значитъ греческое ихъ наименованіе, πάθος,— то изгнаніе страсти и внѣдреніе вмѣсто ея добраго расположенія—плода Духа, будетъ залеченіе раны, исцѣленіе болѣзни. Когда плодами Духа изгнаны будутъ всѣ страсти, тогда всѣ раны и болѣзни души и тѣла будутъ уврачеваны, и естество человѣческое восприиметъ первоначальную здравость и цѣлость, и даже высшую той. Какъ истлѣніе приизошло вслѣдствіе воспріятія самости и страстей, то по изгнаніи ихъ надлежитъ царствовать въ естествѣ нашемъ неистлѣнію, здравію, цѣлости, въ коихъ радость жизни. Такъ прямое слѣдствіе сѣянія въ духъ есть животъ вѣчный и блаженный. „Кто стремится къ духовной цѣли, и слѣдуетъ законамъ Духа, тотъ пріобрѣтетъ жизнь вѣчную“ (блаж. Ѳеодоритъ).

Св. Златоустъ говоритъ: „Какъ въ сѣменахъ—кто сѣетъ горохъ, тотъ не можетъ пожать пшеницы; ибо жатва бываетъ однородна съ сѣменемъ: тоже бываетъ и въ дѣлахъ. Кто наполняетъ плоть свою удовольствіями, пьянствомъ, необузданными пожеланіями, тотъ и пожнетъ то, что обыкновенно отъ сего выростаетъ. Что же это? Наказаніе, отмщеніе, посрамленіе, поруганіе, истлѣніе. Ибо многоцѣнныя и роскошныя трапезы и пиршества оканчиваются однимъ истлѣніемъ. И сами они тлѣютъ, и вмѣстѣ съ собою тлятъ и тѣло. Напротивъ дѣла духа не таковы, но совершенно противоположны плотскимъ. Смотри, ты посѣялъ милостыню, и тебя ожидаютъ небесныя сокровища и вѣчная слава; посѣялъ цѣломудріе, тебя ждутъ честь и награда, привѣтствія Ангеловъ и вѣнцы отъ Подвигоположника.“

Блаж. Августинъ пишетъ: „*Сѣяй въ плоть, отъ плоти пожнетъ истлѣніе*. Это говоритъ Апостолъ о любящихъ больше самоугодливыя удовольствія, нежели Бога. Ибо

въ плоть свою сѣетъ тотъ, кто все, что ни дѣлаетъ, хотя то и добрымъ кажется, дѣлаетъ для того, чтобъ ему тѣлесно было хорошо. *А сѣяй въ духъ, отъ духа пожнетъ животъ вѣчный*. Сѣяніе въ духъ есть работать правдѣ изъ вѣры съ любовію, не слушаясь похотей грѣховныхъ, хотя онѣ и есть въ смертной плоти. Пожатіе же сего сѣянія есть животъ вѣчный, когда послѣдній врагъ испразднится смерть, пожерто будетъ мертвенное животомъ, и тлѣнное сіе облечется въ нетлѣніе. Въ этой жизни, состоя подъ благодатію, сѣемъ слезами, потому что изъ душевнаго тѣла выходятъ противныя пожеланія, съ которыми надлежитъ бороться. И боремся до утомленія, чтобы пожать радостію, но по обновленіи тѣла, ни изъ какой уже части человѣка не будетъ исходить тревожное возбужденіе, и никакая не будетъ угрожать опасность искушенія."

Ст. 9. *Доброе же творяще, да не стужаемъ си: во время бо свое пожнемъ, не ослабѣюще.*

Продолжаетъ то же наставленіе о сѣяніи въ духъ, только съ другой стороны, со стороны дѣятельнаго труда, или труда въ добродѣланіи. Сѣяніе въ духъ, какъ сказано, есть утвержденіе въ сердцѣ добрыхъ расположеній, указанныхъ св. Павломъ въ 5, 22. 23. Утвержденіе сіе совершается чрезъ борьбу со страстьми и похотьми, -- а борьба самая производится такъ: установившись вниманіемъ или сознаніемъ въ сердцѣ предъ Господомъ, духъ отражаетъ все страстное и похотное, подходящее къ нему какъ соблазнъ, и тѣмъ бьетъ страсти извнутрь; но опредѣляя въ то же время противоположныя страсти дѣла и дѣлая ихъ, онъ бьетъ страсти и извнѣ. Біемыя извнутрь и извнѣ и не имѣя уже опоры въ человѣкѣ, страсти скоро подаются, начинаютъ слабѣть и отходятъ. Біеніе извнутрь существеннѣе въ дѣлѣ брани духовной, но утонченнѣе и для внимательнаго легче. Біеніе извнѣ

добродѣланіемъ, или дѣланіемъ дѣлъ, противоположныхъ страстямъ, труднѣе въ томъ отношеніи, что требуетъ напряженія душевно-тѣлесныхъ силъ и преодолѣнія внѣшнихъ соприкосновенныхъ противностей. Почему св. Апостолъ, сказавши вообще о сѣяніи въ духъ, особо останавливается на той сторонѣ сѣянія, которое приходитъ туда же отъ добродѣланія, чтобъ воодушевить на трудъ и предотвратить поблажки себѣ и послабленія. Отъ каждаго добраго дѣла проходитъ въ духъ сѣмячко, какъ отъ каждаго куска пищи—маленькій атомикъ въ общую массу питательнаго сока. Чѣмъ больше добрыхъ дѣлъ, тѣмъ успѣшнѣе сѣятва въ духъ, тѣмъ скорѣе созрѣютъ добрыя въ духѣ образующіяся расположенія, и тѣмъ поле духа готовѣе къ жатвѣ. Онъ говоритъ какъ бы: что касается до добродѣланія, то смотрите—ни одного не пропускайте къ тому случая, и дѣлая предлежащее добро, дѣлайте его съ усердіемъ и радостію, не тяготясь, не крушась, не ропща; изъ дѣлаемаго ничто не пропадаетъ, въ свое время дастъ оно свой плодъ и вы пожнете его непремѣнно.

Эту цѣль въ словахъ Апостола, т.-е. воодушевленіе на непрерывность добродѣланія, видитъ блажен. Августинъ: „сѣять доброе, т.-е. дѣлать добро, удобнѣе, чѣмъ пребыть въ этомъ неизмѣнно и постоянно. Видный и близкій плодъ отъ труда воодушевляетъ на трудъ; жатва же наша обѣщается въ концѣ. Вотъ и необходимо воодушевлять на постоянство и твердость. Что и дѣлаетъ Апостолъ, говоря: *доброе дѣлающе да не стужаемъ си*. Ибо только *претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ* (Мѳ. 10, 22). И Пророкъ внушаетъ: *потерпи Господа: мужайся, и да крѣпится сердце твое, и потерпи Господа* (Пс. 26, 14).“

Та же мысль и у блаж. Іеронима: „Апостолъ здѣсь увѣщаваетъ—быть постоянными въ усердіи къ добродѣланію тѣхъ, которые въ этой жизни еще желали бы ви-

дѣть награду за добро, не зная, что какъ въ житейскомъ быту свое время есть для сѣянія и свое для жатвы, такъ и въ духовномъ отношеніи настоящая жизнь вся назначена на сѣяніе добрыхъ дѣлъ, жатвою же будетъ будущій судъ, когда по количеству и качеству сѣянія всякій и жатву будетъ имѣть плодоприносящую— кому сто, кому шестьдесятъ, кому тридцать.“

Слово: *не ослабѣюще* наши всѣ толковники относятъ къ жатвѣ, въ томъ смыслѣ, что жатва та не будетъ требовать уже труда и изнеможенія, а сама собою прибудетъ. Такъ св. Златоустъ: „что пишетъ о семъ въ другихъ посланіяхъ, то же говоритъ и здѣсь: чтобы не только давать милостыню (напримѣръ), но и давать съ охотою и непрестанно. На сіе указываетъ словами — *сѣятъ* и *не стужать си.* Но потребовавъ отъ нихъ многаго, онъ полагаетъ при дверяхъ и награду для нихъ, указывая на нѣкоторую новую и необыкновенную жатву. Ибо въ земледѣльческихъ трудахъ не только сѣющій, но и жнущій претерпѣваетъ большое утомленіе, борясь съ жаромъ, пылью и великою трудностію и тяготою дѣла, а тогда, говоритъ, ничего такого не будетъ, какъ это видно изъ сказаннаго имъ: *во время бо свое пожнемъ не ослабѣюще.* Сими словами онъ убѣждаетъ и привлекаетъ ихъ (къ добродѣланію).“ Такъ блаж. Ѳеодоритъ: „ничто горестное да не прерываетъ усердія къ добру. Ибо безъ труда пожнемъ посѣянное; сіе выразилъ Апостолъ, сказавъ: *не ослабѣюще.* Что касается сѣмянъ чувственныхъ, то и сѣяніе сопряжено съ трудомъ, а также и жатва. Нерѣдко же разслабляетъ жнущихъ и зной жатвеннаго времени. Но не такова эта жатва: она свободна отъ труда и пота.“ Тоже св. Дамаскинъ и Экуменій съ Ѳеофилактомъ. Только блаж. Фотія приводится у Экуменія мнѣніе такое: „Или *не ослабѣюще,* μὴ ἐκλυόμενοι—значитъ не разлѣниваясь и не отставая отъ добро-

дѣланія.“ Т.-е. пожнемъ въ свое время, если не ослабѣемъ и не станемъ лѣниться дѣлать добро. Такъ и Іеронимъ.

Ходу мыслей то и другое толкованіе не противорѣчитъ. Но первое ближе и больше соотвѣтствуетъ цѣли Апостола воодушевить на постоянство въ добрѣ. На это же склониться располагаетъ и грамматическій строй рѣчи.

Ст. 10. *Тѣмже дондеже время имамы, да дѣлаимъ благое ко всѣмъ, паче же къ присным въ вѣрѣ.*

Прямой выводъ изъ предыдущаго! Если отъ всякаго дѣла пожнемъ плодъ, то дѣлай какъ можно больше дѣлъ благихъ, чтобы больше пожать. Словами: *дондеже время*, сказываетъ: сейчасъ есть время, а чрезъ минуту, можетъ быть, его ужъ не будетъ; потому не отлагай и не пропускай ни одного случая. Всякимъ поводомъ къ добродѣланію пользуйся, самъ ихъ изыскивай. Придетъ смерть, не знаешь когда, и положитъ конецъ сѣятвѣ дѣлъ благихъ; чего же не посѣешь, того уже не пожнешь. Блаж. Іеронимъ пишетъ: „время сѣятвы, какъ мы сказали, есть время настоящее, жизнь, которую мы переживаемъ. Когда пройдетъ эта жизнь, прекратится и время дѣланія. Почему и Спаситель говоритъ: *дѣлайте, дондеже день есть: пріидетъ нощь, егда никтоже можетъ дѣлати* (Іоан. 9, 4).“ Святый же Златоустъ говоритъ: „и милостыня подобно сѣянію не всегда бываетъ въ нашей власти. По исходѣ отсюда, хотя бы тысячу разъ хотѣли творить милостыню, ничего не сдѣлаемъ. О семъ свидѣтельствуютъ намъ оныя дѣвы, которыя, хотя пришли съ искреннимъ желаніемъ, но не имѣя обильной милостыни, отлучены были отъ брачнаго чертога, — и тотъ богачъ который презрѣлъ Лазаря. Онъ, поелику не оказалъ помощи другимъ, то и самъ не получилъ ея ни отъ Патріарха, ни отъ кого другаго, несмотря на слезы и сильныя просьбы его, и остался навсегда въ огненномъ мученіи безъ всякаго послабленія.“

Да дѣлаимъ благое ко всѣмъ, *паче же къ присным въ вѣрѣ*. „Апостолъ заключаетъ свое слово общимъ наставленіемъ, и дверь щедрости отверзаетъ для всѣхъ, и распространяетъ оную до того, что заповѣдуетъ давать милостыню даже Іудеямъ и еллинамъ; онъ на трапезу благотворенія призываетъ и море и землю,—хотя впрочемъ больше печется о своихъ. Всѣмъ заповѣдуетъ подавать, однакоже въ надлежащемъ порядкѣ. Какой же это порядокъ? Чтобы имѣть больше попеченія о вѣрныхъ“ (св. Златоустъ).

ЗАКЛЮЧЕНІЕ ПОСЛАНІЯ.

6, 11—18.

Содержаніе заключенія можно представить такъ: видите сколько я написалъ вамъ, я все вамъ сказалъ и въ свою защиту, и въ разъясненіе основной истины христіанства—спасенія вѣрою въ Господа распятаго, и въ приложеніе сей истины къ жизни (ст. 11). Въ связи съ этимъ прямой должно поставить стихъ 17. Теперь вамъ уже не слѣдуетъ обременять меня болѣе ни подозрѣніями, ни своими вопросами. Если еще что будетъ колебать васъ, приводите себѣ на память мои страданія. Я язвы Господа ношу на тѣлѣ моемъ. Это сильнѣе всѣхъ доводовъ должно удостовѣрять васъ всегда въ истинѣ моего ученія. Въ срединѣ находящіеся стихи, 12—16, разъясняютъ послѣднюю мысль: я страдаю, а вонъ тѣ, которые убѣждаютъ васъ обрѣзаться, ничего не терпятъ; да они и учатъ-то такъ ради того, чтобъ не потерпѣть чего. А я въ славу себѣ ставлю страдать за Господа и за святое ученіе Его. Различайте теперь, гдѣ истина! Такимъ образомъ и въ заключеніи продолжаетъ Апостолъ свои, склоняющія къ принятію истины, убѣжденія. Такъ св. Златоустъ смотритъ на сіе заключеніе.

Ст. 11. *Видите, колицѣми книгами писахъ вамъ моею рукою.* „Помысли, какая скорбь объемлетъ сію блаженную душу! Какъ пораженные какою скорбію и лишившіеся кого-либо изъ родныхъ, или потерпѣвшіе какое неожиданное несчастіе, не имѣютъ покоя ни днемъ ни ночью, по причинѣ осаждающей ихъ душу скорби, такъ блаженный Павелъ, поговоривъ немного о нравственности, опять обращается къ прежнему, что болѣе всего возмущало его душу. *Видите*, говоритъ онъ, *колицѣми книгами написахъ вамъ моею рукою.* Здѣсь онъ указываетъ только на то, что все это посланіе написано имъ самимъ, что служитъ свидѣтельствомъ великой его искренности и любви. Другія посланія самъ онъ только диктовалъ и подписывалъ, а писалъ другой, какъ это видно изъ посланія къ Римлянамъ, въ концѣ котораго сказано: *цѣлую вы и азъ Тертій, написавый посланіе сіе о Господѣ* (Рим. 16, 22). А посланіе къ Галатамъ все написалъ Апостолъ самъ. И это сдѣлалъ онъ не по одной только любви къ нимъ, но вмѣстѣ и для отвращенія злаго подозрѣнія. На него взносили такія дѣла, въ которыхъ онъ не принималъ никакого участія, и говорили, что онъ проповѣдуетъ обрѣзаніе, а притворяется непроповѣдающимъ. Посему онъ и принужденъ былъ самъ написать сіе посланіе своею рукою, чтобы представить о себѣ письменное свидѣтельство“ (св. Златоустъ). Такъ и всѣ древніе наши толковники. Блаж. Іеронимъ разнится отъ нихъ только въ томъ, что полагаетъ, что собственною рукою св. Апостолъ написалъ только послѣднія строки посланія, начиная съ сего стиха до конца. Но это различіе не важно по предмету. Этого же мнѣнія держатся и многіе изъ новѣйшихъ. Противъ всѣхъ ихъ стоитъ слово—*писахъ*, которое указываетъ на написанное уже, а не на то, что намѣренъ только былъ еще написать Апостолъ.

Важнѣе опредѣленія смысла словъ: *колицѣми книгами. Книгами*—по греч. γράμμασι. Γράμμα и букву означаетъ и писаніе. Почему можно переводить — и: какими буквами я написалъ, и: сколько листовъ исписалъ. Наши древніе толковники всѣ принимаютъ первое. Вѣрно слово: πηλίκοις подаетъ мысль не высокую о тѣхъ предметахъ, къ какимъ прилагается. Почему они разумѣли подъ сими словами указаніе на некрасивость почерка. Св. Златоустъ говоритъ: „словомъ—*колицѣми*, кажется мнѣ, Апостолъ указываетъ не на обширность посланія, а на недостатокъ изящества въ почеркѣ, какъ-бы такъ говоря: хотя я не умѣю красиво писать, однакоже принужденъ былъ написать сіе посланіе собственною рукою, чтобы заградить уста клеветниковъ.“ Такъ Θеодоритъ, Экуменій и Θеофилактъ. Блаж. Іеронимъ въ словѣ πηλίκοις видитъ указаніе не на красивость или некрасивость почерка, а на почеркъ вообще. По нему Апостолъ говоритъ будто: вотъ посмотрите, какой мой почеркъ. чтобъ предохранить и ихъ, какъ Солунянъ, отъ подложныхъ писаній. На такую мысль навелъ блаж. Іеронима, можетъ быть, латинскій переводъ: qualibus litterris. Но оправдать ее нельзя.

Поелику, предлагая свое мнѣніе, св. Златоустъ сказалъ: кажется мнѣ, и въ томъ же вѣроятно смыслѣ повторяли его мнѣніе и всѣ другіе; то такимъ образомъ выраженія они оставили свободу и намъ предлагать свое—кажется. И кажется, что св. Павелъ хотѣлъ этимъ указать на важность предмета, о коемъ онъ писалъ, и на обстоятельность разсмотрѣнія его. Онъ говоритъ какъ-бы: я все вамъ сказалъ, и доказалъ свой предметъ и обѣтованіями и самимъ закономъ и наипаче силою и духомъ Новаго Завѣта. Вотъ со сколькихъ сторонъ и сколькими доводами разсмотрѣлъ я и доказалъ истину моего ученія! Остановиться на семъ мнѣніи располагаетъ и слово св. Дамаскина, который пишетъ: „убѣждаетъ

ихъ (словами этого текста) принять все слово свое, означая притомъ величіе и высоту догматовъ, рѣченіемъ πηλίχοις—колицѣми." Сюда же можно приложить и слова блаж. Іеронима, который, отвергнувъ мысль какого-то безъименнаго, будто св. Павелъ говоритъ здѣсь о томъ, какими большими буквами написалъ,—прибавляетъ: „великія письмена не только тогда къ Галатамъ, но и теперь ко всѣмъ пишетъ св. Павелъ; и хотя буквы, какими списываются его посланія, малы, но писанія его велики, потому что въ нихъ заключается великій смыслъ."

При этомъ возможно, что посланіе было написано не красиво, и не требуется признавать его великимъ по объему. Т.-е. мнѣніе св. Златоуста остается неприкосновеннымъ.

Ст. 12. *Елицы хотятъ хвалитися по плоти, сіи нудятъ вы обрѣзатися, точію да не креста ради Христова гоними будутъ.*

Съ этого стиха и далѣе предлагаетъ Апостолъ окончательныя убѣжденія слѣдовать его ученію, изъ сличенія характеристическихъ чертъ лжеучителей съ тѣмъ, каковъ онъ. Онъ говоритъ какъ-бы: посмотрите, кто таковы тѣ, которые нудятъ васъ обрѣзываться? Это тѣ, которые хотятъ хвалитися по плоти, только бы не терпѣть гоненій за истинную вѣру во Христа. То-есть это не любители истины, а себя самихъ блюстители и снабдители, которые готовы измѣнить истинѣ, коль скоро изъ-за нея угрожаетъ опасность потерпѣть что либо. У нихъ вся забота о томъ, лишь бы гладко текли внѣшнія ихъ обстоятельства и соотношенія, а объ истинѣ у нихъ заботы мало: они не дорожатъ ею. Блаж. Ѳеодоритъ понимаетъ ихъ такъ, что это суть „домогающіеся людской славы и промышляющіе о собственной своей безопасности, чтобъ не терпѣть поруганія и заключенія въ узы, подобно намъ проповѣдающимъ Христа."

Такая мысль выходитъ прямо изъ надлежащаго про-

толкованія употребленныхъ Апостоломъ реченій. Слова: *хвалитися по плоти* по-греч. εὐπροσωπῆσαι ἐν σαρκὶ собственно—благообразить, благоличнымъ быть во плоти, плотски, по видимости, по внѣшнему быту и положенію. Благоличные въ этомъ отношеніи бываютъ двухъ родовъ—одни въ религіозной сферѣ, другіе въ житейской. Въ религіозной это плотскіе Іудеи. Обрѣзался, совершаетъ субботы и праздники, приноситъ жертвы, дѣлаетъ омовенія, даетъ десятину и всѣ другіе чины исправляетъ. Выходитъ очень благоличенъ, и всѣ хвалятъ его, какъ совершенно благочестиваго. Хотя лжеучителей, соблазнявшихъ Галатовъ, можно отнести къ этому классу людей; но нельзя положить, чтобы въ означенныхъ словахъ св. Павелъ эту ихъ сторону имѣлъ въ мысли. Отсюда хорошо выводится, что они убѣждали принять обрѣзаніе, которое въ ихъ внѣшнемъ религіозномъ благоличіи занимаетъ первое мѣсто, но не видно, какъ съ этимъ вяжется боязнь гоненій. Боязнь гоненій предполагаетъ желаніе сохранить ненарушимымъ свой внѣшній бытъ, чтобъ тутъ все текло мирно и покойно. Когда гонятъ кого, лишаютъ имѣнія, бьютъ, выгоняютъ изъ дома и селенія; благоличіе внѣшней жизни у такого совсѣмъ уничтожается. Почему кому дорогъ внѣшній покой и благопріятное теченіе внѣшней жизни, того справедливо назвать желающимъ благоличествовать по плоти. Вотъ эту-то сторону и выставляетъ св. Павелъ на видъ въ лжеучителяхъ. У нихъ, говоритъ, одно желаніе жить покойно. Отъ того и обрѣзаніе проповѣдуютъ; ибо за отверженіе обрѣзанія надо терпѣть гоненіе, котораго они боятся. Не будь бѣды отъ ненастаиванія на обрѣзанія, они тотчасъ бы отстали отъ этого. Даже что? Поставьте обрѣзаніе на мѣстѣ креста; пусть гонятъ не за крестъ, а за обрѣзаніе, они тотчасъ перейдутъ на сторону креста, и бросятъ обрѣ-

заніе У нихъ нѣтъ любви къ истинѣ. Они тамъ, гдѣ покойно; а истинность истины для нихъ стороннее дѣло, средство, а не цѣль. Такое свойство ихъ въ тѣсной связи съ человѣкоугодіемъ, а человѣкоугодіе съ тщеславіемъ. Все это вмѣстѣ св. Павелъ указалъ въ лжеучителяхъ, назвавъ ихъ желающими благоличествовать по плоти. Св. Златоустъ и говоритъ: „сіе сказалъ Апостолъ, чтобъ показать, что лжеучители дѣлали сіе не для Бога, какъ бы такъ говоря: это происходитъ не отъ благочестія, а все дѣлается изъ одного человѣческаго любочестія, въ угожденіе невѣрнымъ; чрезъ обрѣзаніе вѣрныхъ они хотятъ лучше оскорбить Бога, только бы угодить людямъ.“

Сіи нудятъ вы обрѣзатися. Нудятъ, принуждаютъ. Вѣрно, кромѣ убѣжденія, они употребляли еще какія-либо понудительныя и стѣснительныя мѣры, по которымъ Галаты были поставлены будто въ необходимость принять обрѣзаніе. Что такое было, неизвѣстно; но такая рѣчь Апостола могла быть къ нимъ обращена въ тѣхъ же видахъ убѣжденія—поскорѣе отстать отъ лжеучителей. Ибо „показывая, что они не сами собою впали въ это заблужденіе, а по принужденію, симъ принуждаетъ ихъ оставить оное; а почти оправдывая ихъ, тѣмъ убѣждаетъ скорѣе отстать отъ лжеучителей“ (св. Златоустъ).

Точію да не креста ради Христова гоними будутъ. Лжеучители, о коихъ рѣчь, вѣровали въ Господа, только при вѣрѣ въ Него почитали нужнымъ обрѣзываться и весь законъ Моисеевъ держать. Изъ вѣровавшихъ такъ, одни вѣровали сами по себѣ,—и жили покойно, не выступая на чреду дѣятелей; другіе не довольствовались тѣмъ, а брались и другихъ учить, чтобъ вѣровали подобно имъ. Изъ этихъ одни дѣйствовали по искреннему убѣжденію въ неотложности Моисеева закона, а другіе держались его и другихъ къ тому убѣждали, чтобъ только не вооружить противъ себя своихъ родичей и

не подвергнуться гоненіямъ. Таковыхъ, вѣроятно, много встрѣчалъ св. Павелъ, и въ Антіохіи и въ Іерусалимѣ, и въ другихъ мѣстахъ. Такіе же вѣрно прокрались и къ Галатамъ. Св. Павелъ и выставляетъ ихъ въ собственномъ ихъ свѣтѣ. Св. Златоустъ говоритъ: „поелику лжеучители сами терпѣли поношеніе отъ Іудеевъ за оставленіе отеческихъ обычаевъ, то, чтобы избѣгнуть сего поношенія, говоритъ, они хотятъ совратить васъ, чтобы самимъ оправдаться предъ тѣми вашею плотію.“ У нихъ все хитрость и лукавство: ничего искренняго.

Блаж. Іеронимъ нашелъ и особый пунктъ, на которомъ они удобно могли уловлять вѣрующихъ,—и все приманкою покойной и безопасной жизни. „Юлій Кесарь, говоритъ онъ, Октавіанъ Августъ и Тиверій, преемникъ Августа, обнародовали законы, чтобы Іудеи, разсѣянные по всему римскому царству, жили по своимъ обычаямъ и Богу своему служили, какъ приняли отъ отцевъ своихъ. Итакъ, кто былъ обрѣзанъ, тотъ, хотя бы и вѣровалъ во Христа, почитаемъ былъ язычниками за Іудея (и не былъ безпокоимъ). Кто же и обрѣзанія не принималъ и язычества чуждался, тотъ подвергался гоненіямъ и отъ язычниковъ и отъ Іудеевъ. Итакъ развратители Галатовъ, желая отклонить такія преслѣдованія, убѣждали учениковъ въ защиту себѣ принимать обрѣзаніе, которое Апостолъ назвалъ надѣяніемъ во плоти. Ибо тогда ни Іудеи не стали бы ихъ преслѣдовать, ни язычники ничего не могли бы имъ сдѣлать, такъ какъ прозелиты были повсюду, а въ иныхъ мѣстахъ они и обрѣзываемы были.“

Ст. 13. ***Ни бо обрѣзающіися сами законъ хранятъ: но хотятъ вамъ обрѣзоватися, да въ вашей плоти похвалятся.***

Словами: ***ни бо обрѣзающіися сами законъ хранятъ***, кажется, Апостолъ хочетъ сказать только, что у нихъ нѣтъ никакой заботы о храненіи закона, не слава за-

кона у нихъ въ цѣли, а своя собственная, чтобъ услышать похвалу за то, что много надѣлали обрѣзаній. Св. Златоустъ говоритъ: „дабы показать, что сіи лжеучители и съ другой стороны недостойны прощенія, еще обличаетъ ихъ и въ томъ, что они не только изъ угожденія другимъ, а и для собственнаго тщеславія учатъ обрѣзываться. Почему и присовокупляетъ, *да* въ вашей плоти похвалятся, т.-е. что они ваши учители, а вы ихъ ученики.“ Тоже и блаж. Іеронимъ: „все, о чемъ они заботятся, чего ищутъ и домогаются—есть, чтобы предъ Іудеями похвалиться въ вашей плоти, и потщеславиться, что ихъ трудами столько обрѣзано язычниковъ.“

Изъ того и другаго, т.-е. и изъ того, что они боятся потерять покой, и изъ того, что водятся духомъ тщеславія, прямо выходило, что отъ нихъ истины нечего ожидать. „Бывающее по страху, или по тщеславію, дѣлается не по убѣжденію, что такъ должно или необходимо. Хоть они и проповѣдуютъ обрѣзаніе, но проповѣдуютъ не отъ души“ (св. Дамаскинъ). Сами личину носятъ ревнителей, не имѣя настоящей ревности о законѣ, а хотятъ, чтобы вы за нихъ стали такими ревнителями. Васъ употребляютъ орудіемъ для своихъ не добрыхъ цѣлей. Какъ можно слѣдовать такимъ учителямъ? И какъ можно позволить имъ такъ играть собою и своею участію, не временною только, но и вѣчною.

Вотъ каковы нудящіе васъ обрѣзаться! Въ этихъ двухъ стихахъ та и цѣль была у Апостола, чтобъ подъ конецъ еще разъ показать, кто они таковы.

Ст. 14. ***Мнѣ же да не будутъ хвалитися***, ***токмо о крестѣ Господа нашего Іисуса Христа***: ***имже мнѣ міръ распяся***, ***и азъ міру***.

Противополагаетъ себя лжеучителямъ. У тѣхъ одно притворство, хитрость и самолюбивые виды. Ревность по закону—одна личина. Я отвергаю обрѣзаніе и весь

законъ и проповѣдую спасеніе единою вѣрою въ Господа распятаго. Но въ этомъ и вся жизнь моя. Для меня все мертво; за крестомъ ничего не вижу; онъ заслонилъ собою все отъ меня. Въ немъ взоръ ума моего; въ немъ все сердце мое и всѣ надежды мои. У подножія его я сложилъ всѣ свои преимущества земныя. Хвались, кто чѣмъ хочетъ. Я не хвалюсь ничѣмъ, кромѣ креста Господня. Имъ только хвалюсь, и да не будетъ мнѣ, не дай Господи, чтобъ я когда-нибудь чѣмъ-либо другимъ похвалился, кромѣ креста Твоего. Таковъ былъ св. Апостолъ; такъ и проповѣдывалъ, чтобъ въ дѣлѣ спасенія никто ни на чемъ не опирался, кромѣ креста Господня.

Хвалиться токмо крестомъ Господнимъ значитъ вѣровать, что имъ однимъ дается спасеніе, и ни на чемъ другомъ не основывать своего спасенія, какъ на немъ; и не только вѣровать въ силу его и основывать спасеніе на немъ, но дѣйствительно имѣть себя спасеннымъ въ немъ. Какъ кто хвалится какимъ патентомъ, даннымъ отъ царя, съ полнымъ знаніемъ силы его: такъ христіанинъ хвалится крестомъ, предъявляя его, какъ патентъ на спасеніе. Этимъ всеупованіемъ на крестъ въ ничто обращаются всѣ іудейскіе чины, и въ христіанствѣ отрицается сила спасительности помимо креста у всего, что бы кто ни надѣлалъ и ни подъялъ. Выше всего страданія за вѣру, но и ихъ цѣна вся отъ вѣры въ силу креста Христова. Помимо всего надо прилѣпляться ко кресту Господню; и потомъ, когда прилѣпишься, хвались громогласно предъ всѣми спасеніемъ своимъ. Оно—твое.

Но кромѣ вѣры въ спасительную для себя силу креста, хвалиться крестомъ есть еще съ радостію терпѣть за эту вѣру и проповѣдь о ней все уничижительное, всякое лишеніе и страданіе. Это будетъ хвалиться тѣмъ, что несешь крестъ, который есть Христовъ крестъ; ибо несется за Него и прививаетъ къ кресту Его. И это

было у Апостола. И онъ, когда хвалился крестомъ, хвалился тѣмъ, что вѣруетъ въ него и проповѣдуетъ о немъ, и несетъ за то всякія скорби и лишенія. Св. Златоустъ говоритъ: „сіе почитается безчестнымъ, но только въ мірѣ и у невѣрныхъ, а на небесахъ и у вѣрныхъ, это величайшая слава. Бѣдность для другихъ безчестна, а для насъ похвала. Терпѣть поруганія для многихъ кажется смѣшнымъ, а мы этимъ хвалимся. Такъ и крестъ есть наша похвала. Въ чемъ же похвала о крестѣ? Въ томъ, что Христосъ ради меня принялъ зракъ раба и претерпѣлъ страданія за меня раба, врага, неблагодарнаго, и такъ возлюбилъ меня, что за меня предалъ Себя на смерть. Что еще можно найти равное сему? Если рабы, получая только похвалу отъ своихъ господъ, которые притомъ одного естества съ ними, хвалятся симъ; то какъ же не хвалиться намъ, когда Господь, истинный Богъ, для насъ не постыдился креста? Посему и мы не будемъ стыдиться Его неизреченнаго милосердія къ намъ. Онъ не устыдился быть распятымъ за тебя, и ты ли постыдишься исповѣдать Его безконечное милосердіе подобно тому узнику, который прежде не стыдился своего царя, а когда бы сей, пришедъ въ его темницу, разрѣшилъ узы его своими руками, за это сталъ бы стыдиться его? Это было бы крайнее безуміе. Ибо симъ особенно и надобно хвалиться.“

Имже мнѣ міръ распяся, и азъ міру.—Распяться чему, значитъ умереть чему. Апостолъ говоритъ: силою креста Христова міръ для меня мертвъ, и я для міра,— его для меня нѣтъ, а меня для него. Міръ—все земное и человѣческое,—честь, слава, богатство, утѣхи, все, чѣмъ думаетъ человѣкъ на землѣ установить свое счастіе и довольство. Когда говоритъ Апостолъ, что все это для него мертво, то утверждаетъ, что все это онъ бросилъ; а когда говоритъ, что онъ для всего этого

мертвъ, то утверждаетъ, что ко всему этому нѣтъ у него никакого сочувствія, не находитъ во всемъ этомъ онъ вкуса, не занимаетъ это его и не привлекаетъ. Св. Златоустъ говоритъ: „міромъ называетъ здѣсь Апостолъ не небо и землю, но дѣла житейскія—похвалу отъ людей, славу, богатство и все подобное, кажущееся свѣтлымъ и блистательнымъ. Все это, говоритъ, для меня стало мертво. Таковъ долженъ быть христіанинъ; и слова сіи онъ долженъ всегда носить въ себѣ. Но Апостолъ еще не былъ доволенъ только первымъ видомъ мертвости, но присовокупилъ еще и другой, сказавъ: *и азъ міру*, внушая симъ сугубую мертвость и, какъ-бы такъ говоря: это для меня мертво, и я мертвъ для сего. Это плѣнить меня не можетъ, ибо мертво уже; и я не хочу желать его, потому что и я мертвъ для сего. Что можетъ быть блаженнѣе такой мертвости? Она есть основаніе блаженной жизни.“

Это потому, что мертвость міру производится жизнію для Бога и въ Богѣ. *Иже Христови суть, плоть распяша со страстьми и похотьми.* Се мертвость міру! Но въ то самое время, какъ совершается сіе самораспятіе, образуется и животъ Іисусовъ въ мертвенномъ (умерщвленномъ грѣху) естествѣ нашемъ. Се жизнь о Христѣ Іисусѣ! Объ этомъ тотчасъ и напоминаетъ Апостолъ.

Ст. 15. *О Христѣ бо Іисусѣ ни обрѣзаніе что можетъ, ни необрѣзаніе, но нова тварь.*

Во Христѣ Іисусѣ, въ новой благодати, въ благодатномъ домостроительствѣ спасенія, не берется въ счетъ, обрѣзанъ ли кто, или не обрѣзанъ, а то одно, чтобы всякъ сталъ новою тварію. Пали мы, и потеряли жизнь настоящую. Пришелъ Господь, чтобы даровать намъ сію жизнь снова, и все къ тому устроилъ. Кто приступаетъ къ Господу съ вѣрою, тотъ во святомъ крещеніи умираетъ для грѣшной жизни и оживаетъ для жизни духов-

ной, — становится совсѣмъ новымъ. Кто удостоился этого, тому нечего болѣе искать: все имѣетъ. Иди, и живи во обновленной жизни, и ты спасенъ. Это и есть распятіе себя міру и міра себѣ. Это и есть крестъ, которымъ да хвалится всякій. Да хвалится тѣмъ, что уже получаетъ чрезъ него, прозрѣвая и въ то, что имѣетъ получить: ибо здѣшнее обновленіе чрезъ распятіе крестное есть только начало. Въ полной силѣ своей и славѣ явится оно въ будущемъ возустроеніи всяческихъ.

Ходъ мыслей у Апостола таковъ: лжеучители хвалятся внѣшними преимуществами—внѣшнимъ покоемъ и для упроченія его предлагаютъ вамъ обрѣзаніе. Я хвалюсь однимъ крестомъ Христовымъ. Силою его я мертвъ для всего; но эта мортвость—источникъ жизни. Сраспинаясь Христу и чрезъ то распиная міръ себѣ и себя міру, я въ тоже время получаю новую жизнь, славную предъ Богомъ и Ангелами, и во времени и въ вѣчности. Тамъ ничто, здѣсь все.

„Видишь ли, на какую высоту вознесла Апостола сила креста? Не только все мірское сдѣлала мертвымъ для него, но и поставила его несравненно выше прежней жизни. Какая сила можетъ равняться силѣ креста?— *Новою тварію* онъ называетъ нашу жизнь какъ въ отношеніи въ совершившемуся уже, такъ и въ отношеніи къ имѣющему еще совершиться. Въ отношеніи къ совершившемуся: ибо душа наша, состарѣвшаяся во грѣхѣ, чрезъ крещеніе вдругъ обновилась, какъ бы вновь пересозданная; посему и требуется отъ насъ жизнь новая и небесная. Въ отношеніи къ будущему потому, что небо и земля и вся тварь вмѣстѣ съ нашими тѣлами перейдутъ въ состояніе нетлѣнія. Итакъ не говори мнѣ, говоритъ Апостолъ, объ обрѣзаніи, которое теперь не имѣетъ уже силы; ибо какъ оно можетъ оставаться теперь, когда все измѣнилось?—а ищи новыхъ дѣлъ благодати“ (св. Златоустъ). Такъ Θеодоритъ и другіе.

Ст. 16. *И елицы правиломъ симъ жительствуютъ, миръ на нихъ и милость, и на Израили Божіи.*

Какимъ правиломъ? Тѣмъ, чтобы ходить въ обновленіи жизни, во Христѣ Іисусѣ, распявъ міръ себѣ и себя міру, помимо обрѣзанія и всѣхъ другихъ чиновъ внѣшнихъ, стѣсняющихъ лишь свободу духа. Таковымъ желаетъ Апостолъ мира и милости, или утверждаетъ, что миръ и милость уже почиваютъ на нихъ. Въ нихъ точно есть уже миръ и съ Богомъ чрезъ вѣру въ Распятаго Господа, и въ себѣ чрезъ благодатное обновленіе. То и другое получаетъ всякій приступающій къ Господу. И это есть первая милость Божія, коею отворяется дверь и ко всѣмъ другимъ милостямъ. Помилованъ,—сталъ любезенъ Богу; возрожденъ,—сталъ сыномъ Божіимъ. Для сына же какую милость пожалѣетъ оказать Возлюбившій насъ до того, что и Единороднаго предалъ за насъ? *Како не и съ Нимъ вся намъ дарствуетъ?* Истинно вѣрующіе и живущіе по вѣрѣ дѣйствительно мирствуютъ въ себѣ, и милостивый Господь точно всякую милость оказываетъ имъ и готовъ оказать. Они все могутъ испросить у Бога, о чемъ ни попросятъ. Если горы преставлять дается имъ: что еще не дастся?

„Ихъ-то и должно назвать собственно Израилемъ; а мудрствующіе противно сему, хотя бы и отъ Израиля родились и носили имя его, потеряли все сіе, и сродство съ нимъ, и самое имя его. Только живущіе по сему правилу, оставивъ древнее и слѣдуя ученію благодати, могутъ назваться истинными израильтянами“ (св. Златоустъ).

Изъ сихъ словъ св. Златоуста видно, что сочетаніе рѣченій въ семъ текстѣ онъ дѣлалъ такое, какъ-бы читались: миръ на нихъ и милость, какъ на Израили Божіемъ,—новомъ, истинномъ, которому прежній служилъ только прообразомъ. Такъ и Өеодоритъ: „*Израилемъ*

Божіимъ наименовалъ вѣрныхъ, какъ созерцающихъ Бога вѣрою. Ибо сіе значитъ имя: *Израиль*.“ Такъ и другіе.

Ст. 17. *Прочее труды да никтоже ми даетъ: азъ бо язвы Господа Іисуса на тѣлѣ моемъ ношу.*

Не то хочетъ сказать Апостолъ, что не хочетъ болѣе трудиться: утомился будто. Ибо онъ готовъ былъ на все, лишь бы спѣлось дѣло проповѣди. Но то, что послѣ сдѣланнаго истолкованія, въ чемъ сущность христіанства, Галатамъ ни о чемъ уже не остается вопрошать его. Все ясно. И послѣ сего предлагать вопросы и недоумѣнія будетъ уже не больше, какъ болѣзнь спорливости, удовлетворять которой напрасный трудъ. Или можетъ быть, онъ хотѣлъ расположить ихъ вникнуть лучше въ посланіе, и сказалъ: больше толковать не хочу, ибо это будетъ тоже, что воздухъ бить. Этимъ оборотомъ рѣчи онъ и любовь ихъ раздражалъ; ибо слова его могли наводить и на такія мысли, что онъ будто готовъ и совсѣмъ ихъ бросить. Дорожившіе общеніемъ съ нимъ не могли не встрепенуться при этой мысли и построже отнестись къ развратителямъ. Св. Златоустъ такъ и понимаетъ: „Это говоритъ онъ не какъ утомленный и обезнадеженный, а чтобы возбудить ихъ недѣятельный умъ, привести въ большій страхъ, утвердить предписанныя имъ правила, и предостеречь ихъ впредь отъ подобныхъ смятеній.“

Можетъ быть, въ бытность свою между Галатами, Апостолъ замѣтилъ, что они охотники спорить. Чтобъ отсѣчь всякій къ тому позывъ, Апостолъ и сказалъ такъ: не затрудняйте меня спорами и возраженіями, а углубитесь въ то, что уже написано, удовлетворитесь. Блаженный Іеронимъ пишетъ: „Даетъ трудъ учителю тотъ, кто иначе живетъ и мыслитъ, нежели какъ училъ его учитель. Апостолъ говоритъ какъ-бы: сдѣлайте такъ, чтобъ мнѣ не имѣть необходимости опять трудиться надъ

вами. Можетъ быть, онъ хотѣлъ предотвратить спорливость тѣхъ, кои вздумали бы и еще возражать, какъ сдѣлалъ онъ и въ отношеніи къ Коринѳянамъ; когда, постановивъ, чтобъ женщины покрывали головы, а мужчины не покрывали, прибавилъ: *аще ли кто мнится спорливъ быти, мы таковаго обычая не имамы* (1 Кор. 11, 16). Т.-е, я сказалъ, что нахожу честнымъ и правымъ. Но если кто, не удовлетворяясь этимъ, начнетъ придумывать возраженія и говорить противъ, пусть знаетъ, что тотъ недостоинъ отвѣта, кто готовъ больше спорить, чѣмъ учиться."

Азъ бо язвы Господа Іисуса на тѣлѣ моемъ ношу. Какъ-бы такъ: вотъ вамъ отвѣтъ на всѣ ваши возраженія и всѣ недоумѣнія — язвы, которыя ношу. „Не хочу еще писать что-нибудь; вмѣсто письменъ показываю язвы и знаки поруганій, пусть они засвидѣтельствуютъ истину проповѣди. Ибо за нее готовъ я терпѣть все" (Ѳеодоритъ). „Язвы сіи оправдываютъ меня лучше всякаго слова, лучше всякаго голоса. Онѣ издаютъ голосъ сильнѣе всякой трубы, противъ враговъ моихъ, которые говорятъ, что я учу притворно, и говорю иногда въ угожденіе людямъ. Еслибы кто увидѣлъ окровавленнаго и покрытаго безчисленными ранами воина, вышедшаго изъ строя, сталъ ли бы обвинять его въ трусости и предательствѣ, когда сей на самомъ тѣлѣ своемъ носитъ доказательство своего мужества? Такъ же, говоритъ, должно судить и о мнѣ. И кто хочетъ слышать мое оправданіе и знать мои мысли, тотъ смотри на мои раны, которыя представляютъ доказательство сильнѣе сихъ словъ и обширнѣе сего писанія" (св. Златоустъ).

Ст. 18. *Благодать Господа нашего Іисуса Христа со духомъ вашимъ, братіе. Аминь.*

„Достаточно оправдавшись со всѣхъ сторонъ и увѣривъ, что ничего не сказалъ по гнѣву, или по нераспо-

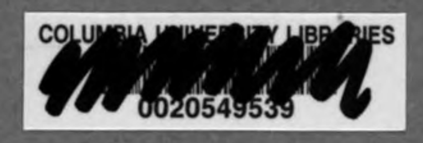
ложенію, а имѣетъ туже любовь къ нимъ неизмѣнною, наконецъ и еще подтверждаетъ тоже, заключая слово искреннимъ желаніемъ въ душѣ безчисленныхъ благъ и говоря: *благодать*... Симъ послѣднимъ словомъ наложилъ печать на все, прежде сказанное. Но не сказалъ просто: съ вами, какъ говоритъ въ другихъ посланіяхъ, а сказалъ: *съ духомъ вашимъ*, отклоняя ихъ отъ плотскаго и вездѣ указывая на благодѣянія Божіи и напоминая о благодати, которую они пріяли и которая достаточна уврачевать ихъ отъ всякаго іудейскаго заблужденія. Ибо какъ пріять Духа зависѣло не отъ немощнаго закона, но отъ оправданія вѣрою, такъ и удержать Его зависитъ не отъ обрѣзанія, а отъ благодати. Почему и заключилъ увѣщаніе молитвою, напомянулъ о благодати, назвалъ ихъ братіями, и призвавъ Бога, чтобы они постоянно наслаждались сими дарами, оградилъ ихъ двойною оградою. Ибо сказанное имъ есть и молитва, и вмѣстѣ полное наставленіе, и потому служитъ для нихъ вмѣсто двойной стѣны; поелику и наставленіе напоминающее имъ, какихъ благъ они удостоены, сильно могло удерживать ихъ въ догматахъ Церкви, а молитва, призывающая благодать, и умоляющая оную неотлучно пребывать въ нихъ, не попускала Духу отступить отъ нихъ. Когда же Духъ пребудетъ въ нихъ, тогда всякое ложное ученіе исчезнетъ, какъ прахъ" (св. Златоустъ).

„Будемъ и мы хранить сію благодать и не станемъ оскорблять Духа Святаго, Которымъ знаменались мы въ день избавленія (Еф. 4, 30); но умному сему свѣту, какъ нѣкій елей, принесемъ добрыя дѣла, чтобы, озаряясь имъ, шествовать намъ прямою стезею и достигнуть желаннаго конца пути о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ. Ему слава и держава, во вѣки вѣковъ. Аминь" (Ѳеодоритъ).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строк.*	*Напечатано*:	*Слѣдуетъ читать*:
45	6 сн.	ве	не
57	7 —	перефразируетъ	перифразируетъ
159	9 —	Варнава	и Варнава
192	16 —	отрицанія	отрицанія."
231	15 —	поймешь	поймемъ
238	12 св.	умоляетъ	умаляетъ
279	4 сн.	преискреннѣйшимъ	пріискреннѣйшимъ
291	8 —	и Искупителемъ	Искупителемъ
357	2 св.	разстраиваютъ	разстроиваютъ


COLU[redacted]IA U[redacted]Y LIBR[redacted]IES
[redacted]
0020549539

c. 1